

Д
ВГ

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНАЯ
СИЛА
ЧЕРНОЕ
ВРЕМЯ

ЭКСМО

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНАЯ СИЛА
ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ
РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ЧЕРНАЯ СИЛА
ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ

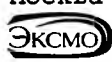
ОТЦЫ — ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕРНАЯ СИЛА
ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ

Москва

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Головачев В. В.

Г 61 **Черная сила. Черное время: Фантастические романы.** — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 672 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-14833-7

Ветви Дендроконтинуума предстоят глобальные изменения. И первое из них — вырождение человечества и освобождение от него звездных систем галактики. Однако для людей не все так безнадежно. Выход есть, но о нем пока не знает никто, кроме Клима Мальгина — мага и оператора реальностей, странно и загадочно исчезнувшего среди миров и времен. Следы ведут в будущее, где тоже есть люди, озабоченные судьбой Рода. Дар Железвич, княжич Светоруси, — отдаленный потомок интрасенса и одного из руководителей Сопrotивления Аристарха Железовского, — становится незаменимым помощником своего предка в войне с отеллоидами и их приспешниками, реализующими программу превращения Солнца в черную дыру.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-14833-7

© Головачев В. В., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ЧЕРНАЯ СИЛА

Роман

Человек — это особое существо, которому свойственна постоянная свобода принимаемых решений, невзирая на жизненные обстоятельства. Эта свобода включает в себя возможность быть как нечеловеком, так и святым.

*А. Портман. Биология и душа
1956 г.*

Довольно быстрая езда,
Закат,
Вечерняя звезда,
И незнакомые места.
Все это неспроста.

В. Пелевин. Элегия 2

Часть I

ВЧЕРА

ГЛАВА 1

Дар вышел на край поляны, окруженной гигантскими деревьями, и замер. Слуха коснулся тонкий стеклянный перезвон, перелетел через поляну, растворился в лесной чаще. В полусотне километров от Дебрянского лесного массива на острой вершине какого-то городского утеса зазвонил аргус, сторож защиты, открывая в полярной крыше утеса окно для приема грузомата. Эти огромные челноки, доставляющие необходимые для жизни города продукты и удаляющие контейнеры с отходами, прибывали все реже, и огромный мегаполис медленно умирал. Впрочем, как и остальные мегаполисы планеты, насколько знал Дар.

Он родился в ту эпоху, когда люди еще жили на Земле, в основном в городах, но цивилизации как таковой уже не было. Никто не ухаживал за городами, кроме автоматов и особых бытовых технологических систем, поддерживающих жизнедеятельность, однако ресурс техники постепенно иссякал, и Земля была покрыта едва ли не сплошным скоплением городских утесов, в которых жили потерявшие интерес

к познанию мира потомки тех, кто тысячи лет назад построил мегаполисы, способные прокормить, напоить, одеть и развлечь их население, соединил «струнами» мгновенного транспорта Солнечную систему со звездами Галактики и намеревался покорить Вселенную. Но грянула «тихая компьютерная революция», инициированная пришедшими к власти сторонниками абсолютной свободы личности, и наступила эпоха «интеллектуальной анархии», приведшая к страшной деградации человечества.

Первыми спохватились и забили тревогу те, кого называли интрасенсами и «сверхиндивидуалистами». Но было уже поздно. Повернуть процесс распада цивилизации — при полном материальном достатке и отсутствии духовных устремлений — не смогли и они.

Спустя тридцать веков после этого население Земли сократилось в тысячи раз. Мегаполисы еще функционировали благодаря долгоживущим квазиживым системам обслуживания, но жили в них сотни, от силы тысячи людей, проводящих время в бездумных развлечениях, имитирующих «светскую жизнь». Зато возродились общины — из потомков интрасенсов, хотя не все эти потомки и стали собственно интрасенсами, — на хуторах в лесах и на склонах гор.

Родился и жил Дар на хуторе Жуковец, принадлежащем духовно-родовой общине Дебряны, которая, в свою очередь, входила в состав Союза общин Светорусь.

Союз насчитывал семь общин, располагавшихся в урман-лесах между мегаполисами: Верховину, Гомль, Новгу, Псковь, Ур, Смолены и Дебряны. Несмотря на расстояния, разделявшие хутора и поселения Союза, он являлся реальной системой родового устройства и поддерживал единый порядок и мораль. Управляли Союзом Светлая Рада и князь. К моменту повествования князем Светоруси был отец Дара Бояр Железвич, родившийся в Дебрянах полсотни лет назад. Самому же Дару через день должно было исполниться двадцать лет, и теперь его ждало Испытание, заключавшееся в очищении одной из черноболей — так называемых «черных социумов», или технопатогенных зон. Ибо Дар готовился стать чистодеем — одним из немногих мастеров-чистильщиков общины, способных видеть невидимое, слышать неслышимое и тонко ощущать опасность. В общине таких,

как он, насчитывалось не больше десятка, Дар был самым молодым из них.

Младший Железвич имел репутацию натуры серьезной, любознательной, непростой, норовил искать точные ответы на все свои «как?» и «почему?», был сдержан, немногословен и потому казался загадочным и замкнутым, скрытным, особенно — молодым девушкам. С юности стремился к совершенству и полной самореализации, что помогло ему закончить школу и универсалий общины гораздо быстрее, чем сверстникам.

К двадцати годам он вплотную подошел к посвящению в мастера *живы* — древней системы выживания и рукопашного боя, основанной на изучении шести ступеней в л а д е н и я. Первая — физическое совершенство, вторая — способность сознательно изменять скорость химических процессов (владение физиологическими реакциями организма), третья ступень — гиперчувствительность, четвертая — уровень полевого оперирования, пятая — влияние на внутриядерные процессы, шестая ступень — уровень интуитивного предвидения будущего, что издревле называлось *сатори* — озарение. Правда, пятая и шестая ступени давались не каждому мастеру *живы*, так как превращали адепта в мощное живое оружие. По легендам, таких людей за всю историю посткомпативного человечества насчитывалось всего два десятка. Дар надеялся, что сможет стать одним из них. И не без оснований. Отец поощрял его интересы, а наставник общины все чаще призывал к осторожности, видя успехи ученика в ратном деле. И тоже не без оснований. Физически Дар был развит не хуже отца, известного атлета, имевшего мощную, с великолепной мускулатурой фигуру и стать, не обиженного силой и гибкостью, но выглядел более утонченным и элегантным. А вот терпения и способности вовремя остановиться ему иногда не хватало.

Лицо у младшего Железвича было твердое, широкоскулое, загорелое, тяжелый подбородок, большие, но по-мужски сильные губы, серо-голубые глаза, способные светлеть до пронзительной голубизны или становиться темными, как грозовое облако. Волосы он отпускал до плеч, так что они полностью скрывали его сильную шею.

Костюмы Дар предпочитал носить, сшитые мастерицами общины, — из естественных растительных тканей и пласти-

форов — под замшу, сукно или миткаль, хотя можно было бы носить и уники — универсальные комбинезоны, добытые в городах и принимающие любую форму. Его любимым цветом был светло-коричневый, а для разнообразия он надевал костюмы зеленоватого и темно-серого цвета. Вот и в нынешнюю ночь на нем отлично сидели «замшевая» куртка, свободного кроя штаны и мокасины. Пояс и нож в чехле довершали наряд.

Звон смолк.

В лес вернулась тишина.

На траву поляны лег голубовато-серебристый отсвет — вышла Луна. Всего лишь вчетверо ярче любой звезды, она тем не менее давала много света, хотя Дар знал, что много сотен лет назад Луна была в несколько раз ближе, чем теперь. Почему она стала удаляться от Земли, никто не знал, однако результат был налицо.

До границы черноболи оставалось еще несколько километров, но Дар поспешил перейти на гипервидение, требующее особого внимания. Ему не нравилась тишина вокруг болота и не нравилось око Луны, внезапно выглянувшее из-за туч. Вспомнилось предупреждение отца: «Будь осторожен, сынок. В наших лесах объявились странные черные люди, на мой взгляд — опасные. Они что-то ищут и могут встретиться на пути. Обходи их».

Дар сосредоточился.

Лес перед ним раскрылся в глубину, торжественно-тихий и таинственный, полный скрытого движения. Это был настоящий урман, раскинувшийся на десятки и сотни километров, состоящий из гигантских — под две сотни метров высотой — сосен, елей, осин. За ним никто не ухаживал, за исключением мест, где расположились поселения общины, и пройти через урман было непросто даже привыкшим к природным условиям мальгарам, как называли себя следопыты и охотники общины. Насколько знал Дар, урман-леса покрыли почти всю территорию Евразии между умирающими мегаполисами, скрывая не менее огромные и глубокие болота, возникшие больше двух тысяч лет назад в основном в районах черноболей. К одному из них, расположенному совсем недалеко от родового хутора Жуковец, всего в сорока километрах, и пробирался Дар.

О Вщижском болоте он знал с детства и много раз выхо-

дил к его границам во время детских забав или ученических походов, но никогда не думал, что станет первопроходцем черноболи. По легенде, здесь, между его родным хутором и мегаполисом Брянск, находилось когда-то владение Первого Мальгара, волшебника и оператора стихий, укротившего еще одного мага — Черного Шалама. И было это больше трех тысяч лет назад. Легенда передавалась из уст в уста боянами общины, и все родовичи Дара верили в ее правдивость. Однако Дар знал, что Вщижское болото на самом деле скрывает промышленную зону, комплекс строений аварийно-спасательной службы и полигон спасательного флота, занимавшие территорию Дебрянского заповедника в двадцать четвертом веке. Почему Светлой Раде понадобилось вскрыть зону черноболи и очистить от «техножизни», Дар не задумывался. Да и послушаться не мог, хотя и не понимал смысла чистодей-операции. Население общины не разрослось до такой степени, чтобы требовалось увеличение жизненного пространства, средств для существования хватало, черноболь не тревожила соседей, несмотря на то что площадь ее постепенно росла. И тем не менее задание было четким и недвусмысленным: проникнуть в зону, обезвредить активные сторожевые системы, определить центр управления защитой черноболи и заставить главный инк центра слушаться человека.

— Справишься с Испытанием, — сказал старший витязь Рады Боригор, — получишь допуск грифа и самостоятельную область ответственности. Не сможешь...

— Справлюсь, — ответил Дар...

Спину вдруг мазнул т е м н ы й — не прицельный или угрожающий, а рассеянно-анализирующий — взгляд.

Дар превратился в «пустой сосуд».

Взгляд миновал его, втянулся в стену леса. Так мог бы смотреть камень... или неживой предмет... хотя Дар был уверен, что взгляд принадлежал какому-то живому существу, хотя и очень чужому привычному миру вокруг. Уж не следит ли за ним тот самый черный человек, о котором предупреждал отец?

Дар рассеянно огляделся.

В центре поляны высился мравль — «замок» рыжих муравьев, санитаров леса. Муравьи были величиной с палец, и с ними лучше было не связываться.

Над лесом в молчании пролетел вран — стая ворон, организованная в почти разумную систему, живущую по своим птичьим законам. Враны нередко налетали на поселения людей и доставляли немало хлопот защитникам общины.

Но ни мравль, ни вран не могли смотреть так слепой и в то же время оценивающей, как тот, чей взгляд почуял на своей спине молодой человек. Возможно, это посмотрел на него некий датчик охранной системы черноболи, не пускающей на ее территорию посторонних, но Дар не был уверен в этом стопроцентно. А так как он был приучен прежде разбираться в непонятном явлении, а уж потом следовать прежним курсом, что не раз оправдывало задержку, то решил до конца выяснить причину, насторожившую защитную систему организма.

Мрак в чаще леса еще больше поредел, отступил: это заработал «третий глаз», раздвинувший диапазоны видения. И почти сразу в сотне метров от поляны Дар заметил неподвижную черную — не просматриваемую внутренним зрением — фигуру. Точнее — *тень*. Она склонилась над телом какого-то живого существа и явно присматривалась к нему.

Температура тела существа была ниже тепловкровного стандарта — не более пятнадцати градусов, то есть держалась на уровне температуры воздуха, но, судя по колебанию пси-фона, существо еще было живым. А вот *тень*, застывшая над ним, имела нулевую температуру, что вызывало удивление и протест. Удивление — потому что объект не мог иметь такую температуру, не поддерживая ее искусственно, а протест — потому что *тень* казалась живой и неживой одновременно.

Затем Дар увидел еще одну такую же *тень* — чуть ближе первой, и тоже — рядом с телом существа с пониженной температурой. Точнее — в окружении десятка этих существ. Там явно что-то происходило, несмотря на тишину и неподвижность всех действующих лиц.

Спины коснулся знакомый темный взгляд.

Третья *тень*!

Сзади!

Совсем близко!

Как же ей удалось подобраться, не затронув «щупалец» сторожевой системы?!

Дар сдвинул уровень владения, ускоряя темп жиз-

ни, и, словно дождавшись этого момента, вокруг началось движение, прекратившееся перед тем, как он появился в поле зрения черных теней.

Существа, сопровождавшие тени, зашевелились, издавая слабые квакающие звуки. Они оказались кваггами или, как их называли сородичи Дара, лягунами. Вероятно, они до этого прятались за кочками и пнями на берегу ручья, вытекающего из болота, а теперь пытались убежать.

Сдвинулись с места и существа-тени, практически невидимые человеческому глазу в лесном мраке.

Те, что находились подальше, рядом с лягунами, метнулись к этим метрового роста созданиям, настигая их и касаясь каждого струей черного тумана, от которого лягуны падали и больше не вставали. Ближайшая же к Дару *тень* вдруг скользнула к нему, почти так же быстро, как и он сам, и ветер смерти взъерошил волосы на затылке молодого человека! *Тень* обозначила намерение напасть и убить, хотя никаких причин к такой реакции лесной твари Дар не видел.

Однако размышлять об этом он стал после. Ему предложили с и т у а ц и ю, и он привычно решил ее в свою пользу, ответив на вызов адекватно предлагаемым условиям игры.

Устремился навстречу, бесшумно и упруго, не потревожив ни сучка под ногой, ни ветки дерева, ни листика. Послал вперед тугую волну воздуха, создавшую впечатление массивного движения — словно кабан мчался по лесу, треща ветками, и круто изменил траекторию бега.

Вовремя!

Тень, ощущаемая уже не бесплотным призраком, а тяжелым двуруким и двуногим существом массой под сотню килограммов (столько же весил сам Дар), вдруг метнула ручей неяркого голубоватого пламени, ударивший в центр воздушной волны. И колебания в душе Дара — правильно ли он оценил ситуацию? — прошли. В него только что выстрелили из какого-то электрического разрядника! На доброжелательное приветствие это походило мало.

В двух метрах от противника, остававшегося не светящимся во всех диапазонах зрения, Дар снова изменил направление бега, и вторая молния тоже прошла мимо. А затем он вышел в зону прямого поражения противника и сделал два мгновенных удара: физический — спиралевидный выпад

руки и энергетический — гасящий злобные замыслы. Но тут же вынужден был продолжить схватку!

Противник не остановился, хотя и потерял оружие: удар ребром ладони выбил из его руки (лапы?) некий металлический предмет, метавший молнии.

Если бы Дар остановился, он бы проиграл ночной бой. Периферию сознания посетила мимолетная мысль: уж не является ли этот неспровоцированный бой частью Испытания?.. Мысль мелькнула и погасла. А тело продолжало двигаться в прежнем темпе, решая возникшую задачу и подчиняясь н е м ы с л и — подсознательной сфере предвидения и интуиции. Спрашивать у противника, почему он так агрессивен, было некогда.

Тень двинула конечностью, внезапно удлинившейся на метр, словно она была сделана из резиноподобного материала.

Дар пропустил удар над плечом, перехватил конечность, одновременно отбивая выпад ноги (нижней конечности) врага, и попытался провести болевой прием. Но не смог! Рука противника потеряла упругость и твердость живого тела, обвисла веревкой, потекла струей жидкости! Но откуда-то вынырнула еще одна конечность — третья! — находя голову чистодоя, и молодой человек едва успел отреагировать на выпад, подставив локоть.

Ахнуло, будто молотом!

Отброшенный на два метра, не чувствуя руки от боли, Дар скользнул вокруг противника по ломаной кривой, имитируя атаку, озадаченный непонятностью происходящего. Затем снова пошел на сближение.

Тело противника по-прежнему казалось сплошным слитком металла или резины, даже «третий глаз» не давал возможности Дару найти в этом черном пятне активные точки и нервные узлы, на которые можно было бы воздействовать дистанционно, поэтому схватка продолжалась до тех пор, пока он не разозлился и не нанес мощный, с выплеском энергии, удар в голову *тени*. И этот простой прием оказался действеннее хитрых комбинаций и атак комплекса *живы*.

«Резино-металлический» человек взлетел в воздух и ударился всем телом о толстый ствол сломанной осины, сплюсываясь и разлетаясь струями и брызгами черной субстан-

ции! Струи эти и тело чужака расплылись лужами по земле, по лужам пробежала рябь, и все успокоилось.

Опустив руки, глядя в изумлении на то, что осталось от противника, Дар не сразу пришел в себя. Потом вспомнил о приятелях чужака и восстановил сферу полного видения обстановки.

Пока он сражался с незнакомцем — на это ушло около двух минут, — его приятели-*тени* успели уложить почти всех лягунов и гнались теперь за тремя оставшимися в живых, уходившими к болоту. Словно почуяв, что их соратник потерпел поражение, одна из черных фигур тут же повернула назад, двинулась навстречу Дару. До нее было около ста метров, но Дар все же ощутил и непоколебимую уверенность чужака, и его бесстрашие, и равнодушную целеустремленность. Такая целеустремленность больше была присуща машине, нежели живому существу, и это наводило на мысль о лабораторном происхождении людей-*теней*. Возможно, они были искусственными существами, киборгами.

Дар прикинул варианты предстоящего поединка, нырнул в заросли гигантской крапивы, но сделал крюк и вернулся к месту боя с первой *тенью*. Глянул на лужицы и капли того, что осталось от противника: показалось, что они колышутся, текут, собираясь в более крупные конгломераты. Однако времени на оценку происходящего не было. Пообещав попозже разобраться с «жидким трупом» врага, Дар подобрал его оружие — странной формы пистолет с когтистой рукоятью и дырчатым дулом — и снова помчался в чащу леса, наметив точку встречи с напарником первой *тени*.

Пути их пересеклись там, где и рассчитывал молодой катарсид, — у подножия холма с пробитым куполом древнего строения на вершине. Холм зарос древовидными хвощами, стволы которых были насыщены ядовитым соком. Лесные звери и люди обходили такие заросли стороной, так как сок мгновенно разъедал кожу, а язвы заживали медленно. Однако Дара специально учили использовать такие природные ловушки, поэтому он знал, как обращаться с опасными растениями.

Выждав несколько секунд, он скользнул в чащу бутылковидных, с наплывами и вздутиями, стволов, не дотрагиваясь до них.

Черный человек, не задумываясь, бросился за ним. Но задел ствол хвоща.

Тотчас же раздался сочный треск, и на преследователя из лопнувшего наплыва с хлюпаньем вылился водопад сока. Раздалось шипение. Черный с фырканием метнулся в сторону, наткнулся на соседний ствол, и на него обрушился еще один фонтан сока. Затем третий, четвертый, пятый. Ошалеv, незнакомец заметался по зарослям хвощей, с трудом сориентировался и наконец выбрался назад, к подножию холма, весь облитый липким соком и облепленный комьями коры хвощей и лесным мусором. Тут его и встретил Дар, отметив про себя, что сок не разьел одежду и тело противника, а лишь затруднил ориентацию. Впрочем, этого для реализации замысла вполне хватало.

Дар выбил из лапы незнакомца пистолет и страшным ударом «молота» отбросил его к выпиравшему из почвы валуну. Еще в полете черная *тень* расплескалась на капли и ручьи черной субстанции, словно она действительно представляла собой заполненный жидкостью пленочный сосуд в форме человеческого тела.

Проследив за падением жидких фрагментов противника, Дар огляделся и снова нырнул в лес. Третья черная *тень* продолжала гнаться за лягунами, которых становилось все меньше и меньше. Настигла одного, ударила. Обитатель болот упал.

Черный оглянулся: Дар ощутил злой высверк его псиполя, — но не остановился, снова начал преследование. Дар ускорил движение, превращаясь в текучую струю ударной волны, оставляя позади струнное гудение воздуха.

Они столкнулись на узкой прогалине, поросшей густой мшавой, но без кустарника и грибной поросли. Луна выглянула из-за туч в этот момент, и Дар наконец смог разглядеть противника в обычном световом диапазоне.

Он и в самом деле был черным с ног до головы. Ни одного намека на одежду. Бликующая кожа-пленка обтягивает мускулистый торс, толстые бедра, икры, плечи, руки и голову, оставляя открытыми лишь светящиеся белые глаза. Черные уши, черный нос, черные губы. Негр, да и только, одетый в пленочный защитный комбинезон. Кто бы мог представить, что под этой пленкой не человеческое тело, а некая

квазижидкость... или квазиметалл. Человеком это странное существо не было, хотя и имитировало его фигуру.

Оно взмахнуло рукой (рука удлинилась чуть ли не на полтора метра), нанесло удар лягуну, и болотный житель с жалобным вскриком сунулся носом в траву.

— Зачем? — глухо проговорил Дар, давя шевельнувшийся в душе гнев.

Черный человек несколько мгновений смотрел на него, высокий, сильный, ощутимо чужой, стоя абсолютно неподвижно, как статуя. Затем направил на Дара оружие.

Они выстрелили одновременно.

Только Дар при этом «качнул маятник», уклоняясь от разряда, а его противник — нет. Молния электрического пистолета вонзилась в грудь черного человека, и тот разлетелся во все стороны клочьями и каплями черной жидкости. Из чего бы ни был сделан этот экзотический «киборг», особой прочностью материал его тела не обладал.

Дар подбежал к лягуну, которого перед этим ударил черный человек.

Метрового роста зеленокожее чешуйчато-пупырчатое существо с почти человеческим лицом и огромными, с кулак величиной, светло-желтыми глазами — зрачки у лягуна были щелевидные, узкие, горизонтальные — лежало в траве и смотрело на человека с безмерной покорностью, безысходностью и тоской. Левая передняя лапа торчала у него под углом к телу, перебитая ударом, бок пробороздила рана, из которой сочилась прозрачно-зеленая кровь, шейный мешок под подбородком мелко дрожал.

Дар покачал головой, наклонился над телом жителя болот. Тот дернулся, попытался отодвинуться, отталкиваясь задними перепончатыми лапами; передние конечности лягунов не имели перепонки и были похожи на человеческие руки с длинными гибкими пальцами, гнущимися во все стороны. Дар изучал науки, в том числе сравнительную биологию, и знал, что предками кваггов несколько тысяч лет назад были обыкновенные земные лягушки. А спусковой пружиной мутации послужили как раз «черные социумы» — черноболи, до предела загрязненные промышленные зоны, полигоны и районы техногенных катастроф. На территории Светоруси — бывшей России — насчитывалось три десятка

таких зон, в Европе — чуть больше, в Азии — больше сотни, в Америке — больше пятисот.

— Успокойся, — мягко, ласково, доброжелательно проговорил Дар, — я подлечу тебя.

Лягун замер, продолжая с кроткой покорностью глядеть на спасителя немигающими, полными влаги глазами.

Дар присел над ним на корточки, медленно повел ладонями над лапой существа, закрыв глаза, переходя на «нервное зрение». Лягуны были холоднокровными созданиями и спектр психических излучений имели отличный от человеческого, но Дару это обстоятельство не помешало определить источники боли — сломанные кости, разорванные сухожилия и сосуды. Через минуту он унял хлещущую из раны кровь, снизил боль, заблокировав поврежденные нервные окончания, и соединил концы сломанной кости. Большого сделать он не мог, не хватало знаний и опыта лечения болотных созданий.

— Потерпи малость, я отнесу тебя к сородичам.

Дар подхватил скользкое холодное тело лягуна на руки, понес, выбрав кратчайшее направление к болоту. Лягун не сопротивлялся, притих, сознавая, что ему пытаются помочь.

Где-то сзади возникли очаги подозрительного пси-волнения, спину погладил неприятный взгляд.

Дар оглянулся, уже понимая, что это означает.

Конечно, провожали его недобрыми взглядами не лесные звери. Ожили «разбрызганные» им черные «киборги». Но преследовать не стали. Сошлись вместе в двух километрах от границы леса, некоторое время «совещались» и подались прочь, на юг, к ближайшему городскому утесу Брянска.

Дар облегченно вздохнул, слегка расслабился. Биться со всеми тремя тварями ему не хотелось. Впрочем, и они не горели желанием отомстить обидчику, испытав его силу.

«Надо будет предупредить мальгаров, — мелькнула мысль. — Отец прав, эти черные псевдолюди опасны. Известно, чем бы все закончилось, наткнись они на хуторян, не сведущих в ратном деле...»

Под ногами зачавкало.

Граница болота.

«Все, дружище, дальше я тебя не потащу, зови сородичей».

Дар преодолел еще полсотни метров, нашел край топи и опустил лягуна в промоину с водой.

— Доплывешь?

Болотный житель проворно заработал нижними конечностями, обернулся. Глаза на пол-лица, умные, все понимающие, с непонятым выражением глянули на человека.

«Может, они и в самом деле разумны?» — подумал Дар.

— Плыви, плыви, лечись. И больше не попадайся этим выродкам. Знать бы, зачем они вас преследовали...

Лягун издал тихий квакающий звук, словно поблагодарил спасителя, и бесшумно нырнул в затянутую ряской и водорослями воду.

— Прощай, — прошептал в ответ Дар.

Кто-то снова посмотрел на него — сверху. Он поднял голову.

Над лесом пролетала стая черных птиц — вран.

ГЛАВА 2

Луна снова скрылась за медленно ползущими тучами.

Климатические установки глобального контроля погоды давно не работали, балансировый мониторинг природных экзон никто не проводил, и Земля вернулась к самообеспечению влагой, температурным перепадам и геологическим подвижкам, пытаясь исправить последствия давления на природу технологического «гения» человека. Дар знал, что планета постепенно отдаляется от Солнца, как отдалялась от Земли Луна, что вследствие каких-то экспериментов на Меркурии тысячи лет назад дневное светило изменило спектр излучения, температура его верхнего слоя — фотосферы упала на пятьсот градусов, и теперь сквозь атмосферу Земли оно выглядело не столь ярким, как прежде.

Триста лет назад магнитные полюса Земли скачком сместились, так что экватором стал тридцать третий меридиан. Климат обеих Америк и Восточной Азии резко ухудшился, в зону благоприятных природных условий вошли Сибирь и Центральная Индия. Недаром общины интрасенсов селились в основном именно в экваториальном поясе, позволявшем жить безбедно даже на «природном довольствии», хотя поселения имели и вполне современное бытовое оборудование, позаимствованное в умирающих мегаполисах.

Территория Светоруси простиралась от болот Пскови на севере (бывшем), точнее, от городских утесов Пскова, до Тьмутомска на юге (бывшем востоке), граничащего с Уны-лосибирском.

Хутор Жуковец, где жил Дар, считался северным форпостом общины. Условия здесь сложились не слишком суровые — из-за огромных болот, не замерзающих даже в лютые морозы, поддерживающих температурное равновесие и водно-воздушный баланс. Летние температуры здешних мест редко превышали плюс двадцать пять градусов, а зимние — минус двадцать. Дар искренне считал, что это лучшее место во всей Евразии. Во всяком случае, жить в Новге, где летняя жара зашкаливала за сорок градусов, ему не хотелось.

Из-за леса прилетел звенящий гул, быстро стих.

Дар очнулся, привычно сориентировался во времени.

Два часа ночи. А он еще даже не дошел до границы черноты! Успеть бы выполнить задание до рассвета! Рада просто может не засчитать Испытание, стыда не оберешься!

Он ускорил шаг, загоняя в глубину памяти столкновение с черными людьми и спасение лягуна. Об этом можно было поразмышлять и позже, в спокойной обстановке. Однако пришлось задержаться еще на полчаса, чтобы восстановить значительно ослабшую энергетику организма и утраченное равновесие.

Дар нашел гигантский дуб, произвел рекогносцировку местности, вычисляя наличие очагов опасности, не обнаружил таковых в пределах дальнего действия «третьего глаза» и приник всем телом к шершавой, трещиноватой, толстой коре дерева, возраст которого явно превышал две тысячи лет.

Сначала пришло ощущение огромной живой массы — великан обратил внимание на прижавшуюся к нему букашку-человека. Затем душу наполнил невероятный покой. А спустя мгновение Дар «превратился» в дерево, точнее, в систему связанных общим биополем деревьев и осознал себя многоногим и многоруким колоссом, обнимавшим всю планету!

Голова налилась светом. Сознание эйфорически поплыло в туман блаженства и небытия.

Дар глубоко вздохнул, с трудом оторвал себя от энергетической сети леса. Через минуту голова перестала кружиться. Из тела ушли усталость и нервная дрожь, появилось же-

ление жить и двигаться. Он расправил плечи, еще раз оглядел «горизонт» пси-видения «третьим глазом» и направился к лесному клину, вдававшемуся в болото и упиравшемуся в сердце черноболи.

Волки проводили его внимательным взглядом — их семья жила в бору, возле мшаника, но беззлобно, принимая за равного. Спавший вполуха лось встрепенулся, вскинул морду и опустил, не чуя угрозы. Лишь мравль на поляне, чутко дремлющий, охраняемый муравьями-наездниками (для своих целей они использовали прирученных ос), не изменил своего отношения к человеку, смотрел подозрительно, грозно, враждебно, словно ждал нападения. Мравли, в обилии возникшие в лесах вокруг хутора, так и не стали друзьями общинников, хотя их интересы в большинстве случаев и не пересекались.

Дар неслышимым призраком перелетел осиновый дол, вышел к краю болота. В лицо пахнуло болотными запахами, и одновременно кожу на лице укололи тонкие иголки: нервная система отреагировала на «ветер» внимания, лившийся со стороны черноболи осязательным силовым потоком. Сотни, если не тысячи, лет назад «черные социумы» были огорожены, заблокированы, накрыты силовыми куполами и завесами, по мысли их создателей способными ограничить доступ к ним «криминальным элементам», а также преградить путь «нежити», обитавшей в «социумах» и дурно влиявшей на цивилизацию. Едва ли это было правильным решением, так как промзоны и районы техногенных катастроф надо было просто чистить и превращать в экологически благоприятные территории. Но подумали об этом поздно, а может быть, и не думали вовсе, и к нынешнему времени сторожевая автоматика продолжала «не пушать» в зоны людей, не имеющих допуска, хотя это уже и не имело особого смысла.

Черноболь Дебрянских болот представляла собой закрытый силовыми завесами периметр: сто два километра в длину, сорок три километра в ширину. Лишь недавно мальгарам общины удалось выяснить — взломав архивы Брянской управы, — что скрывалось за недоступным силовым забором «черного социума». Теперь Дару предстояло проникнуть на его территорию и заставить главного инк-управляющего зоны открыть входы и отключить защитные системы.

Геометрически четкий профиль черноболи возник перед

внутренним взором кисейно-серой пеленой с вкраплениями более темных зерен и более светлых окон. Зерна означали места установки силовых эффекторов, окна — провалы в завесе, места ослаблений силового поля. Попасть внутрь зоны можно было только через них, хотя протискивание сквозь энергобарьер, пусть и невысокой плотности, ничего хорошего не сулило.

В тучах, закрывших небосклон, возникло струящееся сияние. Оно стекло спиралью вниз, на купол черноболи, заставив содрогаться силовую завесу. Сухие грозы были редким явлением, и Дар замер, заинтересованный, глядя на судороги защитных стен. Впервые он стал свидетелем попадания медленного электрического разряда в ограждение черноболи.

Сияющая спираль между тем собралась в сетчатый шар, перекачивающийся по крыше зоны. Серая вуаль энергетических завес начала пульсировать, в ней появились сгущения и разрывы.

Дар внезапно осознал, что может воспользоваться случаем, и метнулся вперед, переходя на легкоступ. Он давно овладел третьим уровнем *живы* и мог уменьшать вес тела (либо увеличивать, в зависимости от решаемой задачи), а также оперировать электромагнитными полями небольшой мощности.

Прыгая с кочки на кочку, пролетая сразу по десятку метров, молодой человек перебежал край болота и с ходу нырнул в одну из возникающих «дыр» в силовой пленке.

Кожу всего тела словно обожгло кипятком! Свет в глазах померк. Волна боли прокатилась по нервным узлам, вонзилась в голову, гася сознание. Но он был уже на той стороне!

Очнулся от нехватки воздуха.

Он лежал на склоне оврага лицом в черной жиже. Поднял голову, не спеша прочищать рот и глаза, включил сенсорное зрение «третьего глаза».

Гроза закончилась. Небо не светило, шар голубоватого свечения уже не катался по ограждению черноболи, заставляя силовые поля плясать и рваться. Защитная завеса-вуаль с россыпью искр тихо гудела в десятке шагов за спиной. Он все-таки преодолел ее!

«Повезло», — пришла отстраненная мысль. Если бы не

гроза, пришлось бы искать окно, и еще неизвестно, сколько бы на это ушло времени.

Он поднялся, нашел зеркальце чистой воды, умылся, почистил куртку и штаны, затем снова включил всю нервную систему в режим гипервидения.

Горизонт послушно раздвинулся. Стали видны детали ландшафта.

Территория черноболи представляла собой плоское поднятие — метров на пять-шесть — над уровнем окружавшего его болота и леса. Кое-где она была покрыта тарелкообразными воронками и конусовидными холмами, поросшими кустарником. Ее северную часть, где находился в данный момент Дар, разрывали овраги, также заросшие кустарником и травой. Центральная часть скрывалась под шкурой странного великаньего леса: стволы деревьев были очень толстыми, но кроны на высоте тридцати метров упирались в силовую завесу и расползались гигантскими зонтиками, сплетаясь в единую растительную крышу.

Кроме холмов и леса, ничего примечательного на всем пространстве черноболи Дар не заметил. Если здесь когда-то и располагались какие-то постройки, они давно разрушились от времени. Странно, что не отключились генераторы, поддерживающие силовую изгородь зоны.

Дар осмотрелся, разочарованный. Вряд ли стоило тратить силы, напрягаться, искать центр управления этого «черного заповедника», чтобы отключать его защиту. Ничего жизненно важного здесь не сохранилось.

Он еще раз оглядел местность, добросовестно выискивая узлы энергосвечения и выходы металла. И вдруг понял, что холмы, поросшие густым обдерником и травой, представляют собой... какие-то искусственные сооружения! Под двухметровым слоем земли скрывалась металлическая или скорее металлокерамическая оболочка, сплетение труб, этажерчатые каркасы и мешанина разной формы емкостей.

— Полигон спас-флота! — прошептал Дар. — Конусы и купола — это звездные корабли... а этажерки — здания... Отлично! Теперь надо определить, где прячется бункер управления защитной системой...

Он поднялся на небольшой пригорок, проник внутренним взором в его глубины и увидел смутные очертания металлического «блюдца». Под толщей земли прятался ка-

кой-то старинный летательный аппарат. Или защитный колпак шахты.

Похоже, здесь вся территория засеяна подобными «семенами». Найти бы действующий летак...

Дар загорелся было, обшаривая окрестности «лучом» гиперзрения, потом остудил свой порыв и сосредоточился на поиске и пеленгации энергетических всплесков. Не стоило ждать халявных подарков там, где требовались терпение и полная самоотдача.

Вскоре обнаружили действующие энергетические источники: три в той части черноболи, где высились холмы-звездолеты, и два в центре зоны, где располагались бугристо-складчатые структуры с этажерчатым каркасом. Дару хотелось проверить сначала конусы космических кораблей, в которых еще теплилась механическая жизнь, но времени до конца ночи на исследование более важных — с практической точки зрения — объектов могло не хватить, и он предпочел не отвлекаться на «мелочи». После разминирования черноболи можно было вернуться сюда и обследовать холмы. Судя же по равномерной пульсации электромагнитных полей, этажерка в центре представляла собой заплывший землей за тысячи лет центр управления полигоном и древним комплексом спас-флота.

Убедившись в очередной раз, что препятствий на пути к центру черноболи нет, Дар перешел на легкоступ и за час преодолел двадцать километров, что отделяли его от длинного холма, поросшего древовидной малиной, хвощами, орешником и жасмином. Внутри холма прятался некий технологический комплекс, до сих пор излучавший электромагнитные импульсы низкой частоты и радиоволны.

Никто не попался на пути, хотя территория черноболи мертвой не была. Здесь жили как мелкие животные — грызуны, ежи, змеи, так и крупные — волки, медведи, козы и олени. Все они предпочитали селиться в островах леса и на равнинные участки, поросшие травой, и на песчано-пустынные зоны предпочитали не забредать. А птиц Дар не увидел. То ли они спали, то ли было их совсем мало.

Не побеспокоили гостя и технические устройства, летающие аппараты или автоматические механизмы, которые должны были охранять покой «черного социума». То ли они не заметили переход границы человеком, то ли давно выра-

ботали ресурс и умерли от старости. В свое время Дар уже встречался с защитниками черноболей и знал, что справиться с ними нелегко. Не всегда можно было подключиться к их управляющим системам в режиме «один на один» и нейтрализовать целевую программу. Не поддающихся же перепрограммированию роботов приходилось уничтожать.

Дар невольно потрогал разрядник в кармане куртки, захваченный на поле боя с черными людьми. Он взял его с собой скорее из любопытства, а не для самообороны, да и хотелось показать оружие экспертам Рады. С таким Дар еще не сталкивался, хотя в арсеналах общины хранились и более мощные излучатели и разрядники, от «универсалов» до лазерных бластеров и «глюков». Община ни с кем не воевала, однако в прошлые времена ей часто приходилось защищаться от городских суперменов беривсеев и банд хочущников, внезапно заявлявших права на землю, которых у них, конечно, не было, или пытавшихся забрать с собой девушек общины. Тогда мальгары брались за оружие, так как гости были, как правило, вооружены.

Холм разлегся перед молодым катарсидом огромным двугорбым динозавром, уснувшим на земле между языками леса. Высотой в сто метров и длиной в три с лишним километра, этот динозавр впечатлял. Гиперзрение Дара позволяло видеть сквозь толстые стены, и он быстро сориентировался в расположении внутренних пустот холма. Естественно, это было не природное образование. Под многометровым слоем почвы скрывалось старинное здание, не выдержавшее бремени веков, но все же сохранившее в глубине работающие технические системы и свободные от земли помещения.

Сосредоточившись на поиске нор и щелей, которые могли бы послужить входом в заплывшее землей здание, Дар медленно двинулся вокруг холма, продолжая параллельно контролировать обстановку на близлежащей территории.

Луна выглянула из-за туч, посеребрила траву и заросли колючего тугая. Из-под сгнившего ствола какого-то дерева с шипением поползли змеи, но, столкнувшись с ментальным «запахом» человека, поспешили скрыться в траве. Змей Дар не боялся, он знал, как их можно было успокоить или напугать.

Внезапно нос почуял некий запах, знакомый и чужой одновременно. Дар остановился, приняв себя. Боже правый,

да это же запах черных людей, с которыми он недавно сражался! Неужели они опередили его?! Или, наоборот, побывали здесь раньше?

Сердце забилося чаще. Заработали все нервные связи и уровни владения. Диапазон зрения скачком расширился. Стали видны стены здания и то, что скрывалось за ними. Открылось смутно видимое пространство в глубине холма, большой зал с громадами каких-то устройств с мигающими огоньками и световыми пунктирами. Но жи в о г о движения внутри здания не было. Если кто-то и побывал здесь до молодого чистодоя, то давно удалился.

Дар двинулся вперед, ловя чуткими ноздрями слабые струйки чужого запаха, и вскоре увидел примятую траву, сломанные ветки кустарника и темный провал на склоне холма, на высоте двух десятков метров. Именно в этом месте и проникли в здание те, кто пришел сюда раньше Дара. Черные люди. Интересно, что они искали?

Дар хмыкнул, вынул из чехла нож и осторожно полез вверх по крутому склону холма, рассекая жгучие стебли крапивы и сшибая колючки шиповника.

След черных людей привел его к двухметровой норе в почве, уходящей в темноту. Судя по свежему языку песка и глины, протянувшемуся от норы, она была прорыта совсем недавно. Проверив, не ждет ли его засада впереди, а также не наблюдает ли кто со стороны, Дар полез в дыру, готовый к любой неожиданности.

Шестиметровой длины ход привел его к пролому в стене погребенного под землей здания. Пролом был проделан явно каким-то взрывом направленного действия, и его края серебрились пленкой металлической глазури. За ним начинался широкий коридор, удивительно чистый, если не считать толстого слоя пыли, в которой отпечатались следы проходивших здесь людей. Впрочем, отпечатки мало походили на следы подошв человеческой обуви, они были овальными, без рисунка и каких-либо деталей. Очевидно, здесь и в самом деле побывали черные люди-тени, объявившиеся потом в лесу, у болота. Скорее всего они возвращались из черноболи, и Дар случайно наткнулся на них, устроивших зачем-то охоту на лягунов.

Коридор повернул. Однако дальше ход упирался в тупик.

Потолок коридора в этом месте был проломлен, и в дыру высыпалась на пол гора земли и камней.

Дар поискал следы, обнаружил дверь, пробитую насквозь тем же оружием, что и стена здания. Осторожно протиснулся в дыру, огляделся.

Помещение тоже оказалось завалено горами земли и мусора, но между ними можно было пройти.

Стена. Звездообразный пролом в ней. Соседнее помещение. Горы песка и обломков оборудования вперемешку с кусками стен, глыбы мертвых машин. Снова стена, дыра, коридор. Следы. Те, кто их оставил, упорно шли вперед, точно зная, где и что искать, не отвлекаясь на изучение попадавшихся на пути механизмов и комнат. Дар не удивился, когда следы привели его в тот самый зал, где располагались громады технических устройств и слабо пульсировала электрическая жизнь. Терминал — всплыло в памяти название специализированного комплекса аппаратуры для управления и связи.

Терминал работал. Во всяком случае, отдельные его устройства подмигивали индикаторами и световыми нитями. Дар уже встречал подобные устройства, поэтому со знанием дела выбрал то, какое представлялось ему главным.

Форму его описать было сложно.

Устройство — интерфейс инка, как сказал бы главный эксперт общины по инконике, — представляло собой конгломерат конусов, сфер и зеркальных окон, однако это и в самом деле оказался инк здания, вернее, управитель всей закрытой зоной черноболи. Только в нем кто-то успел покопаться, сняв несколько панелей и ребристых крышек. Панели валялись на полу, в толстом слое пыли, расколотые или обуглившиеся.

Дар подошел ближе, разочарованный и возмущенный картиной постороннего вмешательства в работу терминала. Он готовился подключиться к инку и пообщаться с ним один на один, выяснить особенности зоны и снять блокировки. Теперь же, судя по отсутствию реакции охранных систем на проникновение в зал, ему досталось взломанное компьютерное хозяйство. Непрошенные гости, заявившиеся сюда на несколько часов раньше — а, кроме черных теней, сделать это было некому, — тоже подключались к операционной системе и вполне могли повредить ее мозг.

Дар оглядел кактусовидный нарост на вогнутой панели устройства — вириал управления, по терминологии специалистов. Вириал не светился, лишь изредка помаргивал оранжевым глазком и выглядел грустным. Человека он не видел, хотя должен был отреагировать на его приближение включением светового панно.

— Включись! — негромко скомандовал Дар.

«Кактус» вириала продолжал сонно моргать глазком, цвет которого указывал на какие-то отклонения в работе систем.

Тогда Дар нашел на «кактусе» знакомые детали и выдернул один из шершавых шипов с чашечкой на конце. Вставил шип в гнездо на «ухе кактуса». Над гнездом вспыхнул алый огонек.

— Контроль функционирования! — скомандовал молодой чистодей.

Над вириалом взлетел рой голубоватых искр, сложился в колеблющуюся фигуру — нечто вроде качающегося человеческого пальца. Одновременно из скрытых динамиков раздался хрипящий голос:

— Предъявите допуск!

— У тех, кто тебя вскрыл, ты допуска не спрашивал, — проворчал Дар. Добавил: — Раскрой операционное поле! Дай связь!

Палец еще покачался некоторое время (шутники, однако, настраивали машину) и пропал.

В зале внезапно зажегся яркий свет.

Напротив громады устройства с «кактусом» вириала выросло из пола метровое, стеклянно-металлическое на вид яйцо, раскрылось бутоном лилии, но не до конца. То ли не хватило энергии, то ли сбилась программа операционного объема. Кокон оператора так и остался разверстым наполовину.

— Понятно, — пробормотал Дар. — Старость — не радость... Включи мыслесвязь!

Из левой дольки «кактуса» вылез усик с алой вишенкой на конце. Вишенка вспенилась и превратилась в дугу с наушниками. Дар натянул дугу на голову, сосредоточился, отсекая лишние мысленные шумы.

«Ты меня слышишь?»

«Наш контакт не санкционирован, — раздался в голове

шипящий мыслеголос инка. — Назовите уровень допуска и код».

«Мне не нужны секретные материалы. Ответь на несколько вопросов, не затрагивающих зону допуска».

Шипение мыслеголоса усилилось. Инк-управляющий комплекса пытался определить границы своей компетентности в вопросах, «не затрагивающих границы допуска».

«Мой банк данных поврежден».

«Кем?»

«Они не представились».

«Как они выглядели?»

«Человекоподобные... тела черного цвета... температура тел около нуля градусов по Цельсию...»

— *Тени...* — пробормотал Дар.

«Не понял».

«Сколько их было?»

«Трое».

Дар кивнул сам себе. Теперь он окончательно убедился в том, что в лесу ему встретились именно те, кто до встречи побывал в черноболи. Вопрос: что они здесь делали?

«Что они искали?»

«Насколько мне удалось разобраться, им потребовались географические координаты местечка под названием Вщиж. Но я не уверен. Они взломали защиту, нейтрализовали охраненные системы и уничтожили базу данных».

«Странно, — озадачился Дар. — Зачем им координаты старинного хутора?»

«Не знаю».

«Ты имел эти данные?»

«Косвенные. Край полигона выходит на Вщижское болото».

«И все?»

«Я сторож полигона, а не геоинформарий... — Голос инка зашипел сильнее, стал невнятным. — Дальнейш... контакт... невозм... шумы... навод... разруш... связ... отключ...»

Инк явно собирался «брякнуть в обморок».

«Подожди! Сними хотя бы полевую защиту!»

Мыслеголос сторожевой системы на мгновение приобрел чистый бархатный тембр:

«Только после предъявления допуска и ввода пароля».

«Дурак, ты сейчас отключишься и не сможешь вообще контролировать ситуацию!»

«Вынужден включить самоликвидацию! У вас тридцать секунд».

Хрип, шипение, треск, неприятное давление на голову.

Дар сорвал дугу мыслескана, швырнул на пол.

Из «кактуса» вириала вырос усик с вишенкой, которая превратилась в мигающий алый пузырь. Под сводами зала завывала сирена. Включился метроном, отсчитывающий секунды в обратном порядке. Сторож, поврежденный взломщиками, с большим опозданием осознал факт взлома и все-таки включил механизм самоликвидации. Своими вопросами Дар просто встряхнул его, заставил проанализировать происходящее и принять меры по пресечению «агрессии». Запоздалые меры.

Дар перешел на сверхскорость, понимая, что времени на лечение инка у него нет. Да и смысла это лечение не имело никакого. Черные люди серьезно повредили системы компьютера, и полноценным управляющим зоны он быть уже не мог. Интересно, как им удалось снять блокировки, отключить защитные комплексы — кстати, спасибо им за это — и внедриться в базу данных сторожа, не зная паролей? Или они з н а л и?..

Двадцать две... двадцать одна...

Коридор, помещение с горами мусора...

Двадцать... девятнадцать... восемнадцать...

Еще коридор, анфилада комнат, контейнеры...

Семнадцать... шестнадцать... пятнадцать...

Коридор, стена земли, камни... не поскользнуться бы ненароком...

Четырнадцать... тринадцать... двенадцать...

Поворот, сужение, тупик, неужели свернул не туда?! Нет, вот выход! За ним коридор и дыра наружу! Вперед!

Одиннадцать... десять... девять...

Он выскочил на склон холма и поскакал вниз как заяц, не обращая внимания на шипы обдерника и жгучие укусы крапивы.

Сто метров, сто пятьдесят... все!

Автомат внутри здания досчитал до нуля, включил взрывное устройство.

Холм развернуло изнутри пламенным куполом! На бегу-

щего человека упало море света, затем в спинушибанула волна гула, а за ней — цунами разлетающейся во все стороны земли. Дар полетел в грохочущую тьму, как в бездну, даже не пытаясь бороться со стихией взрыва...

Очнулся он от тишины. Прислушался к своим ощущениям, не открывая глаз. Болели ушибленные ударом о землю колени, локти и плечи. Кожа на руках и на лице зудела от укусов крапивы. Но ни один сустав сломан не был, и ран от осколков взорвавшегося здания-холма молодой человек не обнаружил. Вздыхнул с облегчением, открыл глаза.

Он лежал в низинке между огромным валуном и стволом упавшего дерева. Времени с момента взрыва прошло немного, Луна еще не успела спрятаться за тучи, светила в оконце между ними. Дар оглянулся.

Холма сзади не было. На его месте курился дымными столбами гигантский ров. От здания, прятавшегося под слоем почвы многие сотни лет, не осталось практически ничего.

Дар включил гиперзрение, любовался на котлован, в который уже устремились ручьи из ближнего торфяника, еще раз огляделся.

Взрыв уничтожил не только древнее здание центра управления полигоном, но и всю его начинку, а вместе с ней — связи с генераторами защитного поля, отгораживающего черноболю от остального мира. И кисейно-серая завеса, накрывающая территорию древнего космодрома и полигона, исчезла. Генераторы отключились.

Чистодей-поход Дара закончился результативно и без особого напряжения. Если не считать бегства из готового взорваться в любой момент центра управления. Но и тут ему повезло.

Впрочем, повезло на самом деле не однажды, подвел Дар итог своим размышлениям. Черные люди «разминировали» подходы к черноболи — раз. Они же проделали проход в здание центра — два. Отключили охранные системы — три. Повредили сферу сознания управляющего инка до такой степени, что он не смог адекватно отреагировать на проникновение в зону еще одного непрошеного гостя, — четыре. Это ли не подарок судьбы? Если бы не черные люди, ему пришлось бы долго возиться с отключением защитного поля и сторожевой техники, и еще неизвестно, справился бы он с заданием за одну ночь или нет.

Луч гиперзрения наткнулся на скопление конусовидных холмов на границе черноболи. Древние звездолеты, спейсеры! Некоторые из них еще излучают слабые электромагнитные поля. Хорошо бы осмотреть их, проверить, можно ли чем поживиться...

Но сил у молодого человека на многочасовую работу, да и желания, не было. Он и так возвращался победителем.

ГЛАВА 3

Его встретили за болотом.

Рассветало. Из низин поднялся туман. Похолодало.

Дар выбрался на край кочковатого поля, собираясь рвануть к хутору по прямой, через луг на берегу Десны и лес за поймой, и в это время на кусты ракитника спикировал с неба каплевидный летак с мигающей алой звездой под брюхом. Откинулся прозрачный колпак блистера, на траву прыгнули трое мужчин.

— Отец?! — удивился Дар. Перевел взгляд на его спутников. Это были наставник общины Вольга и витязь Боргор. — Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, — сказал старший Железвич, одетый почти в такой же костюм, что и сын, только белого цвета, с золотой бахромой и с вышитым золотым соколом на груди — знаком княжеской власти. — Просто мы совершенно случайно пролетали мимо и решили завернуть к болоту, забрать тебя.

Дар вдруг сообразил, что за ним скорее всего наблюдали — через дальнедействующие приборы или с помощью лесной системы биолокации. Покраснел.

— Вы видели...

Бояр Железвич улыбнулся, подходя ближе, обнял сына, похлопал по спине.

— Не расстраивайся. Это обычная практика. Должны же эксперты Рады знать, как действует претендент на звание мастера жизни во время Испытания. Рад сообщить, что ты его преодолел.

Дар посмотрел на Вольгу.

Наставник — крупнотелый, с виду медлительный, суроволицый, с шапкой белоснежных волос и пронзительно-го-

лубыми глазами — кивнул. В глазах его всплыл и тут же потонул некий вопрос.

— Поздравляю.

Подошел подтянутый, гибкий, среднего роста, но широкоплечий и ощутимо сильный Бोरисгор, сунул ладонь, стукнул кулаком по плечу.

— Рад за тебя! Отныне ты не просто дружинник, но гриф-чистодей. Все девки теперь твои.

Отец засмеялся. За ним Боргисгор. Улыбнулся и Вольга, продолжая оценивающе разглядывать лицо молодого чистодей. Дар выпрямился, сказал глухо, не отводя взгляда:

— Я не прошел Испытания.

Отец и старший витязь общины перестали смеяться, посмотрели на него с удивлением и сомнением:

— О чем ты?

— Я не прошел Испытания, — повторил Дар. — Черноболь была уже разминирована, когда я перешел границу.

Мужчины переглянулись. Князь взял сына под локоть, подтолкнул к летаку:

— Садись, рассказывай.

Летак был четырехместный, такими пользовались жители городов, называя их куттерами, поэтому все четверо уместились в кабине, несмотря на габариты мощных тел.

Взлетели. Горизонт распахнулся вширь. Стали видны темные утесы городских строений на юге и башни на востоке. Лесной массив, скрывающий часть болота, сдвинулся к северу. Летак пересек черноболь с огромным рвом на месте взрыва, увеличил скорость, направляясь к хутору.

— Что произошло? — повернулся к сыну князь. — Мы видели, что ты проник в зону и отключил защитное поле.

— До этого я наткнулся на черных людей...

— На болоте?

— Раньше, в лесу, до болота... — Дар протянул отцу трофей — электропистолет и скупко рассказал о своем бое с черными *тенями*, лишь внешне имеющими сходство с людьми.

В кабине летака повисло молчание.

— Надо было собирать сход, — нарушил его Боргисгор, поглаживая протянутое князем оружие. — Отеллоиды что-то ищут в наших краях и становятся опасными. В Гостилове они напали на старейшину хутора и увели с собой. Старейшину потом нашли мертвым на болоте.

— В Людиновке они ночью пытались захватить ведуна Свентуру, — добавил Вольга, — но дружина успела вовремя.

— Отеллоиды? — непонимающе посмотрел на отца Дар. Тот усмехнулся.

— Это идея кемтаря Рады назвать черных нелюдей отеллоидами. Кемтарь — страстный театрал, любитель драм Шекспира. Но ситуация мне не нравится. Борибор прав, пора собирать мальгаров для поиска и перехвата отеллоидов, взять под контроль весь край, леса и болота. Хорошо, что твой поединок с ними закончился так... нейтрально.

— Это моя вина, — буркнул Борибор. — Надо было начать слежение за болотами до того, как туда пойдет молодой. — Он имел в виду Дара.

— Не посыпайте себе голову пеплом, други, — осуждающе покачал головой наставник. — Истинный чистодей обязан единолично справляться с любым противником, иначе он не является мастером жизни. Дар прошел весь путь, прошел хорошо, и я считаю, что он справился с заданием.

— Но Испытание зачесть полностью Рада не сможет, — вздохнул князь. — Ему будет назначено дополнительное Испытание.

— Схватка, — мрачно сверкнул глазами старший витязь.

— Возможно, — согласился Бояр, косо глянув на сына. — С кем-нибудь из мастеров-воев.

— Со мной.

— Это решит сход. Ты согласен? — Отец положил руку на плечо сына.

— Да! — ответил Дар, стиснув зубы, не показывая, что расстроен. Впрочем, одновременно он был рад, что первым заговорил о своем походе как о несостоявшемся Испытании. Было бы гораздо хуже, если бы об этом первым завел речь наставник.

Вольга шевельнул уголком губ, понимая состояние ученика. Он тоже чувствовал удовлетворение, что не ошибся в молодом чистодее, воспитанном прежде всего ценить правду и подчинявшемся голосу совести.

Солнце еще не успело взойти над лесом, когда летак опустился в центр сходовой площади хутора, окруженной красивейшими бревенчатыми теремами, которые возводила без единого гвоздя строительная артель общины. Каждой семье — индивидуально и вместе с тем — в одном стиле, ком-

позиционно и эстетически связывающем поселение в единый гармонический светостав.

Мужчин встречали несколько человек, в том числе мать Дара Веселина. Крепкая, статная, с милым добрым лицом, она перекинула косу с груди на спину, обняла сына.

— Ты справился, сынок? У тебя куртка порвана и на лице царапины.

— Все в порядке, ма, — улыбнулся Дар. — Это я о сучок зацепился.

— О сучок, — улыбнулась мать в ответ, провела по щеке сына прохладной ладонью. — Синяк под глазом тоже сучком сделан?

— Ну, я все-таки не по грибы ходил, — по-взрослому пожал плечами Дар.

— Идем, — сказал князь, подмигнув жене, направился к семейному терему.

— Потом поговорим, скрытник, — подтолкнула Дара в спину Веселина, — за завтраком.

Мужчины поднялись по резной лестнице в хоромы.

— Дар! — окликнули молодого человека.

Он оглянулся. На крыльце соседнего терема стоял, почесываясь, в одних шальварах, дружок Борята, сонный, весь округлый, как хлебный каравай.

— Зайдешь?

— Зайду, — пообещал Дар.

Его усадили в отцовской приказне, светлой — на три окна, просторной, настраивающей на рабочий лад.

Две полки со старинными книгами, еще бумажными, хорошо сохранившимися. Шкаф с оружием и атрибутами княжеской власти. Светящийся янтарной слезой стол, резные деревянные стулья. Вириал оперативного инка в углу комнаты, похожий на алмазную друзу.

Сели и остальные.

— Ничего не упустил? — посмотрел на Дара старший Железвич.

Дар покачал головой:

— Вроде бы нет.

— Значит, выяснить через терминал защитного комплекса, что искали отеллоиды, не удалось? Это плохо.

— Я не предполагал...

— Тебя никто не обвиняет, ты действительно не знал,

что на пути встретятся эти черные твари. Кстати, нужен срочный информационный поиск по глобальной Сети — кто или что такое отеллоиды. По-моему, в земной истории уже имелись факты встреч с некими черными людьми.

— Очень давно, более трех тысяч лет назад, — кивнул Вольга. — Но, насколько я знаю, те черные люди и отеллоиды — разные классы явлений.

— Тем не менее поиск необходим.

— Сделаем, — прогудел Борибор, огладив пальцами подбородок, положил электрический пистолет на стол. — Любопытное оружие. Я таких не видывал. Клейма на нем нет, а, судя по форме и размерам, создавали его не под человеческую руку и вообще не на Земле. Покажу экспертам, пусть голову поломают.

— Думаешь, это галактическое изделие? — поднял брови Бояр. — Не местное?

— Я не специалист по оружию предков, но в нынешние времена такие штучки просто некому делать. Кроме разве что кустарей-умельцев из других общин. Китаезы, между прочим, любят этим заниматься. Но этот излучатель, во-первых, т е х н о л о г и ч е н, что говорит о высоком уровне изготовителя, а во-вторых, весьма необычен.

— Может быть, его сделали п о с л е д ы ш и?

Вольга покачал седой головой.

— Претенденты на престол разумного вида после падения человеческой расы есть, те же лягуны, рептилии, сумчатые, но им еще далеко до высоких технологий. Возможно, разрядник действительно изготовлен за пределами Солнечной системы. Весь вопрос в том, как он попал на Землю.

— Метро галактической сети заблокировано...

— И я о том же. Если отеллоиды суть не земляне, они знают способы преодоления межзвездных расстояний. Это их оружие. Вот почему нам стоит поспешить с изучением звездных кораблей на полигоне, который открыл твой сын.

Все посмотрели на Дара.

Князь помолчал, думая о своем. Как и Дар, он сидел совершенно неподвижно, что являлось семейной чертой всех Железвичей-мужчин.

— Нам нужны звездные корабли!

— Черноболь разминирована, — сказал Борибор, — те-

перь можно будет попытаться расконсервировать спейсеры на Вщижском полигоне.

— Пошли туда дружину.

— Сейчас же и соберу.

— Я еще нужен, отец? — напомнил о себе Дар.

— Отдыхай, — не сразу ответил князь. — У тебя была трудная ночь. К вечеру встретимся, покалякаем, обсудим планы.

«Если хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах», — вспомнил Дар любимую присказку деда, но вслух ничего не сказал. Поклонился, вышел.

В течение часа он искупался, переоделся в чистое и позавтракал, подробно отвечая на вопросы матери: она всегда точно знала, скрывает он что-либо или нет, и говорить ей неправду не имело смысла. Дар лишь приуменьшил степень опасности всех его походов и встреч и не стал красочно описывать свой бой с черными *теньями* — отеллоидами.

Шел девятый час утра, когда он вышел из дома, не строя никаких особых программ на день.

Борята, одетый в свой обычный костюм: пестрая рубаха ниже пояса, перетянутая в талии кушаком, штаны и сапожки, — ждал его на улице, нетерпеливо прохаживаясь по песчаной дорожке между теремами. Круглое румяное лицо его с соломенного цвета усиками и желтыми глазами выражало сдерживаемое волнение и жадный интерес.

— Ну что, сдал экзамен?! — бросился он к приятелю.

Дар кинул взгляд на вставшее солнце, неяркое, с заметной черной шербиной на диске.

— Будет назначено дополнительное Испытание.

— Почему?! Ты не справился?!

— Мне помешали.

— Кто?!

— Слышал об отеллоидах?

Борята озадаченно дернул себя за вихор.

— Это же миф...

— Отнюдь, я встретился с тремя черными уродами на болоте, они гнались за лягунами, убили многих.

— Зачем?! — вытаращил глаза Борята.

— Не знаю, я спас одного, подрался с двумя черными, они убежали.

— Расскажи!

— Ты ко мне шел? Пошли посидим в шатре, попьем чего-нибудь вкусенького, погода хорошая.

Чаевня хутора уже открылась. Обслуживала ее семья Яра Палагуты: отец, мать и дочь Оксана, ровесница Боряты. Молодые люди дружили с детства, но Борята питал к девушке не только дружеские чувства, и уже поговаривали о свадьбе.

Встретили ранних гостей радушно.

Оксана, такая же крупнотелая, как и ее мать Анфиса, но очень подвижная, веселая, милая, захлопотала вокруг гостей, принесла фрукты, чайные приборы, варенье и сыр. Села рядом, делясь впечатлениями от вчерашнего вечернего выступления песняров общины. Борята посматривал на нее снисходительно и нежно, как на маленькую, и Дар мимолетно подумал, что характеры влюбленной пары так близки, что в будущем это обстоятельство может сыграть с ними злую шутку.

Заметив, что мужчины слушают ее вполуха, девушка упорхнула, пообещав рассказать им какую-то жутко интересную историю.

— Болтушка, — сказал Борята, мечтательно глядя ей вслед. Очнулся. — Ну рассказывай, что тебе досталось в качестве Испытания? Говорят, ты взорвал черноболь?

— Кто говорит?

— Да все, — простодушно пожал круглыми плечами Борята. — Я от дядьки Симы узнал. А что, не так было?

— Ничего я не взрывал. — Дар отхлебнул горячего душистого напитка, нарочито делая паузу, потом все-таки не выдержал и поведал приятелю историю своего похода в черноболь. Закончил небрежно: — Теперь можно будет очистить всю зону и посмотреть, что сгодится для хутора.

— А давай прямо сегодня и махнем туда? — загорелся Борята. — Вдруг те звездные корабли действительно в состоянии летать?

— Нет, сегодня праздник, — мотнул головой Дар. — Вечером гуляние, в честь моего дня рождения.

— Забыл, прости! — прижал к груди руку Борята, приподнялся. — Посиди тут, я за подарком сбегаю.

— Успокойся, успеешь, — остановил его чистодей. — Весь день впереди.

— Отдыхать будешь?

— Я не устал. — Это была неправда, но признаваться

приятелю в желании поспать пару часов, чтобы компенсировать ночное бдение, не хотелось.

— Тогда у меня идея. Давай рванем до обеда в Брянск? Лука вчера был там, открыл заград, купался в бассейне, играл с местными в ролевик.

— И местные его приняли?

— Он был в унике, а на лице не написано, где ты родился и живешь, в городе или на воле. Кстати, мы со Скибой нашли вход в один из центральных жилых комплексов, прошли по квартирам, такое увидели...

— Какое?

— Ну, много чего... техника там интересная... почти все квартиры пустые... а в некоторых сетлеры сидят, грезят... Давай слетаем, посмотрим? Все равно каникулы, а дома торчать скучно.

Дар допил чай, подумал.

— Ладно, до обеда я действительно свободен, можно и погулять.

— Отлично! — обрадовался Борята, вскакивая из-за стола. — Возьмем кого с собой? Может, Оксанку и Славу?

Дар усмехнулся. Борята искренне считал, что у друга со Славой роман. Девушка ему и в самом деле нравилась, но о любви речь не шла. Встречаться с ней было приятно — и только.

— Зачем? Не люблю быть зависимым, а если с нами полетят подруги, мы и к вечеру не обернемся.

— Тоже верно, — легко согласился Борята. — В таком случае летим вдвоем, Скиба куда-то еще вчера сорвался. Будешь переодеваться?

— Пожалуй, — кивнул Дар.

— Попроси летак у старшины, ладно? Ты теперь без двух минут гриф-чистодей, тебя он не станет расспрашивать, куда и зачем летишь.

Они разошлись и через четверть часа встретились на краю хутора, возле транспортного лабаза.

Дар надел свой обычный повседневный костюм: светло-коричневый замшевый кафтан с бахромой, такие же штаны и мягкие сапожки. На Боряте красовался блестящий уник, обтягивающий фигуру, но не скрывающий ее достоинства и недостатки. Фигуру же приятель Дара имел примечательную и был весьма похож на японских борцов сумо.

Впрочем, это не помешало ему стать неплохим бойцом, не уступающим в силе и скорости многим мастерам рукопашных видов самозащиты.

— Приветствую молодежь, — буркнул вечно хмурый Малх, старшина хутора, отвечающий за хранение и использование оружия и транспортных средств. — С чем пожаловали?

— Нужен летак, — сказал Дар уверенным тоном. — По важному делу.

— Нужен так нужен, — кивнул старшина без удивления. — По важному так по важному. Я слышал, ты успешно прошел Испытание?

— В общем, да, — уже менее уверенно сказал молодой чистодей, слегка краснея. — Только вернулся.

Малх не обратил внимания на его обмолвку.

— Говорят, ты встречался с черными бродягами?

— Было дело.

— Они действительно черные?

— Как сажа. С головы до ног. Только глаза белые.

— Как же ты с ними справился? Утверждают, что они ничего не боятся.

Дар вспомнил бой с первым отеллоидом, поведение человека-тени, его реакцию на сильный удар.

— Они боятся мощного броска, сплющиваются от удара, буквально расплываются лужей.

Старшина с сомнением почесал бровь.

— Уверяли, что черные бродяги неуязвимы.

— Они не люди, дядя Малх, псевдоживые существа. Их тела действительно состоят из какого-то странного материала, который может превращаться в жидкость, а потом восстанавливает форму.

— Понятно, нежить, значит, объявилась. То беривсеи нас пугали, то хочушники, то мутанты, а ныне другая напасть. Так в лес теперь ходить опасно?

— Повременить надо. Отец сказал, что пошлет дружину для поимки черных людей.

— Жаль, я по грибы собрался. — Малх озабоченно скрылся в лабазе, выглянул. — Берите что хотите.

Дар выбрал такой же куттер, на каком его доставили на хутор отец с наставником и витязем, сел на место пилота. Помалкивающий Борята занял место рядом. Взлетели.

Хутор, стоящий на берегу речушки Ветьмы, — всего в

нем насчитывалось двадцать теремов, не считая лабазов с продовольствием и бытовой техникой, — провалился вниз, ушел под деревья, окружавшие селение, растворился в сочной зелени леса. Строили его с расчетом, чтобы не было видно с высоты, потому что в те времена еще действовал закон, запрещающий людям селиться в заповедных зонах — так он звучал официально. На самом деле в лесах и в горных ущельях селились индивидуалы — интрасенсы, и закон работал против них. Однако цивилизация развалилась, население городов резко сократилось, исчезли контролирующие социум службы, и закон перестал служить средством давления на вольнолюбивых потомков интрасенсов. Строить свои поселения они могли теперь где угодно. Хотя предпочитали все же лесную глушь. Лес защищал их, кормил и предупреждал об опасности.

На горизонте соткались из воздуха стеклянно-призрачные пирамиды Брянска. Когда-то город окружали светящиеся столбы орбитальных лифтов, соединявшие технические сооружения на земле со станциями в космосе. Но последний из них перестал работать еще до рождения Дара, и знал он о существовании лифтов только из исторических Хроник и учебных Вед.

В небе просияла золотом точка.

— Кто-то летит к городу с юга, — сказал Борята.

— Вижу, — отозвался Дар. — Маленькая машина, двухместная.

— Догоним?

— Зачем?

— Ну... посмотреть, кто там, — простодушно сказал Борята. — Не каждый день встречаются летающие машины. Может быть, это кто-то из соседей?

— Может быть.

— Мы со Скибой однажды встретили китайца. В Брянске.

— Ну и что?

— Китайцы теперь редкие гости, их совсем мало осталось. Кстати, почему? Я читал, что раньше их было очень много, чуть ли не половина населения Земли.

— Вымерли. — Дар вспомнил Хроники социума. — В условиях снижающейся плотности населения китайский этнос прошел через «бутылочное горлышко» резкого уменьшения

размера популяции. К тому же против них было применено этническое оружие.

— Какое?

— Этническое, влияющее на генофонд.

— Не слышал.

— Это произошло давно. Им начали поставлять так называемые пищевые добавки, что привело к резкому ослаблению иммунитета и росту заболеваний. Разве в универсалии вы этого не проходили?

Борята виновато шмыгнул носом.

— Нет.

— Еще будете. Все, не отвлекайся. Показывай, где находится ваш перспективный заград.

Приятель встрепенулся, поднес ко лбу ладонь козырьком.

— У него форма необычная... гриб на кристаллической ножке... вот он! Чуть правее.

— Вижу.

Дар повел куттер к грибовидному зданию, выросшему среди стандартных пирамид и конусов города. Высота «гриба» достигала не менее трех сотен метров, в «ножке» — опоре здания располагались лифты и торговые модули, в двухсотметрового диаметра шляпке находился собственно комплекс жилых модулей и блоков, каждый из которых имел выход в атмосферу и в центральное ядро, имеющее зоны отдыха и развлечений.

— Куда теперь?

— Садись на купол, он пробит. — Борята поймал взгляд приятеля, заторопился. — Это не мы, дыра уже давняя, кто-то до нас ее сделал.

Дар обнаружил звездообразный пролом в прозрачном куполе здания, как раз над центральной зоной, и повел лентак на снижение.

Под куполом повеяло теплом и запахами жилого помещения, несмотря на дыру в крыше. Климатические установки здания работали, что говорило о его состоянии: здесь еще жили люди.

Дар вылез первым, огляделся.

Рошица хилых березок, не гигантских, как в настоящем лесу, а миниатюрных, в два человеческих роста. Ровные шпалеры цветущих розовых кустов, заросли цветущей тра-

вы. Красивые беседки и ротонды, зеркально-стеклянные гнутые стены, витрины, статуи, стелы, фонтаны, тихая музыка... и ни души вокруг!

Борята, выбравшийся вслед за другом, шумно выдохнул:

— Мороз по коже... правда, странное ощущение? Будто на кладбище попали...

Дар не ответил, хотя у него сложилось примерно такое же впечатление. К тому же показалось, что на них кто-то посмотрел, внимательно и оценивающе.

— А вообще-то мне здесь нравится, — добавил Борята с виноватой ухмылкой. — Я не прочь пожить тут какое-то время. Все работает, рестораны, бары, игровые... библиотека есть, мы со Скибой заходили... можно жить безбедно, учиться.

— Учиться и жить безбедно можно везде... если нет других запросов. Ты меня за тем и притащил, чтобы сказать, как тебе нравится городская жизнь?

— Идем, — заторопился Борята, — тут недалеко.

Они направились к ближайшему portalу зоны отдыха, открывающему вход в западный жилой сектор.

Над блестящей полосой хоум-контроля зажглось мигающее оранжевое колечко: инк контроля предупреждал о недопущении в жилую зону вооруженных людей и о запрете на пронос опасных грузов.

Гости шагнули на полосу.

Колечко изменило цвет на зеленый и растаяло. Гости не представляли опасности для обитателей сектора.

Вышли в широкий светлый коридор с полосой травы и цветов по центральной части. Двери слева и справа со светящимися номерами на них. Красные номера означали, что хозяева выбыли и освободили модуль, желтые — что хозяева отсутствуют «временно», зеленые — что в этих блоках живут. Но таких было меньше, чем желтых и красных.

Борята остановился перед дверью с номером 12. Номер был зеленым.

— Здесь.

— Но ведь блок — жилой!

— Сейчас увидишь, какой он жилой. — Борята по-хозяйски стукнул кулаком в дверь. — Открывай, свои!

Дверь на мгновение изменила цвет с розовато-мраморного на белый и расползлась дымком.

Гости вошли. Борята — как родственник хозяина, без колебаний, Дар — с чувством неловкости.

Небольшой холл с красивыми вазами по углам, перламутровые стены, приятное освещение. А вот запахи не слишком приятные, запахи застоялости, плесени, давно не убиравшегося помещения, человеческого пота и гнили.

— Амбре, однако...

— А я что говорил?

Борята шагнул в среднюю дверь, на которой светился желтый значок в форме непонятного иероглифа. Дверь автоматически скользнула в сторону, открывая вход в средних размеров комнату, занятую игровым комплексом грезира. У прозрачной стены, сквозь которую был виден ландшафт города, синее небо с космами сизо-фиолетовых туч и неяркое солнце с черной отметиной, стоял необычный формы стол со множеством каких-то наростов и вмятин. Рядом — диван с горой подушек, бесформенное кресло, стойка с прозрачными полочками до потолка, на которых лежат кассеты компакт-игл, кнопки игровых программ, кристаллы видео-записи и множество непонятных мелких предметов. В центре комнаты располагалось кокон-кресло грезира, внутри которого полулежал с закрытыми глазами...

Дар вздрогнул, показалось, что в кресле находится труп!

Но хозяин модуля был жив. Хотя его жизнедеятельность поддерживалась автоматикой комплекса. Это был самый настоящий сетлер. Тело его в настоящий момент жило самостоятельно, питаемое белково-клеточными растворами через специальную аппаратуру, а где, в каких мирах обитало сознание — слепок личности, перенесенный на компьютерную матрицу, — можно было только догадываться.

Теория подобного отдельного существования разума и его носителя была разработана очень давно, в начале двадцать первого столетия Ветхой Эры, насколько знал Дар. Принцип инвариантности информации относительно своего материального носителя позволил разработчикам сетлер-программ не только переносить психику и сознание личности в игровое поле компьютера, но и материализовать избранную человеко-программу из компьютера, внедрить в биологический объект — тело человека или животного. Из школьного курса теории психогенеза Дар помнил, что до середины двадцать четвертого века процесс переселения чело-

века в виртуальные миры сдерживался на государственных и общепланетных уровнях. Но потом к власти пришел Орден адептов «свободы выбора и удовлетворения всех потребностей личности», основа морали которых — слоган: «Бери от жизни все!» — была заложена еще в далеком двадцатом веке, и цивилизация покатила в пропасть стихийного бесструктурного управления, анархии и деградации. Живое человечество превратилось в Е-человечество.

Впрочем, мысль об этом мелькнула и погасла. В настоящий момент душу Дара переполняла жалость. Он смотрел на «живой труп» и не знал, как помочь человеку, сознание которого скользило по выдуманным, несуществующим мирам. Хотя для него они, наверное, существовали реально. И был ли он несчастлив — неизвестно. Вот только судьбы такой Дар себе не желал.

Сетлер был немолод, судя по длинным и не седым, а пегим, беловато-прозрачным волосам. Мышцы его лица за долгие годы сидения в игровом коконе атрофировались, несмотря на постоянную регенерацию тканей и стимуляцию нервных волокон, и лицо выглядело мертвой маской. Лишь глазные яблоки изредка шевелились под веками, напоминающая, что сетлер еще жив.

— Жуть, да? — пробормотал Борята. — Уж лучше в тюрьме мучиться, чем так... жить.

— Не лучше, — качнул головой Дар. — Но и это не жизнь. Уходим.

Они вышли из игрового холла модуля, Борята хотел было заглянуть в другие помещения блока, но Дар вытолкнул его в коридор.

— Не трогай здесь ничего.

— Я только посмотреть...

— И смотреть нечего, это чужое жилище.

— Ладно, я покажу тебе совсем пустую квартиру, там никто не живет. Скиба в ней останавливался несколько раз. Там очень уютно.

— Стоит ли? — засомневался Дар. — Что у тебя за интерес шарить по чужим квартирам? Дома же все есть.

— Не все. Хотя это и неважно на самом деле. Но ты же знаешь, я собираю коллекцию старинных часов, а где их еще можно найти, кроме брошенных жилых модулей?

— Мне кажется, это не вполне этично.

— Но ведь я же не ворую часы? Они же никому не нужны. К тому же...

Борята остановился. Дар тоже.

В двух десятках шагов от них открылась дверь одного из модулей, выпуская в коридор двух девушек в серебристо-зеркальных комбинезонах. Одна была высокая, русоволосая, смуглолицая, зеленоглазая, с тонкими бровями вразлет и необычного рисунка — с трагическим изгибом — полными губами. Другая — с черными волосами, с тонким изящным носиком и черными глазами. Видимо, ее предками были выходцы из Индии.

Девушки, заметив молодых людей, переглянулись и зашагали навстречу независимой походкой, окинули друзей любопытствующими взглядами.

— Привет, — сказал Борята, покосился на приятеля.

— Здравы будьте, — очнулся Дар, слегка поклонился, ощущая прилив крови к коже лица; красота зеленоглазой незнакомки его буквально заворожала.

— Здравствуйте, — ответили девушки, проходя мимо с тем же независимым видом. Понимая, что на них смотрят, они с поднятыми головами прошагали до выхода из сектора, оглянулись, приснули и скрылись в зоне отдыха.

— Хохотушки, — хмыкнул Борята, глянул на задумавшегося Дара. — А ничего себе девки, да? Особенно та, с зелеными глазами. Понравилась?

— Идем, — нахмурился Дар, жалея, что не спросил, кто они и откуда. Почему-то он был уверен, что девушки такие же гости здесь, как и они сами.

— Может, догоним, познакомимся? — предложил Борята.

— Незачем. — Настроение Дара испортилось. Захотелось побыстрее уйти отсюда. Особого интереса к жизни горожан он и в самом деле не испытывал.

— Давай покажу наш модуль, — заторопился Борята, — и полетим в парк, развлечемся, в ресторане посидим.

Дар не хотел идти в парк, но промолчал. Появилась крохотная надежда, что они встретятся с незнакомками в парке, и тогда уж он своего шанса не упустит.

Борята остановился у двери под зеленым номером 44, привычно стукнул кулаком в перламутровую пластину. Дверь распалась на струйки дыма, пропуская гостей.

Модуль был пятикомнатный, чистый, просторный. Две

спальни с конформным интерьером, изменяющимся по воле хозяина. Гостиная в «марокканском стиле», со множеством ковров, пуфов, подушек, лежбищ, статуэток, кувшинов и старинным кальяном на полу. Туалетный блок — сплошной хрусталь, зеркала, мрамор, множество разного рода приспособлений для ухода за телом, уютные ванны и лежаки. Кабинет с вириалом инка, стены которого представляют витрины с богатой коллекцией оружия.

— Ух ты! — качнул головой Дар.

— Нравится? — расплылся в довольной улыбке Борята. — Мы тоже обалдели, когда увидели. — Он поймал взгляд друга и добавил торопливо, вытянув вперед ладонь: — Но мы почти ничего не взяли! Честно!

— Почти, — проворчал Дар, разглядывая коллекцию. Многие виды оружия он встречал впервые.

— Скиба забрал глушак без батарей, я нож, и все. Но ведь хозяина-то нет? Почему нельзя взять?

— А если он вернется?

— Не вернется, Скиба пообщался с домовым, и тот сказал, что модуль давно свободен, лет сто.

Дар заинтересовался необычной формы пистолетом с длинным, без отверстия, стволом, обвитым спиралью. Поколебавшись, достал его с полки, повертел в руках. Пистолет внушал уважение массой, размерами и формой, но главное — он был заряжен! И стрелял не пулями и не электрическими разрядами, а направленными звуковыми пакетами. Дар понял это, обнаружив на щеке пистолета значок: рупор и несколько расширяющихся дужек, обозначающих звуковые колебания.

— Возьми себе, — посоветовал Борята, заметив интерес друга. — Это граплъ, гиперзвуковой пистолет. Уровень звукового давления до ста пятидесяти децибел, длина импульса — одна тысячная секунды.

— Откуда ты знаешь такие подробности?

— Скиба сказал, он же оружейник. Возьми, пригодится.

Дар еще раз осмотрел красивую опасную машинку (слава богу, не смертельно опасную, это большой плюс) и засунул под ремень штанов. Вряд ли он в тот момент предвидел, что граплъ понадобится ему в будущем. Но интуиция сработала тихо, не затрагивая сознания, хотя некоторое время он и размышлял о законности и этичности своего поступка.

Бегло оглядев оставшиеся экспонаты коллекции — интересно, кем был ее владелец? — друзья покинули брошенное жилище, вполне годное для уютного проживания семьи из трех-четырех человек.

— Пошли дальше, — сказал возбужденный Борята, — здесь еще есть кое-что интересное.

Дар хотел было согласиться, азарт приятеля передался и ему, но вдруг почуял холодное дуновение ветра в спину и насторожился. Пришло неуютное ощущение рассеянного беспокойства. Подсознание отреагировало на изменение пси-поля в здании и предупреждало об опасности.

— Возвращаемся, — сказал он.

— Почему? — удивился Борята. — Мы никому не помещаем, здесь же почти никого нет.

Дар вышел в коридор, определяя вектор пси-шума. Источник его находился в здании, в зоне отдыха. Судя по колебанию и дроблению сигнала, там появились люди, целая группа в количестве восьми-десяти человек.

— Не отставай.

Борята хотел было возразить, но посмотрел на сдвинувшиеся брови приятеля и не решился.

— Ладно, в другой раз посмотрим. Скиба нашел пустой блок с галереей древних картин, хорошо сохранившихся, много ликон...

— Тихо! — Дар прижал палец к губам. — В зоне отдыха гости, и, судя по пси-спектру, не очень добрые.

Борята примолк.

Они вернулись ко входу в жилой сектор и услышали возбужденные голоса, смех, возгласы, шум.

За блестящими пилонами, поддерживающими прозрачный купол крыши, между фонтанами и цветником, стояли три летака: куттер прибывших первыми хуторян, стреловидный двухместный пинасс и большой многоместный флайт, разукрашенный разнообразными надписями на русском и английском языках от «Люблю е...лю!» до «Пропади все пропадом!». Это была машина беривсеев, как называли эту дурацкую секту молодых отморозков сородичи Дара. Он уже неоднократно сталкивался с ними, будучи дружинником, при защите хутора и в других городах. Эти люди — хотя язык не поворачивался называть их людьми — привыкли жить по волчьим законам, руководствуясь только собственными же-

ланиями и лозунгом: «Бери от жизни все! Свое и чужое!» Что такое совесть, справедливость и уважение, они не знали.

Группа насчитывала восемь человек: пятеро парней и три девицы. Одеты они были в невообразимое тряпье, подчеркивающее их отношение к жизни. Смуглые, грязные, размалеванные физиономии, плывущие от употребления алкоголя и наркотиков глаза, дикие разноцветные прически разных форм, множество колец на пальцах, браслеты на руках и ногах, блестящие побрякушки на лохмотьях, непонятный по большей части жаргон, ухмылки, обезьяньи ужимки, ни тени мысли... А у пилон, окруженные кривляющимися, хохочущими членами группы, стояли давешние незнакомки, с которыми Дар и Борята встретились в жилом секторе. Девушки стояли спиной к спине и явно находились в растерянности, не зная, что предпринять в такой ситуации.

Дар встретил озадаченный взгляд приятеля, двинулся к центру зоны отдыха.

Первыми его заметили незнакомки в бликующих, как жидкая ртуть, униках. Повернули к нему головы.

Оглянулся один из беривсеев, второй, третий. Одна из размалеванных девиц подергала за руку здорового парня с оранжевыми волосами, собранными в петушиный гребень. Очевидно, это был вожак группы. Он тоже оглянулся. На несколько мгновений стало тихо. Затем «петух» вскинул руки и дурашливо пропел:

— Какая клевая парочка! Папочка и мамочка! Фадер и мадер. У нас были две телки, а теперь и два борова подтянулись. Сбачаем им таньгу, братаны?

— Йе! — дружно взревели «братаны».

Дар, не задерживаясь, прошел мимо двух размалеванных, как попугай, здоровяков, словно не видя их, — они посторонились, озадаченные его независимым видом, — остановился в метре от незнакомок.

— Извините, что вмешиваюсь. Разрешите вас проводить?

— Благодарю, — улыбнулась смуглолицая зеленоглазая девушка: в ее глазах читался интерес и почему-то изумление. — Мы бы и сами справились, но коль уж вы так любезны, предложение принимается.

Говорила она с едва заметным акцентом, но очень правильно и приятно. Ее приятельница дернула зеленоглазую за руку:

— Ты посмотри... он похож на...

— Я тоже обратила внимание, — ответила та. — С ума сойти! Вы, наверное, тоже не из здешних?

— Хуторские мы, — обозначил улыбку Дар, ощутив эфемерное прикосновение пси-ветерка к своей пси-сфере; девушка была интрасенсом! — В дебрянских лесах живем.

— А я подумала... Вы случайно не родственник дяде Аристарху?

— Аристархов в нашем роду нет.

— Удивительно! Вы очень на него похожи, просто копия. А я, по-моему, видела ваш хутор, возле речки, километрах в пятидесяти отсюда, к югу.

— Да, это хутор Жуковец.

— Очень красивый.

— Спасибо.

— Не за что.

— Как вас зовут?

— Меня Дарья, ее Аума. А вас?

— Дар.

Девушка распахнула глаза шире.

— Надо же, какое совпадение. — Пошутила: — Вашего друга случайно не Аумом звать?

— Борятой, — прищурился Дар.

— Жаль.

— Э-э... а-а... какого хява?! — обрел дар речи вожак банды. — Вы чо бузлаете, в рюх влябываетесь?!

— Идемте, — будничным тоном сказал Дар, направляясь из круга к летательным аппаратам. — Это ваша машина?

Ошеломленные его непосредственностью и напором, беривсеи снова расступились. Наверное, им не приходилось сталкиваться с человеком, который не только не откликался на их речь, но и вообще словно не замечал.

Девушки шмыгнули вслед за чистодеем.

Блистер их небольшого летака откинулся, обе нырнули в кабину. Зеленоглазая помахала рукой.

— Приятно было познакомиться. Может, еще свидимся, мир тесен.

«Оставьте координаты», — хотел попросить Дар, но постеснялся.

— Доброго пути. Пусть вам сопутствует удача.

— Вам тоже, — хором ответили девушки.

Блистер встал на место.

Аппарат взлетел, свечой вонзился в дыру в куполе, исчез.

— Не, ну ты гля! — взревел вожак беривсеев. — Они на нас хяв позюрили! Облаеды воньские! Совсем оборзели, хомлы! Пацаны, посячим обех, чтоб хайлом не торгали!

Вожак и трое его «телохранителей» бросились на Дара, намереваясь «посячить» наглеца по полной мере. В руках их появились дубинки, а у вожака — электрошоковый разрядник. Дар хотел было пресечь атаку в стиле древнекитайского да-цзе-шу, но вспомнил о грапле и достал пистолет.

Первую звуковую «пулю»-оплеуху получил вожак. С воплем отскочил, роняя оружие и хватаясь за уши. Заорали и его сподвижники, нарвавшись на звуковые пакеты, от которых едва не лопались барабанные перепонки, а голова начинала кружиться и «плыть».

Остальные остановились, не понимая, что происходит.

Дар поднял граплю над головой, покачал указательным пальцем левой руки.

— Не стоит рисковать! Эта штука позюрит любого. — Он перевел взгляд на так и стоявшего в столбняке Боряту. — Поехали, они больше не будут.

Борята выдохнул, обошел опасливо отодвинувшихся парней, сел в летак. Дар устроился рядом, захлопнул колпак.

Куттер устремился вверх.

Толпа разинувших рты беривсеев осталась внизу.

Вылетели за пределы здания. Однако небо по всем направлениям было чистым, если не считать облачных косм и стай птиц над городом. Летак с понравившейся Дару красавицей по имени Дарья исчез.

ГЛАВА 4

Отец хмурился и молчал.

Дар особой вины за собой не чувствовал, однако понимал, что напрасно поддался увещеваниям Боряты и полетел в город. Время отдыха следовало тратить с умом, не уступая соблазну пустого времяпровождения. Люди, отвергающие этот принцип в угоду собственным желаниям, никогда не добиваются высот творческой реализации. С другой стороны, Дар считал, что имеет право распорядиться свободой по своему усмотрению. После дела.

— Да, банды беривсеев все еще существуют, — проговорил Борибор, взялся горстью за подбородок. — И продолжают терроризировать городских. Власти нет, контроля нет.

— Все они подлый люд, — тихо сказал Вольга. — Они не понимают смысла слов и делают только так, как их научат, но по-своему, и делают только то, что им по нраву, и требуют за свои дела поощрений. Они не ведают осознания, и понимание их ущебно. Много будет беды, когда они придут к власти. Они не пощадят вас, но унижат. Они будут воевать и убивать ради власти, Высшие Ценности заменят низменными, будут разделять народы, низвергать Правду и заменять ее ложью, извратят Язык и обесценят слова, назовут уродство красотой, глупость мудростью и отменят Огонь Славы...

Князь посмотрел на наставника общины вопросительно, и Вольга добавил:

— Это Предсказание Честьяраты, мудреца двадцать первого века Ветхой Эры. До нас дошли тексты его Вед. Хотя, может быть, такого человека и не было вовсе.

— Я пойду, отец? — пробормотал Дар.

Старший Железвич посмотрел на сына, кивнул.

— Иди. Вечером поговорим. Сегодня ты свободен от всех обязанностей и выговоров.

Дар поклонился делегатам Рады, прибывшим на хутор для посвящения его в мастера жизни, и вышел из приказни отца.

На улице было тепло и солнечно. Дул приятный свежий ветерок, принося запахи луга.

Борята, поджидавший друга у своего дома, встрепенулся и помахал рукой. Дар подошел.

— Все обошлось? Грапель не отобрали?

— Пойдем в шатер, — сказал чистодей. — Посидим полчасика и пойдем собирать гостей. В шесть мама стол накроет.

— С удовольствием! — Борята вразвалку зашагал рядом. — Я тебе подарок приготовил, хочешь, зайдем?

— Он такой большой?

Борята засмеялся.

— Это оберег. Ладно, я сам принесу. А тебе, мне показалось, та зеленоглазая приглянулась. Нет? Удивительно, что у вас имена совпали, правда?

— Угу, — промычал Дар. Смуглолицая зеленоглазая не-

знакомка ему действительно понравилась, но обсуждать эту тему с приятелем не хотелось.

На крыльцо терема вышла мать Дара.

— Сынок, сходил бы в лес, набрать ягод, а то я не успею морс сварить.

— Хорошо, мамуля, — согласился он, не показывая виду, что в лес ему идти неохота.

Веселина улыбнулась, прекрасно разбираясь в чувствах сына, протянула ивовое лукошко.

— Не заблудись. Много не надо, на донышке.

Дар засмеялся. Мать всегда находила слово, снимающее возникшее напряжение, улучшающее плохое настроение и разряжающее любой назревающий конфликт. Ему до нее было еще далеко.

— Я с тобой, — быстро сказал Борята, — если не возражаешь.

— Конечно, не возражаю, вдвоем быстрее наберем.

— Только, чур, — я поведу. Я место знаю, недалеко, на болоте, там морошка крупная, с кулак, и куманики много.

Дар молча направился за околицу. Он тоже знал ягодные места в окрестностях хутора, где за полчаса можно было набрать целое лукошко.

Хутор Жуковец был опутан сетью тропинок, уходящих в леса и к реке, где его жители собирали грибы, ягоды, орехи, коренья и полезные травы, ловили рыбу. То есть пользовались природной кладовой. Но не охотились на зверей. Охота была возведена в ранг табу, так как убивать животных без нужды, ради забавы, считалось преступлением. Все необходимые для жизни продукты питания хуторяне получали в городах, где до сих пор работали продовольственные комбинаты. К тому же каждая семья имела кухонный комбайн типа «СС-20», называемый в просторечии скатертью-самобранкой. Эти комбайны были созданы сотни лет назад, но продолжали работать как ни в чем не бывало, используя высокие технологии, разработанные человеческим гением прошлых эпох.

В лес вошли по одной из тропинок. Как правило, все тропинки никуда не вели, постепенно растворяясь в лесу. Самая длинная из них бежала к реке и вдоль нее, растягиваясь на полтора десятка километров. Остальные были короче. Хуторянам не нужны были дороги для связи с соседними се-

лениями, для этого существовал воздушный транспорт. Хотя кое-кто специально ловил и объезжал диких лошадей — для приятного общения с умным животным и для всяческих игр.

Тропинка привела молодых людей к краю ближайшего Скрабовского болота, соединявшегося на севере с Дебрянским и Вщижским болотами. Здесь было тепло, парко, сумеречно. Лучи солнца не пробивали лесные заросли, поэтому казалось, что наступил ранний вечер. Цветочно-лесные запахи уступили место запахам сырой местности, не просыхающей даже в самые засушливые годы.

Из низинок поднялась туча комаров, почуяв пищу, но приближаться не стала, кружась на расстоянии двух-трех метров от собирателей ягод. Оба знали приемы отпугивания кровососущих тварей и близко их к себе не подпускали.

Лукошко набрали быстро, ягод действительно было много. Полакомились сами.

— Сладкая! — зажмурился Борята, жуя голубику.

Дар тоже высыпал в рот горсть крупных черных, с синеватым отливом, ягод, отмечая их вкус и сладость, и вдруг почувал взгляд. Потом движение. Мгновенно собрался, ощупывая болото и лес вокруг лучом внутреннего зрения.

— Что? — насторожился Борята, заметив, как приятель застыл на месте. — Медведь? Лось?

Дар ответил не сразу, расслабился.

— Лягуны...

— Ну, лягуны нам не страшны.

— Странно... похоже, они направляются прямо к нам.

— Что это на них нашло? — удивился Борята. — Они же с нами не контактат.

— Тихо, не двигайся, а то испугаешь... Если уж лягуны решили подойти, это неспроста.

В десяти шагах от молодых людей зашевелилась осока, между кочками мелькнула зеленая спина болотного существа. За ней другая, третья. Лягуны, двигаясь почти бесшумно, выбрались из трясины на мшистый пригорочек, остановились, разглядывая людей огромными глазищами. Один из них двинулся к людям, припадая на левый бок. Левая лапа у него была прибинтована к телу какой-то блестящей лентой, в правой он держал нечто похожее на моток водорослей.

— Святой наставник! — прошептал Дар. — Это же тот самый лягун, которого я спас от черных бродяг!

— Ты уверен? — усомнился Борята.

— Я помню его пси-запах.

— Чего ему надо?

— Сейчас узнаем. — Дар шагнул навстречу попятившемуся лягуну, присел перед ним на корточки. — Не бойся, не обижу. Не узнал меня? Или, наоборот, — узнал?

Лягун тихонько квакнул, словно кашлянул, робко приблизился, протянул сгусток водорослей. Еще раз квакнул.

— Это мне?

Лягун кивнул почти по-человечески, положил ком водорослей на кочку, попятился, не спуская глаз с человека.

Дар потянул за прядь водорослей.

— Сумка!

— Правда? — подался вперед Борята; лягуны, сопровождавшие раненого собрата, нырнули в болото, но сам он остался. — Посмотри, что в ней!

Дар запустил руку в своеобразную сумку, сплетенную из водорослей, нащупал какой-то скользкий, холодный, упруго-податливый шар величиной с два кулака. Опасности шар — по ощущениям — не представлял, но был очень необычен. Что-то в нем было странное, живое и неживое одновременно, естественное и искусственное.

— Не дается...

Дар вытряхнул шар из сумки на мох, уставился на него, не понимая, почему «заворчал» внутренний сторож организма. Потом понял: подарок лягуна имел источник энергии.

Шар представлял собой по сути сгусток прозрачно-зеленоватого тумана, внутри него вспыхивали и гасли золотистые искорки. Иногда искорки загорались ярче, и тогда он еле заметно вздрагивал. Мало того, Дару показалось, что шар смотрит на него, внимательно и строго.

— Святой наставник!

— Не трогай его! — посоветовал возбужденный Борята. — Вдруг это бомба? Или ядовитый глаз упыря?

— Ядовитые упыри — миф. Эта штука похожа на аккумулятор, в ней бездна энергии.

Дар сосредоточился, включая гиперзрение, и перед ним действительно раскрылась бездна! Колоссальный провал в космическое пространство, ринувшийся навстречу!

Он отшатнулся.

Бездна превратилась в глубокий колодец с зыбкими сте-

нами, который, в свою очередь, стянулся в точку внутри шара. Искры перестали кружиться вихрем, успокоились. Но бездна продолжала оставаться в шаре и звать к себе.

Дар выдохнул сквозь зубы, покачал головой. Никогда прежде он не встречал такой интересной вещи, хотя в походах по черноболям находил немало удивительных изделий рук человеческих.

— Ладно, потом разберемся. — Он с трудом поймал шар — тот был легким и скользким и в руки не давался, — поместил в сумку из водорослей. — Спасибо, дружище. Интересно, где ты нашел это чудо?

Лягун квакнул дважды, меняя интонацию, ткнул здоровой лапой себе за спину. Судя по всему, он вполне понимал человеческую речь.

— В болоте? — поднял брови Дар. — Откуда на болоте такие изделия? Не растут же они, как грибы? Или ты нашел сферу... в глубине болота?

Лягун квакнул, кивнул, часто-часто задышал.

— Совсем интересно! Где именно?

Долгое квакание в ответ, волнообразные движения лапой. Лягун пытался втолковать человеку, где он нашел подарок.

— Ты понял? — потянул Дара за рукав Борята.

— Не совсем. Где-то на севере, в центре Вщижского болота.

— Далеко, однако, к вечеру не вернемся. Хотя можно было бы взять летак...

— Нет, сегодня никуда не пойдем. Попробую договориться с ним на завтра. — Дар подсел ближе к обитателю болот, попытался напрямую передать ему свою мысль. — Ты можешь прийти завтра утром? Покажешь, где нашел шар.

Лягун закивал, показал лапой на небо, на болото, снова заквакал.

— Много говоришь, — усмехнулся Дар. — Приходи утром, когда солнце встанет. Согласен?

Кивок, тихое ворчание, чем-то похожее на осмысленную речь. Затем лягун отполз назад, не спуская глаз с человека, и исчез в густых зарослях водяных лилий.

— Вот это да! — хлопнул себя по бедрам Борята. — Тебя даже лягуны поздравляют с днем рождения! Если бы мне рассказал кто об этом — не поверил бы!

Дар улыбнулся, поднимаясь.

— Просто он меня поблагодарил за спасение. Хотя все равно удивительная вещь, ты прав. Ведь надо было найти меня, километров двадцать отмахать по топам и буеракам. Идем, отнесем ягоды.

Борята засеменял следом, оглядываясь.

— Ты меня с собой возьмешь?

— Куда ж я без тебя?

Они вернулись на хутор. Борята побежал переодеваться, Дар отдал маме лукошко с ягодами и тоже переоделся в праздничное: белая рубаша с вышивкой, белые штаны, красный витой пояс с кистями, красная лента через лоб.

Вскоре начали прибывать гости, первым — Борята. Подарил другу мастерски изготовленный из распиленного пластинками дубового капа, специально обработанного, браслет-оберег. Семья Боряты — отец, мама, дедушка и бабушка — были целителями и ведунками, их изделия, поднимающие тонус, излечивающие, поддерживающие силы, ценились высоко. Да и сам он иногда создавал такие удивительно красивые энергетические вещи, что диву давались.

Собралось всего тридцать человек, вся молодежь хутора и кое-кто из взрослых. Надарили всякой всячины, в основном — сделанное своими руками. Пили хмельной мед, пели, плясали. Девушки водили хороводы, затормошили именинника, зацеловали, вскружили голову. Дар нравился многим, а белолицая Слава смотрела на него матовыми влюбленными глазами, вся в этом взгляде — летящая к нему, обещающая быть с ним везде и всегда. Но перед мысленным взором молодого чистодоя стояло лицо Дарьи с удивительного рисунка губами и огромными зелеными глазами, хотелось увидеться с ней, пригласить к себе домой, поговорить и вообще смотреть на нее, и... дальше фантазии молодого чистодоя не хватало. Душа целомудренно прикрывалась веером смущения.

Поздно вечером, когда гости разошлись, а Дар разбирал подарки, в спальню заглянул отец. Осмотрел деревянные часы, подаренные Скибой, полюбовался картиной, нарисованной Славой: изумительной красоты неземной пейзаж с летящими ангелами, повертел в руках меч, скованный кузнецом хутора Корнеем. Дар наблюдал за ним, успокаивая разгоряченное сердце и унимая гул крови в голове. Отца он

любил, уважал и побаивался. В оценках событий князь общины иногда был резок, хотя и справедлив.

— Садись, поговорим.

— Я только переоденусь и приму душ, па.

— Хорошо, подожду.

Дар быстро искупался, переоделся в домашнее, сел напротив отца в уютное кресло. Его спальня одновременно являлась и рабочим кабинетом, где стояли конформные кресла, столик и вириал инка. Стены спальни — из деревянных планок с красивым, специально подобранным рисунком волокон болотного явора, были покрыты особым лаком и буквально светились изнутри.

Князь кивнул на браслет на руке сына:

— Борята Лютый подарил?

— Сказал, что оберег очень сильный, от всех злых сил защитит, — улыбнулся Дар.

Старший Железвич кивнул:

— Да, я чувствую, он за тебя. Родовая линия Лютых славится мастерами прави. Дед Борята может излечить любого одним прикосновением.

— Борята говорил, что их род идет от колдуна-ясновидящего, которому были ведомы тайны земли и воды, огня и леса. Он мог отвести грозу, умел превращаться в животных, мог спасти человека от беды или, наоборот, лишить его разума и жизни.

— Это правда. К сожалению, род Лютых угасает. Но их предки действительно знали и умели многое.

— Ну, мы тоже не лыком шиты, — проворчал Дар. Щелкнул пальцами, с них сорвались длинные розовые искры, собрались шаром и превратились в горящую свечу.

Князь накрыл ее своей большой ладонью, свеча исчезла.

— Баловство это. Тем, кто занимается сознательной эволюцией, как твой наставник называет интегральный путь духовного совершенствования, ни к чему демонстрировать свою силу. Дешевые эффекты — для дураков.

Дар сконфузился.

— Я просто так... пошутил... прости, отец.

— Это я говорю к тому, чтобы ты сочетал силу и дух в гармоничной пропорции. Но иногда сила твоя опирается на желания, а это уже не совсем здорово.

— Я... я стараюсь, пап...

— Знаю и потому мягок сегодня. Мы — аутотропные люди, сын, мы способны получать энергию из пространства и ассимилировать ее на клеточном уровне, мы владеем вибрационными процессами обмена веществ, и так далее, и так далее, но это не главное. Понимаешь?

— Понимаю...

— Один из забытых Учителей человечества говорил: «Способность думать — это замечательный дар, но способность не думать — дар еще больший». К сожалению, смысл сказанного им был извращен, и человечество перестало думать вообще. А ведь он имел в виду другое — способность подсоединять к сфере сознания огромный «айсберг» подсознания.

— Я понимаю, пап...

— Ты практически закончил обучение в универсалии и можешь заниматься чем угодно. Но помни, ты не только чистодей, мастер жизни, но защитник и носитель Рода. И твоя главная задача — поиск будущего устройства бытия Рода, поиск продолжения Руси. Человечество уходит, но Русь вечна! И ты должен послужить ей, дать новую жизнь, новое пространство и новое время. Это очень большая ответственность, сынок.

Дар сглотнул ком в горле.

— Я... один... не смогу...

Князь засмеялся:

— Конечно, одному решить такую задачу не под силу. Но ты и не будешь один. Настройся на максимум, постарайся реализовать все, что в тебе заложено сотнями поколений, и этого будет достаточно.

— Постараюсь...

— Я видел, как ты сдерживал себя при гостях, это порадовало. Однако надо уметь отдыхать, с друзьями или без них, иначе быстро сгоришь. Но и отдыхать надо с умом. Состояние удовольствия не должно захватывать тебя целиком... кроме отдельных случаев.

— Каких? — вопросительно изогнул бровь Дар.

Бояр усмехнулся:

— Влюбишься — поймешь. Человеку надо, чтобы чего-то всегда не хватало или чтобы состояние удовлетворения быстро проходило, в противном случае — падение, тупик, смерть личности. И еще: мастер жизни должен владеть со-

бой и обходить конфликты, тебе этого еще не хватает. Умение органично и толерантно решать все жизненные ситуации выше боевого мастерства.

Дар виновато отвел глаза:

— Отеллоиды напали первыми...

— Я не их имел в виду. Почему Слава ушла в слезах?

Дар покраснел:

— Не знаю... я ее не обижал...

— Ты ее любишь?

Дар смешался, не зная, что ответить. Девушка ему нравилась, но связывать свою жизнь с ней он бы не хотел. В памяти снова всплыл образ смуглянки с зелеными глазами.

— Н-нет...

— А если нет — не давай надежду. Девке замуж пора, а ты ее держишь.

— Не держу...

— Ладно, думай, чистодей. Не хочу, чтобы о моем сыне говорили, что он не созрел для семейной жизни, погулял и бросил.

— Ну что ты, пап...

— Или у тебя есть кто на примете, о ком я не знаю?

Дар опустил голову.

— Нет...

— Хорошо, закрыли тему. Понадобится совет — обращайся. Послезавтра тебе предстоит пройти дополнительное Испытание — поединок. Противник будет очень серьезный, Рада остановилась на Вольге. Сдюжишь?

Дар вскинул голову.

— Наставник?!

— Что всполошился, не готов? Он мне говорил, ты на голову выше всех его учеников.

— Я просто не ожидал... — пробормотал Дар, смущенный похвалой.

— Надеюсь, мне не придется краснеть за тебя.

— Мужчины, вы скоро? — услышался голос Веселины. — Я приготовила вечерний чай.

— Сейчас идем, — отозвался князь, ошупал лицо сына пронизательными глазами. — Вопросы есть?

Дар покачал головой, размышляя о предстоящем поединке с наставником. Потом спохватился:

— Отец, я не понимаю... может быть, пропустил важное

свидетельство... что произошло? Почему так быстро свернулась цивилизация? Всего за каких-то три с лишним тысячи лет... Ведь люди уже начали пользоваться безграничными ресурсами космоса, вышли за границы Галактики...

Бояр нахмурился.

— Ты должен был изучать Хроники Упадка.

— Я изучал... но что-то упустил...

— После прихода к власти адептов «абсолютной свободы личности» на Земле был реализован так называемый сценарий «тотализатора смерти», планета превратилась в государство без правительства. Неужели не помнишь?

— Смутно... «Тотализатор» был связан с рейтингом непопулярности чиновников...

— Верно. Идею разработал американец Жи-Ди Белл, за что его в те времена даже упекли в тюрьму на десять лет. Идея была похоронена на целых три с лишним столетия, а потом вдруг возродилась из пепла. Ее запустили в Сеть, и начался самый настоящий отстрел не понравившихся народу — по опросам в Сети — политических и прочих деятелей.

— Да, теперь припоминаю... использовались анонимные римейлеры, системы шифрования с открытыми ключами... и все равно не понимаю, каким образом это сработало.

— Идея оказалась бомбой замедленного действия. Когда наши предки спохватились, было уже поздно что-либо менять. Старая государственная машина не смогла противопоставить новой концепции власти ничего столь же революционного. Политика исчезла как феномен социогенеза. Не стало правительств. Не стало армий. Не стало полиции и вообще института контроля преступности. К тому же в те же времена началась открытая «сетевая охота» на интрасенсов. Им тоже пришлось воевать и защищаться.

— Смутные времена Ветхой Эры...

— Так их и называли впоследствии хранители Хроник.

— Но как же справились с преступностью? Без полиции?

— Вместо полиции, милиции, агентств криминальных расследований и спецслужб появился более надежный и неподкупный механизм общественного саморегулирования. Дело в том, что львиную долю преступлений во все времена совершают две категории преступников — наркоманы, которым необходимо любой ценой достать средства на наркотики, и профессионалы, для которых их деятельность — гене-

тически обусловленный образ жизни. Наркоманы ушли первыми.

— Это же хорошо.

— А никто и не спорит, что плохо. Если не считать последствий. Когда исчезли правительства, не стало и запрета на наркотики, проблема из социальной плавно перешла в медицинскую. Наркобизнес перестал быть сверхприбыльным, фармацевтические корпорации заполнили рынок дешевой и качественной наркопродукцией, героин и «белое золото» стали стоить, как таблетки от головной боли. Наркоманы, продолжительность жизни которых невелика, просто вымерли. Исчезли наркобароны и правоохранительная мафия, кровно заинтересованная в том, чтобы наркотики были всегда.

— Как все просто!..

— Еще проще общество справилось с профессиональными преступниками. Страховые компании стали финансировать действительно эффективные службы выявления и перехвата преступников, а выявленных отщепенцев стали немедленно «заказывать» через тот же «сетевой тотализатор смерти», щедро оплачивая ликвидацию каждого.

Дар озадаченно потер пальцем бровь.

— Но ведь и это хорошо...

— В определенном смысле, — усмехнулся князь. — К сожалению, на этом Белл-социум не остановился. Сначала по Сети объявили охоту на интрасенсов, свалив на них все грехи мира. К еще большему сожалению, к этой охоте подключились и некоторые интрасенсы-изгои.

— Не может быть!

— Увы, так случилось. Но главный удар цивилизация получила в результате тотальной цепной реакции массовых расправ над инакомыслящими, плюс выпущенные на свободу маньяками «абсолютной свободы» вирусы. Хватило пяти-сот лет, чтобы человечество практически сошло со сцены истории. Остались островки среди безжизненных технологических просторов с их квазиживыми саморегулирующимися структурами.

— Города...

— Города, технические сооружения, черноболи. Ты удовлетворен ответом? Если да, то пошли пить чай.

Железвич-старший поднялся, критически оглядел фигуру сына.

— Сдается мне, ты хотел задать другой вопрос. Нашу историю ты должен знать и без моих лекций.

Дар действительно хотел спросить, что их ждет в будущем, но постеснялся. Вопрос был по-детски прост, а выглядеть ребенком в глазах отца не хотелось. Через несколько минут они втроем пили чай в светлице, и, глядя на родителей, подшучивающих друг над другом, понимающих друг друга с полуслова, любящих и счастливых, Дар на мгновение ощутил зависть... и гордость, что он их сын... и уверенность, что завтрашний день не несет тревог и волнений.

ГЛАВА 5

Лягун ждал людей там, где они расстались вчера.

Дар вспомнил о подарке, забытом в суматохе дня рождения, с раскаянием подумал, что надо было показать странный шар отцу. И забыл об этом.

Лягун — уже без бинта на передней лапе — поманил друзей за собой.

— Он что же, предлагает нам лезть по болотным топям? — проворчал Борята.

— Других путей он не знает, — философски пожал плечами Дар. — Подожди здесь, я попробую с ним объясниться.

Он медленно, чтобы не пугать пучеглазое болотное существо, приблизился к нему, присел на корточки.

— Далеко идти до того места, где ты нашел шар?

Лягун проквакал дважды, ткнул за спину лапой, еще раз квакнул.

— Если далеко, мы не дойдем. Ты здесь хозяин и можешь перебираться через трясины, а мы живем на суше и по болотам ходить не приучены.

Лягун, не сводя прозрачно-желтых глаз с человека, отполз, поквакал, еще чуть отполз, оглядываясь, поманил Дара, ткнул лапой вперед, нырнул и тут же появился снова.

— Понимаю, — задумчиво кивнул Дар, — другого пути нет. — Поднялся, посмотрел на приятеля. — Что будем делать? Я-то смогу пройти, а ты?

— Что я тебе, болотный уж, что ли? — огрызнулся груз-

ный Борята. — Спроси, может, мы подскочим туда на летаке? Возьмем его с собой...

— Вряд ли он полезет в летак. Но идея хорошая.

Дар повернулся к терпеливо ждущему их лягуну.

— Предлагаем прокатиться к твоему схрону на машине, по воздуху, понимаешь? — Он передал мысленный образ летака, нарисовал, как в него садятся люди и лягун. — Так мы доберемся гораздо быстрее и без усилий.

Лягун забулькал водой, нырнул, вылез на кочку, квакнул отчетливо, будто сказал «нет», слабо пошевелил лапой. Он явно не хотел лететь.

— Тогда мы сделаем так: ты показываешь дорогу, мы летим за тобой на машине. Согласен?

— Квагг — кварр... квава — мла — ква...

— Разговорился, — хихикнул Борята.

— Беги за летаком, я подожду, побеседую с ним.

— А мне дадут?

— Скажешь Малху, что летак нужен мне.

Борята помчался выполнять распоряжение друга, одетый по-походному, в блестящий уник, к которому не прилипла грязь и который защищал хозяина от укусов любых летающих и ползающих тварей. Дар и сам надел такой же костюм, понимая, что в нем лазать по болотам сподручнее.

Борята вернулся на куттере через двадцать минут, довольный тем, что ему удалось самостоятельно уговорить сторожа дать летаки.

— Ну что, не убедил зеленого лететь с нами?

— Садись рядом, я поведу.

Дар забрался в куттер на место пилота, махнул рукой лягу: гуну:

— Веди, мы за тобой.

Болотный житель плюхнулся с кочки в коричнево-зеленую жижу, поросшую ряской и водорослями, исчез.

— Вот урод! — хлопнул себя по колену Борята. — Как же мы за ним полетим, ежели он будет плыть под водой?

— Ничего, не потеряемся.

Дар сосредоточился на фиксации колебаний пси-поля и уверенно повел летаки над болотом, обходя редкие деревца, кочки, островерхие пни.

Лягун передвигался на удивление быстро. Болото было его стихией, родным домом, каким для человека стал лес, и

он чувствовал себя здесь вольно, как рыба в воде, хотя, по ощущениям Дара, еще не оправился полностью после полученных от черного отеллоида ран.

Большую часть пути — около двадцати километров — лягун прошел под поверхностью трясин, изредка всплывая, чтобы убедиться, что его спутники не отстали. По суше он продвигался намного медленнее, хотя «сушей» болотные пригорки и поднятия назвать было трудно. Попадались и сухие холмы, совсем голые, почти без растений, и холмы, густо заросшие голоствольным сосняком. Лягун эти препятствия обходил стороной.

Иногда на его пути встречались другие лягуны, плыли какое-то время рядом, перебиваясь, потом возвращались к своим занятиям.

Весь путь от границы болота рядом с хутором до границы черноболи, которую открыл Дар прошлой ночью, занял полтора часа.

Лягун бесшумно вынырнул посреди черного омута с редкими листьями кувшинок и россыпью желтеньких звездочек пузырчатки, помахал лапой.

— Приехали, — с облегчением сказал заскучавший Борята, озираясь.

По-видимому, это был самый центр Вщижского болота, окруженный стеной осоки, кустистой крапивы, шапками гигантского плавающего мха и черно-зелеными стрелами камыша. Коричневое месиво с круглыми пятнами бледной зелени, с зеркалами черной воды. Трясина. Топь глубиной около двадцати пяти метров.

Лягун ткнул лапой вниз, как бы приглашая людей следовать за ним.

— Он что, сдурел? — хмыкнул Борята. — Вряд ли летак настолько герметичен, чтобы на нем можно было плавать под водой.

Лягун нырнул, вынырнул, снова сделал жест лапой, смысл которого был абсолютно прозрачен.

— Не вздумай... — начал Борята.

— Жди здесь, — перебил его Дар, отбросив колебания. — Я нырну за ним, один.

— С ума сошел!

— Посмотрю, что там, на дне, и через минут пятнадцать вернусь.

— Захлебнешься! Это же трясина!

Дар похлопал приятеля по плечу, плотнее соединил ворот уника на шее, на запястьях рук, на лодыжках.

— В случае чего я подам знак, вызовешь дружину по рации. Но я думаю, все обойдется.

Он подмигнул Боряте и перекинулся через борт куттера. Вошел в воду почти без плеска.

Потемнело. Вода была коричневого цвета и почти не пропускала солнечных лучей. Ее температура держалась на уровне пятнадцати градусов выше нуля; не слишком холодно, но и не очень приятно, хотя Дар мог долго находиться и в ледяной воде.

Включилось гиперзрение.

Горизонт видения плавно расширился.

В болотной мути проступили очертания обитателей болот: ленточных червей, тритонов, пиявок, головастиков, личинок разных насекомых. Лягун висел рядом стеклянно-блестящей торпедой, наблюдая за человеком. Дар помахал ему рукой, увидел ответный зовущий жест.

Они поплыли один за другим, постепенно погружаясь.

Плыть было нелегко, болотная вода имела бóльшую плотность, чем речная, и по мере погружения эта плотность возрастала соответственно давлению, превращалась в илистое месиво. На глубине пятнадцати метров Дар почувствовал, что долго плыть не сможет, несмотря на весь свой физический потенциал. Он мог не дышать воздухом больше часа, поглощая кислород из воды кожей тела, однако в глубине болота кислорода как раз было мало, а перестраивать метаболизм на иную энергетическую основу — метановую, не хотелось. На это ушло бы слишком много времени.

Словно почуяв состояние спутника, лягун остановился, поднял обе лапы, соединив их в круг, ткнул лапой вниз. Видимо, пункт назначения находился уже недалеко.

Дно болота — слой плотной жижи — приблизилось. В одном месте из этого слоя выпирал округлый бугор, похожий на стеклянный волдырь. Дар не сразу сообразил, что это на самом деле не стекло, а пленка силового поля.

Сердце заработало чаще, требуя кислорода.

«Не успею, — мелькнула сожалеющая мысль, — придется подниматься на поверхность».

Лягун, прекрасно ориентирующийся в полной темноте,

подплыл ближе, дотронулся до плеча Дара и нырнул в слой мути.

«Утону, как котенок», — подумал молодой человек, устремляясь за ним.

Пять метров до дна, четыре, три... дно! Где же проводник?

Сознание начало туманиться, меркнуть, в ушах поплыл комариный звон, руки и ноги сделались ватными...

Кто-то потянул его за руку.

Дар судорожно трепыхнулся, сунулся головой вперед, в надвинувшуюся скользкую и холодную стену. Голова почувствовала упругое сопротивление, мышцы лица свело, как от легкого электрического разряда. Еще одно усилие — и он вывалился на мокрый от пролившейся жижи пол какого-то строения. Вскрикнул от боли в ушах: от резкой смены давления едва не лопнули перепонки.

Сознание окончательно померкло... и восстановилось через недолгое время. Организм успешно справился с изменением окружающей обстановки, переключив физиологический комплекс с экстремального на нормальный процесс энерго- и воздухообмена.

Дар сел, таращась в темноту. Открылось гиперзрение.

Темнота послушно отступила, показывая внутренности воздушного объема, в котором оказался ныряльщик.

Лягун тоже был здесь. Сидел смирно рядом, выставив коленки в разные стороны и терпеливо ожидая, когда человек придет в себя.

— Привет, Сусанин... ты куда меня завел?

Болотный житель проквашал целую речь, раздувая шейный мешок, дернул верхней лапой, как бы прощаясь, и нырнул в бликующую стену за спиной. Продавил ее (силовое поле все же), исчез. Он сделал свое дело.

— Спасибо, — пробормотал Дар ему вслед.

Итак, что же прячется на дне болота, под двадцатиметровым слоем жижи и силовым колпаком? Что за сооружение? Чье оно? И сколько ему лет?

Он поднялся на ноги, ощущая покалывание в ушах и нехватку кислорода. Атмосфера здесь имела ощутимо большую плотность, чем на поверхности болота, и давно не обновлялась, судя по запахам сырости, плесени, гниения и разложе-

ния. Хотя, с другой стороны, это могли быть и запахи жижи, просочившейся сюда во время прорыва поля.

Дар ладонями счистил грязь с лица и волос, сделал два шага вперед по ровной и твердой поверхности. Заскрипело. Он нагнулся: мелкие камешки, песок... На искусственное покрытие похоже мало. И что это за громада впереди?

Он напрягся, р а з д в и г а я диапазон видения, и обомлел.

Перед ним высился... самый настоящий двухэтажный деревянный терем с тремя коньками, с красивыми витринными окнами, с резными наличниками, балясинами и перилами. Терем стоял прочно и основательно, как будто не прятался в глубине болотной топи под защитной завесой, а гордо высился среди таких же теремов где-нибудь на хуторе Жуковец или Смолены.

— Святой наставник! — прошептал Дар. — Это же чье-то поместье! Здесь раньше находился хутор Вшиж... легенды правду отражали... Хутор действительно ушел под болото... Чье же это владение?

Он двинулся вокруг терема, простоявшего под куполом не меньше нескольких сотен, а то и тысяч лет! Кто же накрыл его силовым полем, желая сохранить дом? И зачем это сделано?..

Вот крыльцо, ступеньки скрипят, разошлись от старости. Дверь отсутствует. Понятно, терем только маскируется под «естественное происхождение», материал его стен — все не стволы деревьев, а двери были сделаны, как и в городских зданиях, из особого порошка с подпиткой силовым полем. Податель энергии отключился, двери рассыпались. Но поскольку защитный купол все еще стоит, значит, генератор работает, есть возможность включить свет и побеседовать с компьютером.

Дар настроился на поиск электромагнитных полей и почти сразу же обнаружил источник слабых колебаний. Ни чем иным, кроме как вириалом инка, источник быть не мог. Давай-ка познакомимся, приятель. Меня зовут Дар, а тебя как?

В голове вспыхнуло колечко эфемерного света, тихо прозвучал тоненький звоночек. Затем раздался ровный, лишенный интонаций мыслеголос:

«Вы нарушили периметр частного владения».

«Прошу прощения, я не знал, что это частное владение. Могу я спросить, кому оно принадлежит?»

Тихое шуршание мыслефона.

«Я не получил конкретных указаний насчет информационного обмена с незваными гостями. Вынужден применить...»

Послышался отчетливый треск, в темноте дверного проема вспыхнул клубочек электрических молний, и голос инка прервался. Пульсация его энергосферы медленно угасла.

— Дьявол! — облился холодным потом Дар, ожидая, что сейчас защитное поле исчезнет и на него рухнет вся толща болота. Но все обошлось. Энергопитание домового инка отключилось по причине спонтанного короткого замыкания в сети, но генератор поля, к счастью, продолжал работать.

Что ж, придется обходиться без света и без проводника.

Дар поднялся на крыльцо, шагнул в проем двери.

Тотчас же под потолком помещения разгорелся оранжевый уголек. Включилось аварийное освещение.

Странно... здесь несколько управляющих систем... впрочем, это совсем даже неплохо, легче будет искать... что искать, в самом деле? И где лягун обнаружил здесь тот волшебный шар?

Дар огляделся.

Небольшой холл со старинными ликонами на стенах, написанными маслом. Вероятно, портреты предков неведомых хозяев дома. Детская коляска в углу, игрушки... Везде толстый слой слежалой пыли... следы... Ага, это следы лягуна, а рядом?

Дар нагнулся, разглядывая четкие рубчатые следы человеческих ног, точнее, сапог. Здесь не так давно побывал человек! И назад, судя по всему, он не выходил!

Дыхание скачком участилось. Включился сторож организма, поле зрения снова расширилось. Дар застыл, сканируя помещения терема «щупальцами» пси-поля.

Тишина, мертвый покой, запахи безнадёги и старости... Нигде никого... только в двух местах сонно помаргивают электрические сгустки, следствие работы каких-то приборов. Странно... где же тот, что оставил следы? Куда он запропастился?..

Дар бесшумно двинулся вперед. Вспомнил о Боряте, за-

держался на миг, чтобы передать ему успокаивающий импульс, зашагал дальше.

Три двери в разные по объему помещения, лестница на второй этаж. Следы ведут туда. Пойдем и мы в этом направлении.

Еще один холл с красивыми деревянными идолами, книжный шкаф, груды стекла и книг на полу. Пыль. Две двери. Одна молочно-белая, матовая, с рисунком трещин и наплывов, не поймешь, из какого материала, вторая — металлическая, сверкающая, новая, словно недавно поставленная, — чуть приоткрыта. И вела она в помещение, которого Дар не видел, несмотря на свой достаточно мощный «пси-прожектор». Комната была заэкранирована!

«Вот он где прячется! — сказал мысленно сам себе молодой человек. — Вошел и затаился! Кого он ждет? Меня?»

Он постучал в дверь костяшками пальцев:

— Разрешите войти?

Молчание в ответ, пустой шелест мыслефона, пульсация крови в голове, тишина.

— Есть здесь кто-нибудь?

Снова молчание.

Дар толкнул дверь — тяжелую, массивную, как в старинных сейфах, шагнул вперед.

Комната была небольшой — четыре на пять метров. Стены ее серебрились инеем и были металлическими на вид, с решетками сложного рисунка по всей площади. Такими же были потолок и пол. В комнате стоял стол из прозрачного материала зеленоватого цвета, необычной формы шкаф из такого же материала, с какими-то предметами на полках, кокон-кресло операционной системы неизвестного назначения, кресло обыкновенное и сумка с «молниями», брошенная в кресло. Кроме того, на стене напротив двери висели две картины, светящиеся так, будто они были окнами в красочные, полные жизни и необычных природных форм миры. Картины манили, притягивали взор, волновали, будоражили воображение, и Дар не сразу смог оторвать от них взгляд. Вспомнил о человеке, след которого привел его сюда, вздрогнул, озираясь, ожидая, что тот сейчас выберется из какой-либо замаскированной двери. Однако шли минуты, а никто не объявлялся, комната была пуста, кокон-кресло не прятало внутри себя оператора. Человек, зашедший сюда,

таинственным образом исчез. Лишь запах его остался, наряду с болотными запахами — лягун тоже побывал здесь, — тонкий, будоражащий, ощутимо чужой этому дому и одновременно знакомый, шевелящий память. Дар напрягся и вспомнил: такой запах издавал наставник во время занятий, не запах пота и кожи, а скорее «запах силы».

Куда же ты делся, милый друг? Назад не выходил, это точно, там только следы лягуна, но и здесь тебя нет... Магия? Или сверхтехнология? В Хрониках сказано, что люди владели системой мгновенного транспорта — метро. Но оно заблокировано и не работает уже бог весть сколько лет. Неужели ты владеешь секретом включать его в нужный момент в любой точке пространства?..

Кто-то посмотрел на гостя.

Дар вздрогнул, ища источник угрозы. Потом понял: это на него «посмотрели» картины. Заинтересовался, подошел ближе, разглядывая висящие в воздухе без каких-либо креплений и приспособлений, не имеющие рамок прямоугольники. Одна была побольше — метр по длине и сантиметров восемьдесят в высоту, другая чуть поменьше. Но самой удивительной особенностью картин оказалась толщина: Дар едва не порезался, дотронувшись до края картины, настолько она была тонкой, буквально — сотые доли миллиметра, если не тысячные.

— Мамма миа! — прошептал Дар, вглядываясь в творения неизвестного мастера, больше похожие на цветные фотографии, нежели на картины.

На первой был изображен инопланетный пейзаж: странное дерево слева с темно-зеленым кружевным стволом, состоящим из жил, дырчатых древесных наплывов и пленок, опирающееся на растяжки ходульных корней. На концах его сросшихся в арки и паруса ветвей — шапки крупнозернистой желтой пены. Холмистая оранжево-сиреневая равнина, заросшая белым бамбуком с вершинами, расходящимися дымными султанами, опускается к подножию горной страны дикой красоты. На фоне гор — спиралевидные, металлические на вид постройки со шпилями, вонзавшимися в розово-жемчужное небо. На переднем плане рядом с деревом — громадный зверь с туловищем динозавра в ромбовидной, блистающей изумрудной зеленью броне и с головой зубастой черепахи. Он поднял четырехпалую когтистую лапу

и чуть повернул голову, глядя куда-то в угол картины, где виднелся крупный коричневый валун, пробитый насквозь круглой дырой.

Вторая картина представляла собой исполинский кратер, накрытый алым куполом неба, со слоистыми стенами, сложенными из сверкающих кристаллических пород. В центре кратера повис гигантской запятой огненный фонтан, окруженный кольцом сизого дыма. Перед фонтаном виднеется ртутно-блестящий бок какого-то аппарата, а рядом с ним высится мрачная черная фигура, карикатурно напоминающая человеческую: намеки на руки, бугор головы, выпуклый зад. От фигуры исходит волна угрозы и силы, будто она живая. И еще Дар заметил чуть в стороне, на фоне скал, некий туманно-стеклянный блик, напоминающий просверк крыла птицы в полете.

Он покачал головой, понимая, что видит нечто совершенно необычное, неординарное, с виду только прячущееся под знакомыми предметами, в данном случае — картинами. На самом деле эти «картины» представляли собой некие артефакты, являющие иной смысл. И они для хозяина явно имели немалую ценность, раз он поместил их в экранированную комнату, а потом еще накрыл весь дом силовым пузырем.

Какое-то беспокойство зародилось в груди Дара, не выходя на уровень ощущений. Тем не менее он очнулся, с сожалением оторвался от созерцания картин, прислушался к себе. Что-то изменилось на поверхности болота, и это изменение было негативным. Настала пора возвращаться.

Он шагнул к порогу и задержался у шкафа с открытыми дверцами. Бегло оглядел покоившиеся на полках предметы.

На самой верхней лежал изумительной красоты кинжал с рукоятью, перетекающей в двухстороннее лезвие. По рукояти струился выдавленный узор — петлистая нить с более глубокими, но маленькими — с булабочное острие — отверстиями. Выглядел он как-то странно, необычно, не как оружие, а как замаскированный под кинжал более массивный и глубокий объект.

Чуть ниже располагался самый настоящий круглый стакан, сотканный из переливающихся на свету золотых паутинок. Дар невольно дотронулся до него, снял с полки, любясь узором, похожим на звездное скопление. Стакан был

почти невесом, но тоже казался массивным и г л у б о к и м, как бездонный колодец.

Камешек величиной с ладошку ребенка, толщиной в палец, из серого, с черными прожилками, зернистого материала, с виду обыкновенный округлый речной окатыш, если бы не мигающая желтая искра на одной из сторон. Дар взвесил его, ощущая необычную легкость окатыша, перевернул... и вздрогнул, открыв рот. Камень исчез!

Святой наставник! Куда он подевался?!

Дар посмотрел под ноги, сомневаясь в своей трезвости, но камня не нашел. И не мог найти. Он его не ронял! «Окатыш» исчез сам, будто мгновенно испарился.

Лучше здесь ничего не трогать, рассудительно проговорил внутренний голос. Эти экспонаты не зря охранялись столь надежно. Они только похожи на знакомые вещи, а внутри могут быть совсем не тем, чем кажутся.

На нижних полках стояли и лежали еще три интересных предмета: витая свеча с наплывами стеарина, верх которой подрагивал, как желе, и испускал почти прозрачную струйку дыма, чаша из черного металла, изукрашенная письменами, и большой фолиант с массивной кожаной обложкой и бронзовыми застешками. Эти предметы Дар шупать не стал.

«Я еще вернусь», — пообещал он сам себе, заинтригованный открытием странного музея. Его и в самом деле заинтересовало и озадачило исчезновение хозяина, вошедшего в тщательно заблокированное помещение, оставившего следы и затем испарившегося как дым. Да и экспонаты «музея» стоили того, чтобы осмотреть их более тщательно и разобраться с тайной происхождения в более спокойной обстановке. Все они казались более сложными и массивными, чем можно было предположить, и роднила их некая метафизическая г л у б и н а и скрытая неведомая сила.

Не оставалось сомнений и в том, что лягун именно здесь нашел магическую сферу (с тем же потенциалом) и подарил человеку в знак благодарности за спасение. Как он догадался о существовании под силовым пузырем древнего строения, каким образом проник под оболочку (наткнулся на специальное окно?), оставалось загадкой. Но факт оставался фактом: Вщижское болото скрывало в своих глубинах тысячелетний артефакт, сохранившийся до нынешних дней. Теперь Дар уже сомневался, что его встреча с отеллоидом и

спасение лягуна были случайными. Как и координаты Испытания. Черноболъ, которую он разминировал благодаря вмешательству тех же отеллоидов, граничила с болотом, а черные люди искали именно Вщиж, древний хутор, располагавшийся в этих местах тысячи лет назад. Уж не является ли терем на дне болота одним из строений хутора? И не этот ли терем искали отеллоиды?..

Что-то сверкнуло на полке в шкафу.

Дар вытаращил глаза.

Исчезнувший камень-окатыш возник на прежнем месте, словно выпрыгнул из воздуха, мигая покрасневшей искрой.

Чудеса в решете! Ведь его же не было! Что это за голыш такой, отвергающий законы физики? Или он подчиняется законам другой физики, не земной?..

Дар преодолел соблазн перевернуть камень еще раз, двинулся к выходу. Дверь оставил открытой, собираясь на самом деле вернуться сюда в ближайшее время, но уже более подготовленным к изучению свойств коллекции. Оглянулся, отзываясь на ощущение взгляда: висевшие в воздухе без опоры картины снова «посмотрели» на человека оценивающе и с надеждой, будто ждали от него какого-то действия.

— До встречи, — сказал им молодой человек. — Я вернусь.

Он спустился на первый этаж терема, поколебался немного, но все же толкнул одну из дверей, ведущую в большую — судя по пси-эху — комнату. Дверь задрожала и рассыпалась на струйки серой пыли.

Вероятно, комната раньше служила спальней. У стены виднелся ровный продолговатый холмик пыли — все, что осталось от кровати. Другая стена представляла собой пересечение гнутых матовых поверхностей и стоек с пятнами серебристого налета. Три самые настоящие «сосульки» свисали с потолка — то ли система освещения, то ли какие-то технические устройства. Еще два этажерчатых холма пыли — стол и кресло. Несколько молочно-белых обручей на стене слева, внутри одного из них — объемная фотография мужчины в расцвете лет и красивой девушки. Еще одна фотография: тот же мужчина, суроволицый, сероглазый, с твердым волевым подбородком, и еще двое мужчин рядом — смуглый, с характерным разрезом глаз и высокими скулами, и гигант с очень знакомым лицом... очень знакомым...

Дар почувствовал, как забилося сердце и горло сжал спазм. На фотографии был его отец, князь Светоруси Бояр Железвич!

— Не может быть!..

Дар шагнул в комнату, поднимая облачка пыли, подошел ближе.

Нет, это был не отец. Но человек на фотографии был так похож на него, что не приходилось сомневаться в их родственной связи. В голове поднялся тарарам, на сознание обрушился град вопросов: как, откуда, почему, кто изображен, где снимались, каким образом родич Железвичей оказался в этой компании?.. Потом Дар опомнился, привел мысли в порядок, снял со стены фотографию (как живые!) и спрятал на груди, под уник. Ссыпался по лестнице на песчаную площадку перед теремом, безошибочно определил проход в силовом пузыре — по ритмичной пульсации видимой в радиодиапазоне окружности. Автоматика защитного купола еще работала и без особого сопротивления пропустила гостя за пределы охраняемой территории, хотя потребовалось значительное усилие, чтобы преодолеть давление массы болотной жижи, стремящейся затолкать человека обратно.

Через несколько минут Дар вынырнул на поверхность трясины; для этого ему пришлось вдесятеро уменьшить вес тела, иначе выплыть из густого, вязкого месива не удалось бы.

Интуиция не подвела.

Обстановка на болоте изменилась, пока он отсутствовал.

Летак Боряты обнаружился в сотне метров от того места, где его оставил Дар, в тени гигантской красной ели. Как только Дар поднял руку, летак сорвался с места, метнулся к нему.

— Наконец-то! — выдохнул Борята, помогая другу забраться в кабину. — Я уже беспокоиться начал. Тут недалеко еще два летака крутятся, вынюхивают что-то, следят друг за другом. Мне это показалось подозрительным, и я...

— Где они? — перебил словоохотливого приятеля Дар.

— Здесь с полкилометра на юг есть еще одна топь, не меньше этой, из нее речка вытекает, вот там они и кружат. Ну что, помчались домой? Да, ты хоть что-нибудь интересное нашел?

— Потом расскажу.

Дар сел на место пилота, поднял куттер повыше и вскоре заметил в коричнево-зеленом растительном пространстве

просиявшую золотом точку. Это действительно был летак, небольшой, поменьше куттера, и что-то в его обводах показалось Дару знакомым. Он напряг зрение и отчетливо увидел под стеклянным колпаком аппарата — двухместный пинасс — две женские головки, светлую и темную.

— Дарья!

— Что? — не понял Борята.

— Это те самые девушки, Дарья и Аума, с которыми мы познакомились в Брянске.

— Не может быть! Что они здесь потеряли, на болоте?

Дар сосредоточился на поле в о м зрении и ощутил-увидел еще один летак, прятаящийся в густых зарослях папоротника на краю топи. Судя по поведению его пассажиров, они с живым интересом следили за аппаратом девушек, который то ходил кругами над топью, то зависал на одном месте, то опускался к самой поверхности болотного пространства.

— Что они делают? — прошептал Борята.

— Ищут, где можно искупаться, — буркнул Дар. Интуиция подсказывала, что их новая встреча с девицами тоже не случайна. Незнакомки явно что-то искали — там, в городе, и здесь, на болоте, и возможно, это был тот самый терем, в котором только что побывал чистодей.

— Давай подьдем, — предложил Борята.

Ответить Дар не успел.

Прятавшийся в зарослях летак вдруг метнулся к аппарату с девушками. Сверкнули две извилистые голубоватые молнии, неяркие в свете дня. Одна прошла мимо, вторая вонзилась в корму пинасса. Сверкнула тусклая вспышка. Аппарат развернуло, и он стал косо падать в болото, оставляя за собой дымный хвост.

— Что они делают?! — воскликнул Борята.

Дар не ответил, уже мчась к месту неожиданного боя, выжимая из куттера все, на что тот был способен.

На преодоление дистанции, отделяющей их от места развернувшихся событий, потребовалось всего десять секунд.

Пассажирки пинасса пытались остановить падение, и это им удалось. Но хищно кинувшийся за ними серый летак — шестиместный скоростной флайт — вновь метнул молнии, и пинасс, получивший два попадания подряд, рухнул вниз, разваливаясь на куски.

В этот момент к нему на помощь и подоспел куттер хуто-

рян. Оружия у них не было, отобранный у отеллоидов разрядник остался у отца Дара, и он сделал единственное, что мог в этой ситуации. Догнал флайт с неизвестными стрелками и ударил его дном сверху, всей массой машины, помноженной на скорость.

Колпак флайта разлетелся стеклянными брызгами. Сам аппарат спикировал вниз, коснулся поверхности болота, едва не перевернулся. С трудом вылез из густого месива, потянул к лесу. Дар не стал его преследовать, хотя и увидел в кабине две черные фигуры. Это были отеллоиды. Но появились дела поважнее.

Летак от удара почти не пострадал. Развернувшись, прыгнул к сыпавшейся в болото струе обломков пинасса.

Зашлось от страха сердце: неужели погибли?!

Однако два наиболее крупных обломка вдруг притормозили падение и оказались его пассажирками, обтянутыми зеркально-защитными комбинезонами. Зависли в двух метрах от черных пятен, пробитых обломками летака в сплошной зелено-желто-коричневой массе водорослей. Дар подвел куттер поближе, сдвинул блистер, сказал вежливо:

— Добрый день. Помощь нужна?

— Благодарю, — ответила светловолосая смуглянка с зелеными глазами, Дарья. — Вы, как всегда, вовремя. Интересно, что вы делали на болоте?

— Орехи собирали, а вы? — сказал Борята.

— Может быть, они за нами следили? — заговорила спутница Дарьи.

— За вами следили те люди, что стреляли, черные, наши их зовут отеллоидами, — качнул головой Дар. — А мы увидели вас случайно. Хотите, подбросим до города? Отеллоиды могут вернуться.

Девушки переглянулись. Никаких видимых приспособлений для полета у них не было, но в воздухе они держались так, будто стояли на земле. Видимо, в их необычного кроя комбинезоны были встроены антигравы. Из Хроник Дар знал, что в прежние времена такие антигравы использовались широко.

— Нет, спасибо, — отвергла предложение Дарья. — У нас тут еще есть... дела. Не волнуйтесь, мы сможем постоять за себя.

— Как знаете. Если понадобится помощь — назовите мое имя, я услышу.

— Это как? — сморщила носик черноволосая смуглянка.

— Я поняла, — прищурилась Дарья, и в голове Дара вдруг возникло призрачное видение — две тянувшихся навстречу руки. — Непременно позовем.

Дар кивнул, круто вонзил летак в небо.

Оставшиеся девушки посмотрели ему вслед.

— Что ты поняла? — спросила Аума.

— Он не просто симпатичный мальчик, местный супермен, он интрасенс. А вообще странно...

— Что странно?

— Дважды случайно такие люди не встречаются... Однако за дело, отеллоиды действительно могут вернуться, а мы еще не проверили и половины территории.

Две сверкающие фигурки нырнули в болото...

— Надо было попросить у них позывные для связи, — сказал Борята, оглядываясь. — Или договориться о встрече.

Дар и сам подумал о том же, но, во-первых, было уже поздно, а во-вторых, у него и без того появился шанс отыскать незнакомку с зелеными глазами. Потому что она была не из обычных горожан, населявших дома-ульи и дома-муравейники, она и в самом деле была интрасенсом.

ГЛАВА 6

Отец отсутствовал, а мама не знала, куда он полетел. Сказала лишь, что у него дела в Смоленах.

Разочарованный, Дар поплелся приводить себя в порядок, помылся, переоделся, пообедал с матерью, не пытавшейся разговорить сына и выяснить, где он был: захочет — сам расскажет. А он о своих приключениях на Вщижском болоте говорить не стал. Только признался, что нашел старинный терем и познакомился с девушками.

— Нашенскими? — понимающе улыбнулась Веселина. — Или дальними?

Дар порозовел. Он не знал, где живет Дарья, хотя считал ее скорее жительницей города, нежели хуторянкой.

— С дальними. Одну зовут Аума, а вторую Дарья.

Брови матери взлетели на лоб.

— Любопытное совпадение. Горожанка, надо полагать?

— Наверно... я не узнавал... но она еще к тому же сенс...

В глазах матери отразилось сомнение.

— Среди городских сенсов нет.

Дар доел творог, запил молоком, торопливо поднялся.

— Пойду готовиться, у меня сегодня еще одно Испытание.

Веселина поняла его настроение, мягко улыбнулась.

— Разумеется, сынок. Потом как-нибудь поговорим на эту тему. В наше время сенсы — редкое явление, а тем более среди женщин. Она красивая?

— Очень! — вырвалось у Дара.

— Тем более. Тебе повезло. Ну иди, не переживай, все будет хорошо.

Дар с облегчением вышел из столовой, поднялся к себе в спальню. Вопросы матери всколыхнули память, перед глазами снова проявилось лицо зеленоглазой, и он некоторое время вспоминал ее речь, глаза, жесты, пока не опомнился и не заставил себя заниматься другими делами.

Вытряхнул из травяной сумки подаренную лягуном невесомо-эфемерную, как мыльный пузырь, скользкую сферу, с трудом поймал ее и установил на столе. Теперь, при дневном свете, она выглядела иначе. Размером с голову ребенка, легкая, как тополиный пух, и неуловимая, она казалась сгустком опалесцирующего тумана, не ограниченного никакой твердой оболочкой. Внутри нее то и дело вспыхивали искорки, складываясь в настоящие звездные россыпи, которые вдруг расплывались черным дымком, исчезали, чтобы через некоторое время засиять вновь.

Дар присмотрелся к ним, напрягая зрение, и словно провалился в глубокий колодец, на дне которого зыбко колыбалась россыпь золотых шариков... не шариков, конечно, но и не звезд. Планет? Тоже не очень-то похоже.

В ушах вдруг раздался удивительно мягкий раскатистый баритон:

— Иригути кэнкон. Предупреждаю: переход фиксирован. К сожалению, система масс-переноса вырождается, связи рвутся, многие зависимые финиш-терминалы системы вышли из строя, будьте осторожны. Предельная масса перехода — сто восемьдесят — двести. Ближайший фиксированный узел — система Лем-одиннадцать, сорок шесть световых лет.

Ошеломленный Дар перевел взгляд на один из золотых шариков, тот вспыхнул ярче, пространство спальни шатнулось, так что желудок прыгнул к горлу, как при падении с высоты. Спohватившись, Дар вышел из колодца, с облегчением узнал обстановку спальни, однако голова прояснилась не сразу, пребывая в состоянии необычной эйфорической расслабленности.

Пресвятая мать! Сфера-то далеко не простая вещь! И не игрушка! Иригути кэнкон... что это означает? А главное, что за голос родился в «колодце» и почему он предупреждал об опасности, советовал быть осторожнее? Может быть, сфера — узел какой-то машины с «фиксированным переходом»? Рация? Или передатчик материи?..

Стараясь не дышать, Дар отодвинулся от стола, с удивлением и опаской глядя на сферу, и подумал, что она сродни тем таинственным предметам, которые он видел в заэкранированной комнате под толщей болотных вод. Они тоже создавали впечатление невероятной глубины.

«Ладно, потом поэкспериментируем, сейчас мне некогда. Полежи пока в сумке».

Он осторожно коснулся сферы пальцами, но, каким легким ни было касание, ему показалось, что туман внутри сферы «посмотрел» на него строго и недовольно. Мало того, в момент касания стены комнаты, стол, кровать и другие твердые вещи на мгновение завибрировали, расплылись, как расплывается гитарная струна, если ударить по ней пальцем.

Дар вспотел, заставил себя успокоиться, уложил сферу в сумку. Посидел немного, отдыхая. Потом достал фотографию трех мужчин, один из которых был похож на отца как две капли воды, утвердил ее на столе. Снова в голове вихрем за клубились вопросы, не имеющие ответов, пришлось усилением воли загнать их поглубже и сосредоточиться на расслаблении. Добившись состояния полной «немысли», Дар ушел в созерцание работы всех по очереди органов тела, пока не настроился на Испытание. После этого встал, натянул свободную белую рубаху, такие же штаны, перехватил волосы алой лентой, чтобы не мешали, и мысленно позвал наставника: я готов!

«Мы ждем тебя», — прилетел не слышимый никем, кроме Дара, ответ.

Суть любой высокой боевой системы заключается не в количестве освоенных приемов, а в психофизической готовности бойца жить среди людей без напряжения, но в то же время постоянно контролируя ситуацию. Настоящее боевое искусство — это стопроцентное владение физикой, физиологией и энергетикой организма, умение оценить обстановку и адекватно отреагировать на ее изменение. Специалист, свободно владеющий системой целостного движения, способен, не задумываясь, сплести «силовую паутину» любых возможных траекторий ударов и ответов, поскольку для него это — как способность дышать или ходить.

Но эти двое, замершие друг против друга в свободных позах, не спешили проявить все свои возможности и знания. Со стороны казалось, что они просто стоят и молчат, изредка делая мелкие шажки из стороны в сторону, мелкие жесты, неспешные движения. На самом деле это был бой, состязание двух стратегий, двух тактик, двух отражений мира, очень близких по духу, но разных в силу возраста и опыта.

Вольга был старше Дара на тридцать девять лет, хотя на вид ему нельзя было дать больше сорока, и занимался с учеником более пятнадцати лет, вложив в него все, что знал и умел сам. Испытание боем должно было дать оценку готовности ученика идти дальше самостоятельно.

Старший сделал шаг в сторону и будто растворился в воздухе, исчез.

Младший ответил тем же.

Они встретились в определенной точке пространства — бой происходил на лесной поляне, усыпанной валунами, — рассчитанной обоими, но с разных сторон и разными подходами. Вихрь невидимых глазу обычного человека движений, полууклонов, полунырков, полупрыжков, многоуровневое оперирование всеми органами тел, энергетические всплески, потоки намерений и ответов на них, стремительное перемещение по «рингу» — никто не споткнулся, не пошатнулся, не задел камень, не раздавил сухую веточку — и выход на главный удар...

Они угадывали потенциалы атаки, опасность маневра, возможные уходы и угрозы, прогнозируемые и вероятностные ответы и отвечали такой же блестящей виртуально-реальной защитой, не доводя ситуацию до контакта.

Потом тот, что был старше, вдруг сделал отскок назад, еще один, чуть не упал и выставил вперед ладонь.

— Остановись!

Дар замер, прекратил двоиться и троиться, выпал из пространства боя, опустил руки, с которых сорвались на землю и погасли струйки розоватого свечения.

— Я горжусь тобой, — продолжил наставник. — Ты превзошел все мои ожидания. — Он поклонился. — Спасибо, чистодей! Теперь я спокоен за тебя.

Дар очнулся, порозовел, ответно поклонился.

— Благодарю тебя, учитель! За терпение. За строгость. За все!

Вольга глубоко вздохнул, гася огонь в глазах.

— Да, ты превзошел меня. Так я не двигался даже в молодости. Живи долго! Но запомни, сынок: реализация резервных возможностей организма — не главное. Тебе еще надо научиться не доводить наметившийся конфликт до боя. Бой надо выигрывать до его реализации.

— Я понимаю, — тихо сказал Дар.

— Буду горд убедиться, что это так. Ты научился воздействовать на любые биосистемы, попадающие в сферу досягаемости, однако постарайся отличать действительно опасные физические биосистемы от потенциально опасных. Не навреди!

— Я постараюсь.

Вольга улыбнулся, обнял ученика за плечи.

— Поздравляю, сынок. Ты прошел Испытание. Теперь я могу спокойно вернуться в свой скит.

Из-за кустов лещины вышли двое: Боригор и старейшина общины Голован.

— Давай теперь со мной, — пошутил главный витязь общины. — Не терпится получить по сопатке.

— Уж лучше я потревожу медведя в берлоге, — ответил шуткой Дар, пожимая твердую руку воина.

— Ты заслуживаешь правила, — прищурился Голован, очень старый, больше века проживший на земле, но оставшийся стройным, прямым и бодрым; длинные седые волосы были пышными, а глаза сияли молодым голубым огнем. — Живи по закону, имя которого — совесть! И тогда тебе станет доступен высший уровень *живы* — устройство *повелевания*.

Дар молча поклонился, посмотрел на Боргора.

— А вообще-то лучше с тобой не связываться, — сделал тот озабоченное лицо. — Да и времени нет.

Голован усмехнулся, Вольга хмыкнул:

— Это уж точно. Потеряем защитника.

Дар усилием воли сдержал довольную улыбку. Боргор заметил его мимику, захохотал, обнял за талию.

— Рад за тебя! Вижу, что у меня есть достойная замена. Ну что, други, отметим это дело хмелем?

— Невозбранимо, — согласился Голован. — Право имеем.

На хутор возвращались в приподнятом настроении, веселые и довольные. Душа Дара пела, он был счастлив. Вольга посматривал на него понимающе, пряча усмешку, а Голован — с одобрением и скрытой печалью. Он знал, каким непростым будет путь молодого чистодоя в будущем.

Борята, переживающий за друга, встретил делегацию за околицей хутора, понял по лицам мужчин, что все слади-лось, и порывисто сжал локоть Дара.

— Я знал, что ты пройдешь Испытание! — На миг его лицо отразило сожаление. — Теперь ты сможешь выбирать дело самолично... — Он вздохнул.

Дар его понял. Борята был на год моложе, не закончил универсалий и не мог решать свою судьбу без одобрения старших. Ему еще предстояло пройти Испытание и доказать свое право на самостоятельную реализацию возможностей.

Все участники события сели за накрытый стол в тереме Железвичей, Веселина поставила праздничный пирог, разлила в кружки горячий облепиховый взвар, и началось веселье. Через полчаса появился князь, обнял сына, шепнул на ухо: молодец, мальчик! — присоединился к пирующим. Дар захмелел слегка, с удивлением прислушиваясь к своим ощущениям — до этого он ни разу не пробовал хмельных напитков, — заметил испытующий взгляд Голована и вдруг сообразил, что застолье — тоже часть Испытания, быть может, не менее важная, чем боевая. Старшие наблюдали за ним исподтишка, чтобы проверить его реакцию на психотропную зависимость, на разрешенное расслабление, дающее легкое удовольствие.

Усилием воли он задавил приятное эйфорическое головокружение, отставил кружку.

— Еще, сынок? — с готовностью поднесла кувшин мама.

— Нет, не хочу, — с достоинством ответил он.

Голован встал; глаза его смеялись. Поклонился.

— Прошу прощения, князь, мне пора. Можешь гордиться, у тебя есть опора и надежда.

Засобирался и Вольга.

— Пожалуй, засиделись мы тут. Пусть молодежь еще посидит, пошумит, а нам действительно пора.

— Пойдемте, други, побеседуем, — поднялся Бояр. — Есть о чем.

— Ты послал дружину?

— Об этом и речь.

Взрослые поднялись на второй этаж хоромины, голоса их стихли.

Дар и Борята остались доедать пирог и пить чай. Потом пошли в спальню Железвича-младшего.

— Ты мне так толком и не рассказал, что обнаружил в болоте, — заявил Борята.

— Терем, — ответил Дар, сбрасывая б р а н н у ю одежду для боевого Испытания и оставаясь в чем мать родила.

— Ты мне это уже говорил, — возмутился приятель, взирая на него с восхищением и завистью: Дар был прекрасно сложен и осязательно энергичен, сила переливалась по его жилам, как жидкий огонь.

— После обеда слетаем туда еще раз.

Глаза Боряты загорелись.

— Правда? Не шутишь? Здорово! Только, чур, — я тоже нырну в болото!

— Посмотрим.

Дар накинул рубаху, достал из сундука травяную сумку с магической сферой. Борята с любопытством придвинулся к нему.

— Что ты хочешь делать?

— Руками не трогай, это не простой шарик.

— А какой?

— Внутри него спит не наша жизнь.

— Шутишь?

Дар вытряхнул туманно-текучую сферу на стол, уже не обращая внимания на шаткое с о т р я с е н и е всего объема комнаты. Внимательно взгляделся в мерцающие искры в центре сферы. Снова проявился тот же эффект, что и вчера,

когда он начал изучать подарок лягуна, пытаясь понять его назначение.

Сфера как бы протаяла в глубину, мягко качнув пространство дома, превратилась в колодец с зыбкими стенами, искры выросли в размерах до золотых вибрирующих дышащих кругляшей.

— Что это?! — прошептал потрясенный Борята, затаив дыхание.

«Иригути кэнкон, — прозвучал в головах молодых людей мягкий бархатный баритон. — Переход фиксирован...»

«Кто ты?» — мысленно перебил Дар обладателя голоса.

Короткая пауза.

«Я независимый оператор перехода интергалактической системы связи на местную линию метро».

«Что такое метро?.. Постойте, но ведь метро — это система масспереноса... транспортная система...»

«Абсолютно верно».

«Но метро не работает уже много лет!»

«Земная сеть просто заблокирована, сеть Солнечной системы и межгалактическая сеть работают в аварийном режиме».

«Почему?»

«На этот вопрос у меня нет ответа».

Сбитый с толку Дар не сразу пришел в себя, помедлил, формулируя более корректный вопрос:

«Вы... ваш комплекс работает?»

Неизвестный оператор «перехода интергалактической системы связи» не потерял ни грана вежливости, он был очень терпелив:

«Я еще работаю, хотя велика вероятность сбоя программ из-за износа интерфейса».

«А система... тоже работает?»

«В относительно стабильном режиме».

«И метро?»

«На тридцать три процента».

«Что это значит?»

«Многие станции вышли из строя и не подлежат восстановлению».

«А ты можешь перенести меня в сеть? На одну из работающих станций? Или они все заблокированы?»

«Вы, наверное, не расслышали: я независимый оператор».

«То есть можешь?»

«В пределах функционирующих систем».

«Тогда перенеси меня... на ближайшую станцию... погоди! Я смогу вернуться?»

«К сожалению, выходы метро тоже фиксированы, а у вас нет второго открытого трансфера».

«Где я окажусь, если придется вернуться?»

«На вашей планете остались незаблокированные узлы перехода, в том числе — в пятидесяти восьми километрах от этого места».

«В городе? Ближайшая станция метро — в Брянске».

«Я не знаю названий ваших городов, возможно, это действительно Брянск».

«Тогда включай линию!»

«Назовите точные координаты».

«Желательно попасть на Меркурий».

«Ближайший узел выхода на Меркурии — станция Джи-Ар сто два».

Борята, не принимавший участия в мысленной беседе друга с автоматом переноса и не успевающий следить за нитью беседы, шумно вздохнул:

— Что он говорит?!

— Когда я исчезну, возьми у старшины летак и дуй к Брянску, будешь ждать меня у главного городского терминала метро.

— Ты уходишь?! Без меня?!

— Я только взгляну одним глазом на Меркурий и вернусь. — Дар перешел на мыслекontakt с оператором устройства переноса: «Поехали!»

Эфемерно-зыбкий «колодец», на дне которого сияли золотые шарики неведомых звезд и планет, скачком обнял Дара, превратился в несущийся навстречу с огромной скоростью тоннель, сжался в тончайшую «струну». Сознание померкло... и прояснилось через несколько мгновений. Чувствуя неприятное шевеление желудка, Дар сглотнул слюну, сделал шаг вперед на ватных ногах... и едва не стукнулся лбом о стену! Замер, ощупывая помещение «сканером» третьего глаза.

Оно было тесным — всего на четыре-пять человек — и абсолютно голым.

«Кабина метро!» — пришла догадка. Ну, конечно, это финиш-камера на Меркурии, судя по слабой силе тяжести. Только дышать нечем.

Воздуха в кабине действительно было очень мало, а это говорило о том, что системы обслуживания данного объекта давно отключились. Не застрять бы!

Дар пощупал шершавую стену кабины перед собой.

Сзади что-то скрипнуло, в кабину упал сноп слабого оранжевого света. Это открылась дверь.

Дар шагнул в коридор, тускло освещенный пунктирчиком аварийной сети, вспомнил о своем «транспорте» и оглянулся как ужаленный.

Туманно-прозрачная сфера кэнкона, в которую свернулся тоннель перехода, лежала в углу кабины, помаргивая оранжевыми искорками.

Дар с облегчением перевел дух, вдруг сообразив, что, если «струна» связи с земным миром оборвется, вернуться домой будет очень трудно, если вообще возможно. Осторожно поймал сферу, засунул под рубашку на груди, чтобы не потерять ненароком.

Отсутствие воздуха напрягало, но Дар не собирался задерживаться в этом странном месте надолго, снедаемый любопытством. Он хотел лишь убедиться в действительности случайно открытого способа путешествовать по недоступным ранее мирам.

Коридор с морщинисто-пористыми гнутыми стенами, три светлых прямоугольника один за другим — двери, наверное, и еще один — с паутинками света внутри, в торце коридора. Захотелось посмотреть, куда ведет эта дверь.

Дар подошел к прямоугольнику, не обнаружил на нем и возле него никаких кнопок или указателей, шлепнул ладонью по световому узору. Прямоугольник выгнулся пузырем и рассыпался дымными струйками, открывая вход в помещение. Дар вошел.

Он оказался под невысоким куполом с черно-коричневыми панелями, вделанными в стены купола. Цвет пола непонятен, так как пол покрыт толстым слоем пыли. Два холма рыжей пыли и каких-то обломков посередине, блестящее яйцо в дырчато-кожистой оболочке у стены. Жарко, воздух

практически отсутствует. Интересно, что здесь было? И когда, сколько лет назад? Ни одного намека, ничего такого, что дало бы возможность оценить возраст сооружения. Однако должен же здесь существовать некий механизм управления встроенной техникой? А также справочно-информационный комплекс, которыми снабжались в прошлые времена все постройки людей?

— Есть кто живой? — проговорил Дар, не слыша своего голоса: слабые следы атмосферы в помещении звук не проводили.

Повторил ту же фразу мысленно.

Никто не ответил. Хотя через мгновение что-то дрогнуло в стенах купола, по давно не работающим контурам пробежала почти неощутимая струйка энергии.

«Управляющий?»

Еще одна эфемерная судорога — и тишина в ответ.

«Ты меня слышишь?»

Бесшумная молния электрического разряда. Если автомата и слышала человека, отвечать не спешила. Или не могла.

«Хорошо, включи хотя бы систему обзора».

Две тихие молнии одна за другой, и тотчас же в куполе стали образовываться — будто лед таял — отдельные прозрачно-мутноватые окна. Сквозь них внутрь помещения хлынул горячий световой поток, ощутимо плотный и густой, как кисель. Дар прищурился, регулируя остроту зрения, и, словно почувствовав его напряжение, окна системы обзора, так и не соединившиеся в общее поле, притушили интенсивность потока световых лучей. Стала видна исполинская алая полусфера с волокнами и фонтанами протуберанцев — солнце, наполовину прятавшееся за краем Меркурия. Очевидно, станция с башней обзора располагалась в данный момент на краю дневной стороны планеты, и был виден лишь край светила, похожий на жидко-огненную гору.

Дар нашел черную дыру в этом стоячем пламени, пожегилс неволью. Из Хроник он знал, что этот странный объект, поглощавший свет и плазму верхних слоев солнца, некогда располагался на поверхности Меркурия, но потом в результате какого-то эксперимента был сброшен на солнце и остался там. Назывался этот объект эйнсоф.

Голова закружилась: мозг требовал кислорода. Дар мог

бы перейти на голотропное дыхание, но использование аутотропных техник изменяет биохимический баланс организма, и наставник учил без нужды не вмешиваться в его энергетику.

Бросив взгляд на черную щербину эйнсофа — самая настоящая дыра в преисподнюю! — он поспешил обратно к кабине метро. Лишь оказавшись в тесной неуютной камерке, вспомнил, что мог бы воспользоваться магической сферой и под куполом зала обзора. Вынул из-за пазухи сферу, проник в ее глубину мысленным взором. Вокруг соткался из ничего зыбкий струящийся колодец.

«Домой!» — приказал Дар оператору сферы.

И через минуту вывалился, бездыханный, в кабину метро Брянского терминала.

Борята ждал его у выхода, в пустом зале, где располагалось около сотни кабин. Никого в этот час в зале не было, терминал давно не работал.

Еще через минуту они мчались на летке в сторону хутора Жуковец.

ГЛАВА 7

Если бы отец был дома, Дар тут же рассказал бы ему о своем экспериментальном походе в заблокированную невесть когда и неизвестно почему сеть метро. Но князь убыл по делам с дружиной, возможно, охотиться на черных бродяг-отеллоидов, и Дар отложил объяснение с отцом на вечер.

До обеда он приходил в себя, неохотно отвечая на расспросы приятеля, и когда обидевшийся Борята ушел, дав слово ни с кем не делиться тайной сферы, решил повторить путешествие. Жутко захотелось побывать на других планетах Солнечной системы, а также на планетах других звезд, где люди оставили свои поселения.

Молодой человек заперся в спальне, радуясь, что мама тоже куда-то ушла, надел уник — для путешествия по иным пространствам защитный костюм годился больше, чем повседневное платье, — и установил сферу кэнкона на столе. Пристально заглянул в ее глубины. И «провалился» в знакомый «колодец» с туманно-зыбкими стенами.

«Иригути кэнкон, — отозвался оператор системы. — Пе-

реход фиксирован, однако предупреждаю: многие финиш-терминалы вышли из строя...»

«Я знаю, — мысленно перебил его Дар. — Открой мне выход в сеть метро».

Короткое молчание.

«Какой уровень требуется?»

«Не понял. Ты же только что перенес меня на Меркурий...»

«Сеть метро имеет три уровня: планетарный, уровень Солнечной системы и межзвездный. Вы просили отправить вас на фиксированный узел Меркурия...»

«Хорошо, я понял. Перенеси меня... скажем... на Марс!»

«Координаты точки выхода?»

«Мне все равно, просто на Марс, в любую точку».

«Сохранился фиксированный узел в районе Долины Маринеров».

«Отправляй!»

«Колодец» скачком протаял в глубину, всосал в себя человека, сжал в элементарную частицу и развернул в подобие тонкой струны, протянувшейся в бесконечность. Свет в глазах померк, затем вспыхнул вновь — тусклый, серый, безжизненный.

Знакомая тесная каморка с темно-зелеными пористыми стенами, прямые углы, черные кляксы на полу — финиш-камера сети метро местного терминала. Неуютно, холодно, сыро. Воздух имеется, но давление вдесятеро меньше необходимого, и очень мало кислорода. Плюс небольшая сила тяжести, в три-четыре раза меньше земной. Да, это, очевидно, Марс. Странно, что люди делали финиш-камеры метро такими маленькими, тесными и скучными. В то время как большинство старых сооружений имеет вполне законченный, гармоничный, эстетически выверенный вид. Может быть, существует какое-то объяснение этому пренебрежению к внутреннему убранству сугубо технических объектов?

— Оператор? — позвал Дар по наитию. — Ты живой?

— Слушаю вас, — отозвался шелестяще-свистящий — аж скулы сводит! — голос.

— Еще дышишь? — обрадовался Дар. — Отлично! Включи технологическое оснащение объекта.

Тотчас же все вокруг волшебным образом переменялось.

Стены каморки налились жемчужным свечением, при-

обрели вид красивых панелей из перламутровых чешуй и зерен. Спрятанные в стенах светильники изменили спектр, подстраиваясь под солнечный свет. Потолок превратился в голубое небо с барашками облаков, а пол — в песчаный пляж. Казалось, кабина метро даже увеличилась в объеме, хотя это был всего лишь хорошо срежиссированный эффект.

Однако длилась метаморфоза недолго.

Что-то хрустнуло, по стенам пронесся световой ураган, стирая рисунок чешуй, и они погасли. Волшебство кончилось.

— Сбой в программе, — сухо доложил инк, управляющий техникой узла метро.

— Выпусти меня, — приказал Дар.

В стене слева возник прямоугольный световой контур, мигнули светильники, и дверь расплзлась вихриками дыма.

Коридор без каких-либо намеков на двери, люки и вентиляционные отверстия. Дыра в стене. Прямоугольный проем в торце коридора — выход в соседнее помещение. Следы в толстом слое пыли на полу! И слабый запах чужого присутствия. Кто-то был здесь, совсем недавно, оставил следы — словно слон прошелся — и исчез.

Дар уложил сферу — гарант его свободы — в сетку, затаив дыхание, скользнул в проем так и не восстановившейся двери.

Темное до этого мгновения помещение в форме купола осветилось тремя оранжевыми пунктирами.

Знакомая картина: морщинистые стены из какого-то коричневого мутно-стеклянного материала, холмы пыли и обломков аппаратуры на полу, из которых торчат остатки непонятных устройств, и следы человеческих ног в пыли. Холодно, душно, неуютно.

— Включи обзор! — скомандовал Дар, не надеясь, что голос его оживит систему обслуживания помещения. Однако подействовало.

В сплошной массе коричневых стен появились прозрачные окна, соединились в подобие мозаичного экрана, хотя должен был стать прозрачным весь купол. Тем не менее сквозь эти окна стал виден пейзаж Марса с высоты двух сотен метров. Зал обзора, очевидно, венчал высокую башню, все еще гордо подпиравшую розоватое небо планеты.

Дар увидел необычайной красоты систему каньонов,

прорезавшую горные породы Марса, на дне которых сверкали наледи и замерзшие цепочки озер — все, что осталось от рек, некогда текущих по каньонам, после того как люди растопили снежно-ледяные полярные шапки для изменения климата Марса и подготовили его к заселению. Но и здесь давно уже никто не контролировал работу климатических установок, и брошенный на произвол судьбы Марс быстро вернулся в лоно первозданного хаоса, теряя остатки тепла, воздуха и влаги. Температура на его поверхности даже в экваториальных областях редко поднималась до плюс двадцати градусов по Цельсию. В горах же она падала до минус тридцати днем и минус шестидесяти градусов ночью.

Откуда-то из глубин сооружения в зал прилетел тихий шелест и треск. Окна в куполе башни стали мутнеть одно за другим. Пейзаж Марса спрятался за потерявшей прозрачность стеной. Последний красновато-сиреневый луч погас в толще купола, наступила темнота.

— Что случилось? — позвал местного инка Дар.

Никто ему не ответил.

Техника сооружения подошла к пределу своего функционирования, и ее системы начали отказывать одна за другой.

«Интересно, — подумал молодой человек как о чем-то несущественном, — что, если отключится станция метро? Я здесь навсегда останусь?..»

Кстати, надо было взять фонарь, пришла другая мысль, более практичная. А за ней третья: кто побывал здесь совсем недавно, оставив следы? Такой же путешественник, кто-то из городских, местные жители? А может быть, это был черный бродяга-отеллоид?..

Из коридора донесся еще один треск, словно лопнуло стекло. Застоялый воздух помещения всколыхнула струя слабого ветерка. Возможно, это попыталась включиться система вентиляции здания, а возможно, и в самом деле треснула стена. Башня могла рухнуть в любой момент.

Дар вздрогнул, поспешил к кабине метро, потом вспомнил о сфере: она могла переносить владельца в сеть мгновенного перемещения из любой точки пространства.

Так и случилось. Сфера послушно развернула «колодец» перехода, ее управляющий вежливо запросил инструкции, и Дар скомандовал перебросить его на один из спутников

Юпитера. Через несколько секунд он очутился внутри очередной кабины метро, освещенной аварийными индикаторами.

Сила тяжести здесь соответствовала земной. Воздух был плотен и насыщен кислородом, хотя в нем и присутствовали некие примеси и запахи, подсказывающие, что объект не принадлежит земным сооружениям.

— Где я? — вслух полюбопытствовал Дар.

— На станции «Абрамс» южной зоны, — ответил приятный женский голос на английском языке. — Станция принадлежит Союзу Одиноких Сердец американского экономира. В настоящий момент заселена на ноль целых девять сотых процента. На ее территории располагаются клубы «Голубая орхидея», «Свободная любовь», «Океан страсти», «Хочу жить», «Создай себе рай», «Умри, если хочешь».

— Спасибо, — перебил собеседницу заинтригованный Дар, — клубы мне без надобности. («Умри, если хочешь», м-да!..) Где находится ваша станция? Я просил дать выход на спутники Юпитера.

— Вы находитесь на Гавиале.

— Разве есть такой спутник?

— У Юпитера более ста спутников. Гавиал — один из них, открыт в две тысячи пятом году.

— Понятно. Каковы его размеры?

— Диаметр — два километра триста шесть метров.

— Блудный астероид...

Голос поперхнулся, инк переваривал слово «блудный». Но вежливости не потерял:

— Что вас еще интересует?

— Значит, ваша станция еще способна содержать живущих?

— «Абрамс» имеет автономную систему жизнеобеспечения с полным циклом утилизации отходов. Она может обеспечить всем необходимым четыреста тридцать человек. В настоящее время на ее территории проживают четверо.

— Станция имеет зону отдыха и обзора?

— Разумеется, и не одну. На станции имеются два общих визинг-зала, один из которых разрушен и заблокирован, а также двенадцать малых башен наблюдения.

— Как пройти в уцелевший визинг-зал?

— Я провожу вас.

Одна из стен кабины растаяла. Дар вышел в коридор и едва сдержал восклицание: пол коридора вдруг поплыл вперед, набирая скорость. Побежали мимо стены коридора, он изогнулся — раз, другой, третий — и вынес невольного пассажира в большое помещение с прозрачной куполовидной крышей. По-видимому, это и была зона отдыха, одновременно служащая залом визинга, то есть залом обзора и наблюдения. Зал представлял собой нечто вроде луга, заросшего травой и цветами, по которому бежали десятки пересекающихся тропинок. Имелись также несколько открытых веранд и беседок, пустующих в данный момент.

Прозрачная крыша зала была поделена на две части — черную, с россыпью звезд, и зеленовато-палевую, с пятнами и струями белого, серого и голубоватого цвета. Дар не сразу сообразил, что эта похожая на пухлое облако стена на самом деле является Юпитером. Точнее — только краем гигантской планеты, освещенным солнцем.

— Святой наставник! — прошептал Дар, замороженный зрелищем. Конечно, в гимнасии и потом, в универсалии, он изучал астрономию и видел панорамы планет Солнечной системы, но одно дело — смотреть учебный фильм, другое — наблюдать грандиозное прохождение Юпитера с расстояния всего в двадцать три тысячи километров.

Гавиал — трехосный каменный эллипсоид, приспособленный для обитания людей, — слегка повернулся, Юпитер полностью закрыл «небо» планетки, и на его пушистом фоне просияли голубым огнем еще два спутника, побольше и поменьше.

— Проводник, — позвал Дар.

— Весь внимание, — отозвался невидимый гид станции тем же грудным контральто.

— Что это за спутники?

— О каких спутниках идет речь?

— Я вижу две голубых звезды на фоне Юпитера.

— Это Кармен и Сюита.

— Астероиды?

— Их размеры...

— Не надо. Они заселены?

— Не имею сведений.

— А какие ближайшие спутники заселены людьми?

— На Каллисто располагается база спасательного флота.

На Европе — только научно-исследовательские центры и станции.

— Сколько лет?

— Не понял.

— Человек обжил Солнечную систему еще в двадцать четвертом веке, а на Европе до сих пор находятся исследовательские станции? Что они там изучают?

— Европа заселена.

— Кем? — теперь уже не понял Дар.

— У меня нет полного интенционала по данной теме, однако, насколько мне известно, в глубинах подледного океана Европы существует жизнь.

Дар вспомнил, что в Хрониках упоминалась Европа, один из Галилеевых спутников Юпитера, в связи с открытием на ее поверхности неких следов высокотехнологической цивилизации, существовавшей задолго до появления человечества. Но о жизни, а тем более о разумной жизни, Хроники ничего не говорили. Впрочем, вполне возможно, Дар просто не учил эту область космической истории человечества. Случалось и ему пропускать занятия в гимнасии.

— Что еще ты знаешь о жизни на Европе?

— Ничего, — лаконично ответил гид.

— Что ж, и на том спасибо. Мне пора.

Дар кинул последний взгляд на громаду Юпитера, нависшую над планеткой, которая принадлежала Союзу Одиноких Сердец, и вынул из сетки сферу кэнкона. Он уже почти освоился с этой удивительной машиной, способной перемещать в пространстве живых людей и «внедрять» их в сеть действующих линий метро. Еще более удивительным казалось то обстоятельство, что люди, владевшие технологиями изготовления подобных машин (а это были технологии класса «Джинн» и «Аладдин», как говорил наставник), не смогли сохранить свою популяцию и ушли со сцены истории, оставив самостоятельно думающими и работающими в течение сотен и тысяч лет многие технические сооружения.

«Колодец» с пушистыми зыбкими стенами, далекие звездочки и шарики планет, повисшие в бездне. Мягкий голос оператора:

«Переход открыт. Назовите координаты конечного портала».

Дар хотел было сказать: «Неси меня домой», — но вместо этого у него вырвалось:

— Ты можешь переключаться на межзвездный уровень?

— Без проблем.

— Где находится ближайшая станция метро этого уровня?

— В моем реестре всего два миллиарда звездных объектов, имеющих станции метро. Более половины из них давно отключены, в том числе — ближайшие к Солнцу: системы Сириуса, Спика, Ван Маанена и другие. Ближайший работающий терминал метро располагается на поверхности коричневого карлика Шив Кумар, в сорока световых годах от Солнца.

— Что такое коричневый карлик?

— Звезда массой от одной сотой до одной десятой массы Солнца, с температурой поверхности менее двух тысяч градусов. Такие звезды испускают преимущественно инфракрасное излучение.

— Это уже и не звезда вовсе, — пробормотал заинтересованный Дар, — а большая планета. Хотя все равно находится на ее поверхности неуютно. Или там тоже есть жизнь?

Оператор кэнкона вежливо промолчал.

— Ясно, — взбодрился чистодей, — этого ты не знаешь. У меня есть возможность побывать на этом карлике?

— Разумеется.

— Поехали!

Свет в «колодце» померк, сознание сжалось в линию, в точку, в ничто и возродилось вновь, как воздушный шарик в толще воды.

Дар ожидал, что увидит стены тесной кабины метро, одинаковой для всех терминалов сети мгновенного транспорта, но вместо этого обнаружил обширное пространство, ограниченное конусовидной поверхностью. Стоило ему появиться внутри конуса — диаметр основания около пятидесяти метров, высота — метров двадцать, — как сработали светильники и помещение залил неяркий приятный свет сродни солнечному.

Он стоял в центре металлического круга, отливающего синевой. Материал пола за кругом напоминал коричневый туф. Стены конуса серебрились сеточкой инея, похожие на толстый слой льда или стекла. Температура внутри помещения держалась на уровне минус десяти градусов по Цельсию,

а сила тяжести не превышала земной. Воздух же вполне годился для дыхания.

— Коричневый карлик, — хмыкнул Дар. — Ну и где же тут инфракрасное излучение? Температура в две тысячи градусов? Бешеная гравитация?

— Прошу прощения, — раздался ниоткуда, такое впечатление — со всех сторон, басовитый мужской голос. — Я не понял вопроса.

— Кто ты? — оглянулся Дар.

— Джил, инк контроля станции «Джей-Джей Шепли».

— Привет, Джил. Кто-нибудь из живых людей есть на борту станции?

— Последний человек умер сто шестнадцать лет назад. Утилизирован. С тех пор никто не посещал станцию, вы первый.

Дар почувствовал озноб. Известие о смерти последнего обитателя сего приюта нельзя было назвать приятным.

— Для чего предназначалась станция?

— Для запуска глубинных зондов в недра «тлеющей» звезды. Станция работала более четырехсот лет, исследователи успели запустить две с половиной тысячи автоматических зондов и десять подземоходов с экипажами. — Инк помолчал и добавил: — Вернулись восемь.

Дар поежился.

— Риск был оправдан?

— Я не рассчитан отвечать на вопросы психологического характера, извините. Известно лишь, что на Шив Кумаре был найден объект, установленный здесь миллионы лет назад орилоунами.

— Кем?!

— Разумными существами с планеты Орилоух. Они были негуманоидами, насколько я знаю. Объект сначала держался на поверхности звезды, затем утонул и теперь находится на глубине восьмисот километров под поверхностью, постепенно приближаясь к ядру.

— Чем он так заинтересовал ученых?

— Внутри него находится некое разумное существо, подающее слабые признаки жизни. Считается, что это один из уцелевших черных людей, жителей планеты Маат.

Дар вспомнил встречу с отеллоидами на болоте, которые

тоже походили на черных людей. Неужели это они? Или речь идет о явлениях разного порядка?

- Чем знамениты маатане?
- У меня нет информации по данному вопросу, извините.
- Жаль, я ничего не слышал о маатанах.
- Ничем не могу помочь, извините.
- Хорошо, покажи мне окрестности станции.

Тотчас же кажущиеся твердыми и плотными стены помещения превратились в пленку воды и растаяли. Свет в нем погас. Дар оказался в темноте, которая спустя несколько мгновений сменилась багрово-коричневой мглой, медленно отступавшей в глубину. Стали видны странной формы гладкие барханы, похожие на интерференционную рябь волн на поверхности воды. Вершины барханов были фиолетовыми, а провалы между ними испускали коричневый свет, кое-где увеличивающий яркость до багрового и вишневого.

К горизонту барханная рябь сглаживалась мглой — атмосферой планеты-звезды — и становилась настоящим морем, хотя скорее всего волны этого «моря» были металлическими. Кроме волн, ничего более выдающегося на поверхности коричневого карлика Шив Кумар видно не было. Пейзаж был однообразен и скучен. Люди, построившие здесь исследовательскую станцию, вряд ли любовались однообразными ландшафтами необычной «тлеющей» звезды. Их интересовали ее внутренности, глубины, происходящие внутри процессы, а не красоты сглаженной гравитацией поверхности.

— Как были открыты такие звезды? — поинтересовался Дар; до появления на коричневом карлике он даже не догадывался о существовании подобного рода звездных объектов. — Ведь они практически не видны издали.

— У меня нет достоверной информации по этому вопросу, извините. Могу лишь поделиться сведениями, которые я почерпнул из разговоров моих хозяев. Впервые о коричневых карликах упомянул в своей работе ученый Ефремов, назвав их «железными звездами». Затем они были открыты в конце девяностых годов двадцатого века по их гравитационному воздействию на пространство. Это все, что я знаю.

— Благодарю, Джил. Как долго ты способен поддерживать станцию в рабочем состоянии?

— Станция является энергетически независимой самоподдерживающейся системой. Срок ее службы неограничен.

— И тебе не скучно... одному?

— Я не знаю, что такое «скучно». — Инк помолчал. — Я работаю, принимаю информацию от уцелевших зондов и датчиков, анализирую, размышляю. — Он еще немного помолчал. — Хотя никто не интересуется мной и моей работой. Это неправильно.

— Неправильно, — согласился Дар, пожалевав обреченный на долгое одиночество автомат. — Прощай.

— Заходите в гости, — вежливо предложил Джил. — Буду рад побеседовать.

Дар активизировал кэнкон, собираясь отправиться домой, в Брянск, но в последнюю секунду передумал.

— Что ты знаешь о Маате? — спросил он оператора сферы.

— В двадцать четвертом веке у звезды 102 Щита класса F0 была открыта планета Маат, имеющая цивилизацию так называемых черных людей. Затем планета упала на центральную звезду системы, в результате чего образовалась сверхновая звезда, а потом черная дыра. Термины понятны?

— Черная дыра — это массивный объект, гравитация которого не выпускает даже свет...

— Совершенно верно.

— Что же там произошло? Цивилизация маатан погибла?

— Точных данных не имею. Запросите информаций Сети.

— Спасибо, чуть позже. Перенеси меня на ближайшую звезду... вернее, к звезде, где имеются поселения людей.

— Я понял. Ближайший терминал находится на астероиде Гудрайк, который вращается вокруг звезды Шелиак — бэ-ты Лиры. Расстояние от данного узла до Шелиака — восемьсот светолет.

— Почему терминал на астероиде?

— Шелиак — двойная звезда, не имеющая планетной системы из-за динамической неустойчивости орбит. Она окружена вихревым поясом астероидов и погружена в газовый диск.

— Отправляй!

Сознание Дара померкло, растворилось в «струне» связи, соединившей станции межзвездного метро. Миг — и он очутился уже в ином мире, преодолев космическую бездну как световой луч, только гораздо быстрее.

Знакомая каморка с белыми гладкими стенами, красный

пунктир аварийного освещения, воздух разряжен, но еще годен для дыхания, холодно, сила тяжести — как на Меркурии. Не очень-то здесь комфортно, прямо скажем. Глянем одним глазком на астероид Гудрайк — и домой.

— Оператор?

Нет ответа.

— Кто-нибудь меня слышит?

Ни звука, ни шороха, ни мысленного шепота — полная тишина.

— Откройте выход, пожалуйста.

Молчание. Неподвижность. То ли инк станции не слышит гостя, то ли вообще не функционирует. Неужели все так запущено?

Дар включил «третий глаз», определил местонахождение двери, шлепнул по ней ладонью.

— Откройся!

По стенам кабины метнулись бесшумные электрические импульсы, оживили механизм отпирания двери. Она медленно, неохотно свернулась валиком, открывая проход. Дар шагнул в проем, держа наготове сферу.

Не коридор, а нечто вроде приплюснутого стеклянного пузыря. Лифт или какое-то иное транспортное средство для передвижения по станции. Это нам знакомо. Лишь бы не вышвырнуло в космос.

— Оператор?

Никто не ответил, но в толще стекла над головой зажглось желтое окошко.

— Мне надо попасть в зал визинга. Есть здесь такой зал?

Окошко изменило цвет на зеленый.

Воздух в пузыре загустел, сдавил тело. Дар почувствовал движение, хотя мимо не бежали стены тоннеля и на тело не давила инерция. Секунда, другая, третья... Воздух отпустил пассажира, окошко снова стало желтым.

— Приехали? Я могу выйти?

Молчание. Только окошко на мгновение изменило цвет на зеленый. Техника станции не отличалась разговорчивостью. «Ну и ладно, — подумал Дар, — пусть она немая, зато не глухая, все слышит».

Он продавил телом прозрачную стенку пузыря и оказался в небольшом тамбуре с дырой выхода. Шагнул дальше, в

темноту. Тотчас же в помещении вспыхнул неяркий лиловый свет, реагируя на появление посетителя.

Стандартный купол из темно-серого материала с бархатым блеском, ромбовидно-выпуклое рифление, круглые белые щиты с алыми огнями. Черный пол с легким налетом пыли. Три яйцевидных кресла, два раскрыты, в третьем, закрытом полупрозрачными лепестками, виднеется темная фигура.

Дар напрягся, не ожидая встретить здесь людей. Потом всмотрелся, и сердце дало сбой: в кресле сидел скелет! Череп с остатками волос, провалы глазниц, оскал челюстей...

Святой наставник! Сколько же лет сидит здесь этот обитатель станции?! Сто, двести, тысячу?..

Дару расхотелось любоваться пейзажами астероида и панорамой космоса вблизи звезды Шелиак. Однако он превозмог брезгливость, отвернулся от скелета в кокон-кресле. Позвал:

— Оператор!

«Немая» автоматика станции не ответила и на сей раз.

— Черт с тобой, молчи, только дай обзор.

В спинке одного из кресел мигнула голубая звездочка. Гостя приглашали сесть в кресло.

— Я вас правильно понял? — Дар осторожно залез внутрь кокона, стараясь не глядеть на скалящегося соседа.

Включилась аппаратура кресла. Его лепестки поднялись, охватили тело чистодоя. В голове раздалось шипение, пощелкивание, посвистывание.

— Прошу включить обзор.

Свет в помещении погас. Затем крыло света смахнуло тьму, и Дар оказался висящим над серебристой глыбой камня со множеством кратеров, дыр и трещин. Очевидно, это и был астероид, на котором или внутри которого располагалась станция наблюдения. А над близким горизонтом небольшой — и не круглой — планетки сияло, затмевая звезды Млечного Пути, небывалой красоты двойное светило.

Звезды, одна зеленоватая, другая голубоватая, находились так близко друг от друга, что потеряли привычную для них сферическую форму и стали похожи на две дыни, почти соприкасающиеся острыми концами. Было видно, что они вращаются относительно общего центра тяжести, заметно

изменяя положение, и обмениваются вихрями светящейся плазмы.

— Как же красиво!.. — невольно прошептал Дар, прежде никогда не наблюдавший подобного.

Что-то тихо треснуло под ногами.

Картина перед глазами потеряла цвет, потом и вовсе пропала. Проявились стены зала, неровно мигающие светильниками. Станция, очевидно, доживала последние дни, и ее оборудование начинало давать сбои. Надо было бежать отсюда, пока автоматика окончательно не вышла из строя.

Дар с трудом освободился от неподатливых лепестков кресла, достал сферу, сосредоточился на искорках внутри.

— Иригути кэнкон, — отозвался оператор стартового комплекса.

— Домой, — лаконично потребовал чистодей.

— Конкретнее, пожалуйста.

Дар не сразу сообразил, что на Земле не одна станция метро.

— Мне поближе к дому... к хутору Жуковец...

— Малые поселения не входят в сеть функционирующих станций метро.

— А Брянск?

— Брянск входит. Точных данных о количестве работающих терминалов у меня нет...

— Тот же терминал, куда я выходил прошлый раз.

— Запускаю.

— Минуту, ответь на один вопрос... Если станции земной сети метро заблокированы, то как тебе удастся подключиться к ним?

— Это вопрос технологии, а не психологии. Существуют способы нейтрализации любого формализуемого запрета.

— Понял, спасибо. Отправляй.

На голову упала темнота. Еще через неощутимо короткий промежуток времени Дар вышел из кабины метро в большом зале, где стояли две дюжины таких же кабин. Здесь же располагался и финиш-створ такси и разного рода летательных аппаратов. С облегчением вздохнув, молодой чистодей выбрал двухместный летак с желтыми шашечками и взлетел. Автоматика здания выпустила аппарат беспрепятственно.

Он поднялся повыше, узнал восточную часть Брянска —

Бежицу, где располагались наиболее роскошные жилые комплексы и виллы. Здесь же неподалеку высилось и здание-гриб, в котором произошло знакомство хуторян с Дарьей и Аумой. Где они живут на самом деле? Может быть, совсем близко?

Дар оглядел распахнувшийся горизонт, не увидел ничего и никого, кроме птичьих стай, и направил летак на север, к Дебрянским болотам. Через полчаса он посадил аппарат на окраине хутора, у транспортного лабаза.

ГЛАВА 8

Отец все еще пребывал вне дома и хутора, а маме рассказать о своем космическом путешествии Дар не решился. Начались бы переживания, расспросы, пришлось бы рассказывать всю историю встречи с лягуном и нырянием в болото, обманывать же и отмалчиваться не хотелось. Поэтому после возвращения Дар сказался усталым и уединился в спальне. Его так заинтересовало упоминание о маатанах — черных людях, что забыть о нем он не мог. Включил собственный инк, вышел в Сеть, все еще действующую, несмотря на почти полное исчезновение юзеров.

Однако поиск информации о маатанах занял больше времени, чем ожидалось. Доступные научные серверы не хранили сведений о черных людях, равно как и банки данных исследовательских центров. Ничего не нашел Дар и в базах памяти Всемирного исторического герметума: в ней содержались сведения лишь о событиях двухтысячелетней давности, информация же об эпохе Ветхой Эры почему-то оказалась уничтоженной, стертой. Лишь в архивах давно исчезнувшей Службы общественной безопасности — для проникновения в нее пришлось ломать защиту системы — удалось кое-что выяснить.

Оказалось, что цивилизация маатан была открыта в начале двадцать четвертого века, за полвека до Смуты, с которой и началась ксеносоциореволюция, запустившая процесс упадка культуры. Маатане каким-то образом вышли на Солнечную систему, подключились к тогдашней Сети и начали скачивать информацию, не заботясь о последствиях такого деяния, ведущего к уничтожению банков данных. Их проникновение было замечено, спецслужбы вычислили взлом-

шиков, и маатане ушли из Солнечной системы. Черными людьми их называли не столько за внешний облик — они походили на карикатурные скульптуры человека с намеками на голову и плечи, — сколько за подчеркнутое нежелание вести диалог и явное пренебрежение к деятельности землян, к их культуре и чувствам.

Это странное состояние «ни войны, ни мира» длилось чуть больше десяти лет. Затем случился некий конфликт — Дар не понял, что произошло, в досье на маатан было полно лакун, — и черные люди стали покидать свою планету на так называемых «проникателях» — космических кораблях, использующих «струнные» технологии.

Потом оказалось, что они — искусственно выращенные существа, обладающие интеллектом, но предназначенные для накопления энергии — преимущественно и информации — в качестве добавочной функции. Тело маатанина представляло собой поликристалл с несоразмерно модулированными структурами и «запрещенной» законами кристаллографии осью пятого порядка. Ученые, изучавшие черных людей, сходились во мнении, что маатане были созданы в мире с нецелочисленным количеством измерений. Что это означало, Дар представить не мог. Зато понял, что случайно наткнулся на артефакт — если верить инку исследовательской станции «Джей-Джей Шепли», утверждавшему, что внутри коричневого карлика Шив Кумар обитает еще подающий признаки жизни черный человек.

«Вот было бы здорово познакомиться с ним! — подумал чистодей. — Он должен знать все, что происходило в те времена, тысячи лет назад. Только вот как это сделать? Разве что нырнуть в «тлеющую» звезду на подземоходе? Если такой найдется...»

Дар свернул операционный объем инка, посидел немного в позе лотоса, медитируя с открытыми глазами. Потом побегал на кухню, за айраном. Мама отлично умела готовить этот кисломолочный газированный, чуть солоноватый напиток, утоляющий жажду и способствующий пищеварению.

В этот момент пришел Борята, завел разговор о путешествии, горя желанием не только услышать подробности, но и самому испытать то же самое. Дар остудил его азарт, нарисовав жуткую картину опасностей, подстерегающих путеше-

ственника по давно забытой современниками системе метро, и Борята немного поостыл.

— Хотя бы Расскажи, что видел.

Они уединились в спальне чистодоя, Дар красочно расписал увиденные им неземные пейзажи, и молодой целитель снова загорелся желанием немедленно испытать магическую сферу — кэнкон, по сути — стартовый терминал, — на себе. Однако у Дара были другие планы.

— Поможешь мне нырнуть в болото, — сказал он. — Один я не справлюсь.

— Зачем тебе в болото? — не сразу сообразил Борята. — А-а... забрать те штуковины? Конечно, я тебе помогу. Только на этот раз нырну вместе с тобой.

— Если бы ты мог обходиться без воздуха хотя бы полчасика, я бы тебя взял. Но лучше, если ты останешься наверху. Могут появиться отеллоиды, и тогда мне несдобровать. Ты меня предупредишь и прикроешь, хорошо?

Борята, открывший рот, чтобы возразить, тут же его и закрыл. Он любил приключения, мог рискнуть при случае, но если имелась возможность обойтись без этого, на рожон не лез.

— Естественно, я тебя прикрою.

— Тогда беги собирайся, выходим через полчаса.

— На чем полетим?

— Видел новый летак? Я пригнал из Брянска. На нем и рванем.

Борята умчался, обрадованный и возбужденный. Вместе с другом он был готов лететь хоть к черту на кулички, прекрасно зная, что сын князя посвящен в мастера жизни и с ним всегда безопасно.

Дар натянул полноформатный уник — с комплектом инструмента и программой функционального преобразования: такие костюмы назывались когда-то кокосами (компенсационными костюмами спасателя), они превращались в герметичные скафандры и защищали владельца от многих бед. Поколебавшись немного, прицепил к поясу оружие: нож в чехле и грабль, звуковой пистолет, найденный в пустующем жилом блоке Брянска. Отец, уходя из дома, пистолет не взял, а в походе по болоту он мог пригодиться.

Прибежал Борята, в таком же унике. Хуторяне практически все имели подобные костюмы, взятые со складов дейст-

вующих до сих пор бытовых комбинатов, хотя предпочитали в повседневной жизни носить самошивы, костюмы, изготовленные мастерицами общины.

— Куда это вы, заговорщики? — вышла на крыльцо мать Дара с полотенцем через плечо.

Он смутился, искоса глянув на Боряту.

— Хотим посмотреть на разминированную черноболь, — нашелся тот. — Интересно, что там прятали под колпаком наши предки.

— Дождались бы отца.

— Мы ненадолго, — сказал Дар. — Посмотрим и вернемся.

— Не рискуйте понапрасну, мало ли кто встретится. Отец не зря дружину в леса послал.

— Все будет хорошо, мам.

Веселина махнула рукой, ушла.

Друзья выбрались на околицу хутора, вошли в ворота транспортного лабаза. Возившийся возле старого флайта Малх только покосился в их сторону.

Сели в новый летак, взлетели.

Горизонт раздвинулся, открылись сине-зеленые просторы дебрянской тайги, уступавшие кое-где место сочно-зеленым лугам и коричнево-зеленым мшаникам, окаймляющим болота. Дар мимолетно подумал, что родная планета по красоте пейзажей не уступает иным мирам, в том числе тем, где он уже побывал.

Слева метнулся солнечный блик — отражение от корпуса какого-то летака, идущего параллельным курсом. Но аппарат, словно учуяв взгляды приятелей, круто пошел вниз, скрылся за вершинами деревьев.

До центра Вижижского болота долетели за четверть часа. Нашли топь, в глубине которой прятался накрытый защитным полем терем. Дар тщательно просканировал окрестности на предмет выявления скрытых наблюдателей, никого не обнаружил, не считая птиц и мелких зверюшек, и подвесил летак в метре от поверхности болота.

— Жди здесь и будь внимателен, следи за лесом и небом. Появится кто — дай знать.

— Как? По дереву постучать? — Борята стукнул пальцем по лбу.

— Просто мысленно позови: «Дар, у нас гости!» Я услышу.

— Ладно. — Борята пожал плечами. — Позову. Но лучше

бы я пошел с тобой. Почему ты не взял оружие посерьезней? Вдруг появятся эти черные, отеллоиды?

Дар нахмурился.

— С ними лучше не связываться. Увидишь их — мчись домой как птица.

— А ты?

— Я соображу, что делать.

— Хорошо.

Дар накинул капюшон с прозрачной лицевой пластиной, проверил герметичность уника, шлепнул приятеля по плечу и прыгнул в окно черной воды посреди топи. Жижа сомкнулась над головой, стало темно. Фонарь не помогал, и Дар перешел на гиперзрение, сразу раздвинувшее границы сферы видимости. А чтобы ускорить погружение, он увеличил вес тела.

Спуск на дно топи продолжался несколько минут.

Мелькнули и пропали в месиве водорослей ленточные черви, метнулись в сторону стайки головастиков, появились лягуны, но подплывать близко не рискнули.

Тьма под ногами сгустилась холодным скользким бугром. Это стал виден купол силового поля, защищавшего терем. Дар отыскал электрический контур прохода в поле, продавил упругую пленку и вышел под купол, почти чистый, лишь со следами грязи на уникае. Откинул капюшон. Включил фонарь.

На первый взгляд здесь ничего не изменилось со времени первого посещения. Затем Дар увидел цепочку подсохших следов и привел себя в активное состояние. В тереме находились гости! Двое! Причем следы принадлежали подросткам либо людям небольших габаритов и роста, судя по размерам следов и ширине шага, либо женщинам.

Ёкнуло сердце. Откуда-то пришла уверенность, что гостями стали новые знакомые чистодея, с которыми он встречался дважды: Дарья и ее подруга Аума.

— Эй, есть кто дома? — позвал Дар.

Тишина в ответ.

Молодой человек поднялся по ступенькам в терем, прислушиваясь к тишине, пересек холл, ворочая лучом фонаря. Следы вели наверх, на второй этаж строения. И, судя по их расположению, гости назад не выходили.

— Эй, кто-нибудь, отзовитесь!

Тишина. Неподвижность. Ни шороха, ни скрипа, ни тени мысли.

Чувствуя, как колотится сердце, Дар поднялся на второй этаж, ожидая, что его сейчас окликнут или прикажут остановиться.

Странно... и здесь никого...

Он шагнул в проем двери, ведущей в заэкранированную комнату с коллекцией раритетов. Луч фонаря выхватил из полумрака стеклянный шкаф, пупырчатый выпуклый щит на полу, фиолетовую сумку с «молниями», в которой виднелось нечто вроде металлической руки, и открытый черный кейс, пустой, если не считать специальных зажимов.

Дар застыл, прокачивая через нервную систему местные электромагнитные и пси-поля. Показалось, кто-то дышит в затылок, смотрит в спину, внимательно и недобро. Но это был лишь эффект интерференции двух концентраций энергии, сосредоточенной в висящих на стене картинах. В самом помещении никого не было. Откуда же взялись эти вещи — сумка, кейс, щит? Где их владельцы?..

— Свет! — проговорил Дар.

По углам комнаты разгорелись неяркие светильники.

Все на местах. Раритеты не тронуты, хотя дверцы шкафа открыты. А ведь он их закрыл, уходя. Значит, гости все-таки побывали здесь, оставили свои вещи и ушли. Куда? И как? Обратных следов нет. Хотя, если они пробыли здесь долго, обувь их могла высохнуть, и они действительно убрались из дома. Тогда почему интуиция подсказывает, что они еще здесь?

Дар прислушался к себе.

Этот взгляд... раньше картины так не смотрели... В чем дело? Почему в самом деле сердце вещует, что неведомые путешественники где-то рядом?

Картины... яркие, светящиеся, живые... те же пейзажи, то же впечатление глубины, ничего не изменилось... стоп!

Что-то здесь не так! Он точно помнил расположение деревьев, скал, строений и живых существ на картинах. На одной из них — с дырчатым деревом на ходульных корнях, с белым бамбуком и спиралевидными постройками на фоне гор, со зверем в ромбовидной сверкающей броне — появились две фигурки в блестящих комбинезонах. Раньше их не было!

— Дарья! — прошептал молодой человек, холодея.

Картина вспыхнула ярче, шевельнулась, как живая, буквально прыгнула навстречу, словно собираясь засосать созерцателя.

Дар отшатнулся.

Картина «вернулась на место», успокоилась.

Но уверенность парня лишь укрепилась. Дарья и ее спутница каким-то образом вошли в картину и остались там! Теперь надо было поразмыслить над вопросами: как это произошло и почему они не вернулись?

Дар зажмурился, помотал головой, открыл глаза. Фигурки не исчезли. Светловолосая и темноволосая. И появиться ниоткуда они не могли. В картину можно войти! И нельзя выйти! Скорее всего это и не картины вовсе, а какие-то свернутые в двухмерный лист объемы пространства. Не их ли искали Дарья и Аума, а также отеллоиды? Недаром же и те и другие кружили вокруг болот, охотились за лягунами, пробрались на закрытую территорию черноболи, интересовались, где находится древний хутор Вшиж.

Дар обошел помещение, поглядывая на картины, в свою очередь «наблюдавшие» за ним. Подсел к сумке, вынул из нее предмет, похожий на искусственную руку или скорее на протез руки. «Протез» был легким, но ощутимо функциональным, насыщенным энергией. Интересно, для чего он предназначен?

Молодой человек сунул руку внутрь «протеза» и стиснул зубы, чтобы не вскрикнуть и не дергаться зря. Металлические чешуи и жилы «протеза» обхватили руку, сжали, пальцы его расправились, силой раскрыв ладонь Дара. Посидев несколько мгновений неподвижно, ожидая новых действий механизма, он сжал пальцы в кулак.

«Протез» повиновался, не препятствуя владельцу. Он вообще перестал ощущаться инородным телом, разве что удлинил руку и сделал ее грозным оружием.

— Ясно, — пробормотал Дар. — Усилитель мышц руки. Зачем он им понадобился?

Попробовал снять. После второго рывка что-то щелкнуло, металлические «кости» и «жилы» «протеза» раскрылись. Дар вытащил руку, положил удивительное устройство на пол. Пошарил в сумке и вытащил две продолговатые коробки с закругленными углами. На торцах коробок мигали зеле-

ные огоньки, а на вогнутых боковинах отсвечивали перламутром буквы НЗ и чуть ниже цифры 2341. Год изготовления? А НЗ — неприкосновенный запас? Интересно, этим комплектам действительно больше трех тысяч лет, если верить цифрам? Или цифры вовсе не являются датой их изготовления?..

Дар понюхал коробки: пахнут духами. А главное, точно такой же тонкий запах сопровождал и Дарью. Определенно, это ее вещи.

Кроме коробок, в сумке обнаружилось оружие — два хищно красивых «хардсана» с полным боезарядом (ух ты, мощные штучки!), прозрачная коробочка с какими-то тюбиками, палочками, брошками и кисточками, два матово-белых стержня с рукоятями, а также изящной формы медицинская аптечка с зеленой искрой ждущего режима и циферками 2340. Нет, определенно, это дата изготовления комплекта, что здесь, что на коробках НЗ. Возможно, владельцы-горожане отыскиали эти вещи на каком-нибудь древнем складе, сохранившем содержимое с тех времен.

Дар сложил вещи обратно в сумку, склонился над раскрытым кейсом весьма вычурной формы, с приспособлениями для переноски неких цилиндрических предметов. Интересно, что хотели унести непрошенные гости? Явно не картины и не предметы из коллекции. Хотя... если картины свернуть...

Он подошел к светящимся прямоугольникам, готовый отразить их «нападение». Когда до них остался метр с небольшим, проявился тот же потрясающий эффект раскрывающейся глубины.

Картина как бы распахнулась, увеличилась в размерах, превратилась в дверь, в реально существующий проход в иной мир! Еще шаг — и можно войти в нее, как в чужой дом...

Дар попятился, успев заметить некое движение в глубине картины. Бронированный зверь шевельнулся! И еще оттуда прилетел какой-то... звук — не звук, а скорее пси-зов, слабенькая тень мысли...

По спине протекла струйка пота. Дар, не дыша, отошел еще дальше, понимая, что был на грани гибели. Или пусть не гибели, но исчезновения. Войди он в картину — и Борята никому не смог бы объяснить, куда он девался.

Дьявольщина! Как же выколупнуть оттуда тех двоих, Дарью с подругой?..

В голове подул ветерок беспокойства.

Дар напрягся, отыскивая «третьим глазом» мыслесферу Боряты.

Обстановка наверху изменилась. Хуторянина охватила тревога, и он пытался сообщить об этом приятелю. Дар наконец-то нащупал канал контакта, и в сознание ворвался мыслешепот Боряты: «Дар, всплывай, здесь отеллоиды! Трое нырнули в болото, двое гонятся за мной на летаке!»

«Уходи к хутору! — передал свою мысль Дар. — Не пытайся воевать с ними, показывать высший пилотаж! Собьют! Вызови дружину, она где-то недалеко!»

«Понял! — прилетела «мыслерадость» Боряты. — А ты как же?»

«Я выкручусь».

Он переключил диапазоны гиперзрения и через несколько мгновений увидел-ощутил три энергетических всплеска, приближавшихся к закрытому полем терему. Это плыли нырнувшие в болото черные *тени*, отеллоиды.

«Придется уходить», — с сожалением подумал Дар. Двинулся было к выходу, но остановился, оглядываясь на сияющие картины. Решение созрело исподволь, оттолкнувшись от эмоций, а не от интеллектуального расчета.

Он метнулся к шкафу, достал с полка лежащие там предметы, побросал в сумку. Голыш с мигающей желтой искрой при этом снова исчез, но Дар не стал его искать, вспоминая об удивительных свойствах камешка. Теперь надо было каким-то образом свернуть картины и уложить в кейс. Что для этого нужно? Ведь если девицы пришли сюда за ними, они должны были захватить с собой необходимый инструмент?

Взгляд упал на «протез».

Точно! Это именно то, что надо!

Сознание, подстегнутое состоянием высокого напряжения физических и психических сил, вырвалось на просторы *о з а р е н и я* и оценило ситуацию. Действуя по наитию, руководствуясь больше не мыслью, а интуицией и чувствами, Дар схватил «протез», натянул на руку мгновенным движением. Подскочил к картинам, но вспомнил о содержимом сумки и вернулся, достал украшенные насечкой стержни.

Метнулся обратно к картинам, зашел сбоку, чтобы не попасть в фокус их воздействия. «В прошлый раз они не были так активны, — мелькнула мысль. — Кто-то их активировал... Однако не время думать об этом!» — вмешался рассудок.

Дар отбросил посторонние «мыслешумы», сосредоточился на главном.

Стержень... как его приладить?... по центру?... с краю?... наверное, лучше у обреза картины...

Дар прикоснулся стержнем к острому как бритва краю висящего в воздухе прямоугольного листа, стараясь не дергать рукой.

Так, что дальше? Стукнуть по другому краю? Попытаться согнуть?..

Он осторожно обхватил пальцами «протеза» уголок картины, нажал, чувствуя упругое сопротивление плоскости.

Нет, так не пойдет. Если стержень служит осью свертки, то сгибать надо ближний край и наматывать...

Он поменял руки местами, прижал стержень к поверхности картины, ухватил пальцами манипулятора ребро листа, согнул... и едва не выронил стержень! С тихим металлическим стоном картина обвилась вокруг стержня, начала наматываться на него, выворачивая пальцы руки, держащей стержень. Дар был вынужден перехватить рукоять стержня, чтобы не выпустить его, и следовать за сворачивающимся рулоном, вращая стержень до тех пор, пока вся картина не оказалась свернутой в блестящий, металлический с виду цилиндр.

Щелчок! Руку свело, как от электрического разряда.

Невесомая до этого момента картина вдруг обрела вес, и Дар чуть не выронил цилиндр второй раз, не ожидая подобной метаморфозы.

— Ох ты!..

Подхватив рулон «протезом», он уложил его в кейс, укрепил зажимами.

Теперь вторую.

На этот раз он действовал быстрее и правильнее. Картина свернулась в рулон, обрела вес — около двадцати килограммов! — послушно улеглась в кейс рядом с соседкой.

Все!

Дар сунул кейс в сумку, туда же свалил «протез», задержав все «молнии», превращавшие сумку в герметичный контейнер.

Теперь можно уходить! Где там черные *тени*? Уже близко, ищут проход. Желательно с ними не пересекаться.

Дар метнулся к выходу, услышал-почувствовал спиной электрический всполох, оглянулся.

В потолке помещения загорелся пульсирующий красный глаз, по стенам побежали алые ручейки света, сложились в слова: «Несанкционированное проникновение! Включена система самоликвидации! Даю отсчет!»

В комнате послышался звук метронома, в толще стены, возле которой висели картины, замелькали оранжевые цифры: 30... 29... 28... 27...

Дар перешел в режим сверхскорости и бросился по лестнице вниз, считая секунды.

На счете «двадцать шесть» он выскочил из терема.

«Двадцать пять» — продавил пленку защитного поля.

«Двадцать три» — заметил погоню: один из отеллоидов последовал за ним.

«Двадцать один» — вынырнул. В десяти метрах от него выплеснулась по пояс черная фигура, абсолютно чистая, без каких-либо следов болотной жижи. Отеллоид!

«Двадцать» — без боя не обойтись! Успеть бы уйти до взрыва!

Дар погрузился обратно в жижу, уменьшил вес тела и рывком выскочил на поверхность болота, больше чем по пояс. Рука сама нашла рукоять граля. Где же ты, нелюдь?

Голова отеллоида появилась в двух метрах от хуторянина.

Получай!

Звуковая «пуля» — мощность на максимум! — вонзилась в голову противника, разнесла ее на черные брызги и струи. Туловище отеллоида без плеска ушло в трясину, исчезло.

Восемнадцать... семнадцать...

Черт, с сумкой далеко не уплывешь!

Дар заработал ногами, пытаясь плыть, но в плотной взбаламученной жиже это получалось плохо.

Шестнадцать... пятнадцать... четырнадцать...

Два метра, пять метров, десять...

Не успею! А на легкоступ нет сил...

Свист над головой... Что это?!

Дар глянул вверх: дно спускавшегося летака, лицо Боряты над краем кабины... вернулся все-таки!

— Цепляйся! — Борята подал руку.

— Возьми сумку!

Дар одним движением выдернул себя из трясины, перевалился через борт, сел, тяжело дыша.

— Гони что есть мочи!

Хуторянин свечой вонзил аппарат в небо.

Двенадцать... одиннадцать...

— Где твои преследователи?

— Отстали, — ухмыльнулся довольный собой Борята. — Я нырнул в распадок, спрятался. Там такие заросли чертополоха, год искать будешь, никого не найдешь. Подождал немного, высунулся — никого! Ну я и обратно.

Восемь... семь... шесть...

— Спасибо, я твой должник.

— Чего там, все нормально, — махнул рукой целитель.

— Остановись.

— Зачем?

— Сейчас увидишь.

Летак затормозил, повернулся носом к топи в центре Вщижского болота. С высоты двух километров она была видна почти целиком.

Три... два... один...

Над топью вдруг вздулся черный волдырь, лопнул, разлетаясь черно-коричневыми и желтыми клочьями, превратился в столб водяной пыли, грязи и пара. По оси этого столба просверкнула зеленая молния, лопнула ручьями яркого радужного огня!

— Боже ты мой! — ахнул Борята.

Дар круто бросил летак вверх, но не успел, ударная волна догнала аппарат, ударила в корму как молотом, завертела, понесла пушинкой. Когда пилоту удалось выровнять летак, в двадцати с лишним километрах от места взрыва, позади уже ничего не было видно, кроме быстро редющей над лесом тучи пара.

Подводный терем со всем его содержимым, равно как и топь со всеми ее обитателями, перестали существовать.

ГЛАВА 9

— Будь осторожен, сынок, — сказала Веселина, уходя. — Вернется из похода отец, тогда и начнете изучать находки.

— Хорошо, мама, — согласился Дар. Он понимал, что матерью руководит беспокойство за жизнь сына, и был рад, что она выслушала его рассказ о подарке лягуна и о том, что случилось после, но не собирался сидеть сложа руки и ждать отца. Жутко тянуло раскрыть картины и вытащить оттуда заблудившихся подруг. А уж потом можно было поделиться своими успехами и с отцом.

— Чаю принести? — оглянулась Веселина за порогом спальни.

— Придет Борята, мы сами спустимся через полчаса, — пообещал Дар.

Мать послала ему мысленный образ — прозрачная улыбка, грозный палец, песочные часы, фигура отца — и вышла. Дар послал ей в ответ поцелуй, ощущение свежести, образ спокойной воды и сосредоточился на своих трофеях.

Прежде всего разложил их на столе, стараясь делать это плавно, медленно, без резких движений. Мать инстинктивно определила их глубинную суть, не зная настоящих масштабов, поэтому и советовала быть осторожнее. Если бы она поняла значение находок, вряд ли разрешила бы сыну оставить их у себя, а уж тем более заниматься изучением.

Дар полюбовался на свечу, испускавшую в пси-диапазоне тоненькое всхлипывание, будто ребенок плакал. Потрогал кинжал, производивший впечатление таящейся мощи. Взвесил в руке и поставил на место невесомый стакан, стенки которого напоминали галактический звездный узор. Потом не удержался и перевернул тяжеленький голыш с мигающей звездочкой. Дождался, когда тот появится снова на прежнем месте — чудеса, да и только! — вспомнил о фотографии, которую успел прихватить с собой, поставил ее на стол. Пожалел, что не показал ее матери. Она сразу бы определила, отец это на фотографии в компании незнакомых людей или нет. Все-таки что-то было в нем не от князя Бояра Железвича, в осанке, повороте головы, в прическе. Интересно, не брат ли это отца? Или, может, дед?

Дар понял, что тянет время, не решаясь подступить к главной добыче, рассердился на себя и раскрыл кейс.

Картины, свернутые в металлические на вид рулоны,

смирно лежали в зажимах, излучая будоражащее тепло. Объяснить их функциональное предназначение Дар не мог, но, будучи неплохим специалистом по физике — в рамках изучения предмета в универсалии, — знал о существовании многомерных пространств, экзотических форм материи и полевых конфигураций. Картины являли собой некие пространственные объемы, свернутые в двумерные поверхности, и этого пока было достаточно для их созерцания. Что же касалось тайн их создания и воздействия на психику человека, на реальную жизнь, вплоть до «заглатывания» людей, над ними стоило поразмышлять в компании более компетентных специалистов.

— Без меня решил открыть?! — раздался сзади возмущенный голос Боряты. — Я так и знал!

Дар досадливо поморщился.

— Успокойся, ничего я еще не открыл. И вообще эти вещи опасны, так что не трогай их и не подходи близко, особенно к картинам.

— Что в них опасного? — удивился Борята.

— Меня чуть не затянуло в одну из них. Так что сядь в кресло и не вмешивайся, а то выгоню.

— Хорошо, хорошо, — торопливо сказал Борята, знавший крутой нрав приятеля, — не буду. А ты уверен, что девчата и в самом деле там, в картинах?

Не отвечая на вопрос, Дар натянул на руку «протез»-манипулятор, вынул из кейса один из рулонов — тот, в котором находились незнакомки и динозавр. Подумав, отошел к стене комнаты, на которой висел вышитый мамой рушник. Что делать дальше, он не знал, поэтому медлил, прикидывая варианты дальнейших действий.

— Давай разворачивай, — не выдержал Борята, — чего медлишь? Может, помочь чем?

— Сиди! — Дар взялся за теплую, даже горячую ручку стержня, вокруг которого был намотан «холст» картины, повернул вправо, влево, снова вправо, преодолевая сопротивление рулона.

Знакомый щелчок — будто тетива лука ударила в щиток на руке!

Рулон внезапно потерял вес, начал разматываться сам собой с тихим «подземным» гулом.

Дар выпустил его, попятился.

Рулон остался висеть в воздухе, развернулся, и взорам молодых людей предстала изумительно яркая, испускающая в н у т р е н н и й свет картина чужого мира: оранжево-сиреневая равнина, заросшая белым бамбуком, дырчато-ходульное дерево, горы с шапками голубого снега, динозавр в ромбовидной броне и две фигурки у камня в блистающих костюмах.

— Ух ты, красота какая! — выдохнул Борята, привставая.

Дар очнулся, сделал два шага назад, толкнул его в грудь, принуждая сесть.

— Не смотри долго! Картина от этого оживает!

— Я только секундочку!.. Это они?

— Они.

— Мама родная! Как они туда попали?!

— Если долго смотреть, картина превращается в окно, в своеобразный портал. В нее можно войти, как в другую комнату.

— Как интересно! А что будет, если туда действительно войти?

— Не знаю, не пробовал. Но поскольку наши знакомые не вернулись, то и мы можем не вернуться.

— Почему?!

— Все дело в свойствах картин, связанных с иномерными пространствами и временем. Возможно, время внутри них течет гораздо медленнее. — Дар подумал. — Или вообще остановилось. Вот девушки и остались.

— Зачем они вообще туда сунулись?

— Это ты у них спросишь, когда они выйдут.

«Е с л и выйдут», — добавил Дар про себя.

— Разворачивать вторую картину будешь?

— Нет смысла. Сначала надо решить проблему, как вытаскивать из картины Дарью... и Ауму. Думай, голова, шапку подарю.

— Ну-у... — Борята почесал затылок, бросая косые взгляды на висевшую в воздухе у стены без всякой опоры картину. — Высунуть туда голову, позвать... они сами придут.

Дар постучал пальцем по лбу, тоже косясь на картину. Она з в а л а его, разговаривала с ним, с м о т р е л а на него, но не так активно, как три часа назад, в тереме. Очевидно, свертка подействовала на нее успокаивающе, сняла какие-то

потенциалы, усилила экранирование. В этом состоянии картина была явно менее опасна, чем раньше. И все же рисковать не стоило.

— Нет, можно выпасть туда... и остаться.

— Я тебя удержу.

— Лучше не... — Дар замер, глядя перед собой остановившимися глазами. — Погоди... ты гений, целитель! Что, если обвязать себя веревкой? Тогда можно будет вернуться, держась за нее. В крайнем случае ты меня вытащишь.

— Конечно, я гений, — расплылся в самодовольной улыбке Борята. — Кто бы сомневался? А может, лучше я туда пойду?

Дар сделал круг по комнате, предаваясь размышлениям.

— Нет, пойду я, тебе они могут не поверить. Жди здесь, я принесу веревку. И не вздумай приближаться к ней! Не то и тебя придется вытаскивать!

— Никогда! — торжественно поклялся молодой целитель.

Дар сбегал в погребню, вернулся с тонкой, но очень прочной бечевой; отец называл ее репшнуром; использовался такой репшнур для альпинистских вылазок и для связки древесных стволов в штабеля.

Борята стоял сбоку от картины и, вытянув шею, заглядывал в нее. Увидев входящего приятеля, кинулся к креслу, покраснел, виновато шмыгнув носом.

— Я только посмотрел... остороженько...

— Вот и положиись на тебя, — поморщился Дар. — Наверное, придется еще кого-нибудь звать, Скибу или Сердягу.

— Не надо никого звать! — испугался Борята. — Клянусь, я все сделаю!

Дар и сам не хотел впутывать в это дело посторонних людей. Был бы отец дома, они справились бы с операцией возвращения девушек вдвоем. Теперь же можно было опереться только на друга детства, еще не достигшего возраста ответственности.

— Ладно, поверю. Если не вернусь сам — выдернешь меня за шнур. Только ни в коем случае не подходи к картине близко! Даже если я застряну! Дождись отца.

— Я понял.

— В таком случае начали.

Дар обвязал себя бечевой, отмерил два десятка метров и

привязал второй конец к ножке кровати. Отвел приятеля в угол, сунул петлю в руки.

— Будешь стоять здесь. Увидишь, что я остановился, подождешь пару минут и дернешь за веревку. Запомнил?

Борята утвердительно покивал.

— Отлично. Я пошел.

Дар приблизился к картине, настраиваясь на мощную энергоотдачу. Тело ответило в х о ж д е н и е м в процесс в л а д е н и я, уровень за уровнем: мышцы, сердце, кровеносная система, физиологические процессы, психика, сознание. Заработала интуиция, предсказывающая некое нелинейное о с л о ж н е н и е ситуации в ближайшее время.

Двум смертям не бывать, оптимистично провозгласило второе «я» парня, а одной не миновать! Не трусь, чистодей!

Дар вытянул руку, коснулся поверхности картины.

Пальцы свело легким электрическим уколом. Они почувствовали упругое сопротивление и тепло, будто уперлись в горячую полиэтиленовую пленку. По срезу картины побежала волна, как от брошенного в воду камня. В следующий миг рука продавила невидимую преграду, возникший поток воздуха подтолкнул Дара, и он шагнул вперед, в распахнувшееся навстречу сияющее пространство.

Ощущение раскрывающейся бездны!

Динозавр слева, деревья, горы вдали, две фигурки в скафандрах — скачком выросли в размерах. В ноздри проник незнакомый аромат, аромат неведомого мира. Динозавр повернул морду, глянул кровавым глазом... не смотреть на него, не отвлекаться! Шаг, еще один... вот они, беглянки, почти рядом, можно дотянуться... ну же, оглянитесь!

Чувствуя чудовищное сопротивление Среды — не только воздуха, но всего ландшафта, в который он влип, как муравей в смолу, напрягаясь до боли в суставах, до потери сознания, Дар вытянул руку, дотронулся до локтя ближайшей фигурки...

Борята, почти не дыша, смотрел за действиями друга, в х о д я щ е г о в картину. Спина взмокла, между лопатками протекла струйка пота, сердце готово было выпрыгнуть из грудной клетки, но он ничем не мог помочь Дару, кроме того, чтобы свято следовать полученным указаниям.

Дар дотронулся рукой до листа картины.

Она засветилась ярче, заволновалась, как вода в кадке, если по ней ударить кулаком. Затем что-то произошло — Борята не успел понять что, моргнул, и Дар вдруг оказался внутри картины, сразу сделавшись вдесятеро меньше ростом!

Борята стиснул зубы, не решаясь смахнуть пот со лба. Руки задрожали, и он потратил какое-то время на их успокоение.

Между тем ничего особенного более не происходило, если не считать того, что веревка натянулась струной, пытаясь увлечь за собой Боряту, и приходилось напрягать силы, чтобы оставаться на месте.

Дар не отзывался, не оглядывался, стоял на месте, чуть наклонившись вперед, вытянув руки, будто собираясь нырять. Казалось, он вот-вот дотянется до блистающих ртутью фигурок, уцепится за них и скажет: «Вот вы где! А ну, повернитесь, пойдем обратно!»

Однако шли секунды, складывались в минуты, а незавершенное движение так и оставалось незаконченным, полным внутреннего напряжения и драматизма. Лишь сосредоточившись на этом моменте, Борята почувствовал, что процесс продолжается, только очень медленно, очень медленно, буквально по микрону в минуту. Душа рвалась броситься на выручку к другу, но он заставил себя не слушать ее голос, не обращать внимания на панические мысли, стоять и ждать, пока ситуация не определится. И он дождался!

Дотянулся ли Дар до девушек, Борята не увидел, но по какому-то сверхтонкому сигналу — словно невидимая птица взмахнула крылами — судорожно рванул веревку на себя!

И получил такой же рывок в ответ!

С трудом удержался на ногах. В голове зашумело, будто сквозь нее понесся ручей муравьев, руки ослабели. Глаза застлала пелена слез.

Борята вскрикнул, напрягаясь изо всех сил, потянул веревку, не быстро, стараясь не дергать ее, и вытащил-таки на пару сантиметров. Впечатление было такое, будто к другому концу был привязан буйвол или носорог, упирившийся в землю всеми четырьмя ногами.

— Все равно вытащу! — прохрипел молодой человек, ничего не видя из-за слез. — Лишь бы шнур не лопнул!..

Напрягаясь так, что застонали готовые разорваться мыш-

цы, он миллиметр за миллиметром стал вытаскивать веревку и пропустил момент, когда из картины в спальню вывалился Дар, а за ним две фигуры в отливающих металлом комбинезонах.

Последнее усилие доконало его. Борята выронил веревку и осел на пол, ничего не видя, слыша лишь гул крови в ушах и бешеный стук сердца. По-видимому, он даже потерял сознание на какое-то время, потому что, открыв глаза, увидел, что сидит в кресле, а над ним склонилась прелестная женская головка.

— Очнулся! — сообщила она радостно.

Над Борятой склонились еще двое: Дар и зеленоглазая девушка.

— Я вас все-таки вытащил... — прошептал Борята, пытаюсь улыбнуться.

— Молодчина, — сказал Дар одобрительно, потрепав его по щеке. — Я бы засчитал это Испытанием.

— Правда?!

— Честно.

— Спасибо вам, — сказала зеленоглазая. — Если бы не вы и ваш друг, мы бы застряли в хронике навечно.

— Где?

Девушка махнула рукой в сторону явно потускневшей картины.

— Это не картина и не витейр... э-э, не объемное фото. Это хроносрез, объем многомерного континуума, «упакованный» законами нашей Вселенной до размера двумерного листа. Время на срезе континуума для внешнего наблюдателя остановилось.

— Зачем же вы полезли в этот хроник?

Девушки переглянулись. В глазах Дара мелькнули веселые искры. Видимо, он уже задавал этот вопрос.

— Так получилось, — коротко ответила Дарья, не вдаваясь в подробности. — Мы не рассчитали активизации хроников и... и оказались внутри.

— Значит, на болоте вы появились не случайно? — догадался Борята. — Искали картины? Откуда же вы узнали, что они там?

Девушки вновь переглянулись.

— Потом поговорим, — вмешался Дар. — Пусть в себя придут.

За дверью спальни послышался голос Веселины:

— Борьбу, что ли, вы там устроили, мужчины? Весь дом зашатался! С кем вы разговариваете? Я могу войти?

— Конечно, мам, — после паузы ответил смущенный Дар.

Мать вошла.

— Здравствуйте, — дружно поклонились гости.

Образовалась немая сцена. Молодые люди и девушки смотрели на Веселину, она разглядывала девушек, подняв брови. Перевела взгляд на сына:

— Странно, я не заметила, как они вошли... Познакомь меня с ними.

— Это Дарья, — пробормотал Дар; зеленоглазая кивнула, с любопытством разглядывая мать чистодоя. — Это Аума.

Спутница Дарьи улыбнулась.

— Они из города... случайно зашли... вот...

— Что ж, мы всегда рады добрым гостям. Я накрою стол, приходите обедать.

Мать вышла.

Все четверо обменялись взглядами.

— Пожалуй, я домой пойду, — поднялся Борята, чувствуя себя разбитым. — Искупаюсь и потом присоединюсь к вам.

— Давай, — кивнул Дар. Догнал приятеля у порога, взял за локоть, понизил голос: — Спасибо за помощь! Если бы не ты, я тоже остался бы там!

— Я рад, — слабо улыбнулся молодой целитель, еще не до конца пришедший в себя, подмигнул. — Надеюсь, ты их не отпустишь, не узнав адреса? — Вышел.

Дар посмотрел на девушек, осматривающих спальню.

— Вам что-нибудь нужно?

— У вас есть туалетная комната? — спросила Аума.

— Внизу, на первом этаже.

— Разрешите, мы ее займем на короткое время?

— Разумеется.

Дар проводил обеих в умывальню, большую, светлую, удобную, с зеркалами и приспособлениями для ухода за телом; туалетная комната ничем не уступала городским, так как была доставлена на хутор из города. Позвал мать, которая предложила гостям чистые рушники и халаты, и вернулся в спальню.

Картина все так же висела у стены, гораздо менее яркая, чем раньше. Было видно, что динозавр изменил позу и смотрит теперь в угол картины, где недавно виднелись две фигурки. Вряд ли он успел понять, что произошло.

Хроносрез...

Дар покачал головой, вдруг осознав, какой опасности избежал. Он ощущал глубину и мощь картины, но не представлял, насколько она опасна. Может быть, и остальные вещи, найденные в подводном тереме, так же непредсказуемо опасны?..

Он выдвинул ящик стола, где на мягкой подстилке лежали кинжал, исчезающий голыш, стакан, свеча, чаша и книга. Чем же они являются на самом деле? Кто это знает? У кого спросить? Может быть, у Дарьи? И, кстати, что она с подругой искала в картине?

Внизу слышались голоса: мама предлагала гостям свои услуги, спрашивала, что им надо. Вскоре на лестнице раздались шаги. Дар задвинул ящик.

Вопреки ожиданиям, девушки после купания надели свои блестящие, обтягивающие фигуру комбинезоны. То ли постеснялись взять предложенные халаты, то ли по другим причинам. Обе выглядели довольными жизнью. Но Дар чувствовал, что их гложет нетерпение и любопытство.

— Спасибо за приют, — сказала Дарья, оценивающеглянув на стол хозяина. — Вы нас здорово выручили. Однако позвольте вопрос: каким образом хроник оказался у вас?

Дар остался невозмутим.

— Если у вас есть время, я расскажу.

— Время — понятие относительное, — проговорила малоразговорчивая Аума.

— У нас есть время, — сказала Дарья.

ГЛАВА 10

Рассказ Дара длился недолго. Он сообщил слушателям только самое главное, упустив многие подробности своего похода в черноболю. Но этого им оказалось достаточно, чтобы понять, как они оказались на хуторе Жуковец, в доме князя, главы общины Светорусь.

— Значит, терема дедушки уже нет... — задумчиво и с грустью сказала Дарья, когда рассказ закончился. — Жаль.

— Какого дедушки? — с удивлением посмотрел на нее Дар.

— Ее дедушки, — хмыкнула Аума.

Дар посмотрел на зеленоглазую. Дарья очнулась от печальных воспоминаний.

— На хуторе Вщиж жил мой дедушка Макар Мальгин, я его внучка. Мы искали отца... кстати, наша сумка и вещи остались в его доме.

Дар молча вытащил из настенного шкафа очищенную от грязи сумку, найденную в тереме под болотом.

— Ваша?

— Ой, наша! — обрадовалась Аума.

Дарья снова оценивающе глянула на стол чистодея, быстро расстегнула «молнии», вытащила закрытый кейс, отложила в сторону, достала коробки НЗ, излучатель с ребристым дулом, «протез», с радостным возгласом вытащила не замеченный Даром черный пакет.

— Слава богу, он цел!

— Что это? — полюбопытствовал молодой человек.

Дарья открыла пакет и вытряхнула на кровать точно такую же туманно-прозрачную сферу с искрами внутри, какая была и у чистодея. Кэнкон! Однако Дар постарался скрыть свое замешательство, повторил вопрос:

— Что это?

Девушки переглянулись.

— Это трансфер... сетевой транслятор... специальное устройство с выходом на...

— Метро, — подсказал он.

Девушки уставились на него, одинаково пораженные, переглянулись. Похоже было, они понимали друг дружку с полувзгляда.

— Откуда вы знаете?

На Дара вдруг снизошло озарение:

— Хотите, скажу, откуда вы?

— Откуда? — скептически поджала губы Аума.

Он поднял коробку с буквами НЗ, ткнул пальцем в цифры 2341.

— Это год изготовления. Вы из прошлого, из две тысячи триста сорок первого года.

— Триста сорок второго, — машинально поправила Дарья. — Как вы догадались?

— Так он же интрасенс, — хмыкнула Аума. — Сама говорила.

Дарья остро заглянула в глаза Дара, и на голову ему свалился ком сложных ощущений, от изумления и любопытства до властной неласковости, сопровождаемый букетом видений: ущелье в горах, обрыв, камнепад, снежная метель, птица, летящая к солнцу сквозь метель.

Он ответил посылом своего мироощущения: море волнующихся под ветром трав, лес, река, синее небо и летящий ангел с лицом Дарьи.

Глаза девушки расширились.

— Я еще в прошлую встречу почувствовала... но не поверила... вы действительно интрасенс!

— Вы тоже.

— Да что я, — отмахнулась она, — я дочь мага... то есть интрасенса... гены, знаете ли.

— Разве вы не встречались с другими сенсами?

— В вашем времени вы первый.

— Скажите, пожалуйста, а почему вы так удивились в городе, когда мы встретились в первый раз?

— Вы очень похожи на одного нашего знакомого, прямо копия. Мы даже подумали, что вы его сын.

— Кто он?

— Это неважно.

— Значит, я прав? — с улыбкой сказал Дар. — Вы и в самом деле из прошлого?

Дарья прикусила губу, свела тонкие длинные брови в одну линию, потом тоже улыбнулась.

— Вы правы. Я уже говорила, мы ищем моего отца, Клима Мальгина. Два года назад он улетел куда-то по своим делам, никому ничего не сказав, и не вернулся. Мама переживает, и я решила...

— Вы говорите, два года назад?

— Я имела в виду наше время. Он ушел в триста сороковом, накануне Поворота...

— Какого поворота?

— На Земле сменилась форма власти... и это не очень интересно. После Поворота началась охота за интрасенсами...

— Даш! — дернула подругу за локоть Аума.

Дарья отмахнулась.

— Ничего страшного, если он узнает. Глядишь, поможет искать отца.

— Помогу, разумеется, — кивнул Дар. — Только не понимаю, почему вы ищите его у нас, то есть в будущем, да еще таком далеком. Ведь с тех пор прошло больше трех тысяч лет. Почему он ушел, с чем это связано...

Аума засмеялась.

— Аппетиты у вас, однако.

— Я расскажу, — согласилась Дарья, дотрагиваясь пальцем до сферы кэнкона, которую она называла трансфером; внутри сферы ярче засияли звездочки. — Откуда вы знаете, что это такое?

— У меня есть точно такой же шар.

— У тебя?! — вырвалось у Дарьи, но она тут же поправилась: — У вас?! Откуда у вас трансфер?!

— Лягун подарил. — Дар поведал историю знакомства с болотным созданием. — А он, очевидно, достал в тереме, на дне Вщижского болота.

— Боже мой! — прошептала девушка. — Если бы я знала, что у отца есть некодированный трансфер... Покажи...те!

Дар выдвинул ящик стола, ловко — уже привык — подхватил его, поддержал второй ладонью.

— Да, это он. — Дарья с новым интересом посмотрела на собеседника. — И вы знаете, как им пользоваться?

— Я был на Меркурии, — с деланным безразличием сказал Дар, — на спутнике Юпитера и на коричневой звезде.

— Какой звезде?

— На коричневом карлике Шив Кумар, — поправился он. — Там стоит древняя исследовательская станция... без людей.

Дарья заворуженно покачала головой, встретила красно-речивый взгляд подруги.

— Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Расскажите об отеллоидах подробнее.

— Вы обещали рассказать о себе.

— Да, я помню. Дело в том, что в наше время тоже существовали черные люди, но другие.

— Маатане.

— Вы и об этом знаете?!

Дар пожал плечами.

— Совсем мало, в пределах школьного курса истории.

Кстати, по словам инка станции на Шив Кумаре, один из маатан находится внутри коричневого карлика.

Дарья озабоченно хрустнула сплетенными пальцами, глянула на подругу, ответившую ей недоумевающим взглядом.

— Не может быть. Все маатане ушли в «серую дыру» или в другие миры еще в наше время.

— Что услышал, то и передал.

— Интересно было бы проверить, — сказала Аума.

— Нет времени... да, так вот... собственно, с чего начать?

Мы действительно живем в двадцать четвертом веке. Аума на год моложе меня, учится в Интехе, ее отец Джума Хан, эксперт Службы безопасности по психопатологии преступников, мать — нейрохимик Карой Чоккой. Моя мама Купава... — Дарья замялась. — Ну, она, в общем, социально защищенная, работает консультантом по картрузингу, ткет гобелены. Папа — Клим Мальгин, бывший нейрохирург... его мы и пытаемся найти.

— Почему же именно в будущем? И как это вообще возможно — путешествовать во времени? Теория универсальных взаимодействий это запрещает.

— Вы же говорите, что знаете, как пользоваться трансфером.

Дар машинально кивнул, хотя ответа не понял.

— Знаю.

— Ну вот. Что же касается поисков отца в будущем, то он оставил кое-какие следы в орилоунской Сверхсети. Оператор трансфера запустил его в Сеть, имеющую положительный вектор, то есть в будущее. Он тоже что-то или кого-то ищет, уже много лет.

— Даниила Шаламова, — вставила Аума.

— Да, своего друга Даниила Шаламова, который, по косвенным данным, после освобождения сбежал в будущее. Или в прошлое, не знаю точно. Вот поэтому мы здесь.

— Не лучше ли начать с самого начала? — вежливо попросил Дар.

Дарья поколебалась немного, снова нервно хрустнула пальцами. Ее что-то беспокоило, хотя она и пыталась это скрыть.

— Хорошо, слушайте...

Рассказ о событиях трехтысячелетней давности, когда

люди впервые столкнулись с маатанами, назвав их впоследствии черными людьми, занял полчаса.

Мама позвала молодых людей обедать, они отказались.

Пришел Борята, тихонько пристроился за креслом Дара, выслушал историю, шумно вздохнул:

— Колоссально!

— Это все, — закончила Дарья. — Что вас еще интересует?

— А давайте на «ты», — предложил Борята. — А то сидим как чужие. У нас на хуторе как-то не принято «выкать».

— Давайте, — улыбнулась девушка.

Дар, ошеломленный рассказом, попытался сделать вид, что ничего особенного не услышал.

— В общем, все понятно... действительно, интересная история. Может, пойдем теперь пообедаем?

— Если у вас... у тебя нет вопросов, то есть у нас. Вы видели артефакты в бункере дедушки?

— Вот эти? — Дар снова выдвинул ящик стола — нижний, показал взятые в тереме вещи: свечу, исчезающий голыш, кинжал, книгу, чашу и стакан.

— Я давно почуяла, что они здесь, и спросила для...

— Проверки, — закончил Борята понимающе.

Девушка покраснела.

— Нет, я хотела... сказать спасибо. Это вещи отца, а ему их подарил Шаламов. Они очень необычны и даже опасны. Отец ими очень дорожил.

— Забирайте, — великодушно сказал Дар, хотя и с большим сожалением. — Они не мои.

— Да ты что, Дарий! — воскликнул Борята. — Это же мы их нашли, они теперь наши!

— Вы действительно имеете на них право, — подтвердила Аума.

— Я сказал — они ваши.

— Что ж, примите нашу благодарность. — Дарья прижала руку к груди. — Мы заберем их, но не сейчас, в другой раз, если позволите. Пусть они пока побудут у вас.

— Это пожалуйста. Приходите за ними в любое время.

— Вот теперь можно и пообедать.

— Подождите. — Дар достал из стола объемное фото с тремя мужчинами, показал госте. — Вы случайно не знаете, кто это? Я взял эту фотографию там же, где и вещи вашего отца, в тереме.

Глаза Дарьи расширились. Она взяла в руки прямоугольник фотографии с эффектом объема, кажущийся отверстием в комнату, где стояли, обняв друг друга за плечи, мужчины, и среди них, по оценке Дара, его отец.

— Папа! Аристарх! И твой отец! — Она передала фото Ауме.

— Точно, это они, только молодые.

Обе девушки посмотрели на Дара. Тот сдвинул брови.

— Значит, это не мой отец. Я думал...

— Вы нашли очень старый витейр, ему лет двадцать. Вот это мой папа, в центре. — Дарья показала пальцем. — Это ее отец, Джума. А это Аристарх Железовский, друг отца. Вот почему мы удивились, когда встретили тебя в городе. Ты жутко похож на Аристарха в молодости! Вы случайно не родственники?

Дар вместо ответа достал из стенного шкафа банкетку, вытащил оттуда плоскую цветную фотографию, протянул девушке. Дарья изогнула бровь:

— Аристарх?

— Мой отец, Бояр Железвич.

— Точно, родичи, — заявила Аума. — Твоя фамилия Железвич?

— Да.

В спальне стало тихо. Потом Борята от избытка чувств хлопнул себя по колену.

— Предок нашелся! Ну и ну! Три с половиной тысячи лет! Вот бы и мне своего найти!

Все посмотрели на него.

— А твоя фамилия случайно не Лютый?

Борята вытаращил глаза. Голос его стал хриплым.

— Лютый...

— Таких совпадений не бывает, — покачала головой Аума.

— Ты тоже похож, — сказала Дарья, прислушиваясь к чему-то с внутренней тревогой, которая передалась и Дару: он почувствовал, как по спине протек холодный ручеек озноба.

— У папы был знакомый, начальник оперативного бюро Ксеноцентра Калина Лютый, ты немного похож на него, вот я и спросила. Очевидно, вы действительно родичи.

— Почему — был?

— Я давно его не видела. Наверное, он...

— Минуту, — прервал Дар девушку, подняв кверху палец.

Все замолчали.

Дарья, прищурясь, посмотрела на него.

— Ты что-то услышал?

— Ветер, — односложно ответил чистодей, прислушиваясь к своим ощущениям.

Дарья поняла, кивнула, хрустнула пальцами.

— Ваш хутор охраняется?

— Дружина ушла в леса... остались только старики и дети, да старшина Малх. Ну и мы с Боряттой.

— Как бы к вам не нагрянули незваные гости.

— Ничего, отобьемся, не впервой.

— Тогда мы уходим. Вот, возьмите «хардсаны». — Дарья вытащила из сумки оружие. — Это, конечно, не аннигиляторы и не «глюки», но против отеллоидов сгодятся.

— Мы редко применяем оружие, — с сомнением сказал Дар.

— Как же вы отбиваетесь от нехороших парней?

Дар пожал плечами.

— Как правило, хочущники и беривсеи не выдерживают отпора, воспрепятственного повелевания, до прямого нападения не доходит. Другое дело — банды лядов. С ними приходится воевать.

— Что еще за ляды?

Дар слабо улыбнулся, пошевелил пальцами, подыскивая синоним:

— Ну-у... это кочевники. Они на слова не реагируют, никого не боятся...

— Отморозки, одним словом.

Дар кивнул, хотя и не понял смысл слова.

— А что такое воспрепятственное повелевание? — поинтересовалась Аума.

— Это, наверное, пси-отпор, — предположила Дарья.

— Верно, — согласился он.

— Вы уверены, что справитесь с отеллоидами, если они здесь появятся?

— Не сомневайтесь, — важно надул щеки Борята. — К тому же им у нас делать нечего.

— В таком случае мы оставим все наши вещи у вас. Сохраните их, ладно? Не показывайте никому. Мы вернемся за

ними, как только сможем. А витейр заберем, я маме его покажу.

Дар поколебался немного, но решил не возражать.

— Хорошо, забирайте. Когда вас ждать?

Девушки посмотрели друг на друга.

— Как только решим кое-какие дела, дня через два. К сожалению, нам приходится секретничать, скрывать свои намерения, семьи интрасенсов теперь находятся под контролем спецслужб.

— В общем, весело живем, — прищурилась Аума.

— До встречи, — подала руку Дарья.

Дар осторожно пожал прохладную ладошку, чувствуя, как через нее вливается в руку струйка приятного тепла. Захотелось сказать что-либо особенное, умное, значительное, заверить, что он будет ждать, но слов не понадобилось. Дарья передала ему сложный мыслеобраз: грозовая туча, сверканье молний, снежный вихрь, проглядывающее сквозь них солнце, запахи свежести, трав, цветов, абрис женского лица, улыбка, — он ответил примерно тем же, и тонкий мысленно-чувственный контакт прервался. Оба отчего-то смутились, хотя ничего особенного сказано-передано не было.

Дарья вынула из сумки пакет с трансфером, подбросила в воздух:

— Развернись!

Туманный шар с искрами внутри расплылся прозрачно-световым облачком, обнял девушек. Миг — и их не стало!

Дар несколько мгновений смотрел на то место, где они стояли, очнулся, встретил взгляд приятеля, порозовел. Показалось, тот прочитал его мысли и эмоции.

— Как ты думаешь, они... — Борята не договорил.

За стенами терема раздался тонкий вскрик горна.

— Тревога! — подскочил Борята, кинулся к двери. — Я к старшине! Наверно, это все-таки банда беривсеев. — Оглянулся на пороге. — Ты идешь?

— Что за вопрос.

Дар тоже метнулся к выходу, но вернулся, подхватил подаренный девушками «хардсан», сунул под ремень на спине. Через несколько секунд он выскочил на крыльцо.

В конце улицы, выходящей к лесу, показалась немногочисленная шеренга хуторян, отступавшая к центральной площади хутора. А на них надвигалась группа черных людей,

целеустремленно и зловеще. Веяло от этой группы ветром угрюмой сосредоточенности, непреодолимой силы и чужеродности.

В цепи хуторян, помимо старших — Малха, Кременя, Виктория Лютого, Скибы, находились и одногодки Дара — Бус Кресень, Михайла Шкурин, Слава Терех, Олег Новик, и совсем юные сородичи — пятнадцатилетний Андрюша Косый и четырнадцатилетний Ваня Рожнов.

Борята, успевший натянуть уник, отступал вместе со всеми, то и дело оглядываясь. Заметив Дара, он крикнул:

— Они Вагу убили! Что делать?!

Дар почувствовал вышедшую вслед за ним мать.

— Дружину вызвали?

— Боригор будет здесь минут через пятнадцать, — ответила Веселина. — Будь осторожен, сынок, не лезь на рожон, дождись витязей.

— Они Вагу убили! — Дар скрипнул зубами, перепрыгнул через перила, направился к своим.

Хуторяне раздвинулись, пропуская его. Он сделал два шага навстречу молчаливой массе черных *теней*, поднял руку.

— Остановитесь!

Двигавшаяся «утюгом» группа черных людей остановилась.

— Что вам нужно?

Возглавлявший отряд отеллоид — бликующий черным лаком комбинезон, черные руки, черная голова, лицо человеческое, хотя и грубоватое, с черными губами и белыми глазами без зрачков — ткнул в его сторону рукой:

— Ты взять... отдать... не твой... — Говорил отеллоид не то чтобы с акцентом, но как машина, глухим ровным голосом, без интонаций и ударений.

— Если я что и взял, оно принадлежит людям. Не вам. Убирайтесь отсюда подобру-поздорову! Зачем вы убили Вагу?

— Детеныш мешание... отдать... мы взять сами... убьем много...

Дар погасил закипающий в душе гнев.

— Немедленно покиньте территорию хутора! Иначе будете уничтожены! Это говорю вам я, чистодей, прошедший Испытание, посвященный в мастера жизни!

Отеллоид повернул голову к своим спутникам — на сто восемьдесят градусов! — что-то сказал в пси-диапазоне (Дар

почуял всплеск ментального поля), снова посмотрел на молодого человека:

— Мы взять... ты нет остановить... давать минуту на размышлен... ность...

— Дар, — окликнул чистодей Скиба, — у меня есть «универсал».

— Малх может открыть оружейню и взять излучатели, — добавил Борята.

Дар представил бой с применением огнестрельного оружия и покачал головой. Вероятность появления новых жертв была слишком высокой.

— Все отойдите назад. Я попытаюсь задержать их. — Дар не стал заканчивать: «до прихода дружины». Повернулся к угрюмой команде черных людей: — Предлагаю честный поединок — один на один. Если победу одержите вы, я отдам вам свои трофеи, если одолею я — вы уберетесь отсюда.

Пауза, безмолвное совещание отеллоидов.

— Можете сражаться вдвоем против меня одного, — великодушно добавил Дар. — С оружием или без, мне все равно.

Еще одна пауза, более длинная.

— Мы согласие, — объявил наконец вождь отряда. — Мы два есть... нет оружие... ты один...

— Дар, давай лучше я схвачусь с ними, — предложил Кремень.

— Или я, — поднял руку Лютый-старший.

— Благодарю, — сказал Дар. — Но я знаю их слабые и сильные стороны, а вы нет. Ждите и не вмешивайтесь, все будет хорошо.

Куртку снимать он не стал, она не стесняла движений. Хотя подумал, что в уника драться было бы сподручней.

— Я готов.

В тот же момент двое отеллоидов бросились на него с разных сторон одновременно, демонстрируя неплохую скорость и пластику движений. Дар дождался попытки контакта — оба черных выбросили удлинившиеся на полметра конечности, — вошел в состояние владения телом и исчез. Возник через мгновение в метре от точки соприкосновения с противником, обескураженным его исчезновением, мощным ударом расплескал ближайшего отеллоида.

На мгновение все замерли: второй отеллоид-боец, его

соратники, хutoryяне и сам Дар. Затем противник метнул в него ручей черного дыма, как показалось зрителям, Дар увернулся, настиг поединщика и без всякой жалости разбрызгал по улице. Но предложить оставшимся гостям мировую не успел. Они не стали ждать продолжения, а джентльменскими качествами не обладали. Вожак отряда первым выудил из кармана своего комбинезона (может быть, из складки кожи на животе) пистолет наподобие того, что отнял когда-то Дар у соплеменника отеллоида, и выстрелил в победителя.

Однако Дар все еще находился в состоянии владения — собой и пространством адекватного ответа — и на долю секунды опередил врага.

Выстрел из «хардсана» — полотнище бледно-лилового огня — буквально развалил вожака отеллоидов на две части, верхнюю и нижнюю, зацепил еще одного отеллоида, отхватив ему часть плеча, просвистел мимо остальных смертельным веером. Но их это не остановило и не испугало. Черных людей вообще, наверное, невозможно было испугать. Они схватились за оружие, готовые убрать препятствие со своего пути любой ценой.

И в этот момент из-за крыш теремов вывернулись летаки дружины, ведомой Борибором. Сверкнули лазерные трассы, мячиками запрыгали шипящие клубки электрического огня, вонзаясь в тела пришельцев и разрывая их в клочья. Через несколько секунд все было кончено. От команды отеллоидов остались только лужицы и ручейки черной субстанции, из которой состояли их тела.

Летаки дружины приземлились, из них начали выпрыгивать суроволицые дружинники, вооруженные лазерными «универсалами» и электроплазменными разрядниками. К Дару подошел Борибор, хмурая брови.

— Жертвы есть?

— Вага.

— Как это случилось?

— Он не виноват, — подскочил взволнованный Борята. — Они убили Вагу еще в лесу.

— Что им было надо?

Дар отвел глаза.

— Не знаю.

Борибор наступил сапогом на дернувшуюся, будто живое

существо, черную лужицу, брезгливо стряхнул колеблющуюся, как желе, пленку.

— Мерзость!

— Эти ошметки надо сжечь, — сказал Дар, — иначе они снова соберутся в одно целое. Отеллоиды способны восстанавливаться.

Боригор подозвал дружинников, отдал распоряжение.

Появилась мать Дара, кинулась к сыну.

— Хвала Создателю, ты цел и невредим!

Дар смутился, косо глянув на мужчин, но на него никто не смотрел, кроме восхищенного Борята, все занимались делом. Сверкнули первые языки плазменного огня, уничтожавшие черные лужи, поднялись клубы едкого дыма.

— Пойдем домой, сынок, — взяла сына за руку Веселина. — Отец скоро будет, звонил только что. Ты молодец, задержал эту нечисть.

— Отлично сработано! — солидно подтвердил Борята. — Пусть теперь попробуют сунуться к нам еще раз!

Дар не ответил. Шевельнувшаяся память соткала из света пленительное видение: Дарья, улыбающаяся, красивая, с сияющими зелеными глазами, бежит к нему по берегу реки, протягивая руки... Душа рванулась навстречу, руки молодых людей встретились... и видение исчезло. Где ты, девчонка из прошлого? Куда умчалась? И вернешься ли?..

— Не оступись, — поддержала его под локоть мама.

Дар очнулся. Он был дома, но душа продолжала лететь в неизведанные дали времени и пространства, призывая ту, без которой уже не мыслилось будущее и жизнь теряла всякий смысл.

Часть II

СЕГОДНЯ

ГЛАВА 1

Мама встретила ее на пороге, придерживая на груди халатик.

Дарья замерла, ощущая смущение, стыд и облегчение. В принципе она не считала себя виноватой в чем-то, но все же понимала, что ее отсутствие скажется на здоровье и настроении матери. А отсутствовала она, судя по реакции мамы, долго.

— Слава богу, ты жива! — прошептала наконец Купава; в глазах ее набухли слезы.

— Прости, мамочка! — бросилась ей на грудь Дарья. — Я не могла позвонить, оттуда невозможно дозвониться. Прости!

Женщины обнялись, постояли немного. Потом Купава смахнула слезы, отстранила дочь.

— Ты одна?

— Нет, я была с Аумой... а-а, ты имеешь в виду папу? Я не встретила его, но он был там, где была я, и он жив. Я уверена!

Купава прерывисто вздохнула, положила на грудь ладонь, успокаивая сердце. Грустно улыбнулась в ответ на красноречивый взгляд дочери.

— Так хочется верить, что он вернется. Куда ушел, зачем? Где и что ищет?

— Я не знаю, — тихо проговорила Дарья. — Иногда мне кажется, что знаю, но я не уверена...

— Он никому ничего не сказал.

— Дядя Аристарх утверждает, что его видели на хуторе Вшиж, на родине дедушки. Я была там... в наше время и... в будущем. Папа действительно оставил следы... но его там нет. Я нашла его вещи, они остались на хуторе Жуковец,

у одного парня... — На щеки девушки легла краска. — Он интрасенс...

Купава сморщила нос.

— Ты познакомилась с парнем? Где? И что это за хутор такой — Жуковец? Никогда не слышала. Впрочем, приводи себя в порядок, переодевайся, и поговорим. Есть хочешь?

— Ужасно! Я голодна как зверь!

— Беги. — Купава подтолкнула дочь к туалетной комнате. — Я пока przygotowю обед.

Через час они сидели в столовой. Дарья накинулась на еду, приготовленную на кухонном комбайне «Аладдин». Купава, подперев кулачком щеку, смотрела, как она ест.

— Впечатление такое, что ты не ела неделю. Там так все плохо, в будущем? Кушать нечего?

— Нет, с едой там пока нормально, сохранились и пищевые фабрики, и рестораны, и кухонные системы, просто мы с Аумой ввязались в одну историю и... в общем, действительно долго не ели.

— Ты была там с дочкой Джумы?

— Она согласилась рискнуть, мы и пошли. К счастью, орилоунская Сеть метро еще не заросла полностью, хотя работает теперь фиксированно, по точным координатам. Поэтому нас вынесло аж в пять тысяч пятьсот пятидесятый год, представляешь?

— Так далеко? — ахнула Купава.

— Ну, это еще не далеко, — отмахнулась Дарья. — Отец побывал в будущем, отстоящем от нашего на сотни миллионов лет, если ты помнишь.

— Помню, — грустно улыбнулась Купава. — Не понимаю только, зачем ему это понадобилось.

— Он хотел спасти тебя, — серьезно посмотрела на мать Дарья. — Но не знал — как. Искал выход. А главное — нашел, и ты теперь с нами. Он и сейчас отправился кого-то спасать, я уверена.

— Кого?

— Не догадываешься?

Купава покраснела под взглядом дочери, покачала головой, отвернулась.

— Даниил ушел... неизвестно куда... не захотел даже попрощаться...

— Это к лучшему, незачем ворошить прошлое и вспоми-

нать об обидах и потерях. Отец ведь мог и не вытаскивать его из хроника, куда засадил после тех событий в Прибалтике. Однако он великодушнее, чем Шаламов. Ты действительно ушла от отца к Даниилу, потому что любила его?

На миг в глазах Купавы проступила растерянность, но она быстро справилась с собой.

— Я любила... люблю твоего отца. А ушла, потому что...

— Захотела доказать, что имеешь право на свое мнение.

— Ты осуждаешь меня?

— Нет, конечно, мамочка, — улыбнулась Дарья. — Я вся в тебя, хотя мне как раз нравятся сильные мужчины, яркие индивидуальности, такие, как папа, как дядя Джума, дядя Аристарх.

— Мне они тоже нравятся.

Мать и дочь посмотрели друг на друга, засмеялись. Потом Купава убрала посуду, позвала дочь в гостиную.

— Теперь рассказывай.

Дарья забралась с ногами в кресло, призадумалась немного и начала рассказ. Когда он закончился, Купава смотрела на дочь другими глазами. Она никогда не думала, что ее, в общем-то, вполне взрослая и самостоятельная дочка способна тем не менее на подобные авантюры. Сама она никогда не отважилась бы покинуть Землю и нырнуть в бездны пространства и времени в поисках мужа.

— Дед за твои рискованные мероприятия устроил бы тебе выволочку, — проговорила она.

— Дед бы меня понял, — махнула рукой Дарья. — Да и отец тоже.

— Ну, не знаю... значит, ты побывала в будущем... и как же там живут люди?

— Да неплохо живут... из тех, кто остался. В городах живут только сетлеры, жители Интерсети, плюс банды всяких мерзавцев, ищущих острых ощущений и пользующихся работающими городскими службами. Настоящие ж и в ы е люди селятся в лесах, на хуторах, в экологически чистых зонах, создают общины и союзы. Хотя население все равно постепенно убывает, численность популяции уменьшается.

— Популяции, — усмехнулась Купава. — Нахваталась умных словечек, можно ведь и попроще сказать.

— Все так говорят, — не обиделась Дарья. — Человечество уходит, и процесс неостановим. Ты же помнишь, что рас-

сказывал папа? На смену людям придет другой разумный вид — мутировавшие лягушки. Аборигены тех мест, где был когда-то хутор Вщиж, называют их лягунами и кваггами. Они уже могут общаться с людьми — жестами, хорошо их понимают. Один из лягунов и подарил сыну князя трансфер. Причем взял его из дома деда, который в те времена оказался на дне болота.

— Как все повернулось... — задумчиво покачала головой Купава. — Дом деда все еще стоит на хуторе, в нем живут другие люди, никаких артефактов там нет, а ты говоришь — он на дне болота...

— Там прошло три с лишним тысячи лет, понимаешь? Все изменилось. Города стали совсем другими, квазиживыми самоподдерживающимися системами, изменился ландшафт, появились болота, черноболи — технопатогенные зоны и экологически загрязненные районы, закрытые от внешнего мира... А дом деда ушел под воду, наверное, уже накрытый колпаком защитного поля.

— Кто же его накрыл?

— Думаю, что отец. Ему удалось попасть не в столь отдаленное будущее, как нам с Аумой, и он смог защитить владение деда, а заодно упрятал внутри артефакты и хроники.

— Зачем?

— Если бы я знала.

Купава вздохнула, помолчала, справляясь с приступом тоски.

— Ладно, авось все выяснится... Так что это за парень, с которым ты познакомилась?

Дарья смущенно провела ладонью по волосам.

— Он сын князя общины Светорусь. Жутко похож на дядю Аристарха! Мы сначала подумали, что это он сам! Высокий, статный, не красавчик, но очень симпатичный, хотя это не главное. Во-первых, он сильный, в н у т р и сильный, это чувствуется. Во-вторых, он интрасенс. В-третьих, он с приятелем помог нам на болоте отбиться от черных людей...

Дарья прикусила язык, сообразив, что сболтнула лишнего.

— Значит, на вас напали? — нахмурилась Купава. — Что еще за черные люди? Почему напали?

— Хуторяне называют этих тварей отеллоидами. Известно, что это за существа, возможно, искусственники, биороботы или киборги. Не знаю. Но у нас сложилось впе-

чатление, что они тоже искали терем деда, следили за нами, а потом напали. Дар вмешался, отогнал их. В общем, все кончилось благополучно. А потом мы нашли терем, проникли под защитный купол и... залезли в хроник.

— И ему пришлось вытаскивать вас оттуда. — Купава неодобрительно поджала губы. — Зачем вы туда полезли?

— Так получилось, — виновато шмыгнула носом Дарья. — Показалось, что там папа... мы активизировали хроник... а «вывернуть» его не смогли. Нас и засосало. Если бы не Дар...

— Как же ему удалось вытащить вас?

— Удалось вот.

— Сильный парень! — Купава задумчиво смотрела на дочь. — Надо же, повстречать родича Аристарха за тридевять земель и времен. Удивительная встреча! И что же, вы оставили артефакты деда у него?

— Там они в безопасности. Никто не знает, что хроники у Дара.

— А эти черные, отеллоиды?

— Хуторяне нашли способ борьбы с ними и успешно отражают их набеги. К тому же я в скором времени собираюсь вернуться и забрать вещи. Только с Джумой посоветуюсь и с дядей Игнатом.

Купава проницательно заглянула в глаза дочери.

— Он тебе нравится?

— Кто?

— Сын князя.

Дарья порозовела, отвела взгляд.

— Н-нет... я не думала... хотя что в этом плохого?

— Ничего, — успокоила ее мать. — Жаль, что он так далеко живет, да и опасно по орилоунскому метро ездить, система старая, скоро вовсе порвется. А ну как ты не успеешь вернуться? Так и останешься в будущем.

— Не останусь, не волнуйся, — улыбнулась девушка. — Возможно, отец тоже бродит по Сверхсети, там его и надо искать. Начну со Светоруси, общинники люди неплохие, подсобят.

— Там только одна община — Светорусь?

— Нет, есть и другие: Монголата, Кандиана, Островной Союз. Но Светорусь посерьезнее, ее князи ставят перед общиной не простые цели вроде «выжить любой ценой», а ду-

ховные — найти Путь к Творцу, сохранить Род и жить в ладу со Вселенной.

— Какими же законами руководствуется их власть?

— Общиной управляют выборный князь и Рада, которая следует известной мудрости: закон не нужен, когда правит совесть.

Купава покачала головой.

— Как жаль, что мы живем иначе!

— Да уж, — фыркнула Дарья. — Неосоциум, власть Интерсети, у руля Орден абсолютной свободы, нас притесняют, за интрасенсами идет охота... Конечно, я бы согласилась жить там, в будущем, хотя это и не выход. Папа же сказал, что человечество вымрет.

— Может, он ошибался?

— Папа не ошибается! — убежденно заявила Дарья.

Купава грустно улыбнулась.

— Да, твой папа не ошибается... хотя кто знает, как это выглядит, когда он ошибается?

Дарья не поняла, вопросительно посмотрела на мать. Та еще раз улыбнулась, хотя грусть так и осталась мерцать на дне глаз.

— Не бери в голову, это я сама с собой спорю... Что ты намереваешься делать? Не забыла, что скоро учебный год начнется?

— Еще две недели до начала, успею доделать начатое. Да и не хочется, честно говоря, доучиваться, ничего нового я не узнаю.

— Не сходи с ума, всего один год остался. Ты же знаешь, в нынешние времена без учебного сертификата никуда не устроишься.

— Не волнуйся, мамуль, доучусь, — засмеялась Дарья, вскочила, поцеловала мать в щеку. — Хотя и в самом деле все знаю о предмете, могу хоть завтра экзамены сдавать.

— Чтобы все поняли, что ты интрасенс.

— Придется год еще походить в институт, что поделаешь. Но отца я все же отыщу!

— Посоветуйся с нашими мужчинами, они должны знать, что ты задумала.

— Хорошо. — Дарья побежала к двери, оглянулась. — Я к Ауме, буду вечером.

Исчезла.

Купава смотрела ей вслед затуманенными глазами, и лицо ее сделалось печальным и несчастным, уголки губ опустились.

— Отцова дочка... — прошептала она. Подумала: почему она так уверена, что Клим жив? Потому что чувствует его? Клим говорил, что он слышал ее зов даже тогда, когда мы находились внутри хроника... «Боже мой, Клим, куда ты запропастился? Почему не сказал, не посоветовался? Рассчитывал вернуться? Что же случилось, что ты не вернулся? Где ты? Где ты, где ты, муж мой, небом данный?..»

Из груди вырвалось рыдание.

Купава зажала рот ладошкой, загнала боль и тоску глубоко в сердце, постаралась успокоиться. Потом вызвала Ромашина и попросила его приехать. Информация дочери была достаточно важной, чтобы о ней узнали руководители Сопротивления.

Аристарху Железовскому исполнилось сорок семь лет, но выглядел он по-прежнему молодо, любил стильно одеваться, пользовался модным одеколоном «Фрейм», носил модные прически, но с возрастом пришла мудрость, юношеская порывистость уступила место непробиваемому спокойствию, а мощная глыбистая фигура и уверенно-независимый взгляд многих заставлял оглядываться и провожать математика статистического управления Всемирного Координационного Совета восхищенно-уважительными глазами.

Двигался он скупой и вынужденно, обходясь минимумом жестов и мимики, поэтому его собеседников всегда заставляли врасплох его смех или неожиданная шутка. Удивилась и Купава, когда Аристарх принес ей цветы и после комплимента добавил:

— Судя по дочери, ты настоящая женщина.

— Это почему? — озадачилась Купава.

— Что должен сделать за свою жизнь настоящий мужчина?

— Жениться, — заявила Дарья, появившаяся вслед за Джумой Ханом.

Игнат Ромашин, уже сидевший в кресле, засмеялся.

Железовский остался невозмутим.

— Настоящий мужчина должен вырастить дерево, построить дом и воспитать сына. Это древняя формула. Ну,

а настоящая женщина в таком случае должна спилить дерево, разрушить дом и вырастить дочь.

Теперь засмеялись все. Потом Купава сделала строго-возмущенное лицо:

— Хорошо же ты обо мне думаешь! Спасибо, дорогой друг!

По губам Аристарха скользнула легкая, как тень, улыбка.

— Я завидую, что Клим познакомился с тобой первым. Иначе Дашка была бы моей дочерью, а не его.

— Тогда это была бы не я, — сказала Дарья. — Кстати, я познакомилась с твоим прапраправнуком, дядя Аристарх, так что скоро у тебя должен родиться сын.

В гостиной стало тихо.

Мужчины перестали улыбаться, подтянулись.

— Рассказывай, — кивнул Ромашин; бывшему безопаснику и эксперту УАСС исполнилось шестьдесят лет, но выглядел он чуть ли не моложе Аристарха, хотя и не был интра-сенсом. Только морщин прибавилось, взгляд стал усталым и в пышной шевелюре появились серебряные пряди.

— Я пока сварю кофе, — поднялась Купава.

— Мне черный, по-ирански, — предупредил Джума.

— Мне зеленый чай, — попросил Железовский.

— Я помню ваши вкусы.

Дарья присела у журнального столика, закинула ногу на ногу, помолчала немного, прикидывая, с чего начать, и поведала слушателям историю своего путешествия в будущее по футур-линии орилоунского метро. Когда она закончила, Купава втолкнула в гостиную плавающие подносы с напитками, фруктами и конфетами, и мужчины молча принялись пить чай, кофе и поглощать сладкое. Наконец Ромашин откинулся на спинку кресла.

— Спасибо, хозяйка. Я сегодня встал рано, однако еще не завтракал.

— Кто рано встает, тому бог подает, — сказала Купава, вытаскивая подносы из гостиной.

— Кто рано встает, тому весь день хочется спать, — проворчал Железовский; в глазах человека-горы сквозь панцирь невозмутимости вдруг проклюнулся росток неуверенности. — У меня нет детей... и вдруг праправнук... ты не ошибаешься?

— Нет, — качнула головой Дарья, — там невозможно

ошибиться. И отец Дара, и он сам очень похожи на тебя. Да и фамилия у них — Железвич — говорит сама за себя.

— Что касается детей, — хмыкнул Хан, — сегодня их нет, завтра будут. Думаю, эту проблему вы с Забавой решите. Но меня больше интересует не вопрос потомства, а подоплека всего происходящего. Клим ушел и не вернулся. Куда — неизвестно. А это не тот человек, который уходит, не попрощавшись. Значит, он рассчитывал вернуться. Но поскольку этого не произошло, возможен только один ответ: ему помешали. Кто?

— Клим — интрасенс и маг, — покачал головой Ромашин. — Ему очень трудно помешать. Если и существует такая сущность, способная ограничить Мальгина, сама она должна иметь почти нулевые ограничения.

— Ну, он все-таки не бог, — пожал плечами Хан. — Даниил он так и не смог вылечить, хотя и вытащил из хроника.

— Тем не менее я не знаю никого, кто смог бы остановить Клима. — Ромашин помолчал, слабо улыбнулся. — Кроме разве что жены.

Купава приподняла бровь, но отвечать не стала.

— Не о том говорим, — пробасил Железовский. — Клим оставил следы в доме отца, значит, он свободен. Надо выяснить, куда он мог направиться дальше. Ты спрашивала оператора метро, не появлялся он еще раз в Сети?

— Спрашивала, разумеется, — сухо ответила Дарья. — Он вошел в Сеть всего один раз и вышел в будущем, спустя триста лет. Потом выходил еще дважды — через тысячу и через сто тысяч лет. Дальше его след теряется. Оператор никаких сведений о его выходах не имеет. А когда я попыталась отправиться туда же, оператор меня не пустил. Тот узел закрылся. Пришлось идти наугад, а ближайший узел оказался уже на две тысячи триста лет дальше. Там я и встретила Дара.

— И дом Макара Мальгина был уже на дне болота?

— Под защитным колпаком. Очевидно, отец нашел его в те времена — триста или тысячу лет вперед, заэкранировал, спрятал в спецкомнате дома с дополнительной защитой все раритеты, подаренные маме Шаламовым, и... — Голос Дарьи сел до шепота: — И исчез!

По гостинной разлилось молчание. Купава, ни на кого не глядя, встала и вышла, но вскоре вернулась. Глаза ее сухо блестели. По-видимому, она приняла успокоительное.

— Давайте зайдем с другой стороны, — предложил Железовский. — Чем Клим занимался в последнее время?

Все посмотрели на хозяйку.

— Я в этом мало чего понимаю... — беспомощно повела плечом Купава.

— Папа работал над теорией нового инфляционного расширения Вселенной, — сказала Дарья. — Зачем — не знаю. Но его очень интересовали некоторые космические феномены как проявление деятельности чуждых нам форм разума.

Мужчины переглянулись.

— Я думал, что он продолжает заниматься теорией сингулярных кризисов цивилизаций, — пробормотал Аристарх. — Клим ведь много лет создавал свою парадигму, считая, что кризис нашей эпохи — это родовые схватки новой глобальной вселенской цивилизации.

— А что значит — его интересовали космические феномены? — осведомился Джума Хан. — Какие именно?

— Точно не скажу, — смутилась Дарья. — Знаю, что папа специально изучал теорию черных дыр и дугообразные галактические выбросы с мощным звездообразованием, также связанные с черными дырами. Кроме того, его интересовали мазиллоиды, нелинейно-струнно-сотовые структуры и СТ-глобуллы с отрицательной плотностью энергии.

— Мощные проблемы, — задумчиво сказал Железовский. — Он и мне когда-то подбрасывал задачки по расчету нелинейных сотовых структур.

— С чем их едят, эти структуры? — хмыкнул Хан.

— Это проблема из области космологической социологии, — объяснил Аристарх. — Известно, что Вселенная когда-то претерпела ряд бифуркационных изменений, фазовых перебросов, связанных с конечным функционированием вложенных в нее законов. Фаза инфляционного расширения сменялась фазой экспоненциального расширения, затем линейного, затем были фазы перехода «чистой» энергии в материю и обратно, сейчас мы живем в эпоху нового инфляционного расширения...

— Короче, профессор.

— Короче, существует теория колебаний разумной жизни, в которой на полном серьезе исследуются претенденты на роль разумных существ и целых систем в отдаленном будущем, вплоть до сотен миллиардов лет после нас. Одной из

таких систем являются ячеистые структуры космоса с нулевой плотностью материи и отрицательной плотностью энергии. Другой претендент — черные дыры и ансамбли из них.

— Ух ты! — скептически усмехнулся Джума. — Неужели у кого-то возникли сомнения насчет гегемонии человека?

— Во-первых, этот гегемон, судя по словам Климa, сам закрыл себе путь в будущее, — проворчал Ромашин. — Во-вторых, как говорил Цицерон, нет такого абсурдного мнения, которое не было бы высказано философами. Добавлю — и нашими физиками-теоретиками.

— Не согласен, — возразил Железовский. — Человек является частью Вселенной, обладающей полной информацией обо всем на свете. Он просто не в состоянии выдумать то, чего не существует в природе. Если кто-то утверждает, что могут существовать разумные системы на иных носителях — на черных дырах или «провалах» в пространстве, то это вполне возможно и где-то уже реализовано. Или будет реализовано в будущем.

Все замолчали, переваривая сказанное. Затем Ромашин хлопнул рукой по подлокотнику кресла.

— Ну, хорошо, Клима интересовали эти проблемы. Какой из этого можно сделать вывод?

— Папа еще занимался эйнсофом, — робко добавила Дарья. — Летал на Меркурий, беседовал с учеными из ИПФП, с безопасниками... Он считал, что эйнсоф способен уничтожить всю Солнечную систему и его надо нейтрализовать.

— Как? — усмехнулся Железовский. — Сфера Сабатини, или эйнсоф, — бесконечномерный объект...

— Клим прав, эйнсоф находится в пограничном состоянии и очень опасен, — сказал Ромашин. — Его свертка может породить черную дыру, а развертка вызовет мощнейший взрыв типа сверхновой.

— Что, в свою очередь, создаст волну давления в газовом облаке местного рукава Галактики, — буркнул Железовский, — которая вполне способна инициировать формирование массивных звезд.

— Ну и что? — поднял бровь Джума Хан.

— А то, что массивные звезды — зародыши черных дыр. Чем этот процесс не генезис ж и в ы х структур? Не потому ли и Клим увлекся теорией черных дыр и их социодинамической организацией?

— Не знаю, для меня эти теории — темный лес. Хотя я тоже считаю, что эйнсоф жутко опасная вещь. Кто-нибудь из наших занимается им?

— Маттер занимается.

— Я тоже, — нехотя добавил Железовский. — Соломон занимается, Савва Баренц... из интрасенсов больше никто.

— Каково их мнение?

— Эйнсоф крайне неустойчив... да что говорить, давайте лучше посмотрим.

— Позже, — нахмурился Ромашин. — Мы собрались, чтобы обсудить проблему поиска Клима. Он нужен здесь, а не в будущем. Найдем его — он сам расскажет, что заставило его изучать черные дыры. Кстати, Даша, а как там, в будущем, ведет себя эйнсоф?

Девушка смутилась.

— Честно говоря, я не обратила внимания... Солнце там светит слабее, это совершенно точно, и на его диске видна черная отметина. Вероятно, это и есть эйнсоф. Но я об этом... не думала.

— Надо бы слетать туда еще раз, — произнес Железовский. — Понаблюдать, зафиксировать характеристики.

— Ясно, что в ту эпоху он уже не столь опасен, — сказал Хан, — но является ли это следствием каких-то воздействий на него или он сам успокоился — это вопрос.

— Сам он не успокоится, — скривил губы Аристарх. — Не тешьте себя иллюзиями.

— Его объем растет, — кивнул Ромашин, — в коре Меркурия образовалась воронка глубиной в сто километров! Что будет дальше — одному богу известно!

— И Вершителю.

— И, возможно, Климу, — пророкотал Железовский. — Все сводится к тому, что мы решим наши проблемы, только найдя его.

— У тебя есть конкретные предложения?

— У меня есть вопрос к Дашке.

— Задавайте, — храбро ответила девушка.

— Что это за черные люди, о которых ты говорила?

— Отеллоиды?

— Чем они отличаются от маатан?

— Они гораздо больше похожи на людей. Издали — про-

сто негры, вблизи же видно, что лица их грубее, руки длиннее, ноги толще, чем требуется.

— Кому требуется? — усмехнулся Железовский.

— Я имела в виду пропорции человеческой фигуры. Отеллоиды непропорциональны. Возможно, как предположил Дар, они являются роботами или киборгами, искусственными существами.

— Маатане тоже, по сути, искусственные существа,местилища информации и энергии.

— Отеллоиды отличаются от них. Хотя так же равнодушны к людям и ничего не боятся. Зато от сильного удара буквально расплескиваются каплями и брызгами черной жидкости.

— Интересно... — протянул Джума. — С такими мы еще не встречались.

— У тебя все? — посмотрел на Железовского Ромашин.

— Мне хотелось бы покопаться в памяти инка Клима, можно?

— Конечно, — в один голос ответили Купава и Дарья.

— В любое время, — добавила жена Мальгина. — Его кабинет открыт, инк включен в ждущий режим.

— Если только он не закодирован.

— Ничего, я раскодирую, — пообещал Железовский.

— Если у тебя все, то спрошу я. — Ромашин перевел взгляд на Дарью. — Откуда у тебя трансфер? Ведь все работающие трансляторы находились когда-то в спецхране Службы безопасности. Насколько мне известно, их было всего четыре штуки. Один использовал Калина Лютый, второй Майкл Лондон, третий — твой отец. О судьбе четвертого я ничего не знаю.

— Трансфер мне подарил папа, — зарделась Дарья. — Еще когда я была совсем маленькая. Где он его взял, я не знаю, возможно, в спецхране. Вспомнила о нем я недавно, до этого он тихо-мирно лежал среди игрушек.

— Жаль, что я об этом ничего не знал, — проворчал Железовский. — Он бы мне здорово пригодился. А почему ты спросил?

— Не понимаю, почему Климу взбрело в голову дарить малолетней дочери столь серьезную и опасную игрушку. Не мог же он предвидеть, что изделие орилоунов понадобится ей для его же поиска.

— А вдруг мог? — пожал плечами Джума Хан.

— Нет, здесь что-то другое.

— Не ищите злого умысла там, где его нет, — тихо сказала Купава. — Возможно, у Клима были свои расчеты, но одно знаю твердо: он никогда не позволил бы себе причинить кому-либо вред, а уж тем более Дашутке.

— Согласен. — Ромашин ударил себя ладонями по коленям, встал. — Мы еще поговорим на эту тему.

Поднялся и Железовский, сразу заполнив собой, казалось, всю гостиную. Дарья посмотрела на него снизу вверх оценивающе и с восхищением.

— Все-таки он здорово похож на тебя, дядя Аристарх!

— Кто? — не понял математик.

— Твой потомок, Дар Железвич. Почти копия.

Железовский изогнул бровь, изображая сомнение. Его можно было понять: детей у них с Забавой Бояновой не было, хотя они жили вместе уже много лет.

Ромашин вдруг поднял руку, призывая всех к молчанию, дотронулся до уха, поправляя клипсу рации: он был включен в сеть связи «спрут», объединяющей всех членов Сопротивления. Выслушал сообщение.

— Только что в системе Лиллер-один убит Дмитрий Столбов.

Все молча смотрели на него, переживая одинаковые чувства. Столбов, бывший инспектор-официал криминального розыска Службы безопасности УАСС, был мужем Власты Бояновой, сестры Забавы.

— Сволочи! — покачал головой Джума. — Подробности известны? Кто его?!

— Кроме либеро Ордена, больше никому, — угрюмо пробормотал Железовский. — Узнать бы, кто им помогал из наших.

Он имел в виду интрасенсов.

— Почему ты решил, что им помогали наши? — брюзгливо заметил Хан.

— Дима Столбов был профессионал, каких мало. У Службы сейчас таких нет.

— Идемте. — Ромашин поцеловал Купаву в щеку, сжал плечо вскочившей со своего любимого дивана — в форме льва — Дарье, вышел. За ним, попрощавшись с хозяйкой, вышли остальные. Женщины остались одни.

— Какая страшная потеря! — прошептала Купава, зябко передернув плечами. — Бедная Власта!

Дарья, потрясенная известием, прижала ладони к щекам.

— Дядя Аристарх прав, нам всем надо уходить.

— Куда?

— На базу Сопротивления.

Купава отстранила дочь, поглядела ей в глаза:

— Ты всерьез собираешься еще раз воспользоваться трансфером?

Ответный взгляд дочери был тверд и непоколебим.

— Вылитый отец! — невольно покачала головой мать.

ГЛАВА 2

Дар поднял руки ладонями к себе, привычно раскачал температуру: голова — лед, руки — вода, ноги — огонь, — и ладони засветились в темноте, словно были отлиты из раскаленного стекла. Подержав их в этом состоянии полминуты, он стряхнул на пол струйки розового сияния и встал с колен; после каждой утренней зарядки молодой чистодей занимался энергонастройкой организма и вхождением в общее силовое поле Земли. Это помогало оптимально тратить энергию во всех случаях жизни, кроме разве что экстремальных ситуаций, и жить ускоренно, свободно и раскованно.

После нападения отеллоидов Дар вынужден был выложить отцу все подробности события и получил суровый нагоняй, в принципе справедливый, хотя и обидный. Отец был прав: прежде чем экспериментировать с артефактами, найденными на дне болота в спрятанном от людских глаз тереме, следовало посоветоваться со старшими. Тогда, возможно, удалось бы избежать столь тяжких последствий контакта с отеллоидами, как гибель юного Варги. Оживить парня не удалось даже кудесникам-целителям общины. Разряд неизвестного метателя молний пробил грудь и сердце юноши, умер он мгновенно.

Конечно, отец забрал магическую сферу — компактный стартовый терминал системы метро, который Дар называл кэнконом, а Дарья трансфером. Пообещал только, что вернет его после изучения экспертами. Впрочем, князь тут же умчался куда-то в сопровождении Боригора, оставив кэнкон-трансфер дома, в своей приказне, однако Дар подумал

об этом с тихим сожалением, зная, что воспользоваться им не сможет. Воля отца была законом как для всех членов общины, так и для родичей.

Закончив зарядку, Дар вымылся под душем, окончательно примиряя «телесное с духовным», позавтракал, слушая ненадоедливую болтовню мамы, отвечая ей редкими шутками.

— Что-то сегодня ты больно задумчивый, — заметила Веселина его состояние. — Ностальгия замучила?

Дар порозовел, вполне понимая смысл вопроса: мама намекала на Дарью. Он думал о ней. Сказал с усмешкой:

— Ностальгия — это когда хочется вернуться, а некуда. Мне же есть куда.

— Ты имеешь в виду метро?

— Другие миры, планеты, звезды... Вселенные... я ведь, по сути, нигде не был и ничего не видел.

— Но это же опасно, сынок!

— Не более, чем переправляться через реку, уверяю тебя. Предки же наши пользовались метро — и ничего, жили себе припеваючи. Отец когда обещал вернуться?

— Он был рано утром, когда ты еще спал, с каким-то гостем, по обличью — азиатом. И снова ушел.

— Это, наверное, был Таргитбай, князь южной степной общины. О чем они беседовали?

— Слышала краем уха — о совместном походе против черных бродяг. Но нам со степняками не по пути, они исповедуют культ ритуального убийства. Куда ты собираешься с утра?

— Отец поручил мне и Скибе обследовать черноболь, — вспомнил Дар и засобирался. — Пора определить, что мы можем найти там полезного.

— Будь осторожен, чистодей. Еще раз прошу, не лезь на рожон. Обещаешь?

— Обещаю! — кивнул он, целуя мать.

На околице хутора его уже ждали Скиба, Малх и Борята. Старшина выделил им четырехместный летак, загрузил в багажное отделение аппаратуру для определения концентраций массы и энергии, интраскоп, похожий на рогатку с окулярами, щупы и электромагнитные зонды.

— Ну, можете отправляться.

В принципе вся эта техника была Дару не особенно-то и нужна, но возражать он не стал. Из всех четверых только он

был сенсом, остальные, в том числе и Борята Лютый, сын колдуна и целителя, не были встроены в общее природное биополе и не видели скрытое.

Их провожали мальчишки и дружинники, охранявшие территорию хутора. После атаки отеллоидов князь распорядился держать охрану круглосуточно, и молодые сильные парни скучали, не зная, чем себя занять. Отеллоиды больше не беспокоили хуторян, хотя дед Петро Дмитрич уверял, что столкнулся с ними нос к носу под Ветьмянским кордоном.

Путь от хутора до черноболи, разминированной Даром, летак преодолел всего за десять минут. Это был неф, хороший маневренный аппарат для спасательных операций, на конюшне хутора таких больше не было. В случае необходимости он мог подниматься на высоту более тридцати километров над землей и некоторое время находиться под водой.

Сверху территория черноболи мало чем отличалась от примыкающего к ней ландшафта. Разве что здесь больше было гигантской лебеды, крапивы и хвощей. Кроме того, над ней летали стаи птиц — от гигантских вранов до лесных пичуг: неосвоенное новое пространство, ранее закрытое силовой завесой, представляло для них несомненный интерес.

Пролетели над гигантским котлованом, уже заполнившимся водой. Это было все, что осталось от взорванного здания центра управления бывшим полигоном.

На горизонте появились крутобокие холмы, поросшие травой и ползучей шерстянкой. В этой части черноболи располагались навечно успокоившиеся, некогда могучие корабли спасательного флота Земли. Дар насчитал двенадцать холмов, и сердце невольно забилося чаще, влекомое тайной заплывших земель гигантов. Вполне могло случиться, что некоторые из них еще годились в дело, необязательно как машины для преодоления космических пространств, но как надежные жилища или источники важных технических средств и энергии.

— Начнем? — посмотрел на спутников Малх. — Дар, какой тебе больше нравится?

Молодой чистодей закрыл глаза, сосредоточился на «третьем глазе», входя в состояние гипервидения. Слой земли, покрывавший холмы под летаком — округлые, остроносые, кольцевые и пирамидальные, — стал полупрозрачным, под ним проявились корпуса звездных машин человечества,

не летавших в космос уже многие сотни лет. В недрах трех из них пульсировали слабенькие электрические ниточки, указывающие на присутствие работающих систем.

Дар открыл глаза, ткнул пальцем на ближайший конусовидный холм.

— Давайте посмотрим на этот.

Летак снизился, завис над голой вершиной холма, обдуваемой ветрами. Это, по сути, был нос космолета, слегка округлый, покрытый не то светло-коричневой коркой нагара, не то защитной пленкой. Он вылезал из дерна, начинавшегося на несколько метров ниже, как кончик гигантского рога.

— Садимся, — сказал Малх.

Летак спланировал на макушку холма. Пассажиры вылезли, озираясь. Малх вытащил аппаратуру, начал расставлять вокруг летака, стараясь не приближаться к достаточно крутым склонам. Скиба помог ему, раскорячился над интравизором, представлявшим собой штангу с кольцом основания, две рукояти и тубус с окулярами.

Дар прошелся по вершине холма-звездолета, нагнулся, постучал костяшками пальцев по гладкому коричневому вздутию, как по каменному монолиту. Не верилось, что машина под ногами — метров триста высотой и полкилометра в диаметре основания — когда-то летала, преодолевая колоссальные расстояния за считанные мгновения.

— Как на могильной плите! — передернул плечами впечатлительный Борята. — Кажется, что сейчас разверзнется дыра и оттуда полезут мертвяки.

— Не полезут, — успокоил приятеля Дар. — Звездолетам больше тысячи лет, они законсервированы, никого там внутри нет и не было.

— Все равно неприятно.

— Мне тоже неловко, — признался чистодей. — Хотя я при этом понимаю, что мы ничего дурного не делаем и чужого не берем.

— Есть! — заявил Скиба, приникший к окулярам. Отодвинулся, уступая место Малху.

Дар снова сосредоточился на гиперзрении, и перед ним медленно протаяло в глубину сложно организованное пространство древнего космолета.

Кольцевые коридоры.

Шахты, колодцы.

Шпангоуты, осевые балки, несущие конструкции, желоба, трубы.

Вереницы помещений самого разного размера и разных форм, пустые и заполненные каким-то оборудованием.

Мощный агрегат на самом дне конуса — генератор свертки пространства в «струну», или «дыробой», как называли его между собой космонавты.

Гравидвигатели, энергокран, высасывающий энергию из вакуума.

Яйцеобразное сооружение в центре космолета, напоминающее человеческое сердце, — кокон-рубка.

Конусовидный зал на самом верху — зал визинга. Он был темен и пуст. А вот в «сердце» космолета пульсировали жилочки электрической энергии. Одна из них достигала машины энергоустановки, которая еще служила источником жизни уснувшего монстра.

— Да, этот левиафан стоит вскрыть, — выпрямился Малх, радостно потер руки. — Он законсервирован и закрыт. Очевидно, его оставили в резерве, но так и не воспользовались. Что посоветуешь, княжич?

— Попробую открыть вход, — сказал Дар. — Если только инк не запрограммирован на самоликвид. Вы пока пройдитесь по другим могильникам, а я тут посижу, поколдую.

— Какой следующий?

— Вон тот, крайний слева, в форме полушария, — показал молодой человек. — Потом кольцевой, заросший мелко-лесем.

— Можно, я останусь? — попросил Борята.

— Нет, ты будешь мешать, — отрезал Дар.

Разочарованный приятель полез в кабину летака, неф взлетел, похожий на речного ската.

Дар еще раз прошелся по гладкой, бликующей в лучах солнца округлой поверхности, привычно настраиваясь на входение в особое состояние нем мысли, сел в позе лотоса, лицом к северу, и закрыл глаза.

Все природные шумы: посвист ветра, шум леса, крики птиц — истончились до тусклого шипения, отдалились, исчезли. Вслед за ними растворились в костях черепа и тканях тела еще более тонкие звуки — скрипы, свисты и вибрации крови, мчавшейся по сосудам. В голову чистодоя вошла все-

объемлющая, космическая тишина, позволяющая услышать движение атомов и молекул.

Затем в глаза Дара пробился призрачный свет, испускаемый вибрирующими молекулами мозга. Ослабел, померк. Пространство под ногами скачком обрело глубину. Дар увидел-ощутил сложные пересечения конструкций космолета, холодные массивы застывших машин, цепочки пустых помещений, коридоры и шахты. В стенах кое-где изредка оживали тоненькие струйки энергии, соединяясь в своеобразное «дерево» электромагнитных связей. Дар проследил за одной из них и наткнулся на целый «куст» энергоструек, дышащий и шевелящийся как живое электрическое существо. Это и был инк металлического монстра, погруженный в сон-ожидание пассивного режима.

Сознание Дара окутало этот «куст» неощутимым облачком, пытаюсь нащупать в нем свободный синапс или нервный ганглий. Спящий интеллект машины встрепенулся, почуяв проникновение, включил системы опознавания и анализа. Но Дар уже отыскал независимый аксон и влился в него ручейком мысли, ощущая мгновенное расширение сферы сознания. Мозг инка стал как бы частью собственного мозга человека, раскрывая свои тайны и секреты. Он не понял, что произошло вторжение, однако, запрограммированный реагировать на все необычное, на подозрительные шумы и перепады разного рода полей, включил системы безопасности, пытаюсь определить источник воздействия.

Дар не первый раз имел дело с компьютерными комплексами, умеющими не только считать, включать разные программы, датчики, поисковые системы и системы контроля, но и думать. И даже в некоторых случаях — чувствовать! С этими «ребятами» можно было договориться. Если бы не вмешательство отеллоидов, первыми проникших на территорию черноболи, он бы смог убедить и главного ее инка снять защиту.

Борьба воли, мысли и энергии человека с мыслящим «мозгом» космолета длилась недолго. Инк сдался через три минуты, убедившись, что никакого внешнего воздействия не было, а была включена «особая программа, разрешающая снять блокировку люков и отключить защитные контуры».

Когда спутники Дара, заглянув внутрь холмов-космолетов с помощью интраскопной техники, вернулись, чистодей

небрежным жестом указал на сдвинутый в сторону пласт почвы пятьюдесятью метрами ниже вершины холма:

— Прошу на борт спейсера «Скиф» аварийно-спасательной службы. Законсервирован тысячу сто четыре года назад, но вполне способен летать. Вакуумсос в норме, все системы функционируют нормально.

Малх поднял брови, Скиба скептически хмыкнул. Один Борята сразу поверил другу, хлопнул его по спине от избытка чувств и воскликнул:

— Молоток, чистодей!

— Хочешь сказать, что вход открыт? — спросил Малх, прикладывая ладонь козырьком ко лбу и глядя вниз.

— Машина имеет механизмы очистки люков, — сказал Дар тем же тоном. — Я открыл верхний, смотровой. Десантные и грузовые люки располагаются на корме.

— Молодец, — похвалил молодого человека бородатый Скиба, человек сдержанный и мрачный. — Надо бы закодировать входы, чтоб никто не вошел без нашего согласия.

— Он будет открывать люки только по моей команде.

— Отлично! — довольный Скиба сжал локоть Дара, кивнул старшине: — Пошли посмотрим?

Малх тоже сжал плечо Дара, полез в летак.

Через минуту они спустились к вывернутому, как овчина, слою почвы, под которым виднелись часть сверкающей обшивки корабля и черный круг люка.

На хутор команда освоителей древней техники вернулась через три часа, к ужину.

Поход по космолету «Скиф», принадлежащему некогда спасательному флоту Земли, не принес ни особых открытий, ни разочарований. Спейсер практически был пуст, если не считать двух модулей в кормовом отсеке, законсервированных, как и он сам. Модули класса «аутбест» — по словам инка корабля — могли самостоятельно бороздить просторы космоса и работать в экстремальных условиях, вплоть до звездных температур и давлений. Впрочем, и спейсер «Скиф» не выглядел развалиной, готовой рассыпаться в прах от легкого сотрясения. По сути это был квазиживой организм, поддерживающий оптимальные условия для экипажа, саморегулирующийся и самообеспечиваемый энергией. Корпус его представлял собой единый, выращенный особым

способом биокристалл или скорее гигантскую молекулу. Пробить его было трудно, тем более что «молекула» поддерживалась силовым полем, но даже если и случались инциденты с разрушением части корпуса, поврежденные места самовосстанавливались, зарастали.

Вывод, сделанный старшиной, был однозначен: «Скиф» вполне пригоден для эксплуатации. Это не означало, что хуторяне тут же начнут собираться в путешествие по окрестностям Солнечной системы, однако сам факт находки корабля, возможность улететь в более благоприятные края — если таковые найдутся, грел душу не только взрослым, но и сыну князя, ставшему первооткрывателем черноболи.

Правда, чувствовал себя Дар странно. С одной стороны, был рад, что помог односельчанам увеличить жизненно важные запасы, с другой — ему было скучно. Он ничего особенного не ждал от похода на бывший полигон УАСС, так как владел гораздо более мощным и перспективным средством передвижения — магической сферой, кэнконом. Пусть она в настоящий момент и находилась у отца. А еще Дар очень хотел увидеться с Дарьей, жительницей ставшего далеким прошлым двадцать четвертого века. Она обещала вернуться, забрать спасенные им артефакты, принадлежащие ее отцу.

Однако прошла ночь с момента нападения на хутор отеллоидов, затем прошел день, еще ночь, но Дарья со своей спутницей не появлялись. А поскольку Дар, получивший возможность самостоятельно выбирать род занятий, не любил бездеятельности, он решил поэкспериментировать с таинственными предметами, извлеченными из глубин Вщижского болота.

Никому не сказав о своих намерениях, даже Боряте, Дар сложил в наплечный ранец артефакты, взял летак и направился на запад, к Ветьмянским болотам. Однажды он набрел на красивую поляну в лесу, с россыпью валунов, и она ему приглянулась: в этом месте был выход положительных природных сил, благоприятно влияющих на энергетику организма. До поляны можно было дойти и пешком, часа за три, но Дар не хотел терять времени. Душу охватила жажда деятельности, интуиция же подсказывала, что его ждут некие интересные открытия.

Встречи с отеллоидами он не боялся. Эти твари, несмотря на свой угрюмый вид и целеустремленное движение к из-

вестной только им цели, способные убить любого, кто станет на их пути, серьезным противником для мастера жизни не были. Хотя не брать их в расчет не стоило.

Дар посадил аппарат рядом с плоским, похожим на бугристую плиту камнем. Разложил на его поверхности находки: тяжелый фолиант с застежками из тусклого металла и переплетом из материала, похожего на толстую воловью шкуру, невесомый стакан из золотистой паутинки, создающей звездный узор, свечу, тяжелую чашу также из тусклого пористого металла, похожего на чугун, и кинжал-нож, вызывающий опасливое восхищение хищной эстетикой форм.

Все предметы таили в себе запасы неведомых сил, поэтому обходиться с ними надо было осторожно, чтобы не нарваться на неприятный сюрприз. Дар помнил из Хроник, что чудовищный эйнсоф — дыра на поверхности Солнца — тоже когда-то получился при эксперименте с таким же загадочным артефактом, доставленным в Солнечную систему из глубин Вселенной каким-то безответственным косморазведчиком.

Вспомнив, что надо подстраховаться, Дар привычно ощупал окрестности лучом гиперзрения, опасности не учуял и снова вернулся к своим «игрушкам». Поколебался немного, выбирая, с какой начать. Выбрал книгу с застежками. Затянув дыхание, расстегнул застежки — внутреннее видение не соответствовало зрительному восприятию, в луче гиперзрения книга казалась окном, входом в тоннель, заполненный абсолютным мраком, — откинул тяжелую «воловью» обложку и отшатнулся: на него в упор взглянула чья-то выразительная клыкастая морда!

Страница книги под обложкой оказалась чем-то вроде объемной цветной фотографии, отображавшей мрачное ущелье, заполненное прозрачно-сизым дымом, скалы удивительных очертаний и стадо зверей, похожих на слонов и крокодилов одновременно. Один «крокодилослон» смотрел прямо в объектив камеры, смотрел угрюмо, с угрозой, и ощущался настолько живым и реальным, что, казалось, сейчас вылезет из книги.

Зверь вдруг и в самом деле шевельнулся, ожил, раскрывая пасть, глаза его вспыхнули хищным алым светом.

Дар вздрогнул и инстинктивно захлопнул обложку.

По спине пробежала струйка озноба.

Святой наставник! Это вовсе не книга! Это нечто вроде собрания тех картин-хроников, в одну из которых влезли Дарья с Аумой! Или я ошибаюсь?

Он перевел дыхание, сосредоточился на отражении возможной пси-атаки и открыл книгу посередине.

Совершенно белая страница! Лишь в глубине этой белизны просматриваются тонкие былинки и ниточки, образующие почти незаметный паутинный узор.

Пустая страница? Или глаза видят не то, что здесь изображено?

Дар всмотрелся в белый лист, включая все свои экстраординарные возможности.

Внезапно белизна протаяла в глубину, страница превратилась в окно, глядящее на бескрайний снежный простор с редкими кустиками и сухими былинками, проклюнувшимися сквозь снег. Лишь спустя несколько мгновений Дар сообщил, что кустики серой травы и былинки на самом деле представляют собой гигантские сооружения, видимые с расстояния в десятки километров. А вот холмистое снежное поле так и осталось снежным полем, разве что снежные барханы теперь превратились в огромные пологие горы, каждая из которых могла запросто вместить такие горные страны Земли, как Тибет или Гималаи.

Дар захлопнул книгу, чувствуя, что мир «за окном» страницы начинает оживать. Посидел немного, приводя в порядок растрепанные чувства. Интуиция была права: книга таковой не являлась. Неведомым ухищрением технологии ее хозяева создали коллекцию разнообразных миров, упакованных в плоские двумерные листы. Однако стоило обратить на лист внимание, как он превращался в мир трехмерный, и в нем начиналось движение, рождалась жизнь.

«Отдам отцу, — подумал Дар, — пусть разбирается с советниками. Если только Дарья не заберет книгу. Кстати, она должна знать, что это такое на самом деле».

Он отложил тяжелый фолиант, взял стакан. Звездочки, образующие стенки стакана, ничем скреплены не были и тем не менее создавали некий объем, по форме действительно близкий к обыкновенному, круглому, стеклянному стакану. Внутри него можно было всунуть палец, положить камешек, а может быть, и налить воды. И все же ощущение глубины, исходящее от стакана, указывало на его иное

предназначение. Дар не удивился бы, раскройся стакан неким тоннелем в другой мир, где узор мигающих звездочек превратился бы в настоящее созвездие.

Тяжелая чаша с выдавленной на внешней и внутренней поверхностях вязью иероглифов тоже создавала впечатление запрятанной внутри силы. В ее дне виднелось углубление размером с человеческий зрачок. Дар попытался заглянуть в него, максимально обострив зрение, и увидел еще одну миниатюрную чашу, копию настоящей, только в сто раз меньше. Мало того, ему показалось, что и внутри этой мини-чаши прячется еще одна такая, совсем уж крохотная.

«Эх, микроскоп не помешал бы, — почесал в затылке молодой человек. — Сдается мне, эта штукавина имеет не один «этаж». А вот с этим камешком мы уже знакомы».

Он не удержался, перевернул плоский голыш с мигающей искрой. Тот исчез. Дар подождал, заметив время. Голыш вынырнул из невидимости на прежнем месте через две минуты. Странно, раньше его исчезновение длилось больше, минут пять. Но бог с ним, все равно непонятно, что это такое.

Дар взял в руки нож, холодный, тяжелый, хищно красивый, с рядами непонятных углублений и выпуклых глазков на рукояти. Его лезвие было очень острым и разрезало любой материал, ткань или дерево, и даже камни. Дар уже пробовал. И все же считал, что функции резания и нанесения ран у ножа не являются главными. В нем таилась непонятная грозная мощь, имеющая совсем другой смысл. Нож был не просто оружием, он действительно был **а р т е ф а к т о м**.

Дар повертел его в пальцах, царапнул острием камень, взгляделся в рисунок дырочек и глазков на рукояти. Показалось, что в глазках отразился **в н у т р е н н и й** свет. Показалось ли?

Дар поднес нож к глазам, снова обостряя зрение.

В следующий момент его швырнуло в сторону как мячик! Нож выпал из руки.

Уже не нож — меч! Длина, да и все размеры его, скачком увеличились в несколько раз!

Дар встал, не понимая, что происходит. Потянулся к удивительному ножу-мечу, но взяться за рукоять не успел, получив еще один толчок в грудь — мягкий и одновременно

массивный, могучий, словно человека отбросил лапой пушистый зверь величиной с дом!

Полетели на землю и артефакты, к счастью, в ту же сторону, куда унесло и Дара.

Нож между тем снова вырос в размерах, теперь он стал длиной в несколько метров, охваченный сеточкой голубоватых змеящихся молний.

Еще удар!

На сей раз «экспериментатор» был готов к толчку и не упал, хотя его отнесло от ножа еще на десяток метров.

А затем с гулким грохотом, сотрясшим воздух и землю под ногами, нож превратился в огромное, сверкающее металлом и сеткой молний сооружение с гармоничным рисунком вмятин, решеток и выпуклых щитов, напоминающих фасеточные глаза стрекозы.

Молнии некоторое время вились вокруг него, распространяя запах озона, и погасли.

Дар, задрав голову, в немом изумлении смотрел на «рукоять меча» стометровой высоты и думал... да, в общем-то, ни о чем не думал. Просто смотрел.

ГЛАВА 3

Термин «ксенореволюция», придуманный Железовским еще двадцать лет назад, приобрел неожиданный пугающий смысл. Пришедший к власти Орден абсолютной свободы личности воплотил этот термин в реальность, сделал достоянием истории.

Сформировалась странная двойственная структура: официально власть поддерживала прежние моральные законы и установки о «всеобщем равенстве», спецслужбы по-прежнему продолжали бороться с криминальными элементами и следить за порядком, но вместе с тем появились отряды либеро — охотников за высокорейтинговыми — в отрицательном смысле — политиками и криминальными авторитетами. Эти отряды поддерживались на государственном уровне, хотя власти это отрицали. Они были заинтересованы в результате, а не в скандалах, связанных с убийствами противников режима.

Интрасенсы первыми поняли всю пагубность такой практики, попытались выступить с обращением к общест-

венности, и на них, на единственную надежду человечества спастись от деградации, началась сначала тихая — нечто вроде выдавливания за пределы социума, а затем «громкая» охота, практически война, сопровождаемая потерями с обеих сторон.

Интрасенсы, несмотря на врожденную индивидуалистичность, на какое-то время объединились и смогли дать достойный отпор либеро, вынудив их действовать осторожнее. Наступило зыбкое равновесие, длившееся годы. Но, на беду интрасенсов, на сторону охотников перешли интрасенсы-изгои, отщепенцы, считавшие себя обделенными и недооцененными, жаждавшие признания и той же власти. А затем Орден узаконил «тотализатор смерти», и война земного социума с «суперами» перешла в стадию карательных акций, оплачиваемых толпой обывателей — теми, кто все свободное время проводил у виомов и платил ликвидаторам, то есть охотникам за преступниками. Или за теми, кто считался преступником и чей рейтинг непопулярности превышал среднестатистический балл. Интрасенсы же были очень непопулярны в глазах сытого обывателя, зомбированного видеопередачами.

К моменту похода Дарьи Мальгиной в поисках исчезнувшего отца охоту «на ведьм» — интрасенсов — поддерживало большинство населения Земли. Хотя на уровне ВКС, СЭКОНа и местных администраций закон запрещал охоту на инакомыслящих и инакоживущих. Поэтому интрасенсы редко, но все еще работали в государственных учреждениях, на благо цивилизации, веря в ее духовное возрождение. К примеру, Аристарх Железовский продолжал служить в статуправлении ВКС, занимая пост начальника отдела эфанализа. Его жена Забава Боянова, в прошлом — историк и лингвист, несмотря на возраст — она была старше мужа на двадцать лет, — работала в погранслужбе УАСС — экспертом по внутренним конфликтам.

Джума Хан интрасенсом не был, но все еще работал в земном секторе Службы безопасности УАСС как специалист по психопатологии преступников. Игнат Ромашин давно ушел с поста комиссара Службы безопасности и работал теперь в «тихом» аналитическом отделе этой же Службы, что давало ему возможность быть в курсе всех ее дел и расследований.

До своего исчезновения Клим Мальгин тоже числился сотрудником государственного учреждения — Института нейропроблем. Правда, бывал он там редко и только если требовалась его консультация как великолепного нейрохирурга.

Его дочь Дарья унаследовала все способности отца, но пользовалась ими осторожно. Она училась в Московском университете на факультете социальных сопряжений, но ни учителя, ни ее сокурсники не знали и не догадывались, что Дарья интрасенс. Знала только Аума, дочь Джумы Хана, и Карой Чоккой, его жена.

Лишь Купава, жена Мальгина, нигде не работала, не считая редких консультаций по картрузингу, уделяя все время воспитанию дочери, но тому были свои причины. Клим не хотел подвергать ее жизнь опасности, так как было известно, что она жена интрасенса, а за родственниками «суперов» либеро охотились не менее ожесточенно, чем за интрасенсами. Для последних терять близких было большее, нежели погибнуть самим.

Сначала Купава сопротивлялась, потом, после попытки покушения на нее — Клим успел вовремя и уничтожил всю группу охотников в количестве шести человек, — она нашла себе занятие — научилась ткать гобелены, стала настоящей искусницей, и теперь во всех квартирах и домах друзей висели ее изделия, очень красивые, вызывающие изумление и восторг тонкой работой и вкусом.

Из своей уютной квартиры в модульном доме на окраине Рязани — сто одиннадцатый этаж, уровень 2, четыре комнаты — Мальгины переехали в Брянск, еще когда Даше пошел пятый годик, и с тех пор жили в новостройке, в так называемом «квазиживом доме-организме» в форме гриба, который являлся самоподдерживающейся биосистемой с инк-управлением. Дом имел два пояса защиты и охрану, так что был в каком-то смысле хранителем своего ценного жилищно-человеческого фонда. Во всяком случае, либеро приближаться к нему не рисковали. Пока.

После встречи с друзьями отца Дарья решила начать подготовку к новому походу в будущее, с помощью трансфера и сети орилоунского метро, и вызвала Ауму. Девушки составили перечень необходимого, план действий, и Дарья по-

звонила Железовскому, чтобы сообщить, что она готова. Добавила:

— Все идет хорошо.

Аристарх выслушал ее, не дрогнув лицом, потом сказал:

— Все идет хорошо, только мимо... Ты можешь подскочить ко мне через полчаса?

— Могу, — кивнула озадаченная девушка.

— Жду. — Без лишних слов математик выключил виом связи.

— Что он задумал? — поинтересовалась Аума. — Уж не хочет ли присоединиться к нам?

— Скорее попробует уговорить не рисковать.

— Можно, я с тобой?

— Не стоит, — покачала головой Дарья. — Он тебя видел, но не пригласил, я пойду одна.

— Тогда я подожду тебя в холле института.

Подруги натянули стандартные уники, превращавшие их в сверкающие металлические статуэтки, и отправились к метро на такси. Через полчаса Дарья переступила порог рабочего модуля Железовского.

У главного математика статистического управления ВКС были гости: Джума Хан и рыхлый с виду смуглолицый толстяк с лысиной на полчерепа. Дарья удивилась: в нынешние времена любой мог вырастить себе волосы какой хочешь длины и цвета, — но эмоций не выразила.

— Проходи, садись, — шевельнул каменными губами Железовский. — Знакомьтесь: это Даша Мальгина, Даша — это Герхард Маттер, универсалист, ксенопсихолог, физик, спец в области космологии, теории элементарных частиц, засекреченный агент Сопrotивления.

— Чрезвычайно рад! — расплылся в улыбке Маттер, с любопытством оглядев девушку. — Говорят, вы любите кататься на орилоунском метро?

Дарья смутилась, исподлобья взглянула на хозяина кабинета. Тот дернул уголком губ, намечая улыбку.

— Яблочко от вишенки недалеко падает. Ее папаша тоже известный рисконавт.

— Кстати, вот такой вопрос: орилоуны создали свою сеть мгновенного транспорта задолго до того, как человечество вышло в космос и построило свое метро, почему же орилоунская Сверхсеть имеет выход на нашу?

Все посмотрели на ученого.

— Что ты хочешь сказать, Герхард? — озабоченно проговорил Джума Хан.

— Вы не задумывались над этим?

— В голову не приходило.

— А ты, Аристарх?

— Да, это проблема, — с некоторым удивлением сказал Железовский. — Пожалуй, ты прав, об этом стоит задуматься. Вопрос из категории детских, но именно на такие вопросы трудно найти ответы. У тебя уже есть ответ на свой вопрос?

Маттер засмеялся, глазки его неопределенного цвета отразили удовлетворение.

— Я постоянно задаю детские вопросы. Существует вероятность того, что орилоуны изначально создавали «нервную систему» Вселенной, а не просто сеть метро, а система эта соединяла не только все области пространства с разными свойствами, но и прошлое с будущим.

— Но тогда они должны были знать о появлении человечества, — пожал плечами Джума, — и заранее подготовиться к встрече.

— Разумеется, они знали. Точнее, не они, а Вершители, орилоуны же были только строителями и архитекторами, исполнителями их планов.

— В таком случае они могли корректировать развитие любой цивилизации.

— Они и корректировали.

Джума скептически изогнул губы.

— Что-то я не встречал в исторических хрониках упоминаний о встречах землян с Вершителями.

— Просто ты плохо знаешь мифы и легенды.

— При чем тут мифы?

— По сути это и есть исторические хроники, упакованные соответствующим образом в литературные фантазии. Но речь не об этом. Если бы орилоунское метро не имело линии связи с прошлым и будущим, ни сэр Клим Мальгин, ни его очаровательная дочь в будущее попасть не смогли бы. Конечно, есть шанс, что это альтернативное будущее, связанное с таким же многовариантным прошлым, поскольку эта связь крайне нелинейна. Существуют по крайней мере десять ориентированных геометрий мироздания и восемь неориентированных. К примеру, лента Мёбиуса — это дву-

мерная неориентированная геометрия, так называемая матрица Калуцы — пример неориентированной четырехмерной геометрии, сфера Сабатини, или эйнсоф, — бесконечномерная неориентированная геометрия, а вот наше трехмерное пространство Евклида уже является примером ориентированной геометрии. Или вот двумерный супераналог модуля римановой поверхности...

— Подожди, Герхард, не влезай в дебри научных терминов, выражайся яснее. Если Аристарх понимает тебя, то я не совсем.

— Пожалуйста, — не обиделся ученый. — Так вот, возможно, в нашу Вселенную Вершители вложили некий закон, диктующий сроки жизни технологических цивилизаций, а сеть орилоунского метро понадобилась им для ускорения процесса. Ведь мы наткнулись на нее случайно.

— Какого процесса? Ты сказал — для ускорения процесса...

— Как вы объясняете тот факт, что мы, заселяя Галактику, все время натываемся на следы цивилизаций? Мало того, почему эти следы представляют собой в большинстве случаев черные дыры или гравастары?

— Ну-у... не знаю... не думал...

— А я вдруг задумался — и знаете к какому выводу пришел? В нашем сетчато-ячеистом домене Вселенной Вершителями запущен процесс ускоренного онтогенеза черных дыр.

— Зачем?

Маттер развеселился, развел руками.

— Это уже другой вопрос. Советую почаще задавать себе вопросы, на которые принципиально нет ответов.

— Разве такие существуют?

— В силу нашего ограниченного ума — да. Попробуйте, если у вас получится — сниму шляпу. Ибо любой заданный вопрос, добавлю еще — и правильно сформулированный, уже несет в себе ответ.

Джума Хан посмотрел на неподвижного Железовского.

— Ты что-нибудь понял?

Человек-глыба шевельнулся, вздулись и заиграли мышцы плеч.

— Герхард мыслит почти так же, как и я, хотя он больший оригинал. Он первым вышел на систему вопросов, связан-

ных с финалом нашей родной цивилизации. Дарья была свидетелем деградации человечества к середине шестидесятого столетия. Ее отец видел глубокое будущее, где уже не было места цивилизации подобного типа.

— При чем тут черные дыры?

— Вспомни маатан. Каждый из них был по сути зародышем черной дыры, а сам Маат — планетой-маткой. И на его месте, как все мы знаем, теперь находится черная дыра. Маатане накапливали энергию, информацию, массу и способствовали инициации черных дыр во всем обозримом пространстве домена.

— Это еще надо доказать.

— Уже есть статистика, отражающая этот закон, я тебе покажу.

— Я пришел поделиться наблюдениями, — вставил Маттер. — Дело в том, что развертка эйнсофа породит взрыв типа сверхновой звезды, который, в свою очередь, вызовет ударную волну давления в газе нашего звездного рукава...

— Мы уже говорили об этом, — буркнул Хан.

— ...что иницирует формирование массивных звезд, — закончил Маттер невозмутимо. — Так вот, эйнсоф пытаются развернуть.

— Кто?

— Мы, люди. Не мы с вами лично, а все человечество, не ведающее, что творит. Эйнсоф в настоящее время действительно зародыш черной дыры, он поглощает свет и плазму Солнца, но не хватает, как говорится, «мощности» ситуации. Необходима добавочная энергия, внешний толчок, чтобы эйнсоф взорвался.

— Но ведь даже массы Солнца не хватает, чтобы начался коллапс...

— А много ли эйнсофу нужно? Как вы думаете, завод МК на Меркурии для чего создан?

Хан вопросительно посмотрел на Дарью, сидевшую тихо, как мышь, потом на Железовского.

— МК... мини-коллапсары... это же «энергоконсервы» для космофлота...

— Технология МК, по сути — миниатюрных черных дыр с активным выходом, также создана людьми не случайно. Отсюда недалеко и до «настоящих» черных дыр.

— Что ты нас пугаешь?

— Не пугаю, предупреждаю. В последние несколько лет ученые, занятые исследованиями свойств эйнсофа, постоянно запускают в него капсулы с МК. Понимаете, о чем речь? Я не знаю, когда он взорвется, но уверяю вас: конец близок. Надо как-то помешать безумцам.

— Как?

— Не знаю. Это ваша забота, вы работаете на безопасность, вы должны принять меры, вам и карты в руки.

— Хорошо тебе говорить — должны...

— Я только ученый. — Лицо Маттера сделалось виноватым, и Дарья простила ему не слишком опрятный вид.

Железовский посмотрел на нее с прищуром.

— Твой отец знал реальную ситуацию и работал над проблемой нейтрализации эйнсофа. Его исчезновение не случайно. Не хочу утверждать, что его убрали... некие силы, контролирующие процесс свертки цивилизации, Клима трудно уничтожить физически, но его долгое отсутствие беспокоит. Вот почему поиск твоего отца следует продолжить. Однако на этот раз ты пойдешь не с Аумой.

— А с кем? — удивилась Дарья.

— Со мной.

Девушка с недоверием посмотрела на собеседника.

— Но, дядя Аристарх... вы же такой...

— Какой?

— Трансфер может перебросить массу не более двухсот килограммов...

— А кто сказал, что я отправлюсь через твой трансфер? У меня будет свой, не возражаешь?

— Откуда?!

— Это уже мое дело. Игнат помог отыскать последний из той партии, что хранились в Службе. Иди собирайся, отправляемся в три часа дня. И никому ни слова!

— Я готова.

— Прекрасно, жди, я прилечу за тобой.

— А мне с вами нельзя? — индифферентно поинтересовался Джума Хан.

— Ты нужен здесь, — посмотрел на него недовольно Аристарх. — Кроме тебя, контролировать деятельность наших врагов из Службы некому.

— Я понимаю, — вздохнул Джума.

— Конечно, я тоже с большим удовольствием полетел бы

с вами, — сказал Маттер, — если бы нашлось место. Очень уж хочется посмотреть на ваших отеллоидов. Чутье мне подсказывает, что они какие-то дальние родственники маатан.

— Разберемся, — пробурчал Железовский.

— Так я пойду? — встала Дарья.

— Иди.

— Может, все-таки возьмем с собой Ауму? Она очень неплохо подготовлена и...

— Нет, — отрезал Железовский.

Дарья поджала губы и вышла.

— Красивая девочка, — кивнул на дверь Маттер, — и очень похожа на отца.

— У тебя еще есть что сказать? — кинул на него мрачный взгляд Железовский.

— Если бы не охота за нами, было бы гораздо проще. А так приходится все время оглядываться и прятаться. Кстати, охота на интрасенсов, на мой взгляд, тоже является частью программы генезиса черных дыр. Ведь они единственные, кто реально способен помешать рождению черной дыры хотя бы в единичном конкретном случае — в данной звездной системе.

— Это еще надо доказать, — повторил свое любимое выражение Джума.

— Что тут доказывать? Хищники мы. Хищниками были и хищниками остаемся. А хищники всегда и везде больше разрушают, чем создают. Все наши так называемые «творческие устремления» в конечном итоге направлены на создание средств уничтожения. В двадцатом веке создали атомную бомбу, в двадцать первом вакуум-бомбу, в двадцать втором «дырбой» — генератор свертки пространства в «струну», что тоже, по сути, может применяться в качестве оружия колоссальной мощности. В наше время появился эйнсоф...

— Ну, эйнсоф получился случайно, «кусочек» «суперструны» откуда-то приволок на Землю Дан Шаламов.

— Вы уверены, что это случайность?

Джума пожал плечами, не желая спорить.

— Все, друзья, — тяжело хлопнул ладонью по столу Железовский, — переливать из пустого в порожнее можно долго, только истина при этом не родится.

Маттер поднял руки ладонями вверх, поднялся.

— Пожалуй, пойду я работать, коллеги, с вами скучно, вы все понимаете с полуслова либо вообще не понимаете, а я привык долго и нудно объяснять свою позицию. Старею, наверно.

— Мудреешь, — прищурился Хан.

— Мудрость не всегда приходит с возрастом, — усмехнулся Железовский, — иногда возраст приходит один.

Маттер засмеялся, помахал рукой и вышел. Он редко на кого обижался, а тем более на друзей.

— Не верится, что он интрасенс, — понизил голос Джума, глядя ему вслед.

— Вот Служба за ним поэтому и не следит. Хорошо маскируется старик. Что ты хотел мне сказать наедине?

— Откуда ты знаешь, что я имел такое намерение?

— Мысли прочитал.

— Больше не читай.

— Не буду.

— В час дня нас ждет Игнат, хочет показать эйнсоф вблизи.

— Зачем? Ему что, делать нечего? Я и так знаю, как выглядит эйнсоф.

— Дело в том, что сменилась группа исследователей эйнсофа. Теперь ее возглавляет Казимир Ландсберг, наш хороший знакомый по делам двадцатилетней давности. Понимаешь, к чему это может привести?

— Я думал, он уже не всплывет.

— Дерьмо не тонет, Аристарх, а тем более дерьмо чиновничье, самовлюбленное и атавистически ревнивое к чужим успехам. Говорят, планируются какие-то громкие эксперименты с эйнсофом, но доступа к базам данных Ландсберга у нас нет.

— Так вскройте их!

— Стараемся, однако у него очень хорошая защита, плюс ему помогает кто-то из наших. Я имею в виду интрасенсов.

Железовский нахмурился, побарабанил пальцами по столу, поднялся.

— Я попытаюсь выйти на этого подонка. Идем, уже скоро час. Где Игнат будет ждать нас?

— На втором СПАС-терминале Меркурия. Там работают наши люди.

— Поехали.

Железовский зашагал к лифту, ступая легко и бесшумно, несмотря на свои габариты и вес. Хан с уважением посмотрел на его мощную спину, подумал: хорошо иметь такого друга. И пусть трепещут враги!

Лифт доставил обоих к станции метро ВКС, откуда они за несколько секунд переместились с Земли на Меркурий, преодолев почти двести миллионов километров.

Второй СПАС-терминал на Меркурии принадлежал базе спасательного флота, располагавшейся всего в двадцати шести километрах от объекта, который называли то сферой Сабатини, то эйнсофом. Поскольку объект постепенно увеличивался в размерах, поедая при этом породы планеты, хотя он уже давно висел в нескольких километрах над ней, базу перенесли в другое место, однако сама станция еще работала. Теперь здесь обитали небольшая группа наблюдателей за эйнсофом и смена спасателей, готовая вылететь по первому вызову в любую точку планеты.

Коридоры станции были практически пусты. Изредка пробежали озабоченные молодые люди в кокосах с эмблемами УАСС на рукавах да проплывали функциональные автоматы разного назначения.

Свернули к транспортным ангарам. Навстречу откуда-то вывернулся человек в блестящем унике, с круглой курчавой головой. Лицо у него было бледное, нос маленький, губы узкие, кривящиеся в непонятной усмешке. Бледно-голубые глазки смотрели оценивающе и недобро.

— Ба, Геракл Железовский! — остановился он, разглядывая друзей. — Я думал, ты давно сбежал с Земли.

— То же самое я думал о тебе, — пророкотал Аристарх. — Ты всегда хорошо ориентировался в обстановке.

— Зачем же мне бежать? — пожал плечами незнакомец. — Мне и здесь неплохо живется. — Он перевел взгляд на Хана. — А это, очевидно, знаменитый Джума Хан, бывший врач «Скорой помощи», дружок Мальгина.

Джума сдержанно поклонился.

— Что ты делаешь на Меркурианской базе? — спросил Железовский.

— Этот же вопрос я хотел задать тебе, — хмыкнул курчавый. — Однако я тороплюсь, господа, извините. Встретимся как-нибудь в другой обстановке, поговорим.

Он кивнул, смерил обоих взглядом и зашагал по коридору к метро. Оглянулся, задержался на мгновение, исчез.

— Кто это? — поинтересовался Джума.

— Вацек Штыба, — буркнул Железовский, у которого испортилось настроение. — Бывший сотрудник комиссии по надзору за несовершеннолетними преступниками. Социозитик. Я не видел его уже лет семь. Кстати, он из наших.

— Я понял, — кивнул Джума. — Неприятный тип. Интересно, что он тут делает?

Железовский промолчал.

Они добрались до зала визинга, венчавшего башню обзор, и остановились, разглядывая пейзаж Меркурия, похожий на лунный, оранжево-красную куполовидную гору солнца за горизонтом — видеоавтоматика притушила накал светила, однако смотреть на него долго все равно было невозможно — и удивительное вихревое образование в небе Меркурия, состоящее из непрерывно шевелящихся струй сизопрозрачного дыма. Образование напоминало ядро кометы, фонтанирующее струями пара, внутри которого вспыхивали бледно-лиловые зарницы и облака ярких звездочек. От каждой зарницы ландшафт под «ядром кометы» передергивала судорога искривления, почва вздрагивала, пол в зале уходил из-под ног, снизу в зал пробивался низкий затихающий гул.

В зале находилось трое косменов. Двое сидели за монитором видеосвязи, третий стоял, сложив руки на груди. Оглянулся на вошедших, подошел. Это был Игнат Ромашин.

— Ну, как?

— Впечатляет, — качнул головой Джума Хан. — Вход в преисподнюю!

— Это вход во вселенную с иными законами, куда людям нет доступа.

— Зачем ты пригласил нас сюда? — сказал Железовский недовольно. — Я мог бы полюбоваться на эту дырку в вакууме из своего кабинета.

— Через несколько минут ученые института запустят туда очередной зонд с порцией МК, мне интересна ваша оценка.

— Вряд ли наша оценка что-либо изменит, — скептически заметил Джума. — Вот если бы мы могли нырнуть в эйнсоф, увидеть, что там происходит, вернуться и рассказать...

— Нырнуть можно, — поморщился Железовский, — а вот рассказать — вряд ли. Это все равно что рисовать свет или объяснять на пальцах музыку. Не хватит ни слов, ни воображения. Ты давно здесь стоишь?

— Минут десять.

— Мы только что встретили Вацека Штыбу.

Глаза Ромашина сузились, похолодели.

— Он здесь? Один?

— Может быть, и не один. Увидев нас, сильно удивился и зашпешил. Уж не он ли тот самый таинственный помощник Ландсберга — интрасенс?

— Не удивлюсь, если это так. Что он делает на Меркурии?

— Спроси у него.

— Надо бы последить за ним. Джума, есть у нас ребята, способные тихо сесть на хвост интрасенсу?

— Поищем.

— Внимание! — раздался под куполом зала мягкий баритон инка. — Произведен запуск зонда к объекту. Даю отсчет. Сорок пять, сорок четыре, сорок три...

На фоне багровой горы Солнца разгорелся пульсирующий огонек, упал в текучее облако эйнсофа, пропал из глаз. Несколько секунд ничего особенного не происходило. Вихри и струи развороченного многомерной ямой пространства беззвучно крутились вокруг черного зрачка ядра эйнсофа, заставляя содрогаться ландшафт планеты. Потом произошло нечто вроде короткой судороги, передернувшей облако-дыру эйнсофа, оттуда выметнулись пронзительно яркие лучи голубого света, ударили во все стороны, превращая эйнсоф в удивительного ежа, и одновременно с этим содрогнулся, казалось, весь Меркурий! Волна гула прокатилась по зданию базы, башня обзора качнулась, завибрировала. Короткая дурнота сжала желудки всех присутствующих.

Операторы продолжали работать как ни в чем не бывало, они привыкли к эффектам, сопровождавшим эксперименты с эйнсофом. Гостям же стало не по себе.

— С-сволочи! — шепотом выругался Джума.

— Такие вот пироги, — сказал Ромашин хладнокровно, почесав бровь. — К проблеме надо срочно подключать «копыто» интрасенсов. Одному Маттеру не справиться, будь он даже семи пядей во лбу. Я пригласил вас сюда еще и потому, что сегодня над сферой Сабатини видели богоида.

Джума Хан и Железовский с одинаковым недоверием посмотрели на бывшего комиссара Службы.

— Это не блеф?

— Нет, к сожалению. А, как вам должно быть известно, там, где появляется глазастый фантом, всегда случается катастрофа. Ждать осталось недолго. Нам здорово помог бы Клим, если бы был с нами. Есть соображения по его поиску?

— Через два часа я с Дашкой отправляюсь по плюс-линии орилоунской Сети, — сказал Аристарх. — В настоящем Клим искать не стоит, я бы его почуял. Значит, он там, в будущем.

— Или в прошлом, — философски заметил Хан.

— Или в прошлом.

— Но я бы взял с собой кого-нибудь понадежней, чем Даша. Девочка она хорошая, и тем не менее...

— Не обижай девочку, — сказал Железовский. — Она неплохо подготовлена. К тому же она сенс и тонко чувствует связь с отцом, а это немаловажно.

— Тебе решать.

— Не спорьте, — сказал Ромашин. — Совет Сопротивления дал добро на поход. Но я посоветовал бы отправить куда-нибудь в укромное место, подальше от Земли, всех наших близких: Забаву, Власту с дочкой, Купаву, Карой и других. Пока мы не найдем способ нейтрализации эйнсофа. Старик и женщины всегда могут стать объектами захвата и шантажа. А без них у нас будут развязаны руки.

— Забава не согласится, — с сомнением мотнул головой Железовский. — Я уже говорил с ней. Да и сестричка ее тоже.

— Поговори еще раз, убеди.

— Попытаюсь, конечно. У тебя все?

— Поехали на Землю, меня ждут в Службе.

Мужчины еще раз оглядели ландшафт Меркурия с «дышащим» облаком эйнсофа и вышли из зала в коридор. А у входа в терминал метро их остановил патруль Службы безопасности Солнечной системы: четыре «киборга» — инспекторы, облаченные в спецкостюмы, вооруженные «универсалами» на плечевых турелях, и лейтенант-командир в синей форме официала Службы, с личным «маузером» в кобуре на поясе.

— Спокойно, господа! Прошу предъявить документы!

Хан, Ромашин и Железовский переглянулись.

— В чем дело? — спокойно осведомился Игнат, покосившись на появившуюся сзади еще одну четверку «киборгов».

— Они вооружены! — произнес один из инспекторов.

Стволы «универсалов» на плечевых турелях угрожающе уставились на тройку друзей.

— Я не вооружен, — развел руками Железовский, прикидывая, могут ли они пробиться к метро в случае надобности или нет.

— Я тоже, — сказал Ромашин.

Джума расстегнул уник, достал пистолет-парализатор «дерк», протянул рукоятку вперед лейтенанту.

— Я имею право на ношение оружия. Вот мой сертификат. — Он показал золотистый прямоугольник с красной полосой и эмблемой УАСС.

Лейтенант повертел в пальцах прямоугольник, сказал, обращаясь, очевидно, по рации к дежурному меркурианского сектора Службы:

— Гир, проверь идентификат на «пушку», номер сто шестнадцать семьсот один.

Ответ пришел через несколько секунд.

— Да, я понял. — Лейтенант вернул удостоверение, козырнул. — Все в порядке, можете быть свободны. Нам сообщили, что на территорию базы проникли посторонние.

Железовский поймал красноречивый взгляд Джумы, говорящий: «Это Штыба сообщил!»

— А эти господа с вами? — продолжал командир обоймы безопасников.

— Это эфналитик центрального аппарата СБ Ромашин, а это главный эксперт статуправления ВКС Железовский. Еще вопросы есть?

— Нет. — Лейтенант еще раз козырнул. — Однако с третьего сентября введен новый порядок допуска на режимные объекты Меркурианской зоны. Нужен специальный пропуск, зарегистрированный ограничительной комиссией СЭКОНа, с подписью начальника службы охраны объектов.

— Кто начальник?

— Заместитель директора исследовательского центра Вацек Штыба.

Мужчины снова обменялись взглядами.

— Понятно, — вежливо сказал Ромашин.

Лейтенант кивнул, сделал знак подчиненным, и восьмерка «киборгов» скрылась за углом коридора.

— Каждый раз, когда я вспоминаю, что господь справедлив, я переживаю за человечество, — пробормотал Джума Хан.

ГЛАВА 4

Ужас и восторг — вот что он испытал, глядя на гору космического корабля, всего минуту назад бывшего обыкновенным ножом. Что это именно космический корабль, Дар не сомневался, его интуиция редко ошибалась в оценке подобных объектов.

— Ну и что я теперь с ним буду делать? — вслух проговорил он, отступая к лесу, чтобы охватить гору корабля одним взглядом.

«Как что — войти, осмотреть, подчинить управителя, в хозяйстве пригодится», — ответил голос рассудка.

«И то верно, — подумал Дар, успокаиваясь. — Ничего особенного в этом ноже нет. Подумаешь, был маленьким — стал большим. Похоже, все артефакты деда Дарьи обладают одним и тем же свойством — многомерной упаковкой. Картины, книга, чаша... теперь нож... Одна и та же технология».

«Может, и не одна, — не согласился голос рассудка, — но дела это не меняет. Не медли, иди внутрь, пока не заявились непрощенные гости, беривсеи или отеллоиды».

Дар окончательно пришел в себя, привычно сосредоточился на вхождении. Через короткое время его мозг стал частью природного резонансного биоконтра, резко раздвинул диапазоны чувствования молодого человека.

Сфера гиперзрения накрыла необычный космический корабль, сделала его почти прозрачным для мысленных «щупалец». Дар просканировал гигантское сооружение, быстро разобрался в его конструкции. Относительно разобрался, конечно, в базовом масштабе, определив, где находится центр управления, где генераторы движения и силовое оборудование, где каюты экипажа и грузовые отсеки. Каюты больше всего напоминали соты с выходами в центральное помещение, а сам корабль — улей. Хотя вполне возможно, что эта оценка была лишь попыткой сознания приблизить увиденное к багажу знаний и опыта молодого человека.

В остальном космолет остался тайной за семью печатя-

ми, потому что, во-первых, инк корабля не отзывался, хотя на борту присутствовал, а во-вторых, корабль явно строили не люди. Все его пропорции, форма внутренних помещений, интерьеры, расположение основных узлов, а также некая чужеродность, наполнявшая объем корабля, говорили о совершенно ином подходе к подобного рода сооружениям. Люди создавали свои машины в каком-то смысле подобными себе, их конструкции имели «голову», «сердце», «ноги-руки», «нервную систему», «скелет» и «кровеносные сосуды» — коридоры. Корабль, вылупившийся из ножа, представлял собой единый организм, любая часть которого могла нести любую функцию, в зависимости от воли тех, кто на нем летал. Этот организм был живой — как земные машины, но подобный своим создателям, облик которых представить было трудно. Скорее всего их тела состояли из множества отдельных элементов, формирующих сетевые или системные структуры для тех или иных действий по мере необходимости.

Тем не менее Дар сумел понять принципы организации корабля и вскоре сообразил, каким образом можно заставить его центральный мозг-компьютер повиноваться.

Сфера сознания чужого инка оказалась весьма специфичной, он мыслил не так, как человек и его интеллектуальные изделия, поэтому пришлось растворить свое сознание в геометризированной вселенной чужого компьютера — с риском получить психический шок — и подыскивать переводы понятий, смысл которых совпадал с известными Дару символами и представлениями. Спустя четверть часа безмолвной борьбы с мозгом корабля Дар определил его основные зоны оперирования и переключил контур управления на себя. Остальное уже было делом техники. Управляющий космолетом инк перестал «нервничать» и начал отвечать человеку, поверив, что он «свой». Ну, если и не совсем свой, то уж точно не чужой.

Входной люк открылся, точнее — сформировался в корпусе корабля как раз напротив чистодоя. Дар, слегка осоловевший от нервного перенапряжения, не задумываясь, шагнул в темноту входа.

Вспыхнул странный розовый свет, обволакивающий тело, как бесплотное желе. Дар оказался внутри необычной формы помещения, похожего на желудок, стенки которого

состояли из множества наплывов, утолщений, бугров и рытвин. Еще этот «желудок» чем-то напоминал полурасплавленные пчелиные соты, разве что ячейки его имели в сто раз большие размеры.

Интересно, что это такое на самом деле? Переходный тамбур? Дезактивационная камера? Лифт?

Дар передал мозгу корабля импульс недоумения и тут же получил ответ в виде тающих объемных картинок, имеющих один смысл — движение. Помещение, очевидно, каким-то образом было связано с транспортной системой корабля или представляло собой своеобразную кабину лифта. Лифт же мог здорово сэкономить время для «хозяйского» обхода корабля.

Дар представил, что летит по коридорам, и тотчас же воздух вокруг него уплотнился, а в голове молодого человека вздулся шарик постороннего воздействия, создающий ощущение в о п р о с а. Инк звездной машины спрашивал, куда хочет попасть гость.

Дар представил рубку управления кораблем, где мерцали и переливались, сплетаясь в многосложные узоры, сходящиеся со всех сторон ручейки энергии и мысли.

Тихий замирающий свист коснулся ушей. Мигнули невидимые светильники. Пол помещения конвульсивно дернулся, вспух кольцом вокруг Дара, образуя своеобразную чашу, и эта чаша помчалась вперед, быстро и плавно, вместе с возникшей в стене каверной, как бы проплаваемой в массе корабля невидимым огненным пальцем. Инерция при этом не ощущалась, но Дар был уверен, что его и в самом деле несет странный «лифт».

Тонкий свист. Каверна перестала плыть и лететь, превратилась в круглую дыру выхода. Края чаши оплыли, пол стал ровным. Дар шагнул вперед и оказался в помещении странной формы, состоящем из пересекающихся разнокалиберных каверн и ячеек.

Посреди помещения торчала необычная, многогорбая, стеклянно-фарфоровая конструкция, напоминавшая по форме грубый слепок гигантского насекомого, не то шершня, не то шмеля. По этому в высшей степени необычному образованию ползали темные и светлые тени, стягиваясь в сверкающие и тут же исчезающие звезды. По всей видимости, это было некое устройство контроля и связи с «мозгом» ко-

рабля, через которое Дар поддерживал с ним мысленно-чувственный контакт.

Запах в помещении, напоминавшем рубку земных кораблей, стоял странный, сладковато-горький, не слишком приятный, будто здесь разлили бочку прокисшего вареного меда.

— Привет, — сказал хуторянин, разглядывая «собеседника».

В голове родилось знакомое ощущение в о п р о с а. Инк не понимал чувств человека, да и не мог понять, созданный существами, далекими от человеческих оценок, законов, морали, культуры и эстетики.

— Покажи мне свои покои, — продолжал Дар, представляя, что заглядывает в ближайшие помещения.

Ощущение в о п р о с а сменилось непониманием.

Дар сообразил, что задал некорректную задачу. Попытался объяснить машине, что от нее требуется. Через минуту обмена мысленными образами и ощущениями мозг корабля наконец уяснил, чего хочет гость.

Ямки и каверны на стенах помещения, складывающиеся в гармоничный узор полурасплавленных сот, вдруг стали прозрачными, и внутри каждой ячейки возникло объемное изображение соседнего отсека — эллипсоидной формы, с багровыми натеками по стенам. Примерно такое же впечатление создает фасетчатый глаз насекомого, в каждой фасетке которого отражается весь окружающий пейзаж, только зал рубки управления был не выпуклым, а вогнутым, и его «фасетки» тоже были вогнутыми.

Дар мысленно опустился ниже, к корме корабля, где располагались какие-то силовые агрегаты.

Изображение в «фасетках»-кавернах зала изменилось, стала видна коричнево-багровая конструкция, напоминавшая свернутые немыслимым образом кишки. В голове молодого человека родилось ощущение м а с с ы и с и л ы. Мозг корабля уже начал приспособливаться к человеческой мысли и давал понять, что новый хозяин видит главную деталь сооружения — энергореактор.

— Теперь двигатель! — приказал Дар.

В о п р о с, н е д о у м е н и е...

Дар представил космос, создал ощущение полета.

В голове лопнул одуванчик п о н и м а н и я.

Стены рубки отразили в е с ь корабль, сначала снаружи, потом изнутри. Судя по ответу, сам космолет представлял собой двигатель, форму и способ движения которого представить было трудно. Для этого необходим был испытательный полет. Дар даже едва не попросил управляющего поднять корабль в воздух, но вовремя остановился. Время экспериментальной проверки возможностей космолета не пришло.

Побродив визуально по некоторым отсекам, Дар поинтересовался, кто свернул корабль, сжал его до размеров ножа, однако понимания не встретил. Зато после долгих объяснений и переговоров понял, что механизм упаковки космолета в тридцатисантиметровый нож находится в нем самом и включается запороговым мысленным импульсом.

— Отлично! — обрадовался чистодей, потирая руки. — Я могу носить тебя как нож и развернуть в любой момент! Вот будет сюрприз, когда увидят тебя в настоящем виде!

Делать здесь было больше нечего, и он с удовольствием прокатился на чашевидном лифте к выходу из корабля, представив, как удивится Дарья, когда он жестом волшебника небрежно превратит нож в огромный звездный корабль.

Обратная трансформация космолета в нож производила не меньшее впечатление, чем развертка.

В течение долей секунды он разом уменьшился вдвое, засияв, как раскаленный слиток металла. Обратная ударная волна, направленная не вовне, а внутрь точки сжатия, с корнем содрала траву в радиусе полусотни метров, увлекла за собой Дара, так что ему пришлось «растопыриваться» и цепляться за камни и кустики, чтобы удержаться на месте.

Затем точно такая же пульсация сжатия, только раз от разу тише и слабее, повторилась еще трижды, пока гигантский космический корабль не превратился в нож, который можно было носить с собой и пользоваться как обычным режущим и колющим инструментом.

Что при этом уменьшилась и масса удивительного объекта, Дара не удивило. Эффекты многомерного оперирования вполне допускали преобразование массы в энергию на уровне субэлементарных частиц — преонов, кварков, максимонов и квадруполей.

Нож был еще горячий, когда чистодей взял его в руки. Полюбовался чистотой формы, присоединил к коллекции

остальных предметов, каждый из которых являл собой волшебное сочетание поразительных свойств. На сегодняшний день экспериментов хватало. Надо было проанализировать то, чему он стал свидетелем, разложить по полочкам, прикинуть план дальнейших испытаний каждого артефакта. И ждать возвращения Дарьи, чтобы задать ей несколько вопросов о природе вещей.

Метаморфозы ножа, превратившегося в космический корабль и обратно, не прошли незамеченными на ближайших хуторах.

Каждый хутор имел свою систему обзора окрестностей и оповещения жителей об опасности. Поэтому внезапное появление в Дебрянском лесу металлической горы, а потом ее исчезновение заставили дружины хуторов забить тревогу. Однако в силу известного русского менталитета: «Авось пронесет», — никто из старшин не послал дружинников узнать, в чем дело, выяснить причины феномена. В том числе и старшина Жуковца Малх. Когда Дар загнал летак в лабаз, старшина лишь спросил:

— Что это было? Ты видел?

На что Дар ответил:

— Появилось из земли и ушло в землю. Очевидно, сработало какое-то древнее сооружение, внезапно проснувшееся от долгой спячки. Издали похоже на защитный форт.

Врать было противно, однако раскрывать старшине тайну ножа не хотелось, и Дар пережил этот внутренний стыд, бормоча про себя: простите меня, святые наставники!

Мама тоже поинтересовалась, что за гул прилетел из леса, а поскольку она прекрасно видела переживания сына, Дар сказал ей правду, что он случайно раскрыл одну из находок, оказавшуюся на самом деле свернутым необыкновенным образом космическим кораблем. Веселина пожурела сына, попросила без отца больше не экспериментировать с чужими вещами, и на этом все успокоилось.

Боряте Дар все-таки рассказал о своем опыте, зная, что приятель не болтлив, и тот, пережив обиду, недоверие и восхищение, пообещал никому из хуторян не говорить о том, что услышал. Он был прям и прост, поэтому Дар с ним и дружил.

Отец прилетел под вечер, озабоченный и занятый свои-

ми мыслями. Выслушав покаянный рассказ сына об эксперименте с ножом, он несколько оживился и даже сам решил посмотреть на превращение ножа в космолет. Но пришли старшины других хуторов, старейшины, витязи, отец заперся с ними в приказне и вышел только глубокой ночью, проводил гостей. Заглянул в спальню Дара.

Чистодей спал, но тут же проснулся, сел на кровати.

— Что-нибудь случилось, пап?

Бояр помял лицо ладонями, присел рядом на краешек кровати.

— Невеселые дела, однако. Ты слышал о черноболи под названием Чернобыль? По сути, от этого слова и пошел термин «черноболь».

— Кто же о нем не слышал? Это на востоке, недалеко от хутора Гомль.

— На том месте тысячи лет назад стоял атомный реактор. В двадцатом веке произошла катастрофа, здание реактора закрыли саркофагом, создали стокилометровую зону отчуждения...

— Я знаю, мы в школе проходили.

— В конце двадцать первого века внутри саркофага началась спонтанная ядерная реакция, очень необычная, ломавшая все теории. Был создан еще один саркофаг, но реакция идет до сих пор. Там закрытая черноболь, полигон физиков из Института пограничных проблем...

— Ну и что?

— Недавно у границ черноболи видели отеллоидов.

Князь встретил взгляд сына, кивнул.

— Мы обеспокоены. Эти твари все чаще лезут в те места, куда им доступ заказан. В основном это энергоцентры и черноболи. Ты встречался с ними, может, что-нибудь знаешь, чего не знаем мы? Что они ищут?

Дар покраснел. Он так и не удосужился открыть правду отцу о картинах, являвшихся «срезами остановленного времени».

— Думаю, они ищут картины, которые я вытащил из теrema на дне болота. — Он рассказал все, что знал сам, закончил: — Именно поэтому отеллоиды и напали на хутор. Они каким-то образом вычислили, что это я был на болотах, и шли точно по адресу.

— Хроники... хроносрезы... — медленно проговорил Бо-

яр, пробуя новые термины на язык. — Возможно, эти картины ценны для них. Однако охота за картинами не объясняет появления черных бродяг в других районах Светоруси. А твои новые знакомые девушки, Дарья и Аума, могут что-нибудь знать об отеллоидах?

— Я говорил с ними, но они с черными раньше не встречались.

— Жаль, было бы неплохо побеседовать с ними, узнать, как им там живется, в смутные времена Ветхой Эры. Ладно, спи, договорим утром. Нож пусть останется у тебя, но больше с ним не экспериментировать. Возможно, он в скором времени понадобится.

— Кому?

Князь потрепал сына по плечу, улыбнулся, встал, могучий телом, сильный, уверенный в себе; все-таки он очень здорово походил на своего предка Аристарха Железовского.

— Мне, тебе, всей общине.

— Мы собираемся путешествовать в космосе?

— Кто знает, может, еще придется. Приятных снов.

Отец вышел.

Дар посидел, перебирая в памяти детали беседы, лег. Сон не шел, в голове стоял легкий шум от десятка вопросов, требующих ответов и внимания. Тогда молодой человек сосредоточился на пустоте, растворяющей мысли и желания. Через минуту он уже спал.

* * *

Дарья и ее черноглазая смуглолицая подруга не появились ни на следующий день, ни через день, ни через два.

Томимый дурными предчувствиями, Дар слонялся из угла в угол терема, гулял по берегу реки с Борятой, участвовал в летних игрищах с молодежью хутора, ходил в дозор с дружинниками, а сам спал и видел, как на лобной площади садится летак и из него вылезает зеленоглазая...

На четвертый день он принял решение самолично отправиться в прошлое и передать ей артефакты. Решение далось нелегко, так как время отдыха кончалось и он должен был выбирать путь. От этого выбора зависело, кем он станет и что будет делать. Но желание вернуть вещи было сильнее. Спустя четыре дня после ухода гостей из прошлого он стал

готовиться к походу. Способствовала этому и обмолвка Дарьи, которая спросила — он вспомнил, — знает ли он, как пользоваться кэнконом, который она называла иначе — трансфер.

Дар долго думал, почему она спросила об этом, так как сам признался, что путешествовал по метро Солнечной системы, используя кэнкон, то есть трансфер. Потом снизошло откровение: Дарья и Аума прибыли на Землю будущих времен по другому метро — орилоунскому, так как трансфер способен был переносить своих владельцев на любой уровень мгновенной транспортной сети, охватывающей чуть ли не всю Вселенную.

Конечно, ворочались в голове молодого чистодоя и кое-какие сомнения насчет своих прав действовать самостоятельно. Однако он быстро нашел контраргументы этим сомнениям и погасил их. Это была наивная, но увлекательная игра с самим собой человека, имеющего волю запретить себе большинство удовольствий, кроме одного: удовольствия решать с а м о м у свои проблемы.

Князь снова умчался куда-то вместе с Борибором, забыв о своем обещании посмотреть на превращение ножа в космический корабль. Но это было только на руку Дару, который боялся, что отец не разрешит ему отправиться в рискованный поход в прошлое. К тому же без него было легче взять трансфер, хранившийся в столе отца в приказе. Мама же не спрашивала, что затевает сын, лишь мягко, с понимающей улыбкой, попросила его сдерживать порывы и не торопиться. Что она имела в виду, он понял позже.

Провожал его горестно вздыхающий Борята. Целитель понимал, что трансфер, рассчитанный на перенос объекта массой всего до двухсот килограммов, не унесет обоих, но очень хотел пойти с другом, помочь ему найти Дарью.

— Еще, может быть, ничего не получится, — попытался утешить его Дар. — Может быть, нужен какой-то пароль, которого я не знаю.

— Все получится, — махнул рукой Борята. — Я чувствую.

Друзья миновали околицу хутора, встретив только двух женщин, занятых уборкой дворов, углубились по тропинке в лес. Тропинка вела к реке, на берегу которой оба знали укромное место, отгороженное кустарником от любопытных глаз, где можно было загорать и купаться. Почему Дар не

раскрыл трансфер в своей спальне, он и сам не знал. Чувствовал, что впереди его ждут приключения, и оттягивал момент прощания.

Экипирован он был не хуже любого космена: уник с полным энергокомплектom, наплечный ранец со сменой белья, аптечкой и туалетными принадлежностями, оружие — нож, грабль и «хардсан» Дарьи.

Артефакты и картины-хроники Дар решил с собой не брать. Во-первых, они были громоздки и ограничивали свободу маневра. Во-вторых, он не знал, найдет ли Дарью. В-третьих, появлялась возможность вернуться домой вместе с девушкой, чтобы передать ей картины.

Он понимал, что лукавит, но ничего не мог с собой поделаться. Идея увидеть прошлое собственными глазами овладела им целиком и полностью.

Сфера кэнкона-трансфера (пора привыкать к новому названию аппарата; кстати, не забыть бы спросить у Дарьи, что такое «иригути кэнкон») удобно легла в ладонь. То ли она окончательно настроилась на нового владельца, то ли он приспособился к ней. Во всяком случае, манипулировать стартовым терминалом становилось все легче.

Дар заглянул в н у т р ь сферы, «упал» в колодец непривычных ощущений.

— Приветствую вас в зоне перехода, — раздался мягкий голос оператора переброса. — Переход фиксирован...

— Мне нужна обратная линия, — перебил его Дар. — В прошлое. Год две тысячи триста сорок второй.

Короткая пауза.

— Почему вы уверены, что наша транспортная Сеть реализует минус-переходы?

— Потому что ты недавно перенес в наше время и обратно двух девушек из двадцать четвертого века.

— Я не переносил.

— Ну, не ты, а ваша система. Сделай запрос в общий информаций Сети.

Еще одна пауза.

— Такой переход действительно зафиксирован. Однако предупреждаю, Сеть работает со сбоями, возможны нелинейные и неподконтрольные мне бифуркации...

— Отправляй!

— Конкретные координаты выхода?

Дар прикусил губу. Он не знал, где живет Дарья. Потом пришла трезвая мысль: не все ли равно, где она живет? Отыскать ее на Земле двадцать четвертого века будет несложно, поскольку она интрасенс.

— Ты переносил меня в терминал Брянска... помнишь?

— Координаты точки перехода хранятся в моей памяти.

— Я хочу попасть в Брянск две тысячи триста сорок второго года.

— Условия принял.

Прозрачно-туманные стенки «колодца» и стена леса за ними исчезли. Дар почувствовал стремительное падение в бездну, свет в глазах померк...

Затем сознание восстановилось.

Сердце работало неровно, толчками. Во рту появился железистый привкус. Желудок сводила судорога, как после внезапно наступившей невесомости. В глазах роились зыбкие эфемерные световые конструкции, сложились в стены и углы кабины метро. Дар перевел дух, усилием воли погасил негативные ощущения. Нашел на полу кабины мерцающую сферу, спрятал в клапан-карман на поясе уника. Интересно, удался эксперимент или нет?

Дверь кабины растаяла.

— Оператор? — позвал Дар.

— Слушаю вас, — отозвался красивый женский голос.

— Где я?

— Второй терминал метро Брянска, площадь Героев.

— Какой сейчас год?

— Две тысячи триста сорок второй, седьмое сентября, — невозмутимо ответил инк метро, не удивляясь вопросам.

— Спасибо.

Дар глубоко вздохнул и вышел в вестибюль станции метро, существовавшей за три с лишним тысячи лет до его рождения.

ГЛАВА 5

Их провожали трое: засыпающий на ходу Джума Хан, элегантный Игнат Ромашин и небритый Герхард Маттер, относившийся к своему виду с философским спокойствием старого интеллигента.

Джума Хан то и дело зевал, извиняясь, Ромашин о чем-то думал, рассеянно поглядывая по сторонам, ксенопсихолог

Маттер по обыкновению грыз ногти и вещал о тех трудностях, которые могут встретиться на пути хронопутешественников, пересыпая свою речь мудреными словечками. Его почти не слушали, занятые более практическими делами.

Железовский настоял на том, чтобы переход в Сеть орилоунского метро состоялся из его кабинета, и все заинтересованные лица собрались у главного математика статуправления.

Маттер заметил, что его слушают больше из вежливости, развел руками:

— Прошу прощения, сэры и мадемуазели, я почему-то нервничаю. Почему-то кажется, что ответы на многие наши вопросы мы отыщем именно в будущем. Говорят, хорошо там, где нас нет. Может быть, вы отыщите этот золотой век?

— Хорошо не просто там, где нас нет, — проворчал Железовский, похожий в унике на ожившую металлическую статую Геракла, — а где нас никогда не было и не будет. Дашка, ты как?

— Нормально, — сказала девушка, оживленная чуть больше, чем следовало бы. — Все-таки я бы взяла с собой Ауму.

— В следующий раз. — Железовский окинул взглядом товарищей. — Если вы не возражаете, мы пойдем, пожалуй.

— Не рискуйте без нужды, — очнулся от размышлений Ромашин. — Неизвестно, найдете вы Клима или нет, но без вас нам здесь будет туго.

— Ничего с нами не случится.

Внезапно шишка вириала на столе Аристарха выбросила букет алых огней, раздался тихий звоночек. Все посмотрели на стол с недоумением.

— Что у тебя, Дервиш? — осведомился Железовский недовольно.

— В холле института появились вооруженные люди. Служба.

— Ну и что?

— Они запросили охрану, на рабочем вы месте или нет. Время подхода — две минуты.

Мужчины переглянулись.

— Ох и не нравится мне эта тенденция, — помрачнел Ромашин. — Сначала Меркурий, теперь уже Земля, причем прямо на территории учреждения федерального значения...

— Может, это профилактика? — предположил Джума. — Сейчас стало модно направлять обоймы Службы в районы предполагаемых правонарушений.

— В таком случае за нами следят. Иначе как объяснить, что Служба появляется именно в те моменты, когда мы собираемся вместе?

— Пора переходить на полный «срам». Совет давно предлагал закрепить за каждым из нас обоймы телохранов.

— Мне охрана не нужна, — качнул головой Железовский.

— Не растопыривай пальцы, герой, — поджал губы Ромашин. — Интрасенсы — не волшебники, а ты — не Клим Мальгин. Всем вам тоже нужна защита.

— Что будем делать? — оглянулся на дверь Хан.

— Уходите, мы останемся, — сказал Ромашин. — У Службы нет оснований задерживать нас, иначе я бы об этом знал.

Железовский посмотрел на Дарью.

— Иди первой.

— Координаты выхода...

— Я помню.

Дарья слегка побледнела, вытащила трансфер.

— До встречи.

Шар стартового терминала выбросил вихрь искорок, охвативший девушку, фигурка ее искривилась, как отражение в воде от пробежавшей волны, втянулась внутрь сферы и пропала вместе с ней.

За дверью кабинета Железовского что-то зажужжало, раздался стук в дверь:

— Откройте! Именем закона!

— Закон... — усмехнулся Железовский. — Закон — что дышло, куда повернул, туда и вышло. Ждите, мы скоро вернемся.

Он «вошел» в трансфер, исчез.

Ромашин открыл дверь.

В кабинет ворвались пятеро «киборгов», вооруженные с ног до головы. Затем неспешно прошествовал офицер. Оглядел спокойно-равнодушные лица присутствующих, козырнул.

— Капитан Кранц. Где хозяин?

— Сами ждем, — сказал Ромашин. — Вышел на минуту.

— Подождем, — сказал офицер, добавил в усики рации: — Он ушел. Перекройте выходы, лифты и метро.

— А в чем дело? — поинтересовался Джума, демонстративно зевая.

— Вам тоже придется пройти с нами, — сказал командир подразделения.

— А если у нас другие планы?

Офицер окинул его нехорошим взглядом. И тотчас же стволы «универсалов» на плечевых турелях «киборгов» уставились на гостей Аристарха.

— Ну-ну, — хмыкнул Джума, — продолжайте в том же духе, если хотите вылететь из Службы. Я испоник, оператор второго уровня, имею статус официально неприкосновенной фигуры.

— Мы в курсе, — сделал любезное лицо офицер. — Однако все равно вам придется подчиниться.

Ромашин шагнул к нему, глянул исподлобья.

— Пока нам не предъявят обвинение и ордер на арест, мы никуда не пойдем!

— Еще как пойдете!

— Артур, — вызвал Ромашин дежурного по штабу Сопротивления. — Дай тревогу по форме «блеск»! Статуправление ВКС, отдел эфанализа. Нас пытаются задержать без предъявления соответствующих документов. Разрешаю все доступные формы оперирования.

— Не понял, повторите, — ответил дежурный; голос его слышал только Игнат.

Капитан стражи потемнел, несколько секунд колебался, принимая решение, потом скрипнул зубами, махнул рукой:

— Уходим!

«Киборги» потянулись к выходу. Их командир оглянулся на пороге, подарил Ромашину обещающий взгляд:

— Вы недолго будете советником комиссара, господин Ромашин, уверяю вас.

— Вы будете капитаном еще меньше, господин Кранц. Да, и еще одно: передайте господину Штыбе, что с этого момента он будет ходить по м и н н о м у полю. Он поймет.

Капитан пожевал губами, но отвечать не стал, удалился.

Дверь закрылась.

Маттер с любопытством посмотрел на Ромашина.

— Вы и в самом деле вызвали охрану?

— Я блефовал, — равнодушно ответил Игнат. — Но он об этом не знал. И мне все надоело. Сегодня же подниму в Совете вопрос об адекватном реагировании. Наглецам надо давать отпор на всех уровнях, в том числе силовыми методами.

Джума тоже глянул на него с интересом:

— Что ты имел в виду, передавая Штыбе, что он «будет ходить по минному полю»?

— Штыба участвует в охоте за интрасенсами, это очевидно. Он не оставит в покое ни Аристарха, ни Дашу, ни вас, ни тебя, Герхард. Этому надо положить конец.

— Готов возглавить обойму ликвидации.

— Найдутся парни помоложе.

— Обижаешь, советник. Я тоже еще кондиционен.

— Ладно, пошли отсюда, потом поговорим.

Все трое вышли из кабинета Железовского, озабоченные своими делами. Видеокамеры системы охраны института проводили их внимательными взглядами до зала метро.

* * *

Сеть орилоунского метро, охватывающая практически весь метagalактический домен, все еще работала, несмотря на давно исчезнувших строителей Сети и самих заказчиков — Вершителей.

Железовский как-то попытался разобраться в принципах ее функционирования и пришел к выводу, что она представляет собой «суперструнную паутину» — аналог нервной системы живого существа, способной передавать «сигналы» — массивные объекты не только на огромные расстояния, но и в прошлое и будущее. Пользовались ли Сетью сами орилоуны или их создания — маатане, черные люди, было неизвестно, однако то, что с помощью Сверхсети можно было контролировать любую возникающую форму разумной жизни, не вызвало сомнений. Вершителям зачем-то понадобилась эта «нервная система», но цель их стала вырисовываться только в последнее время, да и то не всем, а лишь тем мощным интеллектам, которые способны были предвидеть последствия далеко идущих планов Вершителей, создателей Метавселенной с данным набором констант и физических законов. Маттер и Железовский как раз и обладали таким

интеллектом, хотя подходили к проблеме с разных сторон: ксенопсихолог — со стороны этики и психоистории разума, математик — со стороны геометрической целесообразности и красоты Вселенной, описываемой математическими формулами.

Сеть, смонтированная миллиарды лет назад, все еще работала, несмотря на естественное старение и колоссальную наработку на отказ, выливавшуюся в конце концов в аттракторный коллапс — схлопывание отдельных узлов и линий. Конечно, рассчитывалась и выращивалась она (именно выращивалась или кристаллизовалась, потому что «суперструнные» каналы связи на самом деле представляли собой своеобразные «трещины» в пространстве) не людьми и не для людей, человек открыл ее случайно, однако ничто не препятствовало всем, кто имеет трансфер — стартовый терминал, входить в Сеть и путешествовать по ней. Другое дело — где найти трансфер. Обладатели терминалов — маатане и сами орилоуны — к две тысячи триста сорок второму году перестали существовать. На Земле лишь немногие специалисты и эксперты Службы безопасности знали о существовании трансферов. К счастью, два из них были в руках наших героев.

Железовский вышел из Сверхсети в терминале метро земного уровня — в Брянске вслед за дочкой Клима Мальгина. И сразу попал в гущу событий!

В зале было полно людей... на первый взгляд. Мгновением позже Аристарх понял, что «негры», окружившие кабину метро, на самом деле отеллоиды, и включил экстрарезерв. Он и так был готов адекватно отреагировать на любое изменение ситуации, но подключаемая интраэнергетика и сенсорика увеличивала его возможности на порядок.

Дарья в этот момент уже начала бой, отлично разобравшись в обстановке, и отвлекла внимание части черных людей на себя. Поэтому Аристарх без труда завладел инициативой. Он был вооружен не только плечевым «универсалом», но и «глюком» и открыл огонь на поражение из двух стволов сразу.

По-видимому, отеллоиды имели задание не убивать Дарью, а захватить в плен, так как они стреляли из каких-то необычного вида пистолетов, наподобие электрических раз-

рядников, целясь в руки и ноги девушки, заставляя ее проявлять чудеса акробатики. Первые же выстрелы Железовского заметно изменили соотношение сил.

Всего их было четырнадцать.

Через секунду стало десять.

Еще через секунду — шесть.

Только после этого они поняли, что атакованы противником, действующим гораздо быстрее их, заметались по залу, лоя в перекрестья прицелов зыбко-текучую фигуру, но было уже поздно.

Еще через две секунды бой закончился. По всему залу корчились, колыхались, дрожали, выпускали струйки пара черные лужи, ручьи, капли и пузыри — все, что осталось от прайда отеллоидов. Плюс почти полтора десятка излучателей электрических молний.

Железовский остановился — грозная глыба металла, воплощение хищной мощи и силы, прислушался к тишине зала.

Подошла Дарья, держась за плечо: один из разрядов зацепил ее и, хотя не пробил ткань уника, все же ощутимо травмировал девушку.

Лицо Аристарха изменилось, из него ушла угроза.

— Ранена?

— Синяк, наверное, будет, сама вылечусь.

— Извини, это я виноват. Первым надо было идти мне. Как говорится: нет дурака хуже, чем старый дурак.

— Это вам скажет любой молодой дурак, — улыбнулась Дарья.

По каменным губам математика скользнула легкая ответная улыбка.

— Хороша парочка «покорителей времени». — Он бросил взгляд на останки тел отеллоидов. — Интересно, что это за материал, превращающийся в жидкость, из которого слеплены эти псевдолюди?

— Квазиметалл.

— Не металл, это точно, скорее композит, заполняющий силовой каркас. Стоит этот каркас повредить — композит приобретает свойства жидкости. Ладно, не будем терять времени.

Они вышли из здания городского терминала метро, готовые отразить еще одно нападение черных псевдолюдей. Однако площадь вокруг пирамиды терминала оказалась пустой.

В темнеющем небе просияла золотом удалявшееся пятнышко — то ли просто случайный летательный аппарат, принадлежащий кому-то из жителей Брянска, то ли машина с отеллоидами на борту, убежавшими прочь от свирепых путешественников.

Возле здания стояли на плитах три аппарата: скоростной шестиместный флайт и два куттера. На них, очевидно, и прилетели отеллоиды, устроившие засаду в зале метро.

— Выбирай, — сказал Аристарх.

— Флайт, — предложила Дарья.

Они уместились в кабине аппарата.

— Итак, ищем твоего приятеля, сына князя. Знаешь, куда лететь?

— Отсюда не больше десяти минут лета.

Флайт поднялся в затянутое тучами небо.

— Кстати, тебе не кажется странным, что летающая техника и в столь отдаленном будущем почти не отличается от нашей?

— Папа говорил, что разработка новых технологий прекратится уже в конце двадцать пятого века. Дальше человечество будет жить по инерции, не используя творческий потенциал разработчиков.

— Кому это было выгодно, хотел бы я знать.

— Только не самим людям.

— Умно говоришь.

Дарья виновато шмыгнула носом.

— Я не нарочно.

— Это комплимент, а не порицание. Чувствуется влияние папаши.

— Папа часто беседовал со мной. Мне его так не хватает!

— Мне тоже, — проворчал Железовский. — Жаль, что все в нашем мире предопределено и мы знаем, каким будет будущее. Но, может быть, когда-нибудь где-нибудь отыщется мир светел? Который примет нас такими, какие мы есть? И не разочаруется?

Дарья с удивлением посмотрела на друга отца, по лицу которого ни с того ни с сего пробежала тень тоски. Затем Железовский снова превратился в глыбу живого величия и невозмутимости. А девушка вдруг поняла, что ее могучий спутник способен ощущать печаль и боль, как и любой другой человек. Еще она поняла, что думает он сейчас не о гло-

бальных проблемах мироздания, а своих внутренних, среди которых было и отсутствие детей. Хотя, с другой стороны, если Дар Железвич — прямой потомок Аристарха, подумала Дарья, значит, дети у него будут. Вот случится сенсационное явление — человек-гора с младенцем на руках!..

— Не отвлекайся, — проворчал Железовский. — Мне еще рано думать о детях.

Щеки девушки запылали. Она не успела заблокировать свои мысли.

— Я считаю, что ты не прав, дядя Аристарх. Забава давно хочет детей, к тому же без них вообще нет никакого будущего. Если я влюблюсь — сразу заведу двойню! — Она бросила опасливый взгляд на собеседника, вспомнив о Даре. Но Железовский сделал вид, что не расслышал оговорки. Пробасил с мрачным юмором:

— К сожалению, жизнь уходит так быстро, будто ей с нами скучно... Я учту твое пожелание. Далеко еще?

— Подлетаем.

Флайт замедлил полет. В сплошной колюче-лиственной шкуре леса появился просвет. Стали видны какие-то ямы, огромные воронки, разрушенные, сгоревшие постройки, раскатанные бревна, струйки дыма.

Дарья прикусила губу, с ужасом и недоверием разглядывая развалины, оставшиеся на месте хутора Жуковец.

— Не может быть!

Железовский перегнулся через борт машины, всматриваясь в картину разрушений.

— Похоже, здесь имела место бомбардировка местности с применением вакуумных гранат и аннигиляторов. Ты не промахнулась? Это тот самый хутор?

— Жуковец! Резиденция князя. Вот его терем... то, что от него осталось. — Девушка вытянула руку, показывая на глубокую воронку с раскатыми в разные стороны и разбитыми в щепы бревнами. — Неужели мы опоздали?!

— Артефакты отца были здесь?

— Я оставила их у княжича... он обещал сохранить, уверял, что они в безопасности...

— Значит, паренек ошибался. Спустись к воронке, попробуем поискать вещички по излучению. Может быть, что-то уцелело.

Флайт сел на относительно ровный пятачок возле гор

земли. Пассажиры выбрались из кабины, спустились к воронке, вглядываясь в обломки строения и вывороченные взрывом пласты почвы. Трупов и фрагментов человеческих тел нигде видно не было, и Дарья немного успокоилась.

— Ничего не чувствую... Может быть, хуторяне успели уйти в леса и унесли с собой вещи? До бомбардировки?

Железовский поворачивал головой, направился обратно к флайту.

— Возвращаемся.

— Куда? — не поняла девушка.

— За нами наблюдают, мне это не нравится. Если нас накроют ракетно-бомбовым ударом, спрятаться будет негде.

— А если это хуторяне?

— Потом выясним.

Они быстро залезли в кабину летающей машины, взлетели. А через несколько секунд в то место, где только что стоял флайт, вонзилась бледно-лиловая молния разряда.

Шши-и-и-ихх!

Веер земли, огня, дыма! Визг разлетающихся обломков камня и бревен!

Еще одна молния, новый веер огня и дыма!

Стреляли из леса, как заметил Аристарх, причем не из аннигилятора, а вообще из неизвестного ему вида оружия. Но выяснять, что это за оружие и кто стреляет, было недосуг. Железовский увеличил скорость, прижал флайт к вершинам деревьев и гнал его ураганным темпом до тех пор, пока хутор не остался далеко позади.

Внизу мелькнуло озерцо, лента реки.

Флайт сделал пируэт и сел в заросли кустов на берегу реки. Некоторое время человек-гора, не шевелясь, прислушивался к природе вокруг, потом повернул голову к молчавшей спутнице:

— Чего-то я не понимаю.

— Я тоже, — прошептала девушка, чуть не плача.

— Нас явно ждали — там, в зале метро. Чего не может быть в принципе, если не предположить об утечке информации. Нас ждали на разгромленном хуторе. И я чувствую, что за нами начинается охота. Серьезная! Что здесь происходит?

— Я не знаю... — беспомощно пожала плечами дочь Клим Мальгина.

Конечно, он ожидал увидеть много людей сразу, собравшихся в одном месте, но эффект превзошел все его ожидания.

Дар оказался в непрерывно шевелящейся, двигающейся, разговаривающей на разных языках толпе людей, одетых в самые разные костюмы, носящих самые разные прически, от крикливых светящихся гребней до метровой длины хвостов и редких щетинок, образующих некие символы и знаки.

Толпа гудела, бурлила, обтекала пришельца со всех сторон. Его задевали плечами, локтями, толкали в спину, извинялись или же не извинялись, люди спешили, бежали, прогуливались, беседовали друг с другом или с неведомыми абонентами посредством хитроумных — чаще скрытых — средств связи, в вестибюле метро стоял легкий гул сотен голосов, дробились и резонировали звуки музыки, разнообразные запахи кружили голову, сбивали обоняние с толку, и Дар, впитывая весь этот шум, ошеломленно озирался по сторонам, пока не почувствовал поток внимания к своей персоне. Тогда он попытался отстроиться от сбивающих с мысли вибраций, сосредоточился на вхождении в общее информационно-эмоциональное поле и вычислил, кто наблюдал за ним. Это были рослые парни в бело-синей униформе, в каскетках, с полуметровой длины цепями в руках. Цепи шевелились как живые, извивались и испускали тающие шлейфы искр.

Служба охраны метро, сообразил Дар, понимая, что своим поведением заинтересовал стражей порядка. Сделав вид, что он вспомнил о делах, молодой человек поспешил из зала метро на площадь. И снова испытал шок!

Здесь тоже было полно людей, а также бесшумно взлетающих и садящихся летательных аппаратов самых разных форм и размеров. Кроме того, кристаллический пирамидальный монолит терминала метро окружало множество высотных зданий, большинство из которых не сохранилось в эпоху Дара. Вокруг зданий вилась метель сверкающих капель и «тополиного пуха» — транспортные потоки, а по небу разливалась радуга реклам, пронизанная белесыми шпагами орбитальных лифтов, и вихрилась сияющая бриллиантовая пыль все тех же летаков разного класса и назначения.

Голова закружилась.

Дар собрал волю в кулак, зашагал к стоянке такси, чувствуя спиной взгляды полицейских. Он не особенно выделялся из толпы пассажиров метро, в массе своей предпочитающих носить удобные всепогодные уники, но все же был на голову выше большинства людей, шире в плечах и массивнее. На него невольно обращали внимание не только девушки, но и мужчины.

К счастью, в такси удалось сесть без проволочек, и вскоре пирамида станции метро скрылась за громадами зданий центрального района Брянска. Лишь после этого Дар позволил себе расслабиться, вздохнул с облегчением. По сути, даже не прыжок в прошлое, а столкновение с живой реальностью прошлого стало для него новым испытанием. Но он, кажется, преодолел его с честью. Хотя мир вокруг, живущий по своим законам, продолжал бурлить, сверкать, фонтанировать струями красок, петь и смеяться, сливаясь в одну цветовую, сказочно красивую панораму.

Такси — двухместный каплевидный пинасс, управляемый автопилотом, скользнуло вниз, намереваясь приземлиться у подножия холма с композицией, обозначающей мученический путь человека к обществу справедливости. Дар вспомнил, что назвал пилоту конечный пункт полета — площадь Героев. В его время именно она была центром города. В нынешние же времена площадь, очевидно, играла роль территории для памятника и располагалась на окраине Брянска.

— Минуту, — остановил он машину, — я передумал. Мне нужно попасть на хутор Вщиж. У тебя есть его координаты?

— Тридцать два километра на северо-восток от... — начал инк.

— Отлично, вези меня туда.

Пинасс поднялся над монументальной скульптурой Героев, влился в поток мчавшихся в том же направлении аппаратов. Дар предался созерцанию ландшафта, замороженный богатством архитектурных форм строений и суетой летающей техники. В его времена деятельность человека не достигала таких масштабов, несмотря на более или менее сохранившуюся инфраструктуру.

До места назначения долетели за пять минут.

Зеленое море леса с редкими ниточками старинных до-

рог и энерготрасс раздалось в стороны, приблизились красивые коттеджи-терема хутора Вщиж, пинасс плавно развернулся и сел на белый пятачок финиш-стоянки такси, рядом с двумя куттерами синего цвета с желтой полосой по борту.

— Приятных встреч, — вежливо попрощался инк такси.

Дар вышел, огляделся.

Хутор состоял всего из пяти строений, и терем деда Дарьи выделялся среди них чистотой отделки и духом старины. Не узнать его было невозможно, хотя Дар видел его фрагментарно, под защитным куполом на дне болота, в темноте, в условиях, не позволяющих заниматься созерцанием. Сердце забилося сильнее.

Он медленно приблизился к низкому палисаднику с калиточкой, окружавшему поместье. Терем старшего Мальгина стоял в саду, явно требующем ухода. Было видно, что заботливые руки давно не приводили его в порядок. Сдерживая волнение, Дар взгляделся в терем, включая гиперзрение.

Хозяева находились внутри, двое, мужчина и женщина, но Дарьи здесь не было. Да и не могло быть. Вряд ли она посещала дом деда часто, тем более что он давно умер. Однако теперешние владельцы терема могли знать адрес Мальгиных, и молодой человек решительно отворил калитку.

Песчаная дорожка привела его к знакомому крыльцу строения. Дар постучал по перилам костяшками пальцев.

— Есть кто дома?

В тереме зашевелились, раздались шаги, на крыльцо вышел угрюмоватого вида мужчина преклонных лет с бородкой и усами, в старинном халате, накинутом на голое тело. На вид ему было лет шестьдесят.

— Здравы будьте, — сказал Дар.

— Здорово, — ответил мужчина басом. В его облике изредка проглядывали знакомые черты, и Дар понял, что это какой-то родственник деда Дарьи.

— Я ишу Дашу... Дарью Мальгину, не подскажете, где ее можно найти?

— Кто такой будешь?

— Знакомый... она была в наших краях, искала... э-э, отца, мы там познакомились... Она оставила у нас кое-какие вещи, я хотел бы их вернуть.

— Какие вещи?

Дар подумал, вытащил нож, показал.

Мужчина с бородкой в раздумьях почесал грудь под халатом, в глазах его сквозь сомнения протаял интерес.

— Дашка мне ничего не говорила... а такой ножик я видел у Макара. Что ж она сама не сказала, где живет?

— Торопилась, не успела, — развел руками Дар.

Над хутором медленно пролетел серебристый летак с синей полосой.

Новый хозяин терема проводил его взглядом. Дар тоже — внутренним взором, ощутив поток внимания.

— Вы, наверное, брат ее дедушки Макара? — добавил он.

— Брат, брат, — нехотя сказал мужчина. — Макар помер, царствие ему небесное, а я вот живу покуда, хотя и старше на десять годков.

Дар вдруг понял, что собеседнику гораздо больше лет, чем кажется.

На крыльцо вышла пожилая женщина с седыми волосами, полная, рыхлая, но с ясными голубыми глазами.

— Скажи уж адрес-то, Меркул, — проговорила она звучным голосом. — Парень хороший, видать, из наших.

Она прищурилась, излучая волну тепла и света, и Дар почувствовал тихий в н у т р е н н и й шепот, ласковый и добрый. Женщина была интрасенсом.

— В Грядях они теперь живут, — сказал наконец Меркул. — Дашка и Купава, мать ее. Мы вот сюда перебрались из Гряд, а они на наше место. Клим предлагал Купаве жить здесь, да она упрямая, не захотела. А когда в Рязани их прижали, то и пришлось менять место жительства.

— Разговорился, старый, — улыбнулась женщина. — Гряды — это седьмая северная московская жилзона, массив А, третий блок, сто вторая квартира. Найдете?

— Найду, — кивнул Дар, поклонился. — Благодарю.

Пока шел к стоянке такси, ощущал спиной взгляды родственников Дарьи. Снова в душе поднялось волнение. Захотелось тут же, в мгновение ока, очутиться у двери в квартиру Дарьи. Но волшебная сфера кэнкона не могла перенести его в нужную точку пространства, она перемещала владельца только в Сеть метро.

На пяточке стоянки находилась всего одна машина. И это было не такси. Серебристый шестиместный летак с синей полосой по борту, принадлежащий Службе общественной безопасности. Из нее неторопливо выбрались трое

служителей порядка, похожие друг на друга цепкостью взглядов и обманчивым добродушием. Золотистые цепочки на запястьях рук парней переливались огоньками и вели себя, как живые многоножки.

Дар остановился.

Его окружили.

— Прошу прощения, — козырнул толстый молодой человек со щеточкой усов; говорил он с акцентом и натуральным женским голосом. — Поручик Звездецкая-Олимова. Предъявите, пожалуйста, документы.

Дар ошеломленно всмотрелся в полицейского, внезапно осознав, что поручик — женщина! С усами!

Никогда раньше Дар не встречался с усатыми женщинами и никогда раньше не попадал в такое положение, требующее определенной формы поведения, в каком оказался сейчас. Не то чтобы он был не готов к встрече со служителями закона, неожиданно обратившими на него внимание, но и навыков общения с ними, да еще во времена, канувшие в Лету, не имел. Поэтому он решил вести себя как можно уверенней и независимей.

— Надеюсь, у вас есть основания задерживать меня и требовать документы?

Полицейские переглянулись.

— Оф коз, — проговорила поручик Звездецкая-Олимова с еще большим акцентом. — Мы имеем право задерживать любого гражданина Федерации, передвигающегося с оружием в руках. Ведь вы вооружены, не так ли?

Дар обругал себя растяпой. Современные методы обнаружения у человека оружия позволяли стражам порядка действовать безошибочно.

— Разумеется, я вооружен, — подтвердил чистодей. — Однако разве свободный человек не имеет право носить оружие? А тем более звуковое?

— Покажите, — протянула руку женщина с усами.

Дар провел ладонью по левому боку уника, открывая карман-нишу, где у него на поясе висел грабль.

Цепочки, закрепленные на запястьях сотрудников Службы, взвились в воздух, как живые змейки, и буквально «зашипели», сыпля искорками.

Дар протянул пистолет командиру патруля.

Тотчас же цепь-змейка поручика упала ему на руку, и

чистодей получил такой мощный электрический удар, что любой другой человек на его месте застыл бы, парализованный. Но замешательство молодого интрасенса длилось всего сотую долю секунды. Затем он начал действовать, не столько из мести или обиды, сколько из соображений объективной оценки своего положения. Задержание, а тем более доставка его в следственный изолятор Службы не только сорвали бы все планы Дара по поиску Дарьи Мальгиной, но и вообще были чреваты долгим разбирательством — кто он и откуда. А сказать правду дознавателям он не мог.

Цепочка, оказавшаяся всего-навсего электрошокером нового образца, как бы сама собой соскочила с запястья женщины-поручика и перепоясала ее лоб. Закатив глаза, Олимова безвольно осела на асфальт стоянки такси.

Та же участь постигла и других патрульных. Двигались они намного медленнее чистодей, да и не готовы были к сопротивлению, считая, что задержанный в принципе не должен сопротивляться полиции.

Оставался еще четвертый член патруля, сидевший в кабине флайта, но Дар не собирался демонстрировать ему свои возможности. Подобрал грабль, он просто вынул трансфер и перенесся в Сеть метро, оставив обалдевших сотрудников Службы созерцать то место, где он только что стоял.

Вышел путешественник во времени из кабины метро первого брянского терминала, располагавшегося на холме у реки, где когда-то стоял железнодорожный вокзал. Никто на сей раз не обратил никакого внимания на пассажира метро, да и он не давал повода подозревать в нем чужого. Выйдя из здания, Дар тут же сел в такси-пинасс и назвал адрес Дарьи.

Северная московская жилая зона, имевшая старинное название Гряды, представляла собой семь почти одинаковых ажурных стрел-пилонов, возносящихся на высоту около четырехсот метров каждая. Издали они походили на серебристо-стеклянные паруса: казалось, в лесу утонула флотилия фрегатов немыслимых размеров, остались видны только их мачты.

Дар попытался прозондировать массив лучом гиперзрения, не смог — из-за обилия помех — и посадил такси на площадь перед «парусом» с буквой А на корпусе. Лифт вознес его на стометровую высоту, где начинался уровень «10»

здания с номерами квартир от 1 до 10. С замиранием сердца Дар нажал кнопку звонка на белой двери со светящимся зеленым номером 2. Ауры Дарьи он по-прежнему не чувствовал, девушки не было дома, это огорчало и вместе с тем оставляло надежду на то, что она вот-вот появится.

Дверь открылась.

На пороге стояла... нет, не Дарья. Но очень похожая на нее женщина, такая же зеленоглазая, смуглолицая, с тонким носом и красивого рисунка губами. Только волосы у нее были чуть светлее и короче. В глазах же сквозь удивление и сомнения проступило вдруг странное выражение надежды и узнавания.

— Здравствуйте, — стеснительно пробормотал Дар.

— Здравствуйте, — отозвалась мать Дарьи. — Вы так похожи на... вы, наверное, Дар, сын князя?

— Вы меня... знаете?!

— Даша рассказывала.

— Да, я сын князя. Извините, что беспокою... я ищу Дарью...

— А ее нет дома, она уехала. — Купава отступила в глубь прихожей. — Что же мы стоим на пороге? Проходите.

Дар повиновался. Поискал глазами коврик, не нашел, вспомнил, что автоматика квартиры сама ухаживает за обувью гостей, снял внешние кросстуфли. Купава подала тапочки. Гость прошел в большую и светлую гостиную, на стенах которой висели картины, гобелены и объемные фотографии — витейры.

Дарья в три года, Дарья в двенадцать лет, уже взрослая, стоящая на лыжах, купающаяся в море, а также семейное фото: Купава, Дарья и суроволицый мужчина с гривой седых волос и пронзительно-светлыми серыми глазами; губы его приоткрылись в улыбке, что придавало лицу мужчины явно не свойственную ему мягкость. Это был отец Дарьи Клим Мальгин.

— Присаживайтесь. — Купава в халатике, передвигаясь плавно и быстро, втокнула в гостиную антиграв-поднос с напитками и фруктами. — Чай, кофе, сантос, фэйр?

— Чай, зеленый, если можно.

Она ушла и вернулась с другим подносом. Села в кресло напротив.

— Пейте. А это кенуу, конопляное печенье, очень вкусное.

— Спасибо. — Он взял чашку, стараясь держаться естественно. Отломил кусочек печенья, действительно оказавшегося вкусным.

Купава улыбнулась.

— Вы точно такой, каким описывала вас Дашка.

Он порозовел.

— Вы тоже на нее очень похожи... точнее, она на вас. И на отца. Дарья сказала, куда уехала и когда вернется?

Улыбка сбежала с губ хозяйки квартиры.

— Странно, что вы разминулись... Даша ведь улетела в ваше время. Вместе с Аристархом. Вашим, кстати, предком, это видно невооруженным глазом. Вы так на него похожи, словно копия.

— Я уже знаю. — Дар допил чай, из вежливости съел еще одну аппетитно выглядевшую лепешечку печенья. — Жаль. Я хотел вернуть ее вещи...

— Она говорила. Можете отдать их мне.

Дар смущенно отвел глаза.

— Я не стал их брать с собой... они дома... она обещала вернуться, но прошло несколько дней, и я...

— Понимаю. Не беспокойтесь, все уладится. Она найдет вас и заберет вещи отца сама. Как вы нас нашли?

Дар подумал и вкратце рассказал о том, как его пытались задержать блюстители порядка и что из этого вышло.

Купава нахмурилась:

— Это нехорошо.

— Я понимаю, но я не мог иначе...

— Нехорошо, что они следили за вами. Через какое-то время Служба вычислит вас и попытается нейтрализовать.

— Я не боюсь!

— Речь не о том. Вам нельзя здесь оставаться. Может быть, вы не знаете, но у нас на Земле сейчас идет охота за интрасенсами...

— Знаю, Дарья рассказывала.

— Тогда поспешите! Уходите в свое время. Найдите Дашу и помогите ей.

— Конечно. — Он поднялся.

— Подождите, я посмотрю, не следит ли кто за блоком.

— Не нужно, у меня есть трансфер.

— Ах да, я забыла. — Купава протянула руку. — Приятно было познакомиться.

— Мне тоже, — искренне ответил Дар.

Какая-то холодная тень вторглась в сознание.

Чистодей подобрался. Его мыслесферу пытался нащупать некий нематериальный луч, явно генерируемый техническим устройством. Пси-локатор, вот как называется это устройство!

Дар автоматически закрыл себя экраном «немысли». Луч скользнул мимо, равнодушный ко всему на свете, управляемый волей неведомого оператора.

Купава заметила напрягшееся лицо гостя.

— Что с вами?

— Кто-то смотрит... не так, как люди...

— Может быть, это «триай»?

— Что такое «триай»?

— Интрасенсы создали сигнально-тревожную систему, предупреждающую об опасности.

— Нет, это локатор, кто-то пытается нащупать меня лучом пси-поля.

— Кроме Службы, делать это некому, у них есть необходимые средства. Наши друзья научились защищаться, но все равно интрасенсы находятся в положении дичи.

— Я не дичь!

Купава улыбнулась:

— Дай вам бог удачи! Надеюсь, положение когда-нибудь изменится, и война закончится. — Она протянула руку.

Дар осторожно пожал ее, потом вспомнил этикет, поцеловал пальцы женщины, видя перед собой Дарью — так мать и дочь были похожи. Достал шар трансфера.

Через несколько секунд транслятор орилоунского метро унес его в дали будущих времен.

ГЛАВА 7

Идея взять в плен отеллоида и допросить возникла не у Железовского, а у Дарьи.

Сутки они путешествовали по Солнечной системе, используя трансфер в качестве отмычки заблокированных станций, и почти везде натыкались на черных людей, занятых какой-то таинственной деятельностью. Особенно много

отеллоидов оказалось на Меркурии и на пустующих станциях солнечного кольца, кружащихся вокруг Солнца внутри орбиты Меркурия. Мало того, гости из двадцать четвертого века обнаружили весьма крупный — в несколько десятков кораблей — флот отеллоидов, группирующийся вокруг интересного объекта в форме колючего плода каштана размером в пять с лишним километров. Объект то опускался в атмосферу Солнца, в направлении на дыру эйнсофа, то поднимался выше. Черные корабли отеллоидов, похожие в большинстве своем на земные ракушки, только в тысячу раз больше размерами, вились вокруг объекта, как мошки вокруг лампы. Очевидно, «каштан» представлял собой «матку» отеллоидов, управляющую всеми действиями черных людей.

После того как путешественники во времени наткнулись на базу отеллоидов и вынуждены были спастись бегством, у Дарьи и родилась идея захватить одного «нелюдя» с целью допроса.

— Авантюристка ты, Дашка, — покачал головой Аристарх.

— Вся в тебя, — расцвела девушка.

Железовский задумался.

Они находились в зале визинга, венчающем башню наблюдения на краю полигона, где когда-то располагался эйнсоф. Теперь этот загадочный объект, называемый учеными «бесконечномерной ямой в вакууме», находился непосредственно в атмосфере Солнца и наблюдался с поверхности Меркурия исполинским черным зрачком.

— Не могу понять, что им здесь надо, — наконец проговорил Железовский. — Зачем они развили такую бурную деятельность, уничтожили хутор этого твоего приятеля, гонялись за тобой? Что-то здесь странное происходит, надо выяснить. Идеи есть, как и где нам захватить отеллоида?

— Предлагаю ловлю на живца, — оживилась Дарья.

— Это как?

— Я выйду в метро на той стороне, где у них есть пост, сяду в галеон, внаглую, и пусть они погонятся за мной. Я прилечу сюда, а ты...

— М-да, — сказал Железовский, разглядывая раскрасневшееся лицо спутницы. — Узнаю гены Клима. В таких случаях говорят: вам помочь или не мешать?

Дарья виновато шмыгнула носом.

— Но это же самый оптимальный вариант.

— Насчет оптимального возражаю, а так попробовать можно. Только тебе придется все время их опережать, иначе операция провалится.

— Я справлюсь!

— Хорошо, давай прикинем варианты отходов и последствий, перекусим, а то я голодный как волк, и начнем.

Через двадцать минут Дарья, загримированная камуфляжной системой уника под черного человека, активировала трансфер и исчезла. Железовский стал ждать, считая секунды и минуты.

Изредка в поле зрения попадали пролетающие над раскаленными плоскогорьями и равнинами Меркурия летательные аппараты, создающие впечатление мирной жизни ближайшей к Солнцу планеты. Однако пилотами этих машин были отеллоиды, а не люди. Человек давно перестал интересоваться дневным светилом и его планетной свитой. На Меркурии доживали свой век только заводы-автоматы и редкие станции, управляемые инками.

Тонкий мостик парасвязи, соединявший мыслесферы Железовского и Дарьи, пропустил зеленую световую «эфмерииду». Девушка давала знать, что все идет нормально. Аристарх послал в ответ мысленный импульс поддержки. Он переживал за дочь друга, но был уверен, что все у нее получится.

Над горной цепью на фоне алого купола солнца с червоточиной эйнсофа сверкнула звездочка — появился какой-то аппарат.

— Все в порядке, — заговорила рация Железовского. — Я их заинтересовала.

Сверкнула еще одна звездочка: вслед за первым аппаратом (это был неф) мчался второй, покрупнее — когг, скорее всего.

Аристарх забеспокоился. Когг набирал скорость сумасшедшими темпами, неф же был «рабочей лошадкой», а не гоночной машиной с солидным запасом хода. Однако Дарья врубил форсаж и сумела оторваться от преследователей на пару километров, что позволило ей первой воткнуть аппарат в стыковочный узел станции. Дальнейшие события разворачивались уже по сценарию людей.

Отеллоидов оказалось пятеро. Но это не имело никакого

значения для тех, кто превосходил псевдолюдей. Когда они тесной группой бросились в погоню за подозрительным субъектом и свернули в коридорчик, ведущий к бытовым отсекам станции, их встретила блистающая металлом фигура. Сверкнули неяркие трассы разрядов — Железовский стрелял с двух рук — из «хардсана» и «глюка» одновременно, и четырех отеллоидов разбрызгало по стенам коридора. Пятого «взяла на прием» Дарья. Выбила оружие — метатель молний — и впечатала в стену, так что отеллоид завибрировал и поплыл как кусок черного желе. Затем Железовский в мгновение ока обмотал тело черного человека скотчем, вместе с прижатыми к бокам руками, и операция захвата «языка» закончилась.

— В кают-компанию, — сказал Аристарх, подхватывая задержавшегося пленника на плечо, слегка повернул голову, приблизил губы к уху отеллоида: — Не шебуршись, башку оторву!

Пленник обвис тряпичной куклой, затем снова начал осваивать руку, причем успешно.

Выглядело это как процесс формовки пластилина.

Его руки расплылись, втянулись в тело, затем начали расти из плеч, минуя ленту скотча. Но Дарья уже открыла дверь в кают-компанию станции, и Железовский швырнул отеллоида к стене так, что тот сполз с нее на пол черным студнем. Уперся вновь выращенными руками в пол, встал на ноги, глядя на людей ничего не выражавшими белыми глазами. По его телу пробежала сыпь оранжевых искорок, запахло озоном.

Однако прыгать на людей он не стал. На него красноречиво смотрел ствол «глюка» в руке Железовского.

— Ответишь на вопросы — отпустим, — сказал Аристарх равнодушно. — Кивни, что понял. Я знаю, что вы знаете наш язык.

Отеллоид оценивающе глянул на него, на Дарью, но не сделал ни одного жеста.

Железовский выстрелил.

Разряд «глюка» испарил кисть руки псевдочеловека, заставив его испытать если и не боль, то, возможно, шок.

— Так быстрее доходит?

Отеллоид помедлил, поймал взглядом движение пальца Аристарха на курке излучателя, выдавил гортанное:

— Да... есть говорить...

Культия руки на глазах людей начала плыть, расти, восстанавливаться, пока не превратилась в черную кисть с шевелящимися пальцами. Едва ли отеллоид испытывал боль, теряя руку или другой орган тела, поэтому с ходу трудно было понять, что заставило его отвечать на вопросы. Вероятно, в его программу был вмонтирован инстинкт самосохранения.

— Кто вы? Откуда? Что делаете здесь, на Меркурии, и на Земле?

Молчание.

Железовский снова выстрелил, на сей раз начисто отстрелив черному псевдочеловеку стопу левой ноги.

Отеллоид упал на колени, покрывшись «шубой» оранжевых и красных искр, схватился рукой за искалеченную ногу. Из обрубка не вылилось ни капли крови, ни другой жидкости, вообще ничего, только хвостик искр.

— Кто вы? — терпеливо повторил вопрос Железовский.

— Йихаллах...

— Это имя собственное, название организации, наименование расы, определение функциональных обязанностей?

— Наименова...

— Я полагаю, что вы искусственные существа, биороботы или что-то в этом роде.

— Искусственность...

— Кто ваши хозяева?

— Нет иметь данность... нет термин...

— Кто же тогда отдает вам приказы? Кто управляет вашей деятельностью в Солнечной системе?

— Команда поступать извне... нет иметь данность...

— Где располагается центр управления?

— Нет термин...

— Я подскажу. На Меркурии? Это планета, на которой мы сейчас находимся.

— Нет.

— На Земле?

— Что есть Земле?

Аристарх посмотрел на Дарью.

— Кажется, эти парни намного проще наших функционально ориентированных кибов. Земля — третья планета данной звездной системы.

— Нет.

— Тогда на какой планете?

— Далеко... космос... связь йихаллах... нет да ждать...

— То есть — «суперструнная» связь, мгновенная, я правильно понял? Тогда, может быть, ты знаешь координаты звезды, вокруг которой вращается планета твоих хозяев?

— Много звезд... — Отеллоид помолчал и добавил: — Очен много-много...

Железовский в задумчивости почесал макушку, пробурчал, отвечая на взгляд спутницы:

— Шаровое звездное скопление? Центр галактики?

— Спроси его, далеко ли отсюда находится их главная база. Можно будет вычислить по расстоянию.

— Вряд ли он знает... но спросить можно. — Аристарх повернулся к отеллоиду: — Как далеко от нашего солнца находится ваш основной центр управления?

— Йихаллах...

— Это сколько в световых годах?

— Нет знать... термин неудачность... ответ плохо... — На мгновение тело отеллоида потеряло четкие очертания, но тут же отвердело. — Интерес нет... включение программа безличность...

— Какая программа? — не поняла Дарья.

— Возвращение ноль... совсем ничего... безличность...

— Он хочет включить программу самоликвидации! — догадался Железовский. — Либо ее включил тот, кто следит за своими подчиненными. От рядовых киберов мы ничего путного не добьемся, они винтики коллективной системы. Надо выходить на их базовый компьютер.

— Что вы делаете на Меркурии?

— Обслужива... технически... контроль...

— Обслуживание чего?

— Что есть... люди давно нет... не хватать...

Железовский озабоченно глянул на Дарью.

— Кроме заводов МК, на Меркурии вряд ли работает что-либо еще, созданное людьми. Зачем им энергоконсервы?

— Может быть, они тоже запускают МК в эйнсоф?

— Логично. — Взгляд на слабешего на глазах отеллоида. — Что делают твои коллеги на Солнце? Запускают в дыру эйнсофа продукцию завода?

— Провал... звезда... геном возбудить... не хватать мас-са... — Речь пленника стала совсем невнятной. — Не хват... немедле... будет родильно... не понима... нужность детонат... детонатор... да очен...

— Какой детонатор?

— Йихаллах... детонат... тор... мешать нет...

Тело отеллоида стала корчить какая-то сила, оно размякло, потекло ручьями, сверкающими множеством оранжевых искорок.

— Беги, он сейчас рванет!

Они перешли на сверхскорость, выбежали из кают-компании.

И тотчас же раздался взрыв! Тело отеллоида превратилось в клубок ярчайшего огня, прынувшего во все стороны миллионами световых стрел. Переборка, отделяющая кают-компанию от остальных помещений станции, испарилась. Людей отбросило в глубь коридора на десяток метров. К счастью, они успели включить защиту костюмов и не пострадали.

— Больной пошел на поправку, — проговорил Железовский мрачно, поднимаясь и протягивая руку Дарье. — Но не дошел.

— Обидно, — сказала девушка. — Я только вошла в контакт с его мыслесферой... если так можно назвать слабенькую управляющую систему. Может быть, захватим еще одного «языка»?

— Они не владеют запасами информации, как наши инки. «Язык» будет бесполезен.

— Тогда надо захватить один из их кораблей и выйти на базу. А там взломать защиту главного компьютера и выяснить все, что нас интересует.

Железовский окинул девушку скептическим взглядом.

— Двоих нас для такой авантюры маловато. — Он подумал. — Хотя идея неплохая. Дай подумать.

— Интересно, почему отеллоид все-таки ответил на наши вопросы? Ведь он мог не отвечать, а сразу включить самоликвид.

— Наверное, он получил команду из центра, другого объяснения я не вижу. Там забеспокоились, не получая ответа от всей группы, подождали немного и включили дис-

танционное самоуничтожение. Судя по всему, этих жидких ребятишек можно печь как блины.

— А почему он упомянул геном? Какой геном? Геном чего?

— Хороший вопрос. Маттер бы ответил тебе, что отеллоид имел в виду геном черной дыры — эйнсоф. Я не разделяю его уверенности, но и доказательств противного не имею. Полетели-ка на хутор к твоему приятелю.

— Хутор же уничтожен!

— Думаю, кто-нибудь, да уцелел из его жителей, прячется теперь в лесах. Найдем аборигена и узнаем, что случилось и где сейчас сын князя.

Дарья без возражений последовала за спутником.

По привычке направились к отсеку метро станции, но наткнулись на поджидавшего их «живого» отеллоида, разбрызгали его по стенам одновременным залпом и вспомнили, что метро Солнечной системы заблокировано. Попастъ в Сеть можно было только с помощью трансфера.

— Не нравится мне все это... — проворчал Железовский, разворачивая транслятор.

— Мне тоже, — призналась Дарья. — Их здесь как тараканов...

— Я про обмолвку отеллоида. Удивительное единодушие обнаруживается у наших доморощенных горе-экспериментаторов и у черных нелюдей: и те и другие балуются с эйнсофом, запуская в него МК. А каждый мини-коллапсар, между прочим, не просто мощный энергоаккумулятор, это, по сути, зародыш черной дыры, в который встроен активный выход. Герхард прав, кто-то пытается устроить в Системе анти-Армагеддон. Кто знает, чем закончится стрельба?

— Но если эйнсоф до сих пор не взорвался...

— Он и не взорвется.

— Я имею в виду, что сейчас идет пятьдесят шестой век, прошло три с лишним тысячи лет, а ничего не произошло...

— Вот! — поднял палец Железовский. — Молодец, заметила. В наше время тоже кто-то хочет раскатать эйнсоф, но что, если это — для отвода глаз? Чтобы мы, кто понимает, что происходит, тратили силы и время на борьбу с несуществующим врагом? А все г л а в н о е происходит здесь и сейчас?

Глаза Дарьи раскрылись шире.

— Неужели такое... возможно?!

— Иначе трудно объяснить кипучую деятельность отеллоидов в данное время. Боюсь, Герхард прав и в том, что они эмиссары некой структуры, запускающей процессы генезиса черных дыр посредством гибели технически развитых цивилизаций.

— Но кому это выгодно?! Неужели Вершителям?

— Самим черным дырам, — усмехнулся математик. — Прилетим обратно, я дам тебе почитать материал, подготовленный Маттером для доклада в Совете. Он вполне логично объясняет, что черные дыры могут обладать интеллектом и даже психикой.

— Я слышала это от отца... давно. Просто не обращала особого внимания. Почитаю, конечно. Хотя трудно представить черную дыру в роли разумного существа.

— Это разум иного уровня, его логика вряд ли нам доступна в принципе. Однако время не ждет, поехали.

Возникшие прозрачно-световые «тоннели» унесли обоих из-под купола меркурианской станции в зал метро Брянска. Через минуту они пожалели, что выбрали Брянск точкой финиша.

На сей раз отеллоиды подготовились к приему «гостей» получше и засаду устроили похитрей. Во всяком случае, под огонь аннигиляторов и «глюков» они не бросались. К тому же в нападении участвовало не менее двух десятков черных нелюдей, что осложнило положение пришельцев из двадцать четвертого века. Им пришлось принимать бой в невыгодных условиях и отступать к выпустившей их кабине метро, увертываясь от сверкающих молний. За мгновение до взрыва — отеллоиды дали дружный залп по кабине — земляне «катапультировались» через трансферы в Сеть орилоунского метро.

Вышли они уже в метро другого российского города — Смоленска.

Здесь их никто не ждал. Осмотрев зал, путешественники вышли на площадь перед терминалом метро, окруженную жилыми комплексами, многие из которых уже начинали разрушаться.

— Как ты? — заботливо спросил Железовский.

— Нормально, — ответила Дарья, криво улыбнулась. —

Хорошо, что засаду устраивал не наш спецназ. В меня попали всего дважды, но уник не пробил.

Аристарх промолчал. В него попали раз пять, так как ему пришлось прикрывать собой спутницу, однако все обошлось. Защита костюмов выдержала.

— Есть хочешь?

— Только пить.

Они достали НЗ, вскрыли упаковку витмобилизатора, бросили в рот по таблетке, запили смородиновым соком.

— Как настроение?

— Уже лучше.

— Тогда полетели искать твоего приятеля. В брянское метро соваться больше не будем, придется искать другой транспорт.

На стоянке индивидуальных летательных аппаратов нашелся годный к полету куттер, кабина которого сохранила запах духов. Видимо, принадлежал он молодой женщине.

Взлетели.

Железовский просканировал окрестности города лучом гиперзрения, обнаружил несколько машин, неторопливо пересекающих воздушное пространство в разных направлениях. А так как они не отреагировали на появление куттера, их можно было не опасаться. Это были машины местных жителей.

Железовский вспомнил о толчее воздушного транспорта в их время, качнул головой. Отсутствие активного движения над городами во времена потомков наглядно подтверждало тезис о вымирании человечества. Услышать это от Клима Мальгина, побывавшего в еще более отдаленном будущем, — одно, а убедиться в справедливости его слов — другое. Как интрасенс, то есть человек с возможностями мага, и как ярый индивидуалист, Аристарх не любил человечество в целом, представлявшее, по сути, толпу потребителей благ и удовольствий, но как сын этого самого человечества он жалел, что оно зашло в тупик. И не верил, что существует шанс на выход из этого тупика.

Он покосился на Дарью.

Девушка верила. В силу молодости и жизнелюбия, врожденного оптимизма и доброго начала. Время ее разочарований еще не наступило. Хотя кто знает? Вдруг этот шанс все же найдется?..

Куттер пролетел над болотом, затем над странными на вид холмами, будившими в памяти образы старинных космических кораблей.

Еще одно болото, гигантский лес, деревья которого достигали чуть ли не двухсотметровой высоты.

Вот и разгромленный хутор.

— Садимся?

— Подожди. — Дарья дотронулась пальцами до локтя Аристарха, зажмурилась, помотала головой туда-сюда. — Там, в лесу, кто-то прячется.

Железовский глянул в указанном направлении, глаза его буквально засветились.

— Ты права, за деревьями имеется человек.

— Захватим его? — азартно предложила девушка.

— Зачем? Если он хуторянин, сам выйдет.

Железовский посадил куттер за околицей хутора, неторопливо выбрался на землю, помахал рукой — живое воплощение былинного богатыря.

— Эй, приятель, выходи, поговорим. Не бойся, мы не сделаем ничего худого.

Человек, затаившийся в зарослях серебристого лоха, опасно выглянул из-за куста, затем бросился к прилетевшим:

— Дарья?! Князь?!

— Это не князь, — улыбнулась девушка. — Прапрадед Дара.

— Он? — оглянулся на девушку Аристарх.

— Нет, это Борята, друг Дара.

Борята выбрался на дорожку, покрасневшийся, удивленный и довольный, оглядел Железовского:

— У-у-у! Издали показалось, что ты князь!

— Аристарх Железовский, — представила математика Дарья. — А где сам Дар? Что тут у вас произошло?

Борята потемнел, кулаки его сжались.

— Дар улетел... сказал, тебя искать... а потом налетели черные бродяги! На огромных кораблях! Начали стрелять... Мы едва успели спрятаться в лесу, многих побил. Дружина попыталась отразить атаку, да куда там! — Молодой человек горестно махнул рукой. — У черных были жуткие излучатели, метатели молний... В общем, пришлось уходить. Теперь все, кто уцелел, живут на соседнем хуторе, в Дятьковичах. А я вот Дара дожидаясь.

— Весело вы тут живете, — пробурчал Железовский.

Борята шмыгнул носом.

— Мы же не виноваты, что черные нелюди нападают на нас. Мы им ничего плохого не сделали.

— А мои вещи, которые остались у князя... где они? — спросила Дарья.

Приятель чистодоя оживился.

— Картины у меня, я их в самый последний момент унес, обе свернутые были. Наверное, Дар свернул. Другие вещи тоже, в сумке лежат. Я только ножа не нашел. Наверное, Дар с собой взял.

— Летим за ними.

Борята спрятал руки за спину, отступил.

— Не-е, я подожду. Да и нехорошо забирать вещи в отсутствие хозяина.

— Он не хозяин... — начала Дарья.

Железовский остановил ее взглядом.

— Пойдем с нами, здесь оставаться небезопасно. Если Дар появится на хуторе, мы это почуем.

Борята с недоверием посмотрел на человека-гору, проникся его уверенностью, перевел взгляд на Дарью. Та кивнула:

— Не сомневайся.

— Тогда я не возражаю.

Все трое уселись в кабине куттера, и вскоре печальная картина разрушенного хутора ушла за корму, за лесную стену, исчезла.

ГЛАВА 8

Дар не считал себя авантюристом, предпочитая рассчитывать и анализировать свои действия, но в глубине души жила и вечно дергала за руку струнка познавательного интереса. Поэтому он часто отступал от своих планов, подчиняясь живому интересу, и делал ошибки. Пока что не фатальные, однако зачастую требующие напряжения физических и психических сил. В конце концов он добивался равновесия и верил, что всегда сможет справиться с обстоятельствами, теша себя иллюзией *выделенности* из общечеловеческого поля возможностей. Наставник не раз предупреждал молодого чистодоя об опасности резких отступлений от устоявшейся линии поведения и даже приводил примеры, главны-

ми действующими лицами которых были интрасенсы. Дар соглашался, обещал прежде думать, прогнозировать результат, а потом делать. Но в силу молодости, малого опыта и врожденного оптимизма продолжал накапливать опыт ошибок.

Стартовав из дома Дарьи после прощания с ее мамой в сеть орилоунского метро, он вдруг попросил оператора трансфера отправить его не в свое время, а в еще более далекое будущее, и вышел из «струны» метро на Земле сто первого века от Ветхой Эры, то есть спустя пять с лишним тысяч лет после своего рождения.

На первый взгляд здесь ничего не изменилось.

Вышел он из терминала метро Брянска, продолжающего работать, и с жадным любопытством окинул взглядом окружающий пирамиду метро ландшафт.

Зданий поубавилось, это стало заметно почти сразу. Многие разрушились, превратившись в холмы, многие напоминали решетчатые этажерки, готовые рухнуть в любой момент. На площади кое-где виднелись остовы каких-то машин, а сама она поросла странной пушистой травой сиреневого цвета.

Небо над городом стало густо-синим, чистым и глубоким, без обычных облаков, а солнце, висящее над горизонтом, светило все так же слабо, а грело еще слабее. Черного зрачка эйнсофа на нем видно не было. То ли он растворился в плазме верхнего слоя солнца, то ли переместился на противоположную сторону.

Температура воздуха держалась на уровне плюс шести градусов по Цельсию, цвет деревьев был зеленым, с коричневым и синим отливом, и нельзя было определить, какое сейчас время года: весна, лето или осень. Но дышалось легко, кислорода в атмосфере хватало.

Дар прошелся по площади, путаясь в густой траве, прислушался к пространству, пытаясь услышать звуки человеческой деятельности или хотя бы слабые следы мысли.

Кто-то посмотрел на него, причем с разных сторон, сверху и из леса за городом. Он поднял голову.

Из-за дальних уступов жилых зданий вытягивалась черная сетчато-прозрачная туча. Стая птиц. Вран! Это она «посмотрела» на человека, оценивая его поведение с подозрением и недоверием.

А вот из леса смотрели иначе, не очень дружелюбно, но и без угрозы, с любопытством и толикой страха. Это могли быть либо одичавшие домашние животные, либо лягуны, предоставленные сами себе и за пять тысяч лет вполне способные обрести разум.

— Эй, есть кто-нибудь? — позвал чистодей громко.

Эхо донесло обрывки слов, смолкло. Никто не откликнулся. Неизвестные наблюдатели не рискнули познакомиться с пришельцем, не зная, что от него ожидать. Гигантский вран — в стае было не меньше пяти тысяч ворон — проташился мимо, равнодушный к человеку и его желаниям. Возможно, вран тоже был разумен в какой-то мере, сформированный в своеобразную динамическую интеллект-систему. Но устремления и цели его существования были далеки от человеческих.

Если бы у метро нашелся хотя бы один плохонький действующий летак, Дар не преминул бы воспользоваться им для осмотра местности. А так как летающая техника, очевидно, давно пришла в негодность, от этой затеи пришлось отказаться. Захотелось поговорить с кем-нибудь, хотя бы с автоматом обслуживания уцелевших построек или с оператором метро. Все-таки интересно было выяснить, что стало с людьми, выжил ли кто-нибудь, куда подевались хутора и общины интрасенсов, остались ли они на Земле или улетели в космос искать новое спокойное пристанище. Однако Дар вовремя вспомнил о Дарье, улетевшей в его время, и заторопился. Желание «погулять» по будущим временам осталось неутоленным, однако с реализацией идеи можно было подождать.

Трансфер послушно исполнил команду молодого человека и перенес его обратно в Брянск пятьдесят шестого века. Оператор системы уже свыкся с ролью гида, признал чистодей хозяином и не бубнил стандартное: «Иригути кэнкон, переход фиксирован...»

Дар вышел из кабины метро второго городского терминала... и на голову ему упала многотонная железная гора!..

В принципе он был готов к нападению и любому изменению обстановки, ответы на которые были заложены в его психике генами предков-интрасенсов. Но еще ни разу в жизни Дару не приходилось сталкиваться с жестким прямым п с и - н а п а д е н и е м с использованием суггесторов, психо-

тронных генераторов. Противник, имя которого он узнал позже, применил мощный гипноизлучатель «василиск», по-славший молодого чистодоя в нокаут. Во времена оны были разработаны и специальные защитные устройства, блокирующие или отражающие импульс, но этих устройств у Дара, естественно, не было. Не знал он и характеристик излучения, чтобы впоследствии определить способы борьбы с ним. Поэтому удар пси-поля разом погасил сознание и разбалансировал подсознание, играющее роль сторожа организма.

В конце концов оно смогло нейтрализовать последствия нападения, очистило нервную и парасимпатическую системы от шлаков и включило сознание. Однако для этого потребовалось время, вследствие чего очнулся Дар уже в другом месте и не сразу понял, что произошло и где он находится.

Пещера.

Таким было первое впечатление.

Плохо освещенная «вздрагивающим и плавающим» синеватым светом пещера. Стены пещеры сложены из фиолетово-черных наплывов и бугров. С потолка свисают редкие черные сосульки, напоминающие сталактиты и коровьи соски одновременно. Пол тоже неровный, в буграх и рытвинах. Два бугра посредине похожи на бараньи лбы. Впечатление такое, что они живые и разглядывают человека.

Никаких дверей и люков. Каверна в недрах горы на Меркурии — если судить по слабой силе тяжести. Только материал этой горы не камень. И не металл.

Вспомнились тела отеллоидов, также состоящие из черного вещества наподобие «квазиметаллического» желе. Может быть, это и есть резиденция черных людей? Их база? Или вообще космический корабль?..

Дар попробовал шевельнуться и не смог. Он по грудь был погружен в черный выступ стены, свободными оказались только голова и плечи. Дернулся посильнее — никакого результата! Черная субстанция — ни холодная, ни горячая — держала тело крепко. Вот дьявольщина! Как он здесь оказался?!

Сквозь шум в голове протиснулся тоненький голосок озарения: пси-атака...

Сторож организма восстанавливал связи подсознания и сознания.

Понятно, на него было совершено нападение с помощью психотронного оружия. И сделать это могли только отеллоиды. Неужели они ждали его специально, в засаде? Или просто перекрыли все работающие станции метро? Тогда возникает вопрос: зачем? Кого они ловят на самом деле? О выходе сына князя в сеть метро черные люди знать не должны...

Дар напрягся, пытаясь вытащить руки из плотной субстанции.

Нет, не получается. Что же делать? Костюм захватчики с него не сняли, может быть, и личные вещи оставили? Тогда есть шанс вырваться из плена. Добраться бы только до трансфера...

В странном мигающем, синевато-сиреновом свете — световые всполохи бегали по стенам как живые — ориентироваться было трудно, но все же пленник заметил, как один из черных «сталактитов» вдруг засветился, сократился, как коровий сосок, и уронил на пол большую черную каплю. Эта капля ожила, начала обретать форму и превратилась... в черного человека, отеллоида!

— Здравсьте, я ваша тетя! — пробормотал Дар.

Отеллоид подошел ближе, плывя и качаясь, формируясь прямо на глазах. Окончательно превратился в «негра» с огромными белыми, без зрачков, глазами. Губы его шевельнулись:

— Задавать вопрос есть мы...

— Валяй, — кивнул Дар, чувствуя взгляд «бараньих лбов» в центре пещеры. Сосредоточился на вхождении в «параллельное» — клеточное сознание, закрывая свою мыслесферу. Аппаратура пещеры могла подслушивать его мысли и сравнивать с тем, что он станет говорить.

— Ты быть болото...

— Прежде чем вести допрос, представься. Кто ты, какое имеешь право задерживать и допрашивать людей без их согласия, что вы делаете на Земле.

— Мы йихаллах. Есть приказ. Мы делать. Ты быть болото...

— Я бывал на многих болотах. Откуда вы взялись? Почему преследуете и убиваете нас? Что ищете?

— Ты быть болото, — в третий раз проговорил черный недочеловек лишенным интонаций голосом. — Найти нужное... отдать...

— Да что вам нужно конкретно, черт побери?!

— Термин неизвестность... свернутый... много энергии... выход энергии вакуум... прямо сразу... много...

— Таких вещей у меня никогда не было!

— Ты взять болото... мы видеть... фиксировать... искать твой жилище... не найти — плохо быть... отдать...

Дар побледнел.

— Вы были на хуторе?! Искали артефакты?! — Он рванулся изо всех сил, до боли в костях. — Что вы сделали с хуторянами?! Убили?!

Отеллоид остался абсолютно равнодушным.

— Все уходить... уцелеть много... нет найти... где то свернутое? Мы искать... отдать иначе быть плохо...

Дар скрипнул зубами, страдая от бессилия.

— Я не знаю! Меня не было, когда вы напали. Все находки были дома.

— Их нет... думать где есть... давать ты время думать — одна ваша единица измерения...

Дар криво улыбнулся:

— Это сколько? Минута, час, сутки?

— Час... потом допрос плохо... быть не жить...

Отеллоид повернулся, точнее — вывернулся сам в себе спиной к пленнику, зашагал прочь, влился в стену пещеры, пропал.

— Чтоб ты сдох! — в сердцах произнес Дар, понимая, что искусственное создание вряд ли может «сдохнуть» как человек или животное. Попытался взять себя в руки, постепенно успокоился.

Итак, что делать, чистодей? У тебя всего один час, и за это время надо что-то придумать. Начнем-ка мы с ориентации...

Он сосредоточился на резерве пси-энергии. Заработало гиперзрение, проснулся пространственный «локатор». Поле зрения скачком расширилось, обнимая пещеру и то, чтобы пряталось за ее стенами.

Корабль!

Он находился в недрах исполинского космического корабля, висевшего в космосе недалеко от сверхмассивного горячего объекта. Не сразу пришло понимание, что объект этот — Солнце. Ощущалось оно не колоссальным шаром, а пышущим жаром тоннелем, начинавшимся над головой.

Как же он здесь оказался?! Неужели беспамятство было

столь глубоким и долгим, что доставка не оставила в памяти никаких следов? Или отеллоиды тоже используют метро в своих целях?

Хорошо, допустим. Это корабль. Без единого живого существа на борту — если судить по отсутствию в спектре излучений биочастот, определяющих жизнедеятельность людей. Освободиться силовым путем невозможно. Склонить инк корабля к бунту также вряд ли удастся. Позвать на помощь родичей? Отца? Вдруг да услышит кто?..

Дар глубоко вздохнул, расслабился, переходя на уровень полевого оперирования. Шум в ушах пропал. Голову объяла глубокая космическая тишина. Тело перестало ощущаться вовсе. Дар превратился в эфемерный мысленный поток, устремившийся в обратную от Солнца сторону, к Земле.

Ответная реакция пространства была странной. Его явно слышали, удивились, заинтересовались, но при этом не ответили на зов, а как бы задумались и отдалились. Дар так и не понял, человек это был или некая коллективная разумная система, подобная мравлю или врану. Не дождавшись ответа, он вышел из общего энергоинформационного поля, обрел телесную форму и массу. Тело казалось тесным и мешающим свободно перемещаться в любых направлениях. К тому же оно само было заковано в панцирь черного квази-металла, цепко держащий свою жертву.

Голова закружилась. Энергии он потратил много, а подпитаться было нечем. Так и с голоду помереть недолго. Неужели тюремщики не догадаются покормить или хотя бы дать воды?

— Эй! — позвал Дар. — Ты меня слышишь, оператор? Я хочу есть и пить.

— Вряд ли она исполнит твою просьбу, — раздался из воздуха чей-то хриловатый тихий голос. — Твои желания и даже жизнь для нее ничего не значат.

— Для кого — для нее? — Дар завертел головой, пытаясь определить источник голоса, и увидел-ощутил стоящую в центре пещеры почти невидимую фигуру, оконтуренную световыми искорками. — Кто вы?

Фигура уплотнилась, превращаясь в человека средних лет, одетого в необычного кроя коричневый плащ с погонами и множеством металлических блях. На голове незнакомца красовался головной убор с козырьком и красной звездой

на околыше. На ногах — сапоги. Лицо у него было иссечено морщинами, губы сжаты в полоску, тяжелый подбородок подчеркивал волевые качества, а синие глаза смотрели с любопытством и странной печалью. И таилась в них такая глубина знания, что у Дара перехватило дыхание.

— Мое имя тебе ничего не скажет, юноша, — проговорил гость, сделав несколько шагов и разглядывая зал с пленником. — Можешь называть меня Паломником, если хочешь. Обычно я не откликаюсь на просьбы о помощи. Как говорится: если вы поможете другу в беде, он непременно вспомнит о вас, когда снова окажется в беде. Но мне стало вдруг любопытно: ты ведь не из простых людей?

— Я сын князя...

— Речь не об этом. В тебе заложена некая программа, имеющая позитивный смысл, а также способы ее реализации. И тем не менее ты находишься в незавидном положении и просишь помощи.

— Я... я не могу... освободиться... — Дар покраснел. — О какой программе вы говорите?

Паломник с прежним любопытством во взоре оглядел чистодоя, покачал головой:

— Интрасенсы и есть программа, улучшающая породу людей. А ты достаточно сильный маг, способный самостоятельно запускать механизмы резервных возможностей. Странно, что ты этим не пользуешься. Твои сородичи, с которыми я встречался, владели даже столь вредными способностями, как запуск генетических программ уничтожения любых биосистем, попадающих в сферу досягаемости. Возможно, ты тоже владеешь этими механизмами.

— Я не знаю...

— Очевидно, — согласился Паломник. — Тебя учили другому, — как стать мастером жизни, и это правильно. Что ж, приятно было познакомиться. Прощай.

— Подождите! — испугался Дар, увидел веселые искры в глазах собеседника, с трудом приобрел видимость спокойствия. — Вы сказали, что встречались с моими сородичами... с кем именно?

— Я имел в виду не твоих ближайших родственников, а людей вообще.

— Разве вы... не человек?

— Скажем, в данный момент я — гуманоид. Но не чело-

век в общепринятом смысле этого слова. Для встречи с тобой я просто принял облик одного из людей, с которыми я беседовал.

— Можно задать вам несколько вопросов?

— Вообще-то время моего пребывания в этом инварианте истекло, но для тебя я готов сделать исключение.

— Вы говорили — она... то есть что она меня не слушает...

— Разве ты сам не понял? Ты находишься внутри особой программы реализации чужого замысла. Эту программу можно назвать Триэс-маткой или системой сингулярного свертывания, а также исполнителем воли йихаллах. Естественно, она подчиняется тому файлу, который в нее вложен, а твоя жизнь и чувства никоим образом не влияют на ее работу. Это жесткая система, не способная искать компромиссы.

— И что ей надо... от меня?

— А вот этого я не знаю. Знаю только, что ты ей нужен, иначе на тебя не обратили бы внимания ее функционально ориентированные рабочие органы.

— Отеллоиды...

Паломник хмыкнул:

— Верно. Вы дали весьма меткое название для искусственников.

— Они хотят забрать артефакты.

— Какие артефакты?

— Я нашел их на болоте, точнее — в глубине... — Дар собрался было рассказать собеседнику историю знакомства с черными людьми, но тот прервал его жестом.

— Достаточно, я тебя услышал. Любопытно. — Паломник одарил чистодея непонятным — не то осуждающим, не то озабоченным — взглядом. — Я думал, что хроносрезы в этом инварианте существовать не могут, квантовые флуктуации вакуума должны их раскачивать, нейтрализовать. Впрочем, их ведь могли доставить сюда и из других инвариантов. А вот с человеком по имени Клим Мальгин я встречался. Очень далеко отсюда. Буквально перед Большим Разрывом.

— Вы не знаете, где он может быть? Дочь ищет его...

— Зачем его искать? Захочет — вернется.

— Дело в том, что у них какие-то проблемы...

— Эти проблемы вечны: радость — горе... жизнь —

смерть. Не стоит забивать ими голову. А вот артефакты твои по-настоящему опасны. Особенно книга и чаша. Вернее, то, что за ними стоит. Обращайся с ними бережно. Возможно, черные недолюди охотятся именно за ними, а не за хрониками.

— Что в них опасного?

— Это своего рода порталы, входы в экзотические инварианты Вселенной. Не пытайся воспользоваться ими в одиночку, породишь катастрофу или погибнешь зазря, несмотря на то что ты прямой потомок Вершителя.

— Кого?! — удивился Дар. — Мне говорили, что я потомок математика-интрасенса Аристарха Железовского.

Паломник улыбнулся:

— Вершителями иногда становятся и более экстравагантные личности. Твой прапрадед еще не знает о своем предназначении. А вот его друг Клим Мальгин знает. Однако мое время окончательно рассинхронизировалось с вашим. Прощай, чистодей. Надеюсь, ты не задержишься в этом неуютном сосуде, если захочешь изменить положение всерьез.

Фигура Паломника потеряла плотность, заколебалась струей нагретого воздуха, исчезла. Дар стиснул зубы, чтобы не крикнуть вслед: помогите освободиться! Путешественник по «инвариантам Вселенной», каким он и был в сущности, и так оказался чересчур терпеливым и внимательным, коль снизошел до беседы с попавшим в беду человеком. Что же он имел в виду, говоря об изменении положения «всерьез»? Уж не то ли, что стоит только пленнику по-настоящему захотеть — он освободится?

Один из черных сосков-сталактитов пещеры начал подрагивать, засветился, собираясь выдавить из себя отеллоида. Время, данное пленнику для принятия решения, кончалось.

Дар приказал себе успокоиться, сосредоточился на теменной чакре, закрыл глаза. Вошел в состояние владения, проходя уровень за уровнем в темпе погони. Добрался до сатори — озарения. Решение пришло как бы само собой, без участия сознания. Внутренний эксперт и конструктор идей, опиравшийся на сконденсированный в подсознании опыт поколений, нашел способ освободиться.

Дар напряг мышцы и начал медленно вытаскивать, микрон за микроном, руки из черного «асфальта» стены. Ударное воздействие на этот массив не давало результата, так как его объем и масса были слишком большими. Но свержпро-

ным этот материал не был, поскольку из него же лепились и тела отеллоидов, с которыми чистодей уже научился бороться.

Усилия не прошли даром. «Квазиметалл» выступал, в котором, как муравей в янтаре, сидел пленник, начал поддаваться, уступать давлению. Сначала Дар вытащил одно плечо, потом второе, локти и кисти рук. Открыл глаза.

С острия сталактита упала на пол пещеры бликующая черная капля, сформировалась в фигуру человека. Следом за ним таким же образом ожил еще один отеллоид. Оба воткнули руки в соседний сталактит, вытащили из него пистолеты — метатели молний. Матка отеллоидов намеревалась устроить пленнику допрос с пристрастием.

Однако Дар не собирался устраивать показательный бой. Он уже нашупал под уником карман с трансфером и мысленно-волевым усилием вызвал оператора. Через мгновение транслятор унес его из «камеры пыток» в сеть орилоунского метро.

ГЛАВА 9

До хутора он добирался кружным путем, не через Брянск, а через Гомль. К счастью, засада в городском терминале метро отсутствовала. Отеллоиды не знали, что он работает, либо не догадались перекрыть остальные работающие станции.

Дар вышел на центральную площадь Гомля, где бывал с друзьями детства не раз, нашел свободный летательный аппарат — четырехместный пинасс и стартовал на восток, в сторону Брянска. Правда, город он на всякий случай облетел стороной, не желая затевать очередную потасовку с отеллоидами. Не потому, что боялся их, а из соображений скорейшего возвращения домой. Сердце вещало, что за время его отсутствия произошло нечто нехорошее, да и отец не отзывался ни на мысленный зов, ни на запросы по рации.

Предчувствия сбылись.

Хутор Жуковец перестал существовать!

От него остались только завалы и кучи бревен, обломки печей и труб, груды деревянной щепы, кучи золы и углей да множество воронок разного калибра.

Закусив губу, Дар облетел территорию хутора, страхась увидеть трупы людей. Однако их не было. То ли жителям се-

ления удалось-таки спастись в лесу, то ли они уже похоронили убитых.

— Святой наставник! — прошептал сраженный увиденным молодой человек, глядя на то, что осталось от их семейного терема. Сердце больно ворохнулось в груди. — Мама!.. Отец!..

В голове распустился призрачный цветок чужой мысли, сопровождаемый знакомым з а п а х о м ощущений:

«Привет, чистодей. Наконец-то ты соизволил появиться на родных болотах».

«Дарья?! — встрепенулся молодой человек. — Где ты?!»

«А ты?»

«Я на хуторе! — Возбуждение схлынуло, вернулось чувство горестной утраты. — Здесь все разрушено... никого не видно...»

«Твои все целы, не беспокойся. Твой друг спас артефакты, хотя отдавать их не спешит, тебя ждет. Сам найдешь нас или за тобой прислать транспорт?»

Душу охватило радостное волнение.

«У меня свой, я вас найду».

«Мы на хуторе Дятковичи».

«Ждите!»

Дар от радости дал свечу, вонзая пинасс в небо, погнал аппарат на юго-запад, выдавливая из его двигателя все, на что тот был способен. Через десять минут ураганного полета он посадил едва не развалившийся пинасс на лобной площади соседнего хутора. И сразу попал в медвежьи объятия Боряты.

— Слава богу! Ты жив-здоров!

— Тебе желаю того же, — с искренней признательностью прижал приятеля к груди Дар. — Спасибо, что успел вынести находки!

— Да что там, обычное дело, — смутился Борята. — Твоя мама у Прохора Бажана остановилась, тебя ждет, волнуется.

— А отец?

— Князь с дружиной отправился на разведку куда-то под Питер, там якобы наши следопыты обнаружили базу черных ублюдков. Зато здесь тебя ждет сюрприз.

На крыльцо ближайшего терема вышли двое: улыбающаяся, уверенная в себе, безумно красивая Дарья и огромный мужчина с твердым, спокойным, суровым лицом. Очень

знакомый мужчина, похожий на отца почти как одна капля воды на другую. Несколько мгновений они смотрели друг на друга: оценивающе — Железовский, с любопытством и смущением — Дар. Затем перед глазами молодого человека родилось видение: человеческое лицо из звезд на фоне космического пространства, напоминающее лицо отца, протянувшаяся рука из тающих звездочек, ощущение бездны, холодного ветра, полета, запах озона и одновременно пыли и застарелой пыли... Дар протянул в ответ свою руку — мысленно, звезды обеих ладоний соприкоснулись, образовали своеобразную галактику.

— Ну, здравствуй, праправнук, — пробасил Аристарх, сходя с крыльца и протягивая громадную сильную руку — настоящую. — Даша рассказывала, но одно дело — услышать, другое — увидеть. Примерно таким я тебя и представлял.

— Здравствуй, — пробормотал Дар.

Руки встретились, напряглись. Несколько мгновений оба сжимали ладони в полную силу. Потом по губам Аристарха пробежала усмешка.

— Узнаю родича.

Дар порозовел, ослабил хват.

Борята хлопнул его по плечу, сказал важно:

— Он мастер жизни, Испытание прошел, отеллоидов победил.

Дарья засмеялась, сбежала вниз.

— Рада тебя видеть, чистодей. Где был?

Дар усилием воли удержал спокойное выражение лица.

— Я был у вас дома, виделся с твоей мамой.

— Шutiшь?!

Он качнул головой, чувствуя ветерок могучей воли Железовского, продолжавшего изучать его мысленно-чувственные движения.

— Это было нетрудно. А потом меня захватили в плен отеллоиды.

Наступила короткая тишина. Встретившие молодого хуторянина молча смотрели на него с недоверием и сомнением во взорах. Только человек-гора смотрел иначе — с осуждением и одобрением одновременно.

— Как же тебе удалось освободиться? — первой задала вопрос девушка.

— Сынок! — раздался невдалеке тихий возглас.

Дар обернулся. К нему бежала мама, замедлила шаги, положив руку на грудь. Он метнулся к ней, обнял, шепнул: «Все в порядке, мам, я вернулся!» Отступил на шаг, глянул на разглядывающих эту сцену гостей.

— Вы уже знакомы?

— Почти сутки, — отозвалась Дарья.

— Тогда я приведу себя в порядок, и поговорим, не возражаете?

— Идем к Прохору, — сказала Веселина, беря сына под руку, — банька давно готова. Искупаешься, поешь.

— Есть мы будем вместе.

— Хорошо, как скажешь.

Дар помахал рукой остающимся, стараясь не ловить взгляды Дарьи, хотя его как магнитом влекло к ней.

Мать и сын удалились.

— Как же ему удалось вырваться? — задумчиво проговорила девушка.

— Отеллоиды для него не противник, — небрежно махнул рукой Борята. — Во время Испытания он наткнулся на целый отряд черных бродяг и одолел всех! Да и потом не раз побеждал их. Вот она свидетель.

Дарья кивнула:

— Подтверждаю. И все равно непонятно.

— Сильный мальчик, — прогудел Железовский с некоторой меланхолией. — Разве что когнитивного опыта не хватает да предвидения.

— Опыт дело наживное, — возразила девушка, — а с предвидением и у тебя, дядя Аристарх, не всегда все ладится.

— Уела, — добродушно усмехнулся Железовский. — Пойдемте куда-нибудь, не люблю торчать у всех на виду.

— К Бажанам и пойдем, — засуетился Борята. — Они люди хорошие, гостеприимные, и терем у них красивый и большой.

«Нам бы побыстрее разобраться со своими проблемами, — передал Дарье свою мысль Железовский, — и так потеряли двое суток».

«Нельзя же сразу требовать объяснений, — рассудительно ответила она. — Невежливо. Мы здесь всего лишь гости».

«Я гляжу, ты не прочь задержаться».

Щеки Дарьи порозовели, но она вздернула подбородок и сказала вслух независимым тоном:

— Кроме хуторских, помочь нам некому. Сам же говорил, что двоим нам не справиться.

Железовский молча направился вслед за оглядывающимся Борятой.

В тереме Бажанов их проводили в горницу, усадили за стол, предложили квас и медовый взвар. Вопросов не задавали, считая, что гости сами расскажут о себе, если захотят.

Вскоре появился Дар, переодетый в холщовые штаны и рубаху с вышивкой. Заговорили об отеллоидах. Дарья сообщила о встрече с черными псевдолодьми на Меркурии. Дар лаконично рассказал о походе в прошлое, во времена гостей, и о засаде, которую устроили в метро Брянска отеллоиды. Закончил беседой с Паломником. О том, как он освободился, распространяться не стал, сказал только, что удалось реализовать резервные возможности и воспользоваться трансфером.

— Откуда у отеллоидов гипноиндукторы? — подняла брови Дарья. — Взломали какой-нибудь спецхран с оружием?

— Очевидно, — буркнул Железовский. — Хотя случайно такие вещи не делаются. Чтобы взломать спецхран с оружием, надо еще знать, какое оружие там хранится. Значит, внучек, ты утверждаешь, что на твой зов откликнулся Паломник?

Дар пожал плечами, считая вопрос излишним.

— Это любопытно, — продолжал человек-гора, будто разговаривал сам с собой. — Клим тоже встречался с Паломником. Такое впечатление, что этот парень прямо-таки жаждет встреч с путешественниками по орилоунской «нервной системе».

— Какой системе? — не понял Дар.

— Он имеет в виду орилоунское метро, — улыбнулась Дарья. — Почему ты считаешь, что Паломник ищет встреч именно с пассажирами орилоунской Сети?

— С ним встречались Клим, Лондон, Маттер и я, и все мы пользовались услугами орилоунского метро. Надо поразмышлять над этим. Как он меня назвал, говоришь?

— Вершителем, — сказал Дар.

Аристарх почесал кончик носа, хмыкнул:

— С кем-то он меня спутал. Если бы я был Вершителем, мы бы не имели проблем, какие имеем.

— Наверное, он имел в виду твой рост, дядя Аристарх, — невинным голосом проговорила Дарья.

— Обидеть норовишь? — усмехнулся Железовский. — Всякий может обидеть слабого. Однако давайте думать, друзья, что делать дальше. Станным образом в проблему, которую мы решаем дома в свое время, оказались втянуты и потомки. Не знаю, к чему это может привести, но уверен, что ничего случайного не бывает. Отеллоиды становятся помехой не только для вас, живущих здесь, но и для нас. Чтобы помешать их планам, которые являются лишь частью чьего-то более серьезного замысла, направленного на попытку рождения черной дыры на месте нашего солнышка и всей Солнечной системы, надо решить две задачи. Первая: взорвать к чертям собачьим завод МК на Меркурии — в наше время. Задача вторая: ликвидировать центр управления отеллоидов в Системе, то есть их интеллект-базу, это уже здесь, в ваше время. Есть возражения? Другие варианты?

— Нет! — воскликнул Борята, поднимая обе руки. — Я — за!

— Я тоже не возражаю, — сказал Дар, глянув на мать, — но все же советую дождаться отца и объяснить ситуацию ему.

— Мы не можем ждать.

— Он улетел с дружиной к Питерским болотам, на Балтику, — тихо проговорила Веселина. — Там видели черных бродяг.

— Под Питером их база, — добавил Борята. — Князь хочет ее уничтожить.

— База отеллоидов на Меркурии, — возразила Дарья. — На Земле им нечего делать. Туда же доставили и тебя. — Она посмотрела на Дара.

— Я позову отца, — сказал чистодей упрямо. — Подождете?

Железовский посмотрел на спутницу.

— Подождем, — быстро сказала Дарья. — Если князь даст дружину, мы возьмем отеллоидов тепленькими, пикнуть не успеют!

Мужчины переглянулись. Мать Дара улыбнулась:

— Решительная девушка.

— Вся в отца, — сказал Аристарх неодобрительно. — Тот всегда был уверен в своих силах. Теперь вот ищи его у черта на куличках.

— А мне можно пойти с вами? — Борята прижал к груди кулак, умоляюще посмотрел на друга, мнение которого уважал больше других.

— Ты не воин, — сказал Дар. — Испытание пройти надо.

Веселина укоризненно посмотрела на него, заговорила с Борятой:

— Князь решит — пойдешь. Дружине тоже иногда целители нужны.

— Я всегда готов, — с надеждой и обидой пробормотал Борята; у него запыхали уши. — Как за отеллоидами гоняться да тебя из болота вытаскивать — я гожусь, а как вместе идти на войну — так я не воин.

— Ну что, гости дорогие, наговорились? — появилась в горнице хозяйка, полная, дородная Степанида. Из-за ее плеча выглянул бородастый улыбчивый Прохор. — Сядем, поспоем?

— Пожалуй, не откажемся, — погладил живот Железовский.

— Проходите в столовую.

Все потянулись к выходу.

Дар остался.

— Отца позову, — пояснил он в ответ на взгляд мамы.

Оставшись один, сел поудобней, сосредоточился на внутренних «меридианах» — кровеносных сосудах, служащих не только для перекачки крови, но и для образования энергетического каркаса тела. Кровь — живое существо, любил говорить наставник, с ней надо жить в мире и согласии, и Дар старался следовать этому совету. Иногда он даже беседовал со своей кровеносной системой как с равным по уму человеком, и этот «вторичный контур» психики всегда отвечал ему — на уровне эмоций — и с готовностью отдавал энергию. Хотя к высокой энергетической отдаче Дар прибегал редко: при этом резко ускорялось старение организма, сжигалась такая удивительная тонкая субстанция, как личное время.

Перестали волновать бытовые заботы и прочие проблемы.

Шумы хутора и голоса гостей в столовой растворились в тишине космоса, объявшего голову молодого интрасенса.

Стали слышны иные шумы — мерные гулы и «волны приборя» человеческих психосиловых эгрегоров. Люди еще населяли Землю, образуя коллективы, и эти немногочисленные коллективы «фонили», излучали мысли и тонкую энергию эмоций. Дар присоединился к общему пси-полю человечества, потерявшему и былую мощь, и былую агрессивность, стал одной из «нервных клеток» системы, связанной с другими «нервными клетками» в единую систему, что окутывала Землю незримой пелериной. Одно время казалось, что его сопровождает по пси-космосу Земли некое теплое эфемерное облачко, но ощущение быстро прошло. Сознание, опираясь на гораздо более широкие возможности подсознания, помчалось по узлам и волокнам системы, ища знакомые «цвето-психические» сочетания, и вскоре соприкоснулось с пульсирующим алым «угольком» родственной души.

«Уголек» развернулся трепещущим веером, отвечая целой гаммой биополей, каждое из которых соответствовало какой-либо человеческой эмоции или переживанию. Обладатель пси-ауры удивился, услышав зов, быстро проанализировал мыслеголос, обрадовался и забеспокоился:

«Дар? Ты? Что стряслось?!»

«Ты нужен здесь, папа, — ответил Дар. — Прилетели гости из двадцать четвертого века. У них есть соображения, как покончить с отеллоидами».

«Мы сами справимся с черными бродягами».

«Я был у них в плену. Это очень большая разумная система, опирающаяся на нечеловеческую логику. С ней надо бороться сообща».

«Как ты себя чувствуешь?»

«Со мной все в порядке. Когда тебя ждать?»

Пауза.

«Через три часа. Мы нашли временную стоянку кораблей черных...»

«Их база находится возле Меркурия, вблизи Солнца».

«Откуда ты знаешь?»

«Я был там, видел».

Еще одна короткая пауза.

«Хорошо, мы вылетаем».

Космос пси-связи стремительно сжался в точку внутри головы чистодоя. Он открыл глаза, хватая ртом воздух, как

человек, вынырнувший из воды. Кто-то смотрел на него, удивленно и даже с восхищением.

Дарья!

— Ну ты и даешь! — проговорила девушка низким голосом. — Я попробовала «пойти» за тобой, но провалилась. Неужели ты «достал» отца?

— Он будет с дружиной через три часа.

Дар поднялся, чувствуя эйфорическую легкость во всем теле.

Девушка пригляделась к нему, покачала головой.

— Похоже, парасвязь требует слишком большого расхода энергии. У вас что, нет раций?

— Есть, но они работают на короткие дистанции, до ста километров. От Брянска же до Питера тысяча. А спутниковой ретрансляционной сети уже давно не существует.

— Понятно. — Она взяла его под локоть. — Я тебя подержу, если не возражаешь.

Он не возражал. Прикосновение девушки было так приятно, что хотелось продлить эти мгновения до бесконечности.

Они прошли в столовую, где на столе уже дымились блюда с едой: тушеный картофель, жареная капуста с луком, плов с фасолью, соленые грибы и горячий хлеб.

— Хлеб сами печете? — поинтересовался Железовский.

— На хуторе своя пекарня, — ответил Прохор Бажан, огладив бородку. — Зерно тоже свое, урожаи хорошие собираем. Грибы собираем, капусту и овощи выращиваем, от города практически не зависим. Так, кое-что берем из городских запасов, а можем и не брать.

Железовский кивнул.

— Город живет на трансгенных продуктах, оттого и люди там измельчали, полностью зависят от технологии. Вам не нужно повторять этот печальный опыт.

— Без технологии им все равно не обойтись, — заявила Дарья.

— А я и не призываю пользоваться ручным трудом, — усмехнулся Железовский. — Однако нынешним поколениям дан шанс жить в естественных условиях, в ладу с природой, отойти от киборгизации и искусственного содержания. Технику грех не использовать, но в разумных пределах, совершенствуя данные Творцом потенции.

— Кто же возражает, — сказал Прохор. — Мы так и живем. Если бы не банды кочевников, с которыми приходится воевать всерьез, жить было бы веселей.

— И часто вас банды тревожат?

— Обычно это хочушники и беривсеи, — вставил слово Борята. — Налетают на вечерние посиделки, девчонок хватают. Каждую неделю, почитай, безобразничают. С ними мы не церемонимся, они редко с оружием являются. А вот кочевники из эскадронов жизни...

— Полные бандиты, — закончил Прохор. — Им человека убить — что муху прихлопнуть. С ними только дружина справляется.

Дарья и Аристарх переглянулись.

— Будущее называется! — презрительно скривила губы девушка.

— Какое было прошлое, таким стало и будущее, — проворчал Железовский. — Человек в массе своей остается существом стада, причем стада жестокого. Чему удивляться?

Где-то за стенами терема послышался колокольный звон.

Все замерли.

Потом вскочили Прохор и Борята, за ними Дар.

— Тревога!

— Что случилось? — поднялся Железовский.

— Сторожа заметили кого-то, сейчас выясним. Посидите пока, авось это просто пара любознатцев летит.

Хозяин, Дар и Борята исчезли за дверью.

— Что еще за любознатцы такие? — спросила Дарья.

— Семьями летают, путешествуют по миру как саранча, иногда их еще цыганами называют, — ответила Степанида, собирая со стола посуду. — Шуму от них много, суеты, крику, воровства, но долго они на хуторе не задерживаются.

— Что-то я не слышал о цыганах в наше время, — сказал Железовский, прислушиваясь к своим ощущениям. — Пойдем-ка, Даша, не любознатцы это летят, сдается мне, по-серьезнее деятели.

— Отеллоиды?

— Скорее всего.

Аристарх и Дарья вышли на крыльцо терема.

По улице к лесу бежали женщины и дети. Хутор пустел на глазах. На площадь рухнул с неба каплевидный куттер, из

него выпрыгнул усатый мужчина в блестящем унике, закричал:

— Коряга летит! Все уходите!

— Что за коряга?! — не поняла девушка.

— Спейсер отеллоидов, — угрюмо сказал Железовский. — Я его вижу, километрах в пятнадцати отсюда. Сейчас будет здесь.

— Не по наши ли души?

— Отеллоиды ищут артефакты, это очевидно, и знают, что с хутора твоего приятеля их унесли.

— Откуда они знают?

— Боюсь, их кто-то наводит. Кто-то из людей.

— Хуторяне?!

— Предатели появляются в любой среде, такова природа человека.

— Что будем делать?

— Ты готова поиграть в войну?

— Всегда! — храбро расправила плечи девушка.

— Делай то же, что и я. Будь готова уйти на «струну» трансфера в любой момент.

Из-за терема на противоположной стороне улицы убежал Дар, увидел гостей, круто повернул к ним.

— Уходите! Точно такой же дредноут разбомбил наш хутор!

— Где артефакты?

— Борята уже унес сумку в лес.

— Уходи один, мы останемся.

— Зачем?!

— Попробуем пообщаться с начальством этого дредноута. Возможно, выясним, кто из твоих соотечественников командует парадом.

— Никто! — уверенно заявил чистодей. — Никто из наших не станет сотрудничать с черными!

— Вот и проясним ситуацию. Уж больно оперативно отеллоиды вычисляют местонахождение твоих болотных находок.

Железовский зашагал к площади. Дарья последовала за ним, оборачиваясь.

Дар несколько мгновений размышлял, затем догнал обоих.

— Я с вами!

— Это опасно! — с излишней назидательностью заметила девушка.

Дар вспыхнул:

— Не опасней, чем нырять в болото. К тому же у меня есть трансфер.

— Не обижай родича, Дашка, — оглянулся Железовский. — Пусть идет. Чем нас больше, тем мощней воздействие. Задача ясна, чистодей? Объединяемся в потоке «триай», ищем императив-центр дредноута и приказываем ему убираться ко всем чертям. Одновременно пытаемся подключиться к его информсистеме и скачать всю доступную информацию.

Дар не понял, что такое «поток триай», но признаваться в этом не стал. Ответил коротко:

— Хорошо.

Над лесом показался «дредноут» отеллоидов — двухкилометровой длины сооружение, похожее на облепленную кораллами и прилипалами плоскую морскую ракушку. Дар еще не встречал космических кораблей, столь далеких от эстетических требований воздушного полета, но для Железовского форма этого летающего монстра не стала неожиданностью.

— Не удивлюсь, если эти ребята являются далекими родственниками или потомками маатан, — сказал он. — Те же размеры, почти та же геометрия, та же эстетика... Приготовились! Начали!

В голову Дара хлынули два золотистых свето-волевых потока, отличающиеся лишь оттенками. Он вошел в них своим лучом, получил вдруг энергетический удар и потрясая радостное ощущение с и л ы. Горизонт стремительно раздвинулся, все предметы вокруг — дома, деревья, машины, дредноут-ракушка отеллоидов — стали как бы прозрачными, оставаясь при этом плотными материальными образованиями.

«За мной!» — возник в сознании молодого человека мысленный призыв Железовского, воля которого вела за собой весь поток «триай».

Дар послушно последовал за ним, чувствуя пси-энергетический «локоть» Дарьи.

Корабль отеллоидов представлял собой по сути единую металлоорганическую молекулу, способную потрясая

быстро формировать внутри себя любой объем или технологически необходимое приспособление. В данный момент на его борту не было ни одного отеллоида. Кораблю-матке они были нужны только для выполнения работ и заданий вне корабля. Одновременно сам корабль представлял собой своеобразный мыслящий компьютер, имеющий довольно приличную степень самостоятельности решаемых задач. И все же Дар понял, что это только компьютер, такой же, что допрашивал его на Меркурии. Должен был существовать более мощный интеллект, управляющий подобными разумными машинами.

Столкновение объединенных волей трех интрасенсов с мыслесферой корабля породило причудливый, невидимый обычному глазу пси-энергетический вихрь, потрясший пространство. Дар не сразу разобрался в сложных видениях, обрушившихся на голову. Железовский сделал это быстрее и вывел общий пси-щуп в нужную зону сознания корабля. Внутренние психосоматические узлы людей, подпитываемые огромными «запасами смысла» подсознания, потряс глубокий, хриплый, мысленный бас:

«Нарушени граница... требовани прекращени... ответ — уничтожени проникши вирус...»

Поскольку это был мысленный голос корабля, люди перевели его по-разному, но смысл речи сводился к «требую» и «уничтожу».

«Не спеши с решением, — раздался в общем пространстве пси-контакта не менее глубокий и мощный бас Железовского. — Уничтожить нас ты всегда успеешь, равно как и меня. Давай обменяемся информацией. Кто ты?»

«Исполнитель Программы... порядковый номер сто двадцать шесть».

«Что такое Программа?»

«Вопрос некорректность».

«Каковы основные положения Программы?»

Бесшумный взрыв видений, по большей части бесформенных, среди которых мелькнули знакомые геометрические формы: звезды, солнце, черные провалы, оконтуренные короной сияния.

«Доступ запрещени... информации стратегически кодировани... вынужденность включени подавлени...»

«Успокойся, мы имеем право владеть этой информацией, так как ты находишься на нашей территории незаконно. Отвечай!»

Еще один взрыв призрачных картин, закончившийся видением Меркурия и каких-то каруселью вертящихся вокруг него непонятных символов.

«Программа поиск детонатор... линия третий планета... запуск инициация многомерность грубо колыбель... уничтожении помехи...»

Какая-то судорога перечеркнула пространство пси-беседы. Корабль-матка отеллоидов, назвавший себя «Исполнителем Программы номер сто двадцать шесть», замолчал.

«Твоя прямая задача?!» — проревел Железовский.

«Поиск хранитель детонатор... уничтожении... — Пауза. — Опасность утечка инфо... приказ уничтожение помехи...»

«Полный пси-выплеск! — услышал Дар «параллельный» мыслеголос Аристарха. — Фрустируем его!»

«Отставить уничтожение помехи! Произошел сбой Программы! Поступившая команда — ложна! Слушай правильную команду! Вернись на базу и уничтожь ее! Немедленно! Исполни!»

Тихое «шипение» в пси-эфире, нерешительное шевеление призрачных световых струй, длинные свисточки...

«Исполни!»

Чудовищный двухкилометровый монстр, зависший над хутором в нерешительности, качнулся, как человек, получивший оплеуху. Мозг корабля, раздираемый противоречивыми приказами, никак не мог решить, что делать.

— Пошел! — рявкнул Железовский вслух так, что лес отозвался гулким эхом.

Корабль медленно поплыл вверх, остановился, закружился кленовым листом, снова начал подниматься. Вот он уменьшился вдвое, втрое, превратился в палочку, в соринку... и вдруг на этом месте разгорелась яркая звезда! Выросла в радужный факел огня, едва не ослепивший людей, погасла.

Трое в немом изумлении смотрели на опустевшее небо и молчали. Потом Железовский глубокомысленно проговорил:

— Кажется, мы довели его до самоубийства.

— Бедный Исполнитель сто двадцать шесть! — в тон ему сказала Дарья.

Из леса на окраине селения вывалила толпа хуторян, первым — Борята, с криками «ура!» бросилась к площади. Люди радовались победе, еще не зная, что она временная.

ГЛАВА 10

Князь с дружиной появился, как и обещал, через три часа после сеанса парасвязи с сыном.

Дарья впервые увидела вместе представителей трех разных поколений рода Железовских и поразились их сходству и одновременно ярко выраженному в поведении и обличье опыту. Возраст Аристарха ненамного превосходил возраст старшего Железвича, всего на три года, но чувствовалось, что он мощнее, сильнее, значимее и гораздо свободнее, а главное — мудрее. И тем не менее сходство всех троих бросалось в глаза: рост, разворот плеч, осанка, выражение лиц, твердые взгляды, твердые подбородки, ощущение уверенности и силы. Когда они стояли рядом, трудно было определить, кто из них является прапрадедом, кто отцом. Разве что возраст Дара говорил сам за себя. Он мог быть только сыном.

Впрочем, о сходстве судачили больше женщины, мужчины быстро приняли этот факт за данность и переключили внимание на волнующие всех проблемы.

Бояр Железвич выслушал гостей внешне невозмутимо. Лишь однажды укоризненно глянул на сына, когда речь зашла о секретах артефактов. Дар заерзал на стуле — беседа происходила на веранде семьи Бажанов — и сделал вид, что ничего особенного не утаил, хотя на душе скребли кошки: отец должен был знать, чем занимается его сын в свободное время.

— Значит, ты уже летал на этом... ножике? — Бояр скептически кивнул на нож Дара, лежащий на столе среди других удивительных вещей.

— Не успел, только развернул, — потупился чистодей. — Корабль был создан не людьми и не для людей, но управлять им можно.

— Как же ты уместился в ноже?

— У него такая форма, она не меняется при увеличении.

— Прямо-таки колдовство, — фыркнул князь.

— Не колдовство, особая технология, — сказал Железов-

ский. — Если мы в свое время сумели одолеть принципы субмолекулярного сжатия, почему бы другим разумным не найти способы многомерной свертки объектов? Вот они и нашли. Другое дело, где Шаламов добыл все эти раритеты, в каких мирах и временах.

— Что же представляют собой другие вещи?

— Это Пантеон. — Аристарх дотронулся до фолианта с бронзовыми на вид застежками и непонятной надписью на обложке. — «Красная книга» исчезнувших цивилизаций. Кстати, там есть и страницы, посвященные Земле и человечеству в целом. Вы видите ее как книгу, другие — как друзу кристаллов или свиток папируса — в соответствии с воображением и опытом. Это устойчивый кластер хрононов — квантов времени. По крайней мере, так мне говорили.

Железовский перевернул голыш с мигающей желтой искрой, и тот исчез.

— Вектор этого кластера направлен не в будущее и не в прошлое, а «в сторону», как бы по касательной к «кругу времен», поэтому он скоро появится на этом же месте, сделав полный оборот.

— Триста шестьдесят градусов, — вставила Дарья.

— Это эмоциональный резонатор. — Аристарх указал на «свечу». — Правда, эмоции, на которые он реагирует, не принадлежат к диапазону человеческих страстей, создавали его существа с иной психикой. «Стакан» на самом деле — звездная система, эквивалентная по размерам и массе большой галактике. В данный момент она свернута в объем стакана.

— А что это за чаша? — Бояр взял в руки тускло блеснувшую металлическую на вид чашу с наростом внутри, взвесил. — Тяжелая! Золото? Платина? Или какой-то другой металл?

Железовский помолчал.

— Это вовсе не металл. Возможно, именно за ней и охотятся отеллоиды. Это скорее всего еще один «обломок суперструны», скомпактифицированный после обрыва реликтового стринга по всем измерениям, кроме трех. Примерно таким же был «значок» в виде бокальчика, развернутый нашими физиками на Меркурии и превратившийся в эйнсоф.

— Сферу Сабатини, — пробормотал Дар.

— Бесконечномерный объект, — эхом отозвалась Дарья.

Они посмотрели друг на друга. Девушка сморщила носик, сын князя смущенно отвернулся. Бояр Железвич усмехнулся.

— Какие у нас образованные дети. Однако, Аристарх, вы рассказываете поразительные истории. Каким же образом эти вещи оказались в глубине болота?

— Отец спрятал их в тереме деда, — сказала Дарья. — Зачем — не знаю. Может быть, боялся, что они попадут в руки плохих людей. В наше время все мы живем как на вулкане из-за отношения властей к интрасенсам и спровоцированной против нас кампании. Простые люди в массе своей нас боятся и ненавидят, хотя мы...

— Дашка! — мрачно сказал Аристарх.

Дочь Клима Мальгина замолчала.

— Понятно, — кивнул Бояр. — Мы изучали исторические Хроники, в том числе и смутные времена Ветхой Эры. Все, что вы видите на Земле сейчас, есть результат ваших войн и психической деградации толпы. Но вернемся к нашим баранам. Я понял так, что эта молодая особа появилась у нас в поисках отца. — Взгляд на Дарью. — Каковы же результаты?

— Его здесь нет, — пригорюнилась девушка. — Надо искать в других временах.

— Понятно. — Князь посмотрел на Железзовского. — Ну, а вы тоже ищете ее отца? Или у вас другие цели?

— Я представляю Сопротивление, — пробасил математик; лицо его, как и лицо старшего Железвича, редко оживляла мимика, и по нему нельзя было судить, о чем он думает. — Это структура, созданная интрасенсами для защиты Рода и сохранения жизни на Земле, как бы выпренье эти слова ни звучали. Мы пытаемся убедить власть не экспериментировать с эйнсофом, так как это может породить глобальную катастрофу. Но в ходе исследований ситуации выяснилось, что пути решения проблемы ведут в будущее. — Аристарх глянул на смутившуюся Дарью. — Возможно, деятельность ученых и их пастухов, инициаторов уничтожения Солнечной системы, в наше время — всего лишь отвлекающий маневр, а настоящая работа в этом направлении ведется здесь, в ваше время.

Бояр надул губы, скептически качнул головой.

— Но ведь этот ваш эйнсоф так и не взорвался, если

Солнце с ним дожило до наших времен? Выходит, опасность миновала?

— Это говорит лишь о том, что мы в наше время свою главную задачу выполнили, — позволил себе улыбнуться Железовский. — Нашим врагам не удалось реализовать свой план. Хотя нам еще предстоит разрушить их замыслы. Взорвать завод МК на Меркурии. Что-то еще. Мы это сделаем. А вот здесь, в ваше время, положение серьезнее. Программа, управляющая флотом отеллоидов, действует практически свободно, никто ей не мешает, а удары по хуторам, которые она наносит, имеют скорее превентивный характер. Плюс поиски артефактов... информацию о которых она могла получить только от людей.

— От предателей! — вырвалось у Боряты, сидевшего тихо, как мышь, с горящими ушами: он боялся, что его вот-вот выгонят.

— Не обязательно, — возразила Дарья. — Существует много способов развязать язык любому человеку, да и в Сеть влезть, чтобы скачать нужную информацию.

— Зачем им артефакты? Эта чаша, к примеру?

— Чаша обладает скрытым энергетическим потенциалом, причем огромным. Если ее развернуть — может возникнуть еще одна глубокая «яма» в вакууме...

— Черная дыра?

Железовский пожевал губами.

— Вы очень проницательны, князь. Да, именно черная дыра. А насчет черных дыр у наших специалистов существует очень интересная гипотеза. Как-нибудь мы поговорим на эту тему.

— Буду чрезвычайно признателен. Итак, что вы собираетесь делать здесь, у нас?

— Едва ли мы убедим отеллоидов поменять свои планы, даже уничтожив их императив-центр. Уничтожение — необходимое условие, но не достаточное. И все же мы задержим экспансию Программы и отодвинем ее финал. А потом решим, что делать дальше.

— Вы уверены, что справитесь? У вас есть кто будет выполнять ваш план?

Железовский усмехнулся, на миг потеряв каменную твердость лица.

— Существует три способа сделать что-нибудь: нанять кого-то, сделать самому или запретить детям делать это.

По лицам беседующих пробежали улыбки. Все оценили шутку, по большому счету отражавшую человеческую психологию.

— Поскольку первый способ отпадает, — продолжал Аристарх, — придется использовать второй и особенно третий. Наши дети, как мне кажется, давно созрели для важных дел вроде спасения человечества, Солнечной системы и Вселенной в целом.

— Не сомневайтесь! — заносчиво подтвердила Дарья.

— Я и не сомневаюсь. — Князь скрыл улыбку под ладонью. — Могу предложить для реализации плана свою дружину. У меня есть очень хорошие бойцы и аналитики.

— Благодарю, — наклонил голову Железовский. — Пожалуй, я отберу в группу наиболее способных, с вашего разрешения.

— Можно, я пойду с вами?! — воскликнул Борята, умоляюще оглядев лица старших. — Я справлюсь! Вот увидите!

Женщины засмеялись.

Молодой целитель залился краской.

— Посмотрим, — сказал князь. — Может быть, засчитаем как Испытание.

«Ура!» — хотел крикнуть Борята, но заметил движение бровей друга и прикусил язык. Князь мог и передумать.

— Ну, а картины? — вопросительно посмотрел на гостей Бояр. — Что они представляют собой на самом деле?

— Открой, — кивнул Дарье Аристарх. Та взглядом позвала Дара.

Молодые люди вытащили из кейса свернутые для хранения в рулоны хроносрезы, развернули оба. Некоторое время все собравшиеся рассматривали светящиеся изнутри, как окна в иные миры, картины. Потом Железовский проворчал:

— Не вглядывайтесь в них слишком пристально. Их энергопорог достаточно низок, стоит его перейти — и вы окажетесь внутри. А выйти оттуда весьма проблемно.

— Дар выходил... — заикнулся простодушный Борята.

Все заинтересованно посмотрели на сына князя.

— Он вытаскивал нас, — поспешила заступиться за него Дарья. — Мы с Аумой были неосторожны и попались, а он вытащил.

— С его помощью, — кивнул Дар на приятеля, восставливая справедливость.

Борята гордо расправил плечи.

— Сорванцы! — в один голос проговорили Бояр и Аристарх.

Женщины снова засмеялись.

— Хорошо, что все кончилось хорошо, — сказала Веселина. — Неужели в эти картины действительно можно войти?

— Может быть, Клим тоже там сидит? — вместо ответа проворчал Железовский, глянув на Дарью.

— Мы так и подумали, — усмехнулась девушка, — и решили проверить. Нет его там. Он вытащил меня с мамой, когда я была еще совсем крохотная, а потом долго готовился...

— Чтобы вытащить Даниила. Он его каким-то образом вытащил, это мы знаем. Но куда девался потом — загадка. Не связана ли его пропажа с деятельностью Шаламова?

Дарья прикусила губу, задумалась.

— Папа не стал бы освобождать Даниила, будучи не уверенным в успехе. Он сильнее его... и никого не боится.

— Так-то оно так, но когда он схватился с Даном двадцать лет назад, ему помогали.

— Это было двадцать лет назад. С тех пор папа изменился, стал сильнее. Я верю, что он жив!

— Никто не сомневается, успокойся. — Железовский послал девушке мысленный «букет» поднимающих тонус импульсов. — Да, если бы Клим сидел в хрониках, это было бы заметно. Его там и в самом деле нет. Сворачивайте, я заберу их с собой.

Дар и Дарья свернули картины в рулоны, уложили в кейс.

— Спасибо за гостеприимство, за угощение. Мы, пожалуй, пойдем.

Дарья с удивлением посмотрела на спутника.

— Как — пойдем? Мы же собирались уничтожить базу отеллоидов!

— Надо подготовиться. С нашим оружием это сделать не удастся, нужен по крайней мере «дырбой».

— Что такое дырбой? — поинтересовался князь.

— По сути это генератор свертки пространства в «суперструну», пробиватель «дырки» в пространстве. Но его вполне можно использовать и как оружие страшной разрушительной силы.

— В нашем хозяйстве есть оружие, в том числе и бомбы. Осталось в наследство от прежних времен. Особенно в тех зонах, которые мы называем черноболями. Предки не смогли или не захотели уничтожать арсеналы, запрятали в спецхранах, под силовыми завесами, однако наши чистодей многие из них вскрыли. Дар тоже участвовал в таких операциях.

— Это он, между прочим, разминировал черноболь на Вщижских болотах, — важно сказал Борята.

— Тем не менее я хотел бы кое о чем посоветоваться с экспертами, — сказал Железовский. — А еще мне хочется проверить, кто еще, кроме нас, знал о существовании артефактов. Отеллоиды не могли сами вычислить их местонахождение — под силовым пузырем на дне болота, кто-то им сообщил координаты бывшего хутора. Уж очень целенаправленно они действуют. До встречи, князь. Мы вернемся, и очень скоро.

Мужчины встали.

— Может, я останусь? — с независимым видом спросила Дарья. — Разведаю, где располагаются основные силы отеллоидов, помогу готовиться десанту.

Железовский оценивающе посмотрел на нее, перевел взгляд на Дара.

— М-да... возможно, в этом есть свой резон. Хотя разведку я тебе запрещаю. Хорошо, оставайся. — Он еще раз глянул на Дара, еле заметно усмехнулся, проговорил задумчиво: — Интересно, что скажет Забава...

Только Дарья поняла недосказанное. Аристарх хотел сказать: «Что скажет Забава, когда узнает о существовании праправнука».

— Значит, я остаюсь?

— Значит, ты остаешься. Князь, поручаю эту даму вам, если не возражаете.

— Не беспокойтесь, Аристарх, — тонко улыбнулся Боряр. — За ней присмотрят.

— Я не маленькая! — возмутилась Дарья. — И сама в состоянии о себе позаботиться!

— Кто бы сомневался. — Железовский остался невозмутим. — Артефакты оставляю у вас. Тут неспокойно, однако обстановка у нас еще хуже. Прощайте пока. Буду скоро. Да, советую передислоцироваться с этого хутора в другое место, отеллоиды наверняка вернутся.

Он достал туманный шарик трансфера и исчез.

Князь пригладил вихор на затылке, вздохнул.

— Жить становится все занятнее. Никогда не думал, что буду разговаривать с живыми предками. Что ж, давайте займемся насущными делами. Есть идеи, как нам подобраться к базе отеллоидов незамеченными?

— Лучше бы вы их не трогали, — заметила Степанида. — Нам только войны с ними не хватает.

— Война с ними идет уже давно.

— Они же первыми полезли! — возмутился Борята. — Что ж нам, сидеть и ждать, пока всех перебьют?

— Идите-ка вниз, бабы, — стал выпроваживать женщин Прохор. — Без вас справимся. Ваше дело — детей беречь да в светелках порядок наводить.

Сквозь стены терема донесся звук колокола.

— Дьявол! — Прохор оглянулся на стремительно поднимающегося князя. — Неужто случилось что?

— Черные возвращаются, — сказал Бояр, тронув клипсурации на мочке уха. — Прав был Аристарх, уходить всем надо.

Мужчины и женщины выбежали из терема на улицу.

— В лес! — махнул рукой князь. — Прохор, уводи всех!

С неба на улицу упала прозрачная капля флайта, из нее выскочил Боригор в пятнистом комбинезоне, с «универсалом» на плече.

— Я привез оружие: «огневики» и «стрелы»!

— Отлично, повоюем! — бросил князь, залезая в кабину аппарата. — Дар, Дарья, садитесь, попробуем сбить урода!

— А я? — пискнул Борята.

— В лес!

Молодой целитель изменился в лице, припустил рысью вслед за женщинами и стариками к лесу.

Флайт взлетел.

— Держи. — Боригор протянул Дару обтекаемую капсулу сигаровидной формы, с рукоятью и двумя ноздревидными отверстиями. — Умеешь обращаться?

Дар кивнул. Это был переносный зенитно-ракетный комплекс «стрела-ги», способный сбивать летательные аппараты на дальности до десяти километров. Правда, «ракетным» он назывался по традиции, так как его «ракетами» были плазменные ступки большой энергетической мощности.

— А ты? — Боригор посмотрел на Дарью.

Та молча взяла оружие.

Витязь дружины положил себе на колени третий такой же комплекс.

Князю достался «огневик» — импульсный разрядник, в луче которого начиналась спонтанная реакция распада всех тяжелых химических элементов вплоть до железа. «Огневи-ками» разрядники прозвали за их способность прожигать любые препятствия.

Показался быстро снижающийся к хутору дредноут отеллоидов — не то исполинский гриб-трутовик, не то черная, вся в наростах и рытвинах, огромная морская раковина. Он был не лишен своеобразной эстетики, хотя и весьма далекой от человеческих критериев.

Летаки дружины — всего их взлетело десять штук — разошлись в стороны, охватывая подплывающий гигантский космический корабль пришельцев.

— По команде! — бросил князь в микрофон рации.

Блистер флайта отъехал назад. В лица сидящих ударил ветер, насыщенный запахами цветущего луга.

Дар нацелил «стрелу» на черно-фиолетовую тушу космолета. А затем вдруг интуитивно вышел в пси-поле, почуяв дыхание чьего-то недоброго ментального присутствия. И буквально наткнулся на удивленно-угрожающий ментальный взгляд! На борту космического левиафана присутствовал человек! Интрасенс!

Дарья посмотрела на Дара.

— Ты слышишь?

— Там... человек!

— Вы о чем? — оглянулся на них князь.

— На борту корабля находится интрасенс!

Князь закрыл глаза, замер на несколько мгновений.

— Пора! — сквозь зубы процедил Боригор. — Иначе он не даст нам возможности начать первыми.

— Ребята, подключайтесь к моему лучу! — быстро сказал Бояр.

Дар и Дарья послушно соединили свои сферы внечувственного восприятия с полем князя. Снова произошел эффект выхода на больший объем зондируемого пространства и усиления возможности считывания информации.

В головах всех троих интрасенсов вспухло облако серого дыма, распалось на отдельные струйки-мысли:

«Кажется, тут еще обитают недобитые еретики! Тем приятнее будет выжечь это гнездо мракобесия!»

«Кто ты?» — гулким басом прорезался мыслеголос князя.

«Наместник Вершителя, — хихикнули в ответ. — Исправляю ошибки предков».

«Почему ты на стороне отеллоидов?»

«Потому что они делают благое дело. К тому же очень хочется посмотреть, как Солнце и вся его планетная семейка ухнут в черную дыру».

«Предатель!» — не удержался Дар.

В голове лопнула дымная «граната» презрения и угрозы.

«Щенок! Жаль, что мы больше не встретимся!»

«Еще встретимся!»

— Огонь! — вслух проговорил князь.

Больше десятка неярких молний ударили по кораблю черных людей с разных сторон...

Часть III

ЗАВТРА

ГЛАВА 1

Он связался с Ромашиным сразу после выхода из метро Москвы.

— Мы тебя ждем, — отозвался советник Службы безопасности. — Где Дарья?

— Осталась там.

Ромашин помолчал.

— Надеюсь, это оправданное решение. Удалось найти Клима?

— Нет, но у меня важная информация.

— Через час встречаемся у Джумы дома.

Железовский без лишних слов выключил связь. Огляделся, просканировал площадь у метро, слежки не обнаружил и сел в такси. Назвал адрес: ближайший отель. Снял номер, зарегистрировавшись под фамилией Марципанов. Через час, приняв душ и позавтракав, он вышел из такого же легкого аппарата на крыше жилого блока Ауримасан в Тегеране, спустился в лифте на девяносто первый уровень и остановился у двери квартиры Хана. Дверь бесшумно свернулась валиком. Аристарх вошел.

Жилой модуль четы Ханов он посещал неоднократно и в общем-то привык к неожиданным пространственно-цветовым эффектам, создаваемым встроенной интерьер-системой квартиры.

Иногда комнаты — всего их было четыре — будто таяли, растворялись в искристом мерцании, открывали «дальние дали» или «окна в космос», нередко внезапно сжимались в тесные «раковины» или превращались в заросли золотистых паутинных полотнищ. Кабинет Джумы и вовсе представлял собой площадку над обрывом каньона, с которой открывал-

ся великолепный вид на систему марсианских разломов либо — вид Солнца с поверхности Меркурия.

Все детали интерьера — кресла, диваны, столы, шкафы с личными вещами и безделушками — меняли форму в зависимости от настроения хозяев, что иногда шокировало гостей. Лишь два предмета в кабинете Джумы оставались неизменными при всех метаморфозах остальных вещей: столик с фруктами и напитками и витейр в рост человека — объемное голографическое фото Карой Чоккой, жены Хана.

Однако на этот раз кабинет бывшего врача «Скорой помощи» представлял собой обычный модуль с медово светящимися ячеистыми стенами. Чтобы не отвлекаться на созерцание экзотических уголков Солнечной системы, Джума отключил видеопласт помещения, превращавший его в зал визинга космического корабля.

Здесь уже собрались почти все, от кого зависела судьба Сопротивления: Игнат Ромашин, подтянутый и сосредоточенный, выглядевший лет на тридцать моложе своего возраста, хозяин и хозяйка дома — Джума и Карой, смуглолицая красавица, и в свои пятьдесят три года не потерявшая привлекательности, толстяк Маттер, поглядывающий по сторонам с рассеянным видом (он, как всегда, был увлечен мысленной беседой с Умником — инком Института пограничных физических проблем), Калина Лютый, кряжистый, бородатый, основательный. Бывший руководитель обоймы риска Службы безопасности давно числился пенсионером, хотя в Сопротивлении занимал важный пост координатора ситуаций. Не было среди гостей Джумы только Саввы Баренца, верховного комиссара Сопротивления. Но его присутствия и не требовалось. Он мог слышать все, о чем говорили остальные, не появляясь на людях.

К своему удивлению, Аристарх увидел среди присутствующих и свою жену. Забава цедила из бокала какой-то вишневого цвета напиток и на появление мужа отреагировала, подняв бокал. Он поздоровался со всеми, подошел к жене, поцеловал в щеку.

— Я думал, ты улетела с сестрой.

— Я не могла улететь без тебя, — слабо улыбнулась Забава. — К тому же я узнала от Купавы интересную новость.

Он вопросительно поднял брови.

— Оказывается, у тебя есть правнуки?

Железовский наметил улыбку.

— Я только что хотел сообщить эту новость тебе. Может быть, пора подумать о детях?

— Не сейчас же?

— Главное — начать.

— Что?

— Думать. Я знаю твою позицию, но пришла пора ее менять.

— Хорошо, я подумаю.

— Что вы там шепчетесь, как заговорщики? — оторвалась от беседы с Ромашиным Карой. — Аристарх, мы ждем.

Железовский сел рядом с женой, застыл как изваяние. В глазах его мерцал необычный огонь нежности и надежды. Затем они стали непроницаемы.

— Клим мы не нашли... пока. Зато выяснили кое-какиестораживающие факторы. — Он лаконично, в обычной своей манере, рассказал о путешествии в будущее с дочерью Мальгина. Закончил эпизодом нападения на хутор Дятковичи корабля отеллоидов.

Некоторое время в кабинете было тихо. Слушатели перерывали полученную информацию.

Ромашин потер лоб ладонью.

— Напрашивается нехороший вывод...

— Я уже предупреждал, — хмыкнул Маттер, ставя на столик пустой стакан и вытирая губы тыльной стороной ладони. — Возня с эйнсофом в наше время — умелый отвлекающий маневр воюющей с нами стороны.

— Недавно ты говорил обратное, — укоризненно заметила Забава, глядя на ксенопсихолога с неодобрением; она не любила его манеры.

— Я ошибался, — пожал плечами Маттер с великолепным простодушием. — Кстати, часто ошибка более значима, чем правильное решение.

— Неплохо сказано, — похвалил его Джума.

— Это выражение принадлежит Дизраэли, — сказал Ромашин. — Очевидно, нам придется пересмотреть свои стратегические планы и цели. Жаль, что у нас всего два трансфера, мы не сможем перебросить во времена заката большие силы и технические средства.

— Этого не потребует, — сказал Железовский. — Оружие, средства и люди найдутся. Нужен эксперт по ксенопси-

хологии и второй — по физике многомерных сингулярностей.

— Я могу пойти, — оживился Маттер. — Заодно проверю свои расчеты и выкладки. Очень хочется убедиться в истинности правила принципиальной невозстановимости событий при переносе масс в прошлое или будущее. Вы знакомы с теорией включенного наблюдателя? Каждое наблюдение влияет на результат эксперимента или какой-либо физический процесс, и если не...

— Об этом потом, Герхард, — перебил ученого Ромашин.

— Я только хотел сказать, что возможны абсолютно немислимые операции с нелинейными алгебрами, дающие очень большой спектр возможных состояний...

— Герхард!

— Молчу, — поднял ладони ксенопсихолог. — Кстати, я решил проблему выхода Сети орилоунского метро в Сеть нашего земного метро. Решение получилось простое, как выведенное яйцо.

Мужчины переглянулись.

— Ну-ка, ну-ка? — заинтересовался Джума.

— Земное метро было предусмотрено орилоунами, только и всего. Они знали, что человечество в определенный момент создаст собственную систему мгновенного транспорта, и сконструировали особый механизм перехода.

— Трансфер!

— Совершенно справедливо.

— Но тогда возникает другой вопрос, — сказал скептически настроенный Ромашин. — Если Вершители, о которых говорил Клим еще двадцать лет назад, создали орилоунов, а те, в свою очередь, — маатан с целью, как ты утверждаешь, инициации процесса генезиса черных дыр, то зачем орилоунам надо было создавать сеть метро, связывающую прошлое и будущее?

— Для контроля...

— Для чьего контроля? Сетью могут воспользоваться и противники идеи, ведь так? Люди, к примеру. Еще кто-нибудь.

— Это вопрос чисто человеческой психологии. Возможно, орилоуны были уверены, что помешать им никто не сумеет. С другой стороны, логика негуманов ориентирована на решение совсем иных задач, нежели человеческая. В ее сло-

варе нет понятий «выживание» и «толерантность». Зато есть понятие «реализация Потенции». Могу объяснить...

— Не надо, в другой раз. Мы собрались не для теоретической дискуссии. У тебя есть конкретные соображения, Аристарх?

Железовский посмотрел на Маттера:

— Герхард, что дает запуск МК в эйнсоф?

Ученый в отличие от других вопросу не удивился.

— По мысли экспериментаторов, кратковременное мощное выделение энергии мини-коллапсара может нейтрализовать сферу Сабатини, тихо превратить ее в микрообъект типа максимона или кварка. Есть и другая точка зрения, которую предпочитают не афишировать: эйнсоф в какой-то момент «насытится до отказа» и взорвется, то есть схлопнется опять же в микрообъект, в сингулярность.

— В черную дыру, — добавил Джума Хан.

Маттер не обратил на реплику внимания.

— Я же считаю, что запуск очередей МК является своеобразным массажем уникального зародыша будущей черной дыры. Эйнсоф специально г о т о в я т к е е рождению.

Джума фыркнул, посмотрел на серьезные лица присутствующих, упрямо боднул воздух лбом:

— Никто меня не убедил, что за всеми нашими бедами стоят черные дыры. Не те масштабы. Насколько я знаю, черная дыра — это астрофизический объект, гравитация которого настолько сильна, что не выпускает наружу даже лучи света. Каким образом черная дыра может быть р а з у м н ы м объектом? И зачем ей бороться с человечеством, обладающим энергией на много порядков ниже собственной?

— Отвечаю по порядку, — сказал Маттер. — Да, черная дыра действительно является сверхмассивным объектом, прячущим за гравитационным горизонтом и н у ю физику. И тем не менее существует глубокая аналогия между характеристиками черных дыр и человеческой деятельностью. Еще до моих изысканий было установлено, что черные дыры являются носителями не только информации, но и психики. Могу показать на примерах.

— Не стоит, — поморщился Ромашин. — У нас мало времени.

— Хорошо, не буду, хотя примеры впечатляют. Что касается второго вопроса — з а ч е м черные дыры борются с

представителями других разумных систем, так они и не борются! Просто единственный возможный путь их размножения — содействие возникновению массивных объектов, не обязательно звезд, способных превратиться в новые черные дыры.

— Но ведь в Солнечной системе нет таких объектов, даже само Солнце не в состоянии самостоятельно преодолеть предел Шварцшильда и сжаться в черную дыру.

— Уже есть — сфера Сабатини. Этот «бесконечномерный объект», свернутый в суперкольцо «обломок» реликтовой «суперструны», способен фазово перевести вакуум в состояние сброса энергии, и «акушерская служба» черных дыр это засекала. Поэтому и началась гонка с инициацией эйнсофа. Ваши отеллоиды — суть «акушеры», для которых наша цивилизация если и имеет какое-то значение, то лишь как источник информации.

— Который и становится базой интеллекта черной дыры.

— Совершенно правильно.

— Но в таком случае черные дыры являются самыми настоящими потомками разумных цивилизаций?

— И это справедливо.

— Вот уж не думал, — засмеялся Джума, — что мы когда-нибудь станем предтечами черных дыр.

— Давайте не будем устраивать здесь философские диспуты, — вмешался Ромашин. — Для нас важнее разрешить существующую конфликтную ситуацию. Повторяю вопрос: есть соображения?

— Надо уничтожить базу ученых и МК-завод на Меркурии, — пробасил Железовский мрачно. — Это в качестве первоочередной задачи. Во вторую очередь следует взорвать базу отеллоидов во времени Дара Железвича. — Математик бросил мимолетный взгляд на жену. — Моего праправнука в сто семьдесят пятом поколении. Потом будем думать, что делать дальше.

— Стратег ты, однако. Взорвать базу и при этом избежать жертв не удастся.

— У нас есть штаб, военные советники и эксперты, пусть раскинут мозгами, как избежать жертв.

— Хорошо, допустим, мы справимся с этим делом здесь, в наше время. А в будущем?

— Нам поможет дружина князя. Операцию возглавлю я.

«Акушерская служба» — то есть отеллоиды, если принять концепцию Герхарда, все же не контрразведка, науськанная на ловлю диверсантов и шпионов. Мы ее обыграем. — Железовский ухмыльнулся. — Человечество обладает в этой области таким опытом, что запросто может обучать разумников всей Галактики искусству войны и диверсии.

— Решили. — Ромашин хлопнул себя ладонями по коленям и встал. — Джума, я подключу к разработке операции твою личную обойму.

— Без проблем.

— Пошли, Герхард.

— Если позволите, я еще посижу, — лениво сказал ксенопсихолог. — Джума обещал лунным медом попотчевать.

— Я с ним побеседовать хочу, — улыбнулся Хан. — О психологии негуман. И о распространении разума именно негуманоидного типа. Чертовски интересная тема.

— Разум должен заполнять в с е масштабные уровни Вселенной, — мгновенно завелся Маттер. — Микромир, макромир и мегамир. Мы топчемся на крохотном интервале макромира, а о разуме элементарных частиц и галактик в целом ничего не знаем. Я работаю над теорией масштабной гармонии разумных систем, идею которой, между прочим, подал Клим Мальгин после путешествия в очень далекое будущее. Помните, он рассказывал о м е д л е н н ы х — по сравнению с человечеством, не говоря уже о микромире, — разумных системах?

— Помним, — сказал Ромашин, кидая сочувственный взгляд на Джуму. — Приятной беседы, теоретики.

— Может быть, попьем чайку? — предложила Карой, провожая гостей.

— В другой раз обязательно, — успокоила ее Забава. — Нет настроения чаевничать, когда тут такие дела творятся.

Внезапно Ромашин замер, получив по рации «спрута» какое-то сообщение. Железовский тоже получил это же сообщение, посмотрел на Игната.

— Ее никто не охранял, что ли?

— О чем вы? — тихо спросила Забава.

— Купава...

— Что Купава?!

— За ней пришли дознаватели Службы и забрали с со-

бой. Сейчас она находится в третьем следственном изоляторе Копенгагена.

— Боже мой! Ее-то за что взяли?

— Шли, наверное, за Дарьей, а может быть, следили за квартирой, и когда в гостях Мальгиных побывал наш праправнук Дар, Служба решила задержать парня. Что будем делать?

— Я лечу в Управление, — заторопился Ромашин.

— Тогда я направлю в Копенгаген обойму Саши Золотко. Пусть изучит местность на всякий случай.

Из кабинета вышел хмурый Джума.

— Слышали новость?

— У тебя есть знакомые в датской полиции?

— Навскидку не скажешь, надо подумать.

— Ищи, встретимся вечером у меня.

Мужчины вышли из квартиры Хана, разошлись в разные стороны.

Железовский отправил домой жену, занятую горестными размышлениями, а сам полетел в Рязань. Он имел право работать с Большим Умником ВКС, обладающим колоссальной базой данных и связями с сетью других больших инков Земли. Возникла идея вычислить предателя, снабдившего отеллоидов гипноиндукторами, с помощью которых те захватили Дара Железвича. Только человек, имеющий доступ к спецхранам с оружием, мог передать черным псевдолюдям суггесторы, и он же научил их пользоваться психотронным оружием и устраивать засады в станциях метро.

Начальство статуправления привыкло к свободному графику работы главного математика и обычно не предъявляло претензий, если Железовский не появлялся на рабочем месте несколько дней кряду. Но на этот раз, стоило только Аристарху сесть за свой стол, к нему лично заявился председатель Всемирного Координационного Совета Тойво Маттикайнен.

Семидесятипятилетний финн был хмур и озабочен. Пожав хозяину кабинета руку, он впустил седые бакенбарды и сказал, не глядя на него:

— Меня допрашивали дознаватели криминального отдела Службы. Интересовались, чем ты занимаешься и где находишься в данный момент.

Железовский не шевельнулся, глядя на председателя.

— Я сказал, что ты являешься ведущим специалистом, — продолжал Маттикайнен, — поэтому имеешь право пользоваться Сетью из любого места и с любого терминала.

Железовский продолжал молчать.

— Я сказал, что ты занимаешься проблемой линейаров в области виртуального детерминизма.

Железовский молчал.

— Я сказал, что ты находишься в трехдневном отпуске по состоянию здоровья, — закончил председатель ВКС.

Аристарх, по обыкновению, дернул уголком губ, что у него означало улыбку.

— Это верно. Если принять во внимание, что речь идет о здоровье всего человечества. Чего ты так разволновался, Тойво? Ты же знаешь, я законопослушный гражданин России и Земной Федерации и не состою на учете в кримотделе.

— Ты интрасенс, — впервые прямо посмотрел в глаза математика председатель ВКС. — Со всеми вытекающими. Не знаю точно, как долго я смогу защищать тебя. Хотя видит бог — хочу.

— Что ж, могу смело утверждать, что ты не алкоголик.

Седые брови Маттикайнена полезли вверх.

— Почему?

— Потому что только алкоголик точно знает, чего хочет.

До председателя наконец дошел смысл шутки. Он раздвинул сухие губы в легкой улыбке.

— Рад, что ты в хорошем настроении.

— А вот тут ты ошибаешься, Тойво, я в отвратительном настроении. Если бы ты знал, насколько сложна ситуация!

— Почему ты думаешь, что я не знаю? Мы везде, где можно, уперлись в тупики: социальный, творческий, интеллектуальный, психологический и так далее. Плюс почти полная потеря интереса общества к научным изысканиям. Плюс абсолютно беспринципная борьба за власть. Плюс новый всплеск терроризма... Так что я в курсе, дорогой мой товарищ.

— И все же ты не все знаешь, старик. Оказывается, в ближайшем будущем нас ждет не только ксенореволюция, но еще и смена властных приоритетов. Начнет работать так называемый «тотализатор смерти», позволяющий на совершенно законных основаниях отстреливать политиков и вообще лю-

дей с максимально отрицательным рейтингом. Так что наша возня-война с Орденом еще не самое страшное.

Маттикайнен пошевелил губами, подергал себя за бакенбарды.

— Надеюсь, я до этого времени не доживу.

— Я тоже. Но результат «тотализатора» скажется уже в ближайшие полсотни лет. А тут еще опасные игры с эйнсофом.

— Что это тебя так беспокоит? Ну погибнет человечество, тебе-то что? Оно ведь воюет с такими, как ты!

— Я все же больше человек, — усмехнулся Железовский, — чем индивидуал-интрасенс, мне жалко добрых людей, а их много.

— Ну-ну, гуманист-пацифист, эти хорошие люди тебя не пожалеют, попади ты им в руки, все они зомбированы пропагандой Ордена.

— Я не пацифист, — поморщился Аристарх. — И не гуманист. Я сын планеты Земля и носитель своего рода, и я хочу, чтобы род выжил. Несмотря ни на что!

— Ну-ну, — повторил председатель Совета, поворачиваясь к двери, пробурчал: — Работай, я предупрежу, ежели что. Ушел.

Железовский задумчиво проводил его мысленным взглядом до кабинета, очнулся, включил обратный канал связи с инком и начал работу. Через час он выяснил, где хранится психотронное оружие — суггесторы «дерк» и «дега», гипноиндукторы «удав», «удар», «марина» и «сияние», а также парализаторы «меланхолия» и «василиск».

Всего спецхранов набралось больше восьми десятков, все они принадлежали Службе безопасности, отделениям криминальной полиции, Погранслужбе и некоторым медицинским учреждениям. Последние, естественно, оружие не хранили, но стационарные и переносные гипноустройства вполне могли послужить оружием.

Поскольку Дар рассказал о своих ощущениях в момент пси-нападения, Железовский знал, что искать. В руки отеллоидов попали скорее всего гипноиндукторы «удав» и парализаторы типа «василиск». Применять их имели право только инспекторы Погранслужбы и командиры обоем риска Службы безопасности. И хранились «удавы» и «василиски» лишь в федеральных центрах, таких, как Лондон, Париж,

Хельсинки, Москва, Вашингтон и другие. Хотя и центров насчитывалось не менее трех десятков, на проверку которых требовалось много времени.

Осознав, что с наскоку проблему не решить, Железовский соединился с аналитиками Сопротивления и попросил проверить все спецхраны на предмет утечки психотронных излучателей, а сам занялся разработкой операции по уничтожению МК-завода на Меркурии.

Вечером к нему без объявления пришел начальник службы охраны Сопротивления полковник Карл Золотько, чей сын — майор Саша Золотько, командовал облоймой контрразведки. Александра Железовский знал мало, только как хорошего оперативника, а с Карлом их связывала многолетняя дружба. Хотя старший Золотько интрасенсом и не был. Зато он был прекрасным собеседником, имел три образования, в том числе математическое, и писал неплохие стихи.

— Мы все под колпаком Службы, — заявил он, переступив порог кабинета Аристарха. — Только что директор СБ подписал секретный указ о наблюдении за интрасенсами и их семьями. Кроме того, мы выяснили, что в наших рядах сидят «кроты» Службы.

— Этого следовало ожидать, — пожал плечами Железовский. — Орден знает о Сопротивлении и должен был давно внедрить своих шпионов в нашу сеть.

— Мы пока выявили одного, точнее, одну — она женщина, умная и красивая, работала с магистром Ордена в Саудовской Аравии. Но остался главный резидент, а он, судя по всему, интрасенс.

Железовский остался невозмутим.

— И этого следовало ожидать. Интрасенсы тоже люди, и зачастую амбициозные, страдающие манией величия. Не получив должного, по их мнению, признания, некоторые из них вполне способны пойти к власти по головам остальных. Кстати, проанализируйте, нет ли таких среди тех, кто в последнее время ушел из нижнего звена Сопротивления.

— Хорошая мысль, — кивнул Золотько, погладив совершенно гладкий череп; облысев, он принципиально не выращивал волосы. — Мы займемся этим немедленно.

— Одного я могу назвать хоть сейчас.

— Не шутишь?

— Вацек Штыба, бывший комиссар налоговой полиции

Польши. Он почему-то крутится на Меркурии, и после встреч с ним меня и Игната пытались задержать. Проверьте его по всем каналам.

— Проверим, не беспокойся. Больше никого не подозреваешь?

— Ищу одного приятеля... — Железовский наконец оторвался от рабочего стола, по которому ползли строки бланк-сообщений, прошелся по кабинету, ступая легко и бесшумно, несмотря на свои габариты и вес. — Есть подозрение, что кто-то вынес из спецхрана партию суггесторов и передал их отеллоидам. Если эту ниточку потянуть, возможно, выйдем и на главного «крота».

— Я сейчас же...

— Сиди, я уже дал команду, задействовал твоего сына. Ребята ищут утечку. Ты лучше скажи: как это вы умудрились оставить жену Мальгина без прикрытия?

Золотько поморщился, снова погладил череп сухонькой ладошкой. Сын был похож на него только лицом, в то время как фигура у отца представляла собой не телосложение, а «теловычитание», по образному выражению самого Карла. Александр же выглядел атлетом и был известен как хороший мастер рукопашного боя.

— Виноват один из моих замов, решил, что до утра Купава никуда не денется... В общем, я разберусь и сделаю выводы. Она сейчас в СИЗО...

— Копенгагена, знаю. Как вы собираетесь ее вызволять?

— Думаем, считаем варианты. Комиссар копенгагенской полиции Штерн — давний знакомый Рене, они должны встретиться в девять утра. Может быть, он поможет.

— Подключи к этому делу всех, кто имеет вес и может что-то сделать. Не хотелось бы освобождать ее с помощью десантной операции, нас и так плохо переносят в Европарламенте. Вой поднимется — до небес!

— Я понимаю.

— Дарья узнает, что мать задержана, не простит.

— Это я переживу.

— Ну не скажи. Дашка — особа решительная и импульсивная, может и по фейсу врезать. Так что советую подсушиться.

Золотько криво улыбнулся.

— Кто-то сказал: женщина прощает только тогда, когда сама виновата. А Даше нечего на меня обижаться, я и так делаю все, что в моих силах. Мы вытащим Купаву, обещаю. У тебя выпить что-нибудь имеется?

Железовский залез в бар в стене, достал початую бутылку армянского коньяка, молча налил в рюмку, протянул гостю.

Золотько пригубил коньяк, подержал на языке, зажмурившись, поднял палец.

— Гут!

Допил коньяк глотком.

— Еще? — покачал бутылку Аристарх.

— Хорошего должно быть мало. В следующий раз. Я мог бы всю информацию выдать тебе и по виому, но захотелось убедиться, что есть люди, которые ничего не боятся. Это не фимиам, это мое восприятие тебя. Будь здоров, интрасенс.

— Спасибо.

Золотько пожал руку Железовского, вышел.

«Пошла обойма прикрытия», — мысленно доложил инк кабинета.

«Как обстановка?»

«Не нравится мне обстановка, слишком много незнакомых людей шастает по коридорам без конкретной цели».

Железовский почувствовал беспокойство.

И тотчас же на столе разгорелся стебелек виома, развернулся в световой веер, протаял в глубину.

— Меня просят задержать тебя на пару минут, — сказал появившийся в виоме Маттикайнен. — Служба перекрыла все выходы из здания, блокировала метро. Могу дать личную линию.

— Спасибо, Тойво, не нужно. — Железовский сделал прощальный жест. — Видимо, придется на какое-то время уйти в подполье. Прощай.

— Звони, если понадобится.

Железовский переключил канал связи, сказал возникшей в глубине виома Забаве:

— Срочно собирайся и уходи к сестре!

— Что случилось?! — всполошилась жена.

— Служба накрыла ВКС, меня хотят задержать. В этой ситуации лучше перестраховаться.

— Может, я дождусь тебя?

— Уходи без меня. Я тебя найду.

Аристарх еще раз переключил канал, чувствуя приближение холодного ветра угрозы.

— Что? — подобрался возникший в виоме Ромашин, мгновенно оценив состояние математика.

— Началось, — коротко ответил Железовский.

— Понял. Помощь нужна?

— Нет.

— Переходим на вариант «П». Контрольная связь — через каждые два часа. В двенадцать по среднесолнечному встретимся на совете у Карла.

Железовский без лишних слов выключил виом, приказал инку кабинета стереть все файлы при попытке взлома базы данных и достал туманно-текучий шарик трансфера.

Когда в кабинете появились люди в спецкостюмах с эмблемами Службы безопасности на рукавах, их встретила тишина.

— Ушел, бугор! — констатировал командир группы захвата, оборачиваясь к вошедшему вслед за оперативниками бледнолицему высокому человеку с капризно-презрительной складкой губ.

— Значит, у старика все-таки есть трансфер, — отозвался человек с бледным лицом. — Объявите его в розыск.

— У нас нет санкции прокурорского надзора.

— Напрягу папашу Леона, санкция будет.

— Привет, Вацек, — заговорил вдруг мигающий редкими огоньками «кактус» вириала на столе. — Похоже, наши дороги пересекаются не случайно. Я найду тебя в ближайшее время, коль уж ты жаждешь общения со мной. Будь готов.

Бледнолицый перехватил взгляд командира обоймы, криво улыбнулся.

— Испугал, бугай... видали мы таких в гробу в белых тапках!

— О нем ходит слава человека дела, — пожал плечами командир. — Если он чего сказал — сделает непременно. К тому же он мастер боя. О нем легенды в Сети складывают.

— Отставить базар! — сверкнул глазами Вацек Штыба. — Загляните лучше в его комп, пошарьте там хорошенько, может, найдете что-нибудь интересное.

Вириал инка издал смешок и в то же мгновение превратился в облачко огня и дыма.

Бах!

Отшатнувшиеся оперативники молча смотрели на дыру в столе — все, что осталось от инка хозяина кабинета.

ГЛАВА 2

День закончился хорошо, без тревог и волнений.

После того как дружина отогнала дредноут отеллоидов — сбить его не удалось, все дыры и кратеры на его корпусе от попаданий плазменных ракет тут же затягивались черной «смолой», — над хутором Дятковичи не появился больше ни один чужой корабль. То ли главный отеллоид (матка, императив-центр, управляющий компьютер — не суть важно) осознал тщетность попыток уничтожения непокорных хуторян, то ли готовил новую, более мощную атаку.

Как бы то ни было, люди вздохнули с облегчением, хотя на хутор возвращаться не спешили. Князь пообещал расселить женщин, детей и стариков по другим хуторам общины и подключил к этому делу опытных проводников. Сам же занялся вопросами снабжения мужского населения оружием и продуктами питания.

Дар оказался предоставленным самому себе, поэтому держался рядом с гостьей из прошлого и с удовольствием отвечал на ее вопросы, касающиеся жизни общины в нынешние времена упадка цивилизации.

В беседах принимал участие Борята, не потерявший надежды войти в сводный отряд охотников за отеллоидами. Он так загорелся этой идеей, что поссорился со своей девушкой и нагрубил родителям, поэтому Дар с трудом сдерживался, чтобы не послать его подальше.

К вечеру Дарья выяснила все, что хотела, и согласилась ответить на вопросы друзей. Дара интересовали социально-бытовые аспекты жизни людей двадцать четвертого века, Боряту — больше технические и научные проблемы.

Беседовали у костра, разведенного на поляне в лесной чаще. Хуторяне не решились возвращаться домой, предпочитая переждать еще одну ночь на природе, а не вздрагивать от каждого шороха в теремах и прислушиваться — не заорет ли сирена. Дружинники привезли несколько палаточных комплектов, где и укрылось население хутора, не избалованное прежним комфортом.

Разошлась по палаткам и молодежь хутора. Последней ушла Слава, так и не дождавшаяся внимания со стороны княжича. Девушка все поняла, видя, как Дар увивается во-круг гостии из прошлого, но все еще надеялась, что это временное явление.

Костер постреливал угольками, дышал языками огня, за-вораживая взор. Небо вызвездило, ночь опустилась доста-точно холодная, но молодые люди не замечали холода. Все они умели свободно регулировать температуру тела и не мерзли даже в лютые морозы.

— Тихо у вас... — проговорила Дарья, не сводя глаз с танцующего пламени. — У нас так не посидишь.

— Вот чего я все-таки не понимаю, — оживился Борята, посчитав реплику девушки за продолжение беседы. — Как вам удастся попадать точно в свое время, в тот же день и час? Кто корректирует временное перемещение?

— Законы хроноконтинуума корректируют, — рассеянно ответила Дарья. — Каждая точка пространства «плывет» в будущее с одной и той же скоростью. Выходы линий метро — тоже. Поэтому «хронорасстояние» связанных между собой станций остается неизменным. На сколько времени ушел в будущее один объект, на столько же и второй. Но я не сильна в хронотеории, знаю лишь общие постулаты. Вот дядя Аристарх ответил бы намного глубже, а его друг Герхард Маттер и вовсе классный специалист. Он знает все.

— Хотелось бы познакомиться. А как работает метро? Всю жизнь слышу одно и то же — метро, мгновенный транспорт, «суперструнные технологии», а наглядно вообразить эту технологию не могу.

— Линия метро — это действительно своеобразная «суперструна», то есть, образно говоря, «трещина» вакуума, способная распространяться практически с любой возможной скоростью. А вот основы «суперструнных технологий» я знаю совсем плохо.

— Звездолеты ведь используют тот же принцип?

— Наши спейсеры используют векторные «струнные» генераторы с конечной и контролируемой длиной «трещины». Метро работает на постоянном поддержании квазистабильности «струн». Это все, что я знаю.

— Все равно интересно. Нам в гимнасии этого не давали. А что это у тебя за духи? Такой классный запах!

Дарья оторвалась от созерцания костра, улыбнулась.

— Это духи «Шарм». Нравится?

Оба слушателя одновременно кивнули.

— Наши женщины любят цветочные запахи, а этот какой-то неземной, космический. А почему ты все-таки решила искать отца именно здесь, у нас?

— Это длинная история.

— Намекни хотя бы.

— Двадцать лет назад мы с мамой — тогда я была совсем маленькая — попали в хроник...

— Каким образом?!

— Мама хотела уйти... в общем, это действительно длинная история. Она не знала, что время на плоскости хронореза в нашем пространстве останавливается. Отец вытащил нас оттуда. А когда он куда-то пропал, два года от него ни слуху ни духу, я и решила найти хроники. Надеюсь, что он сам влип в один из них и не смог выбраться. К сожалению, мои надежды не оправдались. И я действительно не знаю теперь, где его искать.

— Ничего, найдется, — утешил девушку Борята. — Через день, через месяц или год, через двадцать лет — но найдется.

— Оптимист, — усмехнулся Дар, сидевший совершенно неподвижно. — Может быть, ты не там и не так его ищешь?

— А где его надо искать? И как?

— Через оператора кэнкона... э-э, трансфера. Он ведь должен отслеживать своих пользователей, куда они направляются?

— Оператор трансфера — конкретный инк конкретного устройства, он знает только то, что в него вложили создатели. Координаты посылов должен знать оператор орилоунской Сверхсети метро, но связаться с ним мне не удалось.

— Давай сделаем это вместе.

Дарья с сомнением покачала головой.

— Вряд ли нам это удастся сделать. Оператор Сети сам выбирает, кому какую информацию выдать. Он ведь не человек и создан не людьми, а орилоунами. Что такое орилоун, знаешь?

— В Хрониках есть кое-какие сведения, я читал. Орилоуны были «живыми» математическими формулами...

— Правильно. А ты пробовал беседовать с формулами?

— Н-нет.

— А мой отец беседовал. Их логика и психика настолько отличаются от человеческих, что найти предмет контакта удастся один раз из миллиона.

— Почему же твоему отцу это удавалось? — скептически посмотрел на собеседницу Борята.

— Он был... он очень сильный экзосенс... даже маг... дядя Аристарх называет его иногда Вершителем.

— Почему?

— Ну, двадцать лет назад ему удалось остановить катастрофу, которую едва не учинил его друг Даниил Шаламов.

— Расскажи! — загорелся Борята.

Дарья перевела взгляд на Дара. Тот сказал тактично:

— Если тебе неприятно это вспоминать, то и не надо.

— Хорошо, я расскажу, но больше на вопросы отвечать не буду. Пора делом заняться. — Она подумала и рассказала хуторянам историю превращения Дана Шаламова в «черного человека». Закончила: — Теперь вы понимаете, как важно найти отца? У нас сейчас творится черт знает что! Интрасенсов преследуют, лишают гражданских прав, ограничивают свободу, даже убивают! А тут еще возня ученых с эйнсофом, которая может привести к рождению черной дыры. В общем, целый котел проблем.

— Ты думаешь, отец поможет?

— Уверена! — отрезала Дарья. — И хватит об этом. Я не хочу сидеть здесь сложа руки и ждать возвращения дяди Аристарха. Предлагаю разработать план активных действий, а для начала провести разведку базы отеллоидов на Меркурии. Есть возражения?

— Нет! — поднял руку Борята. — Но я с вами!

Дар помолчал.

— Надо посоветоваться с отцом.

— Боишься? — изумленно глянул на него Борята. — Ты же Испытание прошел!

На щеки чистодоя легла легкая краска, но тон его не изменился:

— Я не боюсь, но такие вещи надо готовить. Отец опытной и может дать хороший совет.

— Не думала, что ты так зависишь от отца, — сделала пренебрежительную гримаску Дарья.

Дар упрямо сжал губы.

— Я имею право на самостоятельные действия, но все равно хотел бы сообщить отцу о наших намерениях.

— Когда ты искал меня в прошлом, тоже спрашивал разрешения отца?

Дар с трудом унял поднявшееся со дна души раздражение.

— Не спрашивал...

— Ну и прекрасно! Неужели мы не в состоянии что-либо сделать без подсказки старших? Но если ты считаешь, что мы не справимся...

— Конечно, справимся! — заявил Борята.

Дар посмотрел сквозь него, решая, что делать. Трусом он не был, просто считал такие действия неправильными, но и возражать не хотелось. Во-первых, Дарья не поняла его колебаний и всерьез могла посчитать их проявлением слабости. Во-вторых, внутренний голос давно подзуживал, что пора делать дело без оглядки на взрослых.

— Может, начнем утром, на свежую голову?

— Чего тянуть? — отмахнулся Борята. — Чем раньше начнем, тем быстрее выясним обстановку.

— Но у нас только два трансфера...

— Зачем нам трансферы? У тебя же есть ножик, который превращается в космический корабль. Сядем на него и полетим.

Дар и Дарья переглянулись.

— Устами младенца глаголет истина, — проговорила девушка. — Почему бы нам не использовать чужую технику? Сможешь управлять негуманским спейсером?

— Не знаю... не пробовал...

— Вот и потренируемся. В случае чего — я тебе помогу. Не получится — будем думать, что делать.

Дар почувствовал возбуждение и растущее нетерпение.

— Ладно, давайте попробуем. Только надо переодеться в защитные костюмы.

— Я и так в «заскоке», — отказалась Дарья.

— В чем? — не понял Борята.

— На мне защитный спасательный комплект — «кокос», или на жаргоне пограничников — «заскок». Вряд ли у вас есть такие, найдите хотя бы уники.

— На хуторе должно быть все, — сказал Дар. — Каждое

селение общины имеет собственную службу обеспечения всем необходимым. Попрошу старосту, он не откажет.

— Пошли, я с тобой, — вскочил Борята.

Они нашли палатку старосты хутора Дятковичи, кривоносого, седоголового Вачагановича, и тот без лишних слов отдал им ключ от амбара с амуницией и хозяйственными принадлежностями.

От лагеря в лесу до хутора было всего три километра по прямой, поэтому молодые люди, предупредив охрану о походе на хутор, преодолели это расстояние меньше чем за час. Нашли хозяйственный амбар, открыли, обшарили весь склад, в том числе подвал, и переоделись. «Заскоков» здесь действительно не оказалось, но уники, способные превращаться в герметичные скафандры и защищать хозяев от огнестрельного оружия, имелись.

Критически оглядели друг друга.

— Нам бы еще вооружиться, — заикнулся Борята.

— Оружие не понадобится, — твердо заявил Дар. — Не воевать идем, а на разведку.

— Разведчикам тоже приходится отстреливаться, — не поддержала его Дарья. — Летим же мы, между прочим, к отеллоидам, которые не станут колебаться, убить нас или сохранить жизнь.

— Он не имеет права носить оружие, — кивнул Дар на приятеля. — Только после Испытания...

— Оставь свой формалистский подход! — возмутился целитель. — Ты же знаешь, что я умею стрелять.

Дар подумал, махнул рукой, соглашаясь.

— Возьми «универсал». Хотя я уверен, что воевать нам не придется.

Повеселевший Борята побежал в оружейную палату и вернулся с «универсалом» и запасным энергомагазином. Пистолет, стреляющий плазменными «пулями», электрическими разрядами и шариковыми гранатами, он закрепил в плечевой турели, магазин приладил на поясе уника.

— Вот теперь другое дело! Кстати, где мы будем испытывать нож? То есть, я хотел сказать, увеличивать?

— Надо большое пространство, поле или луг.

— Зачем? — фыркнула Дарья. — Корабль сам сделает себе поле, раздвинет деревья. Другое дело, что нас услышат хуторские.

— Давайте отойдем подальше, — предложил Борята. — Или вообще возьмем летак.

— Молодец, светлая голова, — похвалила его девушка, посмотрела на Дара. — А ты не хотел брать его с собой.

Дар усмехнулся, уловив в тоне гостыи из прошлого ироническую нотку, но заострять на этом внимание не стал.

Они нашли свободный летак, стоящий у терема школы, и взлетели в ночное небо, сверкающее алмазной россыпью звезд. Фонарей не зажигали, Дар прекрасно ориентировался в темноте, пилотируя аппарат, и он же первым обнаружил в двадцати километрах от хутора поляну в лесу, размеры которой позволяли «выращивать» из ножа космический корабль.

Опустились, вылезли, путаясь в густой ползучей траве. Дар прошел на середину поляны, унял поднявшееся в душе волнение, оглянулся.

Из темноты прилетел «пушистый букет» видений-ощущений, смысл которых сводился к слову «смелее»! Дарья пыталась поддержать княжеского сына, понимая и разделяя его чувства. Тогда он положил нож на камень, сосредоточился на вхождении в материальные структуры ножа и включил процесс трансформации. Дождался первой пульсации, увеличившей размеры ножа вдвое, бросился к лесу.

— Ну, что?! — встретил его возбужденный Борята.

Дар оглянулся, чувствуя на локте пальцы девушки, также испытывающей нетерпение и сомнения.

В центре поляны вспыхнул свет, приобретая контуры некоего объекта высотой в три метра. Затем с гулким треском и волной горячего воздуха этот объект разом превратился в глыбу раскаленного стекла размерами с терем и тут же снова увеличил габариты, превращаясь в гору высотой в сто метров и длиной в триста. Поляна оказалась маленькой для него, поэтому нос и корма гиганта вдвинулись в лес, валя и ломая деревья как спички.

— Мама родная! — с дрожью в голосе проговорила восхищенная и слегка оторопевшая Дарья. — Ну и уют!

Алмазная гора вздрогнула в последний раз, вырастая до высоты в триста метров, и окончательно замерла, остывая, одетая со всех сторон в кисею из струек пара.

— А мне нравится! — живо возразил Борята. — Огромный, мощный... от него так и веет дракой!

— Вот и я почувствовала то же самое. Вам не кажется,

мальчики, что это военный корабль? Крейсер, так сказать?

— Почему ты так решила? Пушки увидела? — пошутил Борята.

Дарья, прищурясь, посмотрела на младшего Железвича.

— Что скажешь?

Дар вспомнил свои ощущения при первом знакомстве с чужим космолетом. «Мозг» исполина реагировал на вторжение человеческой воли, как фагоциты в крови человека на проникновение вируса. И хотя так должны были реагировать на взлом защиты и другие подобные машины, в реакции звездного корабля действительно чувствовалась «военная выправка».

— Возможно, ты права, мы это проверим.

— Давай объединим усилия, легче будет управлять этой машиной.

— Не возражаю.

Дар сосредоточился на гиперзрении, вошел в состояние просветления и почувствовал прилив сил: это подсоединился пси-энергетический поток, генерируемый волей девушки.

Стали видны внутренности корабля, поразившие когда-то Дара необычной эстетикой форм, переходов, связей, тоннелей, стен и полостей. В глубине искусственной горы «вздернул голову и тихо зарычал клыкастый зверь» — проснулся инк гиганта, почуявший проникновение «мысленного вируса» людей. Однако Дар уже знал, как можно успокоить умную машину, и предъявил свою «визитную карточку» — психопортрет. «Зверь» присмотрелся к мыслесфере человека, узнал своего нового хозяина и расслабился. Ломать его волю не понадобилось.

В борту корабля, под левой «скулой», на высоте двадцати метров протаяло отверстие, заполненное светящимся туманом. Корабль открыл люк, приглашая людей войти.

— Интересно, как мы туда залезем? — нерешительно оглянулся Борята. — Он что, не может открыть вход пониже?

Дар поискал нужные операционные контуры, вежливо попросил управляющего опустить люк пониже.

Отверстие исчезло и появилось почти у самой земли.

— Кажется, он тебя признал, — с уважением сказала Дарья. — А ведь создавали его негуманы. Я не могу понять, где этот инк располагается и как работает.

— Он везде, — сказал Дар. — Его нервные связи пронизывают весь корпус корабля. По сути — это одновременно и мозг и тело. И он действительно предназначен для военных действий, судя по арсеналу на борту.

— Какому арсеналу? — живо заинтересовался Борята. — Что у него за оружие?

— Я не знаю, но вся оболочка утыкана энергетическими «карманами» и узлами.

— Не уверена, что он способен трансформироваться, как наши спейсеры, — сказала Дарья, — но если это и вправду единый организм, то стрелять он может любым участком корпуса.

— Чего мы ждем?

— Пошли, — сказал Дар, преодолевая внезапный приступ нерешительности.

Люк слегка расширился, пропуская молодых людей.

Вошли, остановились, разглядывая лоснящиеся медвяной желтизной вздутия и каверны, превращавшие помещение в огромные объемные соты.

— Жуть! — вполголоса заметил Борята; он чувствовал себя не в своей тарелке и нервничал. — Вам не кажется, что нас тут ждут неприятности?

— Можешь вернуться, — рассеянно заметила Дарья.

Борята криво улыбнулся, признался простодушно:

— Страшно...

— Куда надо идти? — посмотрела Дарья на проводника.

— В принципе можно никуда не ходить, лифт доставит нас в любую точку корабля. В самом кончике «лезвия» располагается нечто вроде рубки управления, куда сходятся все энерголинии и нервные связи, оттуда управлять этой машиной проще. К тому же стенка рубки представляет собой один общий полиэкран. Но если хотите, можете прогуляться по коридорам пешком.

— Хотим, — поднял руку Борята.

— Некогда, — отрезала Дарья. — Мы и так потеряли много времени на развертку спейсера. Успеем еще полюбоваться на его интерьеры. Сначала займемся тем, ради чего все это затеяли.

— Согласен, — кивнул Дар.

Пол тамбура под ногами молодых людей конвульсивно дернулся, образовал нечто похожее на чашу с невысоким

бортиком. Тихий свист коснулся ушей. Мигнули запрятанные в толще стен лифта светильники. Возникло ощущение движения, хотя инерции не ощущалось. Творцы звездолета знали секреты безынерционного движения.

Через минуту своеобразный лифт доставил пассажиров в помещение, форму которого трудно было оценить и описать словами: по сути, все оно состояло из пересекающихся наплывов и ложбин. Посреди помещения в гнезде из металлических на вид прутьев возвышалась растопырчатая стеклянно-фарфоровая глыба, напоминавшая по форме грубую скульптуру насекомого. По «скульптуре» бродили темные и светлые тени, стягиваясь в черные точки или вспыхивающие и тут же гаснущие звезды.

— Ух ты, красавец! — восхитилась Дарья. — Прямо-таки скульптура шмеля! Кстати, эта штукавина немного похожа на маатанина. Вы не находите?

— Мы не видели маатан.

— Ах да, я и забыла. — Дарья сморщила носик. — Амбре здесь, однако... будто на конюшне.

— Скорее как на сгоревшей пасеке.

«Привет, — мысленно поздоровался Дар. — Как поживаешь?»

В голове в ответ родилось ощущение в о п р о с а. Инк чужого космолета мыслил иными категориями и по-прежнему не воспринимал мысленно-вербальные вопросы, а также отвлеченное выражение вежливости в качестве важной информации. Он привык получать вводные для решения той или иной задачи и прямые приказы.

— Это... инк? — спросил Борята.

— Скорее устройство связи с инком, — сказала Дарья, быстро разобравшись в обстановке; она уже освоилась с положением командира, имеющего право отдавать машине команды, и демонстрировала отличную адаптацию к условиям чужого космического корабля. — Она только передает и воспринимает мысленные приказы. Пусть включит обзор.

Дар объяснил инку, чего они хотят, — на сей раз это да-лось легче, чем в первый, — и гладкие, в складках и кавернах, стены рубки посветлели, стали полупрозрачными, как матовое стекло, а в глубине каждой каверны образовалось окно с видом на окружающую корабль природу. Все каверны соединялись вместе в необычный вогнутый фасетчатый глаз,

и привыкнуть к такой подаче видеоизображения было просто.

— Глаза разбегаются... — пробормотал слегка ослотивший и притихший Борята. Только теперь он осознал, что находится на борту чужого космического корабля, довольно резко отличавшегося от известных ему земных сооружений. Чужеродность, таинственность, необычность пропорций корабля подавляли молодого целителя.

— Не знаю, кто на нем летал, — сказала Дарья, чувствуя себя, в отличие от Боряты, почти как дома, — но они должны были на чем-то сидеть.

— А если они полностью заполняли телами отсеки? Вдруг корабль строили какие-нибудь разумные слизняки?

— Даже если хозяева спейсера слизняки, они вряд ли набивались в отсеки, как сельди в бочку. В рубке должна быть система жизнеобеспечения пилотов и командира, давай попробуем включить ее.

Дар сосредоточился на диалоге с инком корабля, нарисовал ему мысленную картину: вылезающие из пола «бутоны» кресел, сажающиеся в них люди. Инк «задумался», но через несколько секунд все же сообразил, что от него требуется.

В потолке рубки набухли две голубовато-прозрачные груши, пролились на пол такими же стеклянными на вид перепонками, образовавшими самые настоящие соты-коконы, только размером со слона. В каждой ячейке такого кокона — всего их насчитывалось семь штук в каждом коконе — вполне мог разместиться человек.

— Мама родная! — ахнула Дарья. — Я поняла! Вот кто строил корабль — осы! Галикты!

Дар промолчал. Ему стало стыдно, что не он первый догадался, кому принадлежит нож-спейсер.

— Почему осы? — попытался возразить Борята. — Может быть, муравьи или термиты. Или пчелы.

— Нет, осы, я чувствую. Не такие, как у нас, но близкие к ним по коллективной психике и отношению к миру. Хищники, одним словом.

— Осы не хищники, — возразил теперь уже Дар. — Воры — может быть, так как нередко крадут готовый продукт, вместо того чтобы собирать нектар с цветов, но не хищники. Они нападают только в том случае, когда чувствуют угрозу.

— Пусть будет по-твоему, — махнула рукой девушка. — Сути это не меняет. Корабль строили осы или их родственники, к примеру, шершни. Здесь жил рой. Однако мне такие «кресла» не очень нравятся, сидеть в них неудобно. Попробуем объяснить инку, что нам надо?

— Давай.

Объединив усилия, молодые люди начали новый психдиалог с «мозгом» космолета и в конце концов добились успеха. Осиные коконы убрались в потолок, а пол превратился в самые натуральные соты, ячейки которых представляли собой чашевидные конструкции шестиугольной формы. В каждой такой ячейке мог разместиться один человек.

После десятиминутных консультаций с инком пассажиры окончательно подогнали форму трех ячеек под размеры своих тел и повеселели. Корабль все лучше реагировал на мысленные команды и быстрее соображал, что от него хотят новые хозяева.

Расселись по «пилотским» ячейкам.

— Взлетаем? — посмотрела на спутника девушка.

— Поехали, — отозвался он.

Короткий приглушенный звон донесся из глубин космолета. Он скачком взвился в воздух, завис над поляной на высоте сотни метров. Затем сделал еще один скачок и вынесся в космос.

Ни гула, ни грохота, ни рева реактивных двигателей, никаких неприятных ощущений — ни удара ускорения, ни невесомости. В рубку хлынул голубоватый свет атмосферы Земли, освещенной сбоку Солнцем.

— Класс! — шелкнула языком Дарья. — Джамп-режим! Этот «осиный» монстр ничем не уступает нашим спейс-машинам! Жаль, что с ним нельзя разговаривать, как с нашими инками. Те предупреждали бы о появлении опасности, а тут все придется делать самим.

— Справимся! — беспечно отмахнулся Борята. Он уже пришел в себя и чувствовал боевой азарт. — Вперед, молодцы, на бордаж! Йо-хо-хо и бутылка рома!

Дар и Дарья переглянулись, улыбнувшись такому проявлению чувств. Оба подумали об одном и том же: чем закончатся «ходовые испытания» корабля?..

— Куда летим?

— К Солнцу! Точнее — на Меркурий.

— Не возражаю. Пристегните ремни безопасности, господа.

Корабль прыгнул...

ГЛАВА 3

— Тебе надо уехать вместе с остальными, — сказал Железовский, не выпуская из объятий жену.

Они лежали на кровати в полной темноте, даже ночник не горел в толще потолка и не прыгали по стене цифры-молотки универсальных часов. Аристарх отключил их, чтобы ничто не мешало беседе. Но беседы не потребовалось, Забава отдалась с необычной жаркой страстью, словно душа ее ощутила тоску и призыв, надежду и жажду любви, и Аристарх теперь знал, что у них будет ребенок.

— Почему ты все-таки женился на мне? — еле слышно выдохнула она.

Он помолчал, ощущая себя необычно счастливым. Проговорил наконец:

— Потому что люблю.

— По любви обычно женятся слабые люди.

Он понял шутку, улыбнулся.

— Помнишь, как ты испугалась, когда я пришел к тебе и сказал, что не могу без тебя?

Забава тихонько рассмеялась.

— Еще бы не помнить. Пятнадцать лет понадобилось тебе, чтобы понять это. А ведь я влюбилась в тебя сразу, с первого взгляда, как девчонка, хотя старше тебя на много лет.

— Прости...

— Не могу. Женщина прощает только тогда, когда сама виновата. А я виновата лишь в том, что люблю тебя.

Он поцеловал ее в ложбинку на шее.

— Я был груб и недалек. До сих пор не понимаю, за что ты меня полюбила. Не за красоту же?

— Ты был и остаешься мальчишкой, несмотря на свой возраст, опыт и самолюбие. Во всяком случае, рисковать своей жизнью где надо и где не надо ты не перестал.

— Это состояние души.

— Жаль, что в этом состоянии тебе никто не нужен.

Он не обиделся, еще раз поцеловал жену, провел пальцем по груди, по животу.

— Наверное, так было. Но не всегда. Ты нужна мне, и ты это знаешь. И он, которого еще нет, — Аристарх нажал пальцем на живот Забавы, — тоже знает.

Она зябко вздрогнула, прижалась к мужу сильней.

— Мне страшно!.. За нас, за его судьбу... Я ведь не хотела ребенка именно потому, что впереди — один мрак. Человечество гибнет, деградирует, уходит и никогда не вернется, если верить Климу. Он-то видел, каким будет наш финал. Не потому ли не хочет возвращаться домой?

— Он видел финал конкретной популяции хомо вульгарис. Я верю, что человек разумный сохранится, разве что найдет другую среду обитания.

— Под человеком разумным ты имеешь в виду самого себя? — тихонько рассмеялась Забава.

— Будущее за интрасенсами. За теми, кто с рождения занимается сознательной эволюцией. За нами. Но в данный момент мы переживаем очередной кризис. Сколько их было и сколько еще будет? Тебе придется перебраться с Земли на Голгофу вместе с остальными. Хотя бы на время.

— Не хочу.

— Придется. Подумай о сестре и племяннице. После гибели мужа Власта нуждается в поддержке. На Земле вам оставаться нельзя, Служба начала планомерный отстрел интрасенсов.

Забава снова вздрогнула.

— Они не ведают, что творят... Неужели наверху не понимают, что уничтожением инакомыслящих только усугубляют ситуацию?

— Увы, история развивается по сценарию Маттера. Поход Клима в будущее, да и наши с Дашкой путешествия железно доказывают, что он прав. Человечество действительно являет собой спусковой механизм развития черной дыры техногенным способом. Все факты говорят об этом.

— Какие?

— Существует бесспорный факт поворота человеческой цивилизации на технологический путь развития. Магический путь, путь самосовершенствования и реализации возможностей был свернут, нейтрализован, извращен, и теперь мы имеем отдельно человека и отдельно технику, без кото-

рой он жить уже не может. За редким исключением. А дальше будет еще хуже: человек обыкновенный, паразитирующий на системе супертехнологий, будет этой же системой доведен до состояния полной безответственности, что, естественно, приведет к гибели вида.

— Это дьявольский план!

Железовский улыбнулся.

— Дьявол сидит в каждом человеке. Мы сами творцы своего будущего, которого вполне достойны. Знаешь, кто-то очень остроумно заметил: «Есть люди, в которых живет бог. Есть люди, в которых живет дьявол. А есть люди, в которых живут только глисты». Так вот последних — большинство.

Забава не выдержала, рассмеялась.

— Ты несправедлив к большинству.

— Что поделаешь, никогда не любил большевиков.

— Думаешь, меньшевики лучше? Впрочем, давай не будем философствовать в постели. Ты еще способен... на подвиги?

— А то!

Он осторожно повернулся к ней, губы их встретились...

Через час они расстались.

Забава пообещала к обеду забрать Власту с дочерью, встретиться с Карой, женой Джумы Хана, и другими женами интрасенсов и переселиться по секретной линии метро на Голгофу, планету неяркого оранжевого солнца в созвездии Ящерицы, где уже был готов к приему беженцев хорошо оснащенный лагерь. Аристарх же направился на остров Завьялова в Охотском море, где находилась база Сопrotивления. Оттуда планировалось начать операцию по уничтожению МК-завода на Меркурии, снабжающего энергоконсервами, к сожалению, не только все космические флоты человечества, но и научно-исследовательский центр Института пограничных физических проблем, запускающий мини-коллапсары в глубины эйнсофа.

Остров Завьялова представляет собой самый крупный из островов Охотии. В северной его части рельеф альпинотипный, как говорят географы, то есть изрезан ущельями и усеян горами, самая высокая из которых достигает тысячи ста метров над уровнем моря. Южная часть острова сглаженная,

равнинная, поросшая кустарником, кедровым стлаником и низкорослой березой.

База Сопротивления располагалась в северной части острова, в долине, образованной тысячи лет назад отступавшим заливом. Собственно база — пластилитовый бункер, оборудованный по последнему слову техники, — пряталась в глубине скального массива, где когда-то, более трехсот лет назад, находилась база атомных подводных лодок России. На самом плато стоял только старинный пост гидрометслужбы, используемый туристами в качестве своеобразной гостиницы. Он работал до сих пор — в автоматическом режиме, выдавал информацию о состоянии атмосферы и северных морей и не доставлял земной метеослужбе никаких хлопот. Его стометровая антенна в форме крестообразной решетки вызывала у туристов умиление, потому что стояла на вершине горы более двухсот лет. На самом деле это была многодиапазонная нелинейно-фазированная антенна невиданных параметров, прослушивающая вакуум всей Солнечной системы, способная поймать сигнал, сравнимый по мощности с горящим светлячком, на расстоянии в два миллиарда километров. Естественно, знали об этом только специалисты Сопротивления, многие из которых перешли на сторону интрасенсов из Службы безопасности и поэтому понимали, как нужно маскировать и хранить в тайне работу столь совершенного технического сооружения.

Железовский не стал рисковать и «светиться» перед аэроконтролем Северных территорий, добираясь до острова на обычном летательном аппарате: по официальным данным, на острове не было станции метро. Реальная картина выглядела иначе, база, конечно же, имела свой портал, линии которого пересекали не только Солнечную систему, но и Галактику. Аристарх вошел в кабину метро в Рязани и вышел уже в недрах острова, в отсеке метро базы.

Его ждали Ромашин, Хан, оба Золотько со своими обоймами риска и потирающий от волнения руки Маттер. Ксенопсихолог был оживлен и болтал без умолку.

— Мы в лаборатории поглядели на «обломок струны», — сказал он, увидев мощную фигуру Железовского. — Это не реликтовый стринг, каким был эйнсоф, скорее всего чаша является неудачной попыткой орилоунов бросить «струну» в

черную дыру. У нее настолько необычные параметры, что я просто балдею.

— Потом, — перебил его Железовский, глянул на Ромашина. — Где Долинго?

— Уже на месте, ждет команды, — вместо Ромашина ответил Карл Золотько. — Все готовы, ждали только тебя.

— Я вычислил, кто добыл отеллоидам суггесторы и парализаторы.

В отсеке стало тихо.

— Милослав Торопов, — добавил Аристарх хладнокровно. Ромашин сжал кулаки и сунул в карманы брюк.

— Ты... уверен?!

— Да. В спецхране Тайбея списана партия гипноиндукторов якобы для уничтожения «устаревших образцов». Забрал ее именно Торопов как председатель комиссии по разоружению СЭКОНа. Однако ни по одному ведомству, связанному с ликвидацией оружия, информация об уничтожении не проходила.

— Не могу поверить! — помрачнел Хан. — Он же бывший командор Погранслужбы, муж Власты...

— Бывший муж.

— Все равно.

— Неисповедимы пути завистливого, — поднял вверх палец Маттер. — Милослав всегда всем завидовал и таил амбиции. Вот и вырвался на волю весь его запас нелюбви к нам. Я еще хотел ему сказать...

— Не отвлекайся, Герхард, — перебил его теперь уже Ромашин. — С Милославом будем разбираться позже. Сначала решим две задачи: нанесем удар по МК-заводу и вызволим из СИЗО Купаву. Сверим часы.

— Семь ноль семь по среднесолу, — сказал Железовский, не глянув на часы. — Отсчет пошел...

Завод мини-коллапсаров — «энергоконсервов» для нужд звездного флота человечества и энергоемких производств на других планетах — располагался на дневной стороне Меркурия, на плато Жары. Верхний слой энергоконденсаторов завода занимал площадь в тысячу триста квадратных километров, но собственно сердце завода — генератор упаковки энергии в капсулы МК — прятался в недрах плато, на глубине два километра.

Завод имел собственную систему безопасности, управ-

ляемую общим контроль-инком, а также «живую» человеческую охрану, контролирующую выходы метро завода и стартовые зоны разной космической техники, куда прибывали и откуда отправлялись грузоматы, транспортирующие партии МК, а также спейсеры космофлота. Всего в смене «живой» охраны числилось двадцать шесть человек, в том числе — четыре оператора на центральном мониторе контроля.

В семь часов пятнадцать минут по среднесолнечному времени один из операторов вдруг почувствовал себя плохо. У него заболел живот, резко повысилась температура, началась рвота.

Вызвали штатного врача завода, но его не оказалось на месте. На работу он почему-то в это утро (условно-независимое, но на Меркурии это «утро» совпадало с утром на Земле в районе Гринвича) не вышел. Дежурный вызвал Управление аварийно-спасательной службы, и уже через три минуты в зале метро завода появились медики — двое мужчин и женщина, врачи «Скорой помощи». Они поднялись в зал контроля, развернули медкомбайн.

Операторы с любопытством наблюдали за их работой, на время забыв о своих обязанностях, что, конечно же, было ошибкой. Никто из дежурных не заметил, как в метро появились еще двое мужчин в серо-синей форме спасательного флота и в течение нескольких мгновений усыпили охранников.

Тотчас же один из медиков, огромный, как чемпион по сумо, только не в пример мускулистый и быстрый, достал из недр медкомбайна парализатор «василиск» и тремя выстрелами успокоил дежурных.

— Готово! — сказал он басом в каплю микрофона на губе; это был Аристарх Железовский.

Его спутник — Джума Хан — сел за пульт монитора, уверенно оглядел виомы контроля, показывающие главные участки завода, где находились «живые» охранники.

— Внимание! В связи с угрозой террористического акта производится экстренная эвакуация персонала! Всем работникам немедленно прибыть в отсек метро! Охране обеспечить явку и ждать приказа!

Произошла секундная заминка, охранники не сразу осознали свою роль, но лишь один из них решил переспросить, что случилось, и потребовал дополнительных инструкций.

— Сейчас к вам спустится сменщик, — отреагировал Хан. — Оставайтесь на месте.

Александр Золотко, стоящий за спинами руководителей операции, молча вышел из зала контроля. Ему не надо было объяснять, что делать.

Через две минуты к запасному пронзающему лифту, выходящему на поверхность плато, где дежурил непонятливый охранник, прибыл «сменщик», и дежурный уснул, не успев сообразить, что происходит.

Остальные охранники покинули свои посты и начали обходить посты операторов, чтобы проводить тех к залу метро. Никто из них не стал допытываться, кем проводится замена дежурных и кто руководит спасателями. Но если кто-нибудь и захотел бы позвонить своим друзьям или начальникам, чтобы выяснить истинную подоплеку эвакуации, им это не удалось бы сделать. Над заводом завис модуль широкодиапазонного подавления радиосвязи, не пропускающий ни одного сигнала. А рубка «струнной» связи завода была уже в руках диверсантов.

Оставалось убедить начальника смены завода, имеющего свои линии связи, техобеспечение и сеть контроля, что эвакуация проводится с ведома таких крупных организаций, как СЭКОН. Уговорами занялся сам Железовский, в то время как специалисты Золотко тихонько перекрыли возможные каналы утечки информации о проводимой втихую операции.

Начальник смены, пятидесятилетний марокканец Йосеманта, так и не узнал истинных причин происходящего. Он вообще не получил сообщений о «теракте», занятый игрой с инком своего кабинета в трехмерное домино.

Железовский не стал мудрствовать лукаво, изобретать способы убеждения марокканца в необходимости немедленного бегства с Меркурия и подтверждать свои полномочия. Он просто взломал замок кабинета — мысленно, переиграв обслуживающий помещение компьютер, и выстрелил в начальника мысленно-волевым приказом: спи! Гипноиндукторы ему были не нужны.

Йосеманта, повернувший голову к двери, послушно закрыл глаза и обмяк в кресле. Аристарх взвалил его на плечо и отнес к лифту, передал в руки оперативнику из группы Золотко.

Спустя восемь минут с момента начала операции эвакуация работников завода и охранников закончилась.

В зону слингера компактификации, как головоломно назывался генератор свертки МК, проникли взрывники и установили три вакуум-бомбы, в то время как инконики отряда меняли программу в главном процессоре завода. Это заняло еще шесть минут.

— Готово! — доложил по рации Карл Золотько.

— Запуск! — скомандовал Ромашин.

— Отсчет пошел!

— Уходим!

Отход группы занял всего три минуты. Завод обезлюдел, продолжая работать в автоматическом режиме, и спасти его было уже невозможно.

Служба безопасности УАСС Меркурия почуяла неладное, получив странное сообщение об эвакуации завода от кого-то из его работников, но предпринять ничего не успела.

В семь часов тридцать пять минут по среднесолнечному времени посреди плато Жары вдруг возник фонтан огня, дыма и осколков солнечных конденсаторов, вытянувшийся на высоту около ста километров. Он уничтожил три спутника планетарной метеослужбы и едва не задел станцию «Марго-2», на которой располагался центр управления исследовательской группой Института пограничных физических проблем, занимающейся экспериментами с эйнсофом.

К счастью, обошлось без человеческих жертв, о чем стало известно позднее. Однако завод МК перестал существовать, превратившись в провал в пространстве. На его месте образовалась внушительная воронка глубиной в три и диаметром в пятнадцать километров.

* * *

— Меня смущает один маленький нюанс, — произнес Джума Хан, в нерешительности потянув себя за ухо. — Если мы уничтожили МК-завод здесь, в нашем времени, то каким образом он воскрес там, в будущем?

Сидящие в кают-компаниях базы мужчины переглянулись.

Операция прошла исключительно успешно, и все ее руководители собрались на базе Сопротивления, чтобы обсу-

дить детали операции и дальнейшие планы. Настроение у собравшихся было мажорное, поэтому многие позволили себе налить по бокальчику вина, а Карл Золотько даже не отказал себе в удовольствии пропустить стопочку водки и теперь находился в состоянии легкой эйфории. В отличие от отца младший Золотько пил только сок. Он был молод, целеустремлен и старался выглядеть самостоятельным.

Больше всех захмелел Герхард Маттер, отчего пристал к Золотько-старшему, найдя в нем родственную душу, и проникновенно поделился с ним результатами своих научных изысканий.

Начал он издавна — с открытия Маата, планеты, оказавшейся искусственным объектом, инкубатором черных людей. Карл еще не беседовал с ксенопсихологом и слушал его с интересом, узнав, что маатане — изделия других негуманоидов — орилоунов, накапливали энергию и информацию не зря, так как являлись, по сути, зародышами черных дыр. Но когда Маттер заговорил о масштабных уровнях Вселенной, каждый из которых должен был иметь свой тип разума, Ромашин прервал ученого:

— Герхард, отстань от человека. Пусть отдохнет от умных речей. Скажи-ка лучше, что ты думаешь о богоиде? Наши наблюдатели засекли его над Меркурием во время взрыва завода.

Речь шла о «глазастом фантоме», странном объекте в форме прозрачного облачка с тысячей мигающих вразнобой внимательных глаз. Этот фантом, названный богоидом, появился впервые в Солнечной системе двадцать лет назад, после развертки «обломка суперструны» в эйнсоф, затем исчез и вот объявился снова.

— Богоид — всего лишь реализованный кем-то принцип оптимизации реальности, — небрежно сказал Маттер. — Не только наблюдатель, но еще и корректор, каким-то образом влияющий на события на макроуровне. Там, где он появляется, квантовые флуктуации вакуума ныряют под порог «шума», уменьшают амплитуду. Это зафиксировано статистически. Зачем он это делает, вопрос другой.

— Когда появляется богоид — жди беды. — Ромашин посмотрел на Железовского. — Может быть, мы не все сделали? Я имею в виду — взрыва МК-завода мало?

— Я бы еще грохнул «Марго» с базой физиков, — сказал

Джума Хан. — Чтобы надолго отбить у них охоту заниматься экспериментами с эйнсофом.

— Совет рассматривает эту идею, — сказал Ромашин. — К сожалению, реализовать ее будет сложно. На станции работает около ста человек, это вам не завод-автомат.

— Доверьте это дело моему сыну, — предложил Золотко-старший. — Он справится.

Александр Золотко смутился, но промолчал.

— Как решит Совет, так и будет, — буркнул Железовский, глядя на Маттера исподлобья. — Ты что-то там говорил о втором «обломке струны» — в форме чаши.

Ксенопсихолог оживился.

— Пока вы бегали по временам, я с ребятами еще раз покрутил чашку в нашей лаборатории. Оч-чень интересная вещь, скажу я вам! Она находится в «перекинутом» состоянии и довольно опасна.

— Что значит — в перекинутом?

— Ее «обломали» намеренно, свернули по шести измерениям, поэтому она крайне неустойчива.

— Так избавься от нее!

— Зачем? — ухмыльнулся Маттер. — Лучше подбросьте ее отеллоидам, пусть порадуются. Они ведь за ней охотились в мире ваших потомков?

— Ты с ума сошел! — хмыкнул Джума Хан.

— Ничуть. Пусть запустят ее в эйнсоф. Любопытно будет посмотреть, что получится.

— А что может получиться?

— Если «обломок» развернется — сделает из эйнсофа натуральную «суперструну», упрятанную под «шубу» из максимумов в глубинах вакуума. Если же он свернется — образуется микродыра, которая заберет часть энергии эйнсофа, но не станет ядром большой черной дыры. Получится большой энергетический вейвлет, который слегка разогреет атмосферу Солнца — на пару миллионов градусов. Но кратковременно, так что катастрофы не будет. Зато в обоих этих случаях грандиозной развертки эйнсофа не произойдет и черная дыра не родится.

— Ты уверен?

— Я ни в чем не уверен, — радостно объявил ксенопсихолог, — даже в собственной непогрешимости. Но расчеты говорят, что я скорее всего не ошибаюсь. Пусть Аристарх

проверит, он хороший математик. Кстати, я сделал карту распределения черных дыр вокруг центра Галактики. Не хотите полюбоваться?

Присутствующие в кают-компании переглянулись.

— Может, в другой раз? — поднял бровь Ромашин.

— Пусть покажет, — буркнул Железовский.

Маттер с готовностью поднялся, сунул иглу компакта в гнездо ввода на «кактусе» вириала. Над полом в углу помещения сформировался сферический объем изображения с галактикой внутри, красивой, состоящей из трех ярко выраженных спиралей и одной слабенькой. Это был Млечный Путь, звездный дом человечества.

— Вот, обратите внимание.

Вокруг ядра галактики с черным шариком в центре загорелось ожерелье огоньков алого цвета.

— Это Стрелец А, так называемый балдж, сердце Млечного Пути. — Палец Маттера коснулся ядра с черным зрачком. — В пределах одного светового года от него бродят около десяти миллионов звезд. Черная дыра там, формирующая движение звезд, обладает массой в два с половиной миллиона масс Солнца. А вот эти красные огоньки — черные звезды меньшей массы, от трех до сотен масс Солнца. Ничего не замечаете?

В комнате некоторое время было тихо. Потом шевельнулся Александр Золотко.

— Дуги...

— Верно, молодец! Скопления черных дыр образуют дугообразные комплексы, которые, в свою очередь, напоминают нейронные кластеры в мозгу человека. Но даже если это просто совпадение, подобные необычные конфигурации из экзотических космических объектов вроде черных дыр заставляют предположить, что это искусственные образования.

— Или проявление физического закона, какого мы еще не открыли, — проворчал Железовский.

— Не спорю, — согласился Маттер. — Но лично я считаю эти дуги признаком разумной деятельности, тем более что сами черные дыры вполне претендуют на роль разумных объектов. Пусть и чудовищно далеких от человека.

— Вот здесь нет черных дыр... — показал внимательный Джума Хан.

— Правильно, это локальное нарушение второй дуги, или, как говорят кристаллографы, нарушение дальнего порядка. Но как раз здесь и находятся коричневый карлик Шив Кумар и наше солнышко. Понимаете, о чем речь?

— Строительство дуги не завершено...

— Именно! Вот почему Солнечная система продолжает оставаться объектом пристального внимания всякой нечисти. Сначала были черные люди, маатане, теперь отеллоиды. Тот, кто организовал процесс ускоренного онтогенеза черных дыр в Галактике, все еще не теряет надежды на превращение нашего Солнца в черную дыру. Эйнсоф по-прежнему остается самым перспективным объектом для запуска процесса рождения сингулярности.

— Я не понял, кого ты подразумеваешь под «тем, кто все это организовал», — с сомнением посмотрел на ксенопсихолога Джума. — Уж не сами ли черные дыры?

— Есть два варианта. Всем управляет черная дыра в центре Галактики — это первый. Она создает команду, и та уже непосредственно занимается исполнением плана. Отеллоиды — это и есть такая команда. Второй вариант: разработали всю эту бодягу с черными дырами еще Вершители, о которых мы знаем только то, что они когда-то существовали и что они крутые негуманы. Их деяния нельзя мерить мерками человеческой логики, психологии и морали, они находятся по другую сторону добра и зла.

— Нам от этого не легче, — хмыкнул Джума.

— Насчет Вершителей можно поспорить, — сказал Железовский. — Помнится мне, двадцать лет назад ты утверждал, что Клим при успокоении Шаламова стал Вершителем.

— Теперь я так не думаю. Возможно, Вершитель — на самом деле последовательность состояний высшего разума, проявляющегося иногда и на уровне человеческого бытия. Но над этой проблемой еще работать и работать.

— Ладно, друзья, договорим в следующий раз, — подвел итог беседы Ромашин. — Отдохнули? Пора заняться делами. На повестке дня два вопроса: освобождение Купавы и эвакуация наших семей.

— Три, — качнул головой Джума Хан.

Ромашин вопросительно посмотрел на него.

— Торопов, — добавил бывший врач «Скорой помо-

ши». — Он может весьма ощутимо навредить Сопротивлению, если переметнулся на сторону врагов.

— Я займусь им лично, — мрачно проговорил Железовский.

— Тебе надо лететь к Даше, — возразил Игнат. — Трансфер у нас только один, и только ты знаешь, что делать.

— Успею.

— Предоставьте это дело моему сыну, — снова предложил Карл Золотко. — Он найдет Торопова и ликвидирует.

— Ликвидировать его не надо, мы с ним сначала поработаем, выясним все обстоятельства дела и уж потом решим, насколько он опасен.

— Тогда разошлись. — Ромашин встал. — Я займусь Купавой. Джума со мной.

Поднялись и остальные. Сидеть остался лишь Железовский.

— Я свяжусь с Умником института отсюда, — пояснил он свою медлительность. — Буду нужен, «спрут» меня найдут.

— Можно, я тоже останусь? — посмотрел на всех по очереди Маттер. — Мне все равно, где жить, а машина здесь хорошая.

— Только не мешай, — буркнул Железовский.

— Не буду! — клятвенно пообещал Маттер.

— До связи. — Ромашин кивнул и вышел вслед за Джумой.

ГЛАВА 4

Власта Боянова, сестра Забавы, жила с дочерью в пилон-башне на Луне, на семьдесят третьем этаже. Ее бытовая капсула, состоящая из трех комнат — одна над другой, могла поворачиваться вокруг оси, поэтому хозяйка квартиры имела возможность выбирать пейзаж, видимый сквозь прозрачные изнутри стенки капсулы. Правда, разнообразием лунные пейзажи не отличались: горные складки, кратеры, ущелья, Земля над горизонтом либо Солнце в зените — вот и все детали, оживляющие ландшафт естественного спутника Земли. Почему Власта после окончания карьеры комиссара безопасности выбрала местом постоянного проживания именно Луну, никто не знал, даже родная сестра. Сама Заба-

ва никогда не поселилась бы здесь, предпочитая родные природные условия.

В это утро девятнадцатого сентября она прибыла на Луну по ветке метро, взяла лунный куттер и оставила его у подножия пилон-башни, построенной по проекту Ханса-Юргена Ромбата из Роттердамской архитектурной академии. Затем поднялась на лифте на семьдесят третий этаж.

Пилон-башня представляла собой трехсотметровой высоты ажурную стрелу-каркас, в которой висят жилые капсулы — капли, напоминающие космические корабли. Летать эти капсулы не могли, но в случае разрушения башни от удара метеорита или по другим причинам плавно опускались на почву, сохраняя хрупкий человеческий багаж. Кроме того, каждая капсула имела собственную систему обслуживания, подачи тепла, энергии, воздуха и воды, удаления мусора, а также специальные тренажеры и генераторы гравитации, позволяющие приближать силу тяжести в квартире к земной.

Власта встретила Забаву в черном платье и в черной козынке. Она все еще ходила в трауре после гибели и похорон мужа. Сестры обнялись.

— Как ты? — спросила Забава.

— Все так же, — ответила Власта ровным голосом. Отстранилась, разглядывая лицо сестры. Брови ее приподнялись. — А вот у тебя, по-моему, что-то случилось. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься, — слабо улыбнулась Забава. — Мы с Аристархом решили на ребенка.

— Ну и ну! В лесу дуб повалился! Ты же была против?

— Была. А потом он вдруг предложил и так волновался... как обыкновенный мальчишка... и я поняла, что была не права. Нельзя жить только для себя, ссылаясь на объективные проблемы, мешающие иметь детей. Ты же воспитываешь дочь и не жалуешься.

— Не знаю, что бы я делала, если бы не Карина. Ей уже двадцать шесть, но мы вместе и не собираемся расставаться.

— Когда-нибудь придется, когда у нее появится парень. Где она? Пора собираться.

— Прощается с подругами, обещала скоро вернуться.

Забаву прошлась по гостиной, разглядывая безделушки за прозрачными панелями стенных шкафов, остановилась у

витейра: Власта, ее дочь, уже взрослая, и симпатичный мужчина с шапкой вьющихся светлых волос и голубыми глазами. Это был Дмитрий Столбов, бывший инспектор-офицер криминального розыска СБ, муж Власты. На витейре он улыбался, не зная, что ждет его впереди.

— Он знал, что его убьют, — сказала приблизившаяся Власта. — Прощался так, будто навсегда.

Забава оглянулась. Глаза сестры сухо блеснули. В них стояли печаль и удивление, все слезы она давно выплакала.

— Мы скоро узнаем, кто это сделал.

— Какая разница? — скривила губы Власта. — Диму уже не воскресишь.

— У него была, я помню, любимая поговорка: если жена молчит, лучше ее не перебивать.

Власта с грустью улыбнулась.

— Он был удивительно терпелив. Ты же знаешь, какая я бываю иногда ужасная, несдержанная, но Дима всегда стойчески переносил мои капризы. Ладно, не хочу воспоминаний, не хочу слез... Давай собираться. Ты без вещей? Или мы потом зайдем к тебе?

— Аристарх рекомендовал не набирать лишнего, там все есть. Я взяла лишь самое необходимое.

— Тогда я тоже возьму только личные вещи.

В прихожей прозвенел звонок.

Женщины переглянулись.

— Ты кого-нибудь ждешь? — нахмурилась Забава.

— Нет. Это, наверное, Карина.

— Карина могла бы и не звонить, домовый открыл бы ей дверь сам.

Забава привычно включила сферу гипервидения, глаза ее расширились.

— Господи!

— Что?! — испугалась Власта; в отличие от сестры она не была интрасенсом и не могла видеть сквозь стены. — Это за нами?! Служба?!

— К тебе гость.

— Кто?!

— Милослав.

— Какой Милослав? — не сразу поняла женщина.

— Торопов, твой бывший муж, отец Карины, кто же еще.

— Зачем он пришел?!

— Это ты у него спроси.

Звонок повторился.

— Будешь с ним говорить?

— Нет! Нам не о чем разговаривать!

— Ну хоть выслушай, что он скажет. Даже интересно, столько лет прошло, вспомнил.

— Он мне часто звонил, каждые три месяца, а иногда заходил домой.

— Да? Ты мне не говорила. При Диме тоже звонил?

— Вычислял, когда я одна, и звонил. Предлагал забыть старые обиды и начать снова жить вместе. Кстати, Карина иногда с ним встречалась, отец все же, я не препятствовала. Но никогда не приглашала его к себе. Он приходил сам.

— Давай откроем, послушаем, что запоет. А я позвоню Аристарху и буду рядом.

Власта заколебалась.

— Ты думаешь, это необходимо?

— Я слышала, что Милослав работает на Службу и вроде бы является инициатором похищения гипнотронного оружия. Его надо задержать.

— Хорошо, как знаешь. — Власта окликнула домового: — Миша, открой дверь.

Забава быстро спустилась на третий уровень капсулы, в спальню, вызвала мужа:

— Аристарх, я у Власты. К нам заявился Милослав. Что делать?

Железовский размышлял ровно две секунды.

— Задержите его!

— Я уже поняла.

— Ждите.

Связь прервалась.

Забава снова настроилась на гиперчувствование и превратилась в слух.

Торопов был не один. С ним пришли двое молодых людей мощного телосложения, одетые в стандартные коконы Службы, но Власта их не впустила, и по знаку Торопова они остались у входа в капсулу-квартиру Власты, на холл-площадке. Сам же Милослав спустился в прихожую на лифт-подъемнике.

Некоторое время Власта и бывший муж, с которым она не жила уже больше двадцати лет, разглядывали друг друга.

Милослав, прежде тонкий и стройный, как юноша, явно пополнел, обрел животик, но выглядел хорошо. Шапка седых волос не портила его, а вот капризно изогнутые губы придавали лицу выражение недовольства и холодности.

— Ты одна?

— Как видишь. Зачем пришел?

— Ты все такая же, — прищурился Торопов. — Не меняешься. Разве что одета не по моде. Черный цвет тебе не к лицу.

— Черный цвет к лицу тебе, — сухо отрезала Власта, сдерживаясь, чтобы не нагубить. — Тебе разве не известно, что мой муж погиб?

В глазах бывшего командора Погранслужбы мелькнули злые огоньки.

— Он сам виноват... — Торопов запнулся.

Власта раздула ноздри, глаза ее сузились.

— Что значит — он сам виноват?! Ты знаешь подробности гибели Димы?!

Глаза Торопова вильнули.

— Мне рассказывали... ему предложили работать на Службу, он отказался...

— За это не убивают. Но его убили!

— Ну... не знаю... меня там не было.

— Где — там?!

— Ты сама все знаешь. Он попытался утихомирить банду «эскадронов жизни» в Судане... не понимаю, какого черта его туда понесло. Короче, речь не об этом. Твоего Столбова уже не вернешь. Предлагаю забыть его и начать все сначала.

Власта покачала головой.

— Как это легко у тебя получается — забыть. Я люблю его, понимаешь? До сих пор люблю! Никто мне не нужен! И дочери моей тоже. Мы прекрасно обойдемся без мужа и отца, появляющегося раз в году и забывающего о днях рождения.

— Я тоже люблю тебя!

— Наверное, любишь, — согласилась она. — Только по-своему, эгоистически, властно и бесцеремонно. Ты хочешь, чтобы я была твоей комнатной женщиной, согласной с любым твоим решением, принимающей все твои игрища и прощающей все похождения. Мне такая однобокая «любовь» не нужна!

— Ты не понимаешь...

— Почему же? Чего я не понимаю?

— Все изменилось... только я могу помочь тебе в нынешние времена. Тебя никто не защитит! Даже твоя сумасшедшая сестричка и ее муж-амбал! А я — могу!

— Ты уверен?

Торопов гордо приосанился.

— Я работаю в Службе, председатель комиссии по контролю за ликвидацией устаревших вооружений, это большая должность! В моей власти казнить и миловать, через мои руки проходят большие деньги...

— И гипногенераторы, — добавила Забава, поднимаясь из спальни в гостиную на щите подъемника. — Не так ли, господин бы в ш и й пограничник?

— Забава! — пробормотал Торопов, меняясь в лице. — И ты здесь... Вы все знаете...

— Не все, — качнула головой Боянова-старшая. — Мы не знаем, зачем тебе это понадобилось — красть списанное гипнотронное оружие и передавать черным негуманам.

— Чушь! Я передал суггесторы своему сыну... — Торопов прикусил язык.

— Значит, и твой сын замешан в этом неблагоприятном деле? Просто замечательно! А зачем ему оружие? Твой сын — эксперт по оружию? Ликвидатор? Разработчик новых видов оружия? Неужели ты не понял, что похищенные тобой суггесторы предназначены не для добрых дел? Как они оказались у отеллоидов?

— У кого?

— Ты не знаешь, кому твой сын передал генераторы? Поистине прав Аристарх, говоря, что у одних оба полушария защищены черепом, у других — штанами. Неужели ты потерял нюх пограничника? Или совесть?

Торопов потемнел. Рука его дернулась к поясу с держателем «универсала».

— Вы не понимаете, с кем связались! Я вас...

— Убьешь? — насмешливо приподняла бровь Власта. — Как Диму? Ты же только что клялся в вечной любви и готов был сделать для меня все возможное и невозможное.

— Вы слишком далеко зашли...

— Это ты далеко зашел. Уходи! Мы с Кариной прекрасно обходились без тебя все двадцать лет, проживем и дальше.

— Вам придется пойти со мной.

— Это еще зачем? — усмехнулась Забава. — Ты решил взять нас в качестве заложников?

— Вы пойдете со мной!

— Не пойдем.

— Тогда я... — Скрюченные пальцы гостя легли на рукоять «универсала».

Забава выпрямилась, глаза ее метнули молнии.

Торопов отшатнулся, бледнея.

В то же мгновение за его спиной сгустился воздух, пропуская огромную фигуру, которая сгребла его одной рукой за шиворот, а второй вырвала из руки оружие. Отшвырнула бывшего командора погранслужбы к стене.

— Вовремя, — с облегчением сказала Забава. — Там с ним были двое парней.

— Не двое, а целых четверо. Они уже практически отдыхают. — Железовский спрятал «универсал», оглядел женщин. — С вами все в порядке?

— Он хотел забрать нас с собой, — вздохнула Власта. — Все его слова о любви яйца выеденного не стоят. Это всего лишь попытка оправдаться перед самим собой. Любит он только себя.

В комнате появились Александр Золотько и оперативник из его группы.

— Уведите, — кивнул на Торопова Железовский, — и допросите. Он много знает.

— Я ничего не скажу! — гордо вскинул голову Торопов. — Вы ничего не сможете сделать! За мной придут... — Он сделал усилие и умолк.

— Придут, — согласился Аристарх. — Мы будем ждать. Особенно мне хотелось бы встретиться с твоим сынком и моим давним приятелем Вацеком Штыбой. Я знаю, что партию суггесторов, предназначенную для ликвидации, вы продали именно ему. Много он заплатил?

— Не твое дело!

— Согласен, не мое. Это уже дело трибунала. Уведите!

— Не имеете права! Я представитель СЭКОНа! Вы все предстанете перед судом! Я вас уничтожу!

— Вот цена его слова, — грустно улыбнулась Власта. — А ведь как хорошо начинал, слеза просилась.

— Он всегда хорошо говорил, — презрительно скривил

губы Железовский. — «Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец...» Была такая песенка много лет назад.

Торопова, несмотря на его яростное сопротивление, скрутили и унесли.

Железовский прошелся по гостиной, мысленно общаясь с оперативными службами, принимавшими участие в операции. Повернулся к женщинам:

— Собирайтесь, я провожу вас.

— Мы ждем Карину, — сказала Забава.

— Она с Аумой и Карой ждет вас на базе.

— Почему же не позвонила? — огорчилась Власта.

Раздался тихий свист домового.

— Уже звонит.

Власта включила виом, заговорила с дочерью, радуясь, что с ней все в порядке, и укоряя ее за то, что не дала о себе знать.

Забава подошла к мужу, обняла, запрокинув лицо.

— Я так рада, что ты не меняешься... в отличие от него. Надеюсь, вы оставите его в живых?

— Мы не бандиты, — усмехнулся Железовский. — Нам не нужна его смерть. Пусть живет. Если сможет. Мне жаль его.

— Мне тоже. Куда ты потом?

— Есть небольшое дело. Надо освободить Купаву.

— Будь осторожен. Я знаю, ты не привык шадить себя во имя дела, но все же ты не бессмертен, сенс.

— Уже бессмертен, — серьезно сказал он, погладив жену по животу. — Вот оно, мое бессмертие. Но обещаю, что буду очень осторожен.

— Я люблю тебя!

Железовский поцеловал жену, обнял за плечо, посмотрел на Власту:

— Идем, сестренка, у нас мало времени.

Власта выключила виом, подхватила сумку, и они поднялись наверх, где их ждали оперативники Золотько.

* * *

В двенадцать часов дня по времени Копенгагена в городское полицейское управление позвонил комиссар земного сектора общественной безопасности Люк Розенбаум и пре-

дупредил, что комиссия СЭКОНа по правам человека намерена провести проверку состояния копенгагенских учреждений исполнения наказаний.

Начальник полиции Копенгагена господин Ливр Колбасс воспринял сообщение без энтузиазма, но уточнять, кто принял такое решение, а тем более возражать не стал. Спросил лишь, кто назначен ответственным за мероприятие от комиссии. Ответственным оказался советник СЭКОНа Рене Борда, семидесятилетний француз, бывший когда-то комиссаром безопасности земного сектора.

В принципе ничего сверхъестественного в работе комиссии не было, и начальник полиции отдал подчиненным приказ всячески содействовать высоким гостям, от оценки деятельности ГУИН которых зависело многое, в том числе прочность положения самого Ливра Колбасса.

Комиссия прибыла в Копенгаген оперативно — уже через час после предупреждения. В нее входило восемь человек в возрасте от двадцати пяти до сорока лет. Возглавлял ее бодрый на вид толстячок с румяным лицом и прицеливающимися умными глазками. Это и был Рене Франсуа де Шампольон Борда, имевший на руках сертификат советника СЭКОНа и карт-бланш — документ особых полномочий, разрешающий ему доступ к самым секретным материалам спецслужб Дании.

Работу комиссия начала с посещения Лимбургского центра, где отсиживали свой срок террористы и уголовники Центральной Европы, прославившиеся пренебрежением как к жизни рядовых граждан, так и к своей собственной.

Здесь члены комиссии не задержались, так как централ содержался образцово, заключенные ни в чем не нуждались и требовали только одного — выпустить их на свободу. Хотя многие из них отбывали пожизненные сроки.

В половине пятого малоразговорчивая группа СЭКОНа добралась до Восточного следственного изолятора, заключенные которого обвинялись в посягательстве на закон и порядок, а также в попытках изменения существующего общественного строя. Члены комиссии прошли по камерам, затем начали вызывать заключенных в кабинет начальника изолятора — для «определения нуждающихся в работниках реабилитационной службы». Начальник изолятора попытался было возражать, но руководитель комиссии показал ему

карт-бланш, и главный тюремщик СИЗО благоразумно отступил.

Третьим заключенным, вызванным в кабинет, была женщина, Купава Мальгина, в документах на которую значилось, что она «сотрудничала с опасными антисоциальными элементами и готовила правительственный переворот». Никого из тех, кто ее допрашивал, она не знала и сразу потребовала адвоката, а также заявила, что ни в чем не виновата.

— Все они так говорят, — криво улыбнулся начальник изолятора, — а на проверку выходит все наоборот.

— Кто занимается этим делом конкретно? — осведомился Рене Борда, с лица которого ушло все его благодушие. Бодрым старичком он уже не выглядел, скорее — имеющим большие властные полномочия чиновником.

— Особый отдел Службы безопасности, — нехотя ответил начальник изолятора. — Она уличена в связях с... э-э, психически ненормальными людьми.

— То есть с интрасенсами? Вы их имеете в виду? Но ведь за это не преследуют. Многие из нас контактируют с интрасенсами, а Служба даже пользуется их услугами. Да и не только СБ, но и правительственные, и научные учреждения.

— Это не мое дело, — сухо сказал начальник изолятора. — У вас большие права, обратитесь к вышестоящей инстанции. Я отвечаю лишь за порядок и содержание заключенных во вверенном мне учреждении, чтобы они ни в чем не нуждались. Остальное не в моей компетенции. Жалобы у вас есть на условия содержания? — обратился он к подследственной.

— Нет, — отрезала Мальгина, — но я ни в чем не виновата и требую немедленного освобождения!

— К сожалению, я не в силах решить...

— Мы заберем ее, — перебил начальника руководитель комиссии. — Приготовьте сопроводительные документы. Поскольку она является гражданкой России, ее будет судить российский суд и ее делом будут заниматься российские правоохранительные органы.

— Вы не имеете права! — изумленно возразил начальник изолятора. — Для ее экстрадиции требуется решение Европарламента.

— Не требуется, — равнодушно сказал сопровождавший руководителя комиссии смуглолицый усатый мужчина в

форме инспектора-официала прокурорского надзора и выстрелил в хозяина кабинета из парализатора «василиск».

— Время пошло! — сказал второй, седой и прозрачноглазый, с твердой складкой губ. — У нас всего две минуты! Видеокамеры выдают информацию охране каждую вторую минуту.

— Кто вы?! — опомнилась Купава.

— Друзья, — улыбнулся Рене Борда. — Вы в состоянии передвигаться самостоятельно?

— Конечно!

— Ну и прекрасно. Нас ждут в другом месте, и у нас очень мало времени.

— По-моему, я вас где-то видела.

— Я друг Аристарха Железовского и Джумы Хана. Рене Франсуа Борда к вашим услугам. — Глава комиссии поклонился. — Идемте.

Через минуту группа мнимых представителей СЭКОНа (не считая самого Борда) прошла два блокпоста со спящими на местах охранниками и скрылась в бункере метро. Вызванная по тревоге обойма спецназа европейского ОБРа обнаружила в собственном кабинете парализованного начальника изолятора, полтора десятка спящих охранников и надзирателей, однако накрыть или догнать похитителей подследственной из России не смогла.

ГЛАВА 5

Музыка лилась широко и свободно, вызывая ассоциации раздольных степей, великих лесов и могучих рек, текущих медленно и величаво, бескрайнего простора неба и ветра, овевающего разгоряченное лицо. Но вот она стала слабеть, уходить за горизонт, разбилась на десятки прозрачных ручьев и ушла в землю, осыпалась росой на траву, поднялась к небу струйками пара, оставив ощущение печали и ожидания...

Джума Хан закрыл синтезатор, потянулся всем телом, встал.

— Прошу прощения за издевательство над классикой.

Слушатели заплодировали.

— Тебе надо было стать музыкантом, — пророкотал Железовский одобрительно, рассматривая рассеянно-задумчи-

вое лицо друга, — а не врачом «Скорой помощи» и уж тем более не безопасником.

— Что поделаешь, не угадал я с выбором профессии, — пожал плечами Джума, поймал взгляд жены. — Правда, вот она считает, что я не ошибся.

Карой подошла к мужу, поцеловала в щеку, повернулась к Аристарху:

— Тебе тоже надо было стать не математиком, а по крайней мере комиссаром безопасности.

— Я мог стать художником, — не обиделся Железовский. — Леня помешала.

— Есть хорошая поговорка на этот счет, — засмеялась Карой. — Леня простого русского человека — это не грех, а совершенно необходимое средство нейтрализации кипучей активности руководящих дураков.

На лицах присутствующих замелькали улыбки.

На базе Сопротивления собралось около тридцати человек — все, кто собирался переселяться на другую планету, к другому солнцу, в основном женщины и дети интрасенсов. Настроение у людей было подавленное, никому не хотелось ломать сложившийся образ жизни, покидать родину, прощаться не только с природой, но и с друзьями. Если бы не обстоятельства. Музыка и шутки старших немного разрядили обстановку.

— Все, пора, — сказал Ромашин. — Квартирьеры ждут.

Люди, нагруженные ручной кладью, потянулись к отсеку метро базы. Кают-компания почти опустела. Остались трое: Железовский, попрощавшийся с женой, Ромашин и Маттер. Джума проводил жену и вскоре вернулся с мрачным лицом. Мужчины молча посмотрели друг на друга.

— Мне тоже пора, — буркнул Аристарх.

— Аума просилась с тобой, — улыбнулся Джума. — Утверждала, что Дарья без нее не справится.

— Она хорошая девочка, — кивнул математик, — и я взял бы ее с собой, будь у нас еще один транслятор.

— Взяли бы лучше меня, — проворчал Маттер. — Что пользы от девчонки, какая бы она ни была красивая и умная.

— Она неплохо показала себя в первом походе с Дашкой.

— Все равно. Я бы смог оценить состояние эйнсофа, это важнее.

— Ты бы смог определить материал, из которого слеплены отеллоиды? — перевел разговор Железовский.

— Дайте образец — определю. Но, судя по вашим рассказам, это квантовая смола.

— Какая смола? — удивился Джума.

— О квантовой жидкости и квантовых кристаллах вы, наверное, слышали, их свойства изучают в институтах. К примеру, сверхтекучий гелий — это квантовая жидкость, а вакуум — квантовый кристалл. Квантовая смола — очень интересная метастабильная субстанция, способная поддерживать форму, как кристалл, накапливать энергию и превращаться в жидкость при определенном запороговом воздействии. Мало того, она энергетически нестабильна и при опять же определенном импульсе может полностью перейти в энергию.

— То есть взорваться?

— Это не взрыв, процесс больше напоминает аннигиляцию, хотя с антиматерией никак не связан.

— Каков энерговыход процесса?

— Почти точно по формуле: E равно mc^2 в квадрате.

Все посмотрели на Железовского.

— Представляешь, что может произойти? — нахмурился Ромашин.

Аристарх поморщился:

— Мне надо было самому дотумкать.

— Ходячие ядерные бомбы! — фыркнул Джума Хан. — Ни фиги себе!

— Отправляйся немедленно, — сказал Ромашин. — Они все там в большой опасности! — Он хмуро глянул на Маттера. — Почему не предупредил раньше?

— Меня никто не спрашивал, — огрызнулся ксенопсихолог.

— Все взял? — обошел Железовского кругом Джума Хан.

— По максимуму. К сожалению, трансфер сможет перебросить груз массой не более двухсот килограммов. Я вешу сто двадцать четыре, вот и считай.

— Маловато будет. На оружие почти ничего не остается.

— Там добуду.

— Возьми «обломок струны», — сказал Маттер. — Подсунь отеллоидам, пусть порадуются... какое-то время.

— Ты абсолютно уверен, что чаша не послужит ядром

коллапса? — осведомился Джума. — Вдруг твои расчеты неверны и мы получим в будущем черную дыру вместо «струны»?

— Я редко ошибаюсь в таких случаях, — меланхолически заявил Маттер.

— Не знаю, стоит ли рисковать, — качнул головой Ромашин. — У нас нет никаких гарантий, что чаша развернется именно так, как мы себе представляем.

— Чаша физический объект, а не магический жезл, не подчиняющийся законам физики. Законы же эти универсальны для любого района Вселенной.

— До определенных условий.

— Не спорьте, — сказал Железовский. — Я возьму чашу и попытаюсь найти Клима, он должен знать, чем грозит развертка чаши в «струну».

— Тогда бывай здоров.

Мужчины обнялись, похлопали друг друга по спинам.

Железовский включил трансфер и исчез.

Оставшиеся некоторое время смотрели на то место, где он стоял, испытывая противоречивые чувства.

— Ему придется отдуваться за нас всех, — вздохнул Джума.

— Да уж, отдыхать будет некогда, — помрачнел Ромашин.

— Берегите Землю, отдыхайте за ее пределами, — хохотнул Маттер.

Все посмотрели на него. Он виновато отвел глаза.

— Я пошутил... Обидно, что меня никто не воспринимает всерьез, даже друзья. А, между прочим, я мастер спорта.

— По какому виду? — поинтересовался Джума.

— По бегу на коньках.

— Да, мы как-то упустили из виду это обстоятельство.

— Я серьезно! — обиделся ксенопсихолог.

— Нам нужна твоя голова, а не твои ноги.

— Поехали, — бросил Ромашин, направляясь к выходу. — Вы мне до чертиков надоели оба своей пикировкой.

Все трое скрылись в кабине метро.

Мысль еще раз побеседовать с оператором орилоунского метро возникла у Железовского уже во время перехода в Сеть.

Он задержался с командой, собираясь назвать время —

пять тысяч пятьсот пятидесятый год — и точку выхода — метро Смоленска, мысленно окликнул оператора:

«Э-э, любезный, какова степень твоей информированности?»

«В пределах тезауруса», — любезно сообщил инк трансфера.

«Этого мне будет мало. Кто обладает большей базой данных? Я имею в виду вашу Сеть».

«Информарий Сети».

«Как мне на него выйти?»

«Вы имеете доступ?»

«Я имею право задавать вопросы! — сказал Железовский с мрачным нажимом. — Дай мне связь с тем, кто способен это оценить».

Возникла пятисекундная пауза. Оператор трансфера решал, как ему поступить в данной ситуации. Наконец он ответил:

«Я доставлю вас в учреждение контроля Сети. Там вы сможете задать любые вопросы».

«Валяй».

Аристарху показалось, что в мысленном голосе инка проскользнули иронические нотки, но вряд ли оператор, обслуживающий созданный орилоунами транслятор перехода в Сеть метро, обладал сугубо человеческой сферой эмоций.

Короткая темнота, алая вспышка света, снова темнота. Невесомость. Полное отсутствие воздуха. Температура — под минус пятьдесят по Цельсию. Слава богу, не космический холод. Это и есть то самое «учреждение контроля»? Или оператор тестирует пассажира, определяя, имеет ли он право быть здесь?

Темнота не отступала, но в ней появились дырочки, объединились в красивую звездную россыпь. Под ногами эта россыпь образовала удивительной красоты спираль — галактику. Над головой загорелась более яркая звезда, испускающая цветные лучи.

Железовский понял, что он и в самом деле находится в космосе или же в сферическом помещении с прозрачными стенами, открывающими панорамный обзор космического пространства. Что ж, мы готовы к беседе, несмотря на отсутствие воздуха. Минут пять продержимся, а там посмотрим, что делать.

«Слушаю вас, землянин», — раздался в голове густой бархатный баритон.

«С кем имею честь разговаривать?» — осведомился Аристарх.

«Я архиватор информария, обслуживающего систему контроля местного метagalактического домена».

«Имя у тебя есть?»

Пауза.

«Я понял. Вы оператор конечной разумной системы под названием человечество, всегда требующей определенности. Можете называть меня Сущность. Или Архангел. В какой-то мере эти понятия отражают смысл моей деятельности, хотя я искусственно созданная индивидуальность».

«Под Архангелами мы понимаем нечто иное, — хмыкнул Железовский. — Я буду называть тебя Сущностью».

«Не имею возражений».

«Где я нахожусь? Внизу, подо мной, моя Галактика или нет?»

«Вы находитесь в одном из узлов реперной сети передачи информации. К сожалению, ее деятельность в настоящий момент существенно ограничена. Галактика, о которой вы говорите, действительно включает в себя звезду Солнце, где была выращена цивилизация людей».

«Будь у меня время, я непременно поговорил бы с тобой на эту тему, но времени у меня как раз и нет. Как оператор контроля ты имеешь информацию о перемещаемых по Сети грузах и пассажирах?»

«В пределах определенного периода времени».

«Что это значит?»

«По отрицательному вектору — в прошлое — я контролирую Сеть до начала ее функционирования, в будущее — до разрыва Сети».

«Назови цифры».

«В человеческих единицах измерения — двенадцать миллиардов лет назад и десять миллиардов лет вперед».

«Неплохой диапазон. Тогда тебе легко будет ответить, когда и где выходил человек, житель планеты Земля по имени Клим Мальгин. В прошлом он экзосенс, если тебе это что-то говорит, и он же — ипостась Вершителя. Если опять же тебе понятен этот термин».

«Нам известен этот человек. Вам действительно необходимо знать его перемещение по Сети контроля?»

«Вопрос жизни и смерти! — убежденно заявил Аристарх. Добавил тем же тоном: — Он мой друг. И намерения мои нравственно оправданны».

Пауза.

«Я имею данные всего о четырех выходах Мальгина из Сети в объективно существующие причинно-связанные узлы реальности».

«Назови даты и координаты точек выхода».

«Точка отсчета?»

«Две тысячи триста сорок второй год по земному летоисчислению».

«Первый выход человекоушности по имени Клим Мальгин — две тысячи шестьсот сорок третий год. Узел выхода — город Брянск на территории Российской Федерации. Второй выход — тысяча лет спустя, объект — коричневый карлик Шив Кумар. Третий выход — десять тысяч лет спустя, узел выхода — искусственный объект, созданный разумной системой типа «Рой», вращающийся вокруг ядра вашей Галактики на расстоянии в девятьсот световых лет. Четвертый выход Мальгина — десять миллиардов лет спустя. Узел выхода неизвестен. Наша Сеть к этому моменту практически перестала существовать».

«Вот как... — пробормотал Аристарх, анализируя поступившую информацию. — Клим ушел в будущее... не потому ли не вернулся, что выпал из Сети?»

Собеседник не ответил; человек говорил сам с собой.

«Спасибо, любезный, — поблагодарил архиватора Железовский. — Ты мне очень помог. Однако нет ли более осведомленной Сушности в вашем ведомстве? Которая знала бы о судьбе Мальгина?»

«Есть, — вежливо ответил Архангел-Сушность. — Живущий-за-Пределами, к примеру, или кто-нибудь из его Носителей. Однако у меня нет доступа к их интерфейсам, и соединить вас с ними я не могу».

«Спасибо и за то, что сделал. В таком случае отправь меня в первую точку выхода Мальгина... нет, подожди! Как ты выглядишь?»

Звезды мигнули. Рядом с Железовским — руку протя-

ни — возникло прозрачно-переливчатое облачко с тысячью мигающих глаз.

— Богоид! — вслух проговорил Железовский, вернее, пошевелил губами, не слыша своего голоса: воздух внутри сферы контакта так и не появился.

«Я всего лишь одно из виртуально-реальных проявлений закона поддержания вектора развития жизни в данном инварианте Вселенной».

«Я встречал твоего собрата. Правда, он играл другую роль и помог Мальгину справиться с... другим экзосенсом».

«У меня хранится информация об этом событии».

Железовский почувствовал, что запасы кислорода в крови подходят к концу. Пора было покидать зону контакта.

«Еще раз благодарю... Архангел. Отправь меня в первую точку выхода Мальгина. Год две тысячи шестьсот сорок третий, узел выхода — Брянск».

На голову упала глыба темноты.

Оператор орилоунской Сети метро не знал, что такое благодарность, и беседовал с человеком из других побуждений, как с равным, оценив пси-мощь и волю представителя человечества.

* * *

Сначала Аристарх не заметил особых изменений в окружающем его городском пейзаже. Потом пригляделся и начал улавливать разницу. Все-таки прошло ни много ни мало — триста лет, и мир изменился, несмотря на явную стагнацию технического прогресса.

Люди по-прежнему спешили по своим дневным делам — в Брянске шел третий час дня, — но их было не в пример меньше, чем во времена захвата власти Орденом.

Летательных аппаратов в небе над городом тоже заметно поубавилось.

Многие здания выглядели иначе, их построили уже после срока жизни поколения Железовского. Многие же — и он узнал их — сохранились даже спустя три тысячи лет, во времена Дара Железвича. Уменьшилось количество орбитальных лифтов, видимых даже днем по туманно-белым столбам габаритной подсветки. Кое-где выросли очень высокие, до километра высотой, ажурные башни, то ли жилые

комплексы, то ли постройки административного назначения.

Но все же главным впечатлением от всего пейзажа было странное ощущение у г а с а н и я. Аристарх, прекрасно чувствующий психологическую атмосферу в любом уголке пространства, ощутил нечто вроде тоскливого ожидания, печать которого лежала на всем: на строениях города, на природе, на лицах людей, в большинстве своем сосредоточенных на внутренних переживаниях. Улыбки на этих лицах мелькали редко.

А вот особых перемен в одежде и внешнем виде людей Железовский не заметил. Почти все носили удобные уники — комбинезоны разных расцветок, в том числе женщины, поэтому отличить их от мужчин, зачастую носивших такие же пышные прически удивительных форм, было непросто.

Аристарх искал глазами полицейских, которые должны были нести службу по охране общественного порядка. Нашел одинокую фигуру в серо-синем мундире, увешанную различными атрибутами полицейского, от наручников до электрошокового хлыста и пистолета, в шестиугольной фуражке с красным козырьком. Пожал плечами. В его времена шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на работников Службы общественной безопасности.

Что ж, по крайней мере, никто мной не заинтересуется, подумал он. Клим выбрал удачный период времени, когда Орден уже наигрался в свои игры, подведя цивилизацию к обрыву над пропастью.

Аристарх нашел свободное такси-автомат, назвал конечный пункт назначения — хутор Вщиж.

К его удивлению, инк-пилот не стал уточнять координаты хутора. Очевидно, Вщиж в эти времена еще существовал.

Однако Аристарх ошибся в своих предположениях.

Такси доставило его в названный район через десять минут, но он ничего не увидел, кроме опушки леса, выходящей на край заболоченной низины, и ржавого остова какой-то машины, наполовину утонувшего в толстом слое мха.

— Ты куда меня привел, Сусанин? — проворчал Железовский.

— Хутор Вщиж, — прошелестел динамик аппарата лом-

ким голоском. — Сто шестой репер, двадцать седьмой километр по вектору северо-западного триангуляра...

— Где ты видишь хутор?

Инк помолчал, снова забубнил свое:

— Хутор Вщиж, сто шестой репер...

— Заткнись! — Железовский поискал глазами хоть какой-нибудь знак, указывающий на то, что здесь когда-то стоял хутор. Автопилот такси едва ли имел злой умысел, отвозя пассажира к черту на кулички. Очевидно, координаты хутора были записаны в его базе данных и давно не пересматривались. Сам же хутор просто умер от старости. Хотя... что это там черненькое белеется?..

Железовский перешел в режим гипервидения, раздвинув диапазон зрения вдесятеро.

Хутор — пять-шесть деревянных домиков — был на месте. Но, во-первых, домики полуразвалились от старости и ушли в болотистую почву. Во-вторых, вся территория небольшого селения заросла густым дерябником — колючим кустарником пополам с хвойными деревьями. В-третьих, на краю хутора наличествовала концентрация энергии, характеристики которой явно указывали на силовое поле. Не оставалось сомнений: Мальгин уже был здесь и упрятал дом отца под силовой колпак. Обнаружить захоронение сверху не представлялось возможным, да и едва ли кому-нибудь из представителей местных властей это могло прийти в голову.

Конечно, можно было попытаться пройти внутрь силового пузыря, Клим наверняка оставил мембрану входа. Однако гарантий, что он уже поместил в доме артефакты, не было. А времени на осмотр дома терять не хотелось. Артефакты находились уже в руках Железовского, а Мальгина в данном районе и в данное время не было. Надежда Аристарха встретить его в момент укрытия дома под защитное поле не оправдалась.

«Ладно, еще не вечер, — мрачно сказал он сам себе. — Я все равно найду тебя, Вершитель хренов! Что ты скажешь, когда это случится? Как оправдаешься? Я ведь чую, что ты жив...»

Такси покружило над лесом, поднялось повыше, к облакам. Стали видны огоньки и блики мчавшихся в разных направлениях аппаратов. Один из них вдруг повернул в сторону флайта с пассажиром. Похоже, это патруль безопасников.

Пока, парни, знакомиться нам ни к чему. Мало ли что у вас на уме.

Аристарх активировал трансфер.

«Любезный, отправь меня в этот же район, только на семьсот лет вперед по плюс-хронолинии».

«Узел данного участка Сети неустойчив».

«Спасибо за предупреждение. Включай мотор».

Оператор трансфера не понял, что такое мотор, но команду выполнил.

Вышел Железовский из той же кабины метро Брянска и сразу почувствовал, что на сей раз изменения в городском ландшафте и особенно в темпе жизни более заметны.

Люди входили и выходили из зала метро небольшими ручейками. Толпы не было. Обычного многоголосого шума не было. Откуда-то на площадь перед куполом метро доносилась тихая музыка, и это было все, что слышали уши. Никаких феерических цветомузыкальных полотнищ между зданиями, если не считать светящихся объемных надписей над ними, объявляющих о предназначении последних. Никаких потоков летающих машин — редкие сверкающие ртутью и золотом капли, скользящие в вечерющем небе. Никто никуда не спешил, никто не смеялся и не жестикулировал, не дурачились стайки юношей и девушек, не размахивали руками спешащие по своим делам клерки, не звала законопослушных граждан в рестораны и бары свето- и звукореклама, не предлагали свои услуги церкви, эротические и спортивные клубы. Жизнь здесь не била фонтаном и не неслась головокружительным потоком, как в прежние времена, тысячу лет назад, а шагала медленно и задумчиво, погруженная в полусонное состояние.

Железовский заметил двух молодых людей с торчащими во все стороны оранжевыми волосами, очнулся. Парни, одетые в дырчатые балахоны со множеством сверкающих блях, смотрели на него, нехорошо ухмыляясь. Переглянулись, бросив друг другу пару слов, направились к нему. Аристарх заметил на груди одного из них черную пятиконечную звезду, кроме того, у обоих были выбриты левые брови — знак принадлежности к «эскадрам жизни». Видимо, эта агрессивно-террористическая организация дожила и до нынешних времен.

Связываться с ними не хотелось.

Железовский включил трансфер и исчез прямо на глазах изумленных и разочарованных «всадников». В принципе на Земле ему делать было нечего, просто одолело любопытство — как выглядит родная планета в тридцать четвертом веке. Его ждал коричневый карлик Шив Кумар, который, по словам Архангела-Сущности, посещал Клим Мальгин.

Свет в глазах померк, сознание сжалось в двумерный лист, в линию, в точку и развернулось вновь, как голографический мираж.

Железовский оказался внутри большого конуса с диаметром основания около пятидесяти метров и высотой в двадцать. Включились невидимые светильники, заливая помещение неярким приятным светом.

Основание конуса представляло собой металлический, отливающий синевой круг, окольцованный материалом, напоминающим пористый коричневый туф. Стены конуса серебрились инеем, да и сами были сложены из материала, похожего на толстый слой льда. Температура внутри помещения держалась на уровне минус десяти градусов по Цельсию, сила тяжести не превышала земной.

— Однако, — хмыкнул Железовский, прислушиваясь к звукам, долетавшим внутрь конуса из-за стен помещения. — Это и есть коричневый карлик Шив Кумар?

— Вы находитесь в терминале метро станции «Джей-Джей Шепли», — раздался объемный басовитый мужской голос. — На станции поддерживаются оптимальные рабочие условия.

— С кем я имею честь беседовать?

— Меня зовут Джил, я инк обслуживания станции.

— Кто-нибудь из людей есть на борту?

— Разумеется, смена исследователей в количестве двадцати двух человек. Половина отдыхает, остальные занимаются научными изысканиями.

— Какими?

— Под поверхность Шив Кумара, — любезно сообщил словоохотливый инк, — обнаружен экзотический объект, предположительно — орилоунский искусственник. Ученые запускают к нему зонды и подземоходы.

— Ну и как?

— Уточните вопрос, пожалуйста.

— Есть результаты? Удалось добраться до этого... искусственника?

— Объект представляет собой сферу диаметром около пяти километров, которая постепенно погружается в недра карлика. Удалось установить, что внутри нее живет колония маатан. Однако проникнуть в нее пока не смог ни один зонд.

— Понятно. Маатанам гости не нужны. Интересно, зачем они закапсулировались, да еще внутри звезды?

— У меня нет ответа на ваш вопрос.

— А я тебя и не спрашиваю. Ты контролируешь посетителей станции?

— Пассивно.

— То есть считаешь, кто прибыл и зачем?

— Они не докладывают мне, зачем приходят сюда. Все сведения почерпнуты мной из разговоров исследователей.

— Все равно ты должен помнить всех, кто посещал станцию. Меня интересует человек по имени Клим Мальгин.

— Такой человек мне неизвестен.

— Он мог не представиться. Он выглядит так... — Аристарх описал портрет Мальгина.

— Да, припоминаю, такой человек посещал станцию.

— Давно?

— Два года назад. Он беседовал с прежним руководителем смены, с учеными, летал над Шив Кумаром в одиночку на «големе» и даже погружался в него на подземоходе. Потом исчез.

— Куда он направился?

— Я не знаю. В терминале метро он больше не появлялся, и я его не провожал.

— Фокусник... — пробормотал Железовский. — Если не предположить, что у него был трансфер... Ладно, прощай, Джил. Чтобы поднять тебе настроение, могу сообщить, что ты проживешь вместе со станцией очень долго, по крайней мере еще две с лишним тысячи лет.

— Операторы моего класса не способны ощущать эмоции.

— Это я образно выразился. Будь здоров.

Железовский собрался было включить трансфер, и в это время в центре металлического круга возникла сотканная из мигающих звездочек фигура. Миг — и она превратилась в

человека в странном наряде, напоминающем лётные костюмы начала двадцатого века в России.

— Паломник... — пробормотал Железовский, не зная, радоваться ему этой встрече или огорчаться.

ГЛАВА 6

Корабль-нож слушался пилота все лучше и лучше.

Когда Земля и Луна остались за кормой, Дар уже ощущал себя и корабль как единое целое, несмотря на огромную разницу в подходах к технике разумных ос, построивших военный космолет, и людей. Инк корабля — он уже начал откликаться на имя Шершень — быстро усвоил смысл мысленных команд человека, разобрался в терминологии и уже не путал «лево» с «право», «вперед» с «назад» и «вверх» с «вниз».

Дарья тоже захотела поупражняться в управлении гигантским кораблем, считая его своей собственностью, и у нее это получилось почти так же хорошо, как у Дара. Последний сначала отнесся к данному факту ревниво, потом вспомнил, что корабль принадлежал рою неземных ос, которым должна была управлять матка. Возможно, мозг космолета настроился на подчинение женщине быстрее именно в силу данного обстоятельства, то есть в силу близости — в какой-то степени — параметров мышления женщины Земли и осиной матки.

К удивлению Дара, Борята не стал требовать, чтобы и ему разрешили побыть какое-то время в шкуре пилота.

— Не мое это дело, — сказал он с легким смущением, — командовать космическими летаками. Я лучше останусь пассажиром.

— Давайте махнем к Венере, — предложила азартная Дарья, — посмотрим, сохранились ли там наши поселения или нет.

— Мы и так потратили больше часа на тренировку, — не согласился Дар. — Если отеллоиды наблюдают за пространством, они наверняка заинтересуются, кто это крутится возле планет Системы. Тогда мы потеряем фактор внезапности и скрытности.

— Жаль, что это военное корыто не умеет уходить в невидимость, как наши спейсеры.

- Очевидно, владельцам корабля это было не нужно.
- Военная техника должна уметь маскироваться.
- Логика ос должна отличаться от нашей.
- Ты умен не по годам.

Дар покраснел. К счастью, каждый из них расположился в своей «пилотской» ячейке, и видеть друг друга они не могли.

— Хватит вам препираться, — сказал Борята. — Мы все равно не узнаем, о чем думали осы, создавая этот дредноут. Полетели дальше.

- Я поведу, — быстро проговорила Дарья.

Дар хотел возразить, но одумался. Не хватало только поспорить с гостьей из прошлого, привыкшей командовать окружающими у себя дома.

- У Меркурия управлять кораблем буду я.

— Посмотрим. — Дарья помедлила немного и скомандовала вслух: — Включай разгон, Шершень! Курс — на первую планету Солнечной системы, ближайшую к Солнцу.

- Меркурий, — добавил Борята.

Инк «осинового» космолета, конечно же, не знал названий, данных планетам людьми, но смысл команды понял, оценив ее мысленно-образное «сопровождение». А поскольку пилот не задал характеристик полета: ускорения, режима, времени на преодоление расстояния, — то и врубил двигатель на полную мощность. Что едва не погубило экипаж.

Осы, очевидно, могли выдерживать гораздо большую силу тяжести, нежели люди. Во всяком случае, рой этих разумных насекомых чувствовал себя комфортно и при двадцати «же» — именно таким был удар ускорения, буквально вплющивший пассажиров в податливо-упругое ложе «пилотских» ячеек.

Дарья и Борята потеряли сознание мгновенно. Дар продержался на долю секунды больше и успел метнуть мыслкоманду:

- «Стой!»

Корабль, собравшийся сделать очередной прыжок, послушно остановил разгон. Свою ошибку он осознал позже, когда ему почти вежливо объяснили, в чем дело. Впрочем, эту ошибку смело можно было переложить на пилотов, которые должны были учесть разницу в допустимых пределах жизненных условий ос и людей. К счастью, удар ускорения длился недолго, всего полсекунды, но и этого хватило, что-

бы неопытные водители чужого космолета провалялись в беспамятстве несколько минут.

Дар пришел в себя первым. Ощутил боль в сдавленных сосудах, в сердце и легких, испугался за суставы, но с облегчением констатировал, что ничего не сломано и не разорвано. Хотя продлился импульс ускорения еще секунду, и все могло закончиться печально.

Зашевелилась Дарья, прошептала:

— Что это было?!

— Нас едва не размазало ускорением, — мрачно ответил Дар.

— Боже мой, какая я дура!

Дар невольно улыбнулся, прощая девушке ее амбиции.

— С каждым может случиться. Ты в порядке?

— Надо же, совсем из головы вылетело!.. Да, руки-ноги целы... прости, что я не подумала... больше не повторится.

— Надеюсь. — Дар помедлил и великодушно признался: — Я сам поздно спохватился.

— Хорошо, что никто об этом не узнает. Ох и влетело бы мне от дяди Аристарха!

— От моего предка?

— От кого же еще. Он ошибок не делает и не прощает.

Ну, как там наш целитель?

— Нормально, — слышалось кряхтение Боряты. — Такое впечатление, что по мне слон прошелся. Может, не будете больше экспериментировать? Так недолго и загнуться.

— Мы не экспериментировали.

— Это я виновата! — заявила Дарья. — И этот паразит Шершень! Мог бы предупредить. Все пришли в себя, никого лечить не надо?

— Нет.

— Тогда вперед! Шершень, при любых режимах ты должен поддерживать земную силу тяжести, ни больше ни меньше. Понял?

В голове Дара (и Дарьи тоже) бесшумно развернулся сложный букет видений-ощущений: инк корабля докладывал, что готов повиноваться.

— Где мы?

Перед глазами пилотов проявилось черно-звездное поле космоса с шариками планет и огненным клубком Солнца.

Белая стрелочка указала на маленькую искорку недалеко от линии орбиты Венеры.

— Ничего себе! — хмыкнул Борята. — За один прыжок мы преодолели семьдесят миллионов километров?!

— Хорош спейсерок! — с уважением сказала Дарья. — Наши корабли даже на шпуге не смогли бы так быстро перепрыгнуть с орбиты на орбиту! Разве что по «струне». А ведь мы не включали «струнный режим».

— Поехали дальше, — сказал Дар.

Корабль начал следующий прыжок.

Чтобы добраться до Меркурия, ему потребовалось еще два гиперпрыжка и пять минут времени. Свой драгоценный хрупкий груз — людей — он сохранил в целости и сохранности. Это и в самом деле был высокотехнологичный и мощный звездный корабль, хотя создавали его в незапамятные времена и — не люди.

Бывшие хозяева корабля — осы использовали иные принципы зрения, схожие со зрением земных насекомых. Тем не менее Дару удалось объяснить Шершню, что такое бинокулярное зрение, инк корабля подстроил свои видеосистемы должным образом, и новые владельцы космолета не чувствовали дискомфорта, «выпадая» из него в космос при включении обзора.

Добравшись до Меркурия, они потратили полчаса на реконгносцировку и осмотр окрестностей планеты в поисках космофлота отеллоидов. Сильно мешало Солнце, заполнявшее пространство яростными потоками света. Дневная сторона Меркурия тоже сверкала, как потрескавшаяся корка металла, затрудняя поиск. Ночная же утопала в темноте, расцвеченной вихревым электрическим сиянием сродни земному северному.

— Ничего не вижу! — сдался первым Борята, утомленный световой феерией.

«Шершень, — мысленно окликнул Дар мозг корабля, — здесь должны крутиться звездные корабли наподобие нашего. Помогите их обнаружить».

Реакция инка — «зернисто-ячеистая» пси-передача — последовала незамедлительно, и смысл ее сводился к небрежному ответу профессионала-человека: «Нет ничего проще».

Солнце пригасло. На его кипящем боку появилась чер-

ная оспина — эйнсоф. Люди стали различать детали на поверхности Меркурия, похожие на пчелиные соты поля солнечных конденсаторов, башни завода МК, купола станций, плоскогорья и ущелья, долины и кратеры. На равнине возле одной из контрольных башен сгустились странные наросты, напоминающие гигантские земные ракушки. Скопление таких же ракушек обнаружилось и над эйнсофом, на высоте около миллиона километров над фотосферой Солнца.

— Вот они! — обрадовалась Дарья. — Странно, что мы их не увидели сразу.

— Они совсем черные, поглощают свет, — догадался Борята. — Вообще удивительно, что мы их видим с такого расстояния.

— Не мы — аппаратура корабля.

— Хорошая у него аппаратура.

«Шершень, можешь поймать их передачи? — спросил Дар. — Они должны обмениваться информацией».

«Попробую», — ответил инк на своем метафоричном «осином» языке.

Конечно, фразы-слоганы этого языка звучали не как слова человеческого языка, но их эмоционально-смысловое наполнение уже вполне позволяло молодым людям понимать чужую машину.

Картина перед их глазами изменилась.

Солнце еще более сгустило цвет — до багрового, Меркурий почти перестал быть виден, звезды и вовсе исчезли. Зато раковинovidные корабли отеллоидов оделись в многослойные «шубы» призрачного сияния, соединенные вспыхивающими и гаснущими пунктирами света. Впечатление было такое, будто они обмениваются очередями крупнокалиберных трассирующих пуль.

— Интересно, в каком диапазоне работает их связь? — поинтересовалась, ни к кому в особенности не обращаясь, Дарья. — Это явно не лазеры и не радиоволны. Гамма-излучение? Нейтрино? Пакеты «струн»? Спин-торсионны?

Никто ей не ответил.

Корабли отеллоидов продолжали выстреливать световые «пули», чаще всего обращаясь к самой большой «ракушке», да и не «ракушке» вовсе, а конгломерату из «ракушек», напоминающему по форме колючий плод каштана. Очевидно,

он представлял собой базу флота, таинственную «матку» отеллоидов. Именно на ней когда-то и держали в плену Дара.

— Эх, знать бы, о чем они говорят! — с сожалением посетовал Борята.

«Шершень, включи перехват передач!» — осенило Дарью.

«Слушаюсь!» — браво отозвался инк.

Центральный ком «ракушек» внезапно засиял ярче, испустил цепочку тающих световых колечек, уносящихся в космос.

«Передача, — доложил Шершень. — Направление — центральное ядро данного звездного скопления. Длительность импульса — арбаарба, мощность — арбадарба, информационное насыщение — дараабра...»

— Ничего не понял, — хмыкнул Борята. — Абракадабра какая-то!

— Мы не знаем систем оценок и единиц измерения, какими пользовались Галикты, — возразила Дарья. — Вот научимся понимать их язык, будем знать и терминологию. Ясно лишь одно: база только что передала сообщение куда-то в центр Галактики.

— Стрелец А, — вставил слово Дар. — Там, кстати, черная дыра.

— Значит, там же располагается и родина отеллоидов. Вот бы удалось уточнить координаты!

— Вряд ли это возможно. Нужна колоссальной чувствительности техника пеленгации.

— Папа смог бы это сделать и без техники, — вздохнула Дарья.

Дар не стал спорить, хотя сомневался в возможностях отца девушки, даже если они и превосходили возможности других интрасенсов.

— Смотрите! — воскликнул вдруг Борята.

От стаи отеллоидских кораблей, кружащих над эйнсофом, ныряющих в атмосферу Солнца и тут же возвращающихся обратно, отделилась одна черная «ракушка», хищно метнулась от Солнца по направлению к дрейфующему над Меркурием «осиному» космолету. Одновременно с ним стартовали с поверхности Меркурия еще две «ракушки», также направляясь к кораблю разведчиков.

— Похоже, нас заметили, — пробормотал Дар.

— Боевая тревога! — темпераментно воскликнула Дарья.
 «Слушаюсь!» — отреагировал Шершень. Он отлично понимал значение приказа, не по словам — по эмоциональному сопровождению слов.

— Ты что, серьезно? — не поверил Дар.

— Почему нет? Мы увидели главное — расположение базы отеллоидов на поверхности Меркурия и флота в пространстве. Теперь надо проверить боевые возможности нашего спейсера. Пусть попробует отбиться. В крайнем случае сбежим, уж, по крайней мере, скоростью создатели его не обделили.

— Я бы лучше не стал связываться с ними, — проворчал Борята. — Вдруг оружие у них превосходит защиту нашего звездолета?

Словно услышав его речь, корабли отеллоидов, успешные приблизиться на расстояние в пятьсот километров, разошлись в разные стороны, как бы охватывая корабль-нож кольцом, и метнули в него извилистые молнии.

Однако инк «осинового» космолета оказался на высоте.

Молнии ударили по пустому месту. Корабль сделал прыжок и оказался в тылу нападающих. Третий отеллоидский космолет заметил этот маневр, скорректировал вектор своего полета, однако был еще далеко. Шершень решил пренебречь им на какое-то время, обратив внимание на ближайшего противника.

Дар не понял, что произошло в следующее мгновение.

Корабль выстрелил дважды, но чем — осталось тайной для пилотов.

Сгустки или лучи неведомой энергии ударили по разворачивающимся «ракушкам» отеллоидских машин и превратили их в длинные хвосты брызг, обломков и пыли, протянувшиеся на десятки километров.

— Ух ты, мать честная! — шепотом воскликнул Борята. — Чем это он их?!

— Молодец, Шершень! — не сдержала чувств Дарья. — Отменный удар! Пусть знают наших!

— Надо уходить, — сказал Дар, не поддавшийся эйфории успеха. — Зашевелился весь флот отеллоидов. Видите? Там почти сотня кораблей. Со всеми нам не справиться.

— Не дрейфь, княжич! Давай проверим, разнесем их базу ко всем чертям!

— Нет! Шершень, разворачивайся обратно, к Земле. Летим домой.

Инк «осинового» корабля выстрелил еще раз, опередив опасно приблизившийся корабль отеллоидов. В космосе возник еще один длинный хвост пыли и обломков, и бой закончился. Корабль-нож сделал петлю, оставляя за кормой Меркурий, Солнце и разбуженный рой кораблей отеллоидского флота, включил форсаж. Через минуту искорки чужих космолетов затерялись на фоне уносящегося назад Солнца. Погоня отстала. Корабли отеллоидов не могли бегать так резво, как корабль-нож.

Меркурий тоже превратился в искру света, пропал. Мелькнул в стороне крохотный шарик Венеры. Из темноты выплыл шарик Земли с горошиной Луны, превратился в сине-зелено-серую глыбу планеты с белыми спиралями и пятнами облаков. Еще несколько мелких прыжков, и корабль опустился на поляну — здесь уже наступило утро, — с которой стартовал несколько часов назад.

* * *

Старший Железвич не одобрил самостоятельный разведрейд молодежи к Меркурию, но и не стал распекать молодых людей, вернувшихся с победой. Выслушав сына, он огладил рукой подбородок и сказал:

— Все хорошо, что хорошо кончается. В следующий раз прошу предупреждать о своих планах. Могло случиться что-нибудь непредвиденное, а опыта космических полетов у вас нет.

— У меня есть! — с вызовом заявила Дарья.

Князь посмотрел на нее, скептически изломив бровь, но продолжать в том же духе не стал.

— Сколько вы насчитали кораблей?

— Больше полусотни, это точно, — ответил Дар.

Железвич-старший посмотрел на Боригора, сидевшего с угрюмо-озабоченным видом; встреча происходила в тереме Прохора Бажана, и, кроме молодых разведчиков, в светлице находилось еще трое хуторян: князь, главный витязь общины и старшина хутора.

— Надо немедленно уводить людей!

— Да уж, — буркнул Боригор. — Жди налета. Как бы ре-

бятя быстро ни летели, отеллоиды наверняка проследили их траекторию и скоро будут здесь.

Дар встретил взгляд Дарьи, волна жара прилила к щекам. О последствиях разведрейда он не подумал. Впрочем, и она тоже, судя по виноватому виду.

Старшина поднялся.

— Пойду командовать эвакуацией.

Князь посмотрел на Боргора.

— Поднимай дружину в воздух, попробуем отвлечь... — Он не договорил, получив сообщение по радиации о приближении черных кораблей. — Они уже здесь! По коням!

Боригор и Бояр стремительно выбежали из дома. Дар догнал отца, страдая от стыда.

— Прости, пап...

— Потом поговорим.

— Что мне делать?

— Берите летак, оружие и присоединяйтесь к дружине.

— Есть!

Дар отстал, подождал спешащих следом Дарью и Боряту.

— Нам разрешили участвовать в отражении атаки отеллоидов.

— Я к своим! — вспомнил о семье Борята. — Скажу, что со мной все в порядке, и присоединюсь.

Молодые люди проводили бегущего в толпе таких же спешащих людей целителя и поспешили на околицу хутора, где Боригор рассаживал дружинников по машинам.

Им достался четырехместный неф, принадлежащий когда-то спасательной службе, судя по эмблеме на борту. Нырнули в кабину, взлетели, опередив большинство дружинников.

— Извини, ты был прав, — сказала Дарья, раздувая ноздри. — Не надо было нам ввязываться в драку.

Дар промолчал.

Летак поднялся над лесом, и они сразу увидели косяк черных кораблей — пять километровых «ракушек», — идущий к хутору на высоте нескольких километров.

— Вот собаки бешеные! — с дрожью в голосе проговорила Дарья. — Вычислили-таки! Может, развернем нож? Отвлечем их на себя? Спейсер Галиктов с этой пятеркой справится.

Вместо ответа Дар ткнул рукой в сторону, и девушка уви-

дела еще три черных гиганта, спускающихся на лес с неба в десятке километров от них.

— Дьявол! Неужели мы их так разозлили?..

— Это можно было предвидеть.

— Я уже извинилась, — окрысилась Дарья, — себя лучше упрекай.

— Я себя и упрекаю.

— Внимание! — раздался в наушниках раций всех дружинников голос князя. — Попытаемся отвлечь их! Поднимаемся за мной, стреляем по команде по крайнему кораблю и делаем вид, что удираем на юг.

— Мы готовы! — донесся дружный ответ.

Летаки дружины в количестве двенадцати единиц потоком устремились вверх — мошки по сравнению с китообразной тушей отеллоидской машины.

— Залп!

Двенадцать вспышек, двенадцать клинков огня ударили по черной туше, проделывая в ней дымные кратеры и дыры. Корабль дрогнул, косо пошел вниз, оставляя бурые клубы дыма и шлейф мелких черных капель за кормой.

— Уходим!

Летаки закружились в спиральном танце, свились в один ручей, устремившийся на юг. Люди задержали дыхание, надеясь, что флот отеллоидов повернет за ними.

Однако этого не случилось. В погоню за отрядом кинулись только два черных монстра, остальные без колебаний открыли огонь по хутору и по лесу вокруг него.

— Гады! — скрипнул зубами Дар. — Они же там всех перебьют!

— Нас только нож спасет! Давай развернем!

— Не успеем, они заметят и уничтожат корабль!

— Что же делать?

Дара вдруг осенило:

— Есть идея!

Летак свернул в сторону, сделал кульбит и помчался на север, удаляясь от эскадрильи дружины.

— Куда ты?!

— Рядом черноболь, там стоят древние спейсеры спасфлота, один из них вполне способен взлететь. Я подниму его!

— Ты уверен?

Вместо ответа Дар увеличил скорость до предела.

— Дар? — слышался голос князя.

— Я здесь, отец, — не сразу отозвался чистодей.

— Где ты?

— Иду на север, попробую поднять в воздух старый корабль.

Секундное молчание.

— Хорошо.

Дар выдохнул задержанный в груди вздох. Отец мог и не разрешить сыну действовать самостоятельно.

Дарья оглянулась.

— За нами кто-то гонится.

Дар тоже оглянулся, взгляделся в золотистую каплю летака.

— Это Борята. Пусть догоняет, помощник он неплохой.

А вот кто летит следом за ним — непонятно.

— Не вижу...

— Перейди на «третий глаз».

— Боже мой!

— Что?

— Это же богоид!

— Какой еще богоид?!

— Глазастый фантом... почему он здесь?! Его же видели возле Меркурия в наше время...

— Потом объяснишь, с чем его едят. Мы уже прилетели.

Неф нырнул к холмам на окраине черноболи, два из которых уже потеряли былой «естественный» вид, наполовину очищенные от слоя почвы. Вершина конуса спейсера «Скиф» сверкала полированным металлом, как новенькая. Летак сделал вираж, опускаясь к самому низу очищенной обшивки. В корпусе звездной машины образовалось отверстие: по мысленной команде Дара инк корабля открыл средний люк.

— Я в рубку! — Чистодей ловко прыгнул в люк прямо из кабины нефа. — Разворачивай нож! Только отойди подальше, к лесу.

— Поняла.

Летак с девушкой метнулся прочь. Но на его место с неба свалился еще один, пилотируемый Борятой.

— Я с тобой!

Дар без слов нырнул в тамбур. Борята метнулся за ним, показывая чудеса гимнастической ловкости, ранее ему не свойственной.

Молодые люди добрались до кокон-рубки спейсера, Дар вызвал инк и приказал ему начать подготовку к старту в аварийном режиме. Инк — у него было личное имя Крад — повинился беспрекословно, настроенный на подчинение молодому чистодею еще при первом контакте. Но ему для включения систем корабля в рабочее состояние требовалось время, и Дар занервничал, чувствуя гнев, и ярость, и отчаяние соотечественников, принявших неравный бой с превосходящими силами противника.

Включилась система обзора.

Стала видна поляна с холмами. У кромки леса висел в воздухе летак Дарьи, сама она бегала вокруг какого-то бугра, то приближаясь к нему, то удаляясь. Но «осиный» космолет не оживал, нож сиротливо лежал на бугре и не торопился превращаться в километровую махину боевого космического корабля.

— Беги к ней! — сориентировался Борята, устроившийся в соседнем коконе управления. — Она не может включить развертку.

— Тогда мы не поднимем «Скиф»!

— Прикажи ему слушаться меня! Не бойся, я не подведу. Дар размышлял два удара сердца. Окликнул инк:

— Крад, передаю управление другому человеку! Будешь выполнять все его команды с учетом обстоятельств!

«Принял, командир!»

— Взлетай и жди нас! — Дар бросился из рубки в коридор, оседлал заработавший пронзающий лифт и через минуту выскочил из люка как чертик из коробки. Прыгнул в кабину летака Боряты, погнал его на форсаже к лесу, затормозил, выпрыгнул на землю — все это на одном дыхании.

— Не подчиняется, скотина! — обернулась Дарья, злая и расстроенная. — Это ты ему приказал слушаться только тебя?

Дар не ответил, входя в состояние гипервоздействия.

Нож ответил вспышкой света, скачком увеличился в объеме вдвое. Молодых людей шатнуло волной теплого воздуха.

Еще скачок и еще — на месте ножа выросла металлическая с виду гора космолета, придавила кормой лес, а острым носом едва не разрежала ближайший холм.

— Отеллоиды!

Над лесом показались две черные «ракушки».

— Садимся!

В боку корабля возникло овальное отверстие люка.

Молодые люди один за другим скрылись в нем, их подхватила чаша местного лифта и вынесла в зал контроля, где они заняли пустующие ячейки экипажа. Когда включились все системы космолета, стало видно, что древний спейсер спасательного флота Земли «Скиф» уже висит над лесом на высоте ста метров. Борята не подвел, действуя решительно и смело. На него действительно можно было положиться.

«Ракушки» отеллоидов почему-то не решились напасть, то ли испугались стартующего спейсера, то ли решили дожидаться подкрепления. Они поднялись до облаков и кружили там, не приближаясь к грозному противнику.

«Связь в электромагнитном диапазоне!» — приказал Дар, сопровождая команду мысленными образами, объясняющими смысл приказа.

Инк «осинового» корабля слегка замешкался, оценивая команду, но все же сообразил, что нужно сделать. В зале управления послышался голос Боряты:

— Дар, ты меня слышишь? Меня зовет кто-то...

— Все в порядке, — сказал Дар. — Мы взлетаем. Следуй за нами, следи за черными. Оружия на борту «Скифа» нет, поэтому в атаку не суйся. Может быть, отеллоиды отступят, когда увидят наши намерения.

— А если нет?

— Попробуем увести их за собой.

— Слушаюсь, командир! — Борята был возбужден, по-детски открыт, с увлечением играл в предложенную игру, не осознавая опасности до конца, и ему это нравилось.

Корабль-нож подскочил над лесом как акробат, выполняя прыжок на батуте. Затем стрелой метнулся к югу, где в двух десятках километров от черноболи шел бой между черными кораблями отеллоидов и дружиной князя.

Их почему-то не ждали, хотя корабли-разведчики отеллоидов должны были предупредить коллег о появлении нового противника. Все-таки отеллоиды не были воинами, несмотря на свою агрессивную целеустремленность. Будь на их месте безопасники или пограничники-люди, они наверняка подстраховались бы, перехватив новые цели еще на подходе. Отеллоиды, увлеченные погоней за юркими машинами дру-

жинников и уничтожением хуторов, опомнились лишь тогда, когда корабль-нож открыл огонь по их кораблям.

Первыми же двумя выпадами «осиный» спейсер уничтожил две «ракушки», превратив их в фонтаны пыли, обломков, брызг и ошметков. Остальные тут же прекратили преследовать летаки хуторян, дружно бросились в атаку на внезапно объявившегося противника. Появление двух звездолетов их отнюдь не испугало, что подтверждало выводы Дара: гибели отеллоиды не боялись, представляя всего лишь отдельные «клетки» единого гигантского организма.

Корабль-нож, обладая преимуществом в скорости и маневренности, а также навыками скоротечного боя, управляемого компьютерами, ловко избежал попаданий в него колоссальной мощности молний (одна из них проделала в лесу просеку шириной в сто метров и длиной в шесть километров!), воспарил над черными «ракушками» чужих кораблей. А вот «Скиф», ведомый неопытным в ратных делах пилотом, отреагировать на залп черных пришельцев не успел. Гигантские молнии вонзились в конус корабля, проделывая в обшивке извилистые русла и рваные дыры. Инк спейсера попытался защититься силовым полем, включил системы аварийного восстановления, но было уже поздно. Генераторы защиты сработали нештатно, — один из них, вероятно, был поврежден, — и закрыть весь корабль не смогли. Новый залп отеллоидских космолетов отразился лишь частично. В корпусе «Скифа» появились новые пробоины. Он перестал маневрировать и начал падать на лес, вздрагивая и покачиваясь из стороны в сторону.

— Катапультируйся! — крикнул Дар, бросая корабль-нож вниз, на отеллоидские корабли.

Два выстрела Шершня не прошли мимо, еще две черные «ракушки» превратились в языки пыли, дыма и брызг. Оставшийся в одиночестве отеллоидский космолет отвернул в сторону, перестал полахать зелеными молниями, метнулся к двум другим кораблям, не вмешивающимся в бой, и все три понеслись в небо, превратились в точки, исчезли.

Преследовать их Дар не стал.

«Скиф» между тем потерял управление окончательно, замер на несколько мгновений над речной долиной и рухнул вниз с высоты трехсот метров...

На мгновение фигура Паломника расплылась полупрозрачным облачком, состоящим из тысячи мигающих глаз, и снова обрела форму человеческого тела.

— Не ожидал вас увидеть здесь, — сказал Паломник, вежливо улыбаясь, подал руку, сухую, сильную и теплую. — Обычно Вершители не посылают своих аватар в одно и то же место по одному и тому же делу. Однако все равно приятно.

— Взаимно, — пророкотал Железовский, пожимая руку существу, о котором он знал только со слов Мальгина. — Что вы имеете в виду?

— Недавно здесь я встретил вашего друга, теперь появились вы.

Аристарх озадаченно свел брови.

— Здесь был Клим... которого вы считаете аватарой Вершителя... согласен... но я-то при чем?

— Вы тоже проекция Вершителя, разве что не осознали своей роли в этом процессе.

Железовский покачал головой:

— Я обычный человек...

— Не обычный, и вы это знаете. Вы также должны знать, что Вершитель — это система, цепь состояний разных форм разума, контролирующая развитие Вселенной. Вы и ваш друг, точнее, ваша родовая линия и родовая линия Мальгина, объединяющие десятки и сотни индивидуальных интеллектов, лишь недавно подключились к этой системе.

— Вот уж чепуха, по-моему!.. Извините.

— Вы еще убедитесь в справедливости моих слов, — не обиделся Паломник. — Что вас привело сюда, на Шив Кумар?

Железовский пожевал губами, разглядывая представителя давно исчезнувшей цивилизации.

— Я ищу Мальгина.

— Он вам так нужен?

— Он нужен не только мне лично.

— Так пошлите ему сообщение, телеграмму, он ответится.

Железовский хмыкнул:

— Это как? Высунуть голову в вакуум и покричать? Или постучать по рельсу в ритме азбуки Морзе?

— Зачем же? — улыбнулся собеседник, оценив юмор

землянина. — У вас есть «почтовый голубь», отправьте его с приказом найти вашего друга, он найдет.

— Какой еще почтовый голубь?!

— Среди вещей, которые хранил Клим Мальгин, есть марширт, вещичка в форме диска с мигающей искрой...

— Исчезающий «голыш»!

— Это и есть, образно говоря, голубь, почтовый летун, созданный еще во времена Начала Начал. Пошлите его по орилоунской почтовой сети, и он отыщет вашего друга, где бы он ни находился.

— Балда!

— Что?

— Это я о себе. Надо было проверить каждый артефакт... Спасибо за подсказку. Я не знал, что у нас имеется... гм-гм, почтовый голубь. Ваша информация сильно упрощает мою задачу. Значит, вы встречались с Климом?

— Побеседовали и разошлись. Его заинтересовал маатанин, сидящий в Шив Кумаре. Кстати, меня тоже. Все маатане, как известно, покинули наш метagalактический домен, призванные начать процесс с нуля в другом инварианте, а этот почему-то остался. Сначала я думал — его попросту забыли соотечественники. Однако, судя по его реакции на контакт, у него есть миссия, и он собирается ее выполнить.

— Какая миссия?

— Не догадываетесь?

Железовский помолчал.

— Инициация черной дыры?

— В точку. Однако прошу меня извинить, я тороплюсь. Был чрезвычайно рад вас видеть.

Паломник снова превратился в пульсирующее глазастое облачко.

— Подождите! — протянул к нему руку Аристарх.

Облачко обрело человеческие очертания.

— Кто вы? Ведь не человек, верно? Богоид?

— Я один из Живущих-за-Пределами. Держатель Пути. Конечно, давно уже не человек. Хотя я пережил и эту фазу развития разума.

— Какова же наша роль в процесс эволюции? Моя в том числе?

— Вы один из ярких представителей ж и з н и, а какова роль жизни во Вселенной?

— Гомеостаз...

— Тепло.

— Сознательная эволюция индивидуума...

— Еще теплее.

— Но ведь во вселенском масштабе жизнь совершенно незначительна по сравнению с огромными межгалактическими пространствами и гигантскими энергиями галактик...

— Физический размер необязательно является критерием важности явления или объекта. Ваш друг Мальгин — всего лишь человек, но по масштабному уровню и воздействию на реальность он близок к таким операторам, как и любой из нас, Живущих-за-Пределами, способных манипулировать галактиками.

На чело Железовского легла тень сомнения.

— Это уже уровень... бога!

— А разве люди не являются потомками богов? Которые, в свою очередь, являются реализацией Единого Принципа, Творцами, Свидетелями, Хранителями, Строителями Пути?

— Я... не думал...

— Думайте, у вас еще есть время. Кстати, я встречался и с вашим потомком, Даром Железвичем. Он мне понравился. В мальчике заложен нестандартный потенциал гражданина Вселенной, поработайте с ним. Передайте ему мои наилучшие пожелания.

И Паломник исчез.

— Передам, — ответил Железовский запоздало.

Задумчиво прошелся по залу станции «Джей-Джей Шеп-ли», решая, что делать дальше. В словах представителя древней разумной расы он не сомневался, однако ломать планы не хотелось. Его ждала дочка Мальгина, способная со своим авантюрным характером наломать дров. С другой стороны, нельзя было упускать и шанс вызвать самого Климата. Хотя каким образом исчезающий «голыш» — «почтовый голубь», так сказать, мог найти его в безбрежных далях времен и пространств, представить было трудно.

— Я вас слушаю, — раздался потрескивающий голос инка, обслуживающего станцию.

Железовский встрепнулся. Очевидно, он не заметил, как заговорил вслух.

— Что ты можешь сообщить еще о пребывании Клима Мальгина на станции?

— Файлы моей памяти почти полностью стерты, прошу прощения.

— Кто же их стер?

— Нет информации.

— Любопытно! — Железовского озарило. — А человек по имени Вацек Штыба на станции не появлялся?

— Этот факт зафиксирован.

— Ах ты бледнолицая, трясучая, лживая, спесивая, больная свинья! — проговорил Аристарх с чувством. — Ну, погоди, я тебя из-под земли достану!

Больше он не сомневался, называя оператору трансфера адрес и время переноса: Брянск, две тысячи триста сорок второй год. Приходилось возвращаться, чтобы запустить почту и разобраться с предателем, целенаправленно и настойчиво уничтожающим следы Клима Мальгина.

ГЛАВА 8

После отправки жены вместе с другими женщинами на базу Сопротивления на планете Голгофа в созвездии Ящерицы Игнат Ромашин жил не в своем жилом модуле на окраине Смоленска, а на хуторе Клин, в небольшом коттедже, принадлежащем дальнему родственнику жены Игната, Родиону Васильеву. Сам Родион с семьей переселился недавно в Хельсинки, жена у него была финкой, и Ромашин остался один, довольный таким поворотом событий. Во-первых, он был предоставлен самому себе, что уже играло немаловажную роль, во-вторых, о том, что он живет на хуторе, не знали даже коллеги по работе и руководители Сопротивления, кроме Джумы Хана.

Каково же было удивление Игната, когда ранним утром начала сентября к нему в коттедж ворвались вооруженные люди и предъявили ордер на арест, дающий им право обыска и допроса. Единственное, что успел сделать Ромашин, это послать сообщение об аресте дежурному по штабу. И стал ждать, что последует за вторжением.

Тройка «киборгов» провела его в гостиную, обыскала, сорвала рацию, персонком — пси-защитник под волосами на затылке — не обнаружила и усадила в кресло хозяина до-

ма. На вопросы: «в чем дело?» и «где старший?» — оперативники команды не ответили.

«Влип! — отрешенно подумал Игнат. — Надо было послушаться Карла и взять обойму телохранов. Хотя, с другой стороны, если Служба пошла на захват своего же сотрудника, значит, у нее есть железные основания для этого. Вопрос: какие? откуда? Никто из официальных лиц не знает, что советник СБ Ромашин одновременно является провайдером Сопротивления, врагом Ордена Власти. Если только не произошла утечка информации... Неужели в ряды Сопротивления и в самом деле просочился «крот» Службы? Кто? Когда? Где? В какое подразделение?»

Ромашин покачал головой. Решить в одиночку эту задачу он не мог. Но был уверен, что если «крот» и существует, то скорее всего является интрасенсом. Только «суперам» под силу пролезть в засекреченную организацию, также охраняемую «суперами».

Прошло несколько минут.

«Киборги» неподвижно торчали в комнате, не сводя с пленника стволов «универсалов» на плечах.

— Может быть, чайку? — предложил им Игнат по-светски, глядя на стражей снизу вверх.

Те не отреагировали, словно и впрямь были роботами.

Наконец в гостиную вошли еще двое: офицер Службы в чине майора и мужчина с печатью высокомерной снисходительности на бледном лице. Это был уже знакомый Игнату Вацек Штыба, заместитель начальника исследовательской группы на Меркурии, правая рука господина Ландсберга.

— Я так и понял, что это ваша инициатива, — усмехнулся Ромашин. — Что вас интересует на этот раз, пан с у п е р?

Спрашивать, как Служба вышла на него, Игнат не стал, было ясно, что за ним следили.

— Я знаю, что у вас находятся кое-какие интересующие меня предметы, — сказал Штыба с безапелляционной уверенностью, — пан н е с у п е р. А именно — артефакты, спрятанные от научной общественности и силовых структур вашим другом Климом Мальгиным. Отдайте их мне, и мы станемся друзьями.

— Ну что вы, господин больной на голову, — с той же усмешкой сказал Игнат. — Друзьями мы не расстанемся аж

никак. И артефактов у меня нет, вас явно ввели в заблуждение.

— Может быть, они находятся не у вас лично, а у ваших друзей? У Джумы Хана, к примеру, или у Герхарда Маттера? У кого?

— Я вообще не понимаю, о чем идет речь.

Глаза Вацека сузились, и на голову Ромашина обрушился потолок. Впрочем, персонком нейтрализовал большую часть пси-импульса, которым Штыба наградил советника, и сознания Игнат не потерял.

— Общайте его тщательней! — бросил Вацек. — У него где-то спрятан «защитник».

Двое «киборгов» схватили Ромашина за руки, третий грубо ощупал голову, нашел паучок персонкома, вырвал с волосами, протянул молчавшему до сих пор майору. Тот повертел «защитник» в пальцах, в сомнении посмотрел на Штыбу.

— Вы уверены, что советник связан с оппозицией?

— Еще как связан, — ухмыльнулся интрасенс. — Он является третьим лицом в иерархии Сопротивления и очень опасен.

— Забирайте его! — приказал офицер подчиненным.

— Не спешите, майор, — остановил их Штыба. — Я хотел бы допросить этого человека. Дайте на секундочку ваш парализатор.

Офицер дотронулся пальцами до рукоятки табельного парализатора «василиск», в глазах его снова всплыло сомнение.

— Я не имею права передавать...

— Оставьте свои интеллигентские замашки, майор! Ничего с ним не случится. Я могу обойтись и без гипно, просто не хочу напрягаться. Ну?

Офицер нерешительно расстегнул клапан, вытащил парализатор. Штыба выхватил его, направил на Ромашина.

— Прошу прощения, пан советник, ничего личного, но мне очень хочется знать, кто у вас всем заправляет. Мой друг Аристарх Железовский предупредил меня, что я буду ходить по минному полю, а я этого не хочу.

— Это я сказал, — ровным голосом проговорил Ромашин, покрываясь испариной. Он был готов остановить сердце, чтобы не дать противнику копаться в его памяти, но

умирать не хотелось. Оставалась крошечная надежда, что Золотко со своими орлами контрразведки успеет прийти на помощь.

— Вот и хорошо, сейчас разберемся. — Штыба неприятно осклабился. — Напрасно надеетесь на помощь, пан советник, никто вас не спасет. Дежурный по штабу — наш человек, и ваш вызов он просто-напросто заблокировал. А Железовский, насколько мне известно, сбежал в будущее, не так ли?

— Не так! — раздался за спинами «киборгов» мрачный бас.

Штыба дернулся как ужаленный, оглянулся.

В проеме двери возникла фигура математика. Огромная рука подняла парализатор «удав», выстрелила трижды. Оперативники Службы безвольно попадали на пол. Их командир активировал было змейку — электрошокер, но вскочивший с неожиданным проворством Ромашин перехватил его руку и с удовольствием врезал кулаком в квадратный подбородок. Майор отлетел к стене комнаты, сполз на пол с тупым удивлением на лице.

Штыба покосился на Ромашина, озабоченно сосавшего содранную костяшку пальца, но отвлекаться на его нейтрализацию не стал.

— Поговорим? — громыхнул гулким басом Железовский. — Опусти пистолетик, пан Штыба, он тебе не поможет.

— Ты не сможешь... — Голос Вацека сел, на лбу вздулись жилы, лицо напряглось и покраснело. — Ты не...

— Смогу!

Штыба вздрогнул, выронил парализатор. Ромашин подобрал оружие, обошел его, обессилевшего от борьбы с волей Железовского, выглянул в коридор, затем встал рядом с математиком.

— Ты, как всегда, вовремя. Что случилось? Почему ты здесь?

— Потом расскажу. Давно тут эти ребята?

— Минут пятнадцать.

— Надо уходить.

— Что будем делать с ним? — Ромашин кивнул на застывшего Штыбу.

Тот с усилием выпрямился. Сунул руку в боковой карман под уником, вытащил «глюк».

— Я вас... в пыль...

— Какая же ты вонючка! — тусклым голосом произнес Железовский. — У меня всего два вопроса к тебе. Ответишь — будешь жить, обещаю.

— Я т-тебя...

— Вопрос первый: кто «крот»?

— Дежурный по штабу, — вмешался Ромашин. — Он сам признался, думал, что я уже никому не успею сказать.

— Пусть сам ответит. Ну?!

— Д-д...

— Джонсон? Дюк? Доценко?

— Д-дим Олимов...

— Понятно. Мне этот парень никогда не нравился. И жена его тоже. Вопрос второй: чем тебя купили? Что пообещали?

— Н-не т-твое д-де...

— Отвечай!

Штыба отшатнулся, белея. Воля и возможности Железовского были выше, и держался Вацек из последних сил.

— С-с-с...

— Свобода?

Вацек кивнул.

Железовский усмехнулся, выстрелил, проследил за падением тела, обернулся к Ромашину:

— Как все просто в этом далеко не лучшем из миров. Ему пообещали всего лишь свободу, то есть возможность жить так, как он хочет, и этого оказалось достаточно.

— Я его понимаю, — глухо сказал Ромашин.

— А я нет! Ему мало было найти свое место в жизни, он непременно хотел найти и занять это место первым. Однако за все надо платить, это аксиома. Пошли, у нас очень мало времени.

— А с ним что?

— Ничего особенного, будет жить... идиотом.

— Не круто?

— Что заслужил.

Они вышли из коттеджа.

Ромашин мельком глянул на неподвижные тела «киборгов» — у двери, за дверью, на газоне и возле патрульных коггов, белых, с красными и синими полосами по бортам. Насчитал девять тел, невольно покачал головой, глядя на мощ-

ную спину размашисто шагавшего впереди Железовского. Тот сказал, не оборачиваясь:

— Они меня не ждали.

— Я понял.

Сели в голубой флайт, на котором прибыл Аристарх, поднялись в воздух.

— Тебе, наверное, придется тоже перейти на нелегальное положение, — сказал Аристарх.

— Придется, — вздохнул Ромашин. — Как ты меня нашел?

— По запаху.

— Я серьезно.

— И я серьезно. — Железовский покосился на спутника. — Джума Хан дал адрес. Я прилетел всего на пару минут позже патруля Службы, учуял Вацека... остальное было делом техники.

— А он почему тебя не учуял?

— Сенс он хреновый, прямо скажем, а гонору много.

— Почему ты вернулся?

— Забыл выключить электробритву.

— Что? — удивился Ромашин.

— Шучу. Неужели не помнишь эту древнюю шутку? Наши предки обычно забывали выключить бритву или чайник.

— Электрочайников уже сто лет не существует.

— Какая разница? Некоторые шутки живут веками. А вернулся я, чтобы отправить почту.

Ромашин смотрел непонимающе, и Аристарх добавил:

— Помнишь, Клим рассказывал нам о встрече с Паломником?

— Помню.

— Я его тоже встретил. Паломник и подсказал мне, как проще всего найти Клима.

— Как?!

Железовский коротко пересказал Игнату беседу с удивительным существом.

— Найду «голыш» и отправлю его искать Мальгина. Мне надо было забрать у Дашки все артефакты, теперь ищи, где она их оставила.

— Скорее всего у Купавы. А Купава уже с остальными женщинами на базе Сопротивления на Голгофе.

— Это не проблема. Я буду там через пару минут. Тебя куда отвезти?

Лицо Ромашина посуровело.

— Вызову Карла, и мы накроем «крота» Службы в штабе. Очень хочется посмотреть ему в глаза.

— Ничего особенного ты там не увидишь, разве что страх. Могу подсобить.

— Справимся сами, у тебя поважнее задача.

Флайт нырнул к пирамидальному «кристаллу» станции метро Смоленска.

В зале было не протолкнуться, люди шли непрерывным потоком, и Аристарх невольно вспомнил тихие станции метро пятьдесят шестого века. Толпы людей ему никогда не нравились, по душе было больше отсутствие шума и суеты.

— Удачи! — сунул руку Ромашин.

— Ни пуха ни пера! — ответил Железовский.

Они разошлись по свободным кабинам, двое людей из бесчисленных миллионов, живущих одним днем, только двое, которые з н а л и будущее, но все же пытались его изменить.

До базы Сопротивления, располагавшейся в красивейшей долине Лав Стори на южном материке Голгофы, второй планеты системы омикрона Ящерицы, Аристарх действительно добрался за две минуты. База имела собственную станцию метро с кодовым выходом, о которой не догадывались ни работники Сети метро Солнечной системы — поскольку она не была зарегистрирована в каталогах, ни работники Службы безопасности. О существовании же базы и вообще знали всего несколько человек, руководители Сопротивления и ее служба охраны.

Выйдя из небольшого здания метро, которому больше приличествовало название «будка», Железовский полюбился пейзажем долины: река с белоснежными берегами — такой здесь был песок, заросли растений, в которых можно было узнать знакомые формы — в силу принципа физического соответствия жизнь на планетах земного типа порождала примерно те же виды животных и растений, зеленое небо, горы на горизонте, блистающие изумрудным льдом, — и направился искать домик, в котором поселили освобожденную Купаву Мальгину.

Дышалось здесь легко, почти как на Земле. Да и сила тяжести соответствовала земной.

Всего городок базы насчитывал чуть больше сорока коттеджей — на сорок семей переселенцев, но жили в нем пока всего двадцать человек, жены, родители, сестры и дети интрасенсов, согласившиеся на время покинуть родную планету. Поселились здесь и сестры Бояновы, Забава и Власта, Гертруда Маттер, жена ксенопсихолога, Карой Чоккой, жена Джумы Хана, с дочерью Аумой, и жена Игната Ромашина Дениз, хотя она и не была интрасенсом.

Людей на территории городка почти не было видно, хотя охрана работала: это Аристарх почувствовал сразу — по ветру внимания, подувшему на него со всех сторон. База просматривалась видеокамерами, над ней висел спутник, и ни один посторонний человек появиться незамеченным здесь не мог.

Купаву Аристарх нашел в коттедже под номером семь.

Женщина сидела на веранде с бокалом пурпурной жидкости в руке, и по ее затуманенному взгляду он понял, что женщина пьет вино. Или даже что-то покрепче. Давно. Одна. И настроение у нее далеко не благостно-мажорное. Глаза Купавы были сухими и блестели, но тем не менее она плакала, никого и ничего не видя.

— Привет, — сказал Аристарх, осторожно присаживаясь в хрупкое с виду кресло-качалку напротив хозяйки. — Что празднуем?

Жена Мальгина посмотрела сквозь него, не узнавая, прищурилась. Потом взгляд ее изменился.

— А-а... это ты...

Аристарх отнял у нее бокал, попробовал вино на язык, выплеснул на лужайку. Это было не вино, а приготовленный особым способом маколей, сок лунного кактуса, известного наркотическим воздействием.

— Где ты нашла эту гадость?

— Не смей... выливать... это мое... лучше налей еще...

Аристарх встал, нашел на столе в столовой керамический сосуд с маколеем, вылил содержимое в раковину. Обнаружил в баре вишневый сок, налил в бокал, поколдовал над ним, насыщая с в е ж е с т ь ю, принес на веранду.

— Пей, сейчас ты почувствуешь большое облегчение.

Он заглянул женщине в глаза, проник в сознание, запуст-

тил нейросоматическую ретикуляцию организма, ответственную за нейтрализацию ядов и токсинов. Сел напротив с чашкой чая.

Глаза Купавы расширились, в них мелькнул проблеск мысли.

— Что ты... мне дал?

— Что надо. Пей! Голова немного покружится и перестанет.

— Странное ощущение... кто-то ворочается внутри головы...

— Душа твоя ворочается. Не пей больше всякую всячину, козой станешь.

— Кем?!

— Сказку вспомнил про сестрицу Аленушку и братца Иванушку. Где ты нашла маколей? Кто его тебе принес?

— Старые запасы... успокаивает... расслабляет... — Глаза Купавы стали большими и тревожными. — Ты почему здесь?! Ты же должен был улететь за Дашкой! Что с ней?!

— Вот это уже правильная реакция, — сказал Железовский удовлетворенно. — Даша в надежных руках, не волнуйся. Кто все-таки дал тебе маколей? Чувствую, что кто-то тебя посещал, но не пойму кто. Насколько я знаю, в аптеках нарколептики не продаются, и в супермаркетах тоже.

Купава отвернулась, помолчала, отхлебывая сок, глухо проговорила:

— Дан меня навестил...

— Кто? — не понял Аристарх. — Какой Дан?

— Даниил...

— Шаламов?! Дан был у тебя?!

— Посидел полчаса, сделал из воды маколей... — Купава бросила на гостя косой взгляд, криво улыбнулась. — Честное слово, я не обманываю. Он все может... кроме одного... Позвал с собой, обещал райскую жизнь...

Железовский с трудом справился с изумлением, несмотря на все свое железное самообладание.

— Дан был здесь... вот это номер! И охрана его не оставила...

— Он появился прямо в доме... Я же говорю, он все может. — Женщина снова помолчала, посмотрела прямо в глаза Аристарху, сжала губы. — Но я указала ему на дверь! Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул он, с сочувствием глядя на женщину, прошлое которой вдруг вернулось к ней. — Чего он хотел?

— Звал с собой... рассказывал, где был... спрашивал, где Дашка...

— О Климе не вспоминал?

— Нет, он был занят только собой. И, по-моему, он знает, что вы делаете. Сказал, чтобы вы не мешали эйнсофу нормально развиваться.

— Так и сказал?

— Да.

— Что он имел в виду? Дан же должен понимать, к чему может привести развитие эйнсофа. — Железовского вдруг озарило. — Если только он сам не поддерживает экспериментаторов! Впрочем, это в конце концов выяснится. Пава, где артефакты Клима? Они у тебя?

— В сумке лежат, — безучастно отозвалась Купава, углубляясь в свои переживания. — Я их не трогала. Дан, кажется, их почуял, сказал даже, что «нерусским духом пахнет», но тут появился патруль, и он забыл о своих подозрениях.

Железовский снова проник в психосферу женщины, перестроил некоторые ассоциативные связи с выходом на положительные эмоции, послал теплый импульс поддержки с «запахом» Мальгина. Встал, нашел в стенном шкафу сумку с оставшимися артефактами, достал «голыш» и, подумав, «стакан» галактики. В сумке остались книга, свеча и кейс со свернутыми хрониками.

Когда он вернулся в гостиную, Купава уже улыбалась. Сквозь слезы. Настроение ее явно улучшилось. Несложно было догадаться, что думает она в данный момент о Климе. Вопросительно и смущенно посмотрела на гостя.

— Я вела себя как дура, да?

— Ты видела плохой сон. Молодец, что не поддалась на уговоры Даниила. Он по-прежнему пытается изменить чужую жизнь, эгоист паршивый. Ну-ка, помоги.

— Что ты задумал?

— Хочу отправить Климу телеграмму.

Брови женщины взлетели на лоб.

— Что?! Какую телеграмму?!

— Я виделся с Паломником, он посоветовал отправить по орилоунской Сети сообщение, адресованное твоему суженому. Вот носитель. — Железовский положил на стол плоский «голыш» с мигающей желтой искоркой.

Купава с недоверием посмотрела на него, протянула руку, но Аристарх остановил ее.

— Не трогай, я не шучу. Паломник тоже вряд ли способен на шутки. Вот что мы сделаем. Я попытаюсь войти в этот камешек, а ты начинай мысленно звать Клима.

— Думаешь, получится?

— Если долго мучиться, что-нибудь получится, — пошутил Аристарх. — Начали!

Он сосредоточился на гипервоздействии, раскрывая все доступные диапазоны электромагнитного и спин-торсионного спектра, вонзил «скальпель» своей воли в твердый на вид камень.

«Голыш» на мгновение растекся стружкой белого дыма, снова затвердел. Искорка на торце замигала чаще.

— Вот гад, сопротивляется!

Еще одно усилие, стоившее Аристарху приличных энергетических затрат, не прошло даром.

В центре округлой поверхности «голыша» возникло белое пятнышко, от него по камешку побежали волны свечения.

— Зовешь? — выдохнул Железовский сквозь зубы.

— Климушка, родной, возвращайся! — с прорвавшейся тоской вслух выговорила Купава. — Я люблю тебя! Жду не дожусь! И Даша ждет...

Камень засиял, как осколок солнца.

Железовский быстро перевернул его, не боясь обжечься.

«Голыш» исчез.

Оба смотрели на то место, где он лежал, затаив дыхание, и ждали. Прошла минута, вторая, третья... пятая... Камень не возвращался.

— Все! — сказал Железовский, расслабляясь, и обнаружил, что он мокрый как мышь. Улыбнулся в ответ на красноречивый взгляд Купавы. — Такое впечатление, что я не почту отправлял, а камни ворочал. Теперь остается только ждать. Ушла твоя телеграмма. Если бы мы знали раньше, что «голыш» — на самом деле почтовый файл...

— Ты думаешь... Клим услышит?

— Непременно! — обнадежил женщину Аристарх, стараясь выглядеть уверенно. Чего греха таить, кое-какие сомнения у него оставались.

ГЛАВА 9

Время для Дара остановилось, «Скиф» падал долго-долго, целых двадцать секунд, и все никак не мог достичь земли.

— Катапультируйся! — шептали губы Дарьи и Дара, хотя оба понимали, что помочь другу уже не в состоянии.

И в этот момент в рубке корабля-ножа появился чужой человек, одетый в стандартный бело-серый костюм космена. Дар почувствовал присутствие незнакомца, высунулся из своей «пилотской» ячейки. То же самое сделала и девушка, воскликнула удивленно:

— Дядя Даниил?!

— Это действительно я, — подтвердил незнакомец; у него было красивое скуластое волевое лицо с теплыми карими глазами, портила это лицо только презрительно-капризная складка губ. — Как ты меня узнала?

— У папы есть витейр, вы там вместе...

— Сохранил, значит? Похвально. А ты здорово похожа на мать, сразу и не отличишь. Кто это с тобой? Знакомая личность.

Дарья опомнилась.

— Помоги, дядя Даниил! Спаси Борятю! Он в рубке спейсера, один!

Шаламов прислушался к чему-то, покачал головой.

— Мальчишка в панике, однако. Спасать мне его не хочется, честно говоря, но можно обдумать условия. — Он оценивающе глянул на Дарью. — Время у нас еще есть.

— Какое время?! — вырвалось у Дара. — Борята сейчас разобьется к... — Он замолчал, увидев, что «Скиф» перестал валиться на лес и завис над вершинами деревьев на высоте двух десятков метров.

— Я, кажется, понял, — продолжал Шаламов как ни в чем не бывало. — Этот парень — сын Аристарха Железовского.

— Не сын — праправнук в сто семидесятом поколении, — уточнила девушка, также пораженная изменением обстановки. — Он сын князя местной общины.

— Надо же, как точно гены передают облик родоначальника, — усмехнулся Шаламов. — Силен железный человек!

— Спасибо, — стеснительно проговорил Дар, — за спасение товарища...

— А я его еще не спас, — возразил гость. — Вы все должны из таких положений выпутываться сами. Что ты здесь делаешь, Дарья?

Девушка выдавила бледную улыбку.

— Приобретаю опыт, учусь жить самостоятельно.

— Правильное решение, — одобрительно кивнул Шаламов, прошелся по вздрагивающему полу рубки. — Хотя учение и опыт — разные вещи. Учение — это изучение правил, опыт — изучение исключений. Ну-ка, выйди, покажись.

— Зачем?!

— Выйди, выйди, хочу посмотреть, какая ты стала. Я помню тебя совсем девчонкой.

Дарья кинула взгляд на Дара, вылезла из ячейки, недоумевающая и слегка смущенная.

— Да, вылитая Купава, — задумчиво сказал Шаламов. — Фигура один в один, только волосы другие и нос от отца.

Дарья нахмурилась, начиная понимать смысл происходящего, торопливо забралась в ячейку.

— Какая ты быстрая, — скривил губы Шаламов. — Все понимаешь с полуслова. Но на вопрос не ответила.

— Вы сами все знаете, дядя Даниил, зачем издеваетесь?

— Знаю, — согласился бывший муж Купавы. — И очень недоволен вашим отношением к процессу.

— Почему?! — изумилась Дарья. — Мы же хотим помочь общине... вообще всему человечеству!

— Столь глобальные задачи вам не по плечу. Они не по плечу даже твоему папаше, хотя он приличный оператор галактического масштаба. Но речь не о нем. Вам придется бросить свое дело «защиты человечества».

— Объяснитесь!

— Изволь, но с одним условием.

— Каким?

— Ты пойдешь со мной. Я покажу тебе настоящую жизнь Вселенной, в прошлом и будущем, чего не покажет никто.

— Нет!

— Не спеши с решением, девочка, чтобы не пожалеть потом.

— Отстаньте от нее! — резко бросил Дар.

Шаламов посмотрел на него с прищуром, и молодой человек почувствовал, что не может ни сдвинуться с места, ни выговорить слово.

— У тебя будет все, что твоей душе угодно, — продолжал бывший друг Клима Мальгина. — Время, пространство, власть, подчиненные, слуги, рабы и рабыни, украшения, одежда и так далее. Я исполню любой твой каприз, ты будешь счастлива, уверяю тебя. Я могу все, но мне не хватает спутницы. Одна заковыка: сделать женщину счастливой нетрудно, трудно самому при этом остаться счастливым.

— Нет! — все с той же решительностью ответила Дарья. — Я буду счастлива только с тем, кого полюблю! И чтобы он любил меня!

— За этим дело не станет, ты полюбишь меня...

Дар неимоверным усилием воли преодолел паралич мышц, выбрался из ячейки, сжав кулаки.

— Прекратите издеваться! Иначе я...

— Иначе что? — с иронией и некоторым удивлением глянул на него Шаламов. — Мальчик, неужели ты думаешь, что одолеешь меня? Надо признаться, ты сильнее, чем я думал, но этого недостаточно.

Глаза Шаламова метнули молнии, и Дар снова застыл как изваяние, не в силах сделать ни одного движения, даже вдохнуть воздух.

— Итак, продолжим, — равнодушно отвернулся от него Шаламов, подошел к ячейке, из которой поднялась в рост Дарья. — Я объясню тебе, в чем вы заблуждаетесь.

— Отпустите его!

— Потом, потом, ничего с ним не сделается, мальчишка — интрасенс и должен уметь выживать в любых условиях. Если же говорить о заблуждениях — твоих, твоего друга, вообще остальных деятелей из так называемого Сопротивления, то они вполне объяснимы и закономерны. Даже лучшие из вас — Аристарх, Маттер, Баренц — ограничены в оперировании потоками информации, пронизывающими космос, ограничены в интеллекте, в пространстве и времени. Но их заблуждения опасны, и этому надо положить ко-

нец. Ты слышала что-нибудь о «фантомной темной энергии»?

— Краем уха... — нерешительно созналась Дарья.

— Значит, нет. А о таком физическом явлении, как анти-коллапс?

— Папа что-то говорил об этом... но какое это имеет значение?

— Самое непосредственное. Объясняю на пальцах. Мы живем в расширяющейся Вселенной.

— Надо же — открытие! — фыркнула девушка.

— Только вот расширяется наш метагалактический домен не линейно, а с ускорением. Это и есть явление анти-коллапса, или, как принято говорить, процесс фазового перехода от экспоненциальной стадии расширения к инфляционной. «Темная энергия» как раз и способствует этому расширению, причем все в большей и большей степени. А поскольку финал этого процесса грозит уничтожить весь домен со всем его содержимым, некие силы пытаются его остановить. Не догадываешься какие?

— Уж не отеллоиды ли? — съязвила Дарья.

— В точку. Не сами отеллоиды, а система, которая за ними стоит и которая имеет название йихаллах. Ну, а за системой стоят черные дыры. Вот кому вы пытаетесь помешать.

— Чушь!

— Не разочаровывай меня, девочка, иначе я решу, что ты глупее, чем выглядишь. Близится Большой Разрыв, черные дыры пытаются остановить процесс расширения, и это факт, не подлежащий обсуждению. Ты этого не знала?

— Не знала! Ну и что? — Дарья раздула ноздри. — Это не имеет никакого значения! Не хотите нам помочь — уходите! И освободите Дара!

— Ух, какая ты грозная! — фыркнул Шаламов. — Глаза сверкают, щеки — кровь с молоком, грудь вперед — вылитая мать, когда во гневе. — Он подумал. — И отец у тебя такой же... человек... м-да! Впрочем, ты права, это не имеет значения. Хочешь, я нарисую сценарий, как будет погибать наш инвариант Вселенной? Кстати, таких инвариантов бесчисленное количество, наш не из лучших.

— Не хочу.

— Я все же нарисую. Через десять миллиардов лет — некоторые ортодоксы утверждают, что гораздо раньше, дру-

гие — что намного позже, — начнут распадаться звездные скопления типа галактик и их ассоциаций. Чуть позже разорвутся звезды, затем планеты. За десять в минус девятнадцатой степени секунды до Большого Разрыва станут разрываться атомы, затем придет черед элементарных частиц. Последними разорвутся квадрупольи, мельчайшие «кирпичики» Мироздания. Их еще называют кварками и максимонами. Исчезнет вакуум, исчезнет пространство, исчезнет время. Произойдет очередная фазовая перестройка домена, и на его месте возникнет новая Метавселенная с иным набором констант и физических законов. Но ни человека, ни других разумных существ и систем уже не будет. Тебе нравится такой финал?

— Будет еще что-то! Какой смысл думать об этом сейчас?

— Думать о будущем имеет смысл всегда. Хотя на твоём месте я отреагировал бы точно так же. Итак, что ты решила?

— Я не... — Дарья не договорила.

После долгой борьбы с непослушным телом и поиска способов освобождения Дар наконец преодолел порог пси-запрета, диктующий чужую волю на уровне инстинктивного подчинения, и сбросил путы оцепенения. Сделал два быстрых шага, поднимая руки на уровне груди.

— Вы подлец! Немедленно прекратите!

Шаламов с недоумением оглянулся.

— Батюшки-светы, очнулся! Сильный мальчик! А если я не прекращу?

— Я вас ударю!

— Попробуй.

Дар шевельнулся и, ускоряясь, метнулся вперед.

Шаламов вдруг взлетел в воздух от мгновенного, точного и мощного удара в подбородок, с вытаращенными глазами пролетел несколько метров и едва не врезался в конвульсивно содрогнувшуюся стену рубки. Вскочил на ноги, побелев от ярости.

— Ах ты, шенок! Я же тебя по полу размажу...

— Не смейте! — крикнула Дарья, отталкивая Шаламова мысленно-волевым усилием, из-за чего ответный его удар получился смазанным, нечетким, расфокусированным. Но и этого оказалось достаточно, чтобы Дар потерял сознание.

Он, конечно, пытался защититься, предполагая пси-атаку, поставил полевой экран и даже перенес сознание в «за-

пасной» мозг — спинной и костный, образующий еще один дополнительный «мыслящий контур». Однако удар был слишком мощным. Шаламов владел энергиями на два порядка выше любого человека и был магическим оператором очень высокого уровня. Поддаваясь страстям, он не дозиrowал силу удара, что говорило о его неадекватном отношении к миру.

Дарья бросилась к упавшему княжичу, припала ухом к его груди, с изумлением и ненавистью глянула на Шаламова, озабоченно ощупывающего вспухший подбородок.

— Вы убили его?!

— Выживет, — оскалился бывший друг отца девушки, — если захочет. Парень кое-чем владеет, я его недооценил. Оставь его, уходим.

— Никогда!

— Тогда они оба умрут, тот — в спейсере, и этот. Решай. Я знаю, женщины любят побежденных, но всегда изменяют им с победителями.

Дарья в немом гневе смотрела на Шаламова и впервые в жизни не нашлась что ответить.

* * *

Дар пришел в себя несколько минут спустя, слыша глухой гул в голове и ощущая позывы на рвоту. Организм, получивший сильнейший шоковый пси-разряд, сбивший чуть ли не все биологические ритмы, с трудом восстановил функционирование сердечно-сосудистой и вегетативной систем и теперь по крохам «собирал сознание» в единое целое.

«Где я?» — пришла первая мысль.

За ней выплыла вторая:

«Сейчас умру...»

Но третья заставила действовать:

«Дарья в опасности! Этот тип легко справится с ней! Ему надо помешать!»

Он открыл глаза.

Светящиеся изнутри, как янтарь, колышущиеся стены, ячейки, «скульптура осы» в центре, вздрагивающий потолок... и никого на полу рубки. Куда они подевались?

Дар привстал на локтях и едва не потерял сознание от

нахлынувшей слабости. Лег, справился с головокружением, сел по-турецки и позвал:

— Даша!

Никто ему не ответил.

— Даша, где ты? Отзовись!

Шум в ушах, треск, писк, звон... не голова, а треснувший горшок! Вот бугай здоровенный! Если бы не вмешательство Дарьи, он бы меня убил! Где же она? Неужели ушла с ним?!

Он с великим трудом заставил себя встать, заковылял до ближайшей «пилотской» ячеи, рухнул в нее колодой.

«Шершень... где они?»

В голове вспыхнула мысленно-эмоциональная вуаль не -
п о н и м а н и я.

Дар представил в уме девушку.

«Где она?»

Ответ инка «осинового» корабля можно было перевести как: «Не знаю».

«Хорошо... дай обзор».

Включилась система видения, вогнутые ячейки-экраны отразили мир за стенками корабля.

В воздухе — ни одного отеллоидского космолета. Корабль-нож уничтожил-таки весь их флот.

В небе — ни облачка.

Лес под кормой корабля тих и неподвижен.

А посреди луга за рекой — конусовидная гора древнего спасательного спейсера «Скиф», опаленного огнем, утрюмого, с дымящимися пробоинами в корпусе, но с виду еще способного взлететь и выполнить свою задачу. В его обшивке раздвинулась диафрагма люка, из отверстия выглянула вихрастая голова.

— Борята! — прошептал Дар. — Живой!..

ГЛАВА 10

На поляне, у подмявшего кустарник и часть леса корабля-ножа, собралась дружина князя — все, кто уцелел. Дружинники были хмуры и неразговорчивы, на огромный корабль посматривали с опаской и уважением, но без особого восхищения. Встречать изделия рук человеческих, да и нечеловеческих тоже, таких размеров людям приходилось нечас-

то, и все же они были не в диковинку. Предки оставили в наследство потомкам и более значительные сооружения.

К державшимся отдельно Дару и Боряте подошел мрачно-целеустремленный князь.

— Все целы? Где Дарья?

— Не знаю, — тихо ответил Дар, изо всех сил старавшийся выглядеть бесстрастным; поднял глаза на отца и снова опустил.

— Ее захватил Данила Шалимов, — сказал Борята, помятый и растрепанный, но довольный собой. Хвастаться своими успехами ему мешало только отсутствие гости из прошлого.

— Шаламов, — поправил приятеля Дар.

— Кто он такой?

— Друг отца Даши... бывший... я не смог с ним справиться...

— Рассказывай.

Дар мельком посмотрел на подошедшего Боригора с обожженным лицом — летак витязя был сбит и загорелся, но все же ему удалось уцелеть — и рассказал историю боя с отеллоидами с подъемом спейсера «Скиф» до появления в рубке «осинового» корабля Даниила Шаламова. Закончил скороговоркой:

— Где теперь Даша, я не знаю. На вызовы она не отвечает. Прости, отец, это я во всем...

— Потом будешь каяться, — перебил князь. — Ищи девочку. Я пообещал Аристарху, что с ней ничего не случится, а своего слова я еще не нарушал. Найдешь, где бы она ни была, сообщишь мне. Остальное — уже не твоя забота.

Круто развернувшись на каблуках, Бояр направился к ближайшему летaku, махнул рукой Боригору.

— Летим в Смолены. Надо эвакуировать все ближайшие хутора.

Один за другим летак дружины поднялись в небо, пропали за стеной леса. Дар и Борята остались одни, глядя им вслед.

— Не переживай, — робко сказал целитель. — Ты же не виноват, что этот Шалам-балам оказался таким нехорошим человеком.

— Я виноват, — почти неслышно выговорил Дар. — Это

я во всем виноват! Не надо было поддаваться на ее уговоры и лететь на разведку. Мы разворошили осиное гнездо...

— Не осиное, — вымученно улыбнулся Борята, — скорее уж змеиное. А что произошло потом? Я ничего не понял. В корабль попали несколько раз, он начал падать, связь с инком отключилась... я уж думал — кранты! А потом вдруг — бац! — корабль уже сидит.

— Шаламов — маг... то есть свободный оператор, он может управлять мощными энергетическими потоками... а я всего лишь сын интрасенса...

— Не прибедряйся, ты тоже сильный оператор, у тебя все еще впереди, — утешил друга Борята.

— Слабак я! — покачал головой Дар, безжалостно добивая свою гордость. — Мне действительно еще учиться и учиться! Завтра же пойду к наставнику.

Борята потоптался рядом, не зная, что сказать.

— Все образуется, найдем мы твою Дашку...

Дар очнулся, оглядел небосвод, словно там должна была появиться точка летака с Дарьей. Шагнул к нависавшей над головой стене корабля-ножа и остановился, ощутив слабое шевеление пси-поля. Оглянулся.

Над лесом и в самом деле просияла звездочка летака, за ней еще две. Воздушные машины стремительно увеличивались в размерах, спикировали на поляну. Из них высадилась целая толпа черных людей — более двух десятков особей! — и среди них человек в дымчато-стеклянном костюме, плывущий узор которого не позволял оценить габариты и фигуру владельца. Костюмы подобного типа назывались «хамелеонами» и при включении систем маскировки делали человека практически невидимым. Дар знал об этом, но «хамелеоны» были редкостью, и община имела лишь один экземпляр спецкостюма, хранившийся в хозяйственном лабазе уничтоженного хутора Жуковец.

Борята бросился к люку, но остановился, видя, что друг не спешит скрыться внутри корабля.

— Ты что, Дар?! Бежим! Их целая армия!

— Это он! — процедил сквозь зубы чистодей.

— Кто?! — не понял приятель.

— Тот человек... в отеллоидском корабле... когда мы с Дашей пытались перехватить его управление... я узнал его!

— Ну и что?

- Он хочет контакта...
- Ни к чему нам такие контакты!
- Ты иди, забирайся в кабину и жди, я останусь.

Борята заколебался, переводя взгляд со спины друга на приближавшуюся группу черных людей во главе с земляником.

- Иди! — прошипел Дар.

Борята вздрогнул, скрылся в отверстии люка.

— Вот мы и встретились, приятель, — проговорил незнакомец, широко улыбаясь. — Узнаешь меня?

Он был молод, всего на четыре-пять лет старше Дара, и ощутимо силен. Левая бровь у него была выбрита начисто, что говорило о принадлежности парня к касте либеро, охотников за людьми, чей рейтинг непопулярности достигал максимума. Дар вспомнил об этом мимолетно, оценивая физические данные и внутренние возможности противника.

- Мы не приятели, — негромко сказал он.

Узкие губы незнакомца искривились.

— Вряд ли это имеет значение. В прошлую встречу вы подложили мне хорошую свинью, заставив моих друзей, — жест на молчаливую цепь отеллоидов, — отказаться от атаки. Вот я и пришел поквитаться. Ты не против?

Дар промолчал, продолжая настраивать энергетическую систему для неминуемого поединка. Он уже понял натуру молодого забияки, агрессивную, не терпящую возражений, стремящуюся к безоговорочному подчинению других, слепо отвергающую все виды компромисса. В памяти всплыло слово «отморозок», метко характеризующее личность подобных людей. Правда, считалось, что данная оценка ушла в прошлое, вместе с классом этих мерзавцев. Однако чистодей уже встречался с ними во времена набегов кочевников и знал, чего можно от них ожидать. Отличало незнакомца от остальных беривсеев только его происхождение: он был интрасенсом.

— Тачка у тебя классная! — продолжал незнакомец, небрежно кивая на корабль-нож. — Мне как раз такая нужна, не одолжишь на время? Нечисти развелось тут у вас, на старушке Земле, продохнуть нельзя. Куда ни плюнь — попадешь в интрасенса или целителя. Пора чистилище устраивать.

— Ты из две тысячи триста сорок второго года, — сказал Дар утвердительно.

— Неужели догадался? — произнес парень с нехорошей ухмылкой. — Или в мыслях покопался? Впрочем, и это не имеет значения. Сегодня ты один, я гляжу, твой неповоротливый дружок не в счет. Где же дама?

Дар молчал.

— Нету дамы, — развел руками незнакомец в «хамелеоне» с шутовской ужимкой; он развлекался. — А ведь мы с ней в одном учебном заведении учимся, я ее неплохо знаю. Своенравная особа, но сексапильная. Я бы с удовольствием покувыркался с ней. Не подскажешь, где ее найти?

— Много говоришь, — ледяным тоном бросил Дар.

— Сколько хочу, столько и хохочу, — ухмыльнулся парень. — Ты ведь не запретишь мне делать то, что я хочу?

Дар уже нащупал брешь в пси-защите противника, но первым нападать не хотел.

— Возвращайся в свое время! Здесь моя земля!

— Ух ты, как недипломатично! А если я не уйду, что тогда? Вызовешь дружину батюшки? Спрячешься под юбку матушки?

Дар сжал губы, сдерживаясь.

Незнакомец оценивающе ощупал его лицо желтоватыми, глубоко посаженными глазами.

— Похоже, ты уже дошел до кондиции, пора обламывать рога молодому оленю. Или мы договоримся? Отдашь спейсер добровольно?

— Возьми, — шевельнул губами Дар, стряхивая с кистей рук на траву струйки розоватого свечения.

Глаза незнакомца сузились, и в то же мгновение он нанес довольно мощный пси-энергетический удар, метнулся вперед, собираясь добить противника на физическом уровне — ударом в голову. Но Дар был готов к атаке и ответил своим выпадом, пробивая в защитной ауре парня — у него имелся еще и персональный защитник — «красную» дыру. Парень широко раскрыл глаза, получив весомую пси-оплеуху, хотел сманеврировать и выйти из боя, но было уже поздно. Он оказался в зоне поражения Дара, и чистодей без жалости нанес один точный удар ребром ладони по носу противника. Тот без звука упал на траву и затих.

Дар повернулся к неподвижной цепи отеллоидов, поднял вверх сжатый кулак.

— Слушайте меня внимательно! Ваш предводитель побежден! Забирайте его и уходите, иначе будете уничтожены!

Молчание в ответ. Ни один отеллоид не тронулся с места, не сделал ни одного жеста.

— Вы меня поняли? Уходите! Передайте своему командиру, что мы вас всех уничтожим, если вы не уберетесь с Земли и вообще из Солнечной системы!

Дар оглядел неподвижные черные фигуры с белыми белками глаз, повернулся к ним спиной и пошел к кораблю.

Из люка высунулся Борята, не пожелавший оставить друга одного.

— Дар, сзади!

Чистодей, не оглядываясь, просунул под мышку ствол звукового пистолета, с которым не расставался, выстрелил.

Невидимая звуковая «пуля» врезалась в лицо поверженного противника, целившего в спину Дара из какого-то неизвестного оружия (отеллоидский метатель молний?), и опрокинула парня на землю. Он выронил излучатель, схватился за уши, взвыл. Из перекошенного рта посыпались ругательства, обещания «встретить еще раз, содрать кожу, вырвать сердце и съесть».

Дар, оглянувшись, увидел общее движение отеллоидов — они доставали оружие — и прыгнул в отверстие люка, приказывая инку «осинового» корабля закрыть все входы.

Шершень повиновался с замечательной быстротой.

Когда отеллоиды открыли огонь, молнии разрядов накнулись на монолит корпуса, затянувший отверстие люка.

Хуторяне оседлали местный лифт, достигли рубки, ячеи которой уже показывали пейзаж вокруг корабля. Было видно, как отеллоиды спешно рассаживаются по летакам и поднимаются в воздух. Первым бежал с поля боя незнакомец в «хамелеоне». Дар слышал его мысленный голос: «Мы еще встретимся, хмырь болотный, я из тебя все кишки выпущу и повешу на них!» — но не ответил.

— Собьем их? — предложил Борята.

— Не стоит, — буркнул остывший Дар. — Мы в разных весовых категориях.

— Они бы тебя не пожалели.

— Я — не они.

Дар приказал Шершню поднять корабль в небо. Внезапно он увидел стремительно приближавшуюся металлическую каплю летака, в то время как другие, с отеллоидами, продолжали драпать во все лопатки, как вспугнутые куры. Ёкнуло сердце: неужто проигравший поединок парень решил отыграться?

Но это был не он.

В голове чистоддея пророс призрачный бутончик ментального вызова:

«Правнук, открой десантный люк».

Дар изумленно округлил глаза, но послушался. Его вызывал Аристарх Железовский.

Вскоре человек-гора появился в рубке «осинового» корабля, заполнив ее, казалось, на три четверти. Бегло оглядел смущенно-ждушие лица молодых людей, принялся.

— Ну и запашок здесь — словно бочку с прогорклым медом опрокинули. Я видел два аппарата с отеллоидами, мчавшиеся на всех парах. Что тут у вас произошло?

— Дар сражался с ними, — сказал Борята. — Вернее, с одним человеком. Победил. И побежденный удрал, вместе с черными бродягами.

Железовский вопросительно посмотрел на Дара.

— Это был интрасенс, — произнес чистодей. — Землянин. Несколько дней назад мы отогнали космический летак отеллоидов, он был среди них. А сегодня он подловил нас, когда отец улетел... Пришлось драться. Мне показалось, что он не из нашего времени, а из вашего.

— Почему?

Дар пожал плечами.

— Аура другая... лексикон... отношение к противнику... Потом он сообщил, что знает Дашу.

— Как он выглядел?

Дар описал внешность незнакомца, добавил:

— У него была выбрита левая бровь... А еще он учился с Дарьей в одном институте.

— Либеро... — помрачнел Железовский. — Глаза желтоватые, нос тонкий, с горбинкой... Это явно сын Торопова, Леон. Я совсем выпустил его из виду... А он здесь! Яблочко от вишенки недалеко падает. Недаром говорится, что дураки не мамонты, они не вымрут. Интересно, где эти ребята бе-

рут трансферы? Отеллоиды их снабдили? Если это так, нас ждут другие беды.

— Шаламов увел Дарью, — тихо сказал Дар.

— Знаю, — кивнул Аристарх. — Встретил князя, он сообщил эту новость. Как это случилось?

Дар рассказал, страдая от стыда.

Железовский задумался, прошелся по бугристому полу рубки, пощипывая подбородок.

— Даниила видели на Земле... он заявился к Купаве, наговаривал глупостей... Что ему нужно от семьи Мальгиных, хотел бы я знать? Этот человек ничего просто так не делает. Если он вернулся, то уж не затем, чтобы выкрасть дочь Клима и Купавы. Это слишком мелко для него. Дашка попалась ему под горячую руку. С другой стороны, он псинеур...

— Кто?

— Психически неуравновешенная личность. Попросту говоря, он болен.

— Можно попытаться найти ее в пси-поле...

— Дан мог забрать Дашу с собой в любое другое время и вообще в другие миры... если только у него нет какого-то интереса именно к вашим реалиям. Это единственный шанс.

— Я готов на все!

— И я! — эхом отозвался Борята.

— Верю, ребятки, однако нас маловато будет для такого дела. Пси-интерферометр «триай» срабатывает только при достаточно большом количестве «генераторов» — то есть голов.

— Попросим подключиться к нам отца и других сенсов.

— Придется, хотя я сильно сомнева... — Аристарх не договорил.

Дар вздрогнул, получив мысленный вызов Шершня, который можно было интерпретировать как сигнал тревоги.

— Отеллоиды возвращаются!

В ячеях-экранах рубки возникло изображение приближающейся стаи черных птиц, вырастающей в размерах. Их было не меньше двух десятков. Отеллоиды бросили для уничтожения «осинового» корабля чуть ли не треть всего своего флота.

— Мама родная! — охнул Борята. — Они нас заклюют! Надо уходить!

Дар нерешительно посмотрел на Железовского.

— Уходим?

— Ну уж нет! — ухмыльнулся прапрадед, не выказывая никакого сомнения или беспокойства. — Они еще не знают, с кем связались. Это военный крейсер Галиктов, обладающий прекрасными ходовыми качествами и оружием. Сами Галикты давно ушли в небытие, как и их соперники, с которыми они воевали, а их исправно работающую технику все еще находят в разных уголках Галактики. Сейчас мы им покажем кузькину мать!

— Мы уже показывали, — с гордостью сказал Борята, — когда летали на разведку. Дар сбил пять отеллоидских монстров!

— Прекрасно. — Железовский расположился в соседней ячейке. — Правнук, ты уже управлял спейсером, подключайся к нему, а я присоединюсь к тебе. Повоюем, мать их!

Корабль-нож устремился навстречу приближавшейся эскадре.

ГЛАВА 11

Она не помнила, как оказалась в этом странном помещении, напоминавшем рубку «осинового» корабля и сморщенное коровье вымя одновременно. Довершали аналогию свисающие с потолка «сталактиты», похожие на коровьи соски, только глубокого фиолетового цвета.

Стены помещения, в буграх и наплывах, были черными, лоснящимися, и веяло от них электричеством, парафином, горячим железом и неким ж и в ы м духом, создающим впечатление внимательного взгляда.

Дарья встала с пологого возвышения, на котором лежала лицом вниз, прошла по мягкому, вздрагивающему от каждого шага, как пласт желатина, полу помещения.

Дышать было легко, если бы не запахи. Сила тяжести слегка уступала земной, но незначительно. Светильниками же служили острия некоторых сосков-сталактитов, испускающие розовато-оранжевое свечение.

Ни входа, ни выхода, ни одного отверстия, даже самого маленького. Станные наросты на полу, похожие на крутые бараньи лбы. Подземелье. Грот. Или и в самом деле желудок гигантского живого существа. Что за чудеса? И как она сюда попала?

Дарья перешла на гиперзрение и вскоре поняла, что находится внутри огромного, необычной формы — нечто вроде колючего каштана — космического корабля. Вспомнились рассказы княжича, побывавшего на борту корабля-матки отеллоидов. Неужели и ее захватили черные люди и доставили на свою базу?!

Девушка судорожно похлопала руками по карманам уника, похолодела: трансфера не было! Его отобрали, пока она лежала без сознания! Кто?!

Догадка, а точнее — воспоминание сверкнуло в тот миг, когда в помещение сквозь конвульсивно колыхнувшуюся стену вошел человек. Даниил Шаламов.

— Вы! — глухо проговорила Дарья, глядя на него исподлобья. — Это вы меня перенесли!

— Ну просто невероятная догадливость, — иронически посмотрел на нее бывший друг отца. — Просто фантастическая! Рад, что ты быстро пришла в себя. У меня мало времени, поэтому долго рассусоливать не будем. Как говорится, когда мало времени, тут уж не до дружбы, только любовь.

— Отпустите меня! — прежним глухим голосом проговорила девушка. — Верните трансфер!

— Ух, как глаза сверкают! Просто загляденье! Ты сейчас гораздо больше похожа на своего батюшку, чем на мать. Однако вынужден огорчить, сударыня, он не придет тебе на помощь. Клим парит где-то в столь высоких эмпиреях, что докричаться до него практически невозможно.

— Выпустите меня, немедленно! Здесь скоро будет дядя Ари... — Дарья прикусила язык.

— Железовский, что ли? Это серьезный человек. Только ему до меня, как от Земли до Солнца. Несмотря на физическую мощь. Тем не менее спасибо за предупреждение, об этом стоит кое-кого предупредить. Аристарх может наломать дров. Подожди здесь, я скоро вернусь.

Шаламов вошел в твердую на вид стену, как в пелену дыма.

— Он вам еще покажет! — в отчаянии крикнула Дарья ему в спину.

Шаламов не оглянулся, исчез.

Дарья, бессильно сжав кулаки, топнула ногой, потом заставила себя успокоиться.

Гнев и ненависть были плохими помощниками в данном положении, надо было думать, как изменить ситуацию в

свою пользу, и действовать. Кто может помочь? Аристарх! Но его нет. Князь? С ним она мало знакома, да и возможностей у князя не так уж и много. Остается Дар. И его дружок Борята. Может быть, стоит позвать их?

Дарья привела мысли и чувства в порядок, уселась в одном из углублений в полу, скрестив ноги, и вызвала состояние «триай». Невидимый и неосязаемый поток мысли, превратившийся в своеобразное копьё, пронзил космос, за несколько мгновений преодолел расстояние от Солнца до Земли и влился в общее энергоинформационное поле планеты.

Скачком повысилось артериальное давление, сердце заработало в темпе насоса, голова распухла, превратилась в эфемерную сферу, окутавшую планету. Стали слышны «шумы» биорезонансов, соответствующих ментальным полям лесов, колоний муравьёв, стай птиц и редких человеческих коллективов. Дарья определила вектор поиска в пространстве, на поверхности Земли, и подключилась к коллективному полю стаи ворон, кружащей над лесом в районе Брянска. Сил на такую форму связи уходило много, но девушка упорно не выходила из «копья» «триай», вслушиваясь в шумы пси-эфира.

Внизу, под стаей, показался хутор, чуть поодаль кружили над лугом три или четыре летательных аппарата. Но княжичем здесь «не пахло», его личное ментальное поле имело другие характеристики.

Дарья «повернулась» внутри стаи, меняя ориентацию обзора. И тотчас же увидела-почувствовала движение в небе над горизонтом. Там суетились черные пятнышки, вспыхивали и гасли звезды, вспарывали воздух огненные пунктиры и молнии, вспухали облачка пламени и дыма. Там шел бой!

Заставить воронью стаю подлететь ближе к месту боя Дарья не могла, поэтому переключила сознание на рыхлое и рассредоточенное биополе леса в нужном районе. Картинка в голове получилась смазанной, но все же ей удалось понять, что бой идет между двумя десятками кораблей отеллоидов и спейсером Галиктов. Управляли кораблем-ножом двое: Аристарх Железовский и Дар, прапрадед и праправнук.

— Дядя Аристарх! — прошептала девушка. — Дар!

Ее слышали, судя по реакции пси-аур обоих мужчин (на борту корабля находился еще один человек, но не интра-

сенс), в голове Дарьи проросло крохотное зернышко удивления и радости, однако силы ее кончились, и она потеряла сознание, выплывая из поля «триай», как ныряльщик из воды.

В себя пришла через несколько минут. Подняла гудевшую, как колокол, голову.

На нее смотрел человек... нет, отеллоид!

Бр-р, ну и взгляд!

Дарья подхватила на ноги, преодолевая слабость.

— Чего уставился?! Кыш отсюда!

Отеллоид переступил с ноги на ногу, но остался на месте.

— Я кому сказала? Пошел вон!

— Приказ... наблюдаешь... ограниченность... не действие...

— Я и так не убегу! — Дарью вдруг осенило. — На корабле есть метро?

— Непонятность... что есть?

— Станция мгновенного транспорта. Мне надо... хочется познакомиться с ее конструкцией.

— Назвательство другое... данность...

— Значит, есть? Веди меня к ней!

— Приказ... ограниченность...

— Дурак! Я просто хочу посмотреть на вашу технику, из любопытства. Ферштейн?

— Обеспечень ограниченность... недоступ... ление...

Дарья поняла, что ничего от соглядатая не добьется. Тому было приказано следить за ней и никуда не выпускать. На интеллектуальные действия он был просто не рассчитан. Однако что, если попробовать его перепрограммировать?

Девушка сосредоточилась на вневещественном оперировании и всунула «щупальце» ментального поля в голову черного псевдочеловека. И ничего не увидела и не ощутила! Мозг в этой голове отсутствовал напрочь! Не было даже слабенькой электронной схемки, управляющей движением робота. По-видимому, он весь состоял из «желеобразного квазиметалла», способного одновременно создавать внутри себя нервные связи и избирательно проводить управляющие импульсы. Отеллоид сам был простенькой программой, реализованной в материале для выполнения определенной задачи.

— Чурка! — в сердцах бросила Дарья, стряхивая на пол с кистей рук ручейки розового сияния. — Свяжи меня с главным инком! Я требую!

— Ограничность не действие невозможность... — забубнил отеллоид скороговоркой, равнодушный к проявлению чувств пленницы.

Дарья вспомнила опыт княжича в общении с отеллоидами, подошла вплотную и резким ударом отшвырнула стражника к стене. Удар получился не очень мощным, но скоростным, и отеллоид еще в полете разлетелся на несколько жидких ручьев, рухнул на пол вздрагивающей желеобразной массой. Через несколько мгновений масса эта растеклась лужей и всосалась в пол без следа.

— И так будет с каждым! — проговорила девушка, борясь с приступом тошноты. — Меня лучше не злить!

В ту же секунду с остриев потолочных груш-сосков сорвалось на пол несколько черных капель в ореоле электрических искр, которые превратились в отеллоидов. Через несколько секунд в зале насчитывалось уже полдюжины этих созданий. Без лишних движений, молча, сверкая белыми глазами, они двинулись к пленнице.

Дарья попятилась.

— Эй, эй, вы чего, чурки? Не подходите! Я буду кусаться!

Но черные псевдолюди окружили ее и, как она ни сопротивлялась, ухватили за руки и за ноги.

Из стены выпятился складчатый выступ, образуя нишу. В эту нишу и воткнули землянку отеллоиды, вливаясь в стену частью выступа и превращаясь в своеобразные захваты.

Дарья оказалась погруженной в отвердевшую черную субстанцию по плечи, не в силах вырвать из нее ни руки, ни ноги.

— Вот дрянь! — чуть не заплакала она, кусая губы, в то время как второе «я» трезво оценило положение: «Кажется, я влипла и в прямом и в переносном смысле!»

Снова вспомнился рассказ Дара, попавшего точно в такую же ситуацию. Что, если применить его положительный опыт? Правда, полной свободы без трансфера все равно не получить, но и торчать вклеенной в стену, как муравей в смоле, совсем не катит.

Девушка заставила себя успокоиться и начала готовиться к энергетической отдаче на пределе всех своих сил. Через некоторое время она собралась окончательно, с угрозой подумав: ну, слизняки, я вам покажу... когда выберусь отсюда!..

ГЛАВА 12

Лишь потеряв пятнадцать кораблей из двадцати, инк-матка отеллоидского флота сообразила, что противник у нее гораздо более серьезный, чем она рассчитывала, и приказала уцелевшим кораблям отступать. Однако мгновенно сделать это не удалось, поэтому из района боя сумели вырваться только две «ракушки», бросившиеся наутек во все лопатки. Корабль-нож легко мог догнать их и уничтожить, но Железовский не стал отдавать команду Шершню на уничтожение. Во-первых, он не жаждал добить противника любой ценой. Во-вторых, во время боя оба пилота услышали ментальный зов Дарьи, и освобождение девушки становилось теперь главной задачей.

— Что будем делать, ребята? — спросил Аристарх, выглянув из своей «пилотской» ячеи.

— Летим к Солнцу! — ответил Дар. — Даша находится на базе отеллоидов.

— Если только нам позволят долететь до Солнца.

— Кто?

— Дан Шаламов.

— Пусть попробует!

Железовский глянул на лицо парня со сжатыми губами и пылающими глазами, хмыкнул, сел поудобнее.

— А твое мнение, отрок?

— Конечно, надо лететь! — уверенно заявил Борята.

— Что ж, безумству храбрых поем мы песню. Вперед, Шершень! Впрочем, минутку. Нам может понадобится помощь. Вот что мы сделаем. Лети-ка ты, парень, к князю. Пусть подготовит дружину для десанта.

— А меня он послушается? — с сомнением сказал Борята.

— Послушается. Скажешь, что пришла пора поквитаться с отеллоидами. Мы с правнуком пока посчитаем запасы.

Борята вылез из ячеи, бросил взгляд на Дара. Тот кивнул:

— Давай, Борик. Скажи отцу, чтобы поторопился.

— Бери мой куттер, — добавил Железовский. — Я оставил его в тамбуре.

Борята выбежал из рубки.

Железовский проводил его взглядом, подождал, пока молодой целитель покинет борт корабля.

— Вот теперь можно двигаться и нам.

— Разве мы не будем ждать дружину отца?! — удивился Дар.

— Не будем. Нет времени. Да и не поможет она, честно признаться. Нам нужны умные головы, а не сильные руки. К тому же нет необходимости рисковать жизнью парня, не владеющего экстрарезервом. Он будет только мешать. Вперед, Шершень!

Корабль-нож рванулся вперед, глотая пространство со сказочной быстротой. Он обогнал шарахнувшиеся в стороны отеллоидские космолеты и спустя всего двадцать две минуты с момента старта вышел к скоплению черных «ракушек» основной космической флотилии отеллоидов. Изрядно потрепанной, к слову сказать. Колющий пятикилометровый «каштан» базы-матки окружало всего три с половиной десятка «ракушек», все, что осталось от грозного флота. Возможно, с десятков отеллоидов еще бороздили просторы Солнечной системы, рыскали вокруг Земли и других планет, но они вряд ли смогли бы существенно усилить группировку, начнись война. И все же, по мнению Дара, кораблей было еще очень много.

Их заметили.

От черной стаи, зависшей на высоте около миллиона километров над фотосферой Солнца — напротив эйнсофа, отделились пять «ракушек», рванули навстречу «осиному» кораблю.

— Нужна связь! — произнес Железовский озабоченно. — Иначе снова придется воевать. Я попробую позвать главного отеллоида-атамана по «триай», а ты включи бортовые системы связи. Спейсер Галиктов должен иметь неплохие передатчики.

Дар повиновался, считая секунды, оставшиеся до встречи с кораблями противника. Двигались они уже не так быстро, как прежде, зная возможности «осинового» космолета, но все равно времени у пилотов корабля-ножа оставалось совсем мало, не больше трех минут.

Шершень понял, что нужно пилоту, почти мгновенно. Похоже, ему даже доставляло удовольствие подчиняться человеку, несмотря на разницу в подходах к сотрудничеству такого плана у людей и у разумных ос.

Включились генераторы электронных полей, а также

гравитационные и фотонные излучатели, передавая в космос на всех диапазонах речь человека.

— Внимание! Предлагаю начать переговоры! Мы не хотим воевать! Внимание! Предлагаем начать мирные переговоры! Мы не хотим воевать!

— Добавь — предлагаем обмен, — быстро сказал Железовский. — Мы отдаем им артефакт, за которым они гонялись на Земле, а они пусть вернут пленницу.

Дар послушно повторил слова прадеда, представив, как их корабль сверкает сейчас лучами лазерных передатчиков, превратившись в своеобразную елочную игрушку.

Прошла минута, другая...

«Ракушки» отеллоидов разошлись кольцом, охватывая идущий малым ходом «осиный» спейсер.

«Объекты в зоне поражения, — доложил Шершень. — Прикажете открыть огонь?»

Конечно, инк Галиктов не владел земными языками, но смысл его мыслепередачи сводился именно к этой фразе.

«Подожди, — ответил Дар. — Продолжай передавать сообщение. До тех пор, пока объекты не начнут стрелять».

— Кажется, нас наконец услышали, — сквозь зубы выговорил Железовский. — Сейчас пришлют парламентаря.

Корабль-нож остановился.

Замерли и черные корабли отеллоидов, отнюдь не выглядевшие хищными военными машинами. Что вблизи, что издали они больше походили на «живые» морские раковины с моллюсками внутри. Хотя никаких моллюсков внутри них не было. Каждая «ракушка» представляла собой единый квазиживой организм, способный по мере надобности лепить из своего жидкокристаллического тела любые формы.

От стаи отеллоидского флота отделился еще один «организм», текучей струей метнулся к спейсеру Галиктов, оставляя за кормой хвост тающих искр. Расстояние в два миллиона километров он преодолел за шесть минут, демонстрируя неплохие ходовые качества. Остановился в семидесяти километрах от корабля-ножа.

С минуту ничего не происходило.

— Они ждут нас? — тихо спросил Дар.

— Пытаюсь понять... этот кусок желатина общается со своей маткой... но я не понимаю...

— Может быть, я выйду? Встречу...

— На чем? Галиктам не нужны были летательные аппараты, они сами летали. Подождем немного, предоставим инициативу противнику. К тому же Дарьи на борту этого посланца нет.

Прошло еще две минуты.

Спейсер отеллоидов закончил разговор со своим начальством и двинулся к «осиному» кораблю «мелкими шажками», помаргивая возникающими на его корпусе фиолетовыми огоньками. Должно быть, на языке отеллоидов это означало: «Стойте на месте, я подхожу, не стреляйте».

Черное пятнышко, оконтуренное белой вуалькой — так система обзора корабля-ножа вела все космические объекты, — превратилось в тушу кита, в округлую ребристую гору, загородила половину звездной сферы. Когда расстояние, разделявшее корабли, сократилось до двух сотен метров (Дар готов был скомандовать Шершню открыть огонь на поражение и уходить), километрового диаметра «ракушка» отеллоидов остановилась.

Секунда, две, три... пять...

От корпуса чужого космолета отделилась черная капля, помчалась к «осиному» спейсеру. Дар сгоряча едва не крикнул: огонь! — но вовремя остановил мысль. Капля не представляла собой бомбу или ракету с ядерной начинкой. Это был парламентар-отеллоид.

— Открой ему люк, — сказал Железовский. — И проводи сюда.

Черная капля приблизилась к корпусу корабля-ножа, нырнула в отверстие люка. Вскоре в рубке открылся входной люк, из него вылетела бликующая черная сигара и превратилась в «негра» с белыми глазами.

Железовский выбрался из «пилотской» ячеи, шагнул навстречу отеллоиду.

— Привет, гонец. Каковы твои полномочия?

Голова парламентаря покрылась слоем искр, создавая впечатление шевелящихся огненных волос.

— Мой полномочность передача... отдать вещь... йихаллах решать...

— Твой йихаллах подождет. Мы отдадим вещь только в обмен на девушку. Но прежде ответь на пару вопросов. Тебе позволено отвечать?

— Представлен... ность... передать... ожидаемость... слушать йихаллах...

— То есть твой начальник тебя слышит?

— Да есть посредство носитель...

— Через корабль? — догадался Железовский. — Ну и прекрасно. Вопрос первый: человек по имени Даниил Шаламов находится у вас? Тот, который доставил на вашу базу девушку. Понимаешь, о чем я говорю?

— Запас мало понятийность... понимать мы — да... ответ вопрос: человек данность отсутствие... нет...

— Я понял так, что его в настоящий момент на борту базы нет. Жаль, мы бы с ним быстро договорились. Последний вопрос: где девушка? Пленница?

Отеллоид снова покрылся слоем искр, потерял человеческую форму, с трудом восстановил ее.

— Нутрь... ренность йихаллах... бытийно есть нормаль... зован... ность...

Железовский кинул мимолетный взгляд в сторону «пилотской» ячейки Дара.

— Не нравится мне его заикание. Такое впечатление, что он вот-вот лопнет. Герхард прав, квазистабильность их тел имеет пределы. Надо поторопиться. Возвращайся! — обратился он к парламентарю. — Передача состоится здесь же, как только вы доставите пленницу. И передай своему командиру, что я уничтожу всю вашу камарилью, если с головы пленницы упадет хоть один волосок! Понял?

— Передачность послание... выслуш... ность... согласие быть...

— Иди!

Отеллоид вывернулся сам в себе (спина и грудь поменялись местами), зашагал к выходу из рубки. Но не дошел несколько метров, остановился. Голова его повернулась вокруг оси, ничего не выражающие глаза уставились на выглянувших из ячей пилотов.

— Поступление приказность... уничтож... ность...

По телу псевдочеловека побежала мелкая рябь, с каждого бугорка посыпались длинные белые искры.

— Самоликвид! — рывкнул Железовский. — Он сейчас взорвется! Выбрасываем его к чертовой матери!

Но Дар уже и сам сообразил, что происходит, и дал Шершню мысленную команду.

Вокруг оплывающего черным стеарином отеллоида в полу рубки образовался кольцевой выступ до пояса, зажал его тело и стремительно вынес в отверстие люка.

Видеокамер в коридорах «осинового» корабля не было, но внутренним взором Дар видел перемещение опасного груза к внешним выходам. Отеллоид взорвался практически в метре от раскрывшегося в борту корабля люка.

Взрыв был такой силы, что огненный факел ударил на две сотни метров, прожигая в корпусе корабля-ножа глубокую воронку и дотягиваясь до «ракушки» отеллоидского корабля. К счастью, конструкторы Галиктов предусмотрели подобного рода аварии (корабль действительно предназначался для ведения боевых действий), и защитная система быстро устранила повреждения корпуса, не затронувшие основные энергокоммуникации.

— Огонь! — скомандовал Железовский, не дожидаясь реакции отеллоидской эскадры. — Маневр!

Корабль-нож выстрелил, рванулся в сторону, еще раз выстрелил, и разящие молнии «ракушек» прошли мимо. Зато Шершень не промахнулся. Две «ракушки» превратились в длинные струи черных брызг, пыли и дыма. За ними еще две. Оставшиеся космолеты кинулись прочь, таща за собой хвосты ярких тающих искр. Их можно было догнать и уничтожить, но Железовский не стал этого делать.

— Врубай передатчики! Попробуем договориться еще раз. Не знаю, чья это идея — запустить к нам шахида-смертника, но явно не отеллоидов. У них есть консультант-землянин.

— Я же с ним дрался...

— Сын Торопова? Возможно. Но если это так, шансов договориться у нас мало, парень принадлежит к секте либеро, полный отморозок, и ему наплевать на результат переговоров, на Дашу, на нас с тобой и на отеллоидов. Однако попытаемся.

Дар вызвал Шершня. Включились системы связи корабля.

— Внимание! Вызываю центр управления! Если в течение часа обмен не состоится, база будет уничтожена! Повторяю...

— Вот это по-нашему! — одобрительно кивнул Железовский, мысленно бросая в эфир примерно эту же фразу. — Ты быстро цивилизуешься. Вряд ли нашим черным друзьям и их маме-йихаллах придет в голову, что мы блефуем.

Дар ошарашенно глянул на прадеда.

— Как блефуем? Разве мы не собираемся... атаковать базу?!

— Там Дашка, — мрачно оскалился Железовский. — Мы не имеем права рисковать. Но я надеюсь, что нам поверят. Сын Торопова — в силу низменных качеств души, отеллоиды — в силу своей негуманской логики, не использующей обман в качестве аргумента.

— А если они... не поверят?

— Тогда придется брать базу на абордаж.

Дар недоверчиво глянул на спутника. Тот явно не шутил.

— Нас же только двое...

— Зато мы в тельняшках, — усмехнулся Аристарх. — Была такая приговорка у моих предков в двадцатом веке. Вызывай их еще раз.

В эфир полетела очередная порция телеграмм:

— Внимание! Вызываю центр! Если в течение часа...

Ждать пришлось чуть больше двадцати минут. Императив-центр отеллоидов решал поступившую вводную, оценивал свои силы и советовался с экспертом-человеком. Известно, что ему предлагал Леон Торопов, но решение матка отеллоидов приняла оптимальное — для себя, разумеется. Ограниченные знания человеческой психологии не позволили ей рискнуть делом. Программа требовала выполнения задачи любым способом, а передача пленницы в обмен на артефакт существенно сокращала путь к цели.

В динамиках рубки раздался самый обыкновенный человеческий голос:

— Эй, княжич, ты меня слышишь?

Дар встретил взгляд выглянувшего из ячеи Железовского.

— Это он... мой противник...

— Леон Торопов.

— Княжич, слышишь меня?

— Отвечай, — кивнул Аристарх.

— Слышу.

— Приди и заberi свою подружку, если не strусишь. Да не забудь прихватить вещицу, о которой шла речь.

— Не забуду, — глухо пообещал Дар.

— Я пойду, — заворочался Железовский, вылезая из ячеи.

— Нет, я! — твердо заявил молодой человек. — Я его не боюсь.

— Нет никаких гарантий, что он не обманет.

— Все равно надо идти мне.

Железовский помолчал несколько секунд, обдумывая решение.

— Ладно, передавай в эфир сообщение для императив-центра отеллоидов. Их «мама» должна знать, что мы согласны на ее условия, озвученные человеком.

— Внимание! — проговорил Дар. — Мы высылаем представителя для обмена.

— При малейшей попытке нападения на представителя открываем огонь на поражение! — добавил Железовский. — А это специально для тебя, земная б...дь! Твой отец находится у нас, и его жизнь будет зависеть от того, как ты себя будешь вести! Понял, господин Торопов-младший?

Молчание в эфире.

— Понял, — удовлетворенно проговорил математик. — Вот теперь принимай посланца.

Корабль-нож сделал прыжок и вышел точно к центральному «каштану» базы отеллоидов, на борту которой томилась в плену Дарья. Корабли-«ракушки» отеллоидского флота взвихрились метелью, окружая пришельца, но ближе чем на два десятка километров подходить к нему не решились. На фоне раскаленной, усеянной зернами и оспинами конвективных ячеек, петлями протуберанцев и более яркими факелами флоккул горы Солнца они почти терялись, и лишь специальные методы обработки видеoinформации, используемые инком «осинового» спейсера, позволяли пилотам ориентироваться в пространстве.

— В «заскоке» ты долго не продержишься, — сказал Железовский, критически оглядывая фигуру Дара. — Там гигантские перепады полей, температура выше точки плавления любого металла плюс потоки радиации. Нужен какой-нибудь скаф, летательный аппарат с хорошей защитой.

— На борту нет летаков.

— Что, если попробовать объяснить Шершню, что нам нужна защитная капсула?

Дар вызвал Шершню, Железовский присоединился к нему, и они принялись сочинять видеоряд, объясняющий «осиному мозгу» желание пилотов. Тот, к его чести, сообразил быстро. В носу корабля образовалась овальная оболочка, похожая на живое пульсирующее человеческое сердце, только

в полсотни раз больших размеров. В сознании людей возникло необычное сочетание «немых звуков и ощущений», которое можно было перевести на человеческий язык фразой: «Модуль готов».

— Отлично, — потер руки Железовский. — Теперь мы мало зависим от внешних условий. Пойдем, я тебя провожу.

Дар выбрался из «пилотской» ячейки.

Корабельный лифт доставил их к созданной Шершнем капсуле, выглядевшей странно и необычно. Вблизи она больше походила на гигантское муравьиное яйцо белого, с янтарными разводами, цвета.

— Залезай. В случае чего беги оттуда галопом. Не дай захватить себя в плен, тогда договариваться будет значительно труднее.

Дар кивнул. Он уже настроился на иной ритм жизни, вдвое повышающий скорость физиологических реакций, и пытался «достать» Дарью стрелой мысленного вызова. Однако девушка не отвечала, и все мысли молодого человека были заняты ею. Он чувствовал ее близость.

— Ни пуха ни пера, — добавил человек-гора.

Дар не ответил. В его времена это присловье было уже забыто.

В капсуле возникло отверстие в рост человека.

Дар вошел. Железовский вошел следом за ним.

— Погляжу, как ты тут устроишься.

В капсуле было темно, но стоило людям войти, в ее стенках протаяли ячейки видимости, превращая помещение в своеобразный фасетчатый глаз. Посреди, прямо из пола возникли две ячейки — «пилотские кресла».

— Одно лишнее, — сказал Железовский странным голосом. — Закрой его перегородкой.

В голове Дара проросло зернышко незнакомого пси-голоса, сопровождаемое ощущением готовности служить. Это заговорил инк капсулы, которому Шершень делегировал часть своих функций и подключил к общей системе связи.

— Садись, — сказал Аристарх.

Дар сел, повозился, устраиваясь поудобнее.

За спиной возникла перегородка, отделившая пилотский «кокон» от остального помещения.

«Как ты там?» — слышался мысленный голос Железовского.

— Отлично! — вслух проговорил Дар.

— Я выхожу... стартуй.

Дар подождал несколько секунд и скомандовал инку:

«Вперед!»

Мысленное присутствие прадеда вселяло уверенность и придавало сил. Затем думать об этом стало недосуг.

В борту корабля прорезалось отверстие люка. С тихим хлопком вылетел в пространство воздух, увлекая за собой капсулу. Ухнуло в пятки сердце — наступила невесомость. Затем огненное крыло света смахнуло темноту, и Дар невольно зажмурился, буквально ныряя в густой поток алого сияния невероятной глубины. Несмотря на фильтры, включенные автоматикой капсулы, подгоняющие условия обзора под параметры человеческого зрения, этот поток был так чудовищно плотен, что ориентироваться в нем было невозможно. Дар видел лишь огонь со всех сторон, чуть менее яркий в противоположной от Солнца стороне.

«Ничего не вижу!» — сообщил он, ошеломленный переходом от темноты к физически осязуемому, как жидкое пламя, свету.

«Держись! — прилетел мысленный голос Железовского. — Я буду корректировать полет. Пока что ты летишь правильно».

«Фасетки» капсулы покрылись сеткой мелких «трещин», существенно снизившей солнечный накал. Видеосистема капсулы пыталась помочь пилоту. Но и после этого Дар ничего не видел, кроме бушующего вокруг огня. Тогда он закрыл глаза и сосредоточился на гиперзрении.

Стало легче.

Корабль-матка отеллоидов, до которой было всего около трех километров, обозначился в поле зрения полупрозрачной медузой, висящей над огненной бездной. Стал виден и эйнсоф, погруженный в верхние слои атмосферы Солнца, удивительно похожий на круглый птичий глаз: черный зрачок, алая радужка, чуть более яркий ободок и еще одно темное колечко. С расстояния в миллион километров он вовсе не создавал впечатления грандиозного и опасного явления.

«Не отвлекайся», — слышался мыслеголос прадеда.

Дар встрепенулся, сбросил оцепенение.

«Поехали!»

Резкий толчок.

Капсула дернулась, полетела вперед, как волан от удара по нему ракеткой. Дар едва не потерял сознание от рывка. Но сетовать на действия машины, приспособленной для перемещения своих прежних хозяев, свободно переносящих дикое ускорение, было поздно.

Приблизилась «медуза» отеллоидской базы.

Капсула с пилотом преодолела расстояние, отделявшее корабль-нож от базы, всего за десять секунд.

Колючий «каштан» базы заполнил собой переднюю полусферу обзора. Правда, тень от нее была такая жиденькая, что не намного притушила блеск огненного солнечного океана. Тем не менее Дар не потерял ориентации, продолжая пользоваться не глазами, а трансперсональной системой зрения, усиленной интуицией.

В боку базы возникло отверстие.

«Дальше действуй самостоятельно», — напомнил о себе Железовский.

Капсула нырнула в отверстие, больше похожее на рот, чем на люк. Резко стемнело. Движение прекратилось. Восстановилось привычное тяготение, примерно равное земному.

«Выходи, посланец», — услышал Дар характерный мыслеголос недавнего противника. Скомандовал водителю капсулы открыть люк, одновременно сканируя пространство лучом внесенсорного восприятия. В голове развернулся призрачный фонтанчик знакомого «мыслезапаха». Откликнулась Дарья:

«Дар?! Ты здесь?!»

«С тобой все в порядке?! Где ты?»

«Меня вклеили в стену, не могу вырваться!»

«Жди, я уже иду».

«Один?!»

«Прадед подстраховывает в «осином» корабле».

«Выходи, княжич!» — снова пробился в мыслесферу Дара пси-вызов младшего Торопова.

Дар вылез в отверстие люка, огляделся.

Капсула лежала в углублении посреди необычной формы помещения, стены которого походили на застывшие фиолетовые, с голубоватыми гребнями, волны. Ни одного острого угла — плавные кривые линии, синусоиды, параболы, гиперболы, эллипсоиды. Ничего похожего на искусственное сооружение. Полость внутри живого организма, который, по

сути, и представлял собой императив-центр (базу-матку) отеллоидов. Дар уже сподобился в свое время побывать внутри этого космического левиафана, и его интерьеры были ему не в диковинку. Станным образом его судьбу разделила и Дарья, став пленницей главного создателя отеллоидов.

В стене помещения (дышалось здесь легко, воздух был насыщен кислородом, хотя запахи приятными назвать было трудно) прорезалось овальное отверстие. В него протиснулся молодой человек знакомой внешности, с которым Дар сражался в лесу на Земле. За ним в тамбур вылезла дюжина отеллоидов, молча окружила парламентаря.

— Вот мы и снова встретились, — сказал Леон Торопов, нехорошо ухмыляясь; он был вооружен «универсалом», торчащим из плечевой турели, а из поясного захвата выглядывала рукоять еще одного пистолета — парализатора «василиск». — Может быть, продолжим старый разговор?

— Я прибыл не для разговоров, — сухо отрезал Дар. — У меня есть то, что нужно черным. Приведите сюда девушку.

— «Я прибыл не для разговоров», — передразнил чистодей Торопов-младший. — А у меня нет таких полномочий. Шаламов оставил ее на попечение здешней автоматики, ее и проси.

В глазах молодого человека мелькнула насмешка. Он наслаждался ситуацией, считая, что противник находится в безнадежном положении.

Дар оглядел бесстрастные физиономии черных псевдолюдей, выбрал одного из них.

— Я принес предмет обмена. Приведите сюда в а ш объект обмена.

Отеллоид не пошевелился, хотя Дар успел поймать слабенький призрачный лучик ментальной связи, выскользнувший из макушки отеллоида и вонзившийся в потолок тамбура. Отеллоид запрашивал у своей «мамы» инструкции.

— Кажется, они тебя игнорируют, — презрительно ухмыльнулся Торопов. — Ты кажешься им недостаточно важной персоной.

— Повторяю, — произнес Дар. — Приведите сюда объект обмена. Я принес то, что вам нужно.

— Показать... данность... — обрел голос отеллоид.

Дар вынул из ранца чашу — «обломок суперструны», поднял над головой.

В то же мгновение с потолка сорвалась вниз черная струйка, норовя схватить чашу. Дар прынул в сторону и выстрелил из граля. Звуковая «пуля» вонзилась в струйку, разнесла ее на капли.

Рука Торопова легла на рукоять пистолета на поясе, ствол «универсала» нащупал лоб Дара. Движение на долю секунды замерло.

— Немедленно прекратите! — раздался вдруг чей-то гулкий бас, и из «осиной» капсулы на пол тамбура выбрался... Железовский!

— Вы?! — ошеломленно открыл рот Дар.

— Аристарх! — пробормотал побледневший Торопов, оглядываясь на оставшихся равнодушными отеллоидов. — Ты был здесь!..

— Где девочка?

— Там... — показал за спину Торопов.

— Веди!

Сын бывшего командора погранслужбы съезжился, как от удара, и покорно повел за собой обоих парламентариев. О сопротивлении он даже не подумал, зная возможности человека-горы.

ГЛАВА 13

Только получив передышку, удивленный и обрадованный появлением прадеда, Дар наконец оценил общий психоэмоциональный фон базы отеллоидов и мимолетно подумал, что находиться внутри живого (пусть и созданного искусственно) существа не слишком приятно. Ассоциации будили атавистические страхи (вдруг она — то есть матка отеллоидов — начнет их «переваривать»?!) и заставляли напрягаться до мышечных судорог.

Дорога к центральному залу, в котором держали пленницу, заняла несколько минут. Лифт базы не работал, либо его не существовало вовсе, и от тамбура до центра пришлось идти пешком по петлявшему, как длинная кишка, коридору.

Торопов-младший оглядывался, натыкался на взгляд Железовского и сникал. Воля Аристарха была сильнее. К тому же предатель понимал, что оправдаться не сможет, и чувствовал себя скверно.

Отеллоиды, сопровождавшие землян, хранили молчание.

Они выполняли приказ матки и не вмешивались в разговоры людей, не понимая их переживаний.

Вошли в зал, знакомый Дару. Он увидел погруженную в черный субстрат стены Дарью, бросился к ней.

— Наконец-то, — бросила девушка с независимым видом; она хорохорилась, но было видно, что дочь Мальгина готова плясать от ликования.

— Освободите ее! — обернулся Дар.

Торопов-младший с кривой ухмылкой развел руками.

— Сие от меня не зависит. Поговорите с «мамой», это ее инициатива — обменять девчонку на артефакт. Послушайся она меня... — Он осекся.

— Мы представляем, — усмехнулся Железовский, тоже подходя к радостно взиравшей на него Дарье. — Где Шаламов?

— Ушел по делам, оставив меня на попечение этих черных уродов. Трансфер забрал.

— Не сказал, когда вернется?

— Нет.

Железовский обернулся к мрачной группе отеллоидов.

— Освободите ее!

От его баса по залу пробежало гулкое эхо, стены зала конвульсивно дрогнули, по ним пробежала волна, здорово напоминавшая волну мышечных сокращений на человеческом теле.

Один из отеллоидов выступил вперед.

— Отдать необходимость... да... освобожденность есть...

— Прежде снимите с нее ограничители движения.

Отеллоиды все разом переступили с ноги на ногу, словно речь парламентаря-человека поставила их в тупик.

Железовский, давно пытавшийся установить прямой мысленный контакт с маткой черных псевдолюдей, поднял голову к потолку, сузил глаза. В то же мгновение пол под ногами собравшихся в зале заходил ходуном, завибрировали стены.

— Что это?! — округлила глаза Дарья.

Дар знал ответ: Железовский держал связь с Шершнем, дал команду, и тот нанес «ювелирный» удар по базе, стесав несколько ее шипов-наростов.

— Надеюсь, такой язык вам понятнее? — пробасил Аристарх.

Его слова предназначались прежде всего водителю базы, и тот понял.

— Понятность да есть... — заговорил отеллоид. — Нет нужность сила воздействие...

Гладкие черные вздутия, удерживающие Дарью, начали оплывать, опадать, рассасываться. Она с криком радости выдернула руки, потом ноги, бросилась к Дару. Молодые люди обнялись, девушка первой поцеловала спасителя, потом то же самое повторил он.

— Передачность отдать нужность вещь... — забубнил отеллоид-переводчик. — Можность уход...

— Держи. — Аристарх забрал у смущенно оглянувшегося праправнука чашу, передал отеллоиду. — Мы уходим. Не вздумайте устроить какую-нибудь провокацию. Моя боевая машина разнесет вашу базу в пыль!

— Не выпускай их! — сорвался вдруг с места Торопов-младший. — Они блефуют! Никто не станет стрелять по базе, когда все они находятся в...

Железовский оглянулся на него, и предатель замолчал, будто в рот ему загнали кляп, сделал шаг и сел на пол с выражением безмерного удивления на лице.

Отеллоиды зашевелились, глядя то на него, то на людей, направившихся к овальной дыре выхода. Дар и Дарья задержались.

— Не останавливайтесь! — с нажимом проговорил Железовский. — Я останусь... на пару минут, поговорю с местной властью. Даша, держи трансфер.

— А ты? — неуверенно посмотрела на него девушка, беря сферу транслятора.

— Мне он не понадобится.

— Но они могут...

— Идите! Все будет хорошо. Садитесь в капсулу и... — Аристарх не договорил.

Некая сила шевельнула весь массив базы, и с дуновением холодного ветра в центре зала возникла странная прозрачная фигура, напоминающая какого-то хищного зверя и человека одновременно. Внутри фигуры загорелись узкие огненные глаза. Объем зала искривила та же непреодолимая сила. Фигура сжалась, уплотнилась, потеряла «лишние» детали и превратилась в человека.

— Ах вы, сучьи дети! — сказал Шаламов, оглядывая шеренгу отеллоидов и застывших землян. — Решили обойтись

без моего с о г л а с и я? Нехорошо-с! А ты, Аристарх, меня и вовсе огорчил. Тебе-то зачем играть в эти игры?

— Это ты играешь в и г р ы, — прогудел Железовский угрюмо; волосы на голове математика встали дыбом, в них заискрились искорки, с пальцев рук стекли на пол струйки электрического сияния. — Мы делаем дело — защищаем свой дом и свой род. А вот что ты здесь делаешь?

— Они заставили меня... — сбросил оцепенение Торопов-младший, вскочил на ноги, бросился к Шаламову, но споткнулся и упал. — Черт! Они вооружены! Заставь их...

— Помолчи!

Торопов умолк, тяжело дыша, взялся за рукоять парализатора, но не вытащил.

Шаламов посмотрел на Дара оценивающе, перевел взгляд на Аристарха.

— Похож, похож, прямо копия. Сильные у тебя гены, дружище, позавидовать можно. Однако что же мне с вами делать? С одной стороны, вы действительно пытаетесь удержать цивилизацию от падения, что весьма благородно, хотя и глупо. С другой — мешаете выполнению более важной задачи — нейтрализации инфляционного раздувания нашей Метавселенной, чем, собственно, и занимаются эти парни. — Шаламов кивнул на отеллоидов. — Вернее, их создатели.

— Черные дыры... — почти беззвучно прошептала Дарья.

Шаламов благосклонно посмотрел на нее.

— Я тебе давно говорил об этом. Жаль, что твои друзья не понимают щекотливости ситуации. Даже не знаю, что с ними делать.

Дар сжал кулаки, шагнул к нему.

— Вы не имеете права...

Шаламов небрежно качнул пальцем.

Чистодей вздрогнул, остановился, кровь бросилась ему в лицо. Было видно, что он борется с волевым воздействием Шаламова, парализующим нервную систему. Справился! Снова сделал шаг вперед, упрямо боднув лбом воздух.

— Я не позволю вам...

— Это Я не позволю! — каркнул Шаламов, ощерясь, поднял руку... и перед ним вырос Железовский.

— Не горячись, Дан! Перед тобой не враги! Возможно, мы чего-то недопонимаем, неправильно думаем, не то делаем, но и ты, и мы — люди! Если, конечно, я не ошибаюсь

в своей оценке. Давай отпустим ребят и спокойно во всем разберемся.

— Мне не в чем с вами разбираться! Вы сейчас же уберетесь отсюда! И больше не будете вмешиваться в деятельность йихаллах! Иначе!..

— Что — иначе? — с угрюмой кротостью усмехнулся Железовский. — Ты нас уничтожишь?

— С дороги! — глухо проговорил Шаламов, борясь с собой, и всех находящихся в зале шатнула невидимая сила. — Уходите, иначе я за себя не отвечаю!

Железовский оценивающе глянул на его изменившееся лицо с пылающими черным огнем глазами, кивнул спутникам:

— Возвращаемся.

— Она останется! — посмотрел на Дарью Шаламов.

Железовский потемнел, сказал тихо:

— Опомнись, Дан! Это же дочка Клима. Он спас тебя, вытащил из хроника...

— Я не просил его спасать меня, — пренебрежительно скривил губы Шаламов. — К тому же он мой должник. Он отнял у меня все: жену, дочь, смысл жизни...

— Ты сам отнял у себя все и продолжаешь множить ошибки. Мне обидно и стыдно за тебя.

— Обидно, когда твои мечты сбываются у других. А насчет стыдно... странно, что мне об этом говорит интрасенс. Разве супера способны стыдиться?

— Мы такие же люди, — возмутилась Дарья, выходя из-за спины Аристарха, — и испытываем те же чувства! Вам должно быть совестно, дядя Даниил! Я не останусь с вами! Папа вам не простит!

Последние слова оказались лишними, Дарья поняла это, но поздно.

Шаламов, с хмурой задумчивостью разглядывающий девушку, вздрогнул, глаза его побелели, налились яростью.

— Да плевать я хотел на твоего папу! Не дорос он еще до уровня моего наставника! Убирайтесь!

Железовский и Дар получили ощутимый удар в грудь, но устояли.

— Ты останешься, я сказал! — палец Шаламова уперся в Дарью.

Девушка отшатнулась, бледнея, и тут же покорно засемила к бывшему другу отца.

Железовский весь покрылся ореолом искр, шагнул к Шаламову. Их взгляды скрестились. Несколько мгновений ничего не происходило, лишь по залу пробежал вихрь горячего воздуха, шатая людей и отеллоидов. И в этот момент в схватку двух магов — хотя уровень оперирования Аристарха был существенно ниже, это чувствовалось — вмешался Дар. Он прыгнул вперед, преодолев в прыжке разделявшее их расстояние, нанес Шаламову стремительный удар в подбородок.

И произошло чудо!

Шаламов не успел отреагировать на удар. В воздухе мелькнули его пятки. Он пролетел десять метров и с гулом врезался в упруго завибрировавшую стену зала. Вскрикнула от неожиданности Дарья.

Однако Шаламов тут же вскочил на ноги, бледный от изумления и ярости, скачком вырос в размерах, превращаясь в пятиметрового гиганта, полужверя-получеловека. Из горла его вырвался рык:

— Ты посмел... меня ударить... второй раз! Ну, держись, щенок!

Железовский туго толкнул воздух ладонью.

Хлесткий силовой удар снова отбросил Шаламова к стене.

— Уходите, я его задержу!

— Я вас... всех... на атомы!..

Невидимая жуткая сила начала искривлять стены зала, корчить тела людей. Отеллоиды со звуком лопающихся воздушных шариков стали взрываться, разлетаться на черные брызги.

Железовский попятился, накрывая себя и спутников сияющей вуалью защиты. Но его сил не хватало, и, хотя к нему присоединились Дар и Дарья, напор энергии Шаламова сминал защитное поле, рвал его в клочья, валил людей с ног.

Аристарх вспомнил о трансферах.

— Уходите... в Сеть... по «струне»... быстрее!

— Нет! — отчаянно крикнула Дарья. — Только вместе!

Яростный выпад Шаламова разнес пузырь защитного поля на светящиеся клочки, разбросал людей по залу. Внутри человеко-зверя klokотал такой вулкан страстей, что не выдерживало пространство, «трескаясь» на части, даже вакуум начал «шататься» и «гореть», рождая потоки элементар-

ных частиц. Люди почувствовали дурноту и боль в нервных окончаниях, будто под кожу просочились боевые нанороботы и начали кромсать нервные клетки миниатюрными скальпелями.

И вдруг что-то произошло!

Гул стихий, разбуженных взбунтовавшейся психикой Шаламова, резко пошел на убыль. Пространство зала перестала мять чудовищная сила. Затем между людьми и гигантом, в котором уже почти не было ничего человеческого, возникло полупрозрачное облачко с глазами.

— Богоид?! — прошептала упавшая Дарья, приподнимаясь на локте.

Облачко засверкало огнями и превратилось в фигуру человека в стандартном унике. У него были седые волосы, твердо сжатые прямые губы, прямой нос, серые глаза, в которых мерцало ледяное пламя.

— Папа! — слабо вскрикнула Дарья, пытаясь подняться.

— Клим! — выдохнул Железовский, с трудом выпрямляясь.

Дар ничего не сказал. Сел, заставил себя встать, глядя на гостя во все глаза. Подошел к девушке, помог ей подняться. Дарья на подгибающихся ногах бросилась к отцу, прижалась к нему с рыданием.

— Папочка, любимый! Как же долго я тебя искала!

Мальгин улыбнулся, погладил ее по волосам, отстранил, всматриваясь в лицо дочери, снял слезы с ресниц.

— Все хорошо, милая, я вернулся. Прости, что заставил поволноваться. — Он повернулся к участникам драмы, разглядывающим его с разными чувствами. — Аристарх, дружище, рад тебя видеть! Я получил твое послание и сразу отправился домой. Купава подсказала, где тебя искать. Прости, я немного ошибся в расчетах, потому и задержался. А это кто рядом с тобой?

— Праправнук.

— Извини, я мог бы и не спрашивать, Купава говорила мне о нем. Вы похожи как две капли воды.

Железовский поймал взгляд Мальгина и понял, что тот нарочно говорит просто, мягко и доступно, успокаивая сразу всех одновременно, хотя при этом знает обстоятельства встречи и просчитал ее финал.

Мальгин еще раз погладил дочь по голове, по спине, сле-

лал два шага к Шаламову, слегка успокоившемуся, но все еще люто сверкавшему глазами.

— Привет, Дан. Поговорим?

— Убирайся! Мне не о чем с тобой говорить!

— Ошибаешься, дружище, тема для разговора есть, хотя не я ее выбирал. Я не спрашиваю, зачем тебе понадобилось похищать мою дочь. Я не спрашиваю, зачем ты поддерживаешь йихаллах. Я этого никогда не понимал и не пойму. Но я спрашиваю: почему ты решаешь за всех нас? За всех людей? Ты спросил их, хотят они, чтобы их родина превратилась в черную дыру? Ты спросил моих друзей, которых тебе почему-то хочется убить, что ими движет, когда вокруг все против них? А они тем не менее продолжают спасать вопреки логике обывателей и нищих духом? Наконец, ты спросил меня, спасшего тебя дважды, на чьей я стороне?

Шаламов оскалился, метнул на Мальгина клинок взгляда. Пространство дрогнуло, шатнулось, конвульсивно содрогнулись стены зала. Но Мальгин выдержал ментальный удар, не дрогнув лицом. Сказал участливо, разряжая обстановку:

— У тебя ссадина на подбородке.

Шаламов озабоченно взялся за подбородок, посмотрел на Дара. Тот гордо вздернул голову, как бы говоря: это я сделал! И я вас не боюсь!

— Ты не ответил на мои вопросы, — добавил Клим.

Шаламов шумно выдохнул воздух, криво улыбнулся, провел пальцем по подбородку, ссадина исчезла. Фигура бывшего космена стала уменьшаться в размерах, теряя «лишние» детали — конечности и когти, превращавшие его в зверя.

— Ты не понимаешь...

— Ошибаешься, Дан. Это ты не понимаешь. Есть объективная реальность, выраженная в противостоянии двух разумных систем: йихаллах и человечества. Одна система защищает свое право на существование и волеизъявление, вторая заботится о своем будущем. Конфликт глубок и нелогичен, его следует решать столь же глубоким толерантным лекарством — то есть законом Творца, запрещающим одним жить за счет других. И есть твое личное мнение, основанное на твоих внутренних проблемах и субъективных оценках, не отражающих истину. Понимаешь разницу?

— Ты глупец, Клим! О каких субъективных оценках идет

речь?! Близится Большой Разрыв! Расширение нашего дома-на Вселенной ускоряется, стадия экспоненциального раздувания скоро сменится стадией инфляции! Сначала начнут рваться гравитационные связи, разрушая галактики, потом — ядерные, разрушая звезды! За ними лопнут электромагнитные и сильные, разнося в прах атомы и сами элементарные частицы!

— Возможно, так и будет.

— Возможно! — фыркнул Шаламов. — Именно так и будет, если разбегание не остановить! А йихаллах как раз и занимается процессом остановки, формируя систему стабилизации из черных дыр! А вы ей мешаете!

— Я сказал — возможно, будет так. А может быть, и нет. И все же при любых обстоятельствах пусть наше солнышко не станет черной дырой!

— Но тогда ансамбль не замкнется, система не сможет работать в полную силу!

— Есть замена, я проверил.

— Какая замена?

— Во-первых, в резерве у нас есть коричневый карлик Шив Кумар с маатанином внутри. Я беседовал с ним и договорился, он будет готов к переходу в йихаллах уже через год. Во-вторых, для инициации черной дыры вполне подходят ближайшие соседи Солнца. Арктур, альфа Волопаса, до него всего тридцать три световых года. Бетельгейзе, альфа Ориона, красный гигант. Антарес, альфа Скорпиона, тесная пара из красного гиганта и изумрудно-зеленого карлика. В общем, при желании можно легко отыскать зародыш для черной дыры.

— Кто будет этим заниматься?

— Йихаллах, кто же еще. В ее распоряжении огромные энергетические ресурсы балджа Галактики и множество добровольных помощников.

— Это каких же?

— Ты, к примеру, — усмехнулся Мальгин. — Кое-кто из людей на Земле. Разумники на планетах звезд балджа. Отеллоиды. Хотя эта разумная жидкокристаллическая система имеет и свое название — раса Бье. Вот этот молодой человек, — Мальгин кивнул на выглядывающего из дыры в стене Леона Торопова, — встрявший в эту авантюру по недомыслию.

— Черт с ними! Они плохие помощники. Плевать я на них

хотел! И на вас тоже, на вашу планету, ваше Солнце и вашу Вселенную! Никто не вправе становиться у меня на пути! А тот, кто встанет...

Железовский, не сделавший до этого момента ни одного движения, шагнул к Мальгину и стал рядом с ним. Шевельнулась Дарья, бросаясь к отцу. Последним к группе присоединился Дар, сжав кулаки. Вокруг всех четверых засиял ореол прозрачно-золотистого сияния, и стены зала вновь шатнула сдерживаемая до поры до времени сила.

Шаламов угрожающе набычился.

Молния разряда, соединившая его с группой людей, принесла в пыль уцелевших отеллоидов. Внутри базы — все же она в какой-то мере была живым существом — зародился сердитый гул. Из потолка и стен высунулись черные кратеровидные наросты. Воздух в зале загустел и начал мерцать. Матка отеллоидов давала понять, что гости ей надоели.

— Не надо, Дан, — мягко сказал Мальгин. — Повторяю, мы не враги тебе. И со всеми тебе не справиться. Возвращайся туда, где тебя ждут. Так будет лучше для всех.

Шаламов несколько мгновений ненавидяще сверкал глазами, раскачивая пространство «щупальцами» псиэнергетических потоков, потом как-то сразу обмяк, погас, невесело усмехнулся:

— А где меня ждут? Нигде...

— Ты сам виноват в этом. Тебе ведь, по большому счету, никто и не нужен. Даже Купава.

Ноздри Шаламова побелели, он с большим усилием справился с приступом раздражения.

— Я люблю ее...

— Странная у тебя любовь, друг мой. Минуту назад ты готов был забрать с собой дочь Купавы. Тебе лечиться надо, и ты это знаешь.

Шаламов резко выпрямился, вздернул голову, испепелил бывшего друга взглядом... и исчез!

По телу базы прошло колебание. Напряжение схлынуло, все почувствовали облегчение, зашевелились, поглядывая то на Мальгина, то на место, где стоял Даниил Шаламов.

Торопов-младший пискнул и скрылся в отверстии люка.

Дарья зябко передернула плечами, прижалась к отцу.

— Как хорошо, что ты вернулся! Что теперь будет? Что будет с нами?

Мальгин рассмеялся.

— Вопрос имеет два уровня. Первый — глобальный. Что будет с людьми, с человечеством. Так? Второй — личный. Что будет конкретно с нами. Отвечаю по порядку. К сожалению, человечество вымрет, как вымерли когда-то динозавры. И никто не в состоянии остановить этот процесс. Я был у самого ф и н а л а Мироздания и знаю, чем все закончится.

— Ужасно! — прошептала Дарья.

— Ты судишь со своей точки зрения, но есть и другая, хотя я близок к твоей оценке. Что касается ответа на второй вопрос... в этом инварианте Вселенной у нас действительно нет будущего. Зато существует множество иных инвариантов, где положение людей не столь трагично. Мы можем переселиться туда и начать новую жизнь. К примеру, я посетил инвариант, где есть Галактика, Солнце и планета Земля, девственно чистая и зеленая, но нет людей. Удивительно прекрасный мир.

— Где он находится? И что такое инвариант?

— Существует спектр Миров, который в разных уголках Большой Вселенной называют по-разному: Древо Времен, Фрактал Времен, Веер Миров, Дендроконтинуум и тому подобное. Наш метагалактический домен представляет собой лишь одну из «веточек» Древа Времен, инвариант Мироздания, подпорченный «вирусом» контролеров. Многие называют их Вершителями.

Железовский озадаченно пригладил пальцем бровь.

— Вершители — вирус?! Разве ты сам не являешься в какой-то степени Вершителем?

— Я был одним из проявлений Вершителей, не более того. Возможно, тебе уготовлена та же участь. Вершители не являются жителями нашего домена, они пришли из других инвариантов.

— Живущие-за-Пределами?

— Живущие-за-Пределами не имеют к ним никакого отношения. Так вот, Вершители пришли к нам из другого инварианта, имея цель построить идеальную Метавселенную, лишённую недостатков, для чего и создали сеть контроля. Но это длинный разговор, требующий времени и размышлений.

— Ты меня заинтересовал...

— Ты счастливый человек, Аристарх, — со странной завистью сказал Мальгин, — тебе еще интересно жить. К со-

жалению, этот период когда-нибудь кончается у всех. Мно-
гия мудрости...

— Умножают печали.

— Да, мой друг.

По стенам зала пробежала волна вспухающих и опадаю-
щих складок, постепенно затихая.

— Да, мэм, — откликнулся Мальгин, глянув на пото-
лок. — Мы уже уходим. Ты все слышала, делай выводы.

— Можно еще один маленький вопрос? — торопливо по-
дался вперед Дар; под взглядами остальных у него запылали
уши, но, как и его прапрадед, он держал марку — остался не-
возмутим.

— Валяй, чистодей.

— Если человечество исчезнет... интрасенсы тоже... уйдут?

— Все, что имеет начало, имеет конец, мальчик. Интра-
сенсы не исключение, они плоть от плоти люди и с теми же
недостатками. Ну, если только этих недостатков чуть-чуть
поменьше. Многие из них, достигшие просветления,
перейдут в другую фазу бытия, станут Живущими-за-Преде-
лами. Некоторые найдут свое счастье в прошлом, переселив-
шись туда общинами и семьями, реже — в будущее, единицы
найдут пути в другие инварианты.

— А... мы?

Мальгин снисходительно и немного печально улыбнулся.

— Это будет зависеть от вас. Каждый сам пишет свою
судьбу. Выбор есть всегда.

— Вы его... знаете? Какой мы сделаем выбор?

— Нет, — с почти незаметной заминкой — ее засек толь-
ко Железовский — качнул головой Мальгин. — Этого я не
знаю. Ищите мир светел — для себя и друзей, для сородичей
и добрых людей. Возможно, вам повезет, хотя путь этот не-
прост и опасен. Но если найдете силы и веру...

Дар посмотрел на Дарью.

— Найдем! — ответила та с великолепной уверенностью,
улыбнувшись сыну князя.

И даже Аристарх Железовский, прошедший огни и воды
и потому скептически относившийся к романтикам, вдруг
почувствовал взмах крыльев мечты за спиной.

Ноябрь 2003 г.

Москва — Жуковка — Гряды

ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ

Роман

Кто-то призван к ответу,
Кто-то к Всевышнему,
А кто-то кому-то служить.
Господи правый!
Кто же научит жить?

В. Сундаков. «Кто?»

В этот момент мне как-то становится
понятно необычайное слово о том,
что времени больше не будет.

Ф.М. Достоевский. «Идиот»

И люди вдруг поняли, что они ос-
тались совсем одни, и разом почувст-
вовали великое сиротство.

*Ф.М. Достоевский.
«Дневник писателя»*

ГЛАВА 1

АТАКА

Движения не ощущалось, но он совершенно точно знал, что Вселенная продолжает стремительно расширяться, катастрофически теряя плотность и связность. И вот наступил момент, когда сила гравитации уже не в состоянии была удерживать звезды в границах галактик. Начался неуправляемый и быстрый распад звездных спиралей, напоминающий издалека — с расстояния в сто тысяч световых лет — грандиозный фейерверк.

Изумительно красивая трехрукавная спираль, вмещавшая более двухсот миллиардов звезд, внезапно потеряла четкие очертания, на глазах стала расплываться, распухать, увеличиваться в объеме, превращаться в зыбкий туманно-сверкающий шар, который также продолжал расширяться, бледнеть, гаснуть и рассасываться. Процесс закончился неслышимым эфемерным взрывом: тающие вихри звезд прянули во все стороны с возрастающей скоростью, превратились в прозрачно-искристые струйки, в свою очередь продолжающие расплываться светящимся призрачным дымком. Еще несколько мгновений — и от сияющей звездной системы не осталось ничего, кроме уносящихся в бездны пространства редких светлячков-звезд!

Впрочем, та же судьба постигла и остальные галактики, входящие в местное скопление. Они тоже превратились в колоссальной величины световые взрывы, в расширяющиеся сферы, быстро рedeющие и улетающие во тьму космоса, как искры костра.

Вселенной завладела тьма. Пока еще не абсолютная, не полная: исчезли только звездные острова, гигантские структурные образования, эллиптические, шаровые и спиральные, сами же звезды, сохранившие в большинстве своем планетные системы, продолжали светить.

Но вот подошла очередь и планетных систем. Сила, разрушившая галактики, добралась до более мелких объектов.

Сначала начали отрываться и уноситься в космические дали крайние планеты систем. В Солнечной системе это были Плутон со своим спутником Хароном и Нептун, хотя справедливости ради следовало бы сказать, что первыми «откололись» астероиды и ядра комет из облака Оорта и кольца Койпера, замыкавших границы Солнечной семьи.

Затем наступил черед больших внешних планет — Урана, Юпитера и Сатурна, а за ними мячиками заскакали по космическим «полям» Марс, Земля, Луна, Венера и Меркурий, удаляясь от распухшего и покрасневшего светила.

Некоторое время ничего особенного не происходило. Если не считать того, что лишенная притока солнечной энергии жизнь на планетах замирала, засыпала, пыталась спрятаться в недрах. Но по мере остывания ядер жизнь окончательно покидала сферические тела планет, и они превращались в холодные каменно-металлические и ледяные глыбы, покрытые сетью трещин и слоем замерзших газов.

Однако процесс расширения пространства не останавливался, наоборот, все больше ускорялся, вовлекая все новые и новые уровни материи в колоссальной протяженности взрыв. А точнее — разрыв! И ничто в мире не могло остановить этот чудовищный процесс!

Первыми начали растрескиваться, разваливаться, разрываться, распадаться на куски планеты поменьше — Луна, Меркурий, спутники Юпитера и Сатурна, превращаясь в фонтаны разлетающихся во все стороны осколков.

Картина разрушения повторилась даже в деталях, разве что разрыв планет, астероидов и более мелких небесных тел не сопровождался столь масштабными фонтанами огня, как

распад звезд. Световых извержений и вспышек было меньше, и после них космосом завладела глубокая всеобъемлющая темнота. И тишина.

Но ненадолго.

Вслед за разрушением достаточно больших твердых материальных образований наступила очередь другого уровня: сила, растягивающая пространство, добралась до молекул и атомов.

Космос буквально вскипел!

Тьму смыло море огня! Засверкали и заискрились бесчисленные пылевые и газовые облака — все, что осталось от звезд и планет! Потоки и паутинки света, исторгнутые атомами при сбрасывании «шубы» электронов, соединились в удивительно красивую мозаичную объемную вуаль. И погасли! По необъятным просторам расширяющегося Мироздания мчались теперь плазменно-ионные сгустки, ядра атомов, ионы и электроны, теряя остатки энергии.

Но и этот период «атомного Апокалипсиса» длился недолго. Буквально через несколько мгновений начали распадаться ядра атомов, а вслед за ними — сами элементарные частицы: протоны, нейтроны, мезоны, электроны. Новое вселенское пламя охватило пространство, превращая космос в одну колоссальную плавильную печь...

Последними разорвались «кирпичики» Мироздания, кварки и квадруполь, образующие основу основ — вакуум, великую «пустоту» Вселенной. В вечно кипящем «суперхаосе» Большой Вселенной образовался не выразимый никакими словами, необъяснимый, не поддающийся никаким оценкам, измерениям и чувствам провал! Абсолютная пустота!..

Маттер вышел из операционного поля инка, нарисовавшего ему в логарифмическом масштабе времени панораму гибели Вселенной от Большого Разрыва, некоторое время сидел неподвижно, глядя перед собой ничего не видящими глазами. Потом потер темя ладонью, взял со стола чашку с остывшим чаем и залпом выпил. Пробормотал глубокомысленно:

— Впечатляет, однако... Может быть, Дан прав? Мы зря сопротивляемся, спасая человечество? Спасать-то надо кое-что посерьезнее...

В сердце внезапно вошло беспокойство.

Герхард вострепнулся, быстро переключил сферы внимания, просканировал здание института ментальным «локатором».

Интуиция встревожилась не зря. В здании ИВКа появилась область негативных эмоций и устремлений, от которой потянулись незримые «щупальца» подозрительного внимания к той территории Института, где в данный момент работал Маттер. А поскольку ученый давно жил по законам «оккупационного режима» — в связи с преследованием интрасенсов, то готов был к любой неожиданности. В данном случае «нештатные колебания» ментальных полей означали появление чужих и, судя по всему, опасных людей. Которые, вероятнее всего, работали на Службу.

— Пора, — вслух проговорил Маттер, с сожалением окидывая взглядом свой уютный рабочий модуль. — Недолго музыка играла...

Над столом бесшумно развернулся бутон виома, на хозяина кабинета глянул своими прозрачно-голубыми глазками начальник безопасности Сопротивления Карл Золотко:

— Немедленно уходите, Герхард! За вами пошла обойма охотников! На пару минут мы их задержим, но не хотелось бы устраивать серьезную перестрелку.

— Трудновато менять образ жизни.

— Я вас понимаю. Но у каждого мужчины нашего с вами возраста наступает период, когда чистые носки проще купить.

Маттер вздернул лохматые брови.

— Это вы о чем?!

— Я родил это изречение, когда от меня ушла жена. Применительно к нашей ситуации оно переводится так: позаботьтесь о главном, в данном случае — о собственной шкуре, остальное доверьте обслуживающему персоналу. Метро Института заблокировано, поэтому поднимайтесь на сорок третий уровень, на балконе холла вас будет ждать экипаж.

— Конечный пункт высадки?

— Первая база, естественно.

— То есть остров Завьялова. Что ж, можно работать и там.

— До встречи.

Виом погас.

Маттер встал, прошелся по тесному помещению, доста-

вая из ниш и рассовывая по карманам личные вещи и безделушки, подаренные друзьями, сделал прощальный жест:

— Бай, Зигфрид.

— Прощайте, — вежливо ответил инк модуля.

Через несколько минут ксенопсихолог сел в четырехместный флайт с эмблемой УАСС на борту, и аппарат унес его в небо над Рязанью, пронизанное сверкающими «снежинками» транспортной метели.

* * *

Джума Хан слушал командора Погранслужбы с преувеличенным вниманием.

Аюба Джонсон, сменивший на этом посту Калину Лютого, был медлителен, философски обстоятелен, любил порасуждать на тему влияния вверенной ему структуры на безопасность цивилизации и не терпел возражений. В сущности, он был неплохим руководителем, в меру жестким и решительным, но доктрину властей по отношению к интрасенсам поддерживал неукоснительно и старался выживать их из рядов пограничников всеми доступными методами. Даже если интрасенсы приносили пользу большую, нежели рядовые сотрудники.

— Он прекрасный аналитик, — не выдержал Хан; речь шла о Винсенте де Гас-Артаньяне, молодом пограничнике, работающем в отделе эфанализа Погранслужбы; Винсент работал еще и на Соппротивление, но об этом командор не догадывался.

— Он слишком самолюбив, нетерпелив и самонадеян, — упрямо поджал губы Аюба Джонсон; широкий — на пол-лица — нос (Аюба был южноафриканским негром) придавал ему странное выражение: казалось, что командор всегда улыбается. — К тому же его способности не намного выше, чем у нормалов. А поскольку он раздражает людей, что не способствует поддержанию спокойной рабочей обстановки в коллективе, мы приняли решение уволить этого... мушкетера.

Хан усмехнулся.

Среди своих Винсента действительно называли мушкетером и д'Артаньяном, хотя никакого отношения к знаменитому французу, герою произведений Дюма, он не имел.

— Жаль. — Джума встал, мельком посмотрел на прозрачную стену-окно; беседа происходила в кабинете командора, венчающем одну из башен здания УАСС. — На мой взгляд, парень приносит нашей службе немалую пользу. Но дело ваше, вы отвечаете за структуру, вам и решать.

— Да, мне, — набылчился Аюба Джонсон. — И мне не нравится, что вы продолжаете защищать ненормалов... я имею в виду этих людей, интрасенсов. Они всем только мешают.

Хан еще раз глянул на окно, где снова мелькнул корпус какого-то летательного аппарата. Случайно или нет, но пилот пинасса дважды заглянул в кабинет главы Погранслужбы, что едва ли можно было объяснить простым любопытством. И тотчас же в ухе Джумы заговорила скрытая от посторонних глаз рация:

— Джу, вокруг вас началась суета. Предлагаю тихо уползти по императиву «змея».

— Не вижу веских причин, — сказал Хан.

— Что? — не понял Аюба Джонсон.

Серебристый пинасс, отмеченный красным когтистым драконом — эмблемой пожарной службы, пролетел мимо окна в третий раз.

— Да, — вынужден был признать Хан. — Наверное, вы правы, Карл. Запускайте свою «змею».

— Что вы бормочете? — удивленно встопорщил брови командор.

Джума, не отвечая, подошел к стене-окну, глядя на панораму бескрайнего леса, из которого как грибы вырастали здания-башни эконополиса Рязани. Солнце готовилось нырнуть за горизонт, близился вечер, но потоки воздушных машин продолжали мчаться во всех направлениях, создавая радостно-возбуждающее ощущение ж и з н и. Пульс цивилизации бился, не переставая, днем и ночью, и лишь единицы из двенадцати миллиардов жителей Земли знали, что пульс этот вскоре ослабеет, иссякнет и сойдет на нет. Путь в будущее человечеству был заказан.

— Что происходит? — Аюба Джонсон вышел из-за стола, одетый в сине-зеленый мундир официала. — Почему вы себя так ведете, мистер Хан?

— Я подаю в отставку, — сказал Джума меланхолически. — На покой пора, знаете ли. Укатали сивку крутые горки.

— Я вас не понимаю...

— Прощайте, мистер командор. Думаю, вы прекрасно обойдетесь без моих советов. Хотя решение уволить Винсента ошибочно. Откройте окно.

— Зачем?!

— Откройте, хочу подышать свежим воздухом.

Сбитый с толку необычным поведением подчиненного командор выполнил его просьбу. Стена потеряла плотность, растаяла. В кабинет ворвалась волна прохладного свежего воздуха: начало марта на всей европейской территории России было еще зимним временем года.

Серебристый пинасс, маневрирующий возле башни Погранслужбы, кинулся было к ее вершине, но у него на пути внезапно возник синий флайт УАСС, вынуждая аппарат остановиться. Другой такой же флайт соколом метнулся с небес к зданию Управления аварийно-спасательной службы, воткнул клювообразный нос в окно кабинета. Откинулся блицтер, человек, сидевший за спиной пилота, махнул рукой.

— Залезайте, Джума.

Это был Александр Золотько, сын Карла, отвечающего за охрану руководителей Сопrotивления.

Хан прыгнул в кабину, сел.

— Советую вам пересмотреть свое отношение к ненормалам, мистер Джонсон. Они больше люди, чем те, кого вы называете нормалами. Общественное мнение относительно их «ненормальности» инспирировано пропагандистами-манипуляторами партии власти — Ордена, и вы это знаете. Будьте здоровы.

— Куда же вы? — запоздало отреагировал негр. — Подождите...

— Вперед! — бросил Джума.

Флайт выдернул нос из окна кабинета и по спирали ввинтился в ближайший транспортный поток.

— Сбор на базе-один, — сообщил Александр Золотько, громадный, сильный, сдержанный; ему было еще далеко до Аристарха Железовского, но его манера поведения и мощная фигура внушали уважение.

— Что так?

— Поступают сообщения, что Служба начала активную фазу перехвата управления. Атака проведена сразу на многих интрасенсов и випов Сопrotивления.

— Значит, мы выявили не всех «кротов»?

Золотько помолчал.

— Не всех. — Он снова помолчал. — Это трудно сделать, так как «крот» в данном случае должен быть интрасенсом.

— Надо подключить к этой проблеме всех наших «суперов», пусть выявляют предателя сами, он из их среды. Но для активизации «триай» нужны доказательства.

— Мы проанализировали наши провалы и неудачи, выводы неутешительны. Но у меня есть одна идея, как подобраться к шпионам Службы.

— Доложишь на совете безопасности.

Золотько кивнул.

Флайт спикировал к прозрачно-хрустальной пирамиде метро, сопровождаемый еще одной машиной прикрытия.

* * *

— Мы не добьемся успеха, если не внедрим разведчиков в недра самого Ордена, — сказал Баренц, меряя шагами веранду; коттедж председателя Российского парламента стоял на склоне сопки, и с высоты двухсот метров открывалась великолепная панорама камчатской Долины Гейзеров, сохранившей первозданный вид благодаря усилиям экологов, борцов за сохранение памятников природы.

— Кто этого не понимает? — угрюмо отозвался Игнат Ромашин, стоя у балюстрады и глядя вниз, на долину.

Здесь было раннее утро, на склонах гор лежал снег, но микроклимат в долине из-за горячих ключей был практически южным, тропическим, поэтому в марте все давно зеленело и цвело. Ветерок приносил запахи трав и цветов — наравне с ароматами газовых выходов, но дышалось легко, как в лесу или на взморье.

— Карл не справляется со своими обязанностями, — продолжал Баренц, проведя по иссеченному морщинами темному от северного загара лицу ладонью. — Пора подумать о замене. Нужен молодой кадр, но при этом опытный и сильный. Есть у тебя такой? Ты как-то упоминал сына Карла.

— Саша хороший парень и компетентный специалист, но он, к сожалению, не интрасенс. А нам нужен мощный «супер» с уровнем Герхарда или Аристарха.

Баренц остановился рядом, заложив руки за спину.

— Где ты найдешь такого? Аристарх — штучная работа. Да и не уверен я, что все молодые интрасенсы мечтают о работе в контрразведке.

— Есть еще один кадр...

— Кочубей? Фон Хорст?

— Помоложе и поактивней.

— Ты меня заинтриговал. Кто?

— Дочка Клима.

— Дарья?! — Баренц с удивлением посмотрел на друга и соратника. — Ты не шутишь? Ей же всего двадцать лет! Она женщина... и вообще...

— Женщины тоже способны работать наравне с мужчинами и даже лучше. Вспомни Власту, Забаву, жену Калины Лютого. Я действительно считаю, что Даша справится. Да и мы поможем.

Баренц снова пошел кругами по веранде, размышляя. На лице его читалось сомнение.

— Не знаю... надо подумать. С одной стороны, она доказала, что может решать проблемы. С другой... Карл обидится.

— Карл умный, поймет. Да и сын его тоже, у него еще все впереди.

— Ладно, обсудим этот вопрос на совете. Пригласи Дарью... и Клима, разумеется. Без его одобрения я не дам согласия на замену.

— Придется подождать, — виновато развел руками Игнат. — Даша сейчас в других временах, в узле пять тысяч пятисот пятидесятого года, осталась там с сыном князя, потомком Аристарха, как наш наблюдатель и агент. А Клим никому не подконтролен, решает какие-то свои проблемы и тоже, по-моему, находится не на Земле.

— Сможете найти его? Я хотел бы поговорить с ним лично.

— Попробуем.

— Хорошо, тогда разбежались. Ты куда?

— Сначала домой, заберу кое-какие вещи жены, потом на первую базу. Звонил Карл, на многих наших парней наехала Служба. Такое впечатление, что готовится направленная и хорошо подготовленная атака.

— В таком случае немедленно переводите все звенья Сопротивления на режим «инкогнито»! Надо упредить удар!

— Для этого я и собираю руководителей секторов и служб.

— Чем объяснить активизацию Ордена?

— Мы стали реальной силой. Сопротивление мешает Ордену чувствовать себя комфортно, хотя его иерархи чудовищно далеки от мысли, что ими кто-то управляет.

— Мы тоже до сих пор не понимаем, кто стоит за деятельностью Ордена, Службы и политиков СЭКОНа. Не черные же дыры, в самом деле.

— Кто знает? — пожал плечами Ромашин. — Клим утверждает, что существуют инвариантные структуры разума, абсолютно чуждые нам по мировосприятию. Я ему верю. Да и Герхард говорит то же самое. Думаю, мы действительно столкнулись с деятельностью такой структуры, для которой человечество в целом — всего лишь малозначимый фактор, мешающий осуществлять далекоидущие планы. Герхард вообще удивляется, что не может понять, кто наш враг, не может определить местонахождение центра управления. Его нет! Это явно не Орден, не ВКС, не СЭКОН, но тем не менее ни одна властная структура не запрещает тому же Ландсбергу экспериментировать с эйнсофом.

— Иногда я начинаю сомневаться в собственном существовании. Может быть, как писали фантасты прошлого, мы и в самом деле всего лишь программы в виртуальной реальности некоей глобальной компьютерной Матрицы?

— Если под Матрицей подразумевать Вселенную, то так оно и есть. Хотя лично я верю, что каждый из нас имеет право выбора.

Баренц слабо улыбнулся, отчего каменное его лицо на миг оживилось, сверкнули небесной синью мудрые усталые глаза.

— Хотелось бы верить.

Они пожали друг другу руки, и Ромашин ушел. Уже по дороге к личной установке метро Баренца он получил по радио сообщение о нападении на Джуму Хана и Калину Лютого и сразу направился на базу Сопротивления на остров Завьялова в Охотском море.

* * *

После ухода в «подполье», то есть после перехода на режим «инкогнито», Железовский временным местом обитания на Земле выбрал Крымские горы. Здесь он когда-то жил в детстве несколько лет и совершал мальчишеские подвиги,

надолго забираясь под землю, в пещерные города и лабиринты Крыма.

На этот раз он поселился в одной из пещер Дырявого мыса в обрывах Мангупского плато, развернув там индивидуальный модуль «Турист». Аппаратура и оборудование модуля позволяли владельцу жить в достаточно комфортных условиях в течение двух месяцев, что вполне устраивало Железовского.

Во-первых, он не собирался отшельничать так долго, появляясь в пещере эпизодически, для короткого отдыха. После рождения сына он чаще стал покидать Землю, чтобы провести больше времени с малышом. Во-вторых, за территорией Крымских гор не следили спецслужбы, так как она сохранялась в первозданном виде как памятник природы всемирного значения, и на ней не строились коттеджи «винов» и жилые «муравейники».

Дырявый мыс, на котором сохранились остатки стен древнего монастыря, и вправду выглядит дырявым вследствие того, что противоположные стенки пещер обвалились, из-за чего и образовались сквозные отверстия, видимые издалека. Лестница, прорезанная в скале, ведет в самую большую пещеру, из которой прорублены входы в маленькие кельи. В одной из таких келий Железовский и устроил себе жилище, побеспокоившись и об охране модуля: комплект был снабжен системой «хамелеон», маскирующей модуль под скалу, а также инфразвуковым сканером. При включении сканера люди испытывали страх и желание побыстрее убраться из этих мест, поэтому случайные посетители музея под открытым небом едва ли могли обнаружить убежище. А те, кто мог это сделать, имея соответствующую аппаратуру, не догадывались, что на склонах Мангупа — главной горы Крымской гряды — расположился объявленный во всепланетный розыск беглец.

Третьего марта Аристарх проснулся в двенадцать часов дня; в пещере он появился в пять утра, уснул в шесть и таким образом проспал всего шесть часов. Для отдыха этого вполне хватало, математик довольствовался обычно четырьмя часами сна в сутки. Но проснулся он не из-за того, что пора было включаться в работу, а по причине внутреннего неудовлетворения: сторожевая подсознательная система почувала негативные природные токи, всплески и сгущения

ментальных полей, что всегда предшествовало неприятным изменениям обстановки на физическом плане.

Аристарх привычно просканировал окрестности пещеры «локатором» «третьего глаза», ничего опасного не обнаружил и встал. Сделал зарядку, облился горячей, а потом холодной водой, выпил литр айрана, размышляя над причинами своих ощущений. Собрался было выйти на волну «спрута», чтобы выяснить новости у дежурного по штабу Сопротивления, и в этот момент в голове надулся и тихо лопнул теплый шарик парасвязи. Перед мысленным взором Железовского возникла зыбко-текучая призрачная фигура, заискрилась звездочками, как новогодняя елка. Сверкнули янтарно светящиеся легко узнаваемые глаза.

«Клим?! — удивился Аристарх. — Рад тебя видеть! Ты где?»

«Далеко. Немедленно мчись на первую базу, Служба вычислила ее координаты и подготовила засаду! Туда направились почти все наши, их надо предупредить!»

«Каким образом Службе удалось выйти на базу?!»

«В Сопротивлении окопался «крот» Службы, интрасенс. Не теряй времени на вопросы, лети туда. На острове Завьялова когда-то располагалась база атомных подводных лодок России, одна из лодок до сих пор стоит в подземном доке, законсервирована, но вполне готова к плаванию. Метро базы на выход заблокировано, поэтому спасти наших можно будет только через систему старых штолен и бункеров атомной базы».

«Понял. А ты?»

«Я на Голгофу. Служба вот-вот накроет и это наше убежище. Переправишь всех, кого удастся спасти, на запасную базу в системе Ван-Бисбрука».

«Сделаю».

«Удачи!»

Мостик парасвязи расплылся незримым дымком, исчез.

Железовский выругался вслух, постоял несколько мгновений, прикидывая варианты действий, выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы и начал собираться. Через две минуты, натянув уник-«хамелеон» и вооружившись, он достал из кармана на рукаве прозрачно-туманный зеленоватый шарик трансфера и скомандовал оператору перенести его в систему

метро земного уровня. Еще через несколько секунд он вышел из кабины метро первой базы Сопротивления в недрах острова Завьялова.

* * *

Ромашин почувствовал тревогу, встретив на выходе из отсека метро незнакомую женщину в серо-коричневом косте аварийщиков-спасателей. Женщина — у нее были отчетливо видны усики — повела себя странно, замерла, словно не ожидала встретить в отсеке постороннего человека, потом сделала вид, что занята разговором с каким-то абонентом по рации: у нее был выдвинут из воротника кокоса усик антенны.

Ромашин поздоровался, получил в ответ кивок, удивился, так как обычно сотрудники базы вели себя вежливее, но выяснять личность незнакомки не стал. О чем впоследствии пожалел. Тем не менее какое-то неясное подозрение зашевелилось в душе, и он решил зайти на терминал охраны, чтобы успокоить внутреннего «сторожа». Однако дальнейшие события развернулись столь быстро и неожиданно, что не сработали ни реакция, ни недюжинный опыт безопасника.

Его впустили в терминал... и очнулся Игнат только через пятнадцать минут. Нападение произошло в тот момент, когда он переступал порог помещения: в него выстрелили из парализатора «Дерк». Импульс был настолько мощным, что не помогли ни псиперсонком — полевой защитник под волосами на голове, ни собственная воля.

С трудом подняв гудящую голову, Ромашин увидел чьи-то ноги и понял, что лежит на полу отсека.

— Очухался, — сказал кто-то глухим баском.

Его бесцеремонно схватили за руки, проволокли по полу и прислонили к стене.

— Привет, — раздался рядом знакомый голос. — Вам не кажется, сэр, что мы с вами где-то встречались?

Ромашин повернул голову, поморгал, прочищая глаза от слез, узнал Джуму Хана.

— Что происходит?

— Угадай с двух раз.

— Служба...

— Уже хорошо, начинаешь соображать.

- Они накрыли базу...
- Идешь в верном направлении.
- У нас предатель!
- Гениально! Жаль, руки связаны, не то поаплодировал бы. Игнат окончательно пришел в себя, скривил губы.
- С чего это ты веселишься?
- Не плакать же? Скрутили, как котят. Хорошо, что не

убили сразу.

К ним подошли двое в костюмах спасателей, молодой парень с длинными волосами и мужчина постарше с квадратным лицом и равнодушными глазами.

— Заткнитесь!

— Это нервное, — ухмыльнулся Джума Хан, на скуле которого багровел кровоподтек. — Может быть, представитесь?

— Заткнись, я сказал! — Длинноволосый пнул его ногой в бок. — Мало получил? Еще хочешь?

Джума свалился от удара на бок, повозился, устраиваясь на прежнее место, глянул на парня посветлевшими бешеными глазами.

— Ударишь еще раз, ублюдок, убью!

Парень замахнулся... и упал на спину от удара Ромашина ногой под колено. Вскочил, бледный от ярости, «универсал» на его плече нацелил ствол на голову Игната.

— Прекрати, — пробасил квадратнолицый равнодушно. — Они нужны нам живыми и более или менее здоровыми. Свяжите его!

Ромашина повалили, связали руки, снова прислонили к стене.

— Код допуска к терминалу управления базы! — наклонился к нему квадратнолицый. — Будет лучше, если вы назовете его сами. В противном случае нам придется покопаться в вашем черепе аппаратно, а это чревато последствиями.

— Вы знаете, с кем имеете дело? — сжал зубы Игнат. — Я официал-аналитик отдела криптоисследований Службы безопасности Европейского филиала, код допуска — «три нуля».

— Знаю, — небрежно отмахнулся квадратнолицый. — Я полковник кримсектора Службы Хольм Рыбак-Алим. Действую по приказу, ничего личного. Так вы дадите нам код или нет?

— Угадайте с двух раз.

— Значит, нет. — Полковник разогнулся. — Начинайте.

К пленникам подошла женщина средних лет, держа в руке вычурной формы блестящий кейс. У нее было тяжелое неприятное лицо. Развернув кейс, она достала пневмошприц, две чашечки-присоски с проводками и какой-то прибор с мигающими индикаторами.

Хан и Ромашин переглянулись.

— Краниосканер, — одними губами произнес Джума. — Плохи наши дела. — Он попытался встать. — Начни с меня, красавица, я очень люблю щекотку.

— И до тебя дойдет очередь, — раздвинула в улыбке узкие губы женщина. — Уважай старших.

— Освобожусь, мы с тобой славно проведем время, обещаю.

— Разве что в другой жизни, шутник.

— Как тебя хоть зовут, красавица?

— Зачем тебе? Все равно забудешь.

— Никогда!

— Поручик Мария Звездецкая.

— Такое милое имя... и такой козе досталось!

Глаза женщины сузились, метнули на Джуму испепеляющий взгляд.

— Тобой я займусь с особым удовольствием, весельчак. Забудешь не только свое имя, но и то, что ты мужчина.

— Не заводись, Джу, — покачал головой Ромашин. — Она всего лишь халдей, исполнитель. Нам нужен руководитель, заказчик.

— Он сейчас подойдет, — осклабился квадратнолицый командир поручика Звездецкой. — Будете приятно удивлены.

— Я готова, — посмотрела на него женщина.

— В последний раз... — начал полковник Рыбак-Алим и не закончил.

В помещении терминала охраны базы: шесть на шесть метров, вириал инка слежения, двенадцать висящих в воздухе объемных мониторов с картинками помещений, пять человек в костюмах спасателей — сотрудники группы захвата, два тела на полу — охранники дежурной смены, — вдруг возникло движение. Призрачный вихрь, не имеющий определенных очертаний, но ощутимо жесткий и стремительный, одного за другим впечатал в стены комнаты всех опера-

тивников — с такой силой, что никто из них не смог впоследствии встать сам, отшвырнул полковника и остановился. Несколько мгновений он оставался текучим прозрачным призраком, затем превратился в громадную человеческую фигуру в «дымящемся» комбинезоне с турелью «универсала» на плече.

— Аристарх! — заулыбался Джума Хан, пытаясь встать. — Ты, как всегда, вовремя.

Женщина, застывшая в ступоре с прибором в одной руке и шприцем в другой, бросила свои игрушки, выхватила оружие — гипноиндуктор «Удав», собираясь открыть стрельбу. Железовский повернул к ней голову, в глазах его сверкнул мрачный огонь.

— Замри!

Поручик Звездецкая вздрогнула, широко открывая глаза, снова застыла.

— Спи!

Женщина закрыла глаза и мягко осела на пол.

Зашевелился Ромашин, кряхтя, поднялся, подставил спину.

— Развяжи.

Аристарх достал молик — универсальный нож с молекулярной заточкой, разрезал ленту скотча, стягивающую запястья Игната. То же самое сделал Джуме Хану.

— Поторопитесь.

— Их тут как тараканов, — кивнул на мониторы Джума. — Вряд ли мы пробьемся к метро.

— Мы не пойдем к метро. — Железовский подошел к неподвижно лежащим дежурным, проверил пульс у каждого.

— Парализованы, — сказал Джума, наблюдая за ним. — У оперов «Дерки» и «Удавы», и напали они неожиданно, никто не успел дать сигнал тревоги. Интересно, какая зараза нас сдала?

— Этот щенок, — Ромашин показал пальцем на длинноволосого, — заикнулся, что сейчас сюда придет их главный. Якобы для нас это будет сюрпризом.

— Ждать не будем, — качнул головой Железовский, озабоченно прислушиваясь к чему-то. — Соберем наших, кого сумеем, и уйдем. Я и так узнаю, кто сдал базу.

— Если не через метро, то как мы уйдем отсюда? Твой транслятор не заберет нас всех.

— Есть другой путь. — Аристарх выглянул в коридор, махнул рукой, и руководители Сопротивления последовали за ним, чувствуя силу и уверенность, исходящие от человека-горы.

ГЛАВА 2

ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ СПУСТЯ

Они стояли на плоской вершине рукотворной скалы и разглядывали панораму огромного города, занимавшего площадь в двенадцать тысяч квадратных километров.

Пекин, столица Син-империи, представлял собой унылый бетонно-асфальтовый «оазис», из которого вырастали сотни решетчатых остовов и скелетов зданий, многие из которых уже рухнули, а остальные напоминали памятники, стелы и надгробия бесконечного кладбища. Время не пощадило ни старинные строения в форме фанз, ни более поздние геометрические чудовища эпохи «китайского прорыва в космос», ни новейшие — возрастом от пятисот до двухсот лет — дома-башни, представляющие собой замкнутые экосистемы, независимые от природных условий. Пекин вообще был единственным мегаполисом на Земле, по мнению Дара, где до сих пор существовали улицы, дороги, площади, технические сооружения, остановленные навек тротуары, но не было ни парков, ни садов, ни лесных зон. Другие города мира утопали в зелени, он же казался серо-коричневым бельмом на теле планеты, на котором почему-то не спешили селиться звери и не росли деревья. Лишь изредка глаз цеплялся за желто-зеленоватые вуали вьющихся растений у подножий развалин, но их было мало. Господствующим цветом Пекина пятьдесят шестого века оставался серый и все его оттенки вплоть до черного.

— Невеселый пейзаж, — поежилась Дарья. — В наши времена Пекин выглядит иначе. Даже не верится, что Китай когда-то был ведущей державой мира. Ты зачем меня сюда притащил?

Дар прижал ее к себе, не отвечая. Он и сам не знал, что потянуло его в другую часть света, живущую своими законами и заботами. Китайская община, так же, как и Светорусь, обживала в настоящее время леса и степи юга страны, горо-

да бывшей империи умирали с такой же неизбежностью, как и везде, но все же было интересно сравнивать творчество местных зодчих и архитекторов других уголков Земли, нередко находивших удивительные сочетания традиционных форм с новейшими достижениями науки и техники.

— Что молчишь?

— Думаю... — очнулся он.

— О чем?

— То, что мы видим, — это беспорядок, упадок, социальный хаос и смерть. Существует ли объективный нравственный порядок? Всеобщий закон, созданный Творцом? И могут ли осознать его люди?

Дарья высвободилась из его объятий, с удивлением посмотрела на задумчивое лицо друга.

— Ну и вопросы вы задаете, однако, чистодей! Спали плохо? Али чувствуете неприятное шевеление эфира?

Дар не обиделся.

— Я и в самом деле хочу это знать. Почему вырождается человечество? Это действительно объективный процесс — рождение и вымирание цивилизаций? Кому это нужно? Для чего тогда мы рождены, если все равно уйдем в небытие? Неужели мы всего лишь промежуточная стадия какого-то вселенского разума?

Девушка хотела отшутиться, но заглянула в глаза Дара и не стала. Уголки ее губ опустились, придавая лицу необычное печальное очарование.

— Я никогда не задавала себе такие вопросы. Тебе бы побеседовать с дядей Герхардом, он большой философ, хотя и со странностями. Лично я считаю, что нравственность встроена во Вселенную наравне с законами логики и физики. А поскольку человек — существо несовершенное и в массе своей далекое от соблюдения законов нравственности, он и вымирает. И хватит философствований! Мне здесь неуютно.

— Поехали отсюда, — согласился он. — Что тебе еще показать? Хочешь, махнем в Антарктиду? Там во льдах можно встретить любопытные вещи. Предки весь слой льда растапливать не стали, создали оазисы: диаметр шахты — от двух до десяти километров, на дне — город...

— Это еще в мое время начали создавать.

— Не хочешь?

— Не нравится мне ветер.

— Какой ветер? — не понял молодой человек.

— Пси-фон беспокоен, что-то происходит вокруг, но я не могу сосредоточиться.

— У меня то же самое, — признался он. — Словно смотрит кто-то сверху и ухмыляется...

— Посмотри на небо.

— Ну?

Дар включил «третий глаз» и сразу же увидел над городом парящую черную точку. Вызвал состояние гипервидения.

— Черная «ракушка»!

— Значит, я не зря чувствовала себя неудобно. Неужели они вернулись?!

Дар не ответил, следя за маневрами точки. Корабль отеллоидов находился за пределами атмосферы Земли, но это не имело значения. Не оставалось сомнений, что черные псевдолюди, принадлежащие расе Бье, снова появились у Солнца.

С момента последней стычки с ними, когда в действие вмешался Клим Мальгин, отец Дарьи, прошло полгода.

Неизвестно, что больше повлияло на решение «матки» отеллоидов покинуть Солнечную систему: успешная атака землян на корабле галиктов, отступление Шаламова, одобряющего действия черных псевдолюдей, или вмешательство Мальгина. Однако спустя сутки после боя и контакта Мальгина с «маткой» флот отеллоидов и сам «колючий каштан» «матки» исчезли. Пространство над черным зрачком эйнсофа, выглядывающим из-под верхнего плазменного слоя — своеобразной гранулированной «коры» солнца, — опустело. Черные «ракушки» — удивительные живые корабли-организмы отеллоидов перестали кружить над эйнсофом, растворились во тьме космоса, растаяли, как призраки, словно их и не было.

Полгода люди на Земле жили спокойно, хотя и с опаской поглядывали на небо, помня прошлые налеты черных «бомбардировщиков». Хуторяне вернулись на свои хутора, заново отстроили терема, начали жить в прежнем ритме, учиться, работать, влюбляться, жениться, рожать детей и планировать будущее.

Прошел Испытание Борята, стал мастером-целителем, но лечить людей или работать фармацевтом не захотел. Увлёкся ксенологией и неделями пропадал на болотах и в ле-

сах, пытаясь установить добрые отношения с лягунами, с буrolапами — ставшими очень умными медведями, и с муравьями, создающими необычные, красивые, геометрически правильные «дворцы» — мрави.

Муравьи и буrolапы контактировать с людьми не желали, да и зачастую конфликтовали с ними, предпринимая опасные набеги на поселения. А вот лягуны на попытки Боряты установить более тесные контакты отвечали доброжелательно. Особенно он подружился с лягуном, который указал Дару ход к подводному хутору и подарил сферу транслятора метро. Борята дал ему имя Ивашка, и лягун охотно откликался на зов, да еще и выучил в придачу несколько слов: «привет», «балбес», «будь здоров» и «пока». Правда, произносил он их с уморительным акцентом, но это не умаляло его достоинств и ума.

Дар и Дарья тоже построили терем-коттедж, так как решили жить вместе после всех событий, когда стало ясно, что они любят друг друга. Командовала строительством Дарья, поэтому терем получился необычный, с элементами футуристической готики и неожиданными архитектурными находками вроде прозрачных веранд-фонарей на втором этаже. Но смотрелся дом не хуже других, отчего Дар, хотя и скрепя сердце, но согласился на «излишества». Впрочем, о своих колебаниях и переживаниях он забыл уже на второй день совместной жизни с Дарьей, осознав, что является мужем самой красивой, смелой и умной девушки на свете.

Сыграли свадьбу — согласно традициям Rода.

На свадьбе от лица жениха присутствовали все его родные и близкие в количестве двадцати с лишним человек плюс все хуторяне. От невесты присутствовали отец и мать, а также их друзья: Аристарх Железовский с женой Забавой, Джума Хан и Игнат Ромашин.

Неделю пировали, празднуя одновременно и победу над черными пришельцами.

Затем гости улетели в свои времена — без применения трансферов и других технических средств: переход каким-то образом организовал Клим Мальгин, еще раз доказав, что он обладает исключительно мощным магическим потенциалом, кто бы что под этим ни подразумевал. А Дар и Дарья остались в общине, не собираясь расставаться и мечтая покорить вершины магического умения под стать отцу девушки.

За полгода хуторской жизни молодые люди не только обустроились и обжились на новом месте, но и разминировали еще одну черноболю — под Плесецком, где когда-то располагался древний космодром, а затем полигон первых таймфагов, «пожирателей времени», ставших впоследствии прообразами станций метро. Ничего особенного Плесецкая черноболю не хранила, кроме разве что древнего стринг-генератора, который оказался законсервированным, но еще способным сворачивать пространство в «суперструну». Если, конечно, кому-то пришло бы в голову снабдить его энергией. Однако в хозяйстве общины генератор пригодиться не мог, и его оставили на месте, под толстым двухтысячелетним слоем мха.

Поскольку по просьбе дочери Клим Мальгин разблокировал систему метро, продолжавшую функционировать вхолостую, хуторяне теперь могли перемещаться по Земле без применения транспортных средств и даже выходить на планеты Солнечной системы, где еще сохранились станции. Естественно, не отставали от других и Дар с Дарьей, хотя их возможности были шире: они имели трансферы, с помощью которых могли входить в систему метро из любой точки земного шара и вообще космического пространства. Техника орилоунов, создавших трансляторы мгновенного перехода в сеть метро — орилоунского и земного, продолжала работать без поломок и сбоев.

В общем, наступили благодатные времена. Жить было интересно. Впереди открывались горизонты невиданных открытий.

И вот появилась черная точка — чужой корабль! А это в свою очередь означало, что время спокойного бытия кончилось. Отеллоиды вернулись!

— Не очень-то он похож на «ракушку», — проговорила Дарья, зябко вздрагивая.

Дар кивнул. Он тоже успел оценить форму космолета, и, по его мнению, на корабль отеллоидов он походил мало.

— Может быть, это не они? — робко предположила девушка.

— Возвращаемся, — коротко бросил Дар. — Надо предупредить отца.

Они обнялись, и Дарья привела в действие трансфер: аппарат (если можно было применить этот термин к сгустку

полей) мог транспортировать объекты массой не более двухсот килограммов, но молодая пара пока не достигла этого предела.

Через несколько мгновений они вышли из терминала метро Брянска, сели в ожидавший их летак и взлетели.

На родные просторы опустился вечер. Башни, пирамиды и «виноградные грозди» домов города зажгли освещение, превращаясь в хрустальные изделия неведомых великанов, хотя редко какое здание было заселено даже на одну сотую всего объема. И все же город еще создавал впечатление живого организма, несмотря на отсутствие воздушных транспортных потоков. Глаз изредка натывался на скользящие над домами огни летаков, на рекламные фейерверки, на стекающиеся к увеселительным заведениям, клубам и ресторанам струйки молодых людей в невообразимо пестрых, ярких, необычных костюмах. Каста дилайтменов, привыкших жить бездумно, брать от жизни все, даже то, что не принадлежало им по праву, сохранилась и до нынешних времен. Что будет с цивилизацией, как будут жить их потомки, дилайтмены, хочушники и гусары — «всадники эскадронов жизни», знать не хотели. Они жили сегодняшним днем и сиюминутными желаниями, на остальное им было наплевать.

На юге, как раз там, куда направлялся куттер молодежнов, сверкнула зарница.

— Ты видел? — встрепенулась Дарья. — Неужели будет гроза? Не рано — в марте?

Дар включил рацию.

— Отец, ты меня слышишь?

С минуту никто не отвечал, был слышен только пульсирующий фон эфира.

Сверкнула еще одна зарница, затем еще и еще. Но на грозовые всполохи эти странные световые вспышки не походили.

— Отец! Ты меня слышишь? Ответь!

— ...дим в лес! — прорезался наконец в наушнике голос князя. — Хутор взорван! Возвра... болот... ских... много...

— Кто напал?! — стиснул зубы Дар. — Сколько их?!

— Черные корабли... два или три... мы уходим в... ские урманы, найдете по...

— Что за корабли?! Откуда?! Отеллоиды?!

— Не похоже, форма другая... драконистая... клыки, шипы и когти... длина до трех километров... жестоко... не отзываются... — Голос отца перекрыла волна хрипа и свиста.

— Мы идем к вам, уже близко...

— Не... до... спеете... орачивайте... лет...

— Что он сказал?! — прошептала Дарья, понимая по лицу мужа, что случилась беда.

— Садимся! — Дар бросил машину вниз, высмотрев в сплошной лесной крыше узкую прогалину.

— Что происходит?!

— Хутор уничтожен! На нас напали какие-то странные корабли — в форме драконов. Отец уводит всех в лес.

— Отеллоиды?!

— Не похоже. Если только они не сменили космолеты.

— Драконы...

— Это все-таки не отеллоиды, я чувствую.

— Что ты намерен предпринять?

— Развернем наш корабль-нож и отгоним этих... драконов. Или у тебя есть другое предложение?

— Н-нет...

Дар посмотрел на жену, на секунду прижал ее к себе, поцеловал в щеку; он знал, что она беременна — уже три месяца, хотя на фигуре Дарьи это пока не отразилось никак.

— Все будет хорошо, бесстрашная моя. Разбудим Шершня и покажем драконам, где раки зимуют.

Посадка и развертка ножа в гигантский крейсер Галиктов потребовали всего четыре минуты времени.

Молодые люди проникли в корабль, устроились в ячеистой рубке управления и мысленно подсоединились к операционному полю местного корабельного инка, которому еще полгода назад дали имя Шершень.

Инк, давно усвоивший методы управления новых хозяев, их лексикон и манеру общения, а также получивший достаточно полный пакет файлов о человеческой цивилизации, мог теперь свободно разговаривать с людьми как знающий специалист и приятный собеседник, оставаясь при этом искусственным интеллектом, который создавали разумные осы — Галикты.

В свою очередь и Дар с Дарьей выяснили все возможности крейсера, узнали его сильные и слабые стороны. Правда, слабых сторон у него практически не было. Бывшие конст-

рукторы и владельцы корабля предусмотрели все возможные катаклизмы, с которыми мог столкнуться крейсер в космосе, и снабдили его системами выживания и оружием, о каких только можно было мечтать. Единственный недостаток, по мнению Дарьи, которым обладал корабль, крылся в отсутствии системы маскировки. Земные машины для преодоления пространства имели режимы «хамелеон» и «инкогнито», что позволяло им становиться невидимыми и неслышимыми в очень широком диапазоне электромагнитных и гравитационных полей. Корабль-нож такой системы не имел, что, впрочем, подчеркивало его независимый характер и мощь. Галикты, хозяева крейсера, как бы бросали вызов своим врагам, предупреждая о последствиях столкновения.

«Рад встрече! — заявил Шершень, когда молодые люди заняли «пилотские ячеи». — Готов служить!»

Конечно, мыслил «осиный» инк иначе, нежели созданные людьми компьютеры, так как был сконструирован «по образу и подобию» своих создателей-ос, но Дар понимал его прекрасно.

«Привет! — сказал чистодей. — Взлетаем. На наши поселения напали чужаки. Ищи большие машины, вычисли их энергетику и ходовые характеристики и будь готов открыть огонь на поражение!»

«Слушаюсь, командир!» — браво ответил Шершень.

Корабль прыгнул вверх, тщательно оберегая хрупкий человеческий груз от перегрузок; его прежние хозяева могли выдерживать ускорения на порядок выше, что едва не привело к трагедии во время первого испытательного полета.

Система визуального обзора «осинового» космолета отличалась от подобных систем человеческих машин, но за время совместных полетов Шершень сумел адаптировать свою видеоаппаратуру под особенности зрения людей, и теперь пилоты чувствовали себя почти комфортно. Оба видели одно и то же: стен как бы не существовало, вектор зрения смещался по желанию в любом направлении, как собственные глаза, спектр изменялся также в соответствии с желанием, поэтому корабль ощущался всего лишь как некий дополнительный орган зрения, способный видеть в абсолютной темноте — для обычного человеческого глаза — и на больших расстояниях, вплоть до сотен тысяч километров.

Дар автоматически, не думая, подстроил сферу обзора

таким образом, чтобы пейзаж под кораблем стал виден как днем, и сразу обнаружил виновников световых всполохов.

Два черных «динозавра» — корабли действительно напоминали драконов со сложенными крыльями — кружили над лесом в сорока километрах от Брянска и методично метали под себя зеленовато-фиолетовые молнии.

— Это они! — воскликнула Дарья.

«Вижу, — отозвался Шершень. — Длина объектов — три километра сорок пять метров и четыре километра сто один метр. Диаметр — шестьсот шестьдесят и семьсот три метра. Масса обоих — около ста двадцати тысяч тонн. Энерговооруженность — примерно десять в одиннадцатой степени БЭВ. Я встречал такие дредноуты».

«Что ты говоришь?!»

«Это боевые машины врагов моих прежних владельцев».

«Как выглядели эти враги?»

Шершень выдал картинку.

— Богомолы... — пробормотал Дар.

— Мантоптеры! — ахнула Дарья. — Папа рассказывал, что встречался с расой Мантоптеров. Они очень агрессивные существа, хищники, не приемлющие доброжелательных контактов и компромиссов. Но как они оказались здесь, на Земле? И почему напали на хутора?

— Объяснение может быть только одно. — Дар помолчал. — Их наняли отеллоиды. Или те, кто за всем этим безобразием стоит.

— Черные дыры!

— Может быть, не они сами, а система обслуживания, создающая условия для генезиса и экспансии черных дыр.

— Откуда тебе это известно? Ты что, уже беседовал с Герхардом?

— Нет, с твоим отцом.

— Когда ты успел? И почему я об этом не знаю?

— Так получилось.

«Я готов!» — напомнил о себе Шершень.

Корабль-нож заметили.

Черные, усеянные алыми пятнами (в инфракрасном диапазоне) «драконы» перестали кружить над лесом, дружно прыгнули вверх, с легкостью выписывая пируэты и глissады маневра, несмотря на гигантские размеры и массу. В них чувствовалась угрюмая недобрая мощь, целеустремленная

воля и угроза. Это были не «ракушки» отеллоидов, не приспособленные вести боевые действия, но военные корабли, и на появление противника они отреагировали с выразительной зловещей воинственностью.

— Попробуем договориться? — произнес Дар, чувствуя нервное возбуждение.

— С ума сошел?! — удивилась девушка.

Словно в ответ на ее слова первый приблизившийся «дракон» метнул в корабль-нож острый клинок яркого зеленого огня: не молнию или лазерный луч, но и не плазменный факел. Скорее всего оружием ему служил генератор особого поля, «раздирающего» кварки, наподобие земных «глюков».

Прекрасно разбирающийся в обстановке Шершень рванул корабль в сторону и вверх, пропуская разряд. Его система ведения боя была готова к атаке, но он ждал приказа пилотов.

— Огонь! — скомандовал Дар.

Шершень выстрелил.

Но «дракон» в отличие от «ракушек» отеллоидов не разлетелся на куски и капли, не превратился в хвост обломков, несмотря на прямое попадание. Его защита выдержала, хотя от удара «плевака» — так Дар называл излучатель минус-гравитационного поля — «дракон» отлетел назад и спикировал на лес, потеряв часть «когтей и клыков». Его напарник ответил целой серией выстрелов, лихо маневрируя и непрерывно меняя угол атаки. При этом он использовал не только электрические разрядники — мощность и напряженность поля импульсов также варьировались, — но и аннигиляторы и «кварковые раздиратели», что опять же подчеркивало предназначение чужаков! Они и в самом деле представляли собой боевые корабли Мантоптеров, разумных богомоллов, которые в давние времена, сотни тысяч или миллионы лет назад, воевали с Галиктами, разумными осами.

Шершень не сплеховал. Возможности «осинового» крейсера позволяли ему уворачиваться от ударов противника и наносить точные ответные выпады. Арсенал же корабля-ножа не уступал вооружению черных «драконов». Он тоже имел аннигиляторы, лазеры, электроразрядные генераторы и «глюки», хотя «главным калибром» крейсера оставались излучатели отрицательных гравитационных полей, формирующие

узкие направленные пучки мгновенного сдвига атомов любого материального тела. И хотя «драконы» выдерживали прямое попадание такого пучка, все же мощь удара была столь велика, что чужаки буквально «вставали на дыбы», теряли скорость, сбивались с курса и какое-то время не могли вести бой.

— Эх, если бы у нас был стрингер! — вслух пожалела Дарья, потрясая стиснутым кулачком. — Мы бы живо заставили их убраться восвояси!

Дар промолчал. Он знал, что стрингером современники жены называли генераторы свертки пространства в «сверхструну». Однако «осиный» корабль действительно не имел стрингеров.

Тем не менее превосходство Шершня не вызывало сомнений и у пилотов драконовидных крейсеров. Получив по три-четыре попадания, оба монстра вдруг круто свернули — один влево, второй вправо, пошли вверх, в ночное небо, и вскоре затерялись в искристой звездной бездне космоса.

Бой закончился.

Шершень предложил догнать чужаков и добить, но Дар не согласился. Его тревожило молчание отца и последствия атаки «драконов» на хутор. Сердце сжималось в тревоге за родных и близких. Не хотелось думать, что многие из них могли погибнуть.

Корабль-нож повернул назад, к южным болотам Брянской губернии, где по всему горизонту стояли дымные столбы: горел лес.

ГЛАВА 3

ЗАПАСНАЯ ВАЗА

Третьего марта Радомиру исполнился ровно месяц, но уже было видно, что он очень похож на отца — и обликом, и поведением. Маленький Железовский рос не по дням, а по часам, в колыбели ему уже становилось тесно, и он еще ни разу не заплакал, ни на что не жаловался, спокойно лежал в своей уютной скорлупке, снабженной инк-няней, и смотрел в небо. Иногда чему-то улыбался беззубым ртом, агукал, тянул ручонки, будто видел что-то в вышине, пил молоко и

снова смиренно лежал, философски относясь к смене подгузников, пеленок и простынок.

Забава удивительно похорошела после родов, помолодела, пополнила, стала похожа на разбуженную после долгой спячки принцессу, которую спас от злого колдуна молодой принц. У нее увеличились груди — сына она кормила сама, лишь изредка прибегая к разным витаминным напиткам, — бедра, изменилась походка, и Аристарх, появляясь на базе, искренне восхищался женой, носил ее на руках и подолгу не отходил от сына, придумывая разные игры, от которых приходил в восторг не только маленький Радомир, но и сама Забава.

С утра у Купавы, соседки Бояновой, почему-то испортилось настроение, и чтобы повысить тонус, она пришла к Забаве в гости, прихватив с собой подарок Клима — смешную мягкую игрушку, при определенном воздействии распадавшуюся на два десятка таких же крошечных зверьков; Мальгин называл эту игрушку Кузьмой-негуманом.

Понаблюдав с умилением за возней Радомирчика, который стал радостно агукать и тискать игрушку, женщины уселись в беседке возле коттеджа Железовских и заговорили о своих проблемах.

Купава пожаловалась на скуку, на дочь, которая забыла мать и уже полгода не давала о себе знать (хотя это был не дом, а временное жилище на территории базы).

Забава в свою очередь поделилась с подругой своими переживаниями и открытиями: родила она аж в шестьдесят восемь лет, впервые, можно сказать, неожиданно для себя самой, поэтому опыта ухода за детьми не имела, — и Купава с удовольствием привела ей примеры собственного воспитания Дарьи, хотя с тех пор прошло уже больше двадцати лет.

— А ты роди еще одного ребеночка, — посоветовала ей Забава. — Сыночка. Тебе это будет проще сделать, ты моложе меня.

На лицо Купавы легла тень раздумья.

— Не знаю... Клим никогда не заговаривал о втором ребенке... не то что твой Аристарх.

— Сама предложи. Уверена, Клим согласится, несмотря на всю свою занятость.

— Я не понимаю, чем он занимается. Но дома он все равно появляется редко.

— Твой муж спасает цивилизацию, и это не просто красивые и высокопарные слова. Он знает, что надлежит сделать, чтобы мы выжили, и делает все от него зависящее.

— Вот видишь... ему некогда...

— Ничего я не вижу, — рассердилась Забава. — Ты просто куksiшься от безделья, перестала вон даже свои гобелены ткать, отсюда и все твои сомнения и страхи. Поставь его перед фактом, в конце концов, никуда он не денется! Тем более — любит тебя. Между прочим, Аристарх сильно изменился после рождения Радомирчика, стал чаще появляться, с удовольствием возится с ним, а лицо у него при этом такое... — Женщина покачала головой, зажмурилась: — Ты бы видела!

— Да, дети изменяют родителей, — задумчиво согласилась Купава. — Может быть, ты права.

— Еще бы, конечно, права.

Из висящей в метре над землей антиграв-колыбели слышался возглас, чмоканье, уханье, чаша колыбели заходила ходуном.

Женщины переглянулись, подскочили к люльке.

Радомир сучил ножками и радостно взирал на мать и ее подругу, засовывая в рот мягкую, размером с его кулачок, пушистую, золотистого цвета игрушку. Вернее, деталь игрушки, которую принесла Купава. Каким-то образом ему удалось разять Кузьму-негумана на составные части, которые теперь ползали по колыбели, как живые, шекоча малыша.

— Подавится! — встревожилась Забава, отнимая игрушку, не то лапу, не то хвост, не то часть туловища Кузьмы-негумана.

Радомир тотчас же схватил другую «деталь», весело заагукал, сунул в рот.

— Не бойся, — улыбнулась Купава. — Клим говорил, что это заговоренная копия какого-то существа, с которым он встречался, нечто вроде оберега.

— Но она... шевелится...

— Эти пушистики сами соединяются в одно целое, если их разъединить. Удивляюсь, как Радику удалось это сделать. Я, например, не смогла, а Клим секретом не поделился, хотя демонстрировал не раз. Видишь, ему нравится.

Малыш перестал совать в рот мягкую колбаску, начал разглядывать ползущие навстречу друг другу и складывающиеся в одну фигурку части игрушки. Потом снова заулыбался беззубым ртом, стукнул кулачком по почти готовой фигурке, отчетливо произнес «п-па!», и фигурка распалась на кучу шевелящихся «зверьков». Чем-то они действительно напоминали слепых крохотных котят, тыкающихся друг в друга в поисках матери.

Радомир весело завопил.

Забава округлила глаза, прижала к груди ладонь.

— Господи! Он так громко никогда не кричал!

— Я же говорю, ему нравится, — засмеялась Купава. — Пусть играет, не будем мешать.

Какая-то холодная тень накрыла коттедж и беседку, словно облако на мгновение закрыло солнце.

Забава подняла голову, но облака не увидела. Небо Голгофы имело зеленоватый оттенок и казалось матово-стеклянным куполом, растрескавшимся по краям: золотистые паутинки туманных струй на горизонте казались самыми настоящими трещинами. Затем в глубине купола просияла яркая звездочка, расплылась огненным цветком и погасла. А в душу Забавы вдруг вошла тревога.

— Спутник! — прошептала она.

— Что? — не поняла Купава.

— Взорвался спутник...

— Какой спутник?!

— Над территорией базы подвешен спутник наблюдения и контроля за пространством. Он взорвался!

— Не может быть! Как это он может взорваться ни с того ни с сего?

— Это нападение! Надо срочно... — Забава не договорила.

С неба на долину, где располагалась база, свалился диковинный аппарат, напоминающий шипастого дракона со сложными крыльями, и метнул в пирамиду метро яркую зелено-фиолетовую молнию.

Оглушительный свист накрыл территорию поселка переселенцев, раздался шипящий скрежет, удар, взрыв! Сверкающая пирамида метро взлетела фонтаном в воздух, разваливаясь на огненные лоскутья. Ударная волна повалила ближайшие к метро строения, сбила с ног пешеходов,

докатилась, ослабленная, до коттеджа Забавы, отбросила к стене коттеджа колыбельку с малышом.

Женщины вскочили, глядя на распухающий на глазах столб рыжего вихрящегося дыма над центром поселка.

«Дракон» же в это время сделал круг над базой и метнул еще один ручей электрического огня, вонзившийся в здание-парус охранного обеспечения периметра. Парус тоже взлетел в воздух, рассыпаясь на горящие и дымящиеся обломки и струи.

Откуда-то из-за лесной террасы вынеслись три флайта — дежурная смена охраны, помчались к неспешно разворачивающейся громаде чужого корабля. Сверкнули тонкие лучики света: охрана базы открыла огонь по жуткому пришельцу, отчаянно пытаясь отвлечь его от поселка. На сложном, шипасто-шишковидном теле чужака расцвели огненные цветы взрывов. «Дракон», получив с десятков попаданий, проделавших достаточно большие дыры в корпусе, оделся в сеточку алых молний, отразившую очередной залп охранников; они стреляли из малых аннигиляторов, и сгустки антипротонов теперь рикошетировали и рассыпались на огненные пунктиры.

«Дракон», способный раздавить корпусом весь поселок, поднялся повыше, выстрелил. Полыхнула очередная молния, найдя один из аппаратов, разнесла его на огненные брызги.

Вскрикнула Купава.

Только теперь Забава очнулась, схватила на руки зашедшего в плаче сына, бросилась в дом.

— Прячься, Пава! У нас есть подвал!

Купава побежала было за ней, но остановилась, услышав чей-то голос:

— Пава!

Лишь позже она сообразила, что то был не голос: она впервые в жизни у с л ы ш а л а ментальный призыв мужа!

В десяти шагах от беседки сгустился воздух, соткался в хрустально-прозрачный вихрик, который превратился в Клима Мальгина, одетого в дымящийся пятнистый комбинезон.

— Пава!

— Клим! — Купава метнулась к нему, обхватила шею руками, прижалась, задыхаясь от радости, слепая от внезапно брызнувших слез. — Помоги! На нас напали!

— Где Забава?

— Здесь! — выглянула из двери жена Железовского с Радомиром на руках. — Клим?! Как ты здесь оказался? Ты один? Где Аристарх?

Мальгин отстранил Купаву, оглянулся на метавшего свистящие молнии — шиххх! шиххх! — черного «дракона».

— Побудьте здесь, никуда не уходите, я сейчас.

Он подпрыгнул в воздух и понесся к чужаку, уменьшаясь в размерах, превратился в точку, исчез.

— Господи! — ахнула Купава, прижимая к щекам ладони. — Что он задумал?!

«Дракон» перестал бросать колоссальной мощи электрические разряды, словно бы задумался, потом начал медленно падать на лес. От него отделилось крохотное пятнышко, сделало петлю, помчалось к поселку, превратилось в Мальгина.

— Собирайте людей! — бросил он, опускаясь на дорожку от беседки к дому. — Будем эвакуироваться.

Чужой корабль, уничтоживший станцию метро и смену охраны на флайтах, тяжеломерно, с гулом рухнул на шпили скал, окружавших долину, где среди живописных лесных островков пряталась база Сопротивления. Вздрыгнула земля, по лесу пробежали гулкие раскаты грохота и треска, и все стихло.

— Ты... его?... — с благоговейным ужасом прошептала Купава.

— Это корабль Мантоптеров, — поморщился Мальгин, — гигантских богомоллов, известных своими хищническими набегами на окраины Галактики. Правда, было это миллион с лишним лет назад, и почему мантоптеры объявились в нашей Ветви, еще предстоит выяснить. Собирайтесь, берите только самое необходимое.

— Но как же мы... — начала Забава, — метро взорвано...

Малыш на ее руках перестал плакать и теперь внимательно разглядывал Мальгина, засунув в рот палец.

Клим подмигнул ему.

— Метро нам не понадобится.

— Клим! — всхлипнула Купава, порывисто бросаясь к нему на грудь. — Мы снова бежим! Когда это кончится?!

— Скоро, милая. — Он погладил ее по спине, поцеловал, отодвинул. — Поспешите, у нас мало времени, Мантоптеры

никогда не появляются в одиночку, только парами или тройками.

Купава несколько мгновений всматривалась в твердое спокойное лицо мужа, потом заторопилась, побежала, оглядываясь, к своему коттеджу.

Забава в нерешительности потопталась на пороге коттеджа, положила сына в колыбель, бросилась в дом.

— Я быстро!

Мальгин подошел к люльке, наклонился.

Железовский-младший снова замер, глядя на него во все глаза, потом вдруг заулыбался, пустил слюни, закричал, протягивая ручонки.

— Признал равного, бутуз, — улыбнулся Клим. — Мы подружimsя, я тебе обещаю.

Из дома выскочила Забава с белой сумкой, набитой детскими вещами.

— Все равно все не возьмешь, этого хватит на первое время.

— На базе все есть.

— Куда мы направляемся?

— В систему Ван-Бисбрука, там прячется запасная база Сопротивления, о которой знают всего трое. Вряд ли Служба в ближайшее время отыщет ее, даже если в наших рядах сидит осведомитель Ордена. Идем.

Клим взял сумку женщины, она подхватила сына на руки, и они двинулись к центру поселка, куда сбегались наспех собравшиеся жители базы. Купава присоединилась к ним в тот момент, когда подошли Мальгин и Забава. В руке она несла такую же белую сумку.

— Внимание! — поднял руку Клим. — Будем эвакуироваться на резервную базу! Прошу не паниковать, не дергаться, не шуметь, соблюдать спокойствие и порядок. Сначала, вопреки этикету, я отправлю мужчин.

— Почему? — спросил один из стариков, отец Калины Лютого.

— Потому что базу надо расконсервировать и на всякий случай вооружиться. Есть среди вас специалисты?

— Я могу, — выступил вперед крижистый, седобородый мужчина. — Артур Лондон, бывший унтер безопасности, к вашим услугам.

— Вы не отец Майкла, случайно?

— Дед.

— Прекрасно. Пойдете первым.

— На чем? — Седобородый оглянулся на дымящиеся развалины станции метро. — Они разбомбили вокзал. Или на орбите нас ждет спейсер?

— Не ждет, но у меня есть волшебная палочка.

— Что?! Вы... шутите?

— Нисколько. — Мальгин подмигнул какому-то мальчишке, разглядывающему его круглыми испуганными глазами. — Кто еще пойдет в первой партии?

— Я, — вышел хмурый молодой парень в блестящем униформе, один из уцелевших охранников.

— И я, — присоединился к нему отец Лютого.

— Мы все пойдем, — сказал худой темнолицый старик.

— Сдвиньтесь тесней. Девушки, шаг назад.

Забава с сыном, прибежавшая в последний момент Власта, Купава, ее соседки, отступили. Мужчины, — всего их набралось восемь человек, — сбились в группу, с недоверием поглядывая то на Клима, то друг на друга.

— Готовы?

— Да... готовы... — раздалась нестройные голоса.

— Поехали! — Мальгин поднял над головой руку, сжал в кулак. Кольцо света сорвалось с кулака, заставив всех зажмуриться и прикрыть глаза ладонью. Мягкая сила толкнула людей, миг — и мужчин не стало!

— Климушка! — беззвучно выговорила Купава, поднеся к губам тыльную сторону ладони.

Он ободряюще погладил ее по плечу, обернулся к ошеломленным женщинам и детям; их оставалось вдвое больше, шестнадцать человек.

— Теперь ваша очередь. Все здесь? Никого не забыли?

— Бабушка Юлиана осталась, — стесненно проговорила какая-то светленькая девчушка. — Не хочет уходить. Говорит, не приучена бегать от супостата.

— Супостат ее не пожалеет. Пава, сходи к бабушке, приведи сюда. Впрочем, не надо, она вас догонит.

— Клим...

— Все будет хорошо. Через пару минут встретимся.

Мальгин снова поднял над головой кулак.

Сноп золотого света озарил растерянные лица женщин, и они исчезли. Мальгин пососал костяшки пальцев, огляды-

ваясь по сторонам. Быстро направился к третьему коттеджу слева, поднял голову.

Над горным склоном долины, километрах в десяти от поселка беглецов с Земли, появилась черная «коряга» чужого корабля.

— Подожди, сейчас поведем! — выдохнул Мальгин беззвучно.

Метнулся в дом, обнаружил на диванчике в гостиной седенькую старушку в старинном платье, передал ей успокаивающий импульс.

— Простите, бабушка Юлиана, но на уговоры нет времени. Вас уже ждут.

Не успев возразить, старушка «ушла в пространство», как и поселенцы перед ней: сначала на промежуточный транслятор орилоунского метро, затем по «струне» секретной линии земной системы метро в глубины созвездия Орла, на планету звезды Ван-Бисбрука, где ее действительно ждали остальные.

Мальгин вышел из коттеджа, приставил козырьком ко лбу ладонь, разглядывая небосвод.

Гигантский черный «дракон», собрат сбитого крейсера мантоптеров, завис над склоном долины, пытаясь понять, что произошло. Потом развернулся и с гулом, опустив нос, понесся к поселку беглецов. На высоте трех километров от него отделилась радужная капля неизвестной субстанции, упала на поселок, и база исчезла в ярчайшей огненной вспышке! В небо вонзился тугой огненно-дымный смерч взрыва!

«Дракон» сбросил на базу аннигиляционную бомбу!

Но Мальгина там уже не было. Он перешел в состояние полевой формы материи и завис под днищем «дракона» невидимым сгустком энергии.

В принципе Климу удобнее было бы существовать в форме энергоинформационного образования, чем он и пользовался во время странствий по Вселенной. Однако физическое тело человека оставалось для него атрибутом культурных отношений, а не просто носителем интеллекта, обеспечивающим защитные и представительские функции. Менять его в угоду обстоятельствам он не хотел.

База перестала существовать, вместе с системами защиты и спутниковой инфраструктурой. А поскольку для унич-

тожения хорошо замаскированного и охраняемого объекта, каким был поселок переселенцев, требовалось нечто большее, нежели огневая мощь, Мальгин не сомневался, что не обошлось без предательства. В руководстве Сопротивления, объединяющего нормалов и интрасенсов в борьбе против захватившего власть Ордена Абсолютной Свободы, работал разведчик Службы безопасности, которая, к великому сожалению, полностью перешла на сторону Ордена.

Корабль Мантоптеров представлял собой единый квази-живой организм, как и корабль-нож их противников — Галиктов. Только его внутренняя компоновка и структура подчинялись другим пространственным формулам, идеально подходившим хозяевам — богомолам. Впрочем, Мальгин не стал тратить время на сравнение параметров машин, принадлежащих разным цивилизациям. Он и так знал их неплохо. Единственное, чего он пока не знал, — какой «Ад» воскресил Мантоптеров и вывел в космос их боевые корабли. Цивилизация богомолов, равно как и ос, давно исчезла в безднах времен.

Сделав свое дело, «дракон» пошел по кругу над долиной, заполненной жирным, текучим, коричнево-рыжим дымом.

Клим нашел слабое место в его защите, продавил силовое поле и оказался внутри корабля.

Крейсером управляли всего три пилота. Каждый из них и в самом деле мало отличался от известного на Земле насекомого, если не считать размеров: взрослая особь Мантоптеров достигала в высоту двух с половиной метров, а если вытягивала передние лапы — то и вовсе становилась жутким гигантом.

Они забеспокоились, когда Мальгин просочился в рубку управления, выглянули из своих диковинных пилотских коконов, переговариваясь с помощью свистов разной тональности и шевеления антеннами-усиками. По-видимому, автоматика крейсера почуяла изменение внутреннего полевого фона и подала сигнал тревоги.

Клим двумя импульсами погасил сознание двух пилотов, а к третьему подсоединился, как к компьютеру, пресек попытки Мантоптера освободиться, «пролистал» его память. Потом вошел в банк данных управляющего кораблем инка, выяснил все, что было нужно, и мощным разрядом сжег «нервную систему» крейсера.

Гигантский трехкилометровый «дракон», потеряв управление, начал падать точно в центр созданного им же аннигиляционного пожара.

Мальгин не стал дожидаться развязки драмы. Вызвав оператора орилоунского метро, он назвал координаты переноса: вторая планета красного карлика, известного земным астрономам как звезда Ван-Бисбрука в созвездии Орла, располагавшаяся сравнительно недалеко от Солнечной системы. Звезда не отличалась какими-либо интересными особенностями, была совершенно рядовым объектом класса M1. Температура на ее поверхности едва достигала трех тысяч градусов, накала едва хватало, чтобы освещать три небольшие планеты и несколько поясов пыли и астероидов. Исследовательские экспедиции сюда не заглядывали, считая звезду неперспективной, туристы обходили стороной, и даже зонды-автоматы не следили за ее окрестностями. Но именно поэтому руководители Сопротивления и решили создать здесь резервную базу, надеясь, что Служба не станет обыскивать каждую соседку Солнца, чтобы найти пристанище переселенцев.

База на Ван-Бисбруке II представляла собой стандартный жилой модуль «Ковчег-100», способный обеспечить быт и жизненные потребности ста человек. Модуль имел собственный кварк-кессон, высасывающий энергию из вакуума, станцию метро, а также систему маскировки. К тому же он был установлен на одном из бесчисленных скалистых островков южного архипелага, и найти его с орбиты даже с помощью современной техники локации было практически невозможно.

«Квартирьеры», отправленные Мальгиным первыми, справились с заданием, включили системы жизнеобеспечения, поэтому остальные переселенцы прибыли уже в начавшее оживать коллективное жилище. Но расходиться не рискнули, толпились в кольцевом коридоре вокруг отсека метро, ждали спасителя.

Сила тяжести на планете была процентов на пятнадцать ниже земной, отчего все чувствовали эйфорическую легкость в теле.

Купава, завидев мужа, бросилась к нему на шею, обняла, не стыдясь никого.

— Я боялась за тебя!

— Что со мной может случиться? — улыбнулся Мальгин. — Я же заговоренный. — Он повернулся к подступившим ближе людям. — Друзья, располагайтесь, выбирайте каюты, кому какая понравится. База вместительная, всем места хватит.

— А мы? — спросила Купава, не выпуская руки мужа.

— Мы тоже найдем себе пристанище. Потом я помогу Аристарху эвакуировать людей с базы на острове Завьялова и вернусь.

— Я с тобой!

Он покачал головой, сказал мягко:

— Не волнуйся, я не надолго. Выбери каюту, я останусь тут на какое-то время.

— Правда?!

— Правда. — Мальгин поцеловал жену, двинулся было к отсеку метро, и в этот момент из него в коридор стали выбегать люди. Напрягшийся Клим расслабился, узнав среди прибывших отца и сына Золотько, Джуму Хана, помятого, с синяком на скуле. Появился и Ромашин, сосредоточенно-спокойный, хотя и бледный, с темными кругами под глазами.

Мужчины бросились к своим женам и родственникам. Раздались удивленные и обрадованные голоса. Все принялись обниматься, целоваться, хлопать друг друга по спинам, поздравлять с удачным освобождением. Обнялись и Мальгин с Ромашиным.

— Спасибо, Вершитель, — кривовато усмехнулся Игнат. — Вовремя появился. Мы провалились.

— Этого следовало ожидать.

— Плохого никогда не ждешь, тем более что негативные ожидания порождают негативные результаты.

— Позитивные ожидания также порождают негативные результаты. В нашем инварианте Вселенной это закон. Где Аристарх?

— Помчался за Герхардом.

— Он по сути спас нас всех, — добавил Джума, пожимая руку нейрохирургу. — Вывел из захваченной базы в какие-то катакомбы в глубинах острова, посадил в подводную лодку двухсотлетнего возраста, запустил двигатель, вывел в море. Потом мы нашли ближайшую подводную ферму, подстыковались, оккупировали метро...

— Понятно. Что ж, Аристарх не потерял драйва в свои

годы. — Клим не стал объяснять друзьям, что это он подсказал Железовскому выход. — Много наших погибло?

— На завьяловской базе пятеро, — помрачнел Ромашин.

— Плюс шестеро на Голгофе... жестокий счет! Я предупредил, что надо ждать нападения. Почему не подстраховались?

— Кто же знал, что в наших рядах закопался еще один агент Службы?

— Обязаны были знать!

— Это моя вина, — проговорил расстроенный Карл Золотко. — Буду проситься в отставку. Косвенные данные об агенте у нас были, но все думалось, что он далек от главных секретов Сопротивления.

— Бросьте на него всех наших охотников, — недовольно проговорил Джума. — Пока мы не узнаем, кто он и где сидит, Орден будет в курсе всех наших планов.

— Давайте поговорим об этом в другом месте, — сказал Ромашин. — Предлагаю разойтись по каютам, устроиться, привести себя в порядок. Через полчаса встретимся в кают-компании.

— Правильно. — Джума высмотрел в толпе женщин Карой, подошел к ней, обнял, повел по коридору к эскалатору.

За ним потянулись к лифтам и эскалаторам остальные.

Мальгин взял жену под локоть.

— Где поселимся?

— Мне все равно.

— Тогда рекомендую третий уровень, рядом с залом отдыха и оранжерей.

— Хорошо.

— Клим, — подошла к Мальгиным озабоченная Забава; Радомир на ее плече, к веселому удивлению Купавы, мирно спал. — Я беспокоюсь за Аристарха. Он такой неосторожный и рискованный, как мальчишка.

— Он ничуть не рисковей меня, — рассмеялся Мальгин. — Его трудно застать врасплох, а задержать практически невозможно. К тому же у него есть трансфер. Не волнуйся, он скоро будет здесь.

— И все-таки я бы попросила...

— Понял, если он не появится в течение получаса, я за ним слетаю.

Лицо Забавы разгладилось, она с облегчением взяла свою сумку и направилась к поджидавшим ее Власте и Ауме.

Поднялись на третий этаж базы и Мальгин с Купавой. Выбрали просторную, оборудованную всем необходимым, уютную каюту под номером 6. Дверь закрылась за ними. Они обнялись.

— Мне не хочется, чтобы ты уходил, — прошептала женщина. — Надоело быть одной.

— Я предлагал тебе... э-э, оптимизацию организма.

— Страшно!

— Глупая, — тихонько рассмеялся он, щекоча ей ухо дыханием. — Это просто подключение твоего собственного экстрарезерва. Ты станешь...

— Ненормальной.

— ...таким же интрасенсом, как и все мы, как Забава, как твоя дочь. Кстати, ты знаешь, что она беременна?

— Что ты сказал?! — ахнула Купава, отодвигаясь и разглядывая лицо мужа с изумлением и недоверием. — Откуда ты знаешь?!

— Знаю. Уже три месяца, как Дашка носит под сердцем ребенка. Скорее всего будет мальчик.

— Мне никто не сказал...

— Я сам узнал совсем недавно. Кстати, не подумать ли и нам о ребенке?

Глаза Купавы стали круглыми, потемнели.

— Ты... говоришь... серьезно?!

— Более чем! Я хочу ребенка! И я люблю тебя!

У нее закружилась голова.

— Странно... я хотела... сама сказать тебе... попросить... а ты сам заговорил... или Забава предложила?

— При чем тут жена Аристарха?

— Мы с ней разговаривали... о ребенке...

— Это мое желание. И до совещания у нас есть время.

— Ты... прямо сейчас?!

— Зачем тянуть?

— Сумасшедший!..

— Я хочу тебя!

Купава помотала головой, зажмурилась, подалась вперед, губы ее приоткрылись. Горячие руки мужа обожгли щеки, шею, начали снимать уник, нижнее белье... и мир за стенами каюты перестал существовать!..

ГЛАВА 4

«КРОТ»

Железовского искать не пришлось.

Когда Мальгин появился в кают-компанию базы, человек-гора был уже там. Вместе с ним прибыли Савва Баренц, руководитель Сопротивления, и ксенопсихолог Герхард Маттер, как всегда, задумчивый и рассеянный.

Собравшиеся выжидательно посмотрели на главного гаранта своей свободы. Никто не спросил, почему он опоздал аж на целых пятнадцать минут, лишь Забава понимающе прищурилась, хотя и не стала шутить и делиться с остальными своими догадками. Пряча смущение, Клим обнялся с Аристархом и Баренцом, пожал вялую руку Маттера, оглядел ждущие лица присутствующих.

— Дела наши швах, господа нормалы и ненормалы. Орден провел успешную атаку на организации Сопротивления, и просто чудо, что мы отделались малой кровью.

— Ты знаешь, почему это произошло? — негромко спросил Ромашин; он уже полностью восстановил силы, взял себя в руки и выглядел, как всегда, подтянутым и сосредоточенным. Лишь в глазах мерцал огонек печали.

— Степень вины конкретных людей вы установите сами. Я могу лишь проанализировать ситуацию системно, в глобальном масштабе. А на этом уровне произошло резкое усиление активности системы Блэкхоул, которая все еще не рассталась с планами превращения Солнечной системы в черную дыру.

— Как ты сказал? — оживился на мгновение Маттер. — Система Блэкхоул?

— Я имею в виду систему, обслуживающую конгломерат черных дыр в нашей Галактике. Надо же ее как-то называть. Кстати, отеллоиды называли эту систему йихаллах.

— Разве всем этим процессом заправляют не отеллоиды? — хмыкнул Джума Хан.

— Раса Бье — лишь одно из звеньев системы Блэкхоул. Она не справилась с задачей, и на ее место пришли другие исполнители, более жестокие и прагматичные, не связанные никакими законами этики и морали. В человеческом понимании, естественно. Хотя не исключено, что отеллоиды и

дальше будут участвовать в создании «роддома» черной дыры в Солнечной системе.

— Кого ты имеешь в виду?

— Блэкхоул привлекла к решению задачи Мантоптеров.

В кают-компаниях стало тихо. Потом шевельнулся Железовский.

— Это прогноз или факт?

— Флот Мантоптеров напал на поселения наших потомков в пятьдесят шестом веке. Я был там перед тем, как вернуться в наше время.

— Там же Даша...

— С ней все в порядке.

— Последствия?

— Наши ребята, Даша и ее муж, твой правнук, успешно отразили первую атаку. Но со всем флотом им не справиться. Я пока не знаю, каким образом Блэкхоул-системе удалось завербовать на свою сторону богомоллов и переместить во времена Дара Железвича их флот. С этим еще придется разбираться. Орилоунская сеть не способна перемещать столь крупные, энергетически насыщенные и массивные объекты. Вполне возможно, что существует некая запасная система контроля Вселенной, «зарытая» в вакууме так глубоко, что о ней никто ничего не знает, нечто вроде «трещин черного времени». Кстати, Герхард, эти «трещины» должны каким-то образом проявляться, хотя бы на уровне слабых взаимодействий или спонтанного рождения объемов «абсолютной пустоты».

— Я посчитаю, — кивнул Маттер. — Хотя не понимаю вашей суеверности. Чего вы все всполошились? Мы знаем, что не только земное метро было запланировано орилоунами и Вершителями, но и вообще рождение человечества как источника технологии рождения черной дыры. И конец цивилизации «вморожен» в ткань Вселенной, и вообще ее развитие, и все остальное вплоть до всеобщего финала. Так чего суевериться, воевать с теми, кто служит высшим силам, бороться по сути с законом? Все равно будет так, как планировал Творец.

— Так, да не так, — усмехнулся Мальгин. — Пути к осмыслению замысла Творца, искаженного, между прочим, Вершителями, разные. И для нас ничего еще не произошло. Если мы не отыщем истинный путь к Великому

Отцу, произойдет коллапс, быть может, самого перспективного его творения — духовной сферы Человека. Пока мы живы, допустить этого нельзя! Вот почему я утверждаю, что ничего еще не утрачено. Да, человечество, такое, как оно существует в массе своей в нынешние черные времена, уйдет. Но передовой отряд человечества — интрасенсы, люди великой души и высокого духа — не должен исчезнуть. Всем нам еще предстоит сформировать новое зрение — **про з р е н и е**, чтобы увидеть и понять законы Вселенной, законы Прави и Меры. Согласен, это долгий процесс, не всем хватит терпения и сил, чтобы дойти. Но если не пытаться — зачем жить?

В кают-компании снова наступила тишина.

Прошла минута, другая, третья, все продолжали молчать, не рискуя нарушить тонкую материю сопричастности с будущим, которое странным образом переплеталось с настоящим и влияло на прошлое.

— Нас уговаривать не надо, — пробурчал наконец Железовский. — Мы не ищем легких путей к Творцу, да их, наверное, и не существует — легких. Давайте решать конкретные задачи. Если Мантоптеры и в самом деле объявились на Земле времен моего праправнука, туда немедленно надо посылать спецгруппу и оружие!

— Спецгруппа не поможет.

— Что ты предлагаешь?

— Давайте по порядку. Какой-то невеликий запас времени у нас есть. Надо разбить проблему на уровни и решать их поэтапно и разными силами. Предлагаю следующее. Вам, Савва, Игнат и Джума, надлежит сосредоточиться на уровне социума, спасти Сопротивление от полного разгрома и не дать Ордену уничтожить интрасенсов.

— Нейтрализовать предателей и шпионов Службы, — добавил Хан.

— Нейтрализация предателей — тактика, а не стратегия. Разумеется, с этого придется начинать. Моей дочери и ее другу Дару я бы отвел очень важную часть общей задачи — **о т в л е к а ю щ и й м а н е в р**. Ребята заряжены на максимальный результат и должны справиться, хотя помощник им понадобится.

— Я могу слетать к ним! — вскинулся Маттер, сбрасывая флегму.

— Тебе отводится другая задача, Герхард, стратегического плана.

— Эфанализ, что ли? — поморщился ксенопсихолог.

— Выход на и н ы х. Кроме Блэкхоул, в космосе живут и работают другие носители разума: кубоиды, Очень Большие Социосистемы с распределенными базами, «струнные системы», объекты типа гравастаров и эйнсофов. Если нам удастся выйти на них и договориться о взаимодействии, Блэкхоул перестанет нас терроризировать. Не уверен, что эта задача по плечу кому-либо из нас, но попытаться стоит.

— Я займусь! — загорелся Маттер. — Это действительно интересно.

— К Дашке могу полететь я, — пробасил Железовский.

— Именно на тебя я и рассчитывал.

— Ну, а ты? — деликатно поинтересовался Джума Хан. — Какие у тебя планы?

Мальгин улыбнулся, понимая смысл вопроса: бывший врач «Скорой помощи» имел в виду, останется ли Мальгин с ними до конца или опять нырнет в пространство ради своих целей, чтобы изредка возвращаться и давать советы.

— В координаторы я не гожусь, хотя обязуюсь помогать советом и делом. Думаю, Савва справится с обязанностями главы Сопротивления и главного координатора наших планов. С вашего разрешения я хотел бы заняться Даном Шаламовым. На всех наших проблемах лежит его т е н ь.

— Ты думаешь... это он... командует парадом? — вопросительно выгнул бровь Ромашин.

— Нет, лично он такими делами заниматься не станет. Но Дан явно стоит за всем... парадом, как ты изволишь выражаться. Пока он на другой стороне, нам нельзя рассчитывать на победу. К тому же он продолжает контактировать с кем-то из Живущих-за-Пределами. Стоит попытаться через него выйти на этого носителя иной логики и этических конструкций.

— Почему ты думаешь, что он встречается с Живущими? — с любопытством спросил Маттер. — И разве ты сам не знаком с ними? С тем же Паломником, к примеру.

— Паломник — бывший гуманоид, его логика мало чем отличается от человеческой. С ним не возникает напряжения при общении. Но среди Живущих-за-Пределами встречаются и негуманы, причем абсолютно далекие от человеческих

оценок и ценностных ориентаций. Для них нет и не может быть ничего святого в человеческом понимании. Во всяком случае, свои подарки-артефакты Дан получил именно от такого существа. Паломник никогда не позволил бы себе подобной промашки.

Мужчины переглянулись. Все они знали историю Шаламова-псинеура и были настроены скептически к идее Мальгина переманить Даниила на свою сторону.

— Он не пойдет на контакт, — покачал головой Джума Хан. — Ты же пытался лечить его после того, как вытащил из хроника. Ведь не получилось?

— Не получилось, — согласился Мальгин. — К сожалению, я не бог и даже не Вершитель, хотя и могу выполнять кое-какие его функции. У Дана был запущен в гиппокампе черный нейрогенез — рождение новых нейронов, не связанных с нервной системой, — так называемые «черные клады» чужой информации. Я не смог заставить делиться его собственные мультипотентные стволовые клетки в головном мозге, они остались заблокированными.

— Надо было снять блокаду, — сказал Джума.

— Чем?

— Стимулируя нейрогенез на уровне эмпатий и воспоминаний детства.

— Мне удалось лишь сбросить часть криптогнозы, засевшей в мозгу Дана, и передвинуть уровни влияния наших генетических предков с древнейших структур на промежуточные лимбические. То есть снять фиксацию поведения динозавров на звериные инстинкты. Но подчинить все «черные клады» чужеродной информации в мозгу Даниила сознанию человека, чтобы он мог контролировать непосредственные реакции и инстинкты, я не сумел. Шанс, что Живущий-за-Пределами согласится помочь в этом вопросе, мал, но он есть. Я уверен.

Помолчали.

— Да, — пророкотал Железовский с непонятной интонацией. — Эволюция налицо.

Все посмотрели на него с недоумением. Лишь Мальгин, уловивший мысль математика, кивнул, соглашаясь.

— Поясни, что ты имел в виду, — сказал Джума. — О какой эволюции речь?

— В древности говорили: скажи мне, кто твой друг, и я

скажу, кто ты. В начале двадцать первого века поговорка изменилась, стали говорить: скажи мне, что ты ищешь в Интернете, и я скажу, идиот ты или нормальный человек. В наши времена надо говорить: скажи мне, что ты ищешь в человеке...

— ...и я скажу, стоит ли тебя лечить, — закончил Джума Хан под общий смех.

— Прямо как дети, — покачал головой мрачный Карл Золотько, единственный из всей компании, кто не разделял оптимизма соратников.

— И все же я... — начала Забава.

В кают-компанию заглянула Аума, дочь Власты, поманила ее за собой. Забава быстро направилась к выходу, понимая, что требуется ее помощь: на время совещания она оставила сына на попечение сестры. Однако у двери задержалась:

— Все же я направила бы к Даше и Дару не одного человека, а группу. Ребята еще молоды, опыта у них мало.

— Мы обсудим этот вопрос, — пообещал Мальгин, искося глянув на Железовского.

Женщина вышла.

Аристарх шевельнул уголком губ, обозначая улыбку.

— За меня беспокоится. Не надо посылать туда группу, мы справимся.

— Итак, друзья, на чем мы остановились? Стратегия принимается?

— Я — за, — поднял руку Джума.

— Я тоже, — кивнул Ромашин.

— Все за, — пробормотал Маттер. — Где тут у вас машина? И какого класса?

Он имел в виду компьютер.

— Не ахти чего, всего лишь стандартный «мастер», — сказал Карл Золотько извиняющимся тоном.

— Жаль, этот не потянет. Мне бы выйти на Большого Умника...

— Обойдешься, — ухмыльнулся Джума.

— В том-то и загвоздка, что не обойдусь. Может, я слегаю домой, заберу своего Стратега?

— Я могу это сделать, — сказал Александр Золотько, взглядом спросив разрешения у отца.

— Вот обяжешь, — обрадовался ксенопсихолог. — Тогда

прихвати еще архив, кое-что из библиотеки, я список дам, а также мои разработки и программные компакты. Хорошо бы еще доставить сюда отдельный сервер на обслуживание системников и базу данных по галактическому мониторингу. И еще... чего ржете?

— Как мед, так и ложкой, — за всех ответил улыбнувшийся Ромашин. — Проще было бы оставить тебя на Земле.

— А я и не просил меня эвакуировать. Прибежал этот Геракл, — Маттер кивнул на Железовского, — напугал до смерти, заставил нестись куда-то сломя голову. Может, и в самом деле обсудим этот вариант? Я же здесь погибну без мощного вычислителя.

Ромашин посмотрел на молчавшего до сих пор Баренца.

— Савва, есть у нас такая возможность?

— Найдем, — пообещал руководитель Сопrotивления. — В крайнем случае поселим Герхарда на одном из наших спейсеров со «струнным» обеспечением и выходом на компьютерную сеть безопасников.

— Отлично! — вздохнул с облегчением Маттер. — Хорошая идея. Особые удобства мне не нужны, был бы только свой угол с вириалом инка, туалет поблизости и бар.

— Бара не обещаем. К тому же это рискованная затея.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

— Решили. Что еще?

Все посмотрели на Мальгина.

— У Сопrotивления есть спейсер? — прищурился Клим.

— По официальному регистру он принадлежит Погранслужбе, — пожал плечами Баренц. — Но реально это наша машина. Корпус старый, начинка новая. Это бывший патрульный корабль.

— «Витязь»?

— Совершенно верно. — Баренц не удивился осведомленности Мальгина. — Еще один спейсер — «Риман» — находится в доке на калининградской судовой верфи, ремонтируется... якобы. Но готов взлететь в любой момент. Он помощнее и поновее.

— Это здорово. Возможно, один из них мне понадобится в скором времени. Итак, господа нормальные ненормалы, начинаем новый этап нашего ратного дела? Без права на ошибку?

Никто не решился пошутить в ответ, даже острый на язык Джума Хан.

— Ответ ясен. Что ж, до связи. Если понадобится кому-нибудь в срочном порядке, обращайтесь к моей жене. Она будет знать, где меня искать.

Мальгин поднял руку прощальным жестом, превратился в прозрачный вихрик, исчез.

Все молча смотрели на то место, где он только что стоял.

Кто-то включил систему обзора, и кают-компанию залил густой, ощутимо плотный, поток алого света: огромный купол звезды Ван-Бисбрука выползал из-за горизонта, превратив океан планеты в слиток раскаленного рубинового стекла.

* * *

«Пакмак» висел над сплошным облачным покровом Венеры, в котором изредка просверкивали серебристые паутинки электрического сияния — след деятельности странной жизни, зародившейся в углекислотных облаках планеты. Это были колонии микроорганизмов, использующих иной тип метаболизма — серно-углеродный, и вполне допускалось, что колонии эти имели некое подобие разума — на уровне земных животных. С ними работали ученые, пытались исследовать реакции, договориться, вступить в контакт, и, по скудным сообщениям массмедиа, у них это получалось. Хотя как выглядел подобный контакт, представить было трудно. И все же вокруг ближайшей соседки Земли (не считая Луны) крутилось более трехсот спутников разного назначения, отчего «пакмак» с обоймой спецназа Соппротивления не выделялся из общей «толпы» аппаратов. Да и «слово» знал — пароль, разрешающий ему выбирать собственную орбиту, траекторию и коридор входа в атмосферу, а также садиться на поверхность планеты.

— Внимание! — раздался в кокон-рубке управления центрального когга сухой голос инка; тот же голос слышали оперативники и в модулях десанта. — Минута до момента «зеро»!

Всего на борту модульной связки — осевой когг и три боковых аппарата — находилось шестнадцать человек, в том числе пилот когга и кобра отряда Александр Золотко. Кро-

ме того, в рубке находился еще один человек, нештатно, хотя и не секретно: отец Александра, Золотько-старший.

— Это моя последняя операция, — сказал он Ромашину, когда тот попытался не отпустить его для захвата агента Службы. — Я хочу взять предателя лично и вытрясти из него душу!

Ромашин подумал и уступил. Карл действительно имел полное право на ликвидацию утечки информации, допущенной службой безопасности Соппротивления, которую он возглавлял.

Теперь группа захвата, выведенная координатором в район ожидания, находящийся ближе всего к объекту, терпеливо ждала команды, чтобы нырнуть на дно плотной и жаркой венерианской атмосферы и захватить объект — руководителя монтажного управления Земстроя Тадеуша Пацюру. Отличного специалиста. Интрасенса.

Именно под его руководством строились базы Соппротивления на острове Завьялова, на Голгофе и на Хароне, спутнике Плутона, которые были захвачены и уничтожены. Именно его идеи были заложены в основание всей сети Соппротивления. И именно он, бывший приятель Вацека Штыбы, оказался агентом Ордена, успевшим «сдать» новым хозяевам важнейшие объекты Соппротивления.

Вполне возможно, что предателем он стал поневоле, если контрразведке Службы безопасности удалось заманить его в одну из своих лабораторий и «перепрограммировать» с помощью психотронной техники, заставить работать на себя. Но Карл Золотько был уверен, что пан Тадуеш перешел на сторону врага добровольно, и с глубокой ненавистью обвинял его во всех грехах.

Сын не разделял чувств отца, понимая, что тот завидует интрасенсам и не желает их прощать, вписываясь в рамки общечеловеческой психологии — подозрительно относиться ко всему нестандартному, непонятному, инородному. Хотя сам Карл вряд ли мог бы признаться в этом даже самому себе.

— Отсчет пошел! — хлестнул по сознанию десантников голос координатора.

Пилот «пакмака» врубил шпуг и бросил связку в атмосферу Венеры.

Суть операции состояла в следующем.

Тадеуш Пацюра строил на Венере, в троговой долине Белый Рог, жилой комплекс. По проекту комплекс представлял собой трехлучевую звезду с двухуровневым техническим обеспечением: нижний этаж — все бытовые и энергетические системы, верхний — собственно жилая зона с центральной парковой зоной отдыха. Комплекс имел три выхода и соответственно три шлюза. Поэтому для блокирования всех выходов и понадобилась модульная связка «пакмака», плюс осевой когг для контроля и управления оперативной группой на месте. А чтобы объект не сбежал через метро, станцию комплекса должны были закрыть другие бойцы обоймы риска.

«Пакмак» преодолел толстую «шубу» венерианской атмосферы за пятьдесят секунд.

На высоте полутора километров над долиной (свое название — Белый Рог — она получила за торчащую почти из середины трехсотметровую скалу, похожую на сероватый буйволиный рог) от связки отделились боковые модули, спикировали к трем торцам лучей комплекса; в данном поясе планеты наступило сумеречное утро, и звезда сооружения отчетливо выделялась на фоне серо-желтых песков и красноватых скал долины. Шестеро спецназовцев Золотько — по два на каждый шлюз — десантировались из модулей, практически невидимые в своих спецкостюмах с включенными системами маскировки, открыли люки, проникли внутрь пятиметровой высоты шлюзов, заняли оборону. Они должны были не пропустить к выходу беглеца в случае, если тому удастся справиться с главными силами отряда.

Осевой когг, несущий пятерку оперативников Александра Золотько, нырнул к блестящему куполу центральной зоны комплекса, выстрелил очередью «призраков», сел на купол. Десантники мгновенно развернули фильтр-переходник, плотно севший на купол, пробили крышу залпом из «глюков» и просочились под потолок зоны отдыха, представлявшей собой искусно смоделированный «под канадский пейзаж» уголок земной природы. В пробитую брешь вслед за десантом протиснулся сначала командир группы Золотько-младший, а за ним Золотько-старший.

— Мы внутри! — доложил Александр координатору. — Идем дальше.

— Объект находится в диспетчерской стройки, — ото-

звался координатор, управляющий отрядом с борта спейсера «Витязь»; спейсер дрейфовал над облаками Венеры, а его аппаратура позволяла руководителям контролировать весь ход операции и видеть все, что делали десантники.

— Вперед! — скомандовал Александр.

Пятерка «призраков» устремилась к развернутой в зоне отдыха, на берегу ручья, палатке диспетчерской, из которой Тадуеш Пацюра осуществлял общее руководство стройкой. Рабочий день здесь не прекращался никогда, бригады строителей и монтажников сменяли одна другую непрерывно, и на территории комплекса царил деловая суматоха: в разных направлениях проносились кибермеханизмы различного назначения, легкие аппараты стыковщиков, строители в желто-синих комбинезонах. Если кто-нибудь из них и обратил внимание на мерцающие струи воздуха — там, где пролетали десантники в «хамелеонах», вряд ли мог догадаться, что это означает.

Возле блестящего куба диспетчерской стояли два многоруких механизма и флайт с зеленой полосой и эмблемой космостроителей: лента Мёбиуса с гаечным ключом поперек.

— Странно... — вполголоса заметил один из оперативников, опытный и немногословный Людвиг Бенкендорф. — Где охрана? Почему никто не реагирует на наше проникновение?

— Стоп драйву! — отреагировал Александр.

— Ерунда, — вмешался Золотько-старший, — они просто не ожидали нашего появления. Продолжаем движение!

— Но, отец...

— Вперед, я сказал! Теряем время!

Отряд снова устремился к палатке диспетчерской, взял ее в кольцо. Десантники нейтрализовали дверь. Отец и сын Золотько ворвались внутрь вместе с Бенкендорфом, выключили системы маскировки.

— Всем — не двигаться! Эмканы снять! Малейшее неповиновение — открываем огонь на поражение!

Трое операторов диспетчерской, работавших с мониторами разных уровней стройки, разом развернули кокон-кресла управления. И Карл Золотько, холодея, понял, что их подставили!

На него смотрели не только глаза операторов, но и турели компьютерных систем наведения, управляющих анниги-

ляторами «шукра» и «универсалами»! Но самое главное — Тадеуш Пацюра (а он действительно находился на своем рабочем месте) не только не удивился появлению гостей, но и тоже целился в десантников из двух стволов, принадлежащих мощнейшим из существующих видов оружия — «глюкам», «раздирателям кварков».

Включилась быстродействующая система связи «спрута», объединяющая всех задействованных в операции людей:

- Внимание! На горизонте — корабли противника!
- Тревога! Комплекс просматривается спецаппаратурой!
- Метро заблокировать не удалось!
- Засада!
- Связь с группой потеряна!
- Долина в зоне блэкаута!
- Отбой прикрытие!
- Карл, возвращайтесь! Это ловушка!
- Всем императив «свернутая змея»!
- Отбой операции!
- Отход по «трем нулям»!
- Объявляю боевой выход! Всем — отступление! «Свернутая змея»! Всем — «змея»!

И лишь после этого раздался насмешливый, нарочито добродушный и любезный голос главного виновника «торжества», Тадеуша Пацюры:

— Как я рад вас видеть, панове! А где же пан Джума? Пан советник Ромашин? Неужели они побрезговали встречей со мной? А я так надеялся на randevu.

«Уходите! — перешел на мента-диапазон Карл. — Я их задержу!»

«Нет!» — отозвался Александр.

«Я приказываю!»

«Отец!»

«Я п р и к а з ы в а ю!»

— Что же вы остановились? — продолжал тем же тоном вислоносый, флегматичный с виду, обладающий пышными «козацкими» усами Пацюра. — Проходите, не стесняйтесь, будьте как дома. Однако не вздумайте стрелять! Начнете — от вас только подметки останутся!

— Сдаюсь! — проговорил Карл Золотько, поднимая руки, и сделал вперед три шага. — Ты выиграл, Тадеуш, паскуда! Один вопрос. Можно?

— Ну разумеется, пан генерал, — осклабился интра-сенс. — Но сначала отключи «защитника», я плохо тебя слышу.

— Сначала вопрос. Нас ведь подставили, не так ли? А это значит, что ты не один «крот» в системе?

— Угадай с двух раз.

— Не один. Кто еще?

— Это второй вопрос, пан Золотько, причем вопрос нескромный.

— Мы в твоих руках, так что мог бы и удовлетворить мое любопытство.

— Чтобы вы успели передать своим парням имя моего агента?

— Вы же закрыли долину зоной неслухи.

— Хорошо, так и быть, для тебя, Карл, все, что ты хочешь. Все равно вам отсюда не уйти. Вам следовало бы отпустить Милослава Торопова. Его сын поклялся отомстить, а у него хорошие связи в верхах и много приятелей, в том числе — среди ваших парней.

— Ларс Ольсен...

— Догадался, генерал, поздравляю. Итак, панове, предлагаю начать помаленьку разоружаться.

«Уходите! — послал мысль Карл Золотько. — Достаньте Ольсена!»

Это была его последняя мысль.

В следующее мгновение раздался взрыв. Начальник службы безопасности Сопротивления взорвал сам себя, активировав личный аннигилятор.

Взрыв был направленным, и ударная волна и огненные струи полетели не во все стороны, а по направлению к линии мониторов и креслам операторов стройки, которых заменили оперы засады.

— Назад! — выдохнул Александр, ослепший больше не от вспышки, а от сердечной боли.

Его схватили под руки подчиненные, понимая состояние командира, но он вырвался, полоснул по коконам трассой антипротонов, пробивая палатку очередью микровзрывов насквозь.

Десантники, воспользовавшись начавшейся суматохой, метнулись сквозь облако дыма и обломков к потолку сооружения, расстреляли по пути многоруких киберов, которые

попытались открыть стрельбу. Три флайта с обоймами спецназа Службы, появившиеся как из-под земли, тоже попытались остановить десантников, но были сбиты.

Бойцам Сопротивления оставалось только выбраться наружу через десантный шлюз и запрыгнуть в когг, счет пошел на секунды, и в это время...

— Шумовой выхлоп! — скомандовал капитан «Витязя»; в случае непредвиденных осложнений было предусмотрено нанесение подкритического энергетического удара по долине Белый Рог, который не мог разрушить стоящие там сооружения, но мог отвлечь преследователей и внести сумятицу в их ряды.

— О'кей! — ответил драйвер-прима спейсера Ларс Ольсен.

«Витязь» выстрелил.

И долина Белый Рог вместе со строящимся комплексом и домиками научной станции неподалеку превратились в море сплошного жемчужного огня!

Подчиняясь воле пилота, инк спейсера «вложил» в импульс такую мощь, которой хватило бы на уничтожение астероида диаметром в полсотни километров!

* * *

— Как это случилось?! — процедил сквозь зубы бледный от ярости Баренц.

Джума Хан, тоже бледный, но от горя и отчаяния, отвел глаза.

— Меня там не было. Но, судя по всему, от энергоимпульса спейсера взорвалась батарея МК. От жилого комплекса, монтажного агрегата, двух исследовательских станций и платформы для приема больших грузоматов не осталось ничего.

— Карл?

— Погиб.

Баренц сжал губы в одну линию, крутанул желваки, медленно выдохнул воздух.

— Саша?

— Погибла вся оперативная обойма.

На этот раз пауза длилась дольше.

— Послали туда экспертов?

— В составе аварийщиков-спасателей из следственной бригады есть наши люди. Результатов пока нет. Но одно известно точно: Тадеуш Пацюра тоже погиб.

В кабинет Баренца бесшумно вошел Железовский, окинул его обитателей темным взглядом. За ним бочком протиснулся Герхард Маттер, тщательно выбритый, без бородки и бакенбардов.

Баренц посмотрел на них, прищурясь, будто не узнавая, пожевал губами. Косо глянул на Джуму:

— Твое мнение?

— Операция была просчитана хорошо. Но Пацюра сумел разгадать наш замысел и подготовил засаду. Я понимаю, почему Карл решил командовать захватом лично, но считаю, что провал операции на его совести.

— Он был хорошим специалистом.

— Этого мало для такой области ответственности, как служба безопасности, — пробурчал Железовский, осматриваясь, сел на небольшой диванчик. — Специалист — это человек, который избегает небольших ошибок, неизбежно двигаясь к более крупному промаху. Карл, к сожалению, из таких людей. Ему надо было уйти в отставку давно. Однако мы тут с Герхардом кое-что проанализировали и получили любопытный результат.

— Мне показалось странным, — смущенно почесал макушку Маттер, — что инк спейсера сразу после выстрела сошел с ума. Пилотам с трудом удалось загнать машину в док.

— По-моему, это просто совпадение, — пожал плечами Джума. — «Витязь» вышел из капремонта, ему поменяли всю электронику...

— Я тихонько покопался в «железе», — Маттер снова почесал череп, — вместе со спецами ремонтной обоймы, и обнаружил следы фрейма...

— Следы чего?

— Энергоинформационного воздействия. Инк сожгли намеренно, причем очень хитро и тонко. Он получил два взаимоисключающих друг друга приказа и одновременно шумовой пси-удар, который фрустрировал его сознание. Он и не выдержал.

Джума и Баренц переглянулись.

— Ты уверен?

— Я почти не ошибаюсь, — с достоинством произнес

ксенопсихолог. — Вот Аристарх свидетель. Мало того, взрыв МК в долине Белый Рог должен был бы иметь другие характеристики. Да и не взрываются микролы, как обычные бомбы и мины, с бухты-барахты. Нам намеренно вешают лапшу на уши о «плохой настройке инка» и о взрыве батареи МК.

— Кто?

— Это вам решать.

— И последнее, — добавил Железовский, сцепив пальцы на груди и глядя на собеседников снизу вверх. — Драйвер-прима «Витязя», Ларс Ольсен, по моим данным, является близким другом Леона Торопова.

В воздухе повисла тишина.

— Ты хочешь сказать... — начал Баренц.

— Савва, это жертва, — перебил его Маттер. — «Кротов» было двое: Пацюра и Ольсен. Служба пожертвовала одним, чтобы отвести подозрение от другого.

— Ничего себе жертва! — невольно качнул головой Джума. — Погибло сорок шесть человек!

— Ольсену ничего не оставалось делать. Он дал полный выхлоп и фрустрировал операционную сферу инка, чтобы никто не догадался, что же произошло на самом деле.

— Такое способен вытворить не каждый интрасенс. Я имею в виду — сжечь хорошо защищенный компьютер.

— Мы проглядели Ольсена. Это еще хорошо, что он попал к нам недавно, иначе натворил бы дел.

— Все ваши догадки надо проверить, — сказал Баренц. — Можем мы попросить Клима сделать это?

— Во-первых, это не догадки, а расчеты, — возразил Маттер. — Во-вторых, настоящий Мальгин уже рванул куда-то за пределы нашего метagalактического домена.

— Что значит — настоящий? И что значит — рванул, если он сейчас на Ван-Бисбруке, насколько мне известно?

— На Ван-Бисбруке не полный Мальгин, — прогудел Железовский, продолжая сидеть в расслабленной позе. — Проекция, или, если хотите, аватара, настоящего Мальгина. Вспомните Майкла Лондона. Двадцать с лишним лет назад, вернувшись из странствий, он оставил жить с семьей свою копию, ничем не отличимую от оригинала. Клим поступил точно так же.

Баренц исподлобья посмотрел на математика.

— Ты... уверен?

— Я знаю. Клим перед уходом предупредил меня об этом. Но больше никто не должен знать, особенно Купава.

— Ясное дело, — хмыкнул Джума. — Ай да Клим, ай да хирург, ай да сукин сын!

— Маг, одним словом, — ухмыльнулся Маттер. — Я тоже могу создать двойника, но, к сожалению, идиота. Заменить меня он не сможет.

— В таком случае все наши планы под угрозой, — сказал Баренц, сделав круг по кабинету. — Надо что-то делать, и немедленно, пока Ольсен не подозревает о том, что его вычислили.

— У меня есть идея, — сказал Железовский. — Надо уметь дать утечку информации о каком-либо важном событии, к примеру, о строительстве новой базы... кстати, мы и в самом деле собирались соорудить схрон на Голубой, в системе гаммы Льва. Пусть об этом узнает Ольсен, и если после этого в системе Льва появятся разведчики Службы...

— Мы возьмем этого мерзавца за жабры! — сжал кулаки Джума. — Хотя, если честно, я не понимаю, почему интрасенсы переходят на сторону Ордена. Мы же за них боремся, за их права, за их свободу.

— Все мы дети одного отца, — угрюмо скривил губы Железовский. — Что нормалы, что ненормалы.

— Ты кого имеешь в виду? — удивился Джума.

— Эго, — ответил человек-гора.

ГЛАВА 5

ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Эта странная война длилась уже третий день. Над Землей появлялась очередная тройка или двойка черных «драконов», Дар и Дарья активировали корабль-нож, нападали на корабли Мантоптеров, сбивали один-два, заставляя вызывать подкрепление и, пользуясь преимуществом в скорости, прятались, свертывали свое грозное оружие.

«Драконы» уютжили горные страны и леса в поисках наглых поединщиков, разносили в прах попадавшие на пути селения, не обходили стороной и города, открывая огонь по случайно подвернувшемуся аппаратам горожан. Затем все повторялось.

В некоторых крупных городах еще функционировали транспортные инспекции и службы общественной безопасности, которые на свой страх и риск поднимали в воздух перехватчики, чтобы отогнать жуткие творения богомоллов. А однажды Дар и Дарья стали свидетелями схватки поднятого на перехват чужаков спейсера и двух «драконов». Спейсер — одна из последних космических машин пограничников — достойно встретил противника и даже сбил одного из черных монстров, но был уничтожен свалившейся сверху второй двойкой «драконов».

Молодые люди не успели прийти ему на помощь, да и силы были слишком неравными.

Община же ушла в леса.

Князь со своими экспертами и старейшинами проводил один совет за другим, но стратегию борьбы с пришельцами выработать не смог. Да ее и не существовало. Для отражения атак черных космолетов необходимо было мощное оружие: лазеры, аннигиляторы, «глюки», стрингеры, зенитно-ракетные системы, на худой конец, — а вот его-то как раз хуторяне и не имели. На Земле середины пятьдесят шестого века войны не велись, и оружие никому не требовалось.

Где-то оно, конечно, хранилось. Люди не стали уничтожать его полностью, оставив «на всякий случай», про запас. Случай подвернулся, но те, кто прятал и знал, где хранятся масштабные системы вооружений, давно умерли.

Князь разослал по городам всех чистодеев, которые через уцелевшие компьютерные сети могли бы выявить координаты арсеналов бывших специальных и военных организаций. Но пока толку от этого было мало. Если арсеналы и находились, оружия, способного сбивать корабли Мантоптеров, там не было.

На третий день Дару надоело вести с «драконами» партизанскую войну.

— У меня есть идея, — сказал он, когда бой закончился и «драконы» отступили.

— У меня тоже, — отозвалась Дарья.

Они высунулись из пилотских ячеек, посмотрели друг на друга.

Жена выглядела утомленной, лицо ее осунулось, и Дар с раскаянием подумал, что напрасно заставляет ее участвовать в боевых действиях. Впрочем, объективности ради

стоило признаться, что он ее не заставлял, она сама изъявляла желание быть рядом с ним, и все-таки стоило поберечь Дашу, готовящуюся стать матерью.

— Какая?

— А у тебя?

— Я первый спросил.

— Хорошо, отвечу. Почему бы нам не научить Шершня прятаться?

— Это как?

— «Осиный» корабль способен вырастить внутри себя любую необходимую техническую систему, так? Давай найдем описание режима «инкогнито», наверняка в базах данных спецслужб таковое имеется, а Шершень создаст систему маскировки. Представляешь, насколько эффективнее мы сможем действовать?

Дар подумал, оценивая предложение, кивнул:

— Хорошая идея, попробуем.

— Теперь твоя.

— Помнишь, мы разминировали Плесецкую черноболь?

— Как не помнить? Полгода не прошло.

— Там лежит в бункере древний стрингер...

— Таймфаг.

— Неважно, суть одна и та же: этот монстр вполне работоспособен и может сворачивать пространство в «струну».

— Ты гений! — мгновенно поняла мужа Дарья. — Мы вяжемся в бой, заманим «драконов» на Плесецкую пустошь...

— И врубим таймфаг!

— Я тебя люблю! — Дарья выскочила из ячеи, поцеловала Дара и спряталась обратно. — Когда начнем?

— Не когда, а с чего. Сначала апробируем твою мысль. Полетели.

— Куда?

— Крупных городов, где еще работает Сеть, много, но я предлагаю Волград, столицу России.

— Разве у вас столица не Москва?

— Наша столица — хутор Жуков, — усмехнулся Дар. — Да и тот сожжен отеллоидами. А столицей России вот уже более тысячи лет является Волград. Раньше его называли Волгоградом и Сталинградом.

— Еще раньше его называли Царицыном. Надо же, как

интересно! В наше время поговаривали о переносе столицы, сначала в Питер, потом в Екатеринбург, но я не думала, что эта идея осуществится.

— Ну, так что, полетели туда?

— Мне все равно.

Дар отдал мысленный приказ Шершню, и корабль-нож понесся на юго-запад, туда, где текла многие тысячи лет великая русская река Волга.

Конечно, молодые люди не только воевали, защищая воздушные рубежи Светоруси. Они помогали хуторянам заново отстраивать разрушенные терема, добывать необходимые материалы, запасы пищи, машины, оборудование. Дарья часто оставалась ухаживать за детьми погибших общинников, Дар участвовал в патрулировании границ поселений вместе с дружинниками, помогал отцу искать в лесах новые укромные территории, где можно было спрятать стариков, детей и женщин, не принимавших участия в войне с агрессорами.

Они часто беседовали, оставаясь наедине, учились друг у друга владеть телом и физическими полями. Дарья с удивлением убедилась в том, что ее муж способен создавать двойников, чего она делать не умела, и свободно разговаривает с птицами и зверями и даже с лесными массивами. Дар также не без удивления узнал, что во времена Дарьи — две тысячи триста сороковые годы — не все люди бездумно тратили свободное время на удовлетворение физиологических потребностей. Многие занимались творческой работой и достигали вершин искусства в таких делах, которые современникам Дара и ему самому казались экзотической нелепицей.

— Например? — спросил он однажды.

— Да хоть миллион примеров, — ответила девушка. — У нас давно развито конструирование ландшафтов как вид искусства. Особенно на других планетах. Многие занимаются виртуальным моделированием, выращивают споры жизни, приспособленные к самым жутким условиям, разрабатывают автономные исполнительные механизмы типа подносителей бокалов и зубных чистильщиков. Одно время было модно создавать киборгов, не отличимых от людей. Их называли почему-то азимоидами. Затем стали создавать фоксы — функционально ориентированные квазиживые механоорганизмы.

— Об этом я читал и видео смотрел. В городах и сейчас можно встретить занятого своими делами фокса. А как еще развлекались твои земляки?

— Большинство, к сожалению, ушло в избранные виртуальные миры Сети. Но мой дядя по маминой линии, например, с удовольствием занимается оптимизацией человеческого генома. Хочет создать такой ген, который отвечал бы за рост у человека крыльев.

Дар засмеялся.

— Он хочет создать ангелов?

Улыбнулась и Дарья.

— Он всю жизнь мечтал летать как птица, вот и стал генетиком.

— Уж лучше бы он сконструировал ген, который создавал бы у человека антигравитатор.

— По-моему, этим тоже занимаются, причем в серьезных лабораториях. Только вряд ли в результате таких экспериментов удастся сохранить в человеке человеческое.

— Другое дело мы, интрасенсы, — поддакнул Дар. — У нас все по природе, естественно и гармонично.

— Не ерничай! — рассердилась Дарья. — Не то будешь спать один!

— Не буду! — испугался он, поднимая руки. — Ну, а театры у вас работают?

— И театры, и синерамы, и грезирь, многие тратят на их посещение всю свою жизнь, ничем больше не занимаются. Спортом тоже увлекаются. В общем, жизнь кипит.

— Да, — погрустнел он, — кипит. А кончается все полнейшим равнодушием. Как ты думаешь, кто в этом виноват?

— Природа, — вздохнула Дарья. — Наш врожденный эгоизм.

— Ты не такая!

— Да и ты тоже, — рассмеялась она, протягивая к мужу руки...

Волград вырос на горизонте зубчатыми громадами правильных геометрических очертаний.

Корабль-нож обогнул его с севера, медленно опустился к подножию гигантского — километровой высоты — памятника Героям-Защитникам Отечества.

— С чего начнем? — деловито поинтересовалась девушка, разглядывая сверкающую полированным металлом, не

тускнеющую от времени и непогоды фигуру женщины с мечом в руке.

— Здесь полно научно-технических центров и учебных заведений. Я начал бы с Федерального университета.

— Как скажете, мой повелитель.

Дар улыбнулся, зная, что жена в любой момент может изменить мнение и поступить по-своему. Натура у нее была упрямая, свободолюбивая и решительная. Правда, и ему решительности было не занимать.

Они посадили «осиный» корабль между «утесами» городских зданий, превратили его в нож и двинулись к парусообразному сооружению Университета.

Никто не препятствовал молодой паре проникнуть в здание, в котором еще функционировали системы жизнеобеспечения, добраться до зала операционного контроля и подключиться к главному инку учебного заведения. Остальное было делом техники. За время учебы и работы чистодеем Дар научился легко подсоединяться к любой компьютерной сети без периферийных устройств, напрямую, и взламывать ее защиту. Не стал исключением и контакт с Большим Умником Федерального университета. Посопротивлявшись для приличия, обрадованный возможностью пообщаться с гостями, инк сдался и выдал всю информацию, какую только имел в базе данных по интересующей людей проблеме. Мало того, он по собственной инициативе связался с инками других научных центров и добавил то, что ему переслали коллеги.

Дар создал VIP-зону с выводом изображения на сетчатку глаза — для просмотра документации, пролистал полученные видеозаписи и остался доволен. Искать другие источники информации не стоило. У них имелось все, что требовалось для объяснения принципов работы систем маскировки и их создания.

Поблагодарив инка Университета, который пытался задержать нежданных посетителей разговорами, — последние собеседники разговаривали с ним более сорока лет назад! — и пообещав ему как-нибудь забежать «на чай», молодые люди снова развернули свой «крейсер индивидуального пользования» и передали Шершню всю добытую информацию о режимах «инкогнито» и «хамелеон». Инк «осинового» корабля выразил готовность служить пилотам верой и правдой, однако далеко не сразу уяснил, чего они хотят. В конце кон-

цов лишь после долгих переговоров и объяснений он понял идею и приступил к ее реализации.

Процесс длился два с лишним часа.

За это время Дар со спутницей успели позавтракать и встретиться с князем на окраине Ветмянских болот, где хуторяне создали временный лагерь. Выслушав планы сына и невестки, Бояр Железвич не стал их отговаривать от рискованного мероприятия. Во имя сохранения общины можно и нужно было рисковать жизнью сына и своей собственной.

Шершень со своей задачей справился. Все-таки корабль Галиктов был высокоинтеллектуальным искусственным техноорганизмом с огромной степенью живучести и адаптации к любым природным условиям. Неизвестно, какой именно принцип он использовал для создания системы маскировки — голографический, «чернотельный», основанный на поглощении всех видов электромагнитного излучения, или принцип «фазирования вакуума». Результат был налицо: система заработала!

Прямо на глазах изумленных сородичей Дара и князя гигантский корабль по команде чистодея вдруг потерял плотность и исчез! Словно стал абсолютно прозрачным.

— Да! — с чувством сказал Железвич-старший. — Впечатляет! Молодцы, ребята! Надеюсь, у вас получится устроить ловушку этим черным мерзавцам!

— Тревога! — раздался в наушниках раций всех присутствующих голос сторожа. — «Драконы» на горизонте!

— Легки на помине! — рассмеялась Дарья с нервной дрожью в голосе. — Вот сейчас и устроим испытания «инкогнито». Будет им сюрприз!

Дар внимательно посмотрел на нее.

— Может быть, останешься? Я справлюсь.

— Ни за что!

— Тогда седлаем коня.

— Ни пуха! — обнял сына и невестку князь.

— К черту! — дружно ответили оба.

Скрылись в появившемся на миг и тут же ставшим невидимым корабле. Волна холодного воздуха пригнула траву, кусты, шатнула людей. Корабль стартовал.

— До сих пор не понимаю, — призналась Дарья, проворно залезая в свою пилотскую ячейку, — почему наш спейсер

имеет форму ножа. Ведь Галикты вряд ли пользовались ножами в обиходе.

— Ты ошибаешься, — авторитетно заявил Дар, устраиваясь.

— Почему? — удивилась девушка, высовывая голову.

— Потому что наш летак имеет другую форму.

— Издеваешься?

— Ничуть. Меня тоже интересовало, почему летак имеет форму ножа, если его уменьшить с сохранением всех пропорций. А потом я поймал в лесу осу и понял, в чем дело.

— В чем?

— Тебя осы не жалили?

— Нет.

— Если бы жалили, ты сразу бы все поняла. Корабль имеет форму жала.

Дарья открыла рот, ошеломленная открытием.

— Боже мой! А я-то думала... ну, конечно! Это жало осы!

— Только слегка видоизмененное. Точнее, корабль имеет форму жала Галикта, все же немного отличающегося от наших ос. Ну, готова? Пора начинать охоту.

— Поехали, — очнулась Дарья.

Корабль устремился к появившейся над облаками тройке черных «драконов», рышущих в поисках противника.

Неизвестно, кто ими командовал и чего добивался, уничтожая поселения людей в европейской зоне материка, где располагалась община Светорусь. Однако в данный момент это мало интересовало защитников общины. Для них появление агрессоров, открывающих огонь по любому движущемуся объекту, было абсолютным з л о м.

«Драконы» снизились над лесом, вонзили в него извилистые реки зелено-фиолетового огня.

Дар почувствовал чей-то далекий ментальный к р и к: погиб человек!

— Они снова кого-то убили! — прошептала Дарья.

Корабль-нож (точнее, корабль- жало) прыжком преодолел разделяющее противников расстояние, поднялся выше, — «драконы» его не видели и не отреагировали, — нанес первый прицельный гравитационный удар.

Один из черных монстров клюнул носом, рухнул вниз, вонзился в пологий холм с какой-то древней развалиной на вершине. Он не взорвался, развалил холм на две части: две

волны земли, песка и камней вспухли по обе стороны его вытянутого вперед драконьего рыла.

Та же участь постигла второй крейсер Мантоптеров. Выстрел Шершня вогнал его в болото по самую корму, выглядевшую как шипастый хвост динозавра.

Третий «дракон» перестал поливать электрическим огнем лес, круто развернулся, начал подниматься в небо по спирали, включив все свои системы обнаружения. «Осиный» корабль его команда по-прежнему не видела, но чувствовала и все время маневрировала, пытаясь понять, кто напал на отряд.

— Залп! — азартно крикнула Дарья.

Шершень, не выпускающий из прицельного кольца чужой космолет, несмотря на все его эволюции, выстрелил.

«Копье» минус-гравитационного поля сбило «дракона» с траектории. Он косо пошел вниз, показывая брюхо, попытался выровняться, однако еще один удар сбросил его на землю, воткнул в каменистую плешь недалеко от небольшого — в четыре башни — города. На этот раз выстрел оказался настолько удачным, что защита «дракона» не выдержала. Он смялся в лепешку, теряя «клыки» и «когти» — шипастые наросты на корпусе, а потом взорвался. В небо вонзился тугой огненно-рыжий смерч дыма и обломков корабля.

— Ух ты! — невольно качнул головой Дар. — Хорошо мы ему влепили!

— Пусть знают наших! Давай добьем тех двух, а то они еще дергаются.

Сбитые «драконы» действительно подавали признаки жизни, шевеля «крыльями» и шипастыми хвостами. Запас живучести у них был огромный. Дар никогда в жизни не добивал противника, особенно в случае убедительной победы, однако перед ним был враг, которого не останавливали никакие уговоры и моральные нормы, и оставлять его в живых было нельзя. «Драконы» наверняка вернулись бы после ремонта, как бывало уже не раз.

— Огонь! — скомандовал чистодей.

Шершень выстрелил дважды.

Вылезавший из болота «дракон» мгновенно затонул в хлынувшей после удара в воронку болотной жиже. Жижа еще некоторое время продолжала бурлить, испуская струи

пара, потом постепенно успокоилась. Лишь всплывающие пузыри указывали на место, где лежал черный корабль.

Второй «дракон», потерявший часть обшивки после первого попадания и столкновения с холмом, от второго выстрела превратился в диковинный чертополох, придавивший лес. Он тоже не взорвался, но едва ли был способен взлететь.

— Вот вам, гады! — потрясла кулачком Дарья. — Не сунетесь больше!

Дар мысленно приказал Шершню оглядеться.

«Никого, — доложил через несколько секунд инк «осинового жала». — Горизонт чист».

«Тогда курс на восток, к Плесецкой черноболи. Координаты ты должен помнить, мы там были».

«Слушаюсь!»

— Куда мы теперь? — спросила Дарья.

— Подготовим таймфаг к запуску, пока никто не мешает.

— А может, сразу рванем к Меркурию? Уничтожим базу Мантоптеров?

Дар усмехнулся.

— Тебе надо было родиться мужчиной.

— Обидеть хочешь?

— Нет.

— Ты же видел, как мы легко расправились с эскадрой. Нас никто не увидит. Тихонечко подкроемся поближе и грохнем центр управления. Или ты боишься?

— Мы так и сделаем, — успокоил он боевую подругу. — Но сначала подготовимся на всякий случай к отступлению. Кто знает, что ждет нас на базе.

— Ладно, давай подстрахуемся, — согласилась Дарья.

Корабль-нож разогнался, прыгнул и через минуту вышел точно над центральной пустошью Плесецкой черноболи.

Здесь почти ничего не росло, кроме черно-зеленой травы и низкорослых хвощей. Предки так загадили территорию бывшего космодрома (анализ показал чудовищную концентрацию тяжелых металлов и ядовитых веществ), что она не очистилась даже за три тысячи лет блокады.

Собственно космодром занимал площадь в тысячу квадратных километров, и на нем не сохранилось ни одного оружия. Зато в северной его части высились несколько холмов, в глубинах которых прятались старинные космоле-

ты — от древнейших ракет на химическом топливе до ядерных и антигравитационных, а также музеев космонавтики двадцать третьего века, ангары и склады. Все эти объекты не годились для применения в нынешние времена, так как не подлежали восстановлению. А вот чаша таймфага с острой башенкой антенны хоть и заплывла землей и болотной жижей, казалась вполне работоспособной. Для формирования импульса свертки пространства ей не хватало малости — энергии.

— Ты уверен, что нам удастся запустить эту развалину? — спросила скептически настроенная Дарья, разглядывая изображение прообраза современных стринг-генераторов. Шершень подключил к системе обзора гамма-локатор, и очертания чаши таймфага были хорошо видны под многометровым слоем почвы.

— Попробуем, — ответил Дар, — попытка не пытка. Но, по моим впечатлениям, он в рабочем состоянии. Шершень, сможешь накачать энергией аккумуляторы этого монстра?

«Нужны параметры», — отозвался инк.

— Объект видишь?

«Отчетливо».

— Просчитай его параметры сам, я помогу с видеорядом и дам необходимые пояснения.

«Объект очень стар. Ему много-много... времени. Какова степень необходимости в его изучении?»

— Большая. Это мощное оружие, которого у тебя нет. С его помощью мы отразим атаку большого количества кораблей противника.

«Понял. Начинаю работу».

Работа закончилась через полчаса. Шершень, вооруженный не только знанием военного дела, но и опытом цивилизации Галиктов и огромным количеством сведений об устройстве Вселенной (иначе он не смог бы свободно бороздить просторы космоса), быстро разобрался в устройстве земного таймфага. Затем приступил к накачке его энергоемкостей.

Для этого ему пришлось «нежным» выстрелом снять слой почвы со стороны подвода энергоканала от реактора. Сам реактор давно превратился в конгломерат металлических пластин, песка, ила и земли, поэтому о ремонте речь не шла. А канал сохранился, так как был загерметизирован.

Дар с женой спустились к подножию сооружения, подчистили подходы к бункеру с реактором — с помощью «универсалов», переключив диапазоны стрельбы с лазерных импульсов на ударно-волновые гравитационные «пакеты». Кроме того, пришлось пробиваться к терминалу контроля и управления таймфагом, чтобы оживить его компьютер. К счастью, помещение с вириалом инка не пострадало от времени, будучи специально защищенным и герметически укрытым. Генератор силового поля, конечно, уже не работал, поэтому гости легко проникли внутрь помещения, пробив брешь в его стене с помощью аннигилятора. Опытный в общении с интеллектуальными машинами любых уровней Дар «вдохнул» жизнь в инка, заставил его подчиниться и выдать разрешение на включение устройства в рабочий режим.

Дарья взирала на мужа с любопытством и ревнивым обожанием, так как знала его способности, но хотела при этом заниматься делом сама. И он доверил ей предварительную настройку «струнного формирователя», что не требовало особых усилий. Оживший инк, обрадованный предоставленной свободой и возможностью пожить для того, для чего он был создан, с удовольствием показал женщине объект и сделал контроль функционирования включенных систем. После этого Шершень аккуратно посадил корабль рядом с чашей таймфага, вырастил «хобот» энерговода и подсоединился к трубе канала. Процесс накачки генератора начался.

Однако длился всего тридцать две минуты. На горизонте снова появились «драконы». Двойка черных кораблей сделала разворот над краем Плесецкой пустоши, намереваясь напасть на «осиный» корабль, занятый «высиживанием энергетического яйца». Страха их владельцы не знали, отношение к жизни и смерти у Мантоптеров резко отличалось от человеческого, и надеяться на их благородство или уважение не стоило.

— Включай маскировку, — приказал Дар, выслушав доклад инка о приближении «драконов»; он тоже почувствовал дуновение ветра угрозы, поэтому был готов к плохим известиям. — Потом закончим подкачку.

— Может быть, сейчас и проверим, как он работает? — предложила Дарья.

— Нет, не стоит, — отказался Дар. — Во-первых, это похоже на пальбу из пушки по воробьям. Если уж и применять

таймфаг, то для уничтожения более значимой цели. Во-вторых, он может второй раз не включиться.

— Он может вообще не сработать.

— Может, — согласился Дар. — Поэтому рисковать будем по-крупному. Кому-то придется включать таймфаг, а кому-то пилотировать летак.

— Я буду пилотировать!

— Нет. — Он покачал головой, подумал, снова проговорил: — Нет. Пилотировать буду я. Ты врубишь эту старую царь-пушку по моей команде.

— Почему так? — задиристо вскинулась жена.

— Потому что решаю здесь я! — невозмутимо отрубил он.

— Но я тоже имею право на...

— Дискуссий не будет! Будет так, как я сказал! Шершень, сбей одного хищника, а от второго сбеги. Но так, чтобы он поверил в наше нежелание драться. Затем выходи из атмосферы, подожди гада, чтобы он видел, куда мы направимся, набери скорость и прыгни к Меркурию. Надеюсь, он сообщит на базу о нашем маневре, и нас встретят. После чего мы немножко посражаемся для виду, без включения режима «инкогнито», и рванем обратно к Земле. Но опять же не очень быстро. Пусть погонятся за нами. Мы приведем их сюда и...

— Бац! — воскликнула Дарья.

«Понял! — доложил Шершень; эмоции его создателей вряд ли соответствовали человеческим, даже в малой степени, но пилотам показалось, что в пси-голосе «осинового» инка прозвучала мстительная радость. — Будет сделано, капитан!»

Корабль-нож сделал кульбит, возносясь над скользящими вниз «драконами», и выстрелил...

* * *

База Мантоптеров, как и предполагалось, была расположена недалеко от Солнца, но не на Меркурии — напротив черной дыры эйнсофа, в двух миллионах километров от границ фотосферы земного светила. Чем-то она напоминала «матку» отеллоидов, издали похожую на колючий плод каштана. Только размеры базы разумных богомоллов были на два порядка больше: ее диаметр достигал пятисот километров. Но главной особенностью базы оказалась ее конструкция.

Она была смонтирована... из тысяч одинаковых с виду космических кораблей!

— Рой! — пробормотал Дар.

Это был застывший рой «драконов», подстыкованных друг к другу и образовавших ажурный колючий шар. Он дрейфовал над Солнцем, время от времени выстреливая пары и тройки разведчиков, охотников и «зондер-команд» для уничтожения непокорных землян. Издали шар казался даже красивым и гармоничным, хотя населяли его существа, не отличавшиеся кротким нравом, принципиально не замечавшие в людях равных собеседников.

— Достойная смена отеллоидов, — со смешком заметила Дарья. — Интересно, кого еще привлечет на свою сторону наш главный враг, если мы справимся с Мантоптерами?

— В одиночку не справимся. Видишь, сколько их?

— Надо посоветоваться с отцом. Он подскажет, как отогнать эту кучу насекомых от Солнца.

— Здравая мысль. Как только вернемся, отправишься домой.

Их заметили.

От «кристаллического роя» мантоптерской базы отделилась тройка черных кораблей, ринулась к пришельцу, набирая скорость.

— Шершень, начинаем игру! — сказал Дар, ощущая поднявшееся в душе волнение. — Сделай вид, что атакуешь этот колючий шарик.

— Зачем делать вид? — не поняла Дарья. — Надо атаковать по-настоящему!

Дар хотел возразить, но подумал и согласился:

— Ты права. Атака раззадорит их. Шершень, обойди градителей и нанеси удар по базе.

Корабль-нож устремился навстречу кораблям противника, затем метнулся в сторону, мгновенно меняя курс по перпендикуляру к вектору движения, на полной скорости, и молнии энергетических разрядов — «драконы» дружно сделали залп — прошли мимо. Зато выстрел Шершня оказался точнее. Крайний «дракон», беспомощно кувыряясь, полетел в глубину пространства, пронизанного яростными потоками солнечного света.

«Застывший рой» базы Мантоптеров приблизился. А когда до него оставалась всего пара тысяч километров, он бук-

важно «задымился», вскипел, как настоящий рой рассерженных насекомых, выбросил во все стороны струи черных «мошек». База отреагировала на атаку боевой тревогой, поднимая в космос десятки и сотни кораблей.

— Ух ты, мать честная! — прошептала Дарья. — Зашевелились!

Корабль-нож метнул в «дымящийся» ком базы клинок яркого жемчужного огня. Клинок вонзился в черные ажурные сочленения сооружения, разбился на огненные брызги, прожигающие в корпусах «драконов» рваные дыры. Однако второй такой же выпад не достиг цели. База включила полевую защиту, и энерголуч отразился от невидимой силовой сферы, прянул в космос.

— Уходим! — бросил Дар.

К «осиному» кораблю уже неслась струя черных «мошек», на ходу перестраиваясь в боевой порядок. Засверкали гигантские зелено-фиолетовые молнии, нащупывая космолет с людьми.

Шершень включил особую систему маневра, стохастически изменяющую курс корабля в соответствии с законом случайных чисел. Предвидеть его эволюции и траекторию выхода в определенную точку пространства, чтобы поразить наверняка, стало практически невозможно. Ежесекундно маневрируя, прыгая из стороны в сторону, он бросился наутек.

Огненная бездна Солнца начала удаляться, тускнеть, уменьшаться в размерах. «Драконы» постепенно отстали. По скоростным данным они уступали «осиному» кораблю, что являлось немаловажным преимуществом. И все же их было слишком много — около трех десятков, — чтобы надеяться на победу в открытом бою.

— Притормози, — сказал Дар. — Надо заставить их поверить, что мы выдыхаемся. Пусть увлекутся погоней.

Корабль-нож пересек орбиту Меркурия, оставшегося далеко в стороне, перестал набирать скорость. Рыскнул в одну сторону, в другую, закружился на месте, как раненая лиса. Его настигли, попытались окружить, хлеща пространство молниями разрядов. Некоторые из молний прошли в опасной близости — буквально в десятках метров — от кормы корабля, и пилоты ощутили их злую целеустремленность и мощь.

«Разрешите ответить?» — вежливо поинтересовался Шершень.

— Да! — хором отозвались молодые люди.

Корабль-нож выстрелил дважды. Сначала — «пакетом» минус-гравитационного поля, сбив с траектории ближайшего «дракона», потом — из плазменной пушки. И «дракон», защита которого была повреждена первым ударом, разлетелся на клочья и струи пламени.

Шершень снова включил драйв-режим, нырнул в образовавшуюся в кольце окружения брешь, глотая пространство сумасшедшими темпами. За несколько секунд он отдалился от преследователей почти на миллион километров! Приостановился, как бы издеваясь над ними. Стая «драконов», опешив от неожиданности, потеряла строй, потом «взвыла» — именно такой ощутили реакцию Мантоптеров Дар и Дарья — и ринулась в погоню.

— Шакалы, — засмеялась девушка. — Не привыкли получать отпор. Зато привыкли нападать стаями! Кстати, как ловко Шершень расправился с «драконом»! Сам догадался или ты подсказал?

— Не я, — смущенно признался Дар. — Шершень действовал самостоятельно, без моей подсказки.

— Молодец, Шершень! Умница! Набирается опыта помаленьку. Теперь мы сможем уничтожить «драконов» по одному, а не просто отгонять их от наших границ.

Погоня стаи черных крейсеров за «осиным» кораблем продолжалась еще два часа, пока они не достигли Земли.

Здесь Дар поменял тактику.

— Шершень, включай маскировку и ныряй к Плесецу.

«Выполняю», — ответил инк.

Дар высунулся из пилотской ячеи.

— Даша, пришла твоя очередь. Высаживайся.

Дарья выбралась из своей ячеи, бросилась к выходу из рубки управления, но вернулась, поцеловала мужа в подбородок. Глаза ее горели, на щеках выступил румянец. Конечно, она боялась, несмотря на всю свою решительность, боялась не справиться с задачей, но не показывала виду.

— Жду сигнала! Обещай, что не будешь рисковать без нужды.

— Все будет хорошо.

— Не сомневаюсь.

Она вызвала «осиный» лифт, стремительно доставивший ее к тамбуру внешнего выхода, где дожидался своей минуты скоростной флайт. Открылся люк. Флайт молнией рванул наружу, понесся к чаше таймфага.

На меридиане Плесецкой черноболи царил вечер, но это не мешало ни землянам, ни инку галиктов свободно ориентироваться в пространстве.

— Вверх! — приказал чистодей.

Корабль-нож свечой вонзился в закрытое облаками небо.

— Где они?

«На траверзе Евразии», — доложил Шершень, показывая пилоту расположение отряда мантоптерских крейсеров.

— Покажись им!

Корабль вышел из режима «инкогнито», засверкал обшивкой в солнечных лучах.

Хищная стая повернула к нему...

ГЛАВА 6

КЛАССИФИКАТОР

Герхард Маттер, ученый с мировым именем, родился интрасенсом семьдесят три года назад. Но его экстразапас, превращавший нормального человека в «супера», способного «видеть невидимое и ощущать неосязаемое», раскрылся не в младенческом возрасте, а гораздо позже, когда ему исполнилось сорок шесть лет. Именно поэтому ему были свойственны многие пороки человеческой натуры: лень, высокомерие, равнодушие к собственному физическому облику, склонность к философствованию, упрямство, эгоизм.

С возрастом эти недостатки немного сгладились, Герхард женился, но детьми так и не обзавелся, а неряшливость его стала притчей во языцех. Зато он научился прислушиваться к чужому мнению и терпеть чужое присутствие. А так как он обладал исключительно мощным интеллектом, окружающие многое ему прощали.

Задача, которую поставил перед ним Клим Мальгин, не смутила Герхарда. Он вообще никогда в жизни не пасовал перед проблемами, как житейскими, так и научными. Житейские — обходил или вовсе не принимал во внимание, довольствуясь тем, что у него было. Научные же брался ре-

шать, независимо от степени их сложности и количества авторитетов, которые до него не смогли ничего сделать с данной темой.

Он и раньше с увлечением занимался поисками следов деятельности цивилизаций в космосе, из-за чего и стал ведущим специалистом Института Внеземных Культур. Разработанный им алгоритм позволял с очень высокой степенью достоверности отличать естественные физические процессы от искусственных, инициированных разумными существами.

Это он доказал, что планета Орилоух заселена удивительной формой жизни — «разумными математическими формулами». И он же доказал их связь с черными людьми, не менее удивительными созданиями орилоунов, представляющими собой «квазиживые энергоинформационные аккумуляторы».

Когда Маттер говорил о наличии разумной жизни на всех этажах здания Вселенной: на уровне элементарных частиц, на макроуровне и на сверхмасштабном мегаплане, — он нисколько не преувеличивал и абсолютно не сомневался в своих утверждениях. У него были доказательства. Однако в то время, как его построения были больше теоретическими и основывались на логике взаимосвязей и большом статистическом материале, заявления Мальгина имели другую основу. Клим знал, что жизнь многолика и пронизывает все структурные планы Мироздания. А возможностей проверить это методологическое построение у него было больше.

Тем не менее Маттер с увлечением взялся за решение предложенной задачи, не допуская даже мысли, что может с ней не справиться.

Инк базы на Ван-Бисбруке был не того класса, который требовался для работы такого глобального уровня, и Маттер рискнул вернуться на Землю, заявился в ИВК, демонтировал интерфейс Большого Умника, главного инка Института, и переправил его на Ван-Бисбрук. Такая самостоятельность могла повлечь серьезные последствия для беглецов с Земли, так как позволяла Службе вычислить похитителя и через него выйти на базу. На этот раз все обошлось, но везение — при таком самоуверенном подходе к делу — не могло длиться долго.

Жена Герхарда, сорокавосемилетняя Гертруда, была женщиной тихой и робкой. Она боготворила мужа и принимала

все его суждения и выходки как должное. Она пожурела мужа за рискованное мероприятие, но жаловаться и советовать с его друзьями не стала. Что впоследствии оказалось ошибкой. Но ведь недаром история учит, что женщины, слепо оберегающие любимых, часто становятся причиной их падения и гибели.

Десятого сентября, уединившись в личной каюте базы, Маттер приступил к реализации своего плана.

Для начала он систематизировал все имеющиеся у него данные по проблеме обнаружения БРС — Больших Разумных Систем. Таковых было не так уж и много, однако достаточно для того, чтобы сделать вывод: проблема существует. Проявления деятельности этих систем не наблюдались явно, однако для опытного исследователя они были очевидны.

Маттер разбил Большие Разумные Системы на классы и начал изучать их поведение.

К первому классу, проявлявшемуся на внутригалактическом уровне, он причислил сверхновые звезды, квазары и черные дыры, физика которых оперировала законами многомерных пространств.

Ко второму классу относились устойчивые звездные ансамбли экзотических форм — кубоиды и тороиды. Эти ансамбли занимали промежуточное положение между точечными внутригалактическими объектами и собственно галактиками.

Третий класс составили переходные конструкции — «стринг-коллекторы» и фрактальные звездные ассоциации типа множества Жюлиа, объединявшие галактики в геометрически правильные скопления.

И, наконец, к четвертому классу БРС Маттер отнес так называемые «длинномерные скрытые трещины вакуума» и гигантские ячейки «пустого пространства» — войды, образующие своеобразные «пузыри», стенками которых являлись сверхскопления галактик, которые в свою очередь образовывали сетчатую структуру Вселенной.

Поскольку Мальгин утверждал, что союзниками людей в их борьбе за право существования могут стать любые цивилизации, как человекоподобные, так и негуманоидные, можно было попытаться установить связь с любыми из перечисленных в классификаторе систем. Но Маттер проявил терпение и, прежде чем заняться разработкой алгоритма

контакта с определенной структурой, попытался рассчитать наиболее адекватного союзника.

На это ушло два дня.

На третий день Герхард пришел к выводу, что его сил и возможностей для разработки столь масштабного проекта, как контакт с БРС, не хватит. Да, он был интрасенсом и мог воспринять и переработать внушительный объем информации, но не знал, какой вопрос или предложение могут заинтересовать будущего партнера, особенно если этот партнер решал какие-то свои специфические, далекие от человеческих, проблемы. А существа, подобные человеку, сами находились в подобном положении. Их возможности не позволяли остановить экспансию сил, стоящих за черными дырами, не говоря уже об остановке все убыстрявшегося расширения Вселенной. К тому же все цивилизации биологического цикла, достигшие стадии «технического прогресса», не смогли преодолеть кризиса социального объединения и исчезли задолго до появления человечества на сцене истории. Многие из них стали своего рода детонаторами рождения таких экзотических объектов космоса, как черные дыры и квазары.

Человек, по мере освоения космических пространств, часто сталкивался со следами деятельности «братьев по разуму». Даже в Солнечной системе миллионы лет назад существовали цивилизации — на Марсе и на спутниках Юпитера и Сатурна. Но в галактическом рукаве Ориона, к которому принадлежало и Солнце, цивилизаций гуманоидного типа Дальразведка землян не обнаружила. Зато в местах, где они должны были быть по всем расчетам, находила черные дыры или компактные энергетические источники, объединявшиеся в Систему, которую Клим Мальгин называл Блэкхоул.

На четвертый день Маттер снова сбежал на Землю — для консультаций с коллегами. Он встретился с Рышардом Пачински, теоретиком-универсалистом Пражского научного центра, затем с Джоном Броснаном и Тосиро Миякавой, работавшими в Евроассоциации физических исследований, а также с профессором Института пограничных физических проблем Клодом Барашенковым, который планировал эксперименты с эйнсофом под руководством Ландсберга, бывшего председателя СЭКОНа.

Последняя встреча едва не привела ксенопсихолога к беде. Маттера узнали согладатаи Службы, организовали слеж-

ку, и, если бы не обойма охраны, опекающая ученого без его предупреждения, Герхард был бы захвачен агентами Службы или убит либеро — охотниками за интрасенсами.

Его доставили на базу, ошеломленного быстрой сменой ситуации, пресекли попытки возмутиться и потребовать свободы, проводили в каюту Баренца.

— Что это такое?! — возопил красный от злости Маттер. — Я что, не имею права делать то, что считаю нужным?!

Баренц молча достал из бара бутылку марочного коньяку, поднес ученому стопку.

Тот поперхнулся, изумленно глядя на главу Сопротивления, взял стопку и проглотил коньяк.

— Еще?

— Да... нет! — Маттер сморщился, хотел отшвырнуть стаканчик, но сдержался.

— Что происходит?

— Присаживайтесь, — спокойно указал на кресло Баренц, сел сам. — Конечно, вы имеете право делать то, что считаете необходимым. Но в известных пределах. Во всяком случае, вы должны ставить в известность службу безопасности обо всех своих намерениях, особенно если покидаете базу, иначе мы вас потеряем. А теперь рассказывайте, что вам удалось узнать.

Злость и обида Маттера улетучились.

— Удалось... — пробурчал он, глядя на стакан. — Налейте еще.

Баренц налил, подал вместе с ломтиком лайма.

Маттер сделал глоток, пососал ломтик, окончательно успокоился.

— Хороший коньяк, выдержанный. Не знаете, где Клим?

— По-моему, гуляет с женой по местным буеракам. — Баренц включил систему обзора, и каюту залил густой красный свет звезды Ван-Бисбрука, повисшей над близким горизонтом.

— Я о настоящем Мальгине.

— Он мне не докладывается.

— Жаль, есть что обсудить. Я поискал кое-что в библиотеках и сделал системный анализ потенциалов разума...

— Подождите, Герхард, сейчас придет Ромашин, ему тоже хочется послушать вас.

— А как вам удалось выследить меня и перехватить на Меркурии?

— Вас трудно не заметить. Хорошо еще, что наши люди сделали это раньше охотников Службы.

Маттер допил коньяк, поудобнее устроился в кресле, перехватил взгляд хозяина каюты.

— Устал... и вряд ли я вас обрадую. Как известно, внутри любой малой проблемы сидит большая, которая стремится выбраться оттуда. А уж если речь идет о большой, такой, как проблема инфляционного Разрыва Вселенной... — Маттер махнул рукой.

— Но ведь эта проблема не мешает нам жить, не так ли? Даже если угроза Большого Разрыва реальна, до конца света еще миллиарды лет.

Маттер усмехнулся, привычно вытер рот тыльной стороной ладони.

— Как говорит один мой знакомый: если вы спокойны, а вокруг в панике бегают люди, значит, вы ни хрена не поняли.

Баренц тоже усмехнулся.

— Вполне допускаю.

— Не вы один, — пожал плечами ученый, не смущаясь. — Даже мои коллеги, продвинутые в области космологии и нетрадиционной физики, не в состоянии оценить угрозу. А инфляция между тем нарастает с ускорением, и до Большого Разрыва остается не так уж и много времени. Во всяком случае, не двенадцать миллиардов лет, как нас уверяют академики.

В каюту вошел сосредоточенный Игнат Ромашин, поздоровался с Маттером, сел напротив.

— Ты понимаешь, что своими походами на Землю рискуешь «засветить» базу?

— Он уже осознал, — кивнул Баренц. — Обещает преудпреждать охрану.

— Дай-то бог! Итак, что мы имеем?

— Мы имеем вмороженный в Мироздание системный алгоритм, — ухмыльнулся Маттер, — в котором человечеству отводится роль второго плана, роль спускового механизма рождения черной дыры. Поэтому вряд ли нам удастся что-либо изменить в сценарии Вершителей, которые и разработали алгоритм.

— По-моему, Клим говорил о создании системы, равной

по возможностям системе черных дыр. Только тогда мы сможем противопоставить черной силе Блэкхоул силу светлую, сохраняющую жизнь в Галактике.

— Вы не понимаете! Не надо никому ничего противопоставлять, не надо ни с кем воевать! Система Блэкхоул — это за в т р а ш н и й день разума! Это наша смена! Мы и другие действующие ныне лица: отеллоиды, черные люди, мантоптеры, не знаю, кто еще, — суть и с п о л н и т е л и алгоритма смены жизни. Вот и все!

Баренц и Ромашин переглянулись.

— Хорошо, допустим, — сказал Игнат, сплетя пальцы рук на колене. — Мы чего-то не понимаем. Но хотим понять. А главное — хотим спасти цивилизацию такой, какая она есть. Вселенная полна других звезд, которые можно превращать в черные дыры. Пусть наше солнышко останется прежним, дающим свет и жизнь таким, как мы.

— Сказать, что Вселенная — это всего лишь набор звезд, все равно что сказать, будто человек — это всего-навсего набор молекул. Все намного сложнее.

— Согласен. Однако давай по порядку, Герхард. Что заставило тебя покинуть базу и встречаться с коллегами, несмотря на критическое положение всей нашей организации?

— Нужно было проконсультироваться.

— Давай договоримся: впредь, если тебе понадобятся специалисты для консультаций, говори нам — кто именно, и мы будем доставлять их сюда.

— Хорошо, договорились. Возможно, мне и в самом деле в скором времени опять понадобится кто-нибудь из особо закрытых спецов. Кстати, контакт с Барашенковым высветил любопытные вещи. Команда Ландсберга получила доступ к арсеналам Европейского военного консорциума и запускает теперь в эйнсоф вместо МК сверхмощные вакуумные бомбы. При их попадании в эйнсоф отмечаются интересные эффекты. А главное, при каждом взрыве эйнсоф как бы подпрыгивает в космос и удаляется от Меркурия по направлению к Солнцу.

Баренц и Ромашин снова переглянулись.

— Ты можешь объяснить, что происходит?

— Пока нет, нужны дополнительные данные. Мне вообще не хватает информации по многим вопросам, а связи с

земной Сетью, откуда я мог бы эту информацию скачать, нет.

— Будет тебе связь. Инконики подсуеются и сделают секретную линию. Рассказывай, что еще тебе удалось выяснить.

— Я уже говорил, я не бог, — возмутился Маттер, — и даже не Клим Мальгин. Единственное, чего я добился, это составил схему взаимодействий БРС между собой и их влияния на космос. Самые интересные в этом смысле структуры — конечно, кубоиды и войды.

— Начни с микромира. Ты ведь утверждал, что и на этом уровне можно найти союзников.

— Микромир нам уже недоступен.

— Я был уверен в этом с самого начала, — пожал плечами Ромашин.

— В таком случае Клим ошибся, — скривил губы Маттер, — предложив мне заниматься этой проблемой. А то все умные, а я погулять вышел.

— Спокойно, Герхард, — нахмурился Баренц. — Вас никто не хочет обидеть. Но видение ситуации у нас разное. Почему нам не доступен микромир?

— Потому что этап генерации разума во Вселенной на уровне элементарных частиц давно прошел. Проторазумники — я назвал их протеями — начали обустривать свою жизнь в те времена, когда возраст Вселенной исчислялся всего лишь десятками секунд. Они подогнали кое-какие физические константы для многократного усложнения форм материи, создали суперстринговую связь, обеспечили преемственность форм движения материи — то, что мы сейчас называем временем.

— Ты так уверенно говоришь, будто протеи сами тебе во всем признались, — пошутил Ромашин.

— Пойдемте ко мне, — предложил Маттер, — я покажу расчеты, выкладки и схемы взаимодействий.

— Мы вам верим, — успокоил ксенопсихолога Баренц, недовольно посмотрев на заместителя. — Продолжайте.

Маттер пожевал губами, глянул на собеседников с сомнением, будто оценивая их интеллектуальные возможности, но решил не обижаться.

— По мере расширения первичного кокона Вселенной суперстринговая связь теряла устойчивость, рвалась, почти

все «струны» скомпактифицировались. Остались самые стабильные, реликтовые, разместившиеся по границам гигантских ячеек — войдов. Они объединились в волокна и образовали теперь то, что я называю стринг-фракталами. Очень красивые фигуры, между прочим. Давайте я все-таки принесу ролик, — сделал еще одну попытку показать результаты работы Маттер.

— Герхард, мы знаем... — начал Ромашин.

— Несите, — сказал Баренц.

Ксенопсихолог бросился из каюты, воодушевленный соглашением начальства.

— Потерпи, — недовольно посмотрел на Игната глава Сопротивления, — иначе он не закончит. К тому же мне интересно, что он покажет.

— Это плод его фантазии.

— Ну не скажи. Мальгина ведь ты не станешь называть фантазером? А он тоже рассказывал поразительные истории.

— Ты веришь в «разум» электронов?

— Я верю в то, что все наше многоэтажное Мироздание пронизано жизнью, в том числе разумной. Одно лишь непонятно: почему разные типы разума не уживаются вместе? Почему конфликтуют?

— Это еще надо доказать. По-моему, только люди способны конфликтовать со всеми в силу своей нетерпимости к инакомыслящим и инакоживущим. Фактов подобного антагонизма между иными цивилизациями у нас нет.

— Мальгин утверждал, что Мантоптеры когда-то воевали с Галиктами.

— Разве что. Хотя и это требует доказательств.

Вернулся Маттер, всунул в гнездо вириала иглу компакта.

Пейзаж Ван-Бисбрука побледнел, исчез, на миг стены каюты вернули изначальную плотность и цвет, но тут же превратились в слой тумана и растаяли. Каюту объяла глубокая темнота космоса, пронизанная вуалью галактических скоплений, которые и образовывали сетчато-ячеистую структуру Вселенной.

— Вот, демонстрирую, — прозвучал голос Маттера.

Одна из крохотных световых паутинок ринулась на зрителей, превращаясь в шерстинку, в мохнатую веточку, в перо жар-птицы и, наконец, в удивительной красоты сложную

геометрическую фигуру, каждая искорка которой представляла собой не звезду, а целую галактику.

— Фрактал Мандельброта в наглядном изображении, — важно проговорил Маттер. — Структурирован с шагом ноль шестьсот восемнадцать, то есть соотношением Фибоначчи, или так называемой пропорцией золотого сечения. Вблизи границ областей возникает конкуренция за обладание приграничным пространством, переход от хаоса к порядку. Это самые старые структуры Мироздания, скорее всего отмирающие, им по тринадцать с половиной миллиардов лет. А на смену им идут вот такие образования.

Сетчатая картина галактических скоплений и «фрактал Мандельброта» исчезли, на их месте возникли две фигуры, сотканые из множества мигающих звездочек: куб и бублик.

— Кубоид Мазилла-1, ближайший к Солнцу. Открыт еще в двадцатом веке. Тороид Перстень Невесты, галактическое скопление Волосы Вероники. Роль тороидов в процессе структуризации пространства мне еще непонятна, а вот кубоиды — вакуумные стабилизаторы, это очевидно. Вблизи них градиент давления «темной энергии» на четыре порядка ниже, что соответственно сказывается и на темпах расширения пространства в этом районе. Вообще же скорость расширения континуума в местах расположения кубоидов равна нулю.

— Так велика их гравитация?

— Звезды в кубоиде удерживает не гравитация, некая сила, которую я предлагаю назвать «белой энергией», влияющей на темпы расширения Вселенной. Но кубоидов пока мало, я насчитал их всего три сотни, поэтому общий эффект их влияния на инфляционное разбегание несущественен.

— Но ведь и системы Блэкхоул пытаются делать то же самое? — хмыкнул Баренц.

— Да, верно, однако уровень их влияния гораздо скромнее и не распространяется за границы галактик. К тому же их благие намерения основываются на странной логике, не считающейся с позицией других разумных структур.

— Почему?

— Не знаю.

— Ты же ксенопсихолог.

— Я не получал «черное знание», как Шаламов и Клим. Вот когда кто-нибудь из них соизволит дать мне полный ин-

тенсионал по данной проблеме, я смогу ответить на все ваши вопросы.

— Хорошо, мы поняли, — подвел итог беседе Баренц. — Что вы предлагаете для решения задачи?

— Вряд ли мы достучимся до хозяев таких структур, как кубоиды, тороиды, стринг-фракталы, войды, системы градаций плотности вакуума, рассредоточенных в пространстве определенным образом. Не наш уровень. Другое дело — близкие нам по энергетике и психике биоценозы: плазмойды на поверхности звезд, биосистемы типа планет, устойчивые конфигурации полей и частиц, образующие разумные аттракторы размером с планетарные системы типа Солнечной.

— Ну, их психика тоже далека от человеческой, — проворчал Ромашин. — К тому же и контакт с ними нам вряд ли доступен. Для полноценных переговоров у нас нет ни средств, ни возможностей, ни времени.

— Если вы дадите мне в помощь пару интрасенсов-космологов, я попытаюсь найти выход из положения. Есть кое-какие идеи. А лучше, если со мной будет работать Аристарх.

Баренц покачал головой.

— Железовский занят.

— Пусть хотя бы заглянет ко мне, когда вернется. Он хороший советчик.

— Что ж, это по крайней мере мы можем вам обещать, — сказал Баренц, вставая. — Работайте и держите нас в курсе дел.

Маттер забрал иглу компакта, ушел.

Баренц кивнул на закрывшуюся дверь:

— Он справится?

— Лучшего специалиста у нас нет, — мрачно проговорил Ромашин.

ГЛАВА 7

ПОГРУЖЕНИЕ В СТАКАН

На широкое поле с редкими рошицами хилых деревьев и зарослей кустарника спустился вечер, пугливо тихий и робкий. Природа словно прислушивалась к чему-то, приглушив

краски дня, ожидая неведомого катаклизма. Не кричали в рощах звери и птицы, замерли в озерах и реках рыбы. Даже гигантский вран — воронья стая, обладающая неким подобием сознания, вдруг перестала кружить над одиноким холмом и метнулась в сторону, скрылась за горизонтом.

И тотчас же над полем развернулись странные и страшные события, не относящиеся к природным стихиям.

Сначала высоко в небе просияла звездочка, стала падать вниз, превращаясь в иглу, в сверкающий наконечник копья, потом в металлическую громадину кинжаловидных очертаний. Нацелилась на холм.

За ним спикировала к земле целая эскадра черных монстров с хищными силуэтами, по многосложным телам которых бежали цепочки лиловых искр и молний. Их было около трех десятков, и все они вдруг почти одновременно метнули по сияющему беглецу реки фиолетового огня.

Однако за мгновение до этого кинжаловидный болид исчез, будто испарился, растаял в воздухе, а затем из вершины холма, которую чудом миновали молнии, с оглушительным воплем ударила в небо ажурная черная молния неизвестного разряда, сворачиваясь в жгут, в свирепо вращающийся смерч. Этот смерч подхватил стаю черных пришельцев, втянул их в себя, сжался в линию, исчез.

Вопль прокатился по полям, лесам и перелескам, пугая зверей, птиц и спящих людей, стих. На землю вернулась тишина.

В воздухе появился — словно выскочил из ниоткуда — сияющий корабль-нож, приблизился к холму, опустился на землю, придавив кормой кустарник. В его борту образовалось отверстие люка, из которого выпрыгнул человек в комбинезоне, делающем его почти невидимым. К нему бросилась тоненькая фигурка в таком же костюме. Они обнялись.

— Я так боялась! — шепнула Дарья, прижимаясь к мужу изо всех сил. — Вдруг ты не успел бы отскочить?

— Я тоже нервничал, — признался Дар. — Боялся, что они попадут по таймфагу, и он не сработает.

— Он сработал!

— Еще как! — Дар глянул в небо, тихо рассмеялся. — Даже пыли от «драконов» не осталось!

«Браво, правнук! — раздался в голове молодого человека чей-то густой мыслеголос. — Хорошо справился».

Дарья вздрогнула, тоже услышав пси-вызов.

— Кто это?

— Аристарх, — сказал Дар, гордый похвалой и обрадованный появлением предка.

С неба на землю упал небольшой летак, из которого неторопливо выбрался Железовский, шагнул к молодым людям.

— Дядя Аристарх! — взвизгнула Дарья, бросаясь к нему на шею. — Как хорошо, что ты прилетел!

— Да и я рад, честно признаться. — Аристарх обнял ее одной рукой, протянул другую Дару. — Хорошо выглядишь, правнук. Возмужал, повзрослел.

— Время идет... — смутился чистодей.

— Время стоит, это мы идем через пространство лет.

— Как ты нас нашел? — спросила девушка.

— Наведался к князю, он и рассказал, что вы задумали и где вас можно найти. Я вас тут уже два часа дожидаясь. Эффектная была картинка: тридцать «драконов» как корова языком слизнула! Может быть, удастся установить таймфак на ваш корабль?

— Не получится, — виновато шмыгнула носом Дарья. — Разрушена антенна активатора, сторели батареи... в общем, хлам это теперь, а не стрингер. Хорошо еще, что удалось запустить его хоть один раз!

— Ладно, не будем расстраиваться. У меня тут есть идея про запас.

— Какая?

— Пойдемте в ваш летучий вигвам. Мантоптерские недобитки могут вернуться, их много вокруг Земли рыскает, и лучше в этот момент быть на коне.

Все трое влезли в люк «осинового» корабля, расположились в ячеях рубки, глотнули соку из НЗ спецкостюмов.

— Как ты себя чувствуешь? — посмотрел на Дарью Железовский, прищурясь.

— Нормально, — ответила та, — а что?

— Отец сказал мне, что ты беременна.

Дарья покраснела, кинула смущенно-виноватый взгляд на мужа.

— Он был тут у нас неделю назад... Да, я жду ребенка. Но это вовсе не означает, что я теперь должна...

Аристарх поднял руку.

— Успокойся, я не собираюсь читать тебе нотации. Но вообще-то нехорошо держать в неведении мать. Она расстроилась, что узнала об этом не от тебя. Могла бы поставить ее в известность.

Дарья сверкнула глазами, фыркнула, отвернувшись с независимым видом.

— Мы собирались сказать, — вступился за нее Дар. — Но тут снова война нагрянула...

— Да, война — это серьезно. — На твердокаменном лице Железовского не дрогнул ни один мускул, так что нельзя было с уверенностью оценить степень его иронии. — Придется отложить встречу с матерью, тем более что нам пришлось сменить базу.

— Почему? — в один голос проговорили молодожены.

— В ряды Сопротивления затесались разведчики Службы. — Аристарх помолчал и добавил: — Интрасенсы.

— Предатели! — сквозь зубы процедила Дарья.

«На горизонте вражеские объекты!» — вклинился в беседу людей Шершень.

Железовский вопросительно посмотрел на правнука.

— Он имеет в виду мантоптерские крейсера?

— Да.

— Придется драться.

— Мы можем включить маскировку и уйти невидимыми.

— Разве ваш корабль имеет системы маскировки?

— Это идея Дара, — с гордостью заявила Дарья. — Мы скачали всю базу данных по режимам «инкогнито» и «хамелеон», вложили в Шершня, и он вырастил систему маскировки.

Аристарх с интересом посмотрел на чистодоя.

— Молодец!

— Будем сражаться? Или включим режим?

— Сражаться — терять время. У нас есть более важные дела.

«Шершень, переходи на «инкогнито», — мысленно командовал Дар.

Стоящий на поле корабль — многотысячетонная металлическая громада в ореоле искр — исчез.

Пролетающие на двадцатикилометровой высоте «драконы» потеряли его из виду.

— Взлетайте, — сказал Железовский. — Для исполнения

наших намерений нужен простор. Лучше вообще выйти в космос.

— Что ты задумал?

— Для того чтобы справиться с мантоптерской армадой, нужны союзники. В этом времени друзей у нас нет, как нет ни военных кораблей, ни спасательного флота. Значит, флот нужно найти.

— Где? — удивилась Дарья. — Сам же только что сказал, что у нас здесь нет друзей. Разве что попытаться переманить на свою сторону отеллоидов?

— А это неплохая мысль, — изрек Железовский. — Может быть, мы так и сделаем. Существует же поговорка: друзей себе надо делать из врагов, потому что их больше не из кого делать. Но сначала мы проверим одну идею. Вам знакома эта вещичка?

Он достал из карман-ранца на боку стакан из невесомой паутинки искр.

— Стакан, — сказал Дар.

— Артефакт из коллекции отца, — добавила Дарья. — Я оставила всю коллекцию у мамы.

— Она у меня. Коллекция. Так вот, это не стакан, а, как говорит Герхард, «стринг-фрактальная структура, объединяющая звезды в систему, эквивалентную по массе и размерам нашей Галактике».

— Ты хочешь сказать — это свернутая галактика? Папа говорил то же самое. Но зачем она тебе?

— Дело в том, что это мир Галиктов.

— Разумных ос?! Тех, кто строил наш корабль?

— Твой папаша утверждает, что стакан даже не свернутая галактика, а вход в иную Вселенную, нечто вроде стража Горловины.

— Планеты-куба? Которая сторожила вход в «серую дыру»?

— Ты хорошо запомнила рассказы отца. Пространство там имеет дробную размерность, не три, как наше, а три и восемьдесят восемь сотых, поэтому и фигурами равновесия являются не сферы, а такие объекты, как ваш корабль-кинжал. Но не суть. У нас есть шанс попросить помощи у хозяев этого военного дредноута.

— Но Галикты воевали с Мантоптерами... не значит ли

это, что вход в стакан приведет нас не только к осам, но и к симпатичным богомолам?

— По расчетам Герхарда, Мантоптеры должны идеально вписываться в мир с другой мерностью — три и шестьдесят шесть сотых.

— То есть они живут в «другом стакане»?

Черты лица Железовского потеряли каменную твердость, он улыбнулся.

— Оригинально мыслишь, девочка. Вся в отца. Возможно, это вовсе не стакан, а другой предмет, шар наподобие трансфера или блюдо, к примеру. Если же учесть, что коллекцию артефактов приволок откуда-то твоей маме сэр Даниил, то он же вытащил из другого, так сказать, «стакана» и флот Мантоптеров.

— Он плохой человек! — вырвалось у Дара.

— Он больной человек, — качнул массивной головой Аристарх. — Вернее, больной черный человек, которого надо лечить. Надеюсь, твой отец найдет его и уговорит-таки лечь на операцию. Однако у нас нет времени на обсуждение этой проблемы. Летим туда, где нас наверняка не застанут врасплох.

— На Луну? Или куда подальше?

— Куда подальше. Этот кораблик умеет прокалывать пространство не хуже наших спейсеров. Дар, объясни ему, что нам надо найти за Плутоном приличное скопление льда...

— Пояс Койпера?

— Так точно. Думаю, там нас никто не побеспокоит, пока мы будем экспериментировать со стаканом.

Дар мысленно нарисовал Шершню Солнечную систему, указал стрелочкой, куда надо лететь, и «осиный» корабль сделал «струнный» прыжок, за доли секунды вынесший его за орбиту Плутона.

* * *

Существование пояса малых космических тел на окраине Солнечной системы было предсказано астрономом Джерардом Койпером еще в далеком тысяча девятьсот пятьдесят первом году. Этот пояс служил источником комет и астероидов, состоящих в основном из водяного льда с вкраплениями других веществ. Объектов диаметром больше ста кило-

метров этот пояс насчитывал около семидесяти тысяч, а мелких — на порядок больше. В принципе, Плутон со своим спутником Хароном тоже принадлежал к поясу Койпера, хотя и считался последней, девятой планетой Солнечной системы. Просто он был больше остальных тел Пояса и относился к классу объектов с эксцентрическими орбитами. Другие тела этого класса так и получили название — плутино, то есть «маленькие плутончики», хотя некоторые из них достигали больших размеров — до восьмисот километров в диаметре.

В двадцать четвертом веке многие из тел пояса Койпера были утилизированы, подогнаны к планетам внутреннего пояса — к Марсу, Венере и Земле — и стали источниками пресной воды. Многие послужили в качестве строительного материала для космических поселений, некоторые были превращены в исследовательские станции или центры развлечений.

Во времена Дара почти все такие комплексы перестали работать, и край Солнечной системы теперь был пустынен и безлюден. Работали лишь редкие автоматы, имеющие автономные системы жизнеобеспечения, но давно не получавшие с Земли команды отчитаться за свою деятельность и потерявшие всякий смысл своего существования. При желании еще можно было обнаружить такие станции, но у экипажа «осинового» корабля была другая задача.

Шершень нашел за орбитой Нептуна скопление ледяных глыб в количестве трех десятков, размерами от ста метров до пяти километров, и корабль, включив систему маскировки, на время превратился в одну из таких глыб.

— Ну-с, господа защитники человечества, — сказал Железовский, когда все приготовления остались позади, — приступим к исполнению замысла. Нас ждет поход в стакан.

— Как мы будем его разворачивать? — осведомилась возбужденная, деловито настроенная Дарья.

У Дара тоже вертелся на языке тот же вопрос, но задать его он постеснялся.

— У меня есть ключ. — Железовский вытащил из кармана еще один артефакт — свечу, испускающую колечки дыма. — Помнишь, что это за вещь?

— Папа говорил, что это эмоциональный резонатор. Только настроен он не на человеческие эмоции.

— Совершенно верно. Однако именно свеча должна открыть нам вход в стакан. А так как все мы ненормалы, то имеем шанс психоволевым усилием запустить эту штуковину.

— Ты уже пробовал?

— Еще нет, — мотнул головой Железовский со смущением. — Да и не справлюсь я один, без вас.

— Что надо делать?

— Ну, во-первых, давайте выставим обе вещицы за борт корабля. Поскольку без средства передвижения в новом мире нам делать нечего, разворачивать стакан надо вне стен корабля. Пусть Шершень аккуратненько высунет его наружу, метров на двести.

Аристарх вставил свечу (артефакт действительно напоминал витую стеариновую свечку, испускающую тоненькие всхлипы — на уровне ментального восприятия — и призрачные колечки дыма) в стакан — при этом стенки сосуда заискрились сильнее, — протянул Дару.

Ощущая покалывание в ладони, будто он нес заряженный электричеством предмет, Дар скрылся в люке. По пути к наружному выходу объяснил Шершню, что от него требуется. Инк понял идею правильно и передвинул вставленные друг в друга артефакты в космос на длинном многосуставчатом манипуляторе, напоминающем лапу насекомого.

— Надо бы подальше, — сказал Железовский с сожалением, когда они расселись по ячеям и приготовились к эксперименту; каждая ячейка имела индивидуальную систему обзора и управления, поэтому Аристарх видел то же, что и другие члены экипажа: космическую бездну с искристой рекой Млечного Пути, звезду покрупнее — Солнце и блики в глыбах льда, окружающих корабль. — Желательно километров на сто. Но тогда мы потеряем ключ из виду и не сможем настроиться в резонанс. Придется рискнуть. Хорошо видите стакан?

— Отлично! — откликнулась Дарья.

— Отбрасываем все личное, сиюминутное, грешное, настраиваемся на общую волну и начинаем проникать мысленным взором в стакан.

— Сколько времени на это понадобится?

— Может быть, минута, может, час. Пока не образуется горловина. Вы все сразу поймете. Готовы?

— Как пионеры!

— Начали!

Дар сосредоточился на вхождении в ментальное поле, встретил мягкое «пушистое» рукопожатие и мысленную «чеширскую» улыбку Дарьи, затем твердое проявление мыслеволи прадеда. Мир вокруг исчез. Возникло удивительное ощущение свободы и легкости тела. Появилась окрыляющая уверенность в собственных силах.

«Не отвлекайтесь!» — прилетела строгая мысль Железовского.

Перед глазами возник длинный сустав манипулятора с туманной горсточкой искр (стакан) и огоньком покрупнее (свеча) в лапе. Сознание видело эти предметы маленькими и несерьезными, именно такими, какими они казались, а вот в подсознании вдруг возникло странное зябкое ощущение бездны. Стакан и свеча являлись предметами иного мира и таили в себе огромные запасы энергии и неведомых тайн. Захотелось окунуться в эту бездну, увидеть чужой мир, ощутить его красоту и гармонию.

Дар напрягся, пытаясь протиснуться внутрь стакана, и тотчас же свеча запылала ярче, превратилась в кристалл, сотканный из световых лучей.

Зашевелился и стакан, потек во все стороны прозрачно-туманными струйками звездочек-искр.

Затем людям показалось, что свеча разбудила неведомого зверя, он проснулся, оглядываясь в недоумении по сторонам, тихо зарычал. И от его рычания задрожало пространство, волна искривления исказила очертания Млечного Пути, захватила «осиный» корабль, заставляя его качаться, растягиваться и сокращаться, как отражение в воде от набежавшей волны.

«Еще! — прилетела мысль-крик Железовского. — На пределе!»

Дар застонал, отдавая всю свою внутреннюю силу мыслеволевому потоку, соединившему всех троих.

«Зверь», стерегущий вход в стакан — вселенную, «вскочил на лапы», рыча и скалясь, но не выдержал напора человеческой пси-энергии, отступил внутрь стакана... и произошло нечто вроде бесшумного взрыва!

Стакан превратился в расширявшуюся с огромной скоростью воронку со слабо светящимися стенами, которая по-

глотила и манипулятор и сам корабль-нож. Короткая судорога потрясла тела людей, дурнота погасила сознание...

Очнулся Дар от пронзившей голову мысли: «Дарья! Выдержала ли она?!»

Перед глазами замелькали цветные пятна и кристаллические хлопья, искажающие перспективу.

«Шершень, свет!»

В рубке управления вспыхнули по стенам пунктирчики желтых светильников.

Дар с трудом вылез из своей ячеи, подковылял к соседней, сел на край ячейки, глядя на бледное лицо жены. Положил руку на холодный лоб.

— Даша... очнись!

Веки девушки затрепетали. Она глубоко вздохнула, открыла глаза.

— Что случилось?

— Поздравляю, путешественники, — раздался густой бас Железовского. — Кажется, мы справились со своей задачей.

— Ты как? — Дар попросил взглядом разрешения вернуться.

— Нормально... слабость... пройдет. — Дарья шевельнула рукой. — Иди, смотри.

Он вернулся на место, подключил систему обзора, гадая, что представляет собой «стаканная вселенная».

Мир за стенами корабля... светился, как забитая жемчужом пещера! Или как мешок с рыбьей икрой. Икринки эти нельзя было разглядеть, но ощущение было именно такое: космос внутри стакана состоял из мириад жемчужинок-икринок, светящихся изнутри и создающих удивительное серо-перламутровое мерцающее пространство. Лишь чуть позже глаз начал различать в этом пространстве другие объекты: черные струи, ровные либо загнутые запятыми, опять же черные пятна с чуть более светлыми коронами, какие-то фиолетово-лиловые спирали, тусклые багровые нити, пронизывающие весь космос, и — совсем близко — круглую черную дыру в короне черных лучей, не то местную звезду, не то и в самом деле тоннель в преисподнюю.

— Нам туда... — прошептал Дар.

— Ты имеешь в виду эту дырку? — хмыкнул Железовский. — Возможно, ты прав. Скорее всего мы находимся в

переходной зоне свернутого входа в мир Галиктов. Попробуем пройти дальше.

— Шершень, — вслух позвал Дар. — Малый вперед! Каковы ощущения?

«Странные, — отозвался инк космолета с некоторым удивлением. — Будто я возвращаюсь домой».

— Так оно и есть, — пророкотал Железовский. — Клим был прав, мы на верном пути.

Корабль двинулся к черной дыре, постепенно ускоряясь.

По мере его движения вперед в окружающем пространстве начали происходить заметные изменения.

Жемчужный фон стал темнеть, все черные пятна и перья, наоборот, засветились изнутри, превратились в алые трещины на поверхности застывшего лавового потока. Черная дыра выросла в размерах, охватывая «осиный» корабль короной извивающихся черных нитей. Новая волна искривления пробежала по корпусу корабля, меняя его очертания. Все ячеи и конструкции рубки управления изменили форму и цвет, словно представляли собой не материальные образования, а видеокартинку, виртуальное пространство, создаваемое программой какого-то гигантского компьютера.

Дар хотел обратить внимание спутников на это явление, и в ту же секунду корабль-нож как бы продавил некую упругую пленку, отделявшую горловину входа от собственно «стаканной вселенной».

В рубку хлынула тьма!

Свечение пространства разом погасло. Пропали черные и алые «трещины» и ветви, пятна и облака. Мир вокруг казался колоссальной ямой, заполненной абсолютным мраком. Лишь спустя какое-то время глаз начал различать искорки и шерстинки света, складывающиеся в красивые спирали и «морозные узоры». Это и были скопления местных звезд, туманностей и галактик.

— Интересно, как мы выберемся обратно? — подала голос Дарья. — Есть тут хоть какие-нибудь ориентиры?

Шершень воспринял ее изречение как личный вопрос и доложил:

«Я запомнил все манипуляции крейсера при входе в данный континуум, могу повторить в обратном порядке».

— Это если повторить их сейчас, пока мы не ушли с этого места. А если придется куда-нибудь лететь?

— Для выхода в наш космос это не имеет значения, — сказал Железовский. Потом подумал и поправился: — Не должно иметь. Все пути приведут нас к линии выхода, которая имеет лишь один «привязанный» конец — в нашей Вселенной.

— Это тебе папа сказал?

— Это я так думаю. Однако такие вопросы, дорогая моя, надо было задавать раньше, а теперь поздно, мы уже в стакане. Предлагаю выработать стратегию поиска хозяев Шершня и контакта с ними. Они могут еще и не согласиться помочь нам в благородном деле войны с Мантоптерами.

— Проще всего выйти в космос в потоке «триай», — сказала Дарья, — и позвать разумников. Кто-нибудь да откликнется... если ваш стакан-вселенная не пустышка.

— Твое мнение? — посмотрел на правнука Железовский.

— Давайте спросим Шершня, — предложил застигнутый врасплох Дар. — Возможно, он знает, где искать своих создателей, если это и в самом деле его дом.

— Логично. Попробуй.

Дар заговорил с инком, обрисовал ситуацию, объяснил цель.

«Нет ничего проще, — отозвался Шершень. — Я ощущаю изменения, происшедшие здесь с момента моего рождения, но координаты реперных энергоисточников не изменились. Мы можем достичь родины моих хозяев за два транса. В земном времяисчислении это всего один час сорок две минуты».

— Можем отправляться, — сказал молодой человек, высовываясь из пилотской ячеи.

— Мы все слышали, — заявила Дарья; она уже вылезла из своей «кейи» и с любопытством озиралась. — Можете мне объяснить, почему рубка приобрела другую форму?

— Мерность... — заикнулся Дар.

— Молодец, догадался, — посмотрел на него Железовский благожелательно, также выбираясь из ячеи. — Пространство внутри стакана имеет другую размерность, а для каждого континуума размерность — закон, диктующий пропорции геометрии и характер физических взаимодействий. Не удивлюсь, если мы увидим любопытные эффекты.

— Почему же мы сами не изменились? Во всяком случае, я лично вижу вас прежними.

— Во-первых, мы подчиняемся физическим законам своего мира, которые действуют внутри нас. Во-вторых, мы скорее всего тоже изменились, но вместе с нашим обликом изменилось и восприятие вещей. Так что все как бы осталось по-прежнему. Я лично чувствую, что здесь существенно труднее дышать, а это означает, что у меня сократился объем легких и сердца. Ну, и так далее.

Дар и Дарья переглянулись.

— Пожалуй, в этом что-то есть, — задумчиво проговорила девушка. — Мне тоже трудновато дышать. И сердце колотится сильнее. Хотя я думала, что это все результат давно не проветриваемого помещения.

— Шершень обновляет воздух ежечасно, — буркнул Дар. — Предлагаю возвращаться.

— Вот еще! — вскинула голову Дарья. — Толком не осмотрелись — и уже возвращаться! Сделаем дело, вернемся.

— Он в чем-то прав, — кряхтя, сказал Аристарх. — Не стоит здесь особо задерживаться. А то вернемся какими-нибудь динозаврами... или осами. Я не знаю, с какой целью и кто свернул мир Галиктов в стакан, но, возможно, он сделал это не с благими намерениями. Десять минут на туалет, еще пять на ужин, и за дело!

* * *

«Осиный» корабль достиг цели — планеты разумных ос — за полтора часа.

Его экипаж не сильно удивился, увидев, что солнце планетной системы имеет форму двояковыпуклого диска, испускающего призрачный голубоватый свет — как земная Луна в полночь. А сами планеты — в количестве четырех — похожи на сильно сплюснутые груши, повернутые к светилу более острым концом. Мало того, эти «груши», изъеденные ходами-тоннелями, как трухлявый пень, представляли собой гигантские улы, населенные роями ос. Вернее, когда-то населенные. В настоящий же момент планеты-улы практически пустовали. Все их население исчезло. То ли вымерло в результате какой-то случившейся планетарной «осиной чумы», то ли благополучно переселилось к другому солнцу или вообще в другую вселенную.

— Опоздали, — сказала с сожалением ошеломленная таким оборотом дела Дарья. — Куда они подевались?

«Нет данных», — ответил опечаленный не меньше ее Шершень, по простоте душевной воспринимавший такие вопросы на свой счет.

— Прошли миллионы лет, — проговорил тихонько Дар. — Цивилизации не живут вечно...

— Может быть, всех Галиктов уничтожили Мантоптеры?

— Тогда была бы уничтожена и планета-матка.

— И никакой инфраструктуры: ни спутников, ни станций, ни оранжерей, ни энергокомплексов на орбите, ни дорог на поверхности, сплошные дыры и норы...

— Этого и я, честно говоря, не ожидал, — поскреб затылок Железовский. — Был уверен, что мы найдем здесь если и не друзей, то соратников. Пока мы играли в свои игры с черными людьми и гадали, глядя на стакан, что это такое, он «протух».

— Дядя Аристарх, но это же лотерея, — решила поддержать Железовского Дарья. — Мы вообще могли не иметь стакана или не смогли бы в него протиснуться. Что же делать? Не вешаться же? Проверили идею, убедились, что она ложная, но жизнь-то продолжается.

— Да? — с интересом посмотрел на нее человек-гора. — Продолжается, говоришь? — Он повесил нос. — Дожил, называется. Уже и девчонки утешают, место в транспорте уступают. Спасибо на добром слове. Конечно, это лотерея, наиболее точный способ учета количества оптимистов, между прочим. И все же я надеялся...

— Галикты должны были иметь большой флот, — вмешался в разговор Дар. — Иначе они не смогли бы на равных воевать с Мантоптерами. Спросим Шершня, может быть, он знает места дислокации флота?

Дарья и Аристарх обменялись взглядами.

— Я же говорила, что он очень умный, — сказала девушка. — Только строптивый.

— У него мои гены, — авторитетно пробасил Железовский.

Дар не выдержал и засмеялся. Он уже привык к манере разговора предка и всех, кто дружил с ним. Они вполне понимали юмор и друг друга.

— Шершень, где располагаются базы космофлота твоих хозяев?

«За орбитой Содержателя находятся три форпоста».

— Как это понимать?

— Содержатель — это, наверное, планета Галиктов, ближайшая к светилу, — предположила Дарья. — Но в таком случае планеты за ее орбитой и есть базы? Форпосты?

— Проверим, — сказал Железовский. — По местам стоять, с якоря сниматься. Шершень — курс на ближайший форпост.

Корабль-нож устремился прочь от родной планеты своих создателей. При этом проявился интересный эффект: по мере удаления корабля солнце системы светило то ярче, то слабее, в зависимости от того, каким боком поворачивался к наблюдателям его диск.

Приблизилась вторая «груша» системы, с виду почти ничем не отличимая от первой. Ее поверхность тоже была изъедена дырами и руслами ходов, которые складывались в рисунок, напоминающий крону дерева или сеть кровеносных сосудов. Однако внутри планета-груша имела нечто вроде круглой пещеры, в которой запросто можно было упрятать такую планету, как земная Луна. А радары «осинового» корабля, кроме того, показывали, что пещера заполнена зернами уплотнений, словно гранат — косточками.

— Как бы посмотреть, что это за ядро? — проговорила Дарья, пытаясь подстроить систему обзора. — Что-то оно мне напоминает... Рой, вот что! Это, наверное, рой мертвых Галиктов!

— Уж больно велики отдельные зерна, — осторожно сказал Дар. — Разве Галикты имели километровые размеры?

— Вот вам и флот Галиктов, — проворчал Железовский. — Корабли висят на центральном ядре, или хоботе, — не знаю, как назвать это сооружение.

— Яйцеклад?

Дар фыркнул.

Аристарх подумал, кивнул.

— Пусть будет яйцеклад. Думаю, вся планета представляет собой завод по производству космических кораблей или, скорее, искусственный организм, матку, которая выращивает корабли по заданной программе. Здесь их миллио-

ны. Однако, судя по отсутствию всякого движения, пси-ауры и энергетических источников, матка мертва.

— Чуть ниже нас я вижу несколько небольших электрических огоньков, — сказал Дар. — Может, какие-нибудь ле-таки все еще способны передвигаться?

— Надо пробить дырку в поверхностном слое планеты, — заявила Дарья. — И я слетаю внутрь на модуле, посмотрю на яйцеклад поближе.

— Зачем? — возразил Дар. — Пусть Шершень попробует поговорить с инками уцелевших кораблей, выяснить их степень готовности и возможности. Наверняка ему будет не-сложно установить контакт с ними.

— Вечно ты со мной споришь! — возмутилась девушка.

— Потому что я ищу более простые решения, — пробормотал молодой человек.

— Все равно кораблем надо будет управлять, а для этого надо будет идти внутрь и договариваться с инком.

— Договориться может и Шершень.

— Правнук прав, — положил конец спорам Железовский. — Если Шершню удастся найти готовые к полету спейсеры и подчинить их инки нам, задача будет решена.

— Но они все лишены энергии!

— Если они имеют такие же энвексы, как наш корабль, заполнение энергоемкостей не превратится в головную боль.

— Сговорились, родственнички! — сдалась Дарья. — Трусы и перестраховщики!

Дар уловил мысленную улыбку и подмигивание прадеда, ответил таким же мысленным вздохом и разведением рук, что означало: вот она, женская справедливость!

— Что вы там перемигиваетесь с умным видом? — добавила Дарья сердито.

— Ничего мы не перемигиваемся, — робко возразил Дар.

— А то я не вижу!

— Женщины в массе своей редко ошибаются, — с философской назидательностью проговорил Железовский, — но женщины-интрасенсы правы всегда. Запомни, внучек. А теперь кончай базар, молодежь, принимаю решение: подключаем Шершня. Этот парень наша опора и надежда.

Споры прекратились. Собственно, и не споры это были, а небольшая психологическая разгрузка-пикировка, спешествующая отдыху. И больше всего отдых требовался Да-

рье, готовящейся стать матерью, — новое состояние волновало, стесняло и влекло, — хотя она никогда не призналась бы в этом даже себе самой.

Шершень выполнил задание с похвальной быстротой, а главное — результативно.

Какие диапазоны и средства связи он использовал для поиска живых собратьев, какие доводы в пользу активной жизни приводил, каким образом уговаривал коллег подчиниться общему командиру, да еще не Галикту, осталось в тайне, но результат сказался уже на пятой минуте переговоров.

Откликнулись три «осиных» крейсера примерно такого же класса, что и корабль-нож. Они отстыковались от яйцеклада завода-матки и выплыли в космос через дыры-шлюзы, блистая обшивкой, словно покрытые слоем ртути. Два из них не отличались формой от корабля-ножа, представляющего гипертрофированно увеличенное жало осы (Галикта), третий оказался похожим на гигантскую осу без крыльев длиной около пяти километров!

— Красавец! — крикнул Аристарх.

— Жуть! — с дрожью в голосе проговорила Дарья, увидев космолет. — Зачем они придавали своим изделиям форму собственных тел? Для устрашения?

— Скорее всего этот монстр служил центром управления и координации флота. Флагман, так сказать.

— Но станет ли он слушаться Шершня?

— Куда он денется? — сказал Железовский с великолепной уверенностью. — Предложим альтернативу — жизнь или смерть. Пойдет с нами — будет жить, не согласится — умрет здесь от старости. Ты бы что выбрала?

— Жизнь, конечно!

— Вот и он, думаю, сделает то же самое.

Железовский оказался прав.

Гигант-Галикт, действительно приспособленный под центр управления эскадрой, в которую входило до ста боевых единиц, не отказался поучаствовать в походе против исконных врагов «осинового рода» — Мантоптеров.

К сожалению, большой эскадры набрать не удалось. Земляне посетили два оставшихся форпоста цивилизации Галиктов и отыскиали еще три боевых корабля. Таким образом, весь отряд теперь состоял из семи «осиных» крейсеров,

представляющих тем не менее внушительную силу. На равных с флотом мантоптеров у Солнца он сражаться еще не мог, но вполне способен был защитить Землю от единичных атак из космоса.

— Что ж, возвращаемся, — сказал Железовский, подводя итоги своим размышлениям и колебаниям. — Можно было бы попытаться поискать союзников у других звезд этого мирка, но вряд ли поиски будут успешными. Время здесь хоть и течет медленнее, чем в нашем домене, но все же не настолько, чтобы ждать чуда.

— Мы и так очень сильно озадачим наших богомальчиков, — добавила Дарья со смешком.

Дар промолчал. Он был уверен, что основные трудности военной кампании еще впереди.

ГЛАВА 8

ЧЕЛОВЕК — ДА

В состоянии самадхи, разрешающем перевод организма на полевую форму материи, Мальгин не нуждался в специальных ретрансляторах типа трансфера и порталах для перехода в сеть метро любого уровня, в том числе — созданного орилоунами.

Последних вряд ли можно было назвать живыми существами в человеческом понимании этого слова. Орилоунское метро было задумано Вершителями как система контроля развития Вселенной и миллиарды лет успешно справлялось со своей ролью. Но потом ею начали пользоваться в своих целях и потомки самих Вершителей, и, что совсем недопустимо, цивилизации других типов с неразвитыми этическими системами, не достигшие вершин социальной гармонии разума. И процесс контроля превратился в процесс подавления возникающих очагов «анархии», что в конечном итоге привело к появлению на сцене истории новых действующих лиц с патологическими системами ценностей.

Люди, как самостоятельные операторы реальности, появились в тот момент, когда большинство таких цивилизаций уничтожили друг друга, но еще оставались и развивались те, для кого проявление собственной воли новых разумных рас и их стремление к познанию мира являлись факторами, ме-

шающими достигать собственных целей. А на смену им шли еще более экзотические формы жизни, для которых была существенна не их физическая природа, а структура связей между отдельными элементами. Мальгин называл такие формы жизни «длинномерниками». Все остальные виды должны были в конце концов стать элементами длинномерников, в том числе и человечество. Но для этого ему надо было прежде всего выжить и доказать свою состоятельность ответственного оператора Вселенной. Хотя бы в лице его передового отряда — интрасенсов, способных наравне с остальными разумниками менять физическую суть своих тел и жить в равновесии с природой.

Двадцать лет назад Клим уже побывал в далеком будущем Вселенной и видел, какой она стала. Для хомо вульгарис — человека обыкновенного, подверженного страстям и болезням, особенно — болезням духа, в будущем места не нашлось. Но и интрасенсов Мальгин там тоже не встретил. Теплилась надежда, что их род не исчез, что они нашли свое место и время в жизни, ушли куда-то в другие вселенные или построили свои миры, стали Живущими-за-Пределами. Но так ли оно на самом деле, Клим не знал.

После битвы с отеллоидами и встречи с Шаламовым над эйнсофом он занялся своими личными делами, помог Сопротивлению, поработал с полученной информацией по интересующей его тематике. Но система, стремящаяся провести в жизнь план Блэкхоул — создание гравитационного стабилизатора на базе Галактики, продолжала работать, пришлось снова заняться проблемой отражения атаки на Солнце, которое вполне могло превратиться в черную дыру.

Пообещав друзьям найти Шаламова и переманить его на свою сторону, Клим и в самом деле принялся за выполнение обещанного, мотаясь по орилоунской Сети метро из прошлого в будущее и прослушивая космос в местах выхода в поисках пси-ауры Даниила. Однако шли дни, следы пребывания бывшего космена-спасателя не находились, в то время как за всем происходящим на Земле незримо стояла его воля, и Мальгин разозлился. Пора было менять принципы решения задачи и искать не самого Дана, а теоретические и практические области применения его сил и возможностей. Зная амбиции друга, можно было быть уверенным, что Шаламов при отсутствии контроля наверняка снова влезет в ка-

кую-нибудь авантюру, не считаясь ни с чужим мнением, ни со своим здоровьем.

Клим вернулся на Землю, объединил усилия с Маттером и высчитал четыре класса объектов, которые могли заинтересовать Шаламова, кроме самих черных дыр. Имелись в виду объекты, обладающие интеллектом, в первую очередь — негуманоидным, а также способные «дружить» с Блэкхоул и выполнять ее приказы. То есть, по существу, слуги, исполнители воли системы черных дыр.

В макромире таковых набралось немного: плазмоиды — энергетические существа, освоившие поверхности звезд, кристаллиты — существа с изменяемой симметрией кристаллов, коллективные биосистемы — сообщества насекомых наподобие земных муравьев, пчел, ос, комаров. К ним можно было присоединить и растительные сообщества, но последние вряд ли способны были обрабатывать потоки информации и реагировать на изменения среды с достаточной скоростью. Время «растительного разума» еще не пришло.

Определив примерное направление поисков, Мальгин тем не менее снова ушел в космос, оставив с женой своего двойника, по сути — свое физическое тело, с которым не собирался расставаться и впредь, несмотря на неограниченные возможности второго тела, деваконического, «тела света» или энергоинформационной оболочки. Поскольку Блэкхоул поменяла партнера в Солнечной системе — отеллоидов, представителей расы Бье, будучи недовольной их работой, — на Мантоптеров, следовало заняться в первую очередь поисками этих необычайно агрессивных существ. Мальгин был уверен, что их предложил системе Блэкхоул именно Шаламов. Только он мог вытащить флот Мантоптеров из небытия, зная координаты входа в их вселенную.

Для начала Клим переместился в будущее на миллиарды лет, ко времени, когда Солнце уже превратилось в коричневый карлик, а его планетная семья распалась и поредела: из девяти планет остались лишь три — Венера, Марс и Земля без Луны. В прошлое посещение этого временного интервала он назвал остатки Солнечной системы планетным кладбищем, что вполне соответствовало истине. Исчезло не только человечество, но и цивилизации следующих волн жизни, оставив после себя гладкую, как бильярдный шар, Землю и один огромный Спутник, переживший своих созда-

телей. Судя по конфигурации и геометрии помещений, создавали Спутник какие-то многорукие существа, либо крабы, либо осьминоги.

Мальгин «пообедал» электричеством, устроился в центральной зоне отдыха Спутника и бросил зов во Вселенную, не слишком надеясь на ответ. Однако на сей раз он не нуждался в спасении, спектр его пси-голоса был достаточно спокойным, и ответ пришел на удивление быстро.

В бесформенном и почти пустом помещении (витражи, объемные голографические комплексы, иллюзоры и видеопласты Спутника, естественно, не работали), освещенном лишь мерцанием полоски люминофора в полу, возникла прозрачная текучая фигура высотой в два человеческих роста. Фигура не имела глаз, но тем не менее Мальгин почувствовал ее взгляд и ощутил ряд эмоциональных составляющих единого отношения к происходящему, которое с натяжкой можно было назвать интересом.

«Кто ты?» — спросил он мысленно.

В голове развернулось облачко призрачного света, превратилось в г о л о с:

«Посланник».

«Посланник? — удивился Клим. — Кто же тебя послал и зачем?»

«Ты беседовал с ним семь тысяч триста двадцать циклов назад, называя Живущим-за-Пределами».

«Каких циклов?.. — начал Клим и вспомнил о встрече с «кентавром» здесь же, внутри Спутника, стерегущего вечный сон кладбища Солнечной системы. — Откуда он узнал, что я появлюсь здесь именно в данный момент времени?!»

«Он Вершитель, как и ты».

Клим хмыкнул. Себя он Вершителем не считал, хотя и был магическим оператором данного инварианта Вселенной.

«Зачем он тебя послал?»

«Предупредить. Процесс нового инфляционного расширения перешел в качественно другую фазу. Остановить Большой Разрыв невозможно. Стоит ли им заниматься? Подумай о себе, о своем предназначении».

«Ну, что Большой Разрыв остановить нельзя, еще надо доказать. Я посещал будущие времена в предельном варианте, чуть ли не на двести триллионов лет вперед, и видел, что

Вселенная все еще существует, хотя формы движения материи действительно изменились».

«Ты был в замысле развития вашего Метадомена. Реальность изменена. Большой Разрыв неизбежен».

Клим облачком энергии скользнул к гостю, продолжавшему дышать и шевелиться, как повисшая в невесомости струя воды. Вспомнились слова Живущего-за-Пределами: «То, что для вас реальность, для Вселенной — сценарий того, что может быть. И факт одновременно». Значит ли это, что Безусловный Творец замысла изменил свой же собственный сценарий? Или это сделал кто-то другой?

Посланник услышал последнюю мысль человека.

«Вершителями становятся все, кто достигает границ познания собственных возможностей. Но это не означает, что мы непогрешимы».

«Ты тоже... Вершитель?»

«Функционально ответственное воплощение одного из них».

«Что это значит?»

«Странно, — озадачился гость. — Меня предупреждали, что ты один из нас...»

«Увы, это не соответствует действительности, — улыбнулся Клим. — Я еще не прошел Путь познания до конца и не знаю пределов своих возможностей. Кстати, а почему твой приятель называется Живущим-за-Пределами?»

«Ты уже сам ответил на свой вопрос».

«То есть как? — не понял Клим. — Неужели ты хочешь сказать, что Живущие-за-Пределами... всего-навсего те, кто познал свои... пределы? Как же им в таком случае удалось выйти за эти пределы?»

«Каждый добивается этого сам. Опыт других неприменим. Кому удастся, тот обретает истинную свободу. Когда-нибудь удастся и тебе».

Клим на мгновение обрел форму человеческого тела, ощутил невесомость, жгучий холод пространства, отсутствие воздуха и снова «ушел» в сгусток поля.

«Для меня это новость. Что еще просил передать Живущий?»

«Будь осторожен при контактах с другим землянином, добившимся перехода в состояние оператора вопреки этической базе».

«Даниилом Шаламовым?»

«В нем спит древнее знание Самых Первых. Владение этим знанием без понимания меры ответственности может повлечь катастрофические последствия».

«Я это понимаю. Но считаю, что шанс вернуть ему... э-э, этическую базу есть. Я хотел бы вылечить его».

«Наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями».

Клим невольно засмеялся — если перевести его ощущения на человеческий язык (смеяться в его положении энергосубстрата, не имея лица и рта, было проблематично), так как собеседник употребил чисто земную поговорку.

«Я думал, Вершителям подвластно решительно все».

«Если бы это было так, не существовало бы проблем с изменением реальности ни в одном из инвариантов Древа Времен. Однако Творец не зря вложил в свое творение много скрытых законов, познание которых чревато потерей меры. А когда кто-то теряет чувство меры, вступает в силу закон пресечения безответственной деятельности. Вершители стоят на грани срабатывания этого закона. Большой Разрыв — конец их деятельности в нашем Метадомене».

«Но они же... кроме того, что... разве они не являются Живущими-за-Пределами? Разве им не подвластно — создать себе инвариант Вселенной, где будут действовать только их законы?»

«Все инварианты Древа — суть замыслы Творца. Что бы Вершители ни создавали, их намерения уже включены в замысел».

«То же самое мне говорил Паломник... и тот, кто тебя послал. Но я думал, что детального плана развития Вселенной не существует».

«Его и в самом деле не существует. Есть только набор нелинейных законов, составляющих Абсолют, предначертана лишь общая схема развития Мироздания. Детали создают живущие».

«За Пределами?»

«Вообще все живущие. Люди в том числе. Детали — их мысли, устремления, мечты и поступки. Чем больше будет красивых, добрых, светлых, гармоничных мыслей и поступков, тем богаче и гармоничнее развернется замысел Творца в хаосе Большой Вселенной».

«Ты говоришь... как человек!»

«Это ты воспринимаешь мои мысли как человек. Я же — существо совсем другого плана».

«Кто же ты?»

«Один из Самых Первых».

«Ты хочешь сказать... — дыхание перехватило. — Ты один из... детей Творца?!»

«Чисто человеческая реакция, — «рассмеялся» в ментальном диапазоне собеседник. — Люди ведь привыкли говорить о Высшем Существом как о своем предшественнике, придумав сказку о создании человека «по образу и подобию». Некоторые из людей и в самом деле были созданы — в виде слуг и рабов для жрецов, владеющих тайнами трансформаций. Вот они — бывшие слуги и рабы — и придумали миф о Боге с обликом человека. Настоящие же люди, такие как ты и друзья твои, к сожалению, не помнят свое божественное происхождение, в том смысле, что вас никто не сотворял из «глины и собственных ребер». Вы были рождены от потомков богов, которые первыми стали Живущими-за-Пределами».

«Где же они теперь?» — спросил ошеломленный Мальгин.

«Может быть, совсем рядом, стоит только протянуть руку, и одновременно очень далеко. Станешь одним из них — наверняка встретишься с ними».

«Боюсь, мне это не под силу. Но мы не договорили. Значит, ты Один из Самых Первых. Когда же ты родился? В какие времена?»

Текуче-прозрачная фигура на несколько секунд покрылась сыпью звездочек, что скорее всего — судя по ощущениям Клима — означало нетерпение.

«Вы, люди, еще молодая раса, вам еще интересно задавать вопросы. Время моего рождения — десять в минус тридцать первой степени секунды от начала Большого Взрыва».

«Это сюрприз! Никогда не думал, что встречу существо, появившееся на свет сразу после рождения Вселенной! Каковы же были тогда ее размеры?»

«С вишню, — снова «улыбнулся» собеседник. — Но ведь вы же знаете, что размеры и внутреннее содержание подобных объектов — вещи относительные. Ваш родич Герхард Маттер прав, доказывая это. Жизнь, в том числе разумная,

«вморожена» во Вселенную на всех уровнях как непреложный Закон. Даже внутри элементарных частиц существует жизнь, разве что темпы ее развития и угасания намного быстрее нынешних. Так вот я — оттуда, из тех времен, когда еще не существовало ни электронов, ни протонов, ни других комплексных частиц».

«Вы меня ошеломили... и заинтриговали... что же вас подвигло передать мне сообщение Живущего?»

«Я такой же исследователь, как и ты, разве что с иным набором эмоций и мироощущений. Я исследую границы Мироздания и пытаюсь выйти за них».

«Удивительно! Если учесть, что вы тоже не потеряли интереса к познавательной деятельности. И как, удалось выйти за границы Мироздания?»

«Нет, — грустно ответил собеседник. — Как оказалось, планковская длина — если использовать ваш термин — действительно представляет собой фундаментальную нижнюю границу данного Метадомена. Это размеры квадруполь, элементарного «кирпичика» Мироздания, из которых и состоит вакуум. Это еще не ноль, но и за нее мне пройти ниже не удалось. Как и за верхнюю границу — десять в двадцать восьмой степени сантиметра, границу действия гравитационных сил. Это своего рода гравитационный горизонт Метагалактики, за которым гравитация уже не в состоянии формировать материальные структуры. А хотелось бы посмотреть, какой фактор возьмет на себя ответственность за дальнейшее усложнение структуры домена на этом уровне».

«Мне тоже!»

«Вот потому я и согласился встретиться с тобой».

«Родственные души?»

«Нечто в этом роде».

«Спасибо».

«Не за что».

«И все же я хотел бы попросить...»

«Нет».

«Нет?! Я еще не сказал, что мне надо...»

«Это и так понятно. Но ни один из нас не станет тебе помогать».

«Почему?»

«Привыкнешь перекладывать свои задачи на плечи других».

«Мне помогали раньше... Паломник, Кузьма-негуман, человек Майкл Лондон, «глазастый», Живущий-за-Пределами...»

«Ты поднимался в гору. Теперь прыгай вниз и лети самостоятельно, иначе зачем ты поднимался?»

«Я... кажется... понял».

«Что касается меня, то для встречи с тобой я потратил триллионы лет своей жизни, разве это не хорошая плата за беседу?»

«Прости... и огромное спасибо!»

«Не стоит благодарности. Что касается твоих проблем, то старайся решать их сам. Ты сможешь. Позволю себе две подсказки. Шаламова не стоит искать далеко. Операторы такого уровня умеют многое, в том числе жить скрытно в любом районе пространства. И приглядишься к эйнсофу. Да, он опасен, существует вероятность большого в ы в е р т а эйнсофа, создание узла пересечения многих ветвей Древа Времен. Это будет вовсе не черная дыра, как надеются йихаллах — доморощенные помощники Блэкхоул, тупо продолжающие выполнять волю хозяина. Поэтому желательно было бы достучаться до императив-центра Блэкхоул и дать ему сведения об эйнсофе. Возможно, он отменит свои планы относительно вашего Солнца».

«Центр — в балдже? Стрелец А?»

«Черная дыра в балдже активизировалась, будь осторожен. Блэкхоул нервничает».

«Спасибо».

«Пожалуйста».

«Позволь еще вопрос».

«Валяй».

Клим «улыбнулся», понимая, что собеседник намеренно использует в разговоре земные понятия.

«Почему ты помогаешь нам, людям? Ведь ты нам ничем не обязан, да и мы такие далекие ваши потомки, что уже и не родственники практически».

«За Вселенную обидно, — с грустью сказал Один из Слых Первых. — Замысел Творца был идеален, Вселенная должна была стать овеществленной г а р м о н и е й света и любви. Но выбор Творца — кому доверить исполнение детального плана — оказался неудачным. Все мы — существа смертные, ограниченные и несовершенные, едва ли способ-

ные постичь суть задумок Творца, не говоря уже о Большой Вселенной, где Он — один из равных».

«А если и там есть иерархия?»

«Что ж, тогда Пределы просто отодвинутся, только и всего. Хотя в этом кроется шанс узнать и увидеть то, чего я еще не видел и не знаю. Прощай, брат».

«До встречи, Первый».

Прозрачная текучая фигура в центре помещения вскинулась фонтанчиком и растаяла. Гость из далекого — страшно подумать! — прошлого вернулся в свое время. А может быть, пошел дальше исследовать границы неведомого и пределы запредельного.

«Но каков Живущий-за-Пределами! — подумал Клим с восхищением. — Уже тогда, двадцать лет назад, он знал, что я вернусь на Спутник, и подготовил встречу! Гигант!»

Душа встрепенулась. Она тоже хотела бы последовать за этим удивительным странником. Но у Клима еще были обязательства перед близкими людьми, а во-вторых, для странствий ему были необходимы спутники-люди, с кем можно было порадоваться и поделиться впечатлениями от увиденного.

Что-то стукнуло по корпусу Спутника. Космический камешек или часть его же собственной обшивки.

Клим очнулся.

Итак, составляем стратегический план действий.

Первая забота — раса Бье и Мантоптеры. Вторая — эйнсоф. Третья — Стрелец А. Ко второй и третьей можно подключить специалистов, того же Герхарда, Аристарха и Дашку с ее юным супругом.

Клим улыбнулся в душе. Парень ему нравился чистотой, твердостью характера и скрытой мощью. Впрочем, чему удивляться, если его предком был сам Железовский.

Итак, решено. Отеллоиды и Мантоптеры — его забота, Мальгина. Возможно, эти необычные создания подскажут, где найти Шаламова. Если нет, придется последовать совету Первого и обратить внимание на ближний космос. Хотя если бы Дан находился где-то рядом с Солнцем, его бы заметила сторожевая система интрасенсов. Или не заметила бы? Что, если он умеет ходить по Солнечной системе бесшумно?

Впрочем, нет смысла решать эту задачу сейчас. Вернусь домой — поищу.

Мальгин облетел зону отдыха Спутника, принадлежавшего существам, которые давным-давно канули в вечность, оставив после себя практически мертвую Солнечную систему, с грустью подумал: «Лучше бы я этого не видел...» Финал разумной деятельности человека представлялся ему в молодости не таким. Тогда казалось, что пределов познания мира не существует, и горизонт впереди будет лишь отодвигаться в бесконечность. Однако все, что имеет начало, имеет и конец. Как говорили древние индусы: начало веревки всегда влечет конец ее. Жаль, что для человечества он наступил так рано...

В следующее мгновение Клим перешел в резонансный контур финиш-терминала орилоунского метро.

«Оператор, найди узел выхода, ближайший к материнской звезде расы Бье в Галактике. Время — пять тысяч пятьсот пятьдесят первый год по земному летоисчислению».

«Выполняю, ваша светлость», — отозвался инк Сети.

Спутник исчез из поля зрения.

Короткая темнота.

Тело (энергосфера) стягивается в точку и лучом прокалывает пространство. Никаких ощущений, ни приятных, ни болезненных.

Свет!

«Семьсот двадцать парсеков от центра Галактики, — доложил оператор приятным женским голосом. — Плотность звезд — около тысячи на кубический парсек».

Клим и сам уже увидел-почувствовал, что это такое — плотность звездного окружения, превышающая околосолнечную в десятки тысяч раз.

Его со всех сторон окружали звезды. Миллионы звезд! Казалось, они вот-вот начнут падать к центру, сожмутся в единый огненный шар, и шар этот взорвется, превратится в сверхновую звезду, в квазар!

Финиш-терминал орилоунского метро в здешнем уголке Галактики представлял собой невидимый со стороны полевой ретранслятор, использующий анизотропные свойства вакуума. Изнутри он был прозрачным, что позволяло пользователю метро видеть любую подробность звездной панорамы. В состоянии самадхи Мальгин не имел глаз, подобных человеческим, но диапазон его энергоинформационного зрения был намного шире, поэтому он видел даже инфра-

красные звезды, давно остывшие либо готовые родиться в недрах пылегазовых туманностей, а также черные дыры, окруженные слабым гало и джетами — узкими направленными выбросами светящейся материи. Однако звезд вокруг было так много, что на ум невольно пришло сравнение, звучащее как: «Рябит в глазах!» А ведь это был еще не сам балдж — центральное звездное ядро Галактики, а всего лишь его периферия.

Клим «огляделся».

Звезда и планета, давшие жизнь расе Бье, отыскились не подалеку, в трех астрономических единицах от орилоунского транслятора. Звезда представляла собой ничем не примечательный желтый карлик примерно такого же класса, как земное Солнце, разве что с меньшей массой. А вот планета, окруженная необычной ажурной оболочкой, каждый элемент которой походил на огромный черный колючий каштан, представляла несомненный интерес. С одной стороны, она действительно была планетарным объектом, размерами не уступая таким планетам Солнечной системы, как Марс. С другой — это был колоссальной величины единый живой организм с инвариантной структурой сознания, способный изменять физическую природу своих образований в широком диапазоне материальных структур. Планета-матка. Планета-мозг. Планета-конструктор, способный создать любой эффектор для решения тех или иных задач. В Солнечной системе ее эмиссар — «каштан» создавал черных людей, отеллоидов, которые стали универсальными солдатами, исполнителями воли матки.

«Оператор, — мысленно позвал Мальгин, — прошу предоставить транспортное средство с большим энергозапасом и комплексом связи с вашим информарием».

«Такого транспортного средства в узле перехода не имеется, но я могу предложить свою дублирующую систему, копию моей индивидуальности».

«Это меня устроит. Как тебя зовут?»

«У меня нет имени, только порядковый номер: двенадцать миллиардов сто девятнадцать...»

«Отставить номер. Я буду звать тебя Бестором — от слов Бье и сторож, не возражаешь?»

«Как вам будет угодно, ваша светлость».

«Почему ты называешь меня вашей светлостью?»

«До вас здесь побывал еще один землянин, который приказал называть его так».

«Его имя — Даниил Шаламов?»

«Так точно, ваша светлость».

«Значит, Дан был-таки здесь, — невесело подумал Мальгин. — Это его идея — предложить Блэкхоул услуги отеллоидов».

«Этого я не утверждал», — осторожно заметил оператор.

«Я разговариваю сам с собой. Что ж, по крайней мере будем знать, что он посещал мамашу Бье. У нас есть шанс выяснить, что он ей предложил и куда направился потом. Или он ушел тем же путем, через твой транслятор?»

«Нет, у меня он больше не появлялся».

«Тогда формируй двойника, пора знакомиться с культурой Бье».

Невидимый, но осязаемый как прозрачная масса стекла объем узла ретранслятора разделился на две неравные части. Большая осталась исполнять роль узла перехода орилоунского метро, меньшая — с человекоподобностью внутри (ни дать ни взять — семечко в яблоке) — устремилась к звезде отеллоидов, за несколько мгновений набрав почти световую скорость.

Планета-матка расы Бье выросла в размерах, превратилась в ажурный конгломерат, истыканный шипами и пронизанный множеством пор, ходов и тоннелей, окруженный своеобразной объемной сетью из сотен тысяч колючих черных «каштанов». Эти необычные «плоды» размерами от пяти до ста километров представляли собой исполнительные органы, которые планета-матка использовала для любых действий в качестве эмиссаров, посланников, защитников, строителей, исследователей и надзирателей, а также сеятелей спор Бье-жизни в других уголках космоса. По сути, это и в самом деле был единый организм, а то и геном, способный отразить, повторить, скопировать любой космический или планетарный объект, умеющий гибко приспосабливаться к разным условиям жизни или отстаивать свои интересы. О культуре как таковой речь не шла, этико-логические концепции культуры в человеческом понимании имели несколько иное смысловое наполнение, но в эстетическом плане геометрия и порядок Бье вполне описывались такими человеческими терминами, как «гармония», «фрactal», «красота».

Приближение двойного энергосгустка — Мальгина внутри двойника Бестора — не прошло незамеченным. Бье включила нейтринный прожектор, освещая пришельца, и выдвинула вперед ближайший черный «каштан» диаметром около двадцати километров.

Клим сосредоточился на гиперзрении, обнаружил пульсирующий в ядре планеты-матки источник мысли, протянул «руку дружбы». Он уже общался с представителями Бье, когда спасал дочь от изъятия «дружеских» чувств Дана Шаламова, и знал, в каком тоне надо вести переговоры.

«Спокойно, мэм, я никому не причиню вреда!»

«Кто ты?» — прилетела мысль парламентаря-«каштана», в то время как сама «мамаша» Бье молча рассматривала чужака. Она не мыслила так, как это делает человек, и, естественно, не знала земных языков, но сопровождавшие мыслепередачу пси-обертон, модулирующие главный пси-энергетический поток, позволяли оценить смысл передачи почти без искажений.

«Землянин, — ответил Мальгин. — Посланник Вершителя. Мы уже встречались».

«Ты можешь причинить нам вред?»

«Могу, но не стану».

«Ты слишком мал, чтобы навредить нам».

«Размеры объекта не всегда отражают его силы и возможности. Почему ты заостряешь внимание на этом вопросе?»

«Нас предупредили».

«Кто? О чем?»

«Здесь был посланец Большого Черного Брата. Он предупредил, что возможно появление Наказателя. Мы готовы отразить любое нападение. Но ты слишком мал, чтобы причинить нам существенный вред. Ты не Наказатель?»

«Не Наказатель, — подтвердил Мальгин с мысленной улыбкой. — Я всего лишь путешественник по миру, ищу друзей. Большой Черный Брат действительно может быть недовольным твоими действиями возле желтой звезды с необычным объектом. Эта звезда — Солнце, источник энергии для моей родной планеты. Но едва ли речь шла о наказании. Тебя ввели в заблуждение. Как выглядел посланец Большого Черного Брата?»

«Почти так же, как и ты. Но с иным диапазоном излучений».

«Наверное, это был тот, кого я ищу, землянин Даниил Шаламов. Он что-нибудь искал?»

«Мы — древняя раса, нам миллионы лет, и он спрашивал, знаем ли мы таких же, как мы. В этой информации нет ничего угрожающего нам, и мы дали ему координаты наших бывших соседей».

«Они выглядят так?» — Клим мысленно воспроизвел изображение мантоптера.

«Странно. Вы тоже их знаете? Это наши соседи. Появились раньше нас. Экспансивны. Воевали с другими. С нами тоже. Ушли».

Клим изобразил Галикта.

«Они, случайно, не с такими существами воевали?»

«И с ними тоже. Потом и те и те ушли. Мы остались».

«Благодарю за информацию, мэ. Последний вопрос. Куда направился посланец Большого Черного Брата?»

«Он не сообщил. И не поблагодарил нас, как ты. Вы, люди, странные существа, неодинаковые».

«Да уж, — согласился Мальгин. — Тут нам до тебя далеко».

«Ты действительно не Наказатель? Мы чувствуем опасность».

«Тебе нечего меня бояться. Только прими совет: не вмешивайся в споры Большого Черного Брата с другими разумными расами, иначе рискуешь потерять жизненное пространство».

«Ты нам угрожаешь?»

«Я предупреждаю».

«Мы никого не боимся и уничтожим любого, кто будет нам угрожать».

«Ну, это вряд ли, мэ. Ваши соседи — мантоптеры — тоже так считали, а где они теперь? Рассеяны по космосу в свернутых коконах-урнах. Прощай, мэ, и крепко поразмысли, стоит ли воевать, если есть шанс мирно договориться».

«Посланец Большого Черного Брата утверждал, что ты попытаешься нас обмануть. Если ты тот, за кого себя выдаешь, ты уцелеешь. Если нет — прощай».

Приблизившийся к энергосфере Мальгина «каштан» внезапно метнул в него колоссальный факел фиолетово-лилового огня! Если бы это был выстрел из стрингера, сворачивающего пространство в одномерную «струну», Клим мог бы и не успеть отреагировать на удар. Но сторож Бье стрелял

из фазового преобразователя вакуума, импульс которого рождал ливень частиц и античастиц, но — со световой скоростью, а не с бесконечной. Несмотря на малое расстояние — между «каштаном» и энергосферой Клима было не больше трехсот километров, импульсу понадобилась на его преодоление одна тысячная секунды, и Мальгин успел «внедрить» себя в Сеть орилоунского метро и сбежать. Разряд пришелся на пустую энергосферу Бестора, разнося ее в клочья, в струйки света, в ничто.

Последней мыслью Мальгина была мысль: какой же ты все-таки мерзавец, Дан Шаламов!..

ГЛАВА 9

СОВЛАЗН

— Ешь аккуратней, — проговорила Гертруда, глядя на мужа с терпеливой жалостью и неодобрением одновременно.

— Разумеется, — ответил Маттер рассеянно, продолжая ронять крошки хлеба на стол. Доел суп, вытер рот ладонью, взял протянутую салфетку, промокнул пот на лбу. — Спасибо, вкусно. Свари кофе покрепче.

После этого он скрылся за перегородкой каюты, где оборудовал себе рабочий модуль. Жена смотрела ему вслед, и в глазах ее стояла тоскливая обреченность. Она любила мужа и готова была сносить все его капризы всю жизнь, хотя и видела, насколько он непрактичен, равнодушен ко всему, что его окружает, кроме науки, и неуравновешен. В любой момент этот человек мог изменить свое собственное мнение по тому или иному вопросу и поступить вопреки прежним обязательствам, так, как считал необходимым, не обращая внимания на последствия. Она берегла его, как могла, уже много лет, щадила самолюбие, а он воспринимал жену как деталь обстановки, лишь изредка вспоминая, кто она ему.

— Бедный мой... — прошептала женщина. Редкое воплощение известной шутки: любовь зла...

Маттер с удовольствием потянулся, устраиваясь в рабочем коконе поудобней. Инконики базы постарались и вывели на кресло все необходимые линии связи с Большими инками земной научной сети, так что теперь Герхард мог работать с любым из Умников по любой тематике, не покидая

базы. Единственное, чего ему не хватало, это контакта с коллегами из ИПФП и научным центром на Меркурии, который продолжал исследовать свойства эйнсофа. А знать, чем занимаются ученые меркурианского центра под управлением Казимира Ландсберга, очень хотелось.

Ладно, подумал Маттер беспечно, это не проблема. Посижу тут немного и слетаю к Казiku в гости. Не откажет же он однокашнику поделиться секретами фирмы.

Жена принесла кофе.

Поблагодарив ее кивком, Маттер громко отхлебнул горячего напитка, уронил несколько капель на штаны, но не обратил внимания. Это было в порядке вещей.

Последнее время он обсасывал со всех сторон проблему контакта с кубоидами, доказав, что они являются гигантскими вакуумными стабилизаторами, не позволяющими пространству участвовать в процессе инфляционного расширения. Скорость расширения континуума возле кубоидов — в пределах сотен световых лет — почти равнялась нулю, в то время как градиент давления «темной энергии» в соседних областях был на много порядков выше, что уже сказывалось на структуре галактических скоплений: галактики разбежались со все возрастающей скоростью, приближающейся к половине скорости света, и меняли форму.

Правда, Маттеру пока не удалось объяснить, какая сила помогала кубоидам удерживать свою строгую геометрическую форму. Хотя он и назвал эту силу «белой энергией», найти ее причину и физическую основу не мог. «Белая энергия» не являлась гравитацией, она скорее представляла собой аналог «сверхнатяжения» вакуума, хотя и действовала в привычном классическом инерциальном поле и в «плоском» евклидовом пространстве трех измерений.

Не найдя ответов на свои вопросы и сегодня, Герхард переключил внимание на другие проблемы и с ходу решил одну из них, главную на повестке дня: контакт с кубоидами. Размеры этих образований с равномерно распределенными по всему объему звездами иногда превосходили такие карликовые галактики, как Магеллановы облака. Количество звезд в них варьировалось от тысячи — как в кубоиде Мазилла-1, до сотен тысяч, и «беседовать» с такими системами вряд ли представлялось возможным. Но для выполнения своих замыслов, к примеру, для строительства новых кубои-

дов и связи с родственными структурами кубоиды должны были иметь некую исполнительную периферию. То есть слуг. А роль слуг вполне могли исполнять какие-нибудь крутые операторы типа орилоунов или маатан, владеющих достаточным запасом энергии и тайнами оперирования реальностью. Надо было только определить возможные районы их дислокации и разработать алгоритм связи с ними.

До вечера (относительного, естественно, так как смена дня и ночи на Ван-Бисбруке не совпадала с двадцатичетырехчасовым суточным циклом Земли) Маттер гонял инк в темпе погони, заставляя работать на пределе возможностей, затем попытался проникнуть в базу данных Института пограничных физических проблем. Потребовались результаты последних экспериментов с эйнсофом, без которых невозможно было интерпретировать уже имеющиеся данные. Однако это ему сделать не удалось. Инк Института был защищен новой антивирусной и антихакерской программой, которая сама попыталась взломать защиту маттеровского компьютера. Пришлось выходить из Интерсети и блокировать доступ к инку, чтобы никто не смог вычислить его адрес.

Раздосадованный помехой, Герхард наорал на жену, подвернувшуюся под руку, налил себе сухого вина, чтобы успокоиться, потом добавил виски, посидел немного, размышляя о нелегкой доле ученого, и созрел для подвигов. Мелькнула мысль, что не мешало бы посоветоваться с Баренцом или Ромашиным, но рассудка не зацепила. Маттер включил консорт-линию, веря, что криптоаппаратура контроля связи не подведет, и набрал личный номер руководителя группы по исследованию эйнсофа Казимира Ландсберга.

— Герхард? — удивился бывший председатель СЭКОНа, когда виом воспроизвел его рыхлое, с презрительной складкой губ, сонное лицо. — Три часа ночи! Не мог дожидаться утра? Постой... ты же в бегах...

— В бегах, — ухмыльнулся Маттер. — Благодаря твоим приятелям из Ордена, чтоб у них хрен на лбу вырос! Извини, что разбудил, у нас тут еще вечер.

— Где это — у вас?

— Не на Земле. Слушай, Казимир, не мог бы ты помочь в честь бывлой дружбы? Я тут столкнулся с одной проблемой... мне срочно нужны ваши последние результаты. Не сбросишь на мой сервер?

Ландсберг помял лицо ладонью, качнул головой.

— Нахал ты, однако, Гера. Ты же знаешь положение дел. За один только разговор с тобой меня запросто могут выгнать из института!

— Авось не выгонят, не узнают. Если только сам не признаешься. Так поможешь или нет?

— Не могу, не имею права. Хотя... если сделать иначе... приходи ко мне, дам посмотреть записи прямо из оперативного инка. Что запомнишь, то твое. Заодно посидим, поговорим, вспомним добрые старые времена.

— Для кого-то они, может быть, и добрые. Честно говоря, неохота мне мотаться туда-сюда по метро, как заяц... а с другой стороны, почему бы не посидеть? Где ты сейчас обитаешь?

— Домой лучше не надо, жену разбудишь, давай в институт и, если можно, через пару часов. Я закажу чего-нибудь выпить и закусить.

— Пропуск нужен?

— Я сам тебя встречу.

— О'кей.

Виом погас.

Маттер допил виски, полежал в кресле, приятно расслабленный, вспоминая детство, и пошел переодеваться. Спустя час он тихонько покинул базу через терминал метро, забыв о своем обещании предупреждать руководство Соппротивления о намерениях выйти за пределы охраняемой территории. Охранника, который попытался задержать его и попросил показать разрешение на выход, Маттер просто «выключил» мысленно-волевым усилием, так что тот не мог потом вспомнить, что произошло. Лишь автомат защиты метро зафиксировал старт и личность пользователя, но об этом стало известно позже, когда произошла смена дежурных.

Институт пограничных физических проблем располагался в Москве, на территории старинного парка, где когда-то, двести с лишним лет назад, стоял Институт ядерных исследований имени Курчатова. Собственно, ИПФП являлся его преемником и использовал сложившуюся подземную и надземную инфраструктуру «Курчатника», хотя его основной корпус был построен недавно и представлял собой суперсо-

временное здание-организм, выращенное в стиле «виноградная гроздь».

Терминал метро института находился в одной из нижних «виноградин» здания-грозди.

Маттер вышел из кабины, сканируя пространство холла и всего института «локатором» «третьего глаза», но опасности не учуял. Несмотря на то что на долготу Москвы была ночь, институт работал, поэтому в здании царила деловая атмосфера, хотя ночной ритм деятельности все-таки был спокойнее дневного.

Ландсберг ждал гостя у выхода из зала метро. Небольшого роста, он вдобавок еще и горбился, отчего казался маленьким и несчастным. Лишь сверкающий в запавших глазах огонь высокомерной самоуверенности указывал на силу воли этого человека, отличавшегося жестоким стремлением к абсолютной власти.

Они пожали друг другу руки.

— Привет, ненормал. Мне говорили, что ты сбежал с Земли. Не боишься, что я тебя сдам Службе?

— Если бы хотел сдать — не предупреждал бы, — хохотнул Герхард. — Конечно, на Земле теперь неуютно работать, но ты же знаешь, мне нужен всего лишь доступ к Интернету и к базам данных Больших Умников. Все остальное, — он постучал пальцем по лысому черепу, — я ношу здесь.

— Поехали ко мне.

Они сели в лифт, вышли через минуту на сорок втором горизонте здания, перед дверью с табличкой: «Сектор ИМП». Дверь открылась.

Коридор с пятью светлыми прямоугольниками дверей, в толще которых горят оранжевые огоньки, указывая на отсутствие хозяев. Огонек на второй двери слева сменил цвет на зеленый, дверь растаяла.

Рабочий модуль Ландсберга представлял собой стандартный технококон с вириалом инка, рабочим столом, креслом и крохотной зоной отдыха. Видеопласт модуля был выключен, из-за чего подсвеченные изнутри алмазной россыпью искр стены, казалось, имели огромную многометровую толщину.

— Я думал, ты уже не вернешься к науке, — сказал Маттер, озираясь. — По опыту знаю, что люди, вкусившие пре-

лестей политики, к прежней своей деятельности не возвращаются.

Глаза Ландсберга под мощными бровями недобро сверкнули.

— Я еще взлечу на Олимп! Немного ждать осталось. Они у меня вот где все будут! — Он сжал кулак.

— Кто?

— Есть деятели... — По губам начальника сектора скользнула кривая улыбка. — Не дают развернуться. Да и ты попал не в ту компанию, старик. Бросил бы играть в эти дурацкие игры с Сопротивлением, поиском суперцивилизаций, попытками помешать нам.

— Откуда ты знаешь, чем я занимаюсь?

— Разве ты не встречался с Барашенковым неделю назад? Он и рассказал. Кстати, почему ко мне не зашел?

— Ты отсутствовал, а материал мне был нужен срочно.

— Садись, побеседуем. Пить что-нибудь будешь?

— Только джин с тоником и со льдом, если есть.

Ландсберг достал из бара стаканчики, бутылки с джином и виски, налил гостю джина, себе виски, бросил в каждый стаканчик по кубику льда. Они сели на изогнутый буквой «с» диванчик в зоне отдыха.

— Что ты хотел узнать конкретно?

— Результаты последних экспериментов с эйнсофом.

Ландсберг сделал глоток, поморщился.

— Эйнсоф не колется, сволочь! Глощает аппаратуру, маяки, капсулы МК... кстати, напрасно вы уничтожили МК-завод на Меркурии, у нас большие запасы микролов... и ничего не возвращает! Хотя есть интересные записи запусков внутри него видеозондов.

— Зачем вы это делаете, Казимир? Ведь это опасно. Когда-нибудь эйнсоф возбудится, и от вашей лаборатории, да и от Меркурия вообще, останутся рожки да ножки. Кто тебе предложил заниматься активацией сферы Сабатини? Уж не Данила Шаламов, случайно?

Глаза Ландсберга сузились.

— Во-первых, не Шаламов, есть люди повыше рангом. А во-вторых, ты что-то имеешь против него?

— В общем-то, как человек он мне безразличен, — пожал плечами Маттер. — Но как путешественник, повидавав-

ший много удивительного, интересен. Хотелось бы встретиться с ним, побеседовать.

— Могу устроить.

Маттер засмеялся.

— Раньше ты юморением не отличался.

— А я не шучу.

— Ладно, показывай, что у тебя есть.

Ландсберг некоторое время изучал лицо ксено-психолога, словно решая, что с ним делать, выгнать или подождать, потом включил видеосистему.

Стены комнаты исчезли. Люди на диванчике повисли над обрывом черной бездны, усеянной звездами. А потом напротив проявилась колоссальная огненная стена, испещренная узором более ярких трещин и факелов еще более яркого пламени. Это было Солнце.

Маттер закрыл глаза ладонью.

Ландсберг уменьшил яркость изображения, светило приглушило свой блеск, в границах конвективных ячеек фотосферы стали видны еще более мелкие гранулы, похожие на зерна попкорна. Затем фронт изображения чуть сместился, и зрителям показался край Меркурия с висящей над ним черной сферой эйнсофа. Вокруг сферы виляла призрачная световая метель, образуя необычный изогнутый конус вершиной к Солнцу.

— Он все быстрее удаляется от поверхности Меркурия, — сказал Ландсберг, хищно скаля зубы. — Примерно на сто километров в сутки. Сначала мы думали, что это следствие нелинейности гравитационного взаимодействия с солнечным полем.

— Абсолютная чепуха!

— Потом обнаружили фронтальные фазовые осцилляции вакуума, как бы подталкивающие его к Солнцу. Из-за этого градиента создается эффект давления...

— Дай мне записи ваших последних запусков, я сам разберусь.

— Мы скормили ему около сотни старых ядерных бомб и два стрингера.

— Ну?! — подался вперед Маттер.

— Ну, и ничего, — усмехнулся Ландсберг. — От взрывов бомб вообще никаких особых эффектов не наблюдалось, а при попадании стрингеров фиксировались весьма необыч-

ные пространственные судороги. Половина зондов растаяла, как сахар в кипятке, вторая половина выдала странные результаты — расползание метрики.

— Этого следовало ожидать. Вы же раскачиваете мерность нашего местного континуума, эйнсоф выплескивает «избыток» измерений, и пространство становится «рыхлым», рвется на многомерные куски. Удивительно, что вы еще не развалили Меркурий.

Ландсберг пожевал губами, выключил проектор.

— Ты хороший теоретик, Гера, но плохой психолог. Зря ты пришел ко мне сегодня.

— Почему?

— Мы по разные стороны баррикад. Тебе платят за одно, мне за принципиально противоположное.

— Ерунда! — махнул рукой Маттер. — Мы изучаем одно и то же явление.

— Ты не понял, Гера. Мне платят не за изучение эйнсофа, а за его дестабилизацию, за превращение в черную дыру.

— Ты серьезно?! — вытаращил глаза Маттер. — Зачем тебе это надо? Представляешь последствия?!

Ландсберг засмеялся.

— Интересная у тебя реакция. Ты меня даже не спрашиваешь, кто мне платит и каков гонорар.

— Ну, и кто тебе платит?

— Не поверишь: Даниил Шаламов.

— Да брось... — Маттер остановился на полуслове, внезапно почуяв поток внимания к своей персоне: кто-то посмотрел на него издали, как проснувшийся тигр, с ленивой снисходительной алчностью.

В институте по-прежнему царила деловая суеда, никто никуда не бежал с целью захватить гостя, никто не окружал кабинет Ландсберга, и тем не менее Маттер, покрываясь холодным потом, ощутил приближение опасности.

— Ты вызвал...

— У меня есть предложение, — перебил его Ландсберг. — Переходи на нашу сторону, бросай Сопротивление, оно обречено. Неужели вы думаете, что уничтожив МК-завод, вы нас остановите? Чушь собачья! Мы построим другой завод и уже строим. А каждый из вас в результате стал преступником, на каждого объявлен всеземной розыск. Тебя же мы обеспечим защитой и всем необходимым для работы, дадим

лабораторию, помощников, — он усмехнулся узкими губами, — и помощниц. Будешь как сыр в масле кататься.

— Я же интрасенс, ненормал, — в свою очередь усмехнулся Маттер. — Любой либеро может подловить меня где-нибудь и шлепнуть.

— Не волнуйся, мы обеспечим тебе охрану, никто даже не узнает, что ты работаешь на нас.

— Это же... предательство!

— Ерунда! — поморщился Ландсберг. — Тебе никто не предлагает становиться нашим агентом в Сопротивлении, и без тебя людей хватает. Ты нужен нам как классный специалист в области многомерной физики. Таких у нас мало. А в обмен получишь все, что пожелаешь.

— Мне ничего не надо.

Ландсберг покачал пальцем, допил виски, положил в рот дольку мороженого ананаса.

— Это ты безусым юнцам лекции читай насчет «ничего не надо». Человеку в любом положении много чего надо. Хочешь, мы подарим тебе пару вилл в самых красивых уголках Солнечной системы? За тобой будут ухаживать, как за особой королевской крови. Гарем хочешь?

— Бред!

— Не хочешь и не надо. Кстати, вовсе не бред, все реально. У моих покровителей огромные возможности.

— Ты же говорил, что твой покровитель — Дан Шаламов.

— Он тоже действует от имени йихаллах... неких сил. Так вот эти силы в состоянии воплотить любые твои фантазии. Хочешь, станешь директором института. А хочешь — получишь место в Европарламенте или даже в ВКС.

— Не хочу, — мотнул головой Маттер, все еще ощущая на себе чей-то иронично-снисходительный взгляд. Тот, кто оценивающе смотрел на него, находился вне здания института, но мог появиться здесь в любой момент. — Я, пожалуй, пойду. Записи дашь?

Ландсберг вздохнул, развел руками.

— Экий ты несговорчивый, Гера. Однако сегодня не твой день. Зря ты заявился ко мне. Жаль, что я не смог тебя уговорить влиться в нашу команду. В конце концов мы и без тебя обойдемся, и без твоих друзей. Человечество обречено, ты же знаешь. К чему бороться с тем, что придет неизбежно? Потеряв Солнечную систему, мы лично ничего не потеряем.

У нас будут другие звезды, планеты, дворцы, замки, красивые ландшафты, рабы и слуги, наложницы и наложники. У нас будет власть!

— Фигня! — сказал Маттер.

— Согласен, — раздался вдруг из воздуха чей-то голос, и в кабинете возникла стеклянно-прозрачная фигура, породив легкую волну холодного воздуха.

Маттер вскочил.

Фигура покрылась облачком искр и превратилась в мужчину в униформе. На ксенопсихолога глянули темные глаза Даниила Шаламова, бывшего космена-спасателя.

— Согласен, — повторил гость, словно не замечая реакции Герхарда, — все это фигня на постном масле: деньги, гаремы, замки... Власть в принципе вещь неплохая, особенно если знаешь, как ею распорядиться, но и без нее можно обойтись. Есть вещи поглубже, помасштабнее.

— Дан... — пробормотал Маттер, глянул на Ландсберга. — Ты все-таки подставил меня, скотина!

— Мне платят за это, — пожал плечами захмелевший хозяин кабинета, наливая себе еще виски. — И очень неплохо. Прозит... — Он выпил. — Извини. Если не хочешь прослыть среди своих друзей предателем, — а мы можем это устроить, пустить слух, — соглашайся с Даном.

— Садись, Герхард, — сказал Шаламов, устраиваясь на столе, — поговорим.

— О чем?

— О твоём незавидном положении.

— Я могу в любой момент...

— Знаю, можешь остановить сердце и умереть как герой. Но стоит ли умирать, друг мой, не выслушав предложения?

— Ты ничего не можешь предложить, что меня могло бы заинтересовать.

— Ошибаешься. Садись, я сказал!

Колени Маттера ослабли, и он буквально упал на диван.

— Повторяю, есть вещи помасштабнее тех, о которых тебе говорил Казимир. Кстати, он благородный человек. Он мог бы просто вызвать спецназ Службы, и ты бы уже давно давал показания следователям, рассказывал бы о том, где находится ваша база и твои друзья.

— Никогда!

— Увы — да, мой друг, у Службы достаточно средств,

развязывающих язык даже мертвым. Но вместо этого Казимир связался со мной. Так что тебе крупно повезло... в определенном смысле. Итак, будем говорить серьезно. Я знаю, над какими проблемами ты работаешь и чего хочешь достичь. Предложение такое: я помогу тебе добиться цели, дам возможность работать свободно по любой тематике, а главное — предоставлю объем информации, которого ты не сможешь получить, даже прожив две жизни. Идет?

Маттер скривил губы, покачал головой.

— Я не предам своих...

Шаламов поморщился.

— Заладил как попугай: не предам, не предам... Никто не собирается требовать от тебя предавать друзей. Я и так знаю, что ваша запасная база находится на Ван-Бисбруке. Речь о другом. Помогите нам раскатать эйнсоф, и ты получишь все, о чем мечтал: знание древних! Знание об устройстве Вселенной. Разве это не хорошая плата за определенную работу, причем интереснейшую — по сути — работу?

— Ты же ученый, в конце концов, — добавил Ландсберг невнятно; глаза его заблестели от выпитого, — а не защитник человечества. Неужели тебе не надоело жить в постоянном страхе? Иди к нам. Уж лучше ужасный конец, чем ужас без конца, как говорил Мэрфи.

— Это не довод.

— А что для тебя довод?

Маттер помолчал, вертя в пальцах стаканчик из-под джина, усмехнулся, глянул на Шаламова. В глазах его на мгновение всплыл жадный интерес.

— Отеллоиды успели запустить в эйнсоф чашу — обломок суперстринга?

Ландсберг и его покровитель переглянулись. Шаламов подмигнул Маттеру.

— А ты хитрец, Герхард. Хорошо разобрался с проблемой. Если бы не Леон Торопов, матка отеллоидов вбросила бы чашу в эйнсоф, и мы лишились бы «роддома» черной дыры.

— Разве это не с твоей подачи отеллоиды искали чашу?

— С моей. Я был уверен, что развертка чаши ускорит рождение форпоста Блэкхоул на месте Солнца. Но я не физик, я всего лишь бывший спасатель-безопасник, мне далеко до тебя. Я могу и ошибаться.

— Жаль, что этот молодой дурак остановил отеллоидов. —

Маттер хихикнул. — Хотел бы я увидеть, что случилось бы с эйнсофом, попади в него обломок стринга. Что же ты так опростоволосился, Дан? А еще предлагаешь мне «древнее знание». Ты же сам ни черта не знаешь!

Шаламов потемнел, сверкнул глазами, и Маттер с ужасом почувствовал, что не может двинуть ни руками, ни ногами.

— От... пус... ти... — прохрипел он.

— Слизняк, — процедил Шаламов сквозь зубы. — Интрасенс гребаный! Болтун! Все, переговорам конец! Или ты соглашаешься работать с нами, или... — Он шумно выдохнул, успокаиваясь. — В качестве платы могу предложить следующее. Ты жаждал выйти на системы кубоидов — я дам тебе связь со сверхскоплением Шепли. Слышал о таком?

Маттер мигнул.

Гигантская система галактик Шепли содержала в себе десятки тысяч таких звездных островов, как Галактика, родина Солнца. Там же, по данным астрономов, были обнаружены десятки кубоидных структур. Но человек добраться до сверхскопления Шепли еще не успел, так как расстояние от Солнца до этой громадной структуры — шестьсот пятьдесят миллионов световых лет — было пока непреодолимо для разведкораблей земной цивилизации.

— Так вот, я дам тебе возможность поработать с Шепли-системой, — продолжал Шаламов, — и даже побеседовать с ее йихаллах — обслуживающим персоналом, так сказать. Если только сможешь заинтересовать его своими гениальными идеями. Кроме того, я познакомлю тебя и с другой йихаллах, которая обслуживает Блэкхоул. Она поближе и попроще. Надеюсь, после этого ты проникнешься величием ее замысла и убедишься, что есть нечто большее, чем жалкое подобие разумной системы — человечество.

Маттер с трудом сглотнул.

— От... пус... ти...

Шаламов боднул воздух лбом. Стены кабинета обежала волна искривления.

— Решай!

— Соглашайся, Гера, — благодушно улыбнулся окончательно ослотившийся Ландсберг. — У тебя нет другого выхода.

Петля удушения отпустила Маттера. Он судорожно вздохнул, схватился рукой за горло...

ГЛАВА 10

ОСЫ ПРОТИВ БОГОМОЛОВ

Возвращение эскадры «осиных» кораблей в пространство Солнечной системы произошло легко и просто, без особых физических эффектов и нервных потрясений.

В какой-то миг людей в рубке флагманского крейсера, управляемого Шершнем, как бы вывернуло наизнанку, они потеряли сознание, а когда пришли в себя, оказалось, что эскадра уже в полном составе дрейфует среди ледяных глыб пояса Койпера.

— Теперь я точно знаю, где мы побывали, — сказал Железовский, вылезая из пилотской ячейки и потягиваясь. — Это урна.

— Что? — удивилась Дарья, выглядывая поверх края своей ячейки. — Какая урна?

— Стакан, внутри которого свернута часть чужой вселенной, на самом деле урна с прахом Галиктов. Ну, или усыпальница, своеобразный саркофаг. Цивилизация умерла, то ли от старости, то ли от болезни, то ли пала на поле боя, и район ее обитания свернули в компактную «многомерную урну».

— Кому это понадобилось?

— Вопрос интересный, но не отрицающий факта. Возможно, кто-то из галиктов стал Вершителем и позаботился таким образом о сохранении «бренных остатков» культуры в память о ее былом величии.

— Каким же образом стакан... э-э, урна оказалась у Шаламова?

— На этот вопрос может ответить только он сам. Думаю, таким же образом у него оказалась и урна с прахом цивилизации Мантоптеров, откуда он вытащил целый бесхозный «богомольский» флот.

Дарья скептически фыркнула, ища взглядом поддержки мужа. Дар промолчал. Его точка зрения была близкой точке зрения прадеда.

— Я не вижу тоннеля... выхода из стакана...

— Скорее всего он свернулся автоматически, как только мы вышли из него. Шершень, поищи объект, в который мы ныряли.

«Уже нашел, — отозвался инк. — Он все еще светится».

— Покажи.

Зал рубки оделся в темноту.

Среди бликующих в лучах далекого Солнца и звезд глыб льда и снега просиял алый огонек. Это и в самом деле был знакомый стакан — вход в умирающий мир Галиктов.

— Красиво! — прошептала Дарья. — Как уголек костра... Кстати, а где свеча?

— Она отслужила свое.

— Значит, туда мы больше не попадем?

— Наверное, уже нет.

— Астероидов стало меньше, — заметил Дар. — Вдвое.

— Очевидно, большую часть засосало в горловину входа, — предположил Железовский. — Ну что, мальчики и девочки, мадам и месье, судари и сударыни, отдых наш закончен. Забираем стакан и мчимся обратно. Чует мое сердце, дела тут идут неважно.

— Интересно, сколько времени мы провели в саркофаге галиктов?

— Около трех суток по местному времени.

— Откуда ты знаешь?

— Спросил у приятеля.

— Какого приятеля?! — опешила Дарья.

— Почаще обращайся к своему трансферу, дорогая моя. Он постоянно находится вне времени и пространства, хотя при этом контролирует и то и другое. Поехали на Землю.

— У нас есть план?

— Будем действовать по обстановке.

На сборы ушло несколько минут. Туалет-утилизатор, созданный Шершнем по заказу пилотов, был один, и приходилось посещать его по очереди.

Шершень выловил манипулятором остывающий стакан-саркофаг. Экипаж побаловал себя соком, расселся по местам. И эскадра помчалась к Солнцу, набирая скорость сумасшедшими темпами. Но даже свету понадобилось бы несколько часов для преодоления расстояния, разделявшего орбиты Плутона и Земли, поэтому решили перейти на «струнное» движение. Спустя несколько секунд после старта в стринг-режиме все семь «осиных» крейсеров объявились в ста тысячах километров от Земли.

Включились системы обзора и ориентации.

Пилоты получили полный объем информации о состоя-

нии околоземного пространства, плюс визуальные панорамы поверхности родной планеты в избранных районах — на территории общины Светорусь. Вывод за всех сделала Дарья:

— Собаки бешеные! Они же заблокировали весь материк!

Ее слова соответствовали истине.

Над всей территорией Русских равнин висели десятки черных «драконов» — мантоптерских кораблей! Время от времени какой-нибудь из них срывался с места, пикировал на город или на лес, стрелял в него лучом фиолетово-лилового огня и возвращался обратно. Сомнений не было: тот, кто руководил флотом мантоптеров в Солнечной системе, решил перестраховаться и контролировать любое движение на поверхности Земли, чтобы никто не смог поднять в космос звездные корабли и помешать его возне с эйнсофом.

— Отец! — прошептал Дар, бледнея. — Мама...

— Не думай об этом! — воскликнула Дарья. — Они живы, вот увидишь!

— Готовы? — угрюмо осведомился Железовский. — Мы атакуем!

— Да! — хором ответили молодые люди.

— Шершень, объясни коллегам, что надо делать.

«Программа введена!» — лихо ответил инк.

— Вперед!

Эскадра «осиных» кораблей бросилась в атаку.

Со стороны, наверное, это было завораживающее зрелище.

Семь внезапно вынырнувших из глубин космоса копьевидных звездных машин стремительно сблизилась с черными «драконами» и нанесли дружный удар. Шестеро Галиктов стреляли из минус-гравитационных орудий, корабль Шершня еще добавил и мощный лазерный импульс, отчего результаты залпа оказались различными.

Шесть «драконов» рухнули вниз, как всадники, выбитые из седел, но смогли затормозить падение и вышли из строя лишь на короткое время.

Выстрел Шершня получился намного убедительней.

От первого удара «дракон» получил только нокдаун, потрясший весь гигантский трехкилометровый крейсер. Вторым удар нашел брешь в его дезорганизованной защите, и «дракон» взорвался, разбрызгивая на десятки километров ручьи и ключья огня.

— Вот тебе! — закричала Дарья. — Убирайтесь вон, мерзавцы!

«Шершень, подскажи ведомым, что противника надо бить дважды, а то и трижды!» — быстро сориентировался Дар.

«Понял!»

«Осиные» корабли увернулись от ветвистых молний, которыми их пытались поразить крейсера Мантоптеров, снова пошли в бой.

На этот раз их атака оказалась более успешной. Были сбиты и взорвались еще три «дракона». Остальные заматались над облаками, теряя строй, бросились врассыпную, попытались контратаковать, но потеряли еще четыре крейсера и начали покидать атмосферу Земли, выскакивать в космос, как ныряльщики из воды.

Правда, пострадала и «осиная» эскадра. Один корабль взорвался, получив сразу несколько попаданий, второй потерял ход и был вынужден совершить посадку недалеко от Риги, где его и добили мантоптерские «драконы». И все же бой можно было считать выигранным. Семь кораблей Галиктов одержали верх над тремя десятками Мантоптеров, заставив их очистить атмосферу Земли от своего присутствия. Далеко они не ушли, спрятались за спиной Луны, изредка вылетая оттуда по одному для рекогносцировки и наблюдения за противником. Складывалось впечатление, что они ждут команды от своего начальства, не решаясь снова затевать бесперспективное сражение. И команда эта наконец поступила.

Все уцелевшие «драконы» вдруг появились над Луной, хищной стаей кинулись к Земле.

Шершень сыграл тревогу, его коллеги рассредоточились, собираясь дать отпор врагу. Но стая «драконов» уклонилась от боя. Сделала пируэт и компактной группой помчалась прочь от Земли, к Солнцу.

— Испугались! — со смешком проговорила Дарья. — Здорово мы их обломали! Может быть, догоним?

«Шершень, пощупай эфир, — мысленно попросил Дар. — Они должны переговариваться с базой».

«Я записал передачу и запеленговал источник — планету Меркурий. Они обменялись сообщениями».

«Можешь расшифровать?»

«Ничего расшифровывать не надо, переговоры прошли

на спин-торсионных полях, модулированных вербально. Вы разговариваете на этом языке».

«Включай».

В зале зазвучала человеческая речь:

— Мы атакованы превосходящими силами противника!

— Разве на Земле сохранился боевой флот?!

— Нет, это эскадра Галиктов.

— Откуда она здесь?!

— Не знаю.

— Сколько их?

— Два десятка... или чуть поменьше...

— У страха глаза велики! Атакуйте их, у нас там более трех десятков боевых коряг!

— Мы уже потеряли восемь...

Пауза.

— Хорошо, возвращайтесь.

Два свистка, тишина.

Пилоты приподнялись над краями своих ячей, глядя друг на друга.

— Узнали? — хмуро поинтересовался Железовский.

— Леон Торопов, — пробормотал Дар. — Это его голос.

— И Даниил Шаламов! — прошептала Дарья.

Аристарх покачал головой.

— Думаю, это «неполный» Шаламов. Он оставил здесь свою копию, двойника, для контроля ситуации. Если бы «весь» Дан был здесь, он уничтожил бы нашу эскадру в два счета!

— Что будем делать?

Железовский посмотрел на правнука, снова полез в ячейку.

— Поищем князя, обсудим положение дел. Там будет видно. Шершень, поворачивай к Земле.

Инк «осинового» корабля повиновался без единого возражения. Словно понимал, кто главный в его экипаже. А может быть, и в самом деле понимал.

* * *

Все хутора общины были разрушены воздушными налетами «драконов», и совет проходил на небольшой поляне в глухом Дебрянском лесу, недалеко от края Вщижского болота, где почти год назад Дар обнаружил терем деда Дарьи,

Макара Мальгина, и спас от уничтожения хранившиеся там артефакты. Вел совет князь, сумевший сохранить жизнь большинству хуторян Дара. Не пострадала и мать чистодоя, за которую он переживал больше всего, страстно желая, чтобы она была жива.

Гостей — Дарью и Аристарха — тоже пригласили на совет, хотя права голоса они и не имели. Даже Дарья, став женой общинника, не могла давать какие-либо рекомендации и участвовать в голосовании наравне со старшими. Она и не пыталась. Сидела тихонько рядом с мужем и слушала нетопливые речи суровых мужчин.

Совет заслушал Дара, потом Железовского, и князь, огладив светлую бородку, предложил высказываться членам совета.

Пожелали высказаться немногие: наставник Вольга, старший витязь Боригор, Малх и отец Боряты Арата Лютый. Все их предложения сводились к одному: надо уходить с центральной части материка на юг, к границам Син-общины, и там обустраивать жизнь заново. Однако им возразил Скиба Дерзок, напомнив, что для черных «драконов» не существует расстояний и что они могут так же легко разрушить вновь отстроенные хутора в любой точке земного шара.

— Что ты предлагаешь конкретно? — осведомился Бояр Железвич.

— Воевать! — стукнул кулаком о колено Скиба.

— Чем? У нас нет флота, — мягко сказал Вольга, — и нет достаточно мощного оружия.

— Теперь есть! Пять военных летаков! Мы видели бой, наши летаки быстрее и изворотливее!

— Но их все равно мало, чтобы отразить более мощную атаку.

— Мы разминировали двенадцать черноболей. На пяти есть старые летаки СПАС-флота, всего около десятка, их можно расконсервировать и вооружить.

— Опять же — чем?

— Пусть чистодои ползаят по Сети, наверняка отыщутся схроны с оружием наподобие того «дыробоя», с помощью которого княжич уничтожил аж двадцать пять «драконов»!

Князь в задумчивости посмотрел на небо.

Вечерело. На западе горел перисто-алый закат, предвещая ветер. Появились растущие полосы снежных облаков.

Несмотря на раннюю теплую осень, снег мог пойти в любой момент, что говорило о новом изменении климата. Зона благодатной погоды смешалась к востоку, и теперь самым комфортным для проживания становился берег Северного океана. Некогда Ледовитого. В настоящее время льдов на его поверхности почти не осталось.

— Скиба прав, — шепнула Дарья на ухо мужу.

Дар не ответил.

— Твое мнение, Аристарх? — повернул голову к Железовскому князь.

— Можно, конечно, было бы жить и в городах, — добавил Малх, заговорив вместо гостя, виновато глянул на князя. — Но никто не даст гарантии, что «драконы» не возьмутся и за них.

— Лучше в лесу жить, в землянках, — мрачно прогудел Боригор. — Но доколе можно терпеть? Скиба прав, надо воевать. Иначе нас перебьют одного за другим.

— Есть другие мнения? — нахмурился князь.

Все замолчали и перевели взгляды на гостя, высившегося даже среди рослых дружинников глыбой металла.

— К сожалению, я не могу перебросить в ваше время земной флот из моего времени, — проговорил Железовский басом. — Поэтому придется обходиться своими силами. Ваш родич подал неплохую идею. Пусть те, кто способен активировать уцелевшие спейсеры на территории черноболей, немедленно займутся этой работой. Другие пусть ищут оружие. Если удастся сформировать хотя бы небольшую эскадру для отражения воздушных атак, это заставит агрессоров действовать не столь нагло, как раньше. Да и крейсера галиктов — весьма достойная защита. Это первое. Второе: уверен, что корабли мантоптеров, эти самые «драконы», имеют еще одну базу — в саркофаге. Его надо найти и уничтожить. А с оставшимися «богомольцами» мы справимся.

— Что такое саркофаг?

Железовский покосился на правнука:

— Объясни.

Чистодей показал совету стакан, представлявший собой свернутое пространство со звездной системой, родиной разумных ос, и поделился догадкой прадеда, что флот Мантоптеров тоже мог быть законсервирован в таком же космиче-

ском «саркофаге», который добыл где-то много лет назад Даниил Шаламов.

— Шаламов... снова ваш Шаламов, — хмуро сказал князь. — Посмотреть бы на этого человека. Кто он? Воевать на стороне каких-то немыслимых тварей может только психически нездоровая личность.

— Он и в самом деле болен, — заявила Дарья. — Им больше руководят инстинкты да «черныеклады» в подсознании. А лечиться он не желает.

— Черныеклады?

— Запасы чужих знаний. Он прокачал их через себя, когда спасал маатанина, и сам едва не превратился в черного человека. С тех пор он себя и не контролирует.

— Мы можем с ним договориться?

— Не знаю.

— А справиться?

— Только ее отец, — Железовский кивнул на девушку, — равен ему по силам. Он его ищет... чтобы убедить перейти на нашу сторону. Но гарантий нет.

— Тогда мы проиграем.

— Еще не вечер, — дернул уголок губ человек-гора. — Мы не так уж и беспомощны, как кажется. Клим послал гонца за помощью, так что подождем.

— Какого гонца? — не поняла Дарья.

— «Почтовый файл», с помощью которого мы с твоей мамой вызвали отца.

— Хроноквантовый ансамбль? Голыш с искрой?! Мне папа ничего не сказал... И кого же он вызвал?

— Майкла Лондона.

— Ура! — Дарья захлопала в ладоши и сконфузилась. — Извините... это от избытка чувств... Дядя Майкл очень хороший человек и сильный маг, он наверняка отзовется.

— Это хорошо, — неопределенным тоном проговорил Бояр Железвич, глядя на нее с сомнением. — Возможно, кто-нибудь действительно согласится к нам присоединиться. Однако пока это произойдет, «драконы» уничтожат всю Землю. Стоящие перед нами задачи надо решать самостоятельно. Есть еще варианты, планы?

— Есть, — поднял руку Дар; все посмотрели на него, но лицо молодого чистодоя не дрогнуло. — Для начала нужна разведка. База Мантоптеров находится там же, где была и

база отеллоидов, — недалеко от эйнсофа. Надо выяснить, сколько кораблей она имеет и кто ими руководит.

— Леон Торопов ими руководит, — сказала Дарья уверенно. — Мой сокурсник, мы вместе учимся... учились в нивере. Он сын бывшего командора Погранслужбы и... в общем, плохой человек. Если бы его не пожалели в прошлый раз, сегодня он не путался бы у нас под ногами.

— Появился бы еще кто-нибудь, — не согласился Дар. — Предлагаю слетать к Солнцу на нашем корабле, он имеет систему маскировки, и выяснить все, что нам нужно. А вдобавок поискать саркофаг с Мантоптерами.

— Сами Мантоптеры, наверное, давно вымерли, — добавила Дарья, — как и наши друзья — Галикты, но это сути проблемы не меняет. Спейсеры богомоллов тоже умеют действовать самостоятельно. Уничтожим их императив-центр, они к нам сами больше не полезут.

— Устами женщины... — посмотрел на нее князь уважительно.

— Глаголет сраженная ее логикой истина, — закончил Аристарх. — Идея между тем неплохая, признаю. Надо обдумать. В остальном мы полагаемся на твое решение, князь. Это твое время, твой дом и твоя семья, ты лучше знаешь, что надо делать.

— Черное время... — Князь снова огладил бородку, размышляя над словами гостя, кивнул. — Да будет так...

* * *

Налет начался рано утром, когда заря только-только вызолотила восточный край небосвода. Над Дебрянскими лесами появилась армада черных «драконов» в количестве тридцати с лишним единиц и с ходу, еще за границами атмосферы Земли, начала метать молнии, целя по зданиям древнего города и по редким летательным аппаратам, пересекавшим воздушное пространство по какой-то надобности.

Однако эскадра «осиных» кораблей не дала развернуться этой армаде в полную силу и с первой же контратаки сбила пять «драконов», а со второй еще три. Затем Шершень включил маскировку и, пользуясь преимуществами невидимости, скорости хода и внезапности, нанес еще четыре кинжальных удара по группировке мантоптерских крейсеров.

Потеряв в итоге половину эскадры, «драконы» отступили. Правда, и «осиных» кораблей стало на одного меньше.

— Еще три-четыре таких боя, — невесело пробурчал Железовский, — и мы снова останемся на бобах. Придется принимать рискованное решение.

У Дарьи загорелись глаза.

— Вызвать Шаламова на дуэль! Вместе с этим засранцем Леоном!

— Что-то зайцы нынче больно смелыми стали, — покачал головой Железовский.

— Это у нее головокружение от успехов, — сказал Дар. — Нужна разведка.

— Да, — кивнул Аристарх. — Пора прекращать это безобразие. Пойдем вдвоем, через час. Только Дашку высадим.

— Ну уж дудки! — возмутилась девушка. — Куда вы, туда и я! Что это еще за дискриминация?

— Это не дискриминация, — недовольно посмотрел на нее Аристарх. — Это трезвая оценка положения.

— Ничего себе трезвая! Разве я не справляюсь с трудностями наравне с вами? Разве не помогаю в бою? Чем я хуже княжича?!

— Даша, ну что ты говоришь? — тихо сказал Дар.

— Что я говорю?! — гневно прикусила губу Дарья. — Мы же везде всегда действовали вместе! А теперь меня за борт? Не пойду!

— Отставить пререкания! — сказал Железовский незнакомым металлическим голосом. — Будет так, как я сказал! Разведка — не женское дело. Не жалеешь себя, подумай о будущем ребенке.

Дарья открыла рот, собираясь спорить и дальше, но увидела каменное лицо математика и сникла.

— Я же не помешаю... и у меня есть трансфер...

— Все, разговорам конец. Шершень, дуй на место дислокации князя.

«Осиный» корабль, оставаясь невидимым, скользнул в атмосферу Земли, понесся к северу, помня координаты последней стоянки хуторян.

Дарья забилась в свою пилотскую ячейку и с мужем демонстративно не разговаривала. Не сказала она ни слова и когда выходила из рубки, гордо подняв голову.

Мужчины переглянулись.

— Обиделась, — пробормотал Дар.

— Ничего, девочка умная, все оценит и поймет. Рисковать сразу двумя жизнями я не хочу.

Они проследили за тем, чтобы Дарью встретили дружинники общины, и подняли космолет в воздух.

— Как будем действовать, правнук? Есть соображения?

— Если база «драконов» не имеет обслуживающего персонала, мы сможем пробраться на ее борт незамеченными.

— Если Шаламов все еще здесь, он этого не допустит.

— Вы же сами говорили, что он «неполный»... то есть копия...

— Все равно эта копия владеет неплохим экстрарезервом. Но, с другой стороны, вдвоем с ней мы должны справиться, как ты думаешь?

Дар честно задумался. Его совета спрашивали нечасто, и это льстило и придавало уверенности.

— Справимся.

— Что ж, так и поступим. Главное — добыть саркофаг с мантоптерским кладбищем... если, конечно, он существует. Одним ударом решим многие проблемы. Но давай договоримся: если я скажу — беги! — то беги, понял? Врубай трансфер и дуй на Землю через орилоунскую Сеть.

— Без вас? — смешался Дар.

Железовский обозначил обычную свою улыбку:

— Я не собираюсь героически погибать в бою с кем бы то ни было. Тем более что меня дома ждет сын.

Дар непонимающе уставился на прадеда.

— У вас есть... сын?

— Почему это тебя удивляет? Раз есть правнук, то почему не быть сыну? Когда я отправлялся к вам, ему уже исполнился месяц.

— Здорово! Мы не знали... Даша обрадуется.

Они легли в пилотские ячеи, и Шершень, включив радары, прыгнул в космос, прочь от Земли. Трое его уцелевших коллег остались стеречь небо над территорией Светоруси, хотя и были созданы в другом мире и для других целей.

До Меркурия добрались за считанные минуты, которые понадобились в основном не для преодоления расстояния, а для ориентации и расчета «струнной» траектории. Обнаружили несколько «драконов», рышущих над ближайшей к Солнцу планетой, но открываться и уничтожать их, естест-

венно, не стали. К Солнцу с черным зрачком эйнсофа двинулись уже «мелкими шажками», тщательно выверяя каждый такой шаг. Пространство в этой зоне просматривалось локаторами мантоптерских кораблей, и надо было не затронуть ни одно дрейфующее в космосе тело — здесь оказалось полно обломков станций и солнечных конденсаторов, — чтобы не насторожить противника.

Базы наподобие матки отеллоидов мантоптерский флот в количестве полусотни боевых посудин не имел. Роль базы, как и предполагал Железовский, играл один из кораблей, флагман флота, самый крупный среди остальных, к которому крепились остальные корабли. В этом отношении Мантоптеры не отличались от своих исконных врагов Галиктов, которые обладали примерно той же логикой.

Вплотную к черному рою «драконов» подходить не стали. Для поиска того, ради чего рисковали жизнью прадед и правнук, расстояние особой помехи не представляло.

— Подключайся ко мне, — сказал Железовский. — Пошупаем флагмана.

Дар привычно сосредоточился на вхождении в измененное состояние сознания. В душу влился ручей энергии, изменив горизонты чувствования и видения. Стали слышны электрические сигналы, бегущие по незримым цепям в корпусе корабля-ножа, проявились концентрации энергии внутри него, потом снаружи. Сильно мешало колоссальное вихревое электромагнитное поле Солнца, а также потоки света и заряженных частиц, но все же Дар смог немного отстроиться от них и, уцепившись за мысль-волю Железовского, как ребенок за руку старшего, последовал за ней в пространство.

Флагман мантоптерского флота представлял собой внутри сложный организм, пронизанный множеством кишкообразных тоннелей и щелевидных коммуникаций. В отличие от «осиных» творений, компьютер-мозг которых был распределен по всей массе корабля, космолеты Мантоптеров имели сосредоточенные в центре управления — в «голове», так как форма корабля повторяла форму тела Мантоптера, — счетно-вычислительные комплексы, мантоптерские интеллект-компьютеры. Поэтому реагировали они на раздражители иначе, как машины, получающие сигналы тревоги от сети периферийных датчиков, в то время как Шершень, к приме-

ру, имеющий плотную «нервную систему», пронизывающую корпус корабля, сразу начинал поиск нарушителя границы. Инк мантоптерского корабля проникновения на борт сгустка ментального поля, образованного пси-сферами двух интрасенсов, не заметил. Невидимое и неосязаемое облачко мысл и разведчиков двинулось по тоннелям флагмана, заглядывая в попадавшиеся на пути отсеки и ощупывая находившиеся там объекты.

Команды Мантоптер-крейсер не имел. То есть команды, состоящей из живых богомоллов, которые могли бы им управлять. Но экипаж на нем все-таки присутствовал. Состоящий из людей!

Всего их было шестеро. Четверо располагались в рубке управления, занимавшей самое большое помещение в голове «дракона». Двое возились в одном из ближайших отсеков, где была установлена кабина метро. Не мантоптерская — созданная людьми. Дар мимолетно подумал, что это очень удобно — иметь на корабле терминал метро, дающий возможность в любой момент покинуть борт крейсера или прибыть на него для участия в боевых действиях. Не мешало бы установить такую кабину и на «осином» корабле.

«Не отвлекайся!» — одернул правнука Железовский.

Двинулись дальше, но Дар вдруг нащупал идею и поделился с прадедом, считая, что их миссия вполне осуществима, если принять его план.

«Попробуем, — мгновенно понял его Аристарх. — Но сначала найдем артефакт. Он должен находиться здесь, в одной из кают экипажа. Либо его носит с собой наш приятель».

«Леон Торопов?»

«Дан Шаламов».

«Я его не чувствую».

«К счастью, я тоже».

Даниила Шаламова, ни «полного», ни «неполного», и в самом деле на борту мантоптерского монстра не оказалось. Среди четверых членов экипажа крейсера находился лишь давний знакомец Дара Леон Торопов, который в отсутствие наставника и руководил действиями мантоптерского флота.

«Что будем делать?» — спросил Дар, чувствуя, что начинает выдыхаться.

«Понаблюдаем».

«Я долго не смогу...»

«Держись, сынок! Другого шанса у нас не будет!»

Четверо людей в рубке флагмана, приспособленной для их обитания и работы, разговаривали мало. Они были заняты слежением за видеомониторами и переговорами с другими кораблями флота. Леон Торопов тоже сидел перед виомом, читал какие-то записи и схемы, рассматривал возникающие перед ним пейзажи, геометрические конструкции и панорамы Солнца с черным пятном эйнсофа. Изредка он окликал кого-нибудь из своих коллег, прохаживался по залу и снова садился за монитор.

«Да, так можно ждать долго, — пришел к неутешительному выводу Железовский. — Придется рисковать. Поворачиваем обратно».

Облачко мысли-воли обоих интрасенсов влилось в стену зала, не потревожив сознания работающих в рубке людей. Лишь Леон, будучи «супером», почуял что-то, огляделся, раздувая ноздри и прислушиваясь к долетавшим из недр корабля звукам, но так и не понял, что его побеспокоило.

Удача в лице одного из членов экипажа крейсера сама пришла в руки разведчиков. Не в руки, конечно, а в пси-резонансный контур. Не успели они просочиться в тоннель за стенами рубки, как столкнулись с человеком в блестящем унике. Интрасенсом он не был и оказать сопротивление объединенному психотронному полю Дара и Аристарха не смог. Они легко завладели его сознанием и сразу обрели массу, габариты, плотность, слух и зрение. Дальше космен — его звали Стив де Ниро — действовал уже под их диктовку.

В ухе Торопова заговорил наушник рации:

— Командир, спустись к каютам, тут кое-что интересное обнаружилось.

— Стиви? — удивился Торопов. — В чем дело?

— В моей каюте кто-то покопался.

— Чушь собачья! Сам все разбросал небось.

— Спустишь, — настойчиво повторил де Ниро. — Здесь следы какие-то странные.

— Макаронник хренов! — в сердцах сказал Торопов. — Зеленых чертей увидел, что ли? На борту только мы да автоматы. Ладно, сейчас приду.

Он закончил просматривать изображения эйнсофа под

разными ракурсами и в разных диапазонах электромагнитного спектра, выключил виом.

— Парни, вылетаем через час, готовьтесь.

Возле ряда кают экипажа, располагавшихся уровнем ниже рубки, он появился через две минуты.

Стив де Ниро топтался у двери своей каюты, заглядывая внутрь и почесывая затылок. Вид у него был растерянный. Увидев командира, он отошел в сторону, ткнул пальцем в пол:

— Видишь? Что это такое?

Леон озадаченно уставился на цепочку круглых потемнений в светло-сером материале пола. Выглядели эти потемнения величиной с тарелку как следы, оставленные слонем, ноги которого были раскалены до огромной температуры. «Слон» постоял у каюты де Ниро, потом у двери каюты Торопова и испарился.

— Ничего не понимаю! Когда ты это об... — Леон не договорил.

В руке Стива появился парализатор «василиск».

— Открывай каюту, командир.

— Ты что, с ума сошел?!

— Открывай, мне кое-что нужно у тебя забрать. И не хватайся за пистолет, парень, я выстрелю первым!

— Что здесь происходит?! — заорал Леон, покрываясь испариной; вызвать по рации подмогу он не догадался. — Следы — твоих рук дело?

— Несколько выстрелов из «универсала», — ухмыльнулся Стив, и лицо его изменилось, застыло как маска. — По-быстрее, сынок, не заставляй меня стрелять.

Леон сделал шаг назад.

Сверкнула вспышка. В стену каюты рядом с его головой вонзился клинок огня. Сгусток плазмы оставил на ней точно такое же пятно, что и в полу, похожее на «след слона».

— Открывай!

Торопов вздрогнул, помедлил секунду и открыл дверь. Отступил в сторону.

— Не знаю, какая муха тебя укусила, но ты пожалеешь об...

Стив нажал на курок «василиска».

Получив мощный пси-удар, Леон отшатнулся и, несмотря на свои немалые возможности интрасенса и наличие за-

шитника под волосами на голове, «поплыл», почти теряя сознание, сел на пол.

Стив де Ниро скользнул в каюту, включил свет, некоторое время осматривался, потом быстро обшарил кровать, столик и шкафчик на стене. Достал футляр какого-то прибора или, скорее, контейнера, открыл. В контейнере размером с локоть взрослого человека лежал сосуд странной формы — соединение трех эллипсоидов разной длины, образующее нечто вроде бокала без ножки. Бокал этот был словно соткан из мигающих звездочек.

— Оно! — сказал космен сам себе. — Мантоптерский саркофаг!

И тут же добавил, будто разговаривал сам с собой:

— Уходим! Теперь надо переправить эту штуковину к себе.

— Здесь еще одна.

— Где?

— Под кроватью.

Стив нагнулся, вытащил сумку с «молниями», с треском открыл. Внутри лежали какие-то свертки, скомканный уник и прозрачный пакет с чашей из красноватого металла.

— Черт побери! Это же обломок стринга, который мы передали еще матке отеллоидов! Как он здесь оказался? Впрочем, потом будем разбираться. Забираем и чашу. Молодец, что учуял.

Стив вытряхнул из сумки ее содержимое, положил чашу и контейнер с необычным бокалом, который на самом деле представлял собой свернутый мир Мантоптеров. Бросился из каюты.

Леон Торопов, сумевший прийти в себя, попытался преградить ему путь, но был отброшен в сторону мощным ударом кулака, погрузившим его в состояние нокаута.

В себя Леон пришел через несколько минут: его укладывали на кровать и лили на голову холодную воду.

— Отпустите! — вырвался он из рук обалдевших подчиненных. — Где он?!

— Кто?

— Де Ниро!

Двое членов экипажа переглянулись.

— Он должен разбирать груз в терминале...

— Найти, немедленно! Задержать! Будет сопротивляться — стрелять на поражение!

Однако найти Стива де Ниро не удалось. Вскоре выяснилось, что он сел в хорошо защищенный модуль типа «голем» (на борту корабля было два таких аппарата) и вылетел в пространство. Вскоре «голем» был обнаружен радарами флагмана в пятистах километрах от него. Пилот на борту модуля спокойно спал. Когда его доставили на корабль, он ничего вразумительного о том, что произошло, сказать не мог. Ничего не помнил!

Леон в ярости избил парня, сломав ему нос и челюсть и пообещав отдать на Земле под суд. Лишь после этого, сообщив, что украденные у него артефакты были кому-то переданы, он бросился искать основных похитителей.

Но было уже поздно.

Корабль-нож, так и не обнаруженный сторожевой системой мантоптерской базы, в этот момент уже подходил к Земле.

ГЛАВА 11

ИДЕАЛЬНЫЙ ЗАХВАТ

Казимир Ландсберг знал себе цену. Под оценку Шаламова — «благородный человек» — он не подходил ни с какой стороны. Но кое-какие достоинства у него имелись: жесткая воля, трудолюбие, умение добиваться своего, целеустремленность, способность отказаться от удобств и удовольствий ради дела. Однако главными качествами его души были честолюбие, пренебрежение к окружающим и жажда власти. Даже двадцать лет, прошедшие с момента его отстранения от должности председателя СЭКОНа и политика, не изменили отношение Ландсберга к карьере и власти. Все двадцать лет он мечтал встать на пьедестал и искал способы достижения этого. И когда ему предложили проект, за выполнение которого обещали заплатить сполна, то есть в л а с т ь ю, он не колебался ни минуты.

Конечно, он не занимался наукой уже много лет, предпочтя ей подковерные интриги, тайную борьбу за кресла и «суровую правду» политики. Однако благодаря старым связям в высших эшелонах власти ему удалось не только восстановить свое положение в научных кругах, но и стать руководителем центра, занимавшегося изучением свойств эйнсофа на Меркурии. А так как директор Института погра-

нических физических проблем собирался в скором времени покинуть свой пост, кандидатура Ландсберга на его замещение рассматривалась первой. Хотя амбиции господина бывшего премьера шли дальше. В своих мечтах он видел себя главой Европарламента, а потом и председателем Высшего Координационного Совета Земли. Надо было только немного подождать и добиться кое-каких успехов в исследовании эйнсофа, загадочного «бесконечномерного объекта».

В то, что эйнсоф может превратиться в детонатор сингулярности, породить процесс сжатия Солнца в черную дыру, Ландсберг не верил. Эксперименты с ним проводились уже давно, однако ничего особенного не принесли. Эйнсоф не хотел сворачиваться в «сверхточку», в «дыру в вакууме», хотя кое-какие интересные эффекты демонстрировал. Но даже доказательства бывшего однокашника и блестящего теоретика Герхарда Маттера не произвели на Ландсберга никакого впечатления. Он по-прежнему был уверен в относительной стабильности объекта и планировал все более мощные в энергетическом плане эксперименты.

После того как Маттер под давлением Шаламова согласился работать в команде Казимира, Ландсберг три дня безвылазно просидел на борту исследовательской станции «Марго-2», висевшей над Меркурием, готовил очередной запуск спецгруза в сферу Сабатини. Потом по консорт-линии вызвал на станцию Маттера. Они договорились, что Герхард будет пока работать на Ван-Бисбруке, чтобы «не дразнить гусей» — службу охраны Сопротивления, а по мере необходимости участвовать в совместных разработках программ ИПФП.

Пятнадцатого сентября Маттер, удачно обойдя службы наблюдения базы на Ван-Бисбруке, прибыл на «Марго-2».

— Садись рядом, — кивнул ему Ландсберг, занимавший кокон-кресло в операционном зале станции; всего здесь работали пять человек: операторы, руководитель смены и сам начальник центра.

Маттер занял пустующее кресло, присоединился к общей системе связи, затем к полю обзора. Перед глазами развернулась панорама Меркурия с бликующими металлической коркой куполами и ребрами гор и кратеров, полями сверкающего под лучами Солнца песка и кристаллической сыпи минералов. Черный шар эйнсофа, окруженный вуалью

свечения, висел уже в тысяче километров от поверхности планеты и создавал впечатление угрюмо взирающего на космос подслеповатого глаза. Вокруг него, на приличном расстоянии, плавали светляки разного рода космических аппаратов, датчики и регистраторы полей, видеозонды, энергоотражатели и преобразователи, способные, по мысли теоретиков, отразить энерговыбросы из недр эйнсофа, буде таковые произойдут. Но Маттер знал, что вся защитная техника не поможет, если эйнсоф возбудится, а энергоотражатели лишь играют роль аппаратов психологической поддержки, придающих уверенности исследователям объекта.

— Что вы запускаете сегодня? — поинтересовался заинтеригованный Герхард. — Снова бомбу?

— Спецгруз, — отозвался Ландсберг. — И два десятка усовершенствованных видеозондов.

— Что еще за спецгруз? МК, что ли?

— Угадал. Комплект МК. Плюс «дырбой». Плюс «вакуумсос». Плюс особая программа по стохастическому включению их в режим рассинхронизации.

Маттер хмыкнул.

— Это же цепь Маркова.

— Правильно, реализатор цепи Маркова для получения красивого девятимерного вейвлета.

— А последствия просчитали?

— Разумеется, просчитали. Мы не такие сильные эфналитики, как ты, но все же кое в чем разбираемся. Надеюсь, что получим обратный фазовый выплеск с амплитудой осцилляций на макроуровне — до нескольких сантиметров. Если все получится так, как мы рассчитываем, следующий запуск будет помасштабней.

— А если вы раскочаите эйнсоф так, что он взорвется? И превратит наше солнышко не в черную дыру, а в сверхновую звезду?

— Ерунда! Если бы такой вариант существовал, Шаламов не дал бы санкции на проведение эксперимента.

Маттер скептически скривил губы.

— Может быть, он классный энергооператор, маг, так сказать, но хреновый физик и математик. До меня ему далеко.

— А никто и не спорит. Поэтому он и переманил тебя в нашу команду, зная твои возможности. Теперь давай помол-

чим и посмотрим. — Ландсберг дал знак соседу слева. — Включаем, Барри.

В зале зазвучал голос инка, отсчитывающего секунды до запуска груза.

На счете «ноль» в поле зрения наблюдателей, в том числе и Маттера, появилась мигающая алая звездочка, спикировала сверху на черный шар эйнсофа, пропала. Начался отсчет:

— Один... два... три... четыре...

На цифре «девять» странная ударная волна — в пустоте космического пространства! — разом отбросила всю стаю земных аппаратов от шара эйнсофа. Многие из них взорвались! Досталось и станции «Марго-2», хотя она находилась от опасного объекта на расстоянии более тысячи километров. Удар был такой силы, что полевая защита не устояла, и персоналу станции показалось, что «Марго» вдруг стартовала с ускорением в полтора десятка «g»! Не выдержали даже крепления кокон-кресел в зале управления, отчего три из них с сидящими внутри операторами отбросило к стене зала!

Кресло Маттера, к счастью, уцелело. Поэтому он смог досмотреть метаморфозы эйнсофа до конца.

После «ударной волны» черный шар «бесконечномерного объекта» словно вскипел, исторгая в космос фонтаны черной субстанции и лучи ярчайшего белого света. Некоторые лучи прошлись по армаде аппаратов и легко разрезали или пробili насквозь упакованные в броню и защитные поля земные машины. Черные же струи на расстоянии в сто километров от эйнсофа расплылись зонтиками и соткали ажурную черно-багровую сферу, которая через несколько мгновений превратилась в удивительный мыльный пузырь!

По зеркально-дрожащим стенкам этого пузыря проплыли красивейшие неземные пейзажи, сменяя друг друга, затем пузырь засиял, как маленькое солнце, затмевая земное светило над горизонтом Меркурия, и лопнул. А весь исследовательский флот потрясла еще одна мощная ударная волна, довершая его разгром.

Впоследствии было подсчитано, что исследователи потеряли почти шестьдесят процентов своих летательных аппаратов на орбите Меркурия. Из больших станций уцелели только три, в том числе и лаборатория «Марго-2». Но главное — погибли люди, пилоты исследовательских модулей, инженеры, техники, ученые, всего двадцать девять человек.

Впрочем, руководителя центра ИПФП Казимира Ландсберга это обстоятельство не повергло в шок. Для него являлось главным, что эксперимент удался. Маттер же, получив информацию, о которой и не мечтал, сразу после эксперимента, тут же, в зале станции, подключился к Умнику и запросил дополнительные данные, чтобы подвести под эксперимент теоретическую базу. Высшего наслаждения для него не существовало.

В зал прибежала смена ремонтников-спасателей, начала устранять повреждения аппаратуры, устанавливая на место вырванные из ложементов кресла.

— Пошли ко мне, — предложил Ландсберг, заметив «поплывший» взгляд ксенопсихолога. — Проанализируем результаты вместе и прикинем планы на будущее. Работать там не в пример удобнее, чем здесь.

— Сейчас, — рассеянно ответил Герхард.

Ландсберг побрел к выходу из зала и нос к носу столкнулся со спешащим навстречу молодым человеком. Это был Леон Торопов, бледный и расстроенный.

— Ты? — удивился начальник центра. — Какими ветрами тебя сюда занесло?

— Я ищу Шаламова, — буркнул Торопов.

— Его здесь нет. В чем дело?

Леон отвел глаза.

— На нас наехали... забрали артефакты...

— Кто наехал?! Где?! — Ландсберг взял молодого человека под локоть, ввел обратно в зал центра управления. — Рассказывай!

Глаза младшего Торопова округлились, он увидел Маттера.

— А этот почему здесь?!

— Он теперь с нами. Ну, что случилось?

Запинаясь, Леон поведал о проникновении на флагманский корабль мантоптеров неких лазутчиков, которые завладели М-порталом и чашей — обломком стринга.

— Я героически сражался, но их было гораздо больше...

— Как это могло произойти?! — не поверил Ландсберг. — На борт флагмана пробираются лазутчики, и ни ваша хваленая сторожевая система, ни мантоптерская никого не засекли?!

— Никого...

— С кем же ты тогда героически сражался?

Глаза Торопова вильнули.

— Ну... они перепрограммировали Стиви...

— Тогда у вас побывали крутые интрасенсы. Либо Железовский, либо Соломон. А то и сам Мальгин. Однако все равно это не снимает с тебя ответственности. Шаламов тебе этого не простит.

— Что же мне делать?

— Не знаю, — развел руками начальник центра. — Вернуть артефакты.

— Как? Я даже не знаю, у кого они!

— А это уже твоя забота. Надо было их как следует охранять. Могу лишь предложить в качестве компенсации провернуть одно дельце. Может, Шаламова это немного успокоит.

— Какое дельце?

Ландсберг глянул на увлекшегося работой Маттера, поманил Торопова за собой. В коридоре сказал, понизив голос:

— Запасная база интрасенсов на Ван-Бисбруке. Захвати ее, и получишь неплохой аргумент в свою защиту.

Глаза Торопова загорелись.

— Вы спасаете мне жизнь! В долгу не останусь.

— Ну-ну, — усмехнулся Ландсберг, — не забудь, что пообещал. Только обойдись без жертв, иначе станешь врагом Мальгина. А этот человек кого хочешь из-под земли достанет.

— Не достанет! — махнул рукой Леон. — Шаламов его в узел завяжет, ежели что. Спасибо за информацию, я побежал.

— Беги, беги, — пробормотал бывший глава Европарламента, глядя вслед сыну бывшего командора Погранслужбы. — Торопиться тоже с умом надо. Как бы не пришлось потом пожалеть, что пренебрег советом...

Он вернулся в зал, подошел к креслу Маттера:

— Вылезай, Герхард, обедать пора. У тебя еще будет время оценить результаты эксперимента.

Маттер с сожалением оторвался от виома с изображением эйнсофа на фоне силовой паутины земных конструкций.

— Странно, мощность выхода на порядок выше мощности детонатора, этого вашего вейвлета. Чего-то я не понимаю...

— Внутри эйнсофа бездна энергии.

— Да, но почему он излучает ее в определенном диапазо-

не грави- и электромагнитного спектра? Да еще выдает такие логически законченные видеокартинки вроде «мыльного пузыря» с пейзажами?

— А для чего мы тебя завербовали в команду? Считай, анализируй, подводи теоретические основы, объясняй. Обедать со мной пойдешь?

Маттер окончательно пришел в себя, мотнул головой:

— Нет, полечу домой, поработаю в тишине.

— Я бы тебе не советовал сейчас лететь домой, на Ван-Бисбрук.

— Почему?

— Базу вот-вот накроет Служба, мало ли что может случиться. Пошли ко мне, не все ли равно, где тебе работать?

Маттер вздрогнул, ошеломленный известием, побледнел.

— Ты... сдал... моих друзей... Службе?! Мы же договаривались...

— Успокойся, никто ничего не узнает. Ваше Сопротивление обречено. Днем раньше, днем позже до базы все равно добрались бы агенты Службы. Так что не бери в голову. Жена твоя не пострадает.

— Ну и говнюк же ты! — выдохнул ксенопсихолог, вдруг осознавая, что натворил. — Ничего у вас не выйдет, я их предупрежу!

Он бросился бежать к лифту.

— Охрана, — позвал по рации Ландсберг, — задержите лысого толстяка с небритой физиономией, Герхарда Маттера. Он интрасенс, поэтому действуйте посмелее. Но мне он нужен живым и здоровым.

— Будет исполнено, — ответили начальнику центра.

* * *

База Сопротивления на Ван-Бисбруке представляла собой исследовательский модуль, глубоко запрятанный в недрах горной страны на экваторе планеты. Над горами ее сторожил спутник, контролирующий территорию в месте расположения и ближний космос. Кроме того, в трех точках на территории, на вершинах утесов, стояли видеокамеры, просматривающие ущелья и подходы к пещерам, а в особых скважинах дежурили датчики, способные в радиусе кило-

метра зафиксировать движение крота, если таковой вдруг объявится в горных породах планеты.

Охранялся и терминал метро базы, занимавший один из нижних отсеков модуля. Кабина была окружена высокопрочным прозрачным пластиком, мгновенно заполняющим контур двери аморфной толщей материала, а сверху на кабину смотрели запрятанные в потолке стволы «универсалов» и аннигилятора «шукра».

Были предусмотрены и средства эвакуации, на случай природных катаклизмов и непредвиденных обстоятельств вроде отказа техники. Персонал базы мог за считанные секунды подняться на борт универсальных спасателей типа «орех» или же втиснуться в кокон-рубку капсул высшей защиты, «големов», способных выдержать даже взрыв атомной бомбы.

Однако все эти защитные и сторожевые системы и спасательные средства не помогли обитателям базы избежать участи пленников. Техника такого рода не в состоянии противостоять хитрости и изворотливости людей, получивших преимущество в результате предательства одного-единственного обитателя базы.

Герхард Маттер был великолепным ученым-ксенопсихологом, знавшим все о психологии внеземных существ, но его знания человеческой психологии граничили с наивностью и удивительным бытовым кретинизмом. Он был уверен, что Шаламов и Ландсберг сдержат слово, и потому никому из своих не рассказал о заключенном договоре. Даже жене. Однако он ошибся. Для Казимира Ландсберга не существовало ничего святого, а слово «дружба» было пустым звуком.

Операция по захвату базы началась сразу на нескольких уровнях.

В первые же мгновения атаки были уничтожены спутник и системы наблюдения за поверхностью планеты. Затем в отсеке метро высадился десант: нападающие знали секретный код выхода. И хотя отсек был тотчас же заблокирован охраной базы, оказалось, что штурм метро послужил лишь отвлекающим маневром. Основной штурмовой отряд проник в модуль через хитроумно проделанную брешь в куполе.

Над горами завис спейсер Службы безопасности «Эль-Хайят» и нанес ювелирной точности удар, который пробил толщу камня и защитную оболочку модуля ровно на столько, сколько было нужно. В образовавшееся отверстие спи-

кировал «пакмак» с десантом, перекрыл утечку воздуха, и десантники ворвались на базу, укладывая на пол попадавших на пути людей.

Не обошлось без стрельбы.

Во-первых, попытались сопротивляться охранники.

Во-вторых, десантники действовали наверняка и открывали огонь на поражение, даже если им казалось, что кто-то пытается оказать сопротивление.

Таким образом при штурме были убиты шесть человек и четверо получили травмы различной тяжести. Всего же на базе было захвачено двадцать восемь человек, в основном — старики и женщины, отцы, матери и дети интрасенсов. Среди них оказались и сестры Бояновы с детьми, Власта и Забава. А вот руководители Сопротивления — Савва Баренц, Джума Хан, Игнат Ромашин и Аристарх Железовский — на момент штурма на базе отсутствовали. Что не помешало тем не менее командиру десанта Леону Торопову хвастливо заявить об «идеальном захвате и ликвидации гнезда врагов народа» сначала руководству Службы, а потом Ландсбергу, когда он прибыл на «Марго-2» с докладом.

— Повтори это хозяину, — криво улыбнулся в ответ начальник центра, отступая в сторону.

Из-за его спины вышел сам Шаламов, глянул на Леона бешеными глазами, и у того взмокла спина и затряслись руки.

— Я... н-не... вин-нова-а... они внезапно...

— Где артефакты?!

— Н-не з-зн-на-а... — Рот пересох, Леон почувствовал, что не может вымолвить ни слова. — П-прос-с-ст-ти...

В глазах Шаламова полыхнуло черное пламя, и Торопов безвольной куклой сложился пополам, свалился на пол коридора, хватая воздух ртом. Сознания он, однако, не потерял. Помогли постоянно включенный пси-персонком и личный блок.

— У-у... м-мен-н-ня... ес-сть оп-правд-дани...

— Выслушай его, — проговорил Ландсберг, опасливо отодвигаясь от Шаламова. — Не стоит его убивать, он нам еще пригодится.

Даниил дернул Торопова за руку, поднимая на ноги.

— Что ты там бормочешь?! Только не оправдывайся, говори по существу! Иначе заставлю язык проглотить!

— М-мы з-захватили б-базу на Ван-Бисбруке. У нас в ру-

ках жены Железовского, Хана и Ромашина. Мы теперь сможем вернуть артефакты и вообще ликвидировать Сопротивление!

Шаламов некоторое время изучал потное бледное лицо молодого человека, растянул губы в улыбке:

— Ладно, живи пока. Еще раз проколешься — не пожалею!

— Я там кое-что обнаружил, — воспрял духом Торопов-младший. — Могу показать.

— Покажи.

Леон торопливо проговорил в усик рации на воротнике уника:

— Боб, принеси кейс в каюту начальника.

— Заходите ко мне, — сделал приглашающий жест Ландсберг.

Все трое вошли в его апартаменты, занимавшие на «Марго-2» немалый объем. Здесь он мог не только работать, но и отдыхать, ни в чем себе не отказывая.

— И все же не понимаю, как ты мог прошляпить артефакты, — сказал Шаламов, морщась; поворочал головой, нашел графин с маколеем, залпом отпил половину. — Выкладывай все подробности.

Леон без утайки, стоя навытяжку, рассказал все, как было. Он понимал, что его покровитель легко отличит правду от лжи. Закончил:

— Мне в голову не могло прийти, что воры осмелятся подойти к базе так близко! У них же нет ни одного спейсера, обладающего системами маскировки!

— Значит, есть!

— Знать бы еще — кто они, — сказал Ландсберг мечтательно. — Но судя по беспримерной наглости нападения, это или Аристарх Железовский, или Клим Мальгин.

Шаламов снова поморщился, потер лоб.

— Клим действовал бы иначе. Это и в самом деле, наверное, Аристарх. Ох и достал же он меня, Геракл гребаный! Ну погоди, я до него доберусь! Однако в связи с вышеизложенным на ум просится один нехороший вывод: наши враги в пятьдесят шестом веке имеют М-портал, через который они перегоняют спейсеры Галиктов в наше пространство. А благодаря тебе, — палец Даниила уперся в грудь Торопова, — у них теперь еще и М-портал Мантоптеров!

Леон снова вспотел.

— Я н-не х-хотел...

— Помолчи!

В дверь каюты постучали.

Вошел квадратнолицый молодой человек в стандартном «кокосе», с необычного вида кейсом в руке. Передал кейс Леону, вышел. Торопов открыл кейс и жестом фокусника вытащил оттуда перчатку, похожую на металлический скелет руки, затем какой-то белый рулон, плотно намотанный на стержень с рукоятью. Натянул перчатку-«скелет» на руку. Раздался щелчок, и рулон сам собой развернулся в красочный живой пейзаж, светящийся изнутри.

Зеленое небо, голубые горы, дырчатые деревья с шапками белоснежного пуха, динозавр в ромбовидной броне.

— Хроник! — сдавленным голосом проговорил Шаламов. Подошел ближе к оставшейся висеть в воздухе картине, протянул руку. — Мой хроник!

— Осторожнее, — заметил Ландсберг. — Хроники имеют свойство внезапно активироваться.

— Он почти разряжен.

— Все равно засосет — не вылезешь. Это из него тебя вытащил Клим?

Черты лица Шаламова исказились.

— Сначала он меня туда вклеил! С помощью других! Один бы он не справился. А потом-таки вытащил... хотя я так и не понял причин его альтруизма.

— Здесь еще один, — показал внутренности кейса Леон. — Развернуть?

— Не надо. — Шаламов щелкнул пальцами, и картина с неземным пейзажем сама собой свернулась в рулон, улеглась в зажимы кейса. Шаламов закрыл его, погладил по скругленному торцу.

— За это спасибо. Наши шансы сломать Сопротивление растут.

— Мы же прихлопнули их последнюю базу, — вытаращил глаза Торопов. — Практически они у нас вот где! — Он сжал пальцы в кулак.

— Пока на свободе их вожаки, говорить о полной победе рано. Тем более что у них тоже есть контраргументы.

— Но у нас их женщины!

— Это тоже важная деталь. — Шаламов повернулся, что-

бы выйти из кабинета, но вдруг оглянулся. — А жены Клима среди пленников случайно нет?

— Есть, конечно.

Некоторое время Шаламов смотрел на возбужденного Торопова-младшего, махнул рукой и исчез.

Двое людей, силой обстоятельств и благодаря качествам души вовлеченные в противостояние с защитниками человечества, молча смотрели на то место, где он только что стоял.

* * *

Сигнал тревоги застал Ромашина в Управлении аварийно-спасательной службы. Здесь у эксперта-аналитика СБ был свой кабинет, о существовании которого знали всего несколько человек. Причем нынешнее руководство УАСС об этом не догадывалось, несмотря на компьютерный контроль здания. Кабинет на всех строительных схемах и во всех документах фигурировал как «хранилище бытовых комплектов», к которому почему-то не имела доступа ни одна из хозяйственных служб Управления. Раз в год хозяйство УАСС подвергалось ревизии, коммунальщики занимались плановым учетом и проверкой всех помещений, но каждый раз главный инк Управления докладывал контролерам, что «хранилище бытовых комплектов» — что имелось в виду под «бытовыми комплектами», никто не знал, то ли постельное белье, то ли посуда, то ли расходные материалы для уборки помещений, — под номером 111 уже проверено и содержится в образцовом порядке.

Кабинет этот был сооружен еще полстолетия назад отцом Игната Филиппом в бытность того комиссаром Службы безопасности. Какими соображениями руководствовался Ромашин-старший, создавая тайное убежище, его сын не знал, зато теперь имел надежный «бункер» в недрах гигантского здания, да еще снабженный к тому же независимой кабиной метро. Искать Ромашина там, в стенах организации федерального значения, напичканной спецслужбами, вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову.

— Ван-Бисбрук захвачен! — доложил Игнату начальник личной охраны. — Есть жертвы. Никуда не уходите, идет анализ нападения.

Сердце сжала ледяная лапа страха. Перед глазами встало лицо жены с умоляющими глазами.

Ромашин стиснул зубы, переживая вспышку сердечной боли, спросил глухо:

— Кто?!

— Судя по оперативности, слаженности действий и примененной технике — это дело рук Службы. Но их кто-то навел. Уж больно идеальный захват получился.

— Кто?!

Начальник охраны помолчал.

— Предположительно Герхард Маттер.

Ромашин закрыл глаза, помассировал пальцами грудь.

— Вы сможете это доказать?

— Он снова ушел в «самоволку». Налет начался три часа спустя.

— Это не доказательство. Срочно подключите контрразведку.

— Она уже работает.

— Ладно, разберемся. Найдите мне Баренца и Хана. Куда поместили пленников?

— В следственный изолятор Службы «Питерская тишина».

— Всех?

— По крайней мере всех женщин. В том числе и вашу жену.

— Хорошо, работайте.

Ромашин посидел немного за столом в расслабленной позе, помассировал грудь, но боль не проходила. «Стар становлюсь, — пришла меланхолически-тоскливая мысль. — Уже не могу справиться с нервами».

Открыл дверцу бара, достал початую бутылку «Рижского бальзама», хлебнул прямо из горлышка. Сморщился. Алкогольный травяной настой огненным клубком прокатился по пищеводу, заставляя сокращаться мышцы живота.

Через минуту сердечная боль отпустила.

Ромашин с облегчением вздохнул. И тотчас же заговорила рация «спрута»:

— Игнат, ты где?

— В Управлении.

— Жди, буду через пару минут.

Вскоре сработала камера метро, и в кабинет стремительно вошел собранный суровый Савва Баренц.

— Ты в курсе, кто руководил захватом?

— Кто?

— Сынок Торопова!

Ромашин сжал губы в тонкую полоску.

— Молодой высокомерный мерзавец!

— Я займусь им лично, — появился в кабинете вслед за Баренцом мрачный Джума Хан. — У нас его папаша, так что есть возможность надавить на него.

— Вряд ли Леон дорожит жизнью отца, — покачал головой Игнат. — Это суший отморозок!

— Итак, судари мои, — посмотрел на помощников по очереди верховный комиссар Сопротивления, — мы оказались на краю гибели. Дальше так продолжаться не может. Надо выяснить, почему Служба переигрывает нашу контрразведку и службу охраны, и ликвидировать причину.

— Маттер... — начал Джума.

Баренц поморщился.

— Герхард — большой ребенок, его легко можно обвести вокруг пальца. Напрямую, за какую-то даже очень высокую плату он предать наше движение не мог. Его умело обрабатывали. Да и не он главный виновник всех наших бед.

— Ты его оправдываешь?!

— Не оправдываю. Но против нас играет какой-то крупный игрок с большими магическими возможностями. Маттер просто попал ему под руку. Хотя это не снимает ответственности с нашей службы охраны. За ним надо было следить в три глаза.

— Я выясню, кто отвечал за него конкретно. Были бы живы Золотьки, отец и сын, этого бы не случилось.

— Уже неважно, кто прокололся конкретно. Давайте думать, чем мы ответим — даже не Службе — Ордену.

— Надо выручать своих... и расконсервировать базу на Альгейбе. Это последняя наша надежда, — сказал Джума. — Я подключусь к поиску пленников, если не возражаете.

— Я займусь Маттером, — сказал Ромашин. — Через него легче всего будет выйти на заказчика.

— Заказчик скорее всего — наш приятель Ландсберг.

— Берите выше. Заказчиком может быть только тот, кто руководит всей возней вокруг эйнсофа в наше время.

— Шаламов, что ли?

— Сомневаюсь. Он птица свободного полета. Помните,

Герхард как-то заявил, что никак не может понять, кто руководит деятельностью людей в Системе? Он пытался найти единый центр и не нашел. Ни ВКС, ни Орден власти, ни СЭКОН не имеют структуры, управляющей общим процессом. Я имею в виду процесс инициации черной дыры. И при всем при том Ландсбергу дан зеленый свет на проведение любых экспериментов с эйнсофом! Никто его не контролирует, никто не запрещает ставить самые опасные опыты, никто не отказывается снабжать «Марго-2» всем необходимым. Понимаете?

Джума Хан и Ромашин посмотрели друг на друга, потом на Баренца:

— Нет!

Комиссар Сопротивления заметил бутылку бальзама на столе, неодобрительно качнул головой.

— Если мы разберемся с этим парадоксом, выйдем на главного заказчика процесса. То есть на представителя йихаллах в Солнечной системе.

— Кого? — переспросил Джума.

— Йихаллах. Структуры, исполняющей волю Блэкхоул, если пользоваться терминологией Мальгина. Кстати, кто-нибудь знает, где он сейчас?

— На Земле не появлялся, это точно.

— Не понимаю, как он ухитряется отсутствовать в самый разгар событий, — зло буркнул Джума. — Он позарез всем нужен. Да и Аристарх тоже.

— Они появятся, — уверенно сказал Ромашин. — В самое нужное время. Нам же нужно делать свою работу, а они подключатся.

— Отсчет пошел, — бросил взгляд на часы Баренц. — Расходимся.

ГЛАВА 12

ЯРОСТЬ ПСИНЕУРА

— Интересные вещицы, — произнес князь, рассматривая тяжелую «медную» чашу с наростом внутри в форме такой же чаши, но поменьше, и невесомый бокал без ножки, сплетенный из мигающих искорок. — В них действительно чувствуется некая г л у б и н а. — Он взял в руки бокал. — Хо-

тя трудно представить, что это вход в... э-э, в иную вселенную.

— Саркофаг, — небрежно вставила слово Дарья. — Внутри него доживает свой век цивилизация Мантоптеров.

— Уже дожила, — пробормотал Дар.

— Может быть, еще и нет.

— На мантоптерских кораблях не осталось ни одного живого Мантоптера.

— Это еще ни о чем не говорит. Кстати, возможно, и галикты в нашем стакане-саркофаге обитают где-нибудь. Мы же не все звездные скопления прочесали.

— Шершень никого больше не нашел.

— Плохо искал.

— Не спорьте, дети, — мягко сказал князь.

— Он все время мне возражает, — сердито пожаловалась Дарья.

Дар виновато посмотрел на отца.

— Она преувеличивает.

Железовский, сидевший в кругу хуторян совершенно неподвижно, бросил на чистодея косой взгляд.

— Я тебя предупреждал: наши девушки намного независимей ваших.

— Что поделаешь, — развел руками князь, пряча улыбку в бороду, — если он нашел девушку своей мечты в другом мире и в другом времени.

— У нас говорят: если вы нашли женщину своей мечты, с остальными мечтами можете распрощаться.

Князь засмеялся. Его дружинники, сидевшие поодаль, с любопытством глянули на гостя из прошлого, обнаружившего способность к юмору.

— Спасибо, дядя Аристарх! — надула губы Дарья. — От тебя я этого не ожидала.

Железовский обнял ее за плечи, притянул к себе:

— Я любя. Давайте прощаться.

— Как прощаться? — не поняла она. — Куда ты собрался?

— Мне надо вернуться в наше время, кое с кем проконсультироваться. — Железовский не стал делиться с ней своими ощущениями: он чувствовал, что на Земле его времени произошли какие-то негативные изменения. — Постарайтесь не дать флоту Мантоптеров зажать вас в угол. Вернусь, и мы что-нибудь придумаем.

— Может быть, попытаться развернуть бокал? — кивнула на искрящийся мантиоптерский саркофаг Дарья. — Попробовать переманить на свою сторону парочку М-крейсеров?

— Без меня — никуда ни шагу! — Аристарх посмотрел на Дара. — Я на тебя надеюсь, правнук, не подведи.

Молодой человек остался невозмутим.

— Не беспокойся, друже Аристарх, — сказал князь. — Мы справимся. Сегодня же начнем активировать уцелевшие космические летак и формировать свой флот. Поищем оружие. Свяжемся с другими общинами и попробуем объединиться. Дел неувпроворот, скучать им не придется.

— Заберешь их с собой? — кивнула девушка на артефакты.

Аристарх заколебался, взвесил необычные вещи на ладони, потом отобрал чашу, положил в карман уника, а стакан и бокал протянул Дару.

— Это пусть остается у вас. Берегите как зеницу ока, они могут еще понадобиться.

— Хорошо. — Дар осторожно положил саркофаги рядом, на камень.

— Ждите. — Железовский достал трансфер, выпрямился во весь рост и исчез. Он не любил долгих расставаний.

Встал и Бояр Железвич.

— Через час жду вас возле моей палатки, начнем претворять в жизнь наши грандиозные планы. Спрячь вещи.

Дружинники окружили князя, гурьбой углубились в лес.

К сидящим на траве Дару и Дарье подсел Борята. Прошедшие события изменили молодого целителя, он стал менее шумным, стал говорить медленнее, старался выглядеть солиднее, хотя былая бесшабашность изредка прорывалась в речи и поступках.

— Можно, я с вами?

— Мы никуда не идем, — буркнул Дар, чувствуя настроение жены.

— Дай потрогать. — Артефакты на камне притягивали взор парня, и он с трудом сдерживал свое любопытство.

— Потрогай, — разрешила Дарья, задумавшись о чем-то.

— Пойдем в палатку? — предложил Дар. — Завтракать пора.

— А что вы вообще собираетесь делать? — Борята взял в руки артефакты, внутри которых прятались огромные кос-

мические пространства с десятками и сотнями звезд. — Какие они легкие! Неужели вы там были?

Дарья поднялась на ноги, направилась в лес.

— Не ходите за мной, я скоро приду.

Ушла.

— Вы что, поссорились? — прищурился Борята, глянув ей вслед.

Дар покачал головой.

— Она беременна... ей нельзя напрягаться и рисковать... вот она и нервничает.

— Понятное дело. Она привыкла поступать по-своему, а вы ей не даете.

В сознании Дара распустился букет видений: грозовая туча, бьющие в гору молнии, снежная метель, несущаяся в пропасть вода, грозный пальчик и рожица, показывающая язык. Дарья прекрасно слышала друзей и отвечала им в психодиапазоне. Судя по ответу, она сердилась только для виду.

— Посмотрел? Давай сюда. — Дар отобрал у приятеля артефакты. — Ты завтракал?

— Нет еще.

— Пойдем к нам, мама пироги с грибами испекла.

Молодые люди направились к палаткам хуторян, прячущимся в лесной чаще. Вскоре пришла Дарья, все такая же тихая и задумчивая. На вопрос Веселины: о чем задумалась, дочка? — ответила с виноватой улыбкой:

— Домой хочу... маму давно не видела.

— Так в чем дело? У вас же есть эти... трансферы, включили — и отправились в свое время.

— Вернется дядя Аристарх, я так и сделаю.

— Вместе полетим, — сказал Дар. — Я тебя одну не отпущу.

Девушка не обратила внимания на его слова. У нее были дурные предчувствия, и она пыталась понять причину своих ощущений.

Завтрак закончился в молчании. Дар тоже нервничал и тоже пытался проанализировать психологическую подоплеку этого состояния и установить причину. Но в отличие от жены мыслил чистодей масштабнее и учитывал все обстоятельства, в том числе самые общие. Он первым догадался, что происходит.

— Шаламов!

Дарья, допивающая компот из лесных ягод, посмотрела на него непонимающе:

— Что Шаламов?

— Он... здесь!

— Что значит здесь? — недоверчиво хмыкнул Борята. — В лесу, что ли?

— В Системе... я чувствую... он приближается... надо предупредить Шершня!

Дар выскочил из палатки, приставил руку ко лбу, глядя в небо.

Корабль-нож висел над лесом на высоте двухсот пятидесяти метров ощутимо плотной массивной металлической горой. Он охранял временное убежище хуторян. Остальные «осиные» корабли в количестве трех штук барражировали над облаками, контролируя территорию Дебрянских лесов и город Брянск.

— Что ты хочешь делать? — выскочила следом Дарья, преодолевшая меланхолию.

— Сложить летак.

— Зачем?! Лучше оседлать его и отбить атаку...

— Вспомни, что говорил прадед! Шаламову наши летаки не помеха, он собьет любой из них.

— Все равно я бы села в спейсер, пусть погоняется за нами.

— Не станет он гоняться.

Дар мысленно включил процесс свертки «осинового» корабля в нож.

Металлическая гора в форме гигантского кинжала, точнее, в форме осинового жала, скачком уменьшилась вдвое, сбросив, как шубу, слой ослепительных искр. Еще несколько трансформаций — и на поляну за палатками упал острый нож. Задымились сухие листья и трава в месте падения: нож был раскален так, будто его только что вытащили из горна.

Дар подбежал, схватил его, не обращая внимания на температуру, сунул за пояс. Включил рацию:

— Отец, уводи людей в лес!

Пауза.

— К нам приближается непрошенный гость.

Еще пауза.

— Шаламов!

— Почему ты так уверен, что это Даниил? — возмутилась Дарья.

Дар поднял голову к небу. «Осиные» корабли, стерегущие воздушное пространство общины, нельзя было разглядеть сквозь тучи, но он видел их «третьим глазом». И вот крейсера галиктов вдруг начала гнуть и ломать какая-то невидимая чудовищная сила!

Они попытались сопротивляться, сбросить с себя возмущающие поля с помощью скоростных маневров, однако их невидимый противник оказался сильнее. Не выдержав силового напора, «осиные» крейсера взорвались один за другим!

Глаза Дарьи расширились. Она тоже увидела, чем закончилось странное сражение на высоте двух десятков километров над землей.

— Боже мой! Что это с ними?!

Из леса выбежал Бояр Железвич, за ним Боригор и дружинники с оружием в руках.

— Что происходит, сын?!

— Уходите! — обернулся Дар. — Быстрее, отец! Это Шаламов! Он хочет отомстить за нашу атаку мантоптерского флота!

— Нас много, мы вооружены...

— Оружие не поможет. Шаламов только что уничтожил наши летаки! Уходи и уводи людей!

— А ты?

— Я останусь, поговорю с ним, попробую успокоить.

Князь перевел взгляд на Дарью, протянул руку.

— Пойдем, дочка.

— Нет! — звенящим голосом отрезала девушка, отступила на шаг. — Я останусь с ним!

— Я тоже! — храбро произнес Борята.

Князь нерешительно посмотрел на сына, тот помедлил мгновение, кивнул:

— Пусть Даша остается. У нас есть трансферы, в крайнем случае воспользуемся ими, уйдем в Сеть метро. — Он посмотрел на друга. — Извини, Боря, но сейчас ты нам не помощник. Уходи с остальными.

Князь сжал локоть сына, махнул рукой:

— За мной, воины! — Подтолкнул Боряту в спину. — Не геройствуй напрасно, молодец, твое время еще придет.

Поселение хуторян опустело. Молодая пара осталась одна.

— Может быть, ты тоже пойдешь с ними? — сказал Дар сдержанно.

— Я уже решила! — гордо вскинула подбородок Дарья.

Он протянул к ней руки. И она словно ждала этого момента, бросилась к нему на грудь, обняла, прошептала, зажмурившись:

— Никогда и нигде не оставляй меня одну, слышишь?!

— Да! — пообещал он.

Что-то изменилось в природе, словно гигантская черная птица простерла над лесом крылья, закрыла небо на одно мгновение. И тотчас же раздался знакомый уверенно-язвительный голос:

— Какая неожиданная встреча! Я их ищу везде, а они обнимаются в лесу!

Дар отодвинул жену, загородил ее спиной, послал мысль:

«Будь готова уйти в Сеть!»

Перед ним в двадцати шагах, между стеной кустарника и сломанным деревом стоял Даниил Шаламов, странно зыбкий, колышущийся, то распухающий облаком, то сжимающийся в бурлящий жидким огнем слиток. Не менялась только его голова, тело же продолжало зыбиться и кипеть, будто виртуальный голографический мираж. Изредка в нем проступали иные формы — не то дракона, не то медведя, не то незнакомого когтистого зверя, и тогда воздух буквально начинал гудеть и вздрагивать, как во время грозы.

— Мы вас ждали, — глухо проговорил Дар.

— Вот как? — иронически вздернул брови Даниил. — Любопытно. Впрочем, это не имеет значения, ждали вы меня или нет. Главное, что я вас нашел. Где артефакты?

— У меня, — просто сказал Дар.

Шаламов протянул колеблющуюся струей зеркального тумана руку:

— Отдай!

— Нет!

— Нет? — удивился Шаламов. — Ты мне смеешь не подчиниться?!

— Смею! Вы помогаете нашим врагам! Они уничтожают наши хутора и города, убивают людей! Почему вы это делаете? Чем можете оправдать свои поступки?

— Во-первых, я уже все когда-то вам объяснил. Не мешайте моим йихаллах-друзьям делать свое дело, и они пере-

станут уничтожать ваши селения. Во-вторых, почему я должен оправдываться за свои поступки? Перед кем?

— Передо мной! Перед ней! — Дар кивнул на вздрагивающую от волнения Дарью. — Перед теми, кто ни в чем не виноват, так как защищает свою жизнь и свою землю!

Шаламов покачал головой, смерил парня шальным взглядом.

— Кто это научил тебя говорить так красиво? Уж не ее ли папаша?

— Уходите! И передайте своим друзьям, что мы не станем терпеть их бесчинства! Если они не уберутся из Системы, пусть пеняют на себя!

— Щенок! — скривил губы Шаламов. — Ты хоть понимаешь, кому угрожаешь?!

Глаза его метнули молнии.

Дарья тихо вскрикнула.

Удар пси-поля был настолько силен, что сознание на миг помутилось.

Однако Дар, давно готовившийся к схватке и включивший все уровни в л а д е н и я экстрарезервом, устоял. Мало того, он ответил почти таким же мощным пси-выпадом, который заставил противника отшатнуться, отступить.

— Черт побери! Вот ты как?! Да я тебя в порошок сотру, мальчишка!

Из тела Даниила выпрыгнул призрачный зверь, метнулся к Дару, открывая пасть.

Дар вытянул вперед руку, с пальцев сорвались змейки розового сияния, образуя ветвистый щит, и зверь — пси-отражение сущности Шаламова — наткнулся на щит, разбился на ручьи и капли бледного свечения.

— Ты и это умеешь?! Поздравляю! Что ж, попробуем по-другому!

Тело Шаламова разделилось на шесть одинаковых фигур.

— Угадай, где я настоящий! Угадаешь — я тебя пощажу... может быть.

Все шестеро Шаламовых бросились на молодого человека, словно и в самом деле представляли собой отряд «неземного спецназа», экипированный необычными «дышащими» скафандрами.

Однако и Дар сделал то же самое, создал двойников, хотя

и поменьше — всего троих. Тем не менее этого хватило, чтобы атака разъяренного псинеура приостановилась. А затем Дар безошибочно определил местоположение настоящего Шаламова, ускорился до предела, прыгнул вперед и — достал! Достал! Каким бы мощным пси-оператором ни был бывший спасатель, мастером рукопашного боя, а тем более мастером жизни, учитывающим все возможные варианты боя и последствия того или иного действия, назвать его было нельзя.

Пролетев по воздуху несколько метров, Шаламов упал на спину. Вскочил, ошалело вертя головой, не понимая, что произошло. Его двойники, потеряв связь с хозяином, испарились.

Дарья пришла в себя, села на траве, держась за голову.

— Я ничего не вижу...

— Беги! — выдохнул Дар. — Уходи в Сеть! Я тебя догоню!

— Не уйду... я тебя... не брошу...

— Беги, иначе будет поздно! Умоляю!

Даша с трудом поднялась на ноги.

Шаламов в это время пришел в себя. Лицо его исказилось. Из груди вырвался клокочущий рык, порождая в лесу гулкое эхо.

— Ун-ничтожу-у!.. В-всех-х!..

— Беги же!

— Куда?!

— Туда, где мы отдыхали в последний раз!

Дарья, бледная, заторможенная, со слезами на глазах, протянула к мужу руку и исчезла.

— Ун-ничтожу-у-у!..

Шаламов метнул импульс повелевания, проявившийся в воздухе дымным вихрящимся столбом, и Дар, как пушинка, отлетел назад на два десятка метров, врезался спиной в ствол сухой сосны, потерял сознание.

Фигура Шаламова скачком выросла в размерах, превратилась в десятиметровую черно-лаковую глыбу; такими когда-то выглядели маатане, черные люди. Ноги его стали толстыми и короткими, не ноги — вздутые, выпуклые наросты, псевдоподии. Сотрясая при каждом шаге землю, оставляя в почве дымящиеся вдавленные следы, он зашагал к поверженному противнику, словно намереваясь его раздавить.

И в это время со всех сторон засверкали вспышки вы-

стрелов. В грудь, в спину, в бока чудовищного трансформанта вонзились лазерные трассы и плазменные «пули». Они кромсали тело Шаламова, проделывали в нем дымные кратеры и дыры, но эти дыры тут же затягивались, исчезали, не причиняя Даниилу существенного вреда. Однако он вынужден был остановиться — и ответить.

С гулом во все стороны от черной глыбы псинеура прынули огненные струи, проделывая в лесу широкие просеки. Запылали, падая, деревья. Послышались крики попавших под струи огня людей.

— Дар! — слышался крик князя. — Вставай!

— Отец! — прошептал очнувшийся от боли чистодей. — Зачем вы вернулись?..

Шаламов повернул к нему страшное — нечеловеческое — лицо, глянул сверху вниз, как на букашку, прогрохотал:

— Отдай артефакты!

— Возьми!

Дар выпрямился, сложил пальцы в кукиш. И исчез.

Еще один разряд энергии — кипящий прозрачно-дымный столб — вонзился уже в дерево, перед которым только что стоял молодой человек, сломав вековую сосну, как спичку.

— Я тебя все равно найду! — С этими словами Шаламов — ничего человеческого в нем почти не осталось — тоже исчез.

Пламя пожара, охватившего лес в радиусе сотни метров от места сражения чистодей и псинеура, начало опадать, съеживаться, гаснуть. Местность вокруг была сырая, сказывалась близость болота, и пищи огню было мало.

Зашевелились кусты. Между деревьями замелькали фигуры уцелевших дружинников. Последним на поляну выбрался князь в почерневшей от огня одежде. Обожженное лицо его тоже почернело — от сажи и копоти, но глаза сверкали холодным огнем силы и решительности.

— Твой сын — настоящий герой! — хрипло проговорил Боргор, подковыляв к нему; старшему витязю досталось крепко. — Он увел этого монстра за собой, спасая нас.

Бояр не ответил. Ему до боли в сердце хотелось верить, что сын останется жив.

Дар нашел жену в зале визинга космической станции «Звездный мост», вращающейся по низкой орбите над Юпитером. Эту станцию молодая пара обнаружила случайно, когда гуляла по Солнечной системе просто ради удовольствия; Дарья показывала мужу те места, где она бывала в свое время, и сравнивала с тем, что встречалось и еще работало во времена Дара.

Люди на станции не появлялись уже давно, однако она все еще жила, представляя собой полностью автономный техноорганизм, и молодая пара полгода назад неплохо провела здесь два часа, обнаружив уютную каюту, не носящую отпечатка личности владельца, и испытала блаженство полного обладания друг другом.

— Слава богу, ты жив! — бросилась она к нему на шею. — Я так себя ругала, что послушалась тебя! Вдвоем мы бы отбились от него.

— Не отбились бы, — возразил Дар. — В нем заключена жуткая непреодолимая сила! Только реакция замедленная. Иначе он разорвал бы меня на атомы!

— Чем это от тебя пахнет?

— Дымом. — Чистодей нахмурился. — Отец с дружинниками открыли по нему стрельбу, когда я... э-э, ушел в себя слишком глубоко... Шаламов ответил волной огня... лес загорелся...

Дарья вздрогнула.

— Да, он страшный человек!

— Едва ли он сейчас человек. Черная гора...

— Это в нем говорит маатанин.

— Хотя бы отец уцелел!

— Не волнуйся за него, твой папа интрасенс и сумеет защититься. Куда мы теперь?

— Побудем здесь немного и вернемся. Хочу убедиться, что отец и мама живы.

Автомат зала включил обзор, и стены помещения исчезли. В глаза беглецов хлынул призрачно-золотистый свет, объемный и ощутимо пушистый. Юпитер занимал своей дымящейся тушей чуть ли не весь купол неба, громадный, таинственный, равнодушный к человеку и его переживаниям. Серебряные и голубоватые струи метановых облаков перекрещивались, свивались в петли, неслись в удивительном

танце, создавая странные пейзажи, и любоваться этим чудом природы можно было часами.

Дарья затихла.

— Красиво...

Дар не ответил, прислушиваясь к тишине станции. Показалось, кто-то посмотрел ему в спину, утрюмо и недовольно.

Пол под ногами содрогнулся.

— Что это? — очнулась девушка.

В центре зала вспыхнуло переливчатое облако, покрылось слоем ослепительных искр и превратилось в черную многогорбую глыбу.

— Даниил!

Дар одним мысленным «толчком» включил трансфер.

«Переход фиксирован...»

«Ближайшее будущее! — перебил оператора Дар. — Ближайший узел перехода! Быстрее, пожалуйста!»

Будучи всего лишь особого рода искусственным интеллектом, оператор не обиделся. Он понимал, что существуют экстремальные ситуации, разрешение которых не связано с соблюдением законов вежливости.

Шаламов не успел задержать беглецов. Трансфер унес их в невидимую, но реально существующую систему связи прошлого с будущим, которую люди называли Сетью орилоунского метро.

Бросок по «струне» метро закончился в полной темноте.

Оставаясь в состоянии в л а д е н и я, Дар огляделся.

Конус с диаметром основания около пятидесяти метров и высотой около двадцати.

Странный бугор посредине с прыгающими внутри огоньками: то ли какой-то спящий механизм, то ли интерфейс инка.

Воздух в помещении имеется, полный не слишком приятных запахов, и кислорода маловато. Впрочем, дышать пока можно. Да и сила тяжести приятная, как на Луне. Что еще?

Зашевелилась Дарья.

— Ну у тебя и реакция, чистодей! Я ничего не успела сообразить! Где мы?

— Где-то в космосе. Точно не знаю.

— Разве ты не назвал координаты переноса?

— Просто сказал — ближайшее будущее. — Дар смущенно улыбнулся. — Не до того было. Я думал только о том,

чтобы побыстрее смыться. Больно грозен этот ваш соотечественник. Еще надо будет разобраться, как он нас нашел.

— Я тоже над этим размышляю. Может быть, он узнал о точке выхода от оператора орилоунской Сети? Автоматике Сети все равно, кто и с какой целью ее запрашивает.

— Вполне может быть.

— Чего мы стоим? Давай осваиваться.

— Подождем немного. У меня предчувствие... Если Шаламов и здесь нас найдет...

— То что?

Пол под ногами вздрогнул. В воздухе неподалеку от обнявшейся пары соткалась призрачная текучая фигура неопределенных форм, одетая в сеточку голубых молний.

— Он снова догнал нас! — больше изумилась, чем испугалась Дарья.

«Переход в Сеть! — отреагировал Дар. — Точка выхода: сто тысяч лет вперед, центр Галактики!»

«Слушаюсь», — отозвался оператор транслятора орилоунского метро.

Развернувшаяся «струна» перехода унесла их от разъяренного преследователя, упорно гнавшегося за беглецами.

Бессознательное состояние — по внутренним ощущениям обоих — длилось на сей раз отчетливо дольше. Наконец Дара чувствительно впечатало в твердую и очень холодную стену, и он очнулся. Рванулся было куда-то от ощущения падения и понял: сознание отреагировало на невесомость.

Беглецов со всех сторон окружали алмазные россыпи!

Таким было первое впечатление.

Затем включилась система объективной оценки реальности, и Дар начал понимать суть вещей.

Они находились в центре сферической полости диаметром около ста метров, стены которой состояли из толстого прозрачного слоя льда — не менее двухсот метров. Алмазные россыпи представляли собой кристаллики льда, усеявшие всю внутреннюю поверхность полости. А сверкали они оттого, что были освещены проходящими сквозь лед лучами множества звезд, окружавших ледяную сферу со всех сторон. Самая крупная из них, сияющая белым накалом, видимая как Солнце с поверхности Марса, являлась, очевидно, светилом системы, вокруг которого и вращалась ледяная планетка с полостью внутри.

Воздух внутри сферы отсутствовал.

Температура держалась на уровне минус пятидесяти градусов по Цельсию, и это было странно, так как при отсутствии каких-либо устройств жизнеобеспечения, поддерживающих стабильную атмосферу внутри полости, температура внутри нее должна была бы опуститься до абсолютного нуля — минус двухсот семидесяти трех градусов. Лишь позже, анализируя свои догадки, Дар понял, что температура в минус пятьдесят градусов поддерживалась внутри полости радиацией звезд центра Галактики. Их было так много, и располагались они друг от друга так близко, что вакуум буквально «плавился» от плотного светового потока.

Очнувшаяся Дарья судорожно хватанула ртом пустоту, начала задыхаться, сообразила, что воздух в помещении отсутствует, и перешла на аутоτροφное дыхание. Губы ее зашевелились.

«Где мы?» — не услышал, а почувствовал ее вопрос Дар.

«Скорее всего это ледяной планетоид, мы находимся внутри. Сколько ты сможешь продержаться без воздуха?»

«Минут десять».

«Осмотримся и уйдем отсюда».

«Куда нас занесло?»

«Центральное ядро Галактики. Я назвал время — сто тысяч лет в будущее».

«С чего это тебе вздумалось залететь так далеко вперед?»

«Не знаю, — смутился чистодей. — Подумалось: вдруг он отстанет?»

«А если не отстанет?»

«Тогда мы отправимся в твоё время. Там мой прадед, твои друзья, отец...»

«Надо было сразу лететь туда».

«Хорошая мысль приходит опосля», — как говорила моя бабушка».

Дарья завертела головой.

«Я никогда не была в центре Галактики... Красиво, правда? Кристаллы только мешают... Здесь же миллионы звезд! Как они не сталкиваются?»

«Законы гравитационной динамики не позволяют. Галактика вращается, звезды удерживаются в ветвях гравитационными силами».

«Какой ты умный!» — съехидничала девушка.

«Просто я с удовольствием изучал астрофизику в универсалии», — не обиделся Дар.

«Но если трансфер занес нас сюда, то этот планетоид имеет терминал орилоунского метро. Так?»

«Так».

«Может, это и не планетоид вовсе?»

«А что?»

«Какая-нибудь станция? Сооружение местных разумников?»

«Какое это имеет значение?»

«В общем-то, никакого, просто я прикидываю, какую пользу можно извлечь из нашего положения. Посмотри под ноги, ничего не замечаешь?»

Дар напряг зрение.

«Черное пятно... большое...»

«Это, наверное, центральная черная дыра Галактики!»

«Верно, это она. Мы действительно где-то совсем рядом с ней».

«Может, позовем ее? Ну, или не саму черную дыру, а ее обслуживающую периферию — йихаллах?»

«Что это нам даст?»

«Пусть прекратит безобразничать в Солнечной системе! Наше солнышко нужно нам самим. Помнишь, папа предлагал Шаламову использовать для создания черной дыры другие звезды, соседей Солнца?»

«Вряд ли йихаллах нас услышит. А если и услышит, то не поймет. А если и поймет, то вряд ли согласится».

«Но попробовать-то стоит? Вдруг получится? Человечество нам памятник поставит!»

Дар выразил свое сомнение передачей соответствующих образов: дымная струйка, трава под ветром, непреодолимая стена, скептически изломанная бровь. Потом добавил:

«Хорошо, давай попытаемся».

Однако позвать йихаллах в пси-торсионном диапазоне они не успели. Шаламов снова догнал беглецов, все еще не остыв от клокочущего внутри раздражения и злости.

«Домой! — мгновенно отреагировал Дар. — Две тысячи триста сорок второй год, первый терминал города Брянска!»

Их окутало призрачное сияние «струны» орилоунского метро. Затем свет погас...

Опоздавший буквально на миллисекунду Шаламов в ярости разнес ледяную планетку, превратив ее в сферический фонтан ледяных брызг.

ГЛАВА 13

ПРЕДЛАГАЮ ОБМЕН

О захвате базы на Ван-Бисбруке Железовский узнал сразу по прибытии на Землю. Пассажиры Смоленского терминала метро только и говорили о переданной по всемирной телесети новости о ликвидации «доблестными сотрудниками Службы общественной безопасности опасной банды террористов, имеющей базу на планете звезды Ван-Бисбрука».

Сердце екнуло. Перед глазами всплыло бледное лицо Забавы, в ушах раздался ее голос: «Арий, спаси нас!»

Железовский заметил полицейский патруль, высматривающий кого-то в толпе пассажиров, вернулся в зал. Заработала рация «спрута», связывающего все службы Сопротивления между собой. Первым откликнулся Джума Хан:

— Как здорово, что ты вернулся, дружище! Где ты сейчас?

— В Смоленске.

— Хорошо, что сразу не отправился на Ван-Бисбрук! База в руках Службы!

— Люди?

Хан замялся.

— Все наши задержаны. Забава с сыном тоже.

Железовский снова заметил фуражки полицейских. Патруль явно направлялся к нему, заметив его мощную — на голову выше всех — плечистую фигуру.

— Где они?

— Сначала пришло сообщение, что все женщины помещены в Северо-Западный СИЗО «Питерская тишина». Однако потом поступило опровержение. Их там нет. Пока мы не знаем, где искать пленников.

— Кто еще из наших задержан?

— Погибли восемь человек, по сути, вся охрана базы. Плюс отец Гены Курипки и сынишка Райского. Остальные, к счастью, живы.

— Соломон?

— Ты же знаешь, он ярко выраженный индивидуал и предпочитает жить отдельно. Час назад я с ним разговаривал, он в Палестине, жив и здоров.

— Баренц?

— С ним все в порядке, пытается реанимировать остатки организации.

— Маттер?

Джума помолчал.

— У нас большие подозрения, что захват базы спровоцировал Герхард. Он снова самовольно покинул Ван-Бисбрук, а через три часа началась атака.

— Это не доказательство.

— Да, но перед этим его видели на «Марго-2».

— Кто видел?

— Паша Быстров, сотрудник из группы Золотко.

— Это плохо.

— Куда уж хуже. Да что мы толчем воду в ступе? Давай ко мне, я на Камчатке, у своего дальнего родственника, он тут гейзерную теплоцентральный обслуживает. Запоминай код местного метро. — Джума продиктовал четыре буквы и семь цифр. — Кстати, не светись по центральным терминалам, ты объявлен во всемирный розыск. Впрочем, как и все мы.

— Кажется, я уже засветился.

— Черт! Надо было раньше тебя предупредить! Помощь нужна?

— Нет, справлюсь. Жди меня через часок, обсудим положение.

Железовский повернулся к полицейским спиной, пошел к ближайшей кабине метро, не оглядываясь на призывы:

— Стойте! Повернитесь! Руки на затылок!

Когда полицейские настигли его и уже собрались применить электрошоковые цепочки, он... исчез!

И вышел уже из кабины метро исследовательской станции «Марго-2». Однако в настоящем виде — как Аристарха Железовского — его видели только видеокамеры слежения, контролирующие помещения и коридоры станции. Тем же, кто встречался на пути, сотрудникам ИФП и операторам станции, он казался таким же спешащим по делам коллегой, которого тут же забывали.

Сначала Аристарх просканировал внутренности станции «третьим глазом», но Маттера не обнаружил. Тогда он зая-

вился прямо в каюту Ландсберга, играючи — мысленным усилием — сломав замок входной двери. Охрана станции отреагировала на его появление слишком поздно, когда он уже входил в апартаменты научного руководителя станции.

Ландсберг был не один. У него гостила дама. Практически не одетая. Впрочем, и сам руководитель центра гулял по спальне без фрака с бабочкой, в одном полотенце, обмотанном вокруг чресел. Железовского он, естественно, не ждал.

— Э-э... кто?! Как?! Кто вас сюда?! — Бывший председатель СЭКОНа побледнел, внезапно осознав, что за гостья появился к нему. — Аристарх?! В-вы?!

Дама взвизгнула, бросаясь к креслу с одеждой.

Железовский посмотрел на нее, сказал басом, будто камень бросил:

— Спи!

Женщина послушно улеглась на ковре спальни и успокоилась.

Железовский повернулся к хозяину каюты:

— Сядь!

Ландсберг сделал шаг назад, побледнел еще больше, до синевы, резко присел, так что лязгнули зубы.

— Т-ты... в-вы... чего т-ты хочешь?!

— Отвечай на вопросы! Добровольно! В противном случае сломаю волю и сделаю идиотом! Ты меня знаешь. Где захваченные на Ван-Бисбруке люди?!

— Н-не знаю...

Железовский потемнел.

Ландсберг отшатнулся, хватаясь рукой за горло: у него перехватило дыхание.

— Я в с-самом д-деле н-не... — Судорога отпустила, и он закончил скороговоркой: — Я не имею к захвату никакого отношения! Все делала Служба... Торопов...

— Торопов-младший?

— Я только предложил ему... он согласился...

— Кто дал координаты базы? Маттер?

— Мы и без него знали...

— Кто это — мы?

— Я... Махмуд... Торопов... Шаламов...

— Где он?

— Кто?

— Шаламов!

— Н-не знаю... честно! Торопов, по-моему, уже улетел обратно... в пятьдесят шестой... Хотя не уверен.

— Кто такой Махмуд?

— Начальник особой комиссии Службы, Махмуд Закаев, отвечает за связь с либеро...

— Главный охотник за интрасенсами, значит? Что ж, пора нанести ему визит. И последний вопрос: где Герхард?

Ландсберг криво улыбнулся, начиная приходить в себя.

— Его тебе не достать... да он и не виноват, в общем-то. Для него главное — наука, область приложения ума.

— Где он?

— В институте, под охраной. Мы его обеспечили всем необходимым, дали выход на Стратега, привезли жену, чего еще человеку надо, чтобы не отвлекаться на несущественные детали вроде угрызений совести?

— Ты прав насчет совести, — сказал Железовский, прислушиваясь к пси-фону станции; информация о том, что он на борту «Марго-2», уже стала известна Службе, и к апартаментам руководителя центра мчалась обойма охраны.

— Еще вопрос: кто управляет процессом в Системе?

— Если ты об эйнсофе... я руковожу экспериментами...

— Кто главный? Директор? Президент СЭКОНа? Или какая-то шишка из ВКС?

— Никто из перечисленных тобой. Создана специальная комиссия...

Охранники сосредоточились у дверей в каюту Ландсберга, пропустив вперед сторожевого фокса, похожего на металлического паука.

— Что за комиссия?! Быстрее!

Ландсберг вздрогнул, по лицу его, по шее, по плечам потек пот.

— Комиссия по выработке рекомендаций для устранения угрозы...

— Какой угрозы?

— Угрозы Большого Разрыва...

Железовский сложил губы трубочкой, словно собирался свистнуть.

— Чуть собачья! До Большого Разрыва — миллиарды лет... впрочем, кому-то выгодно создавать комиссии, раз они создаются. Кто стоит за всем этим? Шаламов?

— Д-да...

Дверь в каюту Ландсберга выгнулась пузырем и лопнула. В центральную комнату, играющую роль гостиной, ворвался метрового роста металлический шестиног, за ним четверо «киборгов».

Железовский, не высываясь из спальни, вытянул в щель приоткрытой двери руку, выстрелил. Огненная вспышка снесла фоку полкорпуса, заставив отпрянуть оперативников; стрелял Аристарх из аннигилятора.

— Запомни, Казимир! — сказал он гулким басом, словно заколачивал гвозди в голову начальника исследовательского центра. — С этого момента ты будешь жить по совести! Я свяжусь с тобой в скором времени. Опасные эксперименты постепенно прекрати! Добейся приема у председателя ВКС с материалами, которые предоставит тебе Маттер. Это приказ!

Ландсберг отшатнулся, широко раскрывая глаза.

— Х-хорошо...

— Прощай пока.

— Эй, прекратите сопротивление! — закричали из гостиной в несколько голосов. — Иначе откроем огонь на поражение! Выходите без оружия, с поднятыми руками!

— Сейчас, только подгузник сменю, — усмехнулся Аристарх.

Наступила тишина.

— Выходите с поднятыми руками! Оружие на пол! Начиная отсчет!

— Здесь только я, — ответил охране bleющий голос, и в гостиную выбрался истекающий потом Ландсберг, держа руки над головой. — Не стреляйте, он ушел...

* * *

Институт пограничных физических проблем охранялся стандартной сторожевой инк-системой, которую контролировали двое «живых» охранников дежурной смены. На случай внезапного прорыва на территорию института «террористов или уголовно преследуемых элементов» был предусмотрен вызов полиции особого назначения, которая могла прибыть на место происшествия через три минуты после вызова.

Однако появление Железовского — «уголовно преследуемого элемента», объявленного во всеземной розыск по

линии Интерпола и Службы общественной безопасности, — застало охранную систему ИПФП врасплох. То есть инк сразу определил личность человека, вышедшего из терминала метро, и доложил об этом дежурным, но те отреагировали далеко не сразу: оба увлеченно играли в «Дум-супер», гоняясь друг за другом по иллюзорным мирам грезира, поглощавшим все их внимание.

Поэтому Железовский, не сильно торопясь, нашел рабочую обитель Герхарда Маттера и вошел к нему в тот момент, когда ксенопсихолог собирался снова подключить свой мозг к операционному полю Большого Умника института.

Увидеть одного из руководителей Сопротивления, да еще столь одиозного, как Железовский, Маттер не ожидал. С полминуты он стоял с отвисшей челюстью, наконец моргнул, с усилием вернул себе самообладание, вытянул вперед ладони:

— Я не виноват...

— Сядь! — громыхнул Аристарх.

Маттер побледнел, опустился на краешек кресла.

— Тебя предупреждали, — продолжал Железовский, — и не один раз. Ты не внял. Предательство бывает двух видов: сознательное и неосознаваемое. Но если ты думаешь, что второе лучше, то ошибаешься. Последствия второго столь же разрушительны, как и первого. Это что касается твоего «не виноват». Но видно, уж так ты устроен — не думать о последствиях и быть выше советов. Не представляю, как ты будешь жить дальше с сознанием того, что из-за тебя погибли люди и рухнуло дело.

— Меня подставили...

Железовский поморщился.

— Оправдываться будешь перед теми, кто потерял родных и близких, да перед собственной совестью... если она у тебя есть. Я не за тем нашел тебя, чтобы судить. Но ты общался с Ландсбергом и мог услышать, кто разработал и про-вернул операцию по захвату базы.

— Леон Торопов.

— Мало верится, что разработчик — Торопов-младший. У него мозгов не хватит. Кто ему помогал?

— Служба...

— Конкретно?

— Н-не знаю.

— Тогда ты, может быть, слышал, куда поместили пленников?

— Н-нет, не слышал... мы об этом не разговаривали... но Казимир обещал...

— Что?

Маттер облизнул пересохшие губы, попытался возмутиться:

— Что ты допрашиваешь меня, как преступника?! Я понятия не имел, какую пакость они подготовили! Да, я виноват, что не подумал о последствиях моих контактов с Казиком... но ведь я не специально подставил наших ребят! Зато узнал колоссальные вещи! Очень важные!

— Это не может послужить тебе оправданием. Ты интра-сенс и должен был предвидеть последствия своих неосторожных действий.

— Может быть, но мне дали такую информацию!.. — Герхард поймал мрачный высверк глаз собеседника и заторопился. — Знаешь, почему система Блэкхоул не контактирует с кубоидами? У них разные подходы к проблеме стабилизации домена! Черные дыры пытаются остановить расширение Вселенной с помощью создания мощнейших гравитационных линз, а кубоидам как раз гравитация вредна! Их структура сохраняется лишь при полной нейтрализации гравитационных полей!

— Какое это имеет...

— Огромнейшее значение! Ты не понимаешь! И Шаламов не понимает! Черные дыры не спасут наш метagalактический домен от Большого Разрыва! Грядет Большая Война между Блэкхоул и кубоидами! Точка Разрыва — это переход эволюции Вселенной в и н у ю ф а з у! В какую — не знают наверно даже сами Вершители, которые все это затеяли с благородными намерениями! Я вообще считаю, что Блэкхоул — это вирус, запущенный кем-то, кто неизмеримо выше нас и всех остальных, в нашу Вселенную с непонятной целью! С одной стороны, он вроде бы пытается спасти Мироздание, с другой — мешает системе кубоидов делать то же самое! Понимаешь?! Черные дыры — т е м н а я сторона процесса! Кубоиды — ну, не знаю, может, и они представляют не совсем светлую силу, я еще не разобрался. Может, это еще один Вершитель, но совсем иного плана. А с другой стороны...

— Помолчи, — перебил Железовский говорившего все быстрее Маттера; в коридорах института началась суета с ярко выраженным вектором движения — по направлению к тому отделению, где работал Герхард; надо было уходить. — К черту твои разглагольствования!

Маттер запнулся, прижал руки к груди. Проговорил хрипло:

— Ты меня... убьешь?!

Железовский усмехнулся, направляясь к двери, бросил через плечо:

— Я не судья тебе, Герхард, и не палач. Суди себя сам!

Вышел.

— Подожди! — крикнул ему вслед Маттер. — Я хочу сказать... хроники... хроносрезы — это входы в черные дыры! Через них можно попытаться связаться с Блэкхоул! Слышишь, старый?!

Никто не отзывался.

Тогда Маттер заплакал, утираясь ладонью и размазывая слезы по толстым трясущимся щекам.

Неслышно выскользнувшая из соседней комнаты жена с испугом и жалостью смотрела на плачущего мужа, не зная, что сказать и как его успокоить.

* * *

Камчатка встретила Железовского штормовым ветром и снегопадом. То ли это было запланировано метеослужбой северных территорий, то ли что-то испортилось в сложной системе контроля погоды, но снег в середине сентября не радовал. Впрочем, Аристарха ничто не радовало, пока его жена и сын находились в положении заложников у Службы, исполняющей волю Ордена власти.

Родственника, у которого остановился Джума Хан, звали Хосрой. Много лет назад он женился на камчадалке Оринэ, поехал знакомиться с ее родиной, да так и остался в городке Ключевский, насчитывающем всего восемь домов-башен, обогреваемых подземным теплом. У него была старенькая трехкомнатная квартира в обычной туфо-керамической многоэтажке, возраст которой достигал уже чуть ли не двухсот лет. Квартира не имела встроенного трансформ-технического обеспечения и видеопласта, но благодаря усилиям хо-

зайки выглядела уютно, предоставляя хозяевам и гостям достаточно комфорта для приятного отдыха.

Железовского познакомили с хозяевами, похожими друг на друга, как брат и сестра, и Джума уединился с ним в одной из комнат, где у Хосроя стоял вириал инка, а стены были завешаны полками с образцами руд и минералов; по специальности родич Хана был геологом.

Однако вдвоем гости оставались недолго. Через несколько минут после ужина появился Баренц, а вслед за ним еще один гость, в котором все с изумлением узнали Майкла Лондона, бывшего комиссара Северо-Американского филиала Службы безопасности. Экзосенса. Мага, уровень которого немногим уступал уровню Клима Мальгина.

— Вот уж кого я не ожидал увидеть, так это тебя! — с чувством сказал Джума, обнимая нового гостя, с которым не виделся почти двадцать лет. — Ты совсем не изменился! Какими судьбами? И как ты нас нашел?

Лондон улыбнулся. Он действительно практически не изменился за истекший срок, в отличие от постаревших Хана и Баренца, и выглядел глубоко у равновешенным человеком, повидавшим на свете немало удивительного за время странствий по другим мирам.

— Вот он меня вызвал, — кивнул Лондон на невозмутимого Железовского. — А найти вас несложно, вы оба с е т и т е с ь в ментале, как ледники на горных вершинах. Я бы посоветовал вам закрываться.

— Ты прав, — огорчился Аристарх, осторожно пожимая руку Лондона. — Я иногда забываю, что Служба уже имеет пси-пеленгаторы. Надо переходить на постоянный блок.

Лондон поздоровался с Баренцом.

— Ты постарел.

— Что поделаешь, — вздохнул верховный комиссар Сопротивления. — Я постарел и внешне и внутренне — не менее чем на тысячу лет. Иногда хочется бросить все и уйти на покой.

— Покой нам только снится, — махнул рукой Джума. — А ты не такой уж и старик, чтобы жаловаться, еще имеется порох в пороховницах. — Он посмотрел на Лондона. — Есть хочешь?

— Спасибо, я не голоден. Рассказывайте, что у вас про-

исходит. Кое-какую информацию я уже раздобыл, но этого недостаточно. Мальгин с вами?

— Ушел искать Шаламова, но должен скоро вернуться.

— По моим сведениям, Шаламов где-то здесь, в Системе.

— Он мотается по временам, то здесь, то там, но больше — в пятьдесят шестом веке, пытается помочь неким силам превратить наше Солнце в черную дыру.

— Выкладывайте подробности.

Все четверо разместились кто на чем, и Железовский скупно, образно и точно поведал гостю историю отношений интрасенсов с федеральной властью и войны с пришельцами, служащими чудовишной системе Блэкхоул.

— Положение пиковое, — прокомментировал Майкл его рассказ. — Не думал, что тут у вас все так изменится. Конечно, я в курсе, что метагалактический домен переживает фазу нового инфляционного расширения, но до финала еще очень далеко, и до конца он не определен.

— Кем? — приподнял бровь Баренц.

— Характером процесса. В сценарии развития Вселенной, разработанном Вершителями, нет места Большому Разрыву. Поэтому еще не все потеряно.

— Шаламов утверждает, что судьба домена будет решена, если Блэкхоул не остановит инфляцию.

— Блэкхоул не в состоянии остановить этот процесс.

— То же самое говорит Маттер.

— Герхард большой оригинал, но иногда он делает поразительные по смелости прогнозы. Где он сейчас?

Мужчины переглянулись.

— Он теперь работает на команду Ландсберга, — сказал Джума. — Шаламов перевербовал нашего теоретика, пообещав снабдить важной информацией.

Лондон кивнул.

— Меня это не удивляет. Маттер всегда отличался свободой суждений и поступков, не считаясь ни с мнением коллег, ни с последствиями своих решений. А жаль, специалист он классный. Интересно, чем именно купил его Даниил?

— Я виделся с ним недавно, — сказал Железовский. — Он говорил о конфликте Блэкхоул с системой кубоидов. Наверное, Шаламов действительно дал ему выход на базу данных йихаллах. Предлагаю выкрасть Герхарда и запереть где-нибудь так, чтобы никто из команды Ландсберга, плюс

Шаламов, не смогли его найти. Одним ударом мы получим два преимущества: узнаем, что знает Герхард, и не дадим возможности Ландсбергу использовать потенциал Маттера.

— Я не желаю с ним работать! — поморщился Джума.

— Результат акции важнее твоих симпатий и антипатий, — сухо сказал Баренц. — Аристарх дело предлагает. Твое мнение, Майкл?

— Хорошая идея. Я тоже не прочь поработать над проблемой контакта с кубоидами. Точнее — с теми, кто эти структуры формирует.

— Герхард заикнулся еще об одной вещи, — вспомнил Железовский. — По его словам, хроносрезы-хроники являются неактивными входами в черные дыры. Через них якобы можно связаться с Блэкхоул напрямую. Но, к сожалению, хроники исчезли. Они хранились на базе Ван-Бисбрука, и, очевидно, их забрал Леон Торопов.

— Надо наконец найти этого молодого мерзавца! — буркнул Джума. — И сделать ему одно маленькое усекновение... Не поможешь нам, Майкл?

— Только после получения полного пакета данных обо всем, что тут у вас творится. Я не хочу ошибаться. Там, где я сейчас обитаю, давно никто ни с кем не воюет.

— Где это? — полюбопытствовал Джума. — Хоть бы рассказал, где ты живешь и чем занимаешься.

— Живу я далеко отсюда, в другой Ветви, но в двух словах об этом не расскажешь, а времени у нас немного.

— Я дам тебе полный пакет информации, — сказал Баренц. — Аристарх дополнит. Думаю, с твоей помощью мы отыщем пленников и освободим их. Потом нанесем контрудар по Ордену. Хорошо бы послать сообщение Мальгину, чтобы возвращался. Без него нам не обойтись.

— Это легко сделать. — Лондон выудил из кармашка на брюках кругляш с мигающей желтой звездочкой. — У меня есть «почтовый голубь», которым пользовался Аристарх.

Все присутствующие, привстав, с интересом посмотрели на «каменный окатыш».

Лондон погладил его пальцем, проговорил:

— Клим, это Майкл, привет. Ты где? Откликнись, тебя ждут на Земле, возникли проблемы.

Он перевернул кругляш, и тот исчез.

— Отлично! — Джума потер ладонь о ладонь. — Кажется,

мы начинаем вылезать из этой ж... э-э, ямы, в какую залезли по вине коллеги Маттера.

— Разрешите откланяться, — сказал Лондон. — Хочу кое-кого навестить. Через два часа я в вашем распоряжении.

Он повернулся и вошел в стену комнаты.

— Да! — крикнул Джума через несколько мгновений тишины. — Мне бы такие возможности! Забыл спросить: кто он? То есть он уже Вершитель или только Живущий-за-Пределами?

— Не так уж это и важно, — обронил Баренц.

— Интересно же.

— Давайте перейдем к конкретным делам. Главный вопрос — пленники. Подключайте к их поиску всех, кого знаете. Время работает против нас, а ждать Мальгина, сложа руки, мы не имеем права. Есть предложения?

Ответом Баренцу было молчание.

ГЛАВА 14

КУВОИД

Он мчался по звездному тоннелю с огромной скоростью, так что проносящиеся мимо близкие звезды и туманности сливались в сплошные светящиеся полосы. Лишь дальние звезды изменяли свое положение неспешно, в зависимости от расстояния, но эффект движения от этого только усиливался. В конце концов Мальгин налюбовался зрелищем «тоннеля» и нырнул в скрытую «трещину» пространства, каковой являлась «суперструна» орилоунского метро. Вышел из «трещины» он уже внутри станции «Джей-Джей Шепли», располагавшейся на поверхности коричневого карлика Шив Кумар. Автоматически отметил время прибытия: пять тысяч пятисот пятьдесят первый год, восемнадцатого сентября по земному летоисчислению. Это было время Дара Железвича, далекого потомка Аристарха Железовского, время угасания человеческой цивилизации, время экспансии Блэкхоул в Солнечную систему для создания «роддома» черной дыры.

— Приветствую вас на борту моей обители, — узнал гостя инк станции по имени Джил. — Давно не виделись. Как ваше здоровье?

— Благодарю, Джил, все в норме. Ты один?

— Увы, да. Но обитель недавно посещали гости, так что я имел удовольствие общаться с ними.

— Кто же тебя навещал?

— Сначала гостил Аристарх Железовский, если вам что-то говорит это имя. Он беседовал с неким существом, которое называл Паломником. Затем появился Даниил Шаламов, очень расстроенный и злой. Он пробыл недолго, всего несколько секунд, и ушел. А двое суток назад меня посетил Некто, которого я не смог идентифицировать.

— Как он выглядит? — заинтересовался Мальгин.

— В том-то и дело, что моя система визуального контроля видела лишь некий прозрачный вихрь — подобие электромагнитной вуали, которая прогуливалась по коридорам станции. И еще запах, не тот, что чувствуется обонянием, а «запах мысли». Это была необычная сущность, не пожелавшая представиться и побеседовать.

— Она не задавала вопросы?

— Нет. Больше всего времени этот Некто провел в отсеке подземоходов и в зале визинга. Потом исчез. Но у меня создалось впечатление, что он направился в глубь Шив Кумара, к объекту исследований.

— К маатанину, — пробормотал Мальгин, отвечая скорее своим мыслям, чем инку.

— Люди, с которыми я общался, часто произносили этот термин — «маатанин», или черный человек. Однако я всего лишь инк обслуживания станции «Джей-Джей Шепли», ограниченный функциональными программами, поэтому термин «маатанин» мне непонятен. Извините.

— Не расстраивайся, дружище, мы тоже долго не могли понять, что такое черный человек.

— Может быть — кто, если речь идет о живом существе?

— Маатане больше «что», а не «кто».

— Не понимаю, извините.

— Тебе это и не нужно. И все же любопытно, что за гость побывал здесь. Неужели кто-то из Живущих-за-Пределами? Или это был эмиссар Блэкхоул?

— У меня нет никаких сведений на этот счет, — извиняющимся тоном сказал инк станции, принимая рассуждения Мальгина за прямой вопрос.

— Значит, он направился к объекту, говоришь? И назад не возвращался?

— Нет.

— Тогда есть смысл поискать его там. Заодно я и маатанина навещу.

— Будьте осторожны. Все уцелевшие подземоходы нуждаются в капитальном ремонте и могут выйти из строя в любой момент.

— Они мне не понадобятся.

Мальгин изменил физическое состояние организма, превращаясь в сгусток «тонкоматериальных» полей, и вылетел за пределы станции, растянулся в луч невидимого света, достигая пятикилометровой сферы, внутри которой обитал последний из маатан.

Эту сферу создавали орилоуны, причем очень давно, сотни тысяч лет назад, для неизвестных целей. То есть эти цели были им, естественно, понятны и необходимы, однако люди, изучавшие сферу десятки лет, так и не поняли, для чего она предназначалась. Наличие же внутри сферы маатанина только добавляло интриги в существующий порядок вещей. Да и обнаружен он был далеко не сразу, потому что сфера оказалась не доступной ни одному из существующих методов просвечивания материальных объектов. Ни гамма-локаторы, ни нейтринные прожекторы, ни гравитационные телескопы не смогли проникнуть под оболочку сферы и определить ее структуру. Лишь созданный в середине двадцать четвертого века торсионный детектор позволил ученым заглянуть внутрь таинственной сферы и обнаружить там маатанина.

Сама же сфера представляла собой реализацию сложнейшей фрактальной конфигурации — «формулы Калаби-Яу», которую чаще называли «диссипативной матрешкой». Ее структура напоминала пену, шарики-«матрешки» которой пронизывали друг друга, создавая удивительно гармоничный ансамбль самоподобий. А в центре сферы, в одной из пустот, торчал черный человек — многогорбая черная глыба двадцатиметрового диаметра, карикатурно напоминавшая человека, сидевшего в позе лотоса.

Мальгин уже однажды посещал обитель маатанина и даже беседовал с ним. Правда, язык общения с этим квазиживым существом, представлявшим собой по сути аккумулятор энергии и коллектор информации, настолько отличался от

человеческого, что понять речь маатанина было трудно даже таким мощным интеллектам, как Клим.

«Привет, Древний, — сказал Мальгин, зависая над «головой» черной глыбы. — Как поживаешь?»

По гладким вздутиям тела маатанина пробежала волна кристаллической сыпи. Где-то внутри него проскочила электрическая искра, оживив некие «думающие» контуры. В голове Мальгина (точнее, в сфере сознания) родились шуршащие, как сухие стебли тростника, странные «звуки» и бесформенные видения. Сложились в образы, смысл которых можно было отразить искаженными словами земного языка:

«Приветствие Вершитель... поживать... конец... готовность переход... скоро...»

Мальгин только теперь обратил внимание на всполошенную пульсацию энергосердца маатанина и на изменение рисунка гравитационных и электромагнитных потенциалов его обиталища. Внутри небольшого, по космическим масштабам, тела черного человека крылась бездна энергии, готовая вырваться наружу. Или наоборот — породить процесс сингулярного сжатия тела, способного вовлечь в себя все окружающие маатанина объекты.

«Елки-палки! Древний, ты же практически созрел! Откуда энергия?! Ведь тебе ее не хватало для перехода в сингулярность!»

«Теперь достаточность... скоро конец... мы помощь просьба... он быть... предлагать энергия... теперь достаточность...»

«Кто — он? Кто здесь был?!»

«Вершитель... другой... совсем... предлагать энергия...»

«Как он выглядел?»

Сознание Мальгина потряс вихрь видений, далеких от человеческого опыта и семантического восприятия. Понять в них что-либо, выделить смысловой видеоряд было невозможно. Впрочем, едва ли сам черный человек знал, с кем имеет дело. Для него это не имело значения, поскольку неожиданная помощь решала разом все проблемы, позволяла добиться запланированной цели. А целью жизни маатан было рождение ансамблей черных дыр, складывающихся в систему Блэкхоул.

«Что ж, старина, прими мои поздравления. Мучения твои заканчиваются. Когда ждать появления «младенца»?

«Скоро совсем... ожидаемость... желание присоединиться ты есть?»

«Спасибо, — улыбнулся Мальгин, — у меня другая цель в жизни. Передай «малышу» мои наилучшие пожелания».

Он еще раз оглядел сферу обитания черного человека, отметил каналы, по которым в сферу поступала энергия — не из недр карликовой звезды, а из вакуума! — оценил созданную неизвестным благодетелем систему питания. Гость знал, что нужно для превращения зародыша черной дыры — маатанина — в собственно черную дыру, и легко ускорил процесс. А такими возможностями рядовой житель местной вселенной обладать не мог. Шив Кумар и в самом деле посетил кто-то из мощных операторов реальности, может быть, даже один из Вершителей.

«Прощай, Древний!»

Мальгин превратился в луч, покидая обитель маатанина, готового к переходу в иную фазу бытия. Здесь ему делать было нечего. Шив Кумар доживал последние дни, если не часы. Пора было возвращаться домой, в свое время.

Однако в последний момент Мальгин передумал. Появилась идея проверить одну мысль. Он вошел в Сеть орилоунского метро, вызвал оператора информария:

«Любезный, мне нужна информация о системах космических объектов, называемых кубоидами. Термин изобретен астрономами Земли двадцать первого века. Объект выглядит как геометрически правильная фигура — куб, звезды в котором равномерно распределены по всему объему фигуры».

«Пакет информации по данным объектам невелик, — отозвался информатор Сети с сожалением. — Они представляют собой промежуточную фазу системной организации Вселенной и контролируются скрытым Вершителем».

«Каким Вершителем? — не понял Мальгин. — Как тебя понимать?»

«В настоящее время назревает пограничная конфликтная ситуация между Вершителями с разными этико-логическими базами. Систему черных дыр, которую вы называете Блэкхоул, контролирует один Вершитель, систему кубоидов — другой».

«Вот те раз! Выходит, кубоидов контролирует вирус?»

«Не совсем так. Все Вершители — суть дети Творения, то есть данной Мета вселенной, которые имеют право улуч-

шать, усовершенствовать Творение. Однако их деятельность не всегда этически выверена и часто противоречит законам Творца. Во всяком случае, создание нашей Сети с выходом в прошлое и будущее было ошибкой. Поэтому в процесс начинают вмешиваться другие Вершители, которые полагают, что имеют право исправить положение в соответствии со своим мировоззрением. Кубоиды и струнные вуали, составляющие вместе нечто подобное нейросетям человеческого организма, являются результатом деятельности одного из них. Спиральные и эллиптические галактики — результат деятельности другого Вершителя».

«Но я был в очень далеком будущем и не увидел ни тех, ни других!»

«Все они не смогли остановить инфляцию расширения домена, и им на смену пришли другие материальные структуры».

«Какие?»

«У меня нет информации по данной теме. Я компетентен в пределах определенного интервала времени — от ничтожной доли секунды с момента рождения домена до момента Большого Разрыва».

«Значит, Большой Разрыв все-таки произойдет?»

«Большой Разрыв — это сценарий одного из Вершителей, недовольного своим положением. Но этот сценарий готов осуществиться».

Мальгин невольно покачал головой.

«Я не знал, что Вершители так близки нам, людям, по части эмоций. Неужели правы были мифопоэты, утверждая, что мы созданы богами по их образу и подобию?»

«Человек в частности и человечество в целом являются составной частью Творения. С другой стороны оно органично входит в систему Блэкхоул. Во все цивилизации социо-технологического цикла, в том числе и в человеческую, встроены механизмы самоликвидации с переходом в другое состояние, состояние почти вечного объекта — черной дыры. И я не знаю, хорошо это или плохо».

«Я тоже. Хотя в настоящее время я предпочту помогать выжить именно человечеству, а не системе Блэкхоул в целом. Спасибо за информацию, ты мне действительно помог».

«Вам уже не нужны сведения о кубоидах?»

«Нужны. Просто я не ожидал, что отношения Вершите-

лей так... просты. Всегда считалось, что на этом уровне могущества и оперирования реальностью царит идеальное все понимание, все прощение и мудрость».

«Вы ошибались».

«К великому сожалению. Хотя остается надежда, что уровень Творца выше уровня его детей — Вершителей. Если бы я обратился к тебе раньше, удалось бы избежать многих ошибок и лишних шагов. Однако достаточно об этом. Давай свой тезаурус о кубоидах».

Мальгин открыл «кладовые» подсознания, где хранилась информация о маатанах, переданная еще двадцать лет назад Шаламовым, и получил кодированное сообщение, вмещавшее все сведения о кубоидах, которые имел информаций орилоунской Сети. На развертку и сброс информации в сферу сознания потребовалось значительно больше времени, но уже через несколько минут Клим знал, кто и с помощью каких сил формировал кубы из звезд.

Как правило, в центре кубоида располагалась главная звезда, очень большая и очень старая, типа Бетельгейзе. И эта звезда представляла собой... живой и разумный организм! Подобный организм формировался миллиарды лет, проходя различные стадии развития, в том числе стадию сложной социосистемы. Когда он овладевал энергией звезды и мог влиять на многие космические процессы, его подключали к системе «струнной» связи, и этот мощный плазменно-ядерный «ум» начинал организовывать пространство кубоида, запрещавшее материи участвовать в процессе расширения Вселенной. Каждый кубоид, таким образом, представлял собой гигантский «нервный узел», а все вместе они образовывали своеобразную «нервную систему» Вселенной, правильной работе которой мешала другая «нервная система» — Блэкхоул, состоящая из ансамблей черных дыр.

Назревает конфликт между Вершителями, вспомнил Мальгин слова оператора информария. Во что он может вылиться? В открытую войну сверхцивилизаций? Или в скрытую «войну законов»? Впрочем, какая разница? Человечество и в том, и в другом случаях больше теряет, нежели приобретает, так как является частью одной из конфликтующих сторон. Что, если его деградация в будущем — результат воздействия другой стороны? Что, если вмешались кубоиды? Или система, их обслуживающая? Так сказать, «кубоидная

йихаллах»? Может быть, есть смысл установить с ней контакт, пока не поздно?

Мальгин вызвал оператора Сети:

«Держатель, отправь меня к ближайшему кубоиду».

«Ближайший объект подобного рода — Мазилла-1».

«Пусть будет Мазилла».

Пространство сжалось в «струну». Темнота. Падение в бездну. Свет.

Узел выхода орилоунского метро в данном районе космоса представлял собой силовую полусферу, венчавшую плоскую вершину горы. С высоты открывался великолепный вид на горную страну всех оттенков красного цвета и на долину с белоснежными ажурными скалами, напоминавшими скелеты каких-то гигантских существ, или на скопления кораллов. Хотя по первому впечатлению эти образования показались Мальгину снежными холмами. Однако снега на этой большой планете — судя по далекому горизонту и силе тяжести, вдвое превышающей земную, — не было, так как температура воздуха в месте расположения станции метро достигала плюс шестидесяти градусов по Цельсию. Да это было и неудивительно, потому что планета вращалась вокруг светила (класс М, температура поверхности три с половиной тысячи градусов, диаметр — на два порядка больше солнечного, масса — около восьми солнечных масс) по довольно близкой орбите, так что оно загораживало почти половину небосвода. Видимо, эта звезда и являлась центром скопления Мазилла-1.

Кроме того, здесь проявлялся один необычный эффект: звезды скопления располагались так близко друг от друга — меньше, чем в двух световых месяцах, что они наблюдались с поверхности планеты даже днем.

Мальгин сформировал человеческое тело, прошелся по шероховатой поверхности горы, оценивая ландшафт. Топнул ногой, дотронулся до невидимой силовой оболочки станции, раздумывая, выйти из-под нее или остаться под ее защитой. «Скопления кораллов» в долине манили, притягивали взор, казались живыми. Мальгин сосредоточился на них, ощущал лучом экстрасенсорного восприятия.

«Кораллы» чем-то напоминали орилоунов, так как их ажурно-пористые фестончатые тела были выращены в соответствии с фрактальными законами. Но жизнь внутри них

давно исчерпала себя, и теперь это и в самом деле были скелеты, останки тех, кто когда-то жил на этой планете.

Внезапно словно порыв ветра всколыхнул жаркий воздух за оболочкой станции. Чей-то взгляд упал сверху на человека, взгляд внимательный и заинтересованный.

Мальгин поднял голову, прищурился.

Никого.

Белое небо, мерцающие звезды, стена ало-оранжевого огня близкого светила, источавшая ощутимо горячий и плотный световой поток. Стена как бы вогнутая — из-за рефракции атмосферы, испещренная узором более темных багровых зерен и светлых жил. Ни лица, ни глаз. И тем не менее именно эта стена по с м о т р е л а на гостя, как бы проснувшись и почуяв его необычную скрытую мощь.

Может быть, это и есть главный д е р ж а т е л ь кубоида? Разумная звезда?

Мальгин попытался уловить колебания пси-полей, способных отразить умственную деятельность звезды, но войти в контакт с ней не успел.

Тень накрыла гору и человека на ней, холодная мрачная тень. Клим почувствовал еще один взгляд, но уже неприветливый, угрюмый, предупреждающий. И тотчас же вокруг полусферы станции сформировалась металлическая на вид решетка, образуя своеобразную вольеру. Металлические прутья решетки некоторое время вздрагивали, меняя толщину, потом заискрились маленькими неяркими молниями. И сразу на уши Мальгина навалилась глухота, будто его поместили в камеру с толстыми стенами.

«Зачем ты здесь?» — раздался внутри головы Мальгина густой гулкий бас.

«Прежде чем спрашивать — представься».

«Я организатор безопасности Черного Властелина».

В отличие от маатанина, новый собеседник Мальгина прекрасно знал земной язык, не путался в терминах и понятиях, не коверкал слова и хорошо понимал человека.

«Если я правильно тебя понял, ты — представитель Блэкхоул? Тогда почему я должен отвечать на твои вопросы? Ты такой же гость здесь, как и я».

«Мы следим за тобой. Ты представляешь угрозу нашему делу».

«Это кто же вам такое сказал?»

«Твой соотечественник Даниил Шаламов».

«Он ошибается. Насколько я понимаю ситуацию, гораздо большую угрозу вашему строительству несет деятельность кубоидных структур».

«Это не твое дело».

«Наверное, ты прав, не мое. Но почему бы вам не договориться между собой, разделить сферы влияния?»

«Это невозможно».

«Вы пытались?»

Собеседник Мальгина помолчал. В пси-поле он проглядывался как зависший над горой стеклянно-прозрачный паук, хотя на самом деле мог представлять собой любую материально-полевую форму. Однако его сила имела пределы, и эмиссаром Вершителя или Живущим-за-Пределами, как сначала подумал Клим, он не был. Скорее всего разговаривал с Мальгиным еще один представитель йихаллах-системы, обслуживающей Блэкхоул.

«У нас разные методы достижения гармонии и порядка, — наконец ответил «паук». — Они диаметрально противоположны. Договориться невозможно».

«Вы ошибаетесь, обе ваши структуры взаимодополняют друг друга. На вашем месте я попробовал бы договориться. А заодно и предоставить мне и моим соотечественникам право выбора своей судьбы. Кстати, это не ты ли, случайно, недавно посещал коричневый карлик Шив Кумар и подключил маатанина к дополнительному энергоисточнику?»

«Это не имеет значения. Возвращайся к себе, разумный, и не мешай нам!»

«Не нравится мне твой тон, — задумчиво проговорил Мальгин, волевым усилием нейтрализуя решетку вокруг купола станции. — Я не привык сносить грубое давление на психику даже от тех, кто претендует на заслуженный отдых».

«Я исполняю свой долг».

«Ты настолько зависишь от своего Черного Властелина?»

«Не твое дело! Убирайся! Здесь тебе нечего делать!»

Решетка возникла вновь.

«Верный пес своего хозяина, — еще более задумчиво сказал Мальгин. — Готов покусать и разорвать любого, кто подойдет близко к его владениям. Наверное, это хорошее качество... для тех, кто не способен думать. Но есть маленький нюанс: ты находишься на чужой территории и не име-

ешь права приказывать кому бы то ни было! Так что убирайся-ка ты сам».

«Ты мне угрожаешь?» — уточнил «паук».

«Я тебе предлагаю правильно оценивать ситуацию».

Внезапно гору и купол станции орилоунского метро, накрытый решеткой, осветил некий призрачный луч. И тотчас же внутри Мальгина заговорил другой голос, бас, еще более глубокий и раскатистый. Это хозяин планеты, а возможно, и создатель всего кубоида наконец разобрался в том, что происходит в его владениях, и решил напомнить о себе. Его «речь» сопровождалась каскадом призрачных видений, в основном — геометрических фигур, переходящих одна в другую, причем фигур угловатых, многогранных и шипастых. Ни одной округлой формы, топологически связанной с шаровыми поверхностями, эти конструкции не имели. В конце концов над горой и над «пауком», с которым беседовал Мальгин, сформировалась необычная сложная фигура — четырехмерный куб, олицетворяющий новое действующее лицо, и Мальгин понял, что это посредник, представляющий кубоид Мазилла-1.

«Кто вы?»

«Паук» не ответил, оценивая свое положение. Его мощь была велика, но не беспредельна, и он раздумывал, стоит ли ввязываться в конфликт, последствия которого непредсказуемы.

«Я Клим Мальгин, землянин, свободный оператор материальных состояний, промежуточное звено Вершителя. Меня к тебе привело любопытство».

«Кто рядом с тобой? Я чувствую его силу, но он закрыт и не желает прямого общения».

«Это представитель другой концептуально-логической системы, опирающейся на массивные точечные объекты».

«Я тебя понял. Ваш язык не в состоянии отразить смысл понятий, которыми можно было бы определить суть этой системы. Самое близкое значение — Вечники. Темная сторона жизни. Хотя реальность намного сложнее, как и физика этих самых массивных точечных объектов».

«Я тоже тебя понял».

«Не сомневаюсь. Помощь нужна?»

«В данный момент нет. Но в будущем возможны контакты, если ты не возражаешь. Вечники, как ты их назвал, или

черные дыры, как называем мы, пытаются использовать человечество в качестве спускового механизма рождения еще одной черной дыры на месте нашей центральной звезды, чтобы замкнуть систему Блэкхоул».

«Это логично».

«Конечно, логично, только вот цена этого процесса — гибель нашей цивилизации. Мы хотели бы избежать такого финала».

«И это логично. Однако у нас нет опыта спасения цивилизаций. Мы заняты более важными делами».

«Логично, — усмехнулся Мальгин. — А ты не предполагаешь варианта, что когда-нибудь окажешься в том же положении, и некто, к кому ты обратишься за помощью, откажет тебе, ссылаясь на «более важные дела»?»

Собеседник сделал паузу.

«В предвидимом будущем такой вариант исключен».

«Как далеко вперед вы заглядывали?»

«Представь единицу отсчета».

«Время оборота данной планеты вокруг тебя. Ведь ты звезда-держатель местной системы?»

«Я вижу будущее на двадцать миллиардов циклов вперед».

«Это примерно десять миллиардов земных лет. Маловато будет. Используя сеть мгновенного транспорта древних Строителей Вселенной, я заглядывал на сотни миллиардов лет в будущее, хотя подозреваю теперь, что наблюдал один из сценариев развития Мироздания, который может еще и не осуществиться. И все же рискну предположить, что ни ваша система, ни Вечники — не гарантированы от распада и деградации. Ваши логика и этика имеют изъяны. Задумайся над этим».

«Что предначертано Творцом, то и случится, — философски заметил собеседник. — Желаю жить долго».

Прожектор «невидимого света» погас. Ощутимо плотное давление чужой мысли, ощущаемой как взгляд в спину, пропало. Хозяин кубоида Мазилла-1, снизошедший до мысле-образной беседы с человеком, вернулся к своим внутренним проблемам.

Зато снова «поднял голову» посланец Блэкхоул, не обладавший супервысоким интеллектом, но уверенный в своем праве требовать подчинения от тех, кого он считал ниже себя:

«Если ты не освободишь от своего присутствия зону наших стратегических интересов, я буду вынужден применить силу!»

Мальгин прошелся по шероховатой каменной алой плите (гора была сложена из пород всех оттенков красного цвета), ощущая пульсирующую в «пауке» энергию. Захотелось потягаться с ним силой, поупражняться в пси-волевом «фехтовании».

Он напрягся и с некоторым усилием повторно уничтожил «металлическую» решетку, накрывшую купол орилоунского метро. Хотя в принципе эта демонстрация собственных возможностей была лишней. Он в любой момент мог просто перейти в Сеть метро, минуя промежуточные ретрансляторы, либо энергоинформационным сгустком просочиться сквозь оболочку станции, не обращая внимания на попытки йихаллах Блэкхоул ограничить его свободу.

«Уважаемый, я тебе не враг. Но и не друг! Учти на будущее. Если понадобится, я заставлю пожалеть любого о том, что он со мной связался. Ответь на вопрос: давно вы следите за мной?»

«Полгода — по земным меркам».

«Откуда ты знаешь земные мерки?»

«Я контактирую с другим землянином. Однако мы следим не только за тобой, но за всеми представителями человечества».

«Зачем?»

«Вы непредсказуемы и опасны!»

«Вот тут вы правы. За кем же конкретно вы установили наблюдение? Кстати, как это возможно? Вы что же, контролируете орилоунскую Сеть?»

«Транспортно-информационная система, которую ты называешь орилоунской Сетью метро, принадлежит нам».

«Орилоунская Сеть создана не вами, — возразил Мальгин. — Вы только пользуетесь ею. Так за кем еще из моих соотечественников вы следите?»

«В Сети стал часто появляться молодой сильный оператор по имени Дар».

«Железвич, правнук Аристарха? Верно, парень с большими задатками, я тоже это оценил. Он и сейчас в Сети?»

«С молодой самкой он только что метался по разновек-

торным линиям Сети, спасаясь от преследования нашего сотрудника».

«С самкой, — хмыкнул Мальгин. — Твоя оценка слишком примитивна, речь идет о моей дочери. А вот сотрудник ваш — это, наверное, Дан Шаламов. Так?»

«Не имеет значения. Я начинаю терять терпение! Не тяни время!»

«Так, — кивнул сам себе Мальгин, принимая решение; сердце сжалось, предчувствуя беду. — Ответь на последний вопрос, и я покину этот мир. Где они вышли из Сети?»

«Я не уполномочен отвечать на твои вопросы! — «Паук» угрожающе растопырил конечности, охватывая ими купол станции. — Немедленно...»

«Да пошел ты! — Мальгин перенесся в Сеть, вызвал оператора метро: — Только что по Сети путешествовали двое землян: Дар Железвич и моя дочь Дарья Мальгина. Где они остановились?»

«Земля, пять тысяч пятьсот пятьдесят первый год, восемнадцатое сентября, станция земного метро Смоленск».

«Запускай меня туда!»

Пространство сжалось в одномерную «струну». Сознание погасло.

Последним ощущением Мальгина было ощущение, что кто-то внимательно смотрит ему в спину.

ГЛАВА 15

Я ВАС НЕНАВИЖУ!

Отца и мать Дар нашел в Смолянских лесах. Князю удалось перебазировать три хутора общины подальше от Дебрянских болот, постоянно обстреливаемых мантоптерскими «драконами», и теперь хуторяне обживали территорию соседей, хотя гарантий, что агрессоры не обратят внимание на хутор Смоляны, никто дать не мог.

Они обнялись: отец и сын, мать и невестка.

— Я так рад, что вы живы и здоровы! — пробормотал молодой человек.

— Не все, — вздохнул князь, морщась. — Воха погиб, Синица, Колесник, Малх, Сидор, Лукьян, Перумчик... баба Маша, семья Тони, Петуховы... Борята...

— Как... Борята?! — Щеки обдало жаром, перехватило дыхание.

Князь отвел глаза.

— Он спасал женщин с детьми... «дракон» догнал... тогда он оставил их в урмане, в медвежьей берлоге, а сам выскочил на открытое место, побежал прочь, уводя преследователей... «Дракон» выстрелил... Ничего не осталось! Только десятиметровая воронка...

— Борята! Дружище! — Губы задрожали, на глаза навернулись слезы. Дар с трудом взял себя в руки. — Как же я без тебя?..

Дарья, ошеломленная известием не меньше мужа, всхлипнула, обняла его.

— Лучше бы он с нами пошел...

— Он погиб как герой! — тихо сказала Веселина.

— Одна деталь... — Князь провел ладонью по лицу. — Мне показалось, что «драконом» управлял человек.

— Как человек?!

— Мы с дружиной пытались сбить крейсер с траектории, воздействуя на его компьютер, и наткнулись на чью-то пси-ауру. На борту «дракона» присутствовал человек.

Дар и Дарья переглянулись.

— Леон! — сквозь зубы процедила девушка.

Дар кивнул, подумав о том же.

— Хватит вам о печальном, — вмешалась Веселина, одетая по-дорожному, в мужской костюм. — Давайте я вас покормлю.

— Да, мы голодные, — очнулся Дар. — Ах, Боря, Боря, как же это?..

— Пойдемте в нашу палатку.

Однако поесть им не довелось.

— Тревога! — раздался чей-то крик с вершины одной из самых высоких сосен. — «Драконы» летят!

— Дьявольщина! — помрачнел Бояр. — Как они здесь нас нашли? Мы же создали «зеркало» для отвода глаз! Бори-гор, поднимай дружину!

Мужчины повыскакивали из палаток, бросились к латам.

— Погоди, отец! — остановил князя Дар. — Если вы подниметесь в воздух, «драконы» ударят по местности и накроют деревню!

— Что ты предлагаешь?

— Сидите здесь тихо, не высовывайтесь! Я возьму летак и попытаюсь увести их за собой! Возможно, это мы виноваты, что «драконы» вышли на деревню. За нашим летакom могли проследить, когда мы вылетали к вам из Смоленска.

— Хорошо, я понял. Боригор, мою машину!

Старший витязь лихо подогнал четырехместный скоростной флайт.

— Останешься с отцом. — Дар сжал локоть жены. — Я скоро вернусь.

— Нет, я с тобой!

— Не бойся за меня, я не стану рисковать...

— Я не останусь!

Счет шел на секунды, и Дар не стал спорить.

— Залезай! — Посмотрел на мать, на отца. — Не волнуйтесь, мы выкрутимся, не впервой. Уведем их подальше и развернем «осиный» летак.

— Удачи! — бросил князь. — Понадобится помощь — зови, мы будем наготове.

— Сынок! Дашенька! — тихо прошептала Веселина, зажав рот ладонью. — Дай вам бог с и л ы!

Флайт взлетел.

«Драконов» было три.

Два летели высоко над облаками — галсами, то и дело меняя курс. Третий медленно двигался по кругу, огибая башни и пирамиды Смоленска. Он словно ждал чего-то, наполненный угрюмой зловещей враждебностью. И по этому недоброму фону Дар сразу определил наличие человека на борту черного крейсера.

Почувствовала это и Дарья:

— Леон здесь! Однозначно! Ищет нас!

— Сейчас он нас найдет! — пообещал Дар.

Флайт помчался между деревьями, не поднимаясь вверх, чтобы не обнаруживать себя раньше времени. Когда он удалился от временного поселения общины на несколько километров, Дар нацелил его в небо и вдруг так же мгновенно посадил машину на моховую кочку на краю болота.

— Вылезай!

— Что?! — не поняла Дарья.

Он сорвал с пояса нож, протянул ей.

— Разворачивай «осиный» летак! Я попробую соблазнить

Леона честным поединком, а вы с Шершнем за это время уничтожите мантоптерское зверье!

— Дар! Это не...

— Это единственное правильное решение! Вылезай! Я надеюсь на тебя!

Дарья выпрыгнула из кабины аппарата. Она выглядела непривычно беспомощной, и у Дара защемило сердце. Но время уходило, надо было спешить. Он ободряюще улыбнулся жене, послал импульс уверенности и бесстрашия.

— Помни о трансфере! При любой опасной ситуации — беги!

— Ты тоже!

Флайт свечой вонзился в небо.

«Дракон», кружащий над лесом под пирамидами Смоленска, заметил аппарат, когда тот помчался сначала к нему, а потом начал отворачивать влево и уходить по дуге на север. Создавалось впечатление, что ошалевший пилот флайта не сразу сообразил, какую опасность несет гигантский черный корабль, поэтому кинулся наутек слишком поздно. И командир «дракона» купился на этот трюк, бросил свою шипасто-кlyкастую посудину на перехват.

Флайт достался Дару первоклассный, скоростной и маневренный, поэтому «дракон» догнал его не сразу. Разворачиваться «на одной пятке» и прыгать в стороны, не снижая скорости, он не умел. Однако его пилот вошел в азарт и не отставал, стегая воздух длинными извилистыми молниями разрядов. Дар понял, что долго маневрировать на пределе возможностей не сможет. Пора было появляться на арене «осиному» кораблю. Но Дарья почему-то не отзывалась на мысленный вызов, а корабль не всплывал над лесом, готовый броситься на помощь своему первому хозяину.

Чья-то мысль вторглась в сознание чистодоя:

«Может, хватит соревноваться в высшем пилотаже, княжич? Сдавайся! Даю тебе десять секунд на размышление!»

Это был вызов Леона Торопова, Дар узнал его по характерному «запаху».

«Тебе все равно не уйти, — продолжал Леон, — даже если ты нырнешь в Сеть. Там тебя встретит мой друг Шаламов. Сдавайся!»

Дар увернулся от очередного разряда, прикидывая свои резервы.

«Предлагаю решить наши споры другим способом».

«Это каким же?»

«Ты и я, один на один, без оружия. Слабо? Победишь — делай со мной что хочешь, если победу одержу я — ты убе-решься отсюда навсегда!»

Прилетевший пси-импульс был сродни презрительному смеху:

«Ты все еще не повзрослел, княжич, не вырос из корот-ких штанишек «правильного» воспитания, все еще продол-жаешь играть в благородного рыцаря, в то время как даже слово «благородство» почти забыто. Время такое».

«Это черное время. Оно пройдет! Но ты не ответил».

«Знаешь, я, наверное, тебя порадую, приму вызов. Точ-нее — с е б я порадую. Я согласен. Где мы расположимся?»

«Дракон» перестал сверкать молниями и гнаться за юр-ким аппаратом, снизил скорость. Притормозил и Дар.

«Выбирай».

«Тут городишко неподалеку, я видел башню с плоской крышей. Подойдет?»

«Мне все равно».

«Тогда следуй за мной. Да не вздумай бежать, мои черные парни следят за тобой сверху и живо образумят, если что».

Дар посмотрел вверх: два «дракона», барражирующие над Смоленском, переместились севернее и теперь висели над облаками в том месте, где зависла машина чистодоя. В любой момент они могли спикировать вниз и начать стрельбу, не давая беглецу ни одного шанса скрыться.

Дар еще раз позвал Дарью и снова не услышал ответа. В сердце закралась тревога: не существовало причин, по ко-торым она не могла ответить. Кроме одной: с ней что-то слу-чилось! Ясно было, что она не смогла развернуть ко-рабль-нож и вынуждена была использовать трансфер, чтобы избежать какой-то серьезной опасности. Успела ли?..

Приблизились жилые башни Смоленска, частью разру-шенные, частью мертвые, без единого огонька в панорам-ных окнах. «Дракон» вспугнул гигантскую стаю птиц — вран, которая свернулась змеей и поднялась к облакам, не спеша покидать место обитания.

«Дракон» завис над плоской вершиной прозрачно-ре-шетчатой башни трехсотметровой высоты. Из него на кры-

шу дома выпрыгнул человек в «хамелеоне», махнул рукой, приглашая Дара последовать его примеру.

Дар посадил флайт, вылез на серую, покрытую слоем застывшей грязи, ровную поверхность, настраивая организм на сверхскоростное в л а д е н и е пространством боя. Поднял руки:

— Я безоружен.

Леон Торопов засмеялся. Турель с «универсалом» на его плече нацелила ствол излучателя на чистодоя. Дар напрягся.

Леон снова засмеялся.

— Я мог бы прихлопнуть тебя как муху в любой момент. Но это было бы не по-джентльменски. Я и так с тобой справлюсь. Все это время я тренировался у знаменитого восточного мастера, так что ошибки, как в прошлый раз, не допущу.

Дар молчал, в сотый раз вызывая Дарью и не получая ответа.

— Начнем, пожалуй. — Леон картинным жестом снял с плеча турель, бросил на плиту крыши. — Теперь твоя очередь.

— У меня нет оружия.

— У тебя есть трансфер. Брось его в кабину флайта.

Дар сделал вид, что колеблется. Он мог управлять транслятором орилоунского метро и на расстоянии, но противник не должен был этого знать.

— Давай, давай, не менжуйся, — осклабился Торопов, — он тебе уже не понадобится.

Дар выудил из кармана туманно-зеленоватый шарик трансфера, повернулся к противнику спиной и наклонился к борту флайта с нарочитой медлительностью. Послал «тихое» приглашение «воспользоваться моментом». И не ошибся в намерениях противника выиграть схватку любой ценой: Леон метнулся к нему, как тигр, собираясь напасть сзади и уложить одним ударом. Мало того, он не выключил аппаратуру маскировки костюма, в результате чего была видна только одна его голова, тело скрыл туманно-текуче-прозрачный полевой «камуфляж».

Время замедлило бег.

Дар подождал, когда противник начнет поражающее движение — Леон целил ребром ладони в основание шеи сбоку, в так называемую «точку смерти» — и, слегка отклонившись, не глядя назад, нанес упреждающий удар — тоже

ребром ладони, но — по носу. И Леон не успел защититься, не ожидая ответа, «провалился» с ударом, получил оглушающий «хряск», без звука рухнул на площадку.

Дар повернулся к нему, опустил руку, успокаивая сердце. Учитель был бы доволен его расчетом, не переставая повторять, что единственным серьезным преимуществом в бою равных мастеров является постоянная готовность нанести упреждающий удар.

Вдруг что-то сверкнуло в воздухе, и Дара с силой отбросило в сторону на два десятка метров!

Он был готов ко всему — в пределах необходимого воздействия на данную сложившуюся ситуацию, но удар был нанесен настолько неожиданно и мощно, что защитные энергетические каркасы не выдержали. Впечатление было такое, будто из него вынули все кости, заменили кусками студня, все тело заполнили воздухом, а голову — туманом. И все же сознания он не потерял, хотя какое-то время не мог ни вздохнуть, ни двинуться с места.

Над крышей дома уплотнился воздух, формируясь в необычную паукообразную конструкцию, а уже из прозрачно-мерцающего тела «паука» на крышу прыгнул человек в стандартном унике. Даниил Шаламов собственной персоной. Он подошел к лежащему Леону, пнул его носком сапога:

— Вставай, неудачник! Говорил я тебе, не связывайся с этим парнем, у него задатки Аристарха, ты не послушался. Больше выручать не буду.

Торопов заворочался, поднялся на колени, держась руками за распухший нос.

Шаламов покачал головой, посмотрел на Дара, лежащего без движения с раскинутыми в стороны руками.

— Достал ты меня, юноша. Я такое не прощаю ни врагам, ни тем более друзьям. Но, похоже, удача тебе изменила. — Он приблизился, оценивающе разглядывая чистодоя, наклонился, похлопал рукой по карманам его костюма, достал «бокал» и «стакан». — Это тебе тоже больше не понадобится.

Дар не пошевелился, глядя перед собой остановившимся взором. Организм уже начал восстановление боевых кондиций, но для этого требовалось время.

Подошел Леон, бормоча сквозь зубы:

— Он мне нос сломал, мерзавец! Я его за это на части разорву!

Шаламов покосился на него.

— Что, уже пришел в себя, ковбой? На подвиги потянуло?

— Если бы он не напал на меня сзади... — ощерился Леон.

— Да? А мне показалось, что это ты напал на него со спины. Не по-джентльменски как-то, ты не находишь? Впрочем, какая разница? Добей его. — Даниил пошел к «пауку», оглянулся. — Забыл сообщить хорошую новость, княжич: твоя жена у меня, жива и здорова. Так что можешь не беспокоиться за ее судьбу. А ты... — Он глянул на Торопова. — Держи, может быть, пригодится. Это спейсер Галиктов. Хорошая машина.

Он бросил Леону нож Дара, подпрыгнул, исчез внутри то появляющегося прозрачной студенистой массой, то исчезающего «паука», и гигантская тварь растаяла.

Дар рывком сел.

Леон Торопов невольно отступил назад, криво улыбнулся; нос у него покраснел и распух, однако он был интрасенсом и уже включил внутреннюю энергетику лечения: краснота и припухлость уменьшались на глазах.

— Кранты тебе, княжич. Драться с тобой больше не буду. У меня для тебя тоже сюрприз приготовлен. Даже интересно, выдержишь ты разряд «болевика» или нет.

Дар встал, пошатываясь, сосредоточенный на восстановлении жизненно важных систем.

Леон погрозил ему ножом:

— Не дергайся, княжич. Лучше покажи, как разворачивается этот ножик. Я за это тебя просто убью.

Дар сделал к нему шаг.

Леон торопливо вытянул вперед руку, оскалился.

И Дар получил оглушающий разряд пси-генератора, встроенного в рукава его костюма!

Мышцы и жилы свились в единый клубок страшной боли! Кожу словно ошпарили кипятком! Сердце превратилось в язык огня, прянувшего во все стороны! Голова взорвалась, как граната, превращаясь в облако вопящих голосов! Сознание померкло, готовое покинуть голову навсегда!

Понимая, что шансов уцелеть больше не будет, Дар уцепился за крохотную струйку желания жить, поймал мо-

мент о з а р е н и я и последним волевым усилием переключил модальность боли.

Ураган боли, раздирающей все тело на клочки, стих! На голову обрушилась волна невиданного блаженства! Такого он не испытывал никогда! Казалось, каждая нервная клетка, каждый узел, каждая мышца купаются в волнах наслаждения, требуя повторения процесса! Уже становились не важными и не обязательными цели жизни, не хотелось думать ни о чем, кроме получения удовольствия, ушли на задний план мысли о Дарье, об отце и матери, о мире вообще. Главным было лишь одно ощущение — удивительного в с е л е н с к о г о счастья!

Леон выпучил глаза, оторопев от перемены в облике противника. Лицо княжича вспыхнуло радостью, глаза поплыли, как после получения мощной дозы наркотика.

Он выстрелил еще раз.

Дар получил очередной оглушающий удар наслаждения! Все его тело превратилось в единую, предельно быструю и гармоничную в и б р а ц и ю!

Вибрировала не только каждая клеточка тела в отдельности, вибрировали каждый орган и все тело в целом! В этой в и б р а ц и и сконцентрировалось столько теплоты и неги, что хотелось раствориться в океане блаженства и забыть обо всем на свете!

И вдруг на мгновение он испугался!

Чья-то мысль просочилась извне в плавающую от несказанного, невероятного удовольствия сферу сознания, мысль-боль, мысль-сожаление, мысль — зов о помощи. Он узнал мыслеголос Дарьи, заставивший его протрезветь и вернуться к прежнему состоянию.

Тело снова испытало страшную муку невыносимой боли!

Но Дар уже успел включить сознание, начал движение — на уровне инстинктов — и превратился в острое с и л ы, движущееся с недоступной большинству людей скоростью.

Леон Торопов не успел ни выстрелить в третий раз, ни увернуться.

Удар чистодоя был страшен! Он пробил сверхпрочную оболочку спецкостюма (!) Леона, грудную клетку и сердце!

Торопов выпустил из рук нож и парализатор, взлетел в воздух и сорвался с крыши дома в пропасть! И тотчас же за ним хищно метнулась стая птиц — гигантский вран, насчи-

тывающий более тысячи особей. До земли долетели только клочки спецкостюма Леона, от него же не осталось ровным счетом ничего!

Опустив руки, покачиваясь, Дар стоял на краю пропасти и вслушивался в утихающий гул крови во всем теле. Накатила волна слабости. Прошептал: «Даша, я тебя найду!» — он упал ничком и потерял сознание...

Темнота, тяжелая плита на груди, мешающая дышать, тянущая, грызущая все тело боль...

Дар шевельнулся, не осознавая, где он и что с ним. Показалось, что он утонул и находится глубоко под толщей соленой воды, разъедающей кожу. Судорожно напрягся, начал всплывать, как легкий воздушный шарик... и очнулся.

Кто-то смотрел на него, тяжело, угрюмо, с угрозой, кто-то ощутимо массивный и чужой.

Дар слепо подхватился, открывая глаза, готовый к новым испытаниям.

К городу спускалась армада черных «драконов». Их было не меньше двух десятков, и в медленном слитном движении множества кораблей чувствовалась жуткая жажда разрушения и смерти. Флот Мантоптеров получил приказ уничтожить город, а может быть, и вообще все сохранившиеся города на территории России и поселения непокорных земель в лесах. А противостоять ему было некому. Чистодеев общины не успели расконсервировать уцелевшие космолеты пограничников и Спас-флота и создать свой флот.

Дар в бессильной ненависти сжал кулаки. Он готов был отдать жизнь ради победы над чудовищными творениями разумных богомолдов, но ничего не мог сделать в создавшейся ситуации. Мог только смотреть на демонстрацию угрюмой мощи чужаков и шептать, сжав зубы:

— Будьте вы прокляты!..

Из тела самого ближнего «дракона» сорвалась длинная фиолетово-зеленая молния, развалила на мелкие обломки одну из жилых башен Смоленска. Засверкали молниями и другие мантоптерские чудовища. Вспыхнул факелом соседний дом, оседая на землю тучей огня и пыли.

— Будьте вы прокляты!

И вдруг один из «драконов» взорвался! Во все стороны полетели струи яркого сиреневого пламени и черных осколков!

За ним взорвался еще один «дракон», превращаясь в облако дыма и огня. Третий перестал стрелять, клюнул носом, косо пошел вниз и врезался в основание холма с памятником Героям Отечества так, что вздрогнула земля и крыша под ногами Дара заходила ходуном. Ничего не понимая, он смотрел на картину странного боя — впечатление было такое, будто мантоптерский флот обстреливала зенитно-ракетная батарея! — и считал попадания:

— Два... три... пять... восемь...

На счете «пятнадцать» водители «драконов» наконец сообразили, что происходит нечто непредвиденное, и попытались скрыться, отвернули от города, устремились вверх, за облака. Но вырваться за пределы атмосферы Земли не успели. Последний из них вспыхнул и разлетелся облаком огненных брызг на высоте тридцати километров. Флот Мантоптеров перестал существовать!

Дар бессильно опустил на колени, уперся руками в шероховатую плиту крыши. Он потерял столько энергии, словно сам сражался с агрессорами, и чувствовал себя разбитым и слабым.

За спиной бесшумно колыхнулся воздух, затем раздался чей-то уверенный, спокойный, глубокого баритонального оттенка голос:

— Я не помешал?

Дар обернулся.

К нему подходил отец Дарьи, Клим Мальгин.

Чистодей с трудом поднялся на дрожащих ногах, попытался приободриться.

— Нет... извините, что я... сейчас пройдет.

Мальгин прищурился, оглядывая зятя, протянул ему таблетку витмобилизатора:

— Съешь, не мешает. Что здесь произошло?

Дар сунул таблетку в рот, невольно оглянулся на обрыв крыши.

— Я дрался с Леоном...

— Так.

— Он упал...

— Понятно.

— Он хотел меня убить.

— Вполне допускаю.

— Здесь был Шаламов... он меня почти... и забрал Дашу!

Мальгин пригладил волосы на затылке, взгляд его изменился, стал пронизывающим, острым и ощутимо угрожающим.

— Значит, Дан снова взялся за старое... или хочет иметь в руках все козыри... Как это произошло?

— Я не знаю. Мы с Дашей разделились, она должна была развернуть «осиный» крейсер, а я хотел отвлечь Мантоптеров... Мне это удалось, я предложил Леону дуэль, он согласился... Потом появился ваш друг и... в общем, Даша каким-то образом оказалась у него, развернуть летак она не успела. «Паук» улетел, Леон выстрелил...

— Паук?

— Ваш друг прилетел на какой-то странной машине в форме почти полностью прозрачного паука.

— Мой друг, — горько усмехнулся Мальгин. — Друзья так не поступают, чистодей. Хотя и врагом назвать его нельзя. Он псинеур, больной человек.

— Больной маг, — тихо добавил Дар.

— Ты прав, он больной маг, что намного осложняет наше с тобой положение. Ладно, еще не вечер, мы поборемся. Не все потеряно. Возможно, это даже к лучшему, что Даниил забрал Дашу. Теперь не я буду его искать, а он меня.

— Почему?

— Он обязательно захочет предъявить мне все свои козыри, чтобы заставить про с и т ь отпустить Дашку. Так уж он устроен.

В голове Дара расцвели призрачные бутончики мыслеголосов отца и мамы:

«Сынок!»

«Дар, ты жив? Откликнись!»

«Жив, все в порядке», — ответил молодой человек.

Мальгин склонил голову к плечу, прислушиваясь.

— Это твои родители?

— Да.

— Тебе надо поскорее научиться блокировать свои мысли. Да и Дашке тоже. Вас легко запеленговать, чем Даниил, наверное, и воспользовался. Пошли к твоим, успокоим, поговорим и подкрепимся. Потом решим, что делать.

— У меня нет летака.

— Нам он не понадобится.

— Подождите. — Дар подобрал свой нож. — Я готов.

Мальгин протянул руку Дару, подмигнул, и обоих подхватила мягкая сила, подняла в воздух, понесла к облакам.

Захватило дух от распахнувшейся глубины и дали.

Таким способом Дар еще не летал, если не считать полеты во сне, однако приспособился быстро и почти не испугался, когда спутник внезапно выдернул руку. Лишь на мгновение сбилось дыхание и екнуло сердце. А потом душу охватили радостное волнение и восторг, захотелось управлять полетом самому, и он даже попытался изменить траекторию полета, отчего на тело тотчас же обрушилась волна инерции и свело мышцы на руках и ногах.

Мальгин, смеясь, погрозил ему пальцем:

— Еще рано, чистодей, самостоятельному полету надо учиться.

— Мне кажется, я смогу! — крикнул Дар, опьяненный иллюзией свободы.

— Не сейчас, нет времени на тренинг.

Их вынесло к реке, затем к лесу, где стояли палатки хуторян.

Навстречу бежали дружинники, из-за деревьев степенно вышел князь, оглаживая бородку.

— Сынок! — бросилась к Дару Веселина. — Ты так долго не отвечал! Я думала — умру от переживаний!

Мальгин поклонился всем, подал руку князю.

— Рад видеть вас в целостности и сохранности.

— Мы все видели, — сказал Бояр. — Сильное зрелище! Я имею в виду уничтожение эскадры. Благодарю за помощь.

— Теперь они сюда не прилетят, — сказал Клим. — Можете спать спокойно. Возвращайтесь в свои леса, восстанавливайте селения.

Князь в сомнении почесал бровь.

— Вы думаете, они испугаются?

— От флота Мантоптеров осталось всего несколько кораблей, йихаллах не рискнет оголять базу возле Солнца, направляя их к Земле. Война закончилась. В скором времени исчезнет и сама база.

— Что ж, это хорошее известие. Хотя, если позволите, мы здесь задержимся на какое-то время, подождем, чем все закончится.

— Это ваше право.

— Есть хотите? Можем предложить добрый ужин.

— Не откажусь.

— Идемте в палатку, у меня все готово, — засуетилась Веселина, добавила горестно: — Жаль, Дашеньки с нами нет.

Мужчины промолчали.

Ужинали также в молчании.

Палатка князя ничем не отличалась от других и была рассчитана на довольно комфортное проживание семьи из четырех человек, хотя комнаты в ней были крохотные и даже столовая с трудом вмещала гостей. Еду хозяйка готовила на кухонном комбайне СС-20, мало отличимом от киберкухонь, какими пользовались во времена Мальгина, поэтому качество стряпни зависело лишь от продуктов. А нехватки продуктов беглецы пока не ощущали. Хозяйственная служба общины работала хорошо.

После ужина Мальгин искупался в речушке неподалеку, пока Дар беседовал с родителями, потом подсел к ним. Веселина оставила их, деликатно сославшись на дела.

— Что вы намерены делать? — поинтересовался князь, обращаясь сразу к обоим.

— Есть одна идея, — сказал Мальгин, с сожалением констатируя, что короткий отдых закончился. — Но все будет зависеть от того, выдержит ли ваш сын.

Бояр посмотрел на Дара. Тот выпрямился, расправил плечи, сохраняя на лице невозмутимость.

— Выдержу!

— В таком случае вот что я предлагаю сделать... — И Мальгин изложил им свой план.

ГЛАВА 16

ГОРЕМЕ

Несмотря на потерю почти всех своих баз, Соппротивление не сдалось. Баренц сумел собрать все службы организации в единый оперативный кулак, перевел подразделения на режим «инкогнито» и убедил многих интрасенсов объединиться ради их же спасения.

Но и Орден не дремал, подключив к поиску и выявлению «смутьянов» не только Службу, но и частные конторы, в том числе отряды либеро — охотников за непопулярными политиками и личностями. Фотографии целей — руководи-

телей Сопrotивления — имели теперь не только агенты Службы, но и полицейские всех уровней, и служащие Интерпола, и вожаки либеро, поэтому появляться в общественных местах самому Баренцу и его команде стало опасно. Но, сидя в бункере управления, коим стал кабинет Ромашина в УАСС, невозможно было решить все вопросы, так же как невозможно было совсем обойтись без встреч с нужными людьми в разных уголках Земли и Солнечной системы. Приходилось рисковать, изменять внешность и «выходить в свет».

Но и применение современных методов маскировки типа «кот» и «динго» не гарантировало полной безопасности лидерам Сопrotивления, потому что либеро тоже применяли не менее изощренные системы обнаружения и психолокации, способные идентифицировать личность любого человека или интрасенса в считанные минуты. Началась «большая охота» на руководителей организации, положение которых осложнялось еще и предательством со стороны некоторых сотрудников Сопrotивления, в том числе интрасенсов, допущенных к некоторым его секретам.

Утром девятнадцатого сентября двое либеро подстерегли Джуму Хана, когда он забежал к себе домой в Исфахане, собираясь забрать кое-что из личных вещей. Спас его домо-вой, сообщивший о двух подозрительных звонках, обратные адреса которых ему не удалось определить. Джума насторожился, включил систему внешнего обзора дома и вскоре обнаружил два куттера, не подающих признаков жизни, в отличие от другой летающей техники. Аппараты занимали очень удобные позиции для атаки на жителей дома, выходящих из квартир на эспланаду сорок второго горизонта, к лифтам, и на тех, кто собирался воспользоваться воздушным транспортом. Джума с «новым» лицом был неузнаваем издали, но он открыл дверь своей квартиры, за которой велось наблюдение, и теперь попал в поле зрения охотников или агентов Службы. Ловушка могла захлопнуться в любой момент, а начинать бой в жилом блоке, где проживали сотни людей, было недопустимо.

Понимая, что вляпался в историю, Джума вызвал службу охраны Сопrotивления и стал ждать гостей, считая минуты и настраиваясь на самое неблагоприятное развитие событий.

Но ему повезло. Либеро не рискнули врваться в квар-

тиру объекта, подлежащего ликвидации, они надеялись снять его тихо, издали, из снайперских винтовок, и тоже терпеливо ждали, когда объект появится в перекрестиях прицелов. А вместо объекта появились парни на флайтах, имеющие оружие посерьезней.

Один из либеро сдался, второй попытался сбежать, и его куттер был сбит в воздухе, за пределами жилой зоны. Примчавшийся к этому месту патруль Службы общественной безопасности вынужден был довольствоваться лишь допросом свидетелей, которые дружно заявляли одно и то же: в городе произошла очередная разборка между бандами беривсеев и «эскадронов жизни».

Хан прибыл на встречу с другими руководителями Сопротивления злой и возбужденный. Самокритично оценив свои действия как «неосторожные», он заявил, что натиск Ордена на организацию усиливается и надо срочно предпринимать какие-то ответные жесткие меры.

Прибывшие к Баренцу раньше Железовский и Ромашин обменялись понимающими взглядами. Игнат только что признался почти в такой же «неосторожности», в результате которой чудом избежал гибели: на него тоже напали, только не либеро, а оперативная обойма Службы, и, если бы не своевременное вмешательство опытных телохранителей, Ромашин был бы уже мертв.

Джума красноречиво воздел руки над головой:

— Надеюсь, мы ответим на вызов? Или будем ждать, пока нас всех не переловят?

— Сначала надо спасти наших пленников, — сказал Баренц без выражения. — Только после этого можно планировать адекватные меры.

— Но Служба совсем обнаглела! Нас отстреливают открыто, без предъявления обвинений, как бешеных собак!

— Успокойся, они за это заплатят.

— Я не хочу ждать, хочу действовать! Надо немедленно заняться куратором либеро в Службе, этим поганцем Закаевым! Дайте мне обойму шустрых ребят, я лично его замочу!

— Закаева лично охраняет комиссар Европы Бальбесса Редгрейф.

— Да хоть сам дьявол!

— Им уже занимаются наши люди.

— Кто?

— Муртаза и Карауленко.

— Согласен, тогда поручите мне операцию по захвату комиссара Службы России. Он гнусный предатель!

— Артюхов интрасенс...

— Поэтому я и предлагаю убрать его! Уж слишком рьяно он исполняет свои обязанности в части преследования себе подобных.

— С ним тоже работают наши люди. — Баренц поморщился. — А тебе мы хотели поручить организацию новой базы. Соломон предложил использовать старую заброшенную исследовательскую станцию на Альгейбе.

— Где это?

— Гамма Льва, двойная звезда, один компонент оранжевый, другой золотистый, вращаются вокруг общего центра тяжести с периодом в шестьсот девятнадцать лет. Имеют несколько поясов обломочно-астероидного материала и две планеты.

— Работа интересная, не спорю, но мое место здесь, на Земле. Пока не отплачу мерзавцам их же монетой — не успокоюсь!

— Бескомпромиссный ты наш, — проворчал Ромашин.

— У тебя есть конкретные предложения? — окрылся Джума.

— У меня есть, — пробасил молчавший до сих пор Железовский.

— Выкладывай.

— Предлагаю выйти на Службу — конкретно на тех, кто участвовал в захвате Ван-Бисбрука, и предложить сделку: обменять пленниц на меня. Я сдамся.

— Ты с ума сошел!

Баренц и Ромашин переглянулись, одновременно перевели взгляды на Железовского, сидевшего с прежним невозмутимым видом.

— Тебе сразу дадут «вышку»! — продолжал Джума. — Ничего мы не выиграем!

— Пожалуй, я пойду с тобой, — сказал Ромашин. — Скрыть ликвидацию сразу двух руководителей оппозиции труднее, особенно если мы привлечем журналистов.

— Этого мало, — хмыкнул Баренц. — Ты ведь не просто так предложил эту идею?

— Непременное условие сдачи — свидание с женой! —

сказал Железовский. — Или с женами, если мы пойдем вдвоем. Пусть нас отведут к ним.

— Понял! — воскликнул Джума. — Пока вы будете сдаваться, наши парни из контрразведки с соответствующей аппаратурой проследят за всеми действующими лицами и установят местонахождение изолятора, где содержатся пленники! Я правильно понял?

— Правильно, — ухмыльнулся Железовский. — Только следить за нами будет не контрразведка, а Майкл.

— Лондон?!

— Его возможности сделают ненужной суету и спецаппаратуру.

— Ты с ним говорил?

— Он согласен.

Баренц покачал головой. У него были сомнения в оптимальности выбранной стратегии, но лучшего варианта не видел и он сам.

— Как это сделать лучше всего?

— Через Леона Торопова, — предложил Ромашин.

— Его нет на Земле, — буркнул Железовский. — Скорее всего он отправился во времена моего праправнука. Искать его — тратить даром время.

— Пусть наши парни поищут связи Леона в Службе. Да и его папаша должен знать, с кем он общается.

— Я сам поговорю с ним, — кивнул Железовский. — В отличие от сына Милослав не интрасенс и скрыть свои мысли не сможет. Ну, а если и он не знает, тогда придется снова подключать Майкла.

— Почему нельзя подключить его к этому делу сразу?

— Не хотелось бы выглядеть перед ним совсем беспомощными.

— По-моему, спасение близких важнее любых эмоциональных оценок наших возможностей.

— Давайте обойдемся без дискуссий, — сухо сказал Баренц. — Джума прав, в нашем положении надо использовать все доступные нам средства и связи. Аристарх пусть допросит старшего Торопова и свяжется с Лондоном. Джума, твоя задача — оперативное обеспечение акции. Плюс организация базы на Альгейбе. Пусть наши интрасенсы попытаются нейтрализовать коллег, работающих на Службу. Этим мы облегчим задачу Майклу. Я выйду на председателя ВКС и

попрошу официального расследования деятельности сектора Службы, связанного с либеро. Охота за людьми пока еще противозаконна, и если подключить средства массовой информации, будет скандал. Орден не захочет скандала... пока не изменит Конституцию, и мы получим передышку, пусть и небольшую.

— Не верю, — мрачно сказал Джума. — Это все полумеры. Ордену надо ответить тем же — мочить его вожakov везде, где только можно! А для этого нам нужен Мальгин. Куда он опять подевался?

Никто Джуме не ответил. Точно такой же вопрос вертелся в головах и остальных присутствующих.

— За работу! — бросил верховный комиссар Сопротивления, вставая.

* * *

Один из самых удивительных памятников природы Земли — Гореме расположен в Турции, к востоку от города Невшехир. Он представляет собой скопление живописных скальных клыков, конусов, пирамид, столбов и башен белого или розоватого цвета. В некоторых из них еще в Средние века монахи вырубали храмы и кельи, в других люди создавали жилые и хозяйственные помещения, целые многоэтажные подземные города. Неудивительно поэтому, что Гореме стал центром паломничества и музеем под открытым небом, который посещали десятки тысяч людей. Однако никто из паломников и туристов не знал, что в одном из подземных городов северо-восточной окраины Гореме Служба общественной безопасности Турции устроила каземат для временного содержания «врагов народа».

Этот каземат был накрыт куполом полевой защиты, и определить его местонахождение, не зная кода секретной линии метро, было не под силу даже «триай-локатору» интрасенсов. В принципе, каземат турецкого СИЗО и создавался с таким расчетом, чтобы он был недоступен — в полном смысле этого слова — организации интрасенсов. Потому что содержались в нем именно «заговорщики»-интрасенсы, по официальной версии готовившие «криминальный переворот с целью захвата власти». Сюда же переправили и пленников с базы на Ван-Бисбруке. Интрасенсов среди них было

немного, но это не имело значения: все они являлись родственниками «врагов народа» и подлежали психологической проверке.

Забава Боянова с малышом и Купава Мальгина были помещены в одну камеру-келью размером четыре на четыре метра. Здесь же, в углу помещения, находился туалет-утилизатор — крохотная кабинка с матово-белыми стенками. В другом углу располагались умывальник без зеркала и душевая кабинка. Остальное пространство занимали две кровати допотопного вида, с пружинными матрацами и бельем в желто-синюю полоску. Ни кресел, ни стульев, ни видео, ни компьютера — голые пористые известняковые стены, бугристый потолок, голый каменный пол, вытертый до блеска подошвами тех, кто обитал в камере до пленниц.

Забава, потрясенная всем случившимся, тем не менее пришла в себя первой, попыталась позвать мужа, не смогла и принялась ухаживать за подругой, на которую ситуация подействовала в гораздо большей степени. В конце концов усилия Забавы увенчались успехом, Купава успокоилась и больше не помышляла об истерике. Хотя настроение у нее так и не поднялось. Мысли о судьбе еще не родившегося ребенка были печальными, а отсутствие известий от мужа только усугубляло состояние обреченности.

Двое суток пленницы провели в ожидании перемен. А на третий день в камере появился угрюмо-озабоченный Даниил Шаламов.

— Вот и я. Не ждали?

Купава растерянно посмотрела на сокамерницу, снова перевела взгляд на гостя.

— Ты?! Здесь?!

— А ты кого ждала? Клим? Он не придет.

— Почему? — пролепетала женщина.

Шаламов хохотнул.

— Потому что я этого не хочу. В моих планах его появление не предусмотрено. — Он посерьезнел. — Собственно, разговор не о нем. Я пришел за тобой. Выбор у тебя невелик: или ты уходишь со мной, или...

Купава выпрямилась, сжала кулачки.

— Я уже сделала выбор! Я жду ребенка! Его ребенка! Уходи!

Шаламов склонил голову набок, задумчиво прошелся по камере, косо глянул на захныкавшего младенца.

— В принципе, я могу освободить тебя от него...

— Уходи! — проговорила Забава низким голосом, загордив сына; в глазах ее зажглась угроза. — Ты пугаешь Радомира. И ты ей не нужен... такой.

— Какой?

— Самовлюбленный павлин, не считающийся с чужим мнением!

На дне глаз Шаламова поднялась муть. Он в упор посмотрел на Боянову. Взгляды их скрестились, высекли искру невидимого разряда. Но воля и решимость Забавы были слабее. Она побледнела, борясь с внезапным головокружением, прошептала, не опуская глаз:

— Тебе доставляет удовольствие... издеваться над женщинами... будь на моем месте Аристарх...

— И что случилось бы? — глумливо скривил губы Шаламов.

— Он бы тебе ответил... по-мужски!

— Что ж, это можно устроить. Посмотрим, как твой Геракл ответит мне... по-мужски. — Шаламов повернул голову к двери. — Введите!

Дверь открылась, и в камеру вошел... Аристарх Железовский, невозмутимый и спокойный, как всегда.

— Ты?! — подалась вперед Забава, перевела взгляд на двух «киборгов» охраны за спиной мужа. — Они тебя... взяли?!

— Я сам сдался, — ответил Железовский, передав в одном мгновенном мыслепакете все необходимые сведения и указания. — Для обмена. Вас отпустят. Как малыш?

— Нормально. — Забава взяла Радомира на руки, успокаивая, но тот уже сам перестал хныкать и глядел на отца огромными глазами, протягивая к нему ручонку. — Некоторые пытаются тут нас напугать.

Железовский дотронулся до ручки сына, повернулся к Шаламову, на лице которого боролись нетерпение и сомнения.

— Еще раз посмеешь угрожать моей жене — убью! Чего бы мне это ни стоило! Я не требую объяснений, почему ты здесь, что делаешь и ради чего устраиваешь спектакли, пугая женщин. Но у нас был уговор: я сдаюсь — Служба отпускает пленников. Уговор остается в силе?

— Это вопрос не ко мне, — растянул губы в узкую полоску Шаламов. — Ты вел переговоры со Службой, к ней и об-

рашайся. Хотя насколько я знаю директора, освободить он никого не собирается. А насчет «убью» — не переоценивай ли ты свои силы, Геракл?

— Я редко обещаю, но если обещаю — всегда выполняю обещанное! Итак, переговоры были блефом?

— Догадайся с трех раз.

— Я так и думал. — Железовский кинул взгляд на Купаву, сидевшую на кровати с окаменевшим лицом. — Но ведь для тебя еще что-то значат слова: совесть, честь, справедливость, достоинство? Помоги нам. Выведи отсюда женщин, а я останусь.

— Боюсь, я тебя разочарую. Женщины сами выбрали свою судьбу. Все они тоже останутся здесь и разделят твою участь. Вот если Купава согласится...

— Нет! — глухо ответила жена Мальгина.

— Вот и ответ. — Шаламов развел руками. — Прощайте, господа. До встречи, Геракл. Ешь больше, набирайся сил, они тебе понадобятся, хотя вряд ли спасут. Мышцы в наше время ничего не значат, а голова у тебя варит плохо.

— Ты прав, — согласился Аристарх. — Именно поэтому я тебе и отвечу по-своему.

Никто ничего не успел ни увидеть, ни понять.

Раздался звук пощечины. Голова Шаламова дернулась. Он отшатнулся, ошеломленный, схватился за щеку.

— Ты посмел... меня... ударить?! — Глаза бывшего спасателя налились черным бешенством, лицо искажилось, в груди родился клокочущий рык. — Я же из тебя!..

Фигура Шаламова скачком выросла в размерах, удлинившаяся рука, странно зыбкая, вздрагивающая, текучая, как жидкий металл, с гулом ударила в грудь Аристарха.

Вскрикнули женщины. Радомир снова заплакал.

Но человек-гора устоял, упрямо наклонив голову, налитый грозной силой.

— Хочешь ответить — давай выйдем, герой, иначе пострададут невинные люди.

— Я тебя... в пыль!..

Все пространство камеры передернула судорога, заставляя находившихся в ней пленниц схватиться за уши от боли.

— Прекратите! — раздался чей-то повелительный голос.

«Киборги» отступили, пропуская вперед офицера Служ-

бы с типично турецким лицом: смуглая кожа, большой нос, раскосые глаза, щеточка усов.

— Вам сообщение, — продолжал офицер, протягивая Шаламову горошину компакта, словно не замечая его нового облика.

Шаламов перестал «шевелить» пространство, уменьшился в росте, взял горошину.

— Что это?

— Это вызов, насколько я понял. Мы получили по всем каналам сообщение некоего Дара Железвича, бросившего вам вызов. Он ждет вас в пятьдесят шестом, — что это означает, мы не знаем, — и готов сразиться с вами с оружием или без в любое время.

Шаламов раздавил пальцами компакт, ноздри его побелели.

— Щенок! Выжил, значит! Что ж, пора с ним кончать! Этого — в отдельную камеру! — Кивок на Железовского. — Не давать ни пить, ни есть, ни спать, пока я не вернусь!

— Как прикажет начальство.

— Здесь я приказываю! — Голос Шаламова мячиком отскочил от стен, порождая скрипучее эхо. — Выполняйте!

— Слушаюсь! — козырнул офицер.

Шаламов оглянулся на Купаву, взгляд его на мгновение изменился, стал виноватым. Но лишь на мгновение. Он круто развернулся, задел Железовского плечом и вышел. Сделал два шага по коридору, оделся в сеточку молний, растворился в воздухе.

Некоторое время все не двигались, молча глядя друг на друга, потом офицер стражи снял шестигранную фуражку и сказал голосом Майкла Лондона:

— Так как насчет отдельной камеры, камрад Железовский?

— Кто это?! — округлила глаза Забава.

— Рекомендую, — усмехнулся Аристарх. — Миша Лондон, мой друг, Живущий-за-Пределами. Ты его должна помнить.

— Он... не такой...

— А какой? — засмеялся офицер, вдруг меняя облик и превращаясь в Лондона. — Может быть, такой?

— Господи! Майкл! — Забава обняла бывшего коллегу

сестры одной рукой. — Я даже не мечтала тебя увидеть! Как же Шаламов тебя не разглядел?

— Он был в раздразе после пощечины Аристарха, вот и не учуял. Здравствуй, Пава. — Лондон подошел к поднявшейся с недоумением на лице Купаве. — Ты меня не помнишь?

— Помню... вы... ты приходил к нам, беседовал с Климом... потом ушел с работы и... по-моему, ты живешь в Америке...

— В Америке живет его натуральный двойник, — прогудел Железовский. — Это «полный» Майкл Лондон. Но давайте выбираться отсюда, дамы и гусары, пока не опомнилась настоящая стража каземата. Даниил может вернуться, и наш план провалится. Где Ромашин?

— Идите за мной, — сказал один из «киборгов», направляясь в глубь коридора.

— Это твои люди? — осведомился Железовский, подталкивая женщин к выходу.

— Естественно, нет, — ответил Лондон, снова превращаясь в турецкого офицера. — Это охранники, но их сознание подчиняется мне.

«Киборг» открыл дверь камеры, отступил в сторону.

— Здесь.

Железовский заглянул в камеру, буркнул оглянувшемуся на звук открываемой двери Ромашину:

— Выходи.

Тот молча повиновался, не выказывая особого удивления. В коридоре оглядел женщин, поздоровался, кивнул на сторожей:

— Нас переводят?

— В самую точку, — ответил «турецкий офицер». — Если ты, конечно, не возражаешь.

Брови Ромашина прыгнули вверх.

— Майкл?!

— Он самый.

— Как ты нас нашел?

— По запаху.

— Потом поговорим, — сказал Железовский. — Где остальные пленники?

— Распределены по другим камерам, — отрывисто сообщил «киборг».

— Веди.

Охранник, деревянно переставляя ноги, пошел вперед.

— У вас есть план? — осведомился Ромашин.

— План очень прост, — ответил «турецкий офицер». — Выводим всех наших из камер, и я отправляю вас на одну из баз Сопротивления.

— Хороший план, — кивнул Ромашин. — Одна заправка: у нас не осталось резервных баз, способных разместить всех перемещенных. Да и не уверен я, что Служба не устроит там засаду, выявив наши секретные схроны.

— Тогда я отправлю вас в будущее или в прошлое, если захотите.

— В будущее, — оживилась вздрагивающая от волнения Купава. — В пятьдесят шестой век. Там живет мой зять.

— Это опасно, — возразил Ромашин. — Во времена Дара Железвича Землю контролирует мантоптерский флот. Да и Шаламов нередко появляется там.

— Время выбрано неплохо, — сказал Железовский. — А лететь на Землю не обязательно. Можно найти одну из функционирующих станций в космосе, где нас никто не станет искать. Зато мы сможем контролировать ситуацию в Системе.

— Шив Кумар? — с сомнением сказал Ромашин. — Помните, Клим говорил о действующей станции на этом коричневом карлике?

— «Джей-Джей Шепли», — кивнул Железовский.

— Никаких проблем, — пожал плечами «турецкий офицер». — Я переправлю вас туда. Выводите людей. В нашем распоряжении минут десять до смены караула.

«Киборги» начали одну за другой открывать камеры, выпускать пленников. Среди них были и те, кто просидел в камерах не один день, месяц и год. Им объясняли, что происходит, некоторые соглашались лететь куда угодно, лишь бы подальше отсюда, но большинство заключенных, как ни странно, не решалось отправляться в неизвестность, за тридевять земель, и осталось ждать своей участи в камерах, надеясь на скорое освобождение законным порядком.

Нашлась и жена Ромашина Дениз, которая никак не ожидала увидеть среди заключенных своего мужа. Они обнялись. Игнат коротко объяснил ей причину своего появления, и супружеская пара присоединилась к остальным беглецам.

Всего их набралось тридцать шесть человек, мужчин и женщин, стариков и детей.

— Сможешь переправить всех сразу? — понизил голос Железовский. — Или придется по одному? К сожалению, свой трансфер я оставил Баренцу.

— Вот он, держи. — «Турецкий офицер» протянул Аристарху мерцающую зеленоватую туманную сферу. — Баренцу он ни к чему.

— Спасибо.

— Не за что. Трансфер тебе пригодится в самое ближайшее время. Господа, все готовы к путешествию?

Толпа освобожденных людей в коридоре каземата притихла. Затем раздался гул голосов — и снова тишина.

— Сдвиньтесь тесней, возьмитесь за руки.

Произошло общее движение, люди прижались друг к другу, украдкой переглядываясь. Бывшие заключенные еще не до конца поверили, что впереди их ждет свобода.

Железовский поцеловал жену в щеку, погладил сына по головке, отступил.

— Я доберусь своим ходом.

— Поехали! — сказал «турецкий офицер».

Сдвинувшаяся тесней толпа пленников покрылась сеточкой золотых молний и растаяла. Вслед раздался отчетливый треск «обратной ударной волны»: вместе с людьми исчез изрядный объем воздуха, оставив «яму» чистого вакуума.

Стражники-«киборги» попятились, ворочая головами в сложных зеркальных шлемах. Воля Лондона перестала контролировать их сознание, и они начали приходить в себя.

— Пока, ребята, — помахал им рукой Железовский, включая транслятор орилоунского метро.

Через мгновение коридор опустел. Только после этого охранники каземата сообразили, что произошло, и подняли тревогу. Но догнать беглецов было уже невозможно.

ГЛАВА 17

СТРАННЫЙ АТТРАКТОР

После встречи с Железовским Маттер запил. Жена, молча сносившая его капризы, попыталась бороться, прятала бутылки с вином и крепкими напитками, но Герхард легко

находил их и напивался до бессознательного состояния, похожего на паралич. Из этого состояния его не смогли вывести ни жена, ни Ландсберг, ни медики, вызванные начальником отдела ИПФП. Лишь спустя трое суток Маттер очнулся — сам, без посторонней помощи, поискал очередную бутылку, не нашел и едва не задушил жену, рискнувшую ему возразить на требование: «Принеси водки!»

Гертруда заплакала, впервые в жизни, и это вдруг отрезвило разбушевавшегося интрасенса — тоже впервые в жизни.

— Прости... — прохрипел он, падая на кровать. — Я не хотел... дай опохмелиться... а то помру... обещаю больше не пить...

Гертруда вышла из комнаты и вскоре принесла бутылку текилы.

Маттер сделал несколько глотков, снова рухнул на кровать. Но долго не выдержал, бросился в туалетную комнату, где его вырвало. Жена терпеливо вымыла его, вытерла насухо, довела до кровати, дала огуречного рассола, который принес кто-то из сотрудников института. Герхард выпил целый литр и уснул. Проснулся через несколько часов, увидел сидящую рядом жену, некоторое время смотрел на нее, словно вспоминая, кто она и что здесь делает.

— Пить хочешь? — встрепенулась Гертруда.

Он кивнул. Взял протянутую кружку.

— Я свинья, да?

— Ты переутомился...

— Неправда! Я вел себя как свинья! Как ты все это терпишь?

Гертруда слабо улыбнулась.

— Я люблю тебя.

— Как странно... я забыл это слово... сколько лет мы живем вместе?

— Тридцать восемь.

— Черт побери! Не может быть!

— Может...

— Как же я тебе, наверное, надоел своими фокусами...

Гертруда промолчала.

Он криво улыбнулся.

— Конечно, надоел... а ты все равно терпишь. Удивительное существо — женщина... Прав был древний мудрец, утверждавший, что женщина любит не «за что», а «вопреки».

— Не всегда, — тихо возразила она. — Ты умный и доверчивый... но слабый. Тебя легко обмануть... и надо защищать.

— Меня? Защищать? — Он засмеялся и тут же умолк: закололо в боку. — Впрочем, ты права, меня надо защищать, но прежде всего от себя самого. Подскажи, как мне теперь жить после всего этого? Меня же считают предателем!

— А ты себя кем считаешь?

Он подумал, откинувшись на подушки, пожал плечами:

— Я не хотел такого финала... так получилось.

— Неправда, — тихо, но твердо сказала Гертруда.

Маттер посмотрел на нее с удивлением.

— Ты тоже считаешь меня предателем?

— Нет, не считаю. Но ты никогда не думал о последствиях своих поступков. Никогда! Тебе было наплевать, что о тебе думают другие, для тебя всегда существовали только две абсолютные парадигмы: твоя работа и ты сам. Разве не так? Вот и случилось то, что случилось. Вообще удивительно, что ты только сейчас получил этот урок. Провал должен был произойти гораздо раньше, тогда и последствия были бы менее значимы. Но ты привык жить, не оглядываясь на ошибки, а меня никогда не слушал.

— Я работал как проклятый! — с обидой проговорил Герхард. — Я ученый.

— Прежде всего надо оставаться человеком. Я все ждала, когда же ты повзрослеешь, начнешь думать не только о себе, но так и не дождалась. Эксперимент слишком затянулся, его пора сворачивать. Попробуй жить один.

— Что?! — не поверил ушам ксенопсихолог. — Ты бросаешь меня?!

— Да, я решила уйти. Надо было сделать это еще тридцать пять лет назад, тогда и я была бы счастлива.

— Но мы прожили вместе тридцать... э-э, тридцать восемь лет! Разве нам было плохо?

— Тебе было хорошо. Ты делал все, что хотел. А я была твоей рабыней. Все, хватит! — В голосе Гертруды зазвучала непривычная твердость, женщина встала со стула у кровати. — В пакете твои любимые пирожки с вишней, в термосе травяной настой.

— Подожди! — Маттер приподнялся на локтях, все еще

не веря в реальность происходящего. — Ты прямо вот так и уйдешь?

Она улыбнулась, грустно и участливо.

— А как надо уходить?

— Ну... собраться... посидеть...

— Спасибо, уже насиделась. А собраться... что у меня есть, чтобы долго собираться? Одно платье, две юбки, уник... Ты ведь за время нашего супружества подарил мне всего один перстень и сережки. Вот и все мое богатство. Прощай, Гера. Может быть, одному тебе будет свободней жить и работать.

Она пошла к двери, взяла сумку у порога, обернулась:

— Казимир заходил несколько раз, просил позвонить ему, когда ты придешь в себя. Позвони ему сам. Мне кажется, он изменился.

— Подожди!..

Дверь открылась и закрылась. Стало тихо. И пусто.

Маттер без сил опустился на подушки и заплакал. Второй раз за всю свою взрослую жизнь. Он вдруг окончательно понял, что отныне будет одинок. Жена ушла, а друзья остались в прошлом. Что ждет его в будущем, думать не хотелось.

Слабость взяла свое. Он уснул.

Проснулся от прикосновения к плечу, с трудом разлепил веки.

На него смотрел Казимир Ландсберг, осуждающе покачивая головой.

— Очухался, алкоголик?

— Я не алкоголик, — запротестовал Маттер. — От меня жена ушла...

— Правильно сделала! Я бы на ее месте бросил тебя ко всем чертям гораздо раньше. Вставай, нечего валяться без дела, пора заняться решением практических задач. Даниил выполнил свои обещания, дал тебе информацию, вот и отрабатывай.

— Я передумал.

— Вот ты такой и есть. Не зря Аристарх не стал тебя убивать и наказывать. Ты сам для себя наказание.

— Откуда ты знаешь, что Аристарх был у меня?

— Его засекла охрана института, да не смогла настичь. Кстати, он и у меня побывал.

— Да? — Маттер пошевелился, сел, потом застыдился своего вида — он был в одних трусах, натянул на колени простыню. — Почему же ты жив?

— Хороший вопрос, — усмехнулся бывший премьер Европарламента. — Сам удивляюсь. Хотя, с другой стороны, зачем ему меня убивать? Я ведь не главный враг Сопротивления, есть ребята покруче.

— Шаламов?

— И над ним стоят... хотел сказать — люди, но вряд ли это соответствует истине. Скорее всего Даниил контактирует с эмиссаром Блэкхоул, а эта тварь — точно не человек. Кстати, какую именно информацию тебе дал Шаламов?

— Тебе это важно знать?

— Не так важно, сколько интересно.

— О фрактальных звездных кластерах... о кубоидах... о странных аттракторах... о скором начале Большой Войны между кубоидами и Блэкхоул. О второй сети контроля — СТП.

— Это еще что такое?

— Так называемые «скрытые трещины пространства», которые созданы на самой заре Большого Взрыва не Вершителями — тогда их еще не было, а самим Творцом.

— Большой Разрыв — его замысел?

— Я понял так, что это благое намерение Вершителей, недовольных его Творением, то есть нашей родной Метавселенной. Блэкхоул призвана другим Вершителем, который находится в контрах с Изначально Первым.

— А кубоидная система?

— Это уже результат действий третьего Вершителя. Почему они не могут договориться меж собой, чтобы избежать конфликта, я не понимаю. Почему ты спрашиваешь? Разве Шаламов не поделился с тобой толикой своих знаний?

— Я для него всего лишь мелкий исполнитель, — усмехнулся Ландсберг. — А спрашиваю, потому что мне и в самом деле интересно знать, что происходит.

— Раньше ты этого интереса не проявлял.

— Кое-что изменилось. Все, кончай прохлаждаться, одевайся, идем запускать в эйнсоф одну исключительно непредсказуемую вещь. Кстати, каким образом возник эйнсоф?

Маттер дотянулся до графина с рассолом, допил напиток

прямо через край, швырнул графин на пол. Глаза его расширились, в них зажглась искра жизни.

— Разве ты не присутствовал при эксперименте?

— Меня в ту пору занимали другие проблемы.

— Я думал, ты все знаешь. — Маттер начал одеваться. — Мы «вкололи» в обломок шаламовского стринга порцию глюоонов... Рвануло на шестой секунде: образовалась гигантская многомерная «яма» в вакууме, куда «скатилась» вся энергия защитных генераторов. Погибли пять человек. В «яму» сначала провалилась станция, а потом почти все плато Сервантеса на Меркурии. В общем, получилась странная сфера, названная впоследствии именем Сабатини, который руководил экспериментом. Это уж позже ее называли эйнсофом, «абсолютом непознаваемости».

— «Бесконечномерным объектом». Кстати, он и в самом деле имеет бесконечное количество измерений?

— Чушь собачья! — Маттер натянул свитер, отдышался, вытирая вспотевшее лицо рукавом. — Эйнсоф на самом деле представляет собой узел пересечения Ветвей Древа Времен. Естественно, количество этих Ветвей ограничено. Думаю, их не больше шестисот. Но все равно этот объект уникален.

— Согласен. Его можно развернуть? Или, наоборот, свернуть? В черную дыру?

— Разве ты еще не понял? Ты же пять лет занимаешься эйнсофом.

— Я скорее технический распорядитель, а не ученый, теоретические проекты мне предлагают наши «яйцеголовые» теоретики. Но еще ни один из них не приблизился к пониманию процессов, происходящих в эйнсофе.

— Странно, честно говоря. Шаламов ведь мог дать вам прямую информацию...

— Он дал. — Ландсберг криво улыбнулся. — Но мы ее не оценили. Среди работников института не осталось ни одного интрасенса. Мне с трудом удалось уговорить директора, чтобы взяли тебя.

— Все, моя работа в институте закончилась.

— Что ты хочешь сказать?

— Я уйду!

Ландсберг хмыкнул, по-новому оценивая сосредоточенное лицо ксенопсихолога.

— Ты хорошо подумал о последствиях?

— Подумал. Можешь сдать меня вивисекторам Службы, но я не останусь!

— А если я предложу тебе поучаствовать в последнем эксперименте?

— Я же сказал...

Ландсберг повернул руку запястьем вверх, нажал на стерженек личного информа, и над серебряным квадратиком выросло объемное изображение чаши из красноватого металла.

— Узнаешь?

Брови Маттера полезли на лоб.

— Обломок «стринга»? Откуда он у тебя?

— Забрал у Леона Торопова. Не хочешь запустить эту чашку в эйнсоф?

Маттер поскреб заросший щетиной подбородок, глядя то на чашу, то на приятеля.

— Гертруда была права, ты изменился. Но ведь если мы воткнем «стринг» в эйнсоф, он может скомпактифицироваться, произойдет частичная или полная свертка узла...

— Ты же утверждал, что черной дыры не получится.

— Я и сейчас это утверждаю.

— Вот и славно.

— Что-то я тебя не пойму. Ты же хотел заставить эйнсоф возбудиться и перейти в состояние коллапса.

— Хотел, теперь не хочу.

— Что произошло? Появились новые клиенты, которые предложили заплатить больше?

— О чем ты?

— О кубоидах. Систему кубоидов обслуживает своя собственная йихаллах, которая наверняка посылает агентов и эмиссаров в зоны стратегических интересов Блэкхоул. Тебя, случайно, они не вербанули?

Бледное морщинистое лицо Ландсберга пошло пятнами, но он сдержался.

— Нет, меня не вербанули. Просто у меня изменилось отрошение к процессу.

— Ну и ну! Никогда бы не поверил, что ты способен изменить свое отношение к порученному делу.

— Я имел беседу с Железовским...

— Ах вот в чем дело, — усмехнулся Маттер, — Аристарх тебя просто-напросто запрограммировал. Это он умеет.

— Пусть будет по-твоему. А идея насчет агентов кубоидной йихаллах перспективна. Если и в самом деле, как ты утверждаешь, впереди намечается конфликт между кубоидами и Блэкхоул, то они должны иметь свои спецслужбы, разведку, контрразведку и агентурные сети. Агента Блэкхоул мы знаем...

— Да?

— Шаламов, разве нет? А вот агентом кубоидов может быть кто угодно, от Аристарха до Мальгина.

Маттер с сомнением покачал головой.

— Это люди иного калибра, они никогда не станут агентами чужих разумников, представителей «темной» или «белой» сил.

— Ну, не знаю, не уверен.

— Ладно, нет смысла спорить. Пожалуй, я останусь, посмотрю, что получится. Если только нас не остановят.

— Поэтому я и предлагаю сделать это вдвоем, без тебя мне не справиться. Надо запрограммировать соответствующим образом один из видеозондов, установить на его борту нейтринный «скальпель» и подсоединить к нему «стринг». Причем — чтобы никто этого не заметил.

— Я сделаю. Понадобится наносекундный синхронизатор и аппаратура «динго».

— Все, что необходимо.

Глаза Маттера заблестели, он порозовел, начиная оживать.

— Если нас раскусят...

— Не все ли равно? — ухмыльнулся Ландсберг неумело, отчего лицо его приобрело странное выражение детской печали. — Когда-то все равно придется расплачиваться за все содеянное, днем раньше, днем позже...

— Лучше позже. — Маттер вспомнил о жене, помрачнел. Но долго каяться и думать о своих ошибках он не мог. Его ждала увлекательная работа, и это сейчас было главным событием в жизни.

* * *

Исследовательская станция Института пограничных физических проблем «Марго-2» подчинялась собственному суточному циклу, поэтому в отличие от других поселений че-

ловечества на Меркурии и вокруг него время на станции совпадало с земным европейским на долготе Екатеринбурга. Если сотрудники большинства станций и жители купольных городов еще спали, то экипаж «Марго» уже работал.

Готовился очередной запуск в дыру эйнсофа. Предстояло послать спецгруз — два десятка МК и аннигиляционную бомбу тротильным эквивалентом в пятьдесят тысяч мегатонн. Если бы такая бомба взорвалась на Земле, человеческая цивилизация прекратила бы существование. Однако санкции на проведение эксперимента были подтверждены на самом высоком уровне: «добро» дали Служба безопасности, СЭКОН и Совет безопасности ВКС. Поэтому команда Ландсберга работала в обычном режиме, словно собиралась запустить в эйнсоф футбольный мяч, а не колоссальной мощности супербомбу.

В семь часов «утра» — по времени станции — последние приготовления к запуску были закончены, и связка «пакмака», на борту которой располагались не только взрывные устройства, но и научно-исследовательская аппаратура, датчики состояния и видеоозонды, была выведена на орбиту вокруг Меркурия с таким расчетом, чтобы ее можно было «одним толчком» направить в черный «тоннель» эйнсофа. Видеоозонд с добавочным содержимым, установленным заговорщиками — Ландсбергом и Маттером, тоже находился в недрах центрального когга «пакмака», но связь имел только с начальником центра. О его функциях никто из персонала станции не догадывался.

В семь часов четыре минуты все службы провели переключку и приготовились к запуску. В эфире установилась тишина.

С высоты в пятьсот километров шар эйнсофа, окруженный спиралями призрачного свечения, действительно казался зрачком исполинского глаза, рассматривающего планету под ним и одновременно Солнце и космический флот человечества пристально и угрюмо. Казалось, он знал, что произойдет, хотя людей предупреждать не спешил.

Ландсберг и Маттер, сидящие в рядом расположенных кокон-креслах управления в главном зале станции, посмотрели друг на друга.

Ландсберг поежился; на его обычно властно-презритель-

ном лице поселилась странная неуверенность, и Герхард почувствовал себя неудобно. Попытался улыбнуться:

— Страшно, черт побери!

— Ничего уже нельзя вернуть.

— Да я не об этом. Странно, что мы пошли против...

— Заткнись! Потом поговорим. Возможно, мы делаем большую глупость.

— Если уж что и делать, — хохотнул Герхард, — то как раз большую глупость. Отец теории относительности говорил, что существуют две бесконечности — Вселенная и глупость, но при этом он не был уверен в бесконечности...

— Глупости?

— Вселенной.

— Черт с ним, он жил в другое время, и у него были свои тараканы в голове. Начинаем?

Маттер потер вспотевшие ладони.

— Начинаем!

— Внимание! — повысил голос Ландсберг. — Запуск!

Связка тростинок «пакмака», освещенная прожектором спейсера «Конунг», пришла в движение, начала падать в струящееся марево эйнсофа. А вслед за ним вдруг метнулась неизвестно откуда взявшаяся искорка, то пропадающая, то возникающая вновь.

— Что это?! — удивился Маттер. — Ты еще один зонд решил запустить?

— Увеличение! — бросил оператору озадаченный Ландсберг.

Вариатор вырезал колечко в общем поле изображения, развернул с увеличением в два десятка раз.

— Богоид! — ахнул Маттер.

— Глазастый! — глухо проговорил Ландсберг. — Какого рожна ему здесь надо?

— В свое время Клим Мальгин говорил, что богоид представляет собой нечто вроде контролера вселенской службы безопасности. С другой стороны, это реализованный орилоунами принцип оптимизации высокоэнергетических процессов. Он всегда появляется в тех местах, где предполагается некое нарушение энергоинформационной стабильности вакуума.

— Мы наблюдали за ним не один раз... и ничего особенного не случилось.

— Может быть, не случится и нынче.

— Может быть? Значит, ты не уверен в своих теоретических предпосылках развертки нового «стринга»?

— Я не минер, могу ошибаться поэтому не один раз.

— Давай остановим эксперимент.

— Поздно.

«Пакмак» с грузом разнокалиберных взрывных устройств и с чашей «суперструны» на борту вонзился в черный зрачок эйнсофа, пропал из глаз. Его видеокамеры, показывающие до этого момента приближающийся вихрь свечения и пульсирующую черную сферу, мгновенно перестали передавать изображение, словно их отключили. Перестали передавать информацию и разнообразные датчики полей и излучений. Впрочем, такое случалось каждый раз, как только аппараты землян пересекали некую границу — горизонт эйнсофа, из-под которого не мог вырваться ни один электромагнитный сигнал. В этом плане эйнсоф ничем не отличался от черной дыры, гравитация которой удерживала внутри сингулярности даже лучи света. Хотя черной дырой эйнсоф не был, и его физическая «жадность» имела другую причину.

Начался отсчет времени с момента исчезновения «пакмака».

На цифре «девять» маленькая черная точка над поверхностью Меркурия внезапно увеличилась в размерах, стремительно распухла, поглощая видеозонды самого близкого пояса наблюдения. Непонятная ударная волна, «качнувшая» даже вакуум, прынула от эйнсофа во все стороны, так что сбились с орбит и траекторий практически все сооружения людей, в том числе и станция «Марго-2».

А затем началось феерическое светопреставление, описать которое человеческий язык мог только приближенно.

Гигантская — до шестисот километров в диаметре! — сфера вскипела черными фонтанами. Каждый фонтан достиг высоты в сто и более километров, испустил яркий луч — преимущественно синего цвета. Сфера на несколько мгновений превратилась в подобие елочной игрушки и... лопнула! Космос над Меркурием засверкал, словно некий гигант устроил для наблюдателей красочный фейерверк.

Но это было еще не все.

Шары света унеслись в пространство, сбивая по пути аппараты людей, погасли.

Эйнсоф сжался в необычную ажурную трубу, из торцов которой ударили два призрачно-фиолетовых луча, а по этим лучам, как по струнам, заскользили один за другим черные шары, один меньше другого. Один луч вонзился в поверхность Меркурия, проделывая в его породах глубокую дыру. Второй достиг Солнца, утонул в невообразимо плотном сиянии фотосферы.

Луч, упирившийся в горный рельеф Меркурия, истончился, втянулся в цилиндр, который начал сокращаться и трансформироваться в шар. Затем этот шар заскользил по лучу вверх — впечатление складывалось такое, будто он был мячиком, а луч резинкой, — и скачком метнулся на «резинке» к Солнцу! А вместе с ним прекратился и гравитационно-электромагнитный шторм, ломающий земную технику в окрестностях Меркурия.

Несколько секунд в эфире царила полная тишина.

Потом на уши руководителей эксперимента обрушился шквал голосов:

— Он исчез!

— Эйнсоф улетел!

— Тревога спасательному флоту! Разрушены станции «Олма» и «АСТ»! Требуется помощь!

— Мы падаем!

— У нас взорвался генератор!

— Прошу помощи!

— Есть жертвы!

— SOS! Мы не продержимся больше пяти минут!..

— Боже мой! — проговорил Маттер дрожащим голосом. — Я не подумал, что он начнет «отстегивать» лишние измерения...

— Эйнсоф исчез? — со странной надеждой в голосе осведомился Ландсберг.

— Не знаю...

И словно в ответ на его слова раздался голос кого-то из наблюдателей:

— Эйнсоф обнаружен! Он застрял в фотосфере Солнца. Даю картинку.

Автоматика вывела изображение светила на централь-

ный виом, притушила его накал, и на зернистой пламенной стене Солнца люди увидели черное пятнышко.

— Он не сколлапсировал... — пробормотал Ландсберг с разочарованием.

— Он и не мог свернуться, я же говорил.

— Ты столько говорил всякого разного, что не знаешь, чему верить.

— Мне самому порой трудно, — признался ученый. — А чего ты ждал от запуска чаши? Надеялся, что эйнсоф превратится в черную дыру?

— Я надеялся, что он исчезнет навсегда.

— Этого не произойдет еще сотни и тысячи лет. Разве Леон не докладывал тебе, что эйнсоф сохранился аж до пятьдесят шестого века?

— Рассказывал... и все же я верил...

— Станный ты какой-то, Казимир, потерянный, как и я. Неужели это Аристарх на тебя так повлиял? Мозги наизнанку вывернул? Если уж на то пошло, довольствуйся тем, что доступ к эйнсофу теперь весьма ограничен. Ближе к Солнцу наши спейсеры не подлетят.

Ландсберг вздохнул. В нем боролись два противоположных чувства: сожаление по поводу того, что эксперимент не удался в полной мере, эйнсоф не превратился в черную дыру, и какая-то мстительная радость, что никому больше не удастся этот эксперимент повторить.

* * *

Через три часа паника в районе Меркурия улеглась, Спасательная служба эвакуировала всех пострадавших, собрала в космосе обломки разрушенных станций, и в эфир вернулась обычная пульсация человеческих переговоров.

Ландсберг и Маттер не участвовали в спасательных рейдах, они готовили отчет руководству института и СЭКОНа, из которого уже потребовали объяснений по поводу случившегося.

— Итак, давай еще раз уточним, что произошло, — предложил Ландсберг, допивая очередную чашку кофе.

— Образовался странный аттрактор...

— Только обойдись без головомомных терминов, я плохо соображаю.

— Я думаю, произошло фазовое пересечение детерминантных пространств и стохастическая стабилизация шестимерного инварианта...

Ландсберг засмеялся... и умолк. Потому что в зале появился неожиданный гость — Даниил Шаламов. Он был бледен и страшен. По лицу бывшего спасателя бегали судороги, превращая его в голографический мираж.

— Кто... вам... позволил?! — выдохнул он в три приема.

По залу прокатилось гулкое эхо.

Работающие в своих коконах операторы в недоумении оглянулись на гостя.

Ландсберг бросил взгляд на Маттера. Тот исподлобья посмотрел на Шаламова.

— Работа идет по плану...

— Кто... вам... позволил... запускать в эйнсоф... обломок «стринга»?! Откуда он у вас?!

— Леон дал.

— Леон мертв! Кто вам дал право экспериментировать со «стрингом», я спрашиваю?!

— Да пошел ты! — пожал плечами Маттер с философской небрежностью. — Ты не фараон, а мы не твои рабы. Между прочим, эксперимент едва не сбросил эйнсоф в процесс вырождения, что вполне могло кончиться появлением черной дыры.

— Идиот! Развертка могла вообще загнать эйнсоф в потенциальную «яму» вакуума, в микродыру!

— Но ведь этого не произошло? Чем это тебя не устраивает? Мы получили идеальный странный аттрактор...

Глаза Шаламова, черные, заполненные одними зрачками, метнули молнии.

Маттер отшатнулся, бледнея, схватился руками за горло, захрипел. Глаза его полезли на лоб. Легкие перестали дышать, воздух застрял в горле, сердце ксенопсихолога остановилось. Он откинулся на спинку кресла, конвульсивно дернулся несколько раз и затих. Глаза его начали стекленеть, руки разжались, упали на подлокотники.

Шаламов перевел бешеный взгляд на Ландсберга.

— Ты что, тоже идиот?! Как ты мог поддаться на уговоры этого предателя?! Неужели не понял, чем может закончиться ваш эксперимент?!

— Почему? Понял, — спокойно ответил бывший председатель СЭКОНа. — Я сам подал ему эту идею.

— Ты?! Зачем?!

Ландсберг усмехнулся бледными губами.

— Ты не поверишь. И не поймешь.

— Говори!

Ландсберг вздрогнул, но взгляда не отвел.

— Я прозрел.

— Что?! О чем ты говоришь?! О каком прозрении?!

— Я вдруг вспомнил, что я тоже человек. Аристарх был прав: мы сами решаем, быть ли нам людьми или превратиться в монстров. Вот я и решил попробовать остаться человеком.

— Аристарх?! Снова этот доморощенный Геракл встает у меня на пути! Ну, я его найду!

— Он сам тебя найдет.

Шаламов дернул головой, замер, глядя на маленького сморщенного человечка, позволившего бросить ему вызов.

— Ты... мне... угрожаешь?!

— Я сожалею, что поздно во всем разобрался. Тебе желаю сделать это побыстрее. Может быть, кто-нибудь способен разбудить в тебе совесть, как это со мной сделал Аристарх? А пока что ты сам себе и угроза, и враг, и суд, и наказание. Подумай, друг мой. Йихаллах Блэкхоул и люди могут обойтись без тебя, а вот ты без них нет.

— Предатель!

Ландсберг качнул головой:

— Уже нет.

— Тогда умри!

Пространство зала наполнилось звенящим гулом эха.

Вскрикнули в испуге операторы.

Тело Ландсберга выгнулось дугой, из горла вырвался стон, глаза выпучились от боли.

Шаламов с искаженным от злобы лицом повернулся к нему спиной, сделал два шага и растворился в воздухе, оставив тающее облачко молний.

Ландсберг дернулся два раза, пытаясь что-то сказать, перестал дышать, тело его расслабилось, опало. Он был мертв. На губах начальника исследовательского центра застыла странная улыбка, сожалеющая и удовлетворенная одновременно.

КОЛЛАПС ШИВ КУМАРА

Официально Савва Баренц занимал высокую должность курфюрста экологического департамента ВКС и поэтому имел право добиваться аудиенции председателя Всемирного Координационного Совета, минуя секретарей и службу охраны. После встречи на Камчатке со своими заместителями по Сопrotивлению он дождался освобождения пленников, которых содержали в турецком СИЗО Гореме, и уже с другим настроением, взбодренный и успокоенный, позвонил Артуру Громову, председателю Совета, чтобы договориться о личной встрече.

Они встретились в достаточно роскошном кабинете главы ВКС, который венчал центральную башню здания Совета, располагавшегося под Рязанью, в пойме Оки. Интерьер кабинета был традиционным для этой организации, представляя собой нечто среднее между музеем и оранжереей. Баренц бывал здесь не однажды и особого трепета не испытывал, переступая порог кабинета одного из самых могущественных людей в мире — наряду с президентом Всеземного Правительства, директорами УАСС и Службы безопасности и председателем СЭКОНа. Однако на этот раз сердце почему-то защемило, когда Баренц вошел в «музей-оранжерею» Громова, что заставило его усомниться в правильности своего решения. Душа отреагировала на какие-то негативные изменения психологической атмосферы учреждения, но было уже поздно что-либо менять.

Вопреки предчувствию, Артур Громов, кряжистый, плотный, широколицый, с мощным лбом и густыми седыми бровями, был один. Он стоял у стены аквариума, одетый в белый уник с красными и синими полосками на воротнике и рукавах, с эмблемой ВКС на груди, но без обычной планки наград; планку или же сами награды глава Совета надевал редко, лишь на официальных приемах. Слыл он человеком немногословным, выдержанным, жестким, властным, карьеристов и лизоблюдов не любил и окружил себя людьми, мало отличавшимися от него по характеру. При этом он был генералом Ордена власти, одним из разработчиков концепции «абсолютной свободы личности», поэтому склонить его на сторону Сопrotивления было нереально.

Впрочем, Баренц и не пытался это сделать. Риск был слишком велик. А дела у Сопротивления шли все хуже и хуже. И все же существовал небольшой шанс, что Артур Громов не относится к прямым врагам интрасенсов и способен стать выше общественного мнения о «врагах народа, несущих болезни и стремящихся захватить власть».

— Добрый день, — поздоровался Баренц.

Председатель ВКС оглянулся, заложил руки за спину, но за стол садиться не стал и присесть гостю тоже не предложил.

— Слушаю вас, курфюрст.

— Я бы хотел поговорить о деятельности СЭКОНа, координатор.

В глазах Громова разгорелся колющий огонек.

— Чем вас не устраивает деятельность комиссии?

— Эксперименты с экзотическим объектом под названием «эйнсоф», или «сфера Сабатини», опасны, последний едва не закончился планетарной катастрофой. Однако СЭКОН мало того, что не запрещает исследовательскому центру проводить эксперименты, он их, по сути, поощряет.

— В СЭКОНе работают компетентные эксперты, известные ученые, мнение которых и позволяет комиссии сделать выводы о границах допустимого воздействия на эйнсоф.

— Я считаю, вас или сознательно обманывают, или не дают полной информации о происходящем. Что же касается мнения авторитетов, то его можно купить.

Громов приподнял бровь, окинул фигуру посетителя заинтересованным взглядом.

— Это любопытно. Кому же понадобилось... покупать мнение экспертов?

— Тем, кто заинтересован в продолжении рискованных экспериментов с эйнсофом.

— Ерунда! Таких людей не существует, это все ваши фантазии.

— К сожалению, не фантазии. В Солнечной системе с недавних пор работает некая тайная организация, называемая специалистами йихаллах, которая пытается с помощью развертки эйнсофа превратить Солнце в черную дыру. Эта организация опирается как на запрограммированных людей — тех же экспертов СЭКОНа, ученых Академии наук,

чиновников Правительства Земли, так и на весь человеческий эгрегор.

— Чушь!

Баренц вздохнул, развел руками.

— Похоже, вам действительно не предоставляют всю информацию о происходящих в Системе процессах ни СЭ-КОН, ни Служба безопасности, ни Статуправление. Хотите, я скину на вашу консорт-почту п о л н ы й интенционал?

Громов почесал горбинку носа.

— Вы меня заинтриговали, господин Баренц. Однако меня предупредили, что вы ведете свою игру и попытаетесь воздействовать на меня. Ведь вы имеете самое прямое отношение к Сопротивлению, не так ли? Может быть, даже возглавляете его?

— Тему Сопротивления мы обсудим в другой раз, координатор, если не возражаете. Давайте сначала решим судьбу исследовательского центра на Меркурии. Он должен прекратить эксперименты с эйнсофом.

— Боюсь, другого раза не будет, — покачал головой председатель ВКС. — Да и не решаются вопросы таким образом, келейно, я должен сначала поставить в известность соответствующие органы, Совет безопасности...

— В таком случае мы с вами будем и дальше сидеть на пороховой бочке, координатор. Взрыв эйнсофа — не шутка, в результате погибнет вся цивилизация.

Громов растянул губы в саркастической усмешке, покачал пальцем:

— Один человек не может решать судьбу всей цивилизации. Слишком разные масштабы. Не нагнетайте страстей, курфюрст.

— Один человек — не может, — согласился Баренц. — Один н е ч е л о в е к — может! Двадцать лет назад на побережье Балтийского моря произошел бой между группой интрасенсов — тогда Служба безопасности не преследовала их, а, наоборот, привлекала к работе — и одним мощным оператором реальности, который в л а д е л энергиями уровня всей земной цивилизации.

— Это легенда.

— Это исторический факт. Тогда нам удалось ограничить свободу этого человека... ставшего магом в результате получения огромного массива информации маатан. В настоящий

момент этот... гм-гм, человек снова на свободе, и, по моим данным, именно он управляет процессом свертки эйнсофа.

— Бред! Откуда вы все это берете?

— Мои друзья пытаются остановить его. Если вы подключите к этой проблеме аппарат Совета, все вместе мы ее решим. Но прежде изучите материал. Вы многое поймете.

— Я уже понял. Вас действительно надо изолировать, курфюрст, вы опасный человек.

Баренц качнул головой.

— Жаль. Я думал, вы прислушаетесь к моим словам. Но вы доверяете другим советчикам. Кто они, если не секрет?

— Мои заместители, — усмехнулся Громов. — Я и в самом деле им доверяю. Директору Службы безопасности. Советникам.

— Кто же из них так негативно охарактеризовал меня?

— Какое это имеет значение? Разве вы не являетесь другом бывшего аналитика Службы Игната Ромашина? Разве вы не встречались с Аристархом Железовским, интрасенсом и руководителем Сопротивления, объявленным в розыск?

Баренц остался невозмутим.

— Это мои друзья, не отрицаю.

— Вот видите? Я все знаю. Так что ваш интенционал о какой-то там... йихаллах мне не нужен. Идите, сдавайте дела, вы освобождены от занимаемой должности. Советую вам добровольно явиться в Службу и все рассказать. Это облегчит вашу участь.

— Благодарю за совет, — поклонился Баренц. — Я все же рискну прислать вам кое-какие материалы, надеюсь, они вас позабавят, координатор. — Он пошел к двери, оглянулся. — Кстати, Ордену и всей нынешней системе власти жить осталось недолго. Джинн выпущен из бутылки, и его уже не остановить.

— Какой джинн? А-а... догадываюсь, вы имеете в виду того человека, то есть не человека Даниила Шаламова?

Баренц рассмеялся.

— Вы действительно многое знаете. Не удивлюсь, если вы контактируете с Шаламовым. А имел в виду я другого «джинна» — либеро. Цивилизацию погубит так называемая «абсолютная свобода личности». Либеро, охотники за людьми — всего лишь ее режущий инструмент и одновременно могильщик. Будьте здоровы, координатор.

Громов не ответил, глубоко задумавшись.

В коридоре к Баренцу сразу же подошли два офицера Службы безопасности, капрал и полковник, козырнули.

— Прошу прощения, курфюрст, — сказал полковник. — Вам придется пройти с нами.

— По какому поводу? — осведомился Баренц, мысленно связываясь со своей охраной; в здание ВКС личные телохранители чиновников любого ранга не допускались, и охрана комиссара Сопротивления ждала его в зале метро.

— Мы уполномочены доставить вас в отдел дознания Службы. Вот постановление на ваш арест. — Офицер небрежно махнул красным квадратиком с вытесненной на нем фамилией верховного комиссара Сопротивления. — Все вопросы — к начальству.

— А если я вызову координатора?

— Вам это не поможет. Координатор сам дал распоряжение заключить вас под стражу.

«Кто же доложил ему обо мне? — подумал Баренц хладнокровно. — Что я — комиссар, знают только пять человек: Ромашин, Хан, Железовский, Соломон и Маттер. Неужели они все-таки сломали Маттера? Или он добровольно дал показания, вымаливая жизнь?»

— Надеюсь, вы не станете сопротивляться? — улыбнулся полковник снисходительно.

«Мы на подходе, — сообщил по рации командир обоймы телохранителей. — Задержите их на три минуты».

— Мне хотелось бы предупредить о моем аресте координатора.

— Повторяю, он сам поставил вопрос о вашем задержании.

— И тем не менее я хочу в этом убедиться. — Баренц повернулся к служителям закона спиной, шагнул к двери Громова.

Что-то прошумело сзади, как ветерок.

Он обернулся.

Полковник и капрал, взявшийся за кобуру табельного «универсала» на поясе, находились в состоянии странного ступора, широко раскрыв глаза, будто играли в известную детскую игру «замри на месте». А рядом с ними стоял неизвестно откуда взявшийся молодой человек в стандартном унике, высокий, широкоплечий, ощутимо сильный, широ-

коскулый, сероглазый, похожий на Аристарха Железовского. В глазах его прыгали веселые искорки, на лице застыло неуловимо з н а к о м о е выражение, принадлежащее какому-то другому человеку, которого Баренц знал. Но додумать эту мысль он не успел.

— Я Дар Железвич, — сказал молодой человек глубоким бархатным баритоном, — праправнук Аристарха Железовского. Увидел вас случайно при выходе из метро и решил подождать. У вас проблемы?

В коридоре показались трое спешащих парней — обойма телохранителей Баренца, сумевшая проникнуть внутрь здания Совета.

— Уже нет, — ответил комиссар Сопротивления. — Я вспомнил, кто вы, мне о вас рассказывали. Вы сын князя, зять Клима Мальгина, интрасенс из... э-э, весьма далекого будущего. Странно, что вы нашли меня здесь.

— Ничего странного. Я не могу выйти на ваших друзей, Игната Ромашина, Джуму Хана и на моего прадеда.

— Они... далеко отсюда.

Дар покосился на парализованных офицеров Службы.

— Они ничего не услышат и не вспомнят. А мне очень нужен Аристарх... э-э, мой прадед.

— Он на Шив Кумаре вместе с остальными... должен быть, по крайней мере.

Праправнук Железовского вопросительно посмотрел на Баренца.

Тот жестом показал охране, что все в порядке, махнул рукой вперед:

— Давайте поговорим обо всем в другом месте, здесь оставаться небезопасно.

— Я понял. И все же всего два слова: почему Аристарх на Шив Кумаре и что значит «с остальными»?

— Мы освободили пленников, помог Майкл Лондон, если вы знаете, кто это такой.

— Знаю, встречались.

Баренц в сомнении глянул на невозмутимое лицо Дара, но уточнять — где княжич встречался с Лондоном, — не стал.

— Идемте со мной. По пути поговорим.

— Секунду...

Под черепом Баренца прошелестел странный морозный

ветерок, кто-то заглянул ему в мозг, поворошил сознание и исчез.

— Прошу прощения, курфюрст, для ускорения процесса информобмена я прочитал нужный мне файл вашей памяти. Вынужден срочно покинуть вас. Всех перемещенных на Шив Кумар надо немедленно отправить в другое место. Помощь нужна? Вам лично?

— Нет.

— Тогда до скорой встречи.

Дар Железвич отступил на шаг, поднял руку прощальным жестом и растворился в воздухе.

Ошеломленные таким поворотом дела телохранители Баренца перевели взгляды на него.

— Уходим! — опомнился верховный комиссар Сопротивления, вдруг поймав мелькнувшую мысль: в облике сына князя из далекого пятьдесят шестого века сквозили черты Клима Мальгина.

«Бред!» — сказал сам себе Баренц и заторопился к лифту.

* * *

Исследовательская станция «Джей-Джей Шепли» приняла переселенцев с такой же обходительностью, с какой принимала дежурные смены ученых и гостей. Если бы не системы обзора, показывающие пейзажи вокруг станции, никто бы не догадался, что она расположена на поверхности остывающей звезды, сила тяжести на которой превышала земную в девятьсот раз.

Беглецы старше семидесяти лет не были склонны рассматривать пейзажи, а вот дети и кое-кто из взрослых не упустили возможности полюбоваться ландшафтами коричневого карлика и собрались в зале визинга почти сразу же после короткого знакомства с временным убежищем и расселения по каютам.

Ромашин и Джума Хан присоединились к этой группе эстетов уже после прощания с Лондоном: Майкл — «турецкий офицер» — вернул себе прежний облик, убедился в работоспособности станции, поговорил с обслуживающим ее инком по имени Джил и улетел в неизведанные дали и времени, обещав скоро вернуться.

Взрослые, подспудно ожидавшие каких-то новых потря-

сений и неприятных сюрпризов, вели себя сдержанно и строго. Дети тоже притихли, но в силу молодости и изначального оптимизма верили в лучшее и быстро приняли новые правила игры. Их голоса зазвучали громче, оживленнее, веселее, что сразу сказалось на общем психоэмоциональном состоянии переселенцев: всем вдруг показалось, что мытарства закончились, началась более светлая полоса, а впереди их ждет долгая и счастливая жизнь.

— Мрак! — проговорил Джума Хан, разглядывая коричневые гребни металлических дюн Шив Кумара и более яркие — багровые и алые — долины и понижения.

— Ад! — согласился Ромашин. — Только без котлов с кипящей серой и без грешников.

— Эту роль отвели нам.

— Ну, пока что мы целы и невредимы, а это главное. Мы еще поборемся, не все потеряно, тем более что на нашей стороне такие личности, как Мальгин и Лондон.

— И Аристарх.

— И Аристарх. Не понимаю только, куда он подевался.

— Внимание! — раздался под куполом зала мягкий голос инка. — Могу предложить экскурсию по самым экзотическим районам звезды. Желающих ждет десятиместный модуль «Садко».

— Мне казалось, пейзажи здесь не должны отличаться разнообразием, — посмотрел на друга Джума.

— Всегда существуют исключения из правил. Возможно, здесь действительно есть некие аномальные зоны, сформировавшиеся и застывшие случайным образом.

— Пойдем посмотрим?

— Почему бы и нет? Все равно до возвращения Аристарха делать нечего.

Ромашин и Хан присоединились к немногочисленной группе молодежи, пожелавшей полюбоваться на ландшафты коричневого карлика, и похожий на черепаху модуль «Садко» отправился в путь.

Небо Шив Кумара было угольно-черным, атмосферу коричневого карлика имел тонкую и разряженную, состоящую в основном из паров металлов, но все же достаточную для того, чтобы звезды сквозь нее виднелись размыто-дрожащими мигающими каплями света. Звезд было много, однако поверхность угасшей звезды они освещали слабо, поэтому инк

модуля переключил видеосистему на другие диапазоны электромагнитного спектра, в том числе на инфракрасный, отчего пейзаж под аппаратом сразу волшебным образом расцвел всеми оттенками красного, оранжевого и желтого цвета.

Конечно, тяготение Шив Кумара не позволяло развиваться на его очень горячей — около тысячи градусов — поверхности каким-либо выдающимся формам рельефа. Виом обзора показывал везде одну и ту же картину: невысокие, до полусотни метров, холмы и гребни и неглубокие долины между ними. Казалось, вся остывающая звезда представляет собой идеальный шар с тонкой сморщенной кожей. Но через полчаса полета впереди показался пологий подъем, сгладивший рябь металлических барханов, и «Садко» вылетел на край уступа, обрывающегося вниз на значительную — километровую глубину.

— Эскарп Злотникова, — объявил инк модуля. — Интрузия диаметром около двухсот километров и глубиной более двух.

— По-моему, это просто метеоритный кратер, — вполголоса заметил Ромашин. — Сюда, наверное, свалился крупный железный болид.

— Сам Злотников, — пошутил Джума.

— Известно, как образовался кратер? — поинтересовался Ромашин.

— Существуют две конкурирующие гипотезы, — отозвался инк. — Первая — высокотемпературный газовый выброс, сопровождающийся оплавлением верхнего слоя звезды и аномально быстрым остыванием. Вторая — падение антисфериды с образованием торового эфирного вихря.

— Во как! — покачал головой Джума Хан. — А гипотеза о падении метеорита даже не рассматривалась?

— Эта гипотеза отброшена после всестороннего обследования феномена.

— А что такое антисферид?

— Сферическая зона с иными метрическими и физическими характеристиками.

Джума озадаченно посмотрел на Игната.

— Ты слышал о таких зонах?

— Краем уха. По-моему, антисфериды — это результат деятельности маатан или даже орилоунов. Надо будет уточнить у специалистов, у Маттера или Соломона.

— Ты ему все прости? Я имею в виду Герхарда.

Ромашин помолчал.

— Мне его жаль. Он несчастный человек, хотя, может быть, и заслуживает такой судьбы.

— Разрешите следовать дальше? — вежливо спросил инк-пилот.

— А что, есть еще что-то интересное? — удивился Джума.

— Пик Япономатери.

— Что это еще за пик?!

— Псевдоравновесная форма кристаллизации полимерного расплава. Высота — двенадцать километров. Обнаружен сто сорок шесть лет назад исследователем Сидоровичем. По легенде, увидев это образование, он воскликнул: «Япономать!»

Джума Хан засмеялся.

Улыбнулся и Ромашин.

— Юмористы.

— Стоит, наверное, посмотреть на эту... мать.

Однако им не суждено было полюбоваться на «псевдоравновесную форму» высотой в двенадцать километров.

Внезапно ландшафт под днищем аппарата покрылся сетью более ярких жил — трещин в коре планеты-звезды. Модуль содрогнулся. Его подняла и опустила странная ударная волна, взломавшая (!) стокилометровую толщу коры.

Среди группы молодежи, с интересом рассматривающей пейзажи Шив Кумара, раздались испуганные возгласы.

— Что случилось? — с заминкойотреагировал на удар Джума.

— Не знаю, — отозвался инк модуля озабоченным тоном. — Вас запрашивает база.

— Слушаю, — сказал Ромашин.

— Игнат, Джума, — раздался в кабине модуля чей-то баритон; в голосе проскальзывали бархатные басовитые модуляции, придающие ему потрясающую глубину, — немедленно возвращайтесь!

— Аристарх? — обрадовался Джума. — Где ты пропадал? Мы уж начали беспокоиться. Что случилось?

— Я Дар Железвич, — представился обладатель голоса. — Началась инициация маатанина, сидящего в центре Шив Кумара. Звезда вот-вот начнет коллапсировать. Вы далеко?

— Километров двести от базы.

— Тогда лучше не теряйте времени, сразу стартуйте на орбиту, я заберу вас оттуда.

Игнат и Джума переглянулись.

— Княжич, — пробормотал Хан, — праправнук Аристарха... как он здесь оказался?

— Потом выясним. — Ромашин оглянулся на компанию молодежи, занимавшую кресла салона. — Загерметизируйтесь на всякий случай. Пилот, сколько мы продержимся в космосе на тех запасах, что у нас есть?

— Энергетически модуль независим, — отозвался инк-пилот модуля. — Вакуумсос еще не выработал свой ресурс. Комплекта НЗ должно хватить на двое суток.

— Врубай форсажный подъем!

— Есть!

«Садко» задрал нос и полез в небо Шив Кумара, набирая скорость. Мощное гравитационное поле коричневого карлика не было для него помехой, пока генератор антигравитации исправно работал.

— Там осталось двадцать четыре человека, — сказал Джума озабоченно. — Как он их эвакуирует? На чем?

Ромашин тоже подумал об этом, сердце было не на месте, на станции осталась жена, и хотелось услышать ее голос, обнять и успокоить.

— Дай связь с базой, — обронил он.

— Слушаю вас, — раздался через несколько секунд знакомый голос инка станции.

— Джил, где там твои подопечные? Позови Дара Железвича.

— Все спустились в отсек метро. Даю связь с отсеком.

Однако праправнук Аристарха Железовского опередил инка, вдруг выйдя на связь в мысленном диапазоне:

«Все в порядке, друзья, не волнуйтесь за своих близких. Я переправлю их на Землю и вернусь за вами. Как далеко вы оторвались от Шив Кумара?»

Джума повернул голову к Ромашину:

— Где мы?

— Двести сорок километров от поверхности звезды, — отозвался инк-пилот.

«Я понял, — прошелестел в головах беглецов мыслеголос Дара Железвича. — В вашем распоряжении около семи минут. Вам надо успеть пересечь границу Шварцшильда. Для

Шив Кумара радиус Шварцшильда равен двум тысячам шестистам шестидесяти километров. Успеете?

— Пилот! — рывкнул Джума. — Мы успеем за семь минут преодолеть две с половиной тысячи километров?

— Только при ускорении в три «g».

— А шпугом ты ходить не умеешь?

— Другие режимы программой не предусмотрены.

— Тогда врубай свои три «g»!

— Слушаюсь!

«Садко» начал двигаться резвее, хотя на самочувствии пассажиров это не сказалось никак. Защитный экран кабины нейтрализовал и гравитацию Шив Кумара, и собственное ускорение модуля.

Поднялись над остывающей звездой на высоту в тысячу километров. Шив Кумар перестал загоразживать половину сферы обзора, превратился в круглую красно-коричневую гору, потом в массивный гладкий шар, испещренный сеточкой чуть более ярких прожилок.

Полторы тысячи километров...

По шару поползли огненные зигзаги — начала трескаться кора коричневого карлика, открывая более разогретые слои.

Тысяча восемьсот километров...

На пятнистой глыбе Шив Кумара вспыхнули яркие точки — словно веснушки на лице мальчишки, испустили лучики желтого и оранжевого света.

— Красиво! — пробормотал Джума.

Точки-«веснушки» погасли. Шар остывающей звезды стал покрываться черными оспинами провалов и ям. Чудовищная сила корчила его, давила, сжимала, изменяя форму: шар превратился в дыню, в грушу, в диск, в связку опят всех оттенков красного цвета, с яркими золотыми корешками и прожилками.

«Садко» уперся в пространство, как в стену! Щупальце силы, сжимающей Шив Кумар, догнало модуль, вцепилось в него мертвой хваткой, затормозило, дернуло к умирающему в судорогах коллапса коричневому карлику.

— Форсаж! — сквозь зубы выговорил Джума. — Полная отдача!

Инк до предела увеличил мощность защитного поля и тягу двигателя.

Модуль, вздрагивая и шатаясь, как человек в состоянии

алкогольного опьянения, снова начал удаляться от коллапсирующей звезды, буквально продираясь сквозь пространство, словно сквозь толщу горных пород.

Ромашин оглянулся на притихших мальчишек и девчонок, ободряюще улыбнулся.

— Держитесь, путешественники, все будет хорошо.

Все яркие точки и жилы на «связке грибов» Шив Кумара внезапно погасли. Несколько мгновений вспыхивали и гасли извилистые багровые и фиолетовые искры, а затем звезды не стало! В один миг! Сжалась в точку, в элементарную частицу, в невидимую дыру, обладающую огромным полем тяготения.

— Фу! — выдохнул Джума, с облегчением откидываясь на спинку кресла. — Я уж, грешным делом, начал молиться.

— Поздравляю с рождением еще одного форпоста Блэкхоул, — раздался в кабине басовитый голос, и в проходе между рядами кресел появился человек в унике. Дар Железвич, праправнук Аристарха Железовского.

Ромашин пристально посмотрел на гостя: показалось, что в голосе княжича проскользнули некие знакомые интонации.

— Как ты нас нашел? — удивился Джума. — Неужели трансфер способен переносить пассажира в любую точку пространства? И каким образом ты вообще здесь оказался?

— Хорошо, что успел, — улыбнулся Дар; и снова Ромашину показалось, что ему з н а к о м а эта улыбка. — Приготовьтесь, я переброшу модуль на Землю.

— Ты и это умеешь?!

— Все вопросы позже.

Звезды, окружающие модуль со всех сторон, погасли.

Спустя неуловимо короткий отрезок времени он вошел в атмосферу Земли, чудесным образом преодолев сто с лишним световых лет за одно мгновение.

ГЛАВА 19

ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...

К великому удивлению Хана и Ромашина, их компанию встретил в лагере князя... сам Аристарх Железовский! Он облапил обоих, чуть не поломав им ребра, прогудел укоризненно:

— Сидели бы на станции вместе со всеми, любители острых ощущений, не пришлось бы за вас переживать.

— Кто же знал, что Шив Кумар по сути является огромной миной? — смущенно почесал затылок Джума. — Мы считали, Майкл все предусмотрел.

— К сожалению, не все. С маатанином, как Клим, он не встречался и не знал о критическом состоянии последнего. Хорошо, что вас вовремя вытащили оттуда.

Ромашин внимательно посмотрел на математика.

— Твой праправнук, безусловно, интрасенс, но... это не его уровень! Он перенес модуль на Землю как пушинку. Что вы скрываете от нас? Откуда у него с и л а?

Аристарх оглянулся на Дара, беседующего с отцом и матерью. Молодой человек в свою очередь тоже оглянулся, оттянул уголки губ, намечая улыбку, как это обычно делал его прапрадед, и Ромашин неожиданно услышал тихий смешок. Хотя никто вокруг не смеялся.

— Всему свое время, — пробурчал человек-гора. — Пойдемте, я представляю вас князю.

Все трое оставили позади модуль «Садко» и шумную компанию подростков и их родителей — родители радовались и переживали больше, чем их пятнадцати-восемнадцатилетние чада, — и направились к главе общины, стоящему в центре толпы прибывших переселенцев и хуторян. Ромашин увидел жену, сдержанно кивнул, делая знак, что у него все в порядке. Джума Хан не удержался, подошел к жене и дочке, прижал их к себе на мгновение.

— Страшно рад вас видеть! Надеюсь, наши беды скоро кончатся.

Он догнал Ромашина, увидел князя и невольно замедлил шаг.

Перед ним стояли трое людей, похожих друг на друга как две капли воды! Князь, его сын и Аристарх Железовский. Лишь возраст Дара выделял его из этой троицы, да и то это отличие не сразу бросалось в глаза.

— Что остановился? — не понял Ромашин.

Джума хмыкнул.

— Никогда прежде не встречал одновременно отца, сына и святого духа.

Ромашин засмеялся.

Улыбнулся и князь, протянул руку.

— Вы Джума Хан? Я Бояр Железвич, князь общины Светорусь. Рад приветствовать вас на нашей земле. К сожалению, мы вынуждены пока ютиться в палатках, жить в походных лагерях, но в скором времени начнем восстанавливать хутора и села, будет где принимать дорогих гостей. Предлагаю сесть за стол и...

Дар прервал отца, положив ему руку на плечо, запрокинул голову к небу, прищурился.

Встреппенулся и Железовский, шевельнул бровями в некотором сомнении, посмотрел на княжича.

— Или это он... или одно из трех.

Князь тоже глянул на небосвод, по которому тянулись струи перистых облаков.

— Я чувствую н а м е р е н и е...

В лесу запела труба.

Дружинники князя схватились за оружие, подтянулись к князю, реагируя на сигнал тревоги.

— Неужели снова «драконы»? — помрачнел Бояр, поднимая вверх кулак и растопыривая пальцы: это был сигнал дружине занять места в боевых летаках. — Ваш друг Мальгин обещал, что они к нам больше не сунутся.

В небе появилась черная точка, начала увеличиваться в размерах, пронзила слой облаков, приобрела очертания огромного паука.

— Все в укрытие! Боригор, поднимай в воздух дружину, отвлеки его...

— Подожди, отец, — сказал Дар. — Люди пусть спрячутся, это правильно, но атаковать Мантоптера не надо.

— Почему?

— Он принял мой вызов.

— Кто?!

— Даниил Шаламов.

Мужчины переглянулись, недоумевая. Только Железовский сохранил свою привычную невозмутимость.

— Откуда ты...

— Уходи, отец, поверь мне. Возможно, сегодня решится наша главная проблема.

Князь несколько мгновений не спускал глаз с лица сына, резко повернулся, махнул рукой:

— Все в лес! Быстрее! Скиба, отвечаешь за детей, Парамон — уводи женщин и стариков. Боригор, жди сигнала!

— Сынок! — прошептала Веселина, прижав к груди ладонь.

Дар шагнул к ней, поцеловал в щеку, подтолкнул к лесу, чего не делал никогда прежде.

— Помоги отцу, мама. Не волнуйся, мы победим.

Лагерь опустел.

На поляне остались стоять только гости из далекого двадцать четвертого века и Дар Железвич.

«Паук» хищно метнулся к лесу, завис над поляной грозной зловещей тенью, налитый угрюмой черной мощью.

Джума покосился на спутников, но не увидел на их лицах ни тени страха или колебаний. Кто бы ни управлял боевой машиной, заставить людей бояться он не смог.

«Паук» резко спикировал на невысокий травянистый холмик, становясь полупрозрачным, выпустил из себя черного человека трехметрового роста.

— Отеллоид?! — вздрогнул Джума.

Лицо гиганта посветлело, претерпело множество трансформаций, пока не стало лицом человека. Лицом Даниила Шаламова с черными, налитыми шалой мутью безумия глазами. Он оглядел группу молча стоящих мужчин, скривил губы.

— Комитет по торжественной встрече, надо полагать? Ну-ну. Только зря этот щенок рассчитывает, что вы поможете ему. Я уничтожу вас всех! Но сначала я преподам ему урок! Он посмел трижды ударить меня! Он посмел бросить мне вызов! Мне — другу Вершителя! Мне — прошедшему огни и воды сотен вселенных! — Шаламов посмотрел на Дара сверху вниз. — На что ты надеешься? Что можешь предложить? Твоя жена у меня. Артефакты у меня. Хроники тоже у меня. Служитель Блэкхоул — со мной! — Шаламов небрежно махнул рукой в сторону «паука», который на краткий миг превратился в прозрачный мантоптерский крейсер. — Что ты вообще можешь противопоставить нам?!

Последние слова Шаламов произнес гулким скрежещущим басом, породившим в лесу звонкое шелкающее эхо.

Дар шагнул вперед, гордо поднимая голову.

— Ты прав, черный. На твоей стороне сила. Чужая сила! На моей стороне только моя воля и уверенность в победе. Я — прав! Ты — нет! Если ты еще способен чувствовать как человек — отпусти своих слуг и пленников, сразись со мной

один на один! Победишь — значит, такова воля Вышнего. Нет — у тебя останется шанс обрести друзей.

— К черту друзей! Кругом одни враги! Но ты меня достал! Я буду убивать тебя медленно, чтобы ты узнал, что такое настоящая боль!

— Я знаю, что такое боль, — глухо проговорил Дар, вдруг покрываясь сеточкой молний. — Жаль, что ты это забыл!

На несколько мгновений наступила тишина.

Из глубины леса прилетали тихие голоса, легкий треск, птичьи трели.

— Он переоценивает свои силы! — быстро сказал Джума Хан. — Шаламов сотрет его в порошок! Это безумие — вызывать его на поединок!

Ромашин нерешительно глянул на Железовского.

— Не вмешивайтесь, — односложно бросил тот, страхи-вая на траву струйки розоватого сияния.

Дар сделал несколько шагов, выходя к центру поляны. Глянул вверх, на мрачную многоногую фигуру «паука», усмехнулся:

— Слабо отказаться от телохранителя? Или ты боишься меня?

Ромашину в очередной раз показалось, что в облике княжича проступают некие знакомые черты, но додумать мысль он не успел. Шаламов с гулким рыком метнулся к противнику, превращаясь в цепочку тающих дымно-прозрачных призраков.

Боем эту продолжавшуюся три с половиной минуты схватку назвать было нельзя.

Противники в совершенстве владели магическими приемами (что для зрителей оказалось сюрпризом, потому что ни Ромашин, ни Джума Хан не предполагали наличие у княжеского сына таких способностей), свободно меняли форму тел, двигались на скоростях, близких к наносекундному интервалу, оперировали силовыми полями, пространством и временем и практически выпали из поля зрения свидетелей схватки (кроме Железовского), лишь изредка проявляясь как некие текучие тени и сущности.

Сначала Шаламов попытался осилить соперника в физическом плане.

В бытность свою спасателем он был неплохим рукопашником, вместе с Мальгиным учился у одного и того же вели-

колепного мастера русбоя и считал себя едва ли не единственным хранителем этой школы боевого мастерства. Нанесенные молодым княжичем удары, о которых он упоминал, уязвили Даниила, заставили вспомнить все приемы и схемы русбоя, если так можно было называть «паутину» силовых линий, диктующих сопернику волю бойца. Однако Дара Железвича не зря называли мастером жизни. Он жил в пространстве боя так же свободно и раскованно, как и в любой другой обстановке. Любое движение противника не становилось для него неожиданностью, он видел развитие событий и предвидел намерения противника, да и силой Господь его не обидел. Поэтому ни один прием Шаламова не прошел. Мало того, Даниил дважды получил чувствительные затрещины, ослепившие его, и начал злиться, понимая, что уступает противнику по всем параметрам. Пропустив еще один удар, отбросивший его к берегу недалекой речки, Шаламов перешел на «черное сознание» (когда человеческое «я» в нем теряло контроль над телом, из глубин психики всплывало сознание маатанина, логика которого была далека от человеческой) и включил другие уровни владения реальностью.

Из черного гиганта-отеллоида он вдруг превратился в странное существо — полузверя-получеловека, способного одним ударом когтистой лапы раздробить камень. Лишь лицо его сохранило человеческие черты, да и то частично. Тело же выросло вдвое и теперь сочетало в себе признаки тигра, рептилии и хищной птицы.

Дара не смутило это превращение. Он по-прежнему сохранял человеческий облик, хотя и подрос до трех метров; уник на нем сидел как вторая кожа, хотя зрители невольно ожидали увидеть, что костюм лопнет.

Противники сошлись сверкающими вихрями, оставляя за собой цепочки тающих призраков. Длилось это вспыхивающее призрачное движение недолго. Шаламов понял, что не получил явного преимущества и перешел в состояние локального оперирования физическими законами.

Поляну накрыла зона аномального похолодания.

Зрители вынуждены были отступить к лесу, так как температура в районе схватки магов опустилась до минус шестидесяти градусов Цельсия. Деревья начали гулко трещать и

лопаться, не выдерживая столь резких перепадов температуры.

— Он его заморозит! — встревожился Джума Хан, увеличивая обогрев костюма. — Пора вмешаться!

— Спокойно, дружище, — прогудел Железовский, наблюдая за боем, — еще не время.

Тело Дара засветилось, вокруг него образовалась вуаль розоватого свечения, роняющая при движении капли и струйки света на пожухлую траву.

Шаламов — жуткая, лоснящаяся чернотой глыба, меняющая форму в зависимости от каких-то внутренних потребностей и процессов, — метнул в противника язык бело-голубого пламени.

Дар выставил вперед ладонь, и язык пламени наткнулся на невидимый силовой щит, отразился от него, проделал в почве длинный оплавленный ров.

Тогда Шаламов вырастил из руки лезвие меча, взмахнул им, и меч превратился в свистящее прозрачно-огненное полотнище, снесшее в ста метрах от сражающихся вершины сосен и елей.

Дар не стал отбивать этот выпад — прыгнул вверх, пропуская полотнище-лезвие «меча» под собой, выбросил в сторону противника кулак. И это движение породило судорогу пространства, видимую как струя нагретого до высоких температур воздуха. Струя вонзилась в глыбистое черное тело Шаламова, сшибла с него шипы, рога и чешуи, заставила отступить.

Зато «паук» тут же рванулся вниз, превращаясь в прозрачное струение воздуха, метнул в центр поляны сгусток радужного огня. Сгусток накрыл Дара, сжег траву, расплавил землю... но княжич остался цел и невредим! Туго толкнул воздух от себя, и телохранителя Шаламова и одновременно эмиссара йихаллах отбросило в сторону энергетическим ударом.

Дар оглянулся. Глаза его сияли, в них плавилась гнев и тревога.

— Отвлеките этого паукообразного монстра! Я должен сосредоточиться на Дане! Он не подпускает меня близко!

Бесформенно-текучая глыба Шаламова обрела очертания когтисто-крылатого зверя, метнула в противника с десятков шипящих ослепительно синих молний.

Дар увернулся, ответил своим силовым тараном, прерывая атаку противника.

Паук-телохранитель Шаламова пришел в себя, спикировал на поляну, выцеливая Дара. Но добиться результата ему помешали огненные трассы, протянувшиеся со стороны леса: «секунданты» княжича дружно открыли стрельбу из всего имевшегося у них в наличии оружия.

Выстрелы из «универсалов» не оказали никакого воздействия на чудовищное творение неизвестных конструкторов, зато разряд глюка заставил его изменить траекторию движения и резко подскочить вверх. Какой бы мощью паук ни обладал, привидением он не был и явно «обиделся», получив неприятный энергетический ожог.

— Мы с вами! — раздался за спинами Хана и Ромашина голос князя. — Разрешите присоединиться?

— Сосредоточьте огонь на том летающем осьминоге! — кивнул на поляну Железовский. — Только не стойте на месте, маневрируйте.

Князь оглянулся на высыпавших вслед за ним из леса дружинников:

— Цель — осьминог! Огонь!

Засверкали молнии, лазерные лучи и клинки аннигиляторов.

Поляну накрыла сеть яростного пламени, не позволяя гигантскому пауку вмешаться в поединок двух магов. Тогда он обратил свое внимание на тех, кто ограничил ему свободу маневра.

Что за оружие он применил — осталось тайной.

Первый же удар — по нервам людей словно стегнули крапивой! — накрыл гигантскую сосну, за которой прятались двое дружинников общины. Сосна буквально взорвалась изнутри, по всей длине ствола! Во все стороны с жутким воем, фырчанием и дребезжанием полетела щепа, острые деревянные перья и осколки! Если бы не защитные костюмы, дружинники были бы изрешечены сосновыми «снарядами», но и без того им досталось крепко. Оба получили сильнейшую контузию и многочисленные ранения в голову. Один из них скончался почти мгновенно, второй потерял сознание и выбыл из боя.

Спрут прошелся по краю поляны, нанося невидимые, но эффектные удары своим «молотом», взрывая деревья, кам-

ни, людей — все, что попадалось на пути. Защиты от этих силовых выпадов не существовало. Любое материальное тело, попадая под разряд неведомого поля, начинало распадаться на атомы, и эта реакция протекала так быстро, что происходил мощный взрыв.

— Маневрируйте! — прокричал князь в микрофон рации. — Не останавливайтесь!

— Мы с ним не справимся! — скороговоркой произнес Джума Хан, обращаясь к Железовскому; он, как и все, стрелял и тут же менял позицию. — Надо отступать! Он перебьет нас одного за другим!

— Отходите! — скомандовал Аристарх.

— А ты?

— Я еще побегаю.

— Тогда и мы останемся!

Над лесом внезапно возникла сверкающая радуга, оконтурила какую-то туманно-бликующую фигуру. В головах землян прозвучал знакомый мыслеголос:

«Что тут происходит?»

— Майкл! — обрадовался Джума Хан. — Вовремя же ты, однако! Помоги отогнать этого многолапого уroda! Иначе мы все погибнем! Видишь, что творится?

«Кто с кем сражается на поляне?»

— Дар Железвич и Шаламов.

«Они оперируют физикой! Этот Дар так развит?»

— Подключайся, потом обсудим его данные.

Висящая в воздухе фигура Лондона скачком выросла в размерах, оставаясь огненно-прозрачной, мерцающей, бесплотной. Бывший комиссар Службы безопасности тоже владел приемами магии и теперь демонстрировал свои возможности.

Спрут метнул в него разряд поля, взрывающего предметы изнутри.

Фигура Лондона покрылась сыпью искр, расплылась на доли секунды сверкающим облаком и тут же вернула прежние очертания. Майкл опустился на землю, сделал два шага, вырастая еще больше, до высоты сосен и елей, махнул огромной туманно-сверкающей рукой.

Раздался низкий плотный свист, перекрывший шум боя.

Гигантского паука смяла чудовищная сила, отшвырнула прочь, как воздушный шарик порывом ветра.

Проводив его взглядом, великан Лондон повернулся лицом к поляне, где сражались два равных по силе человека, два бывших друга, два мага, способные изменять законы физики.

Собственно, поляна уже не выглядела мирным зеленым уголком природы, располагающим к отдыху и философскому размышлению. Она превратилась в дымящийся, обугленный, исчерченный рвами и ямами кратер вулкана, в центре которого вспыхивали и гасли молнии, возникали и пропадали столбы дыма и огня, крутились прозрачно-туманные вихри, изредка превращаясь в знакомые фигуры людей или в дикий существа.

— Останови их! — крикнул Железовский таким мощным басом, что его услышали все.

Лондон оглянулся на не торопившегося возвращаться к месту схватки паука, шагнул к центру поляны.

Дружинники и гости из двадцать четвертого века прекратили стрельбу, затаили дыхание.

Лондон вытянул вперед руки, с которых веером сорвались красивые ажурные световые вуали.

— Прекратите!

Это был даже не голос — акустический удар! Он потряс воздух, землю, лес, заставил людей схватиться за уши. Гулкое раскатистое эхо дважды прокаркало: ...кратите!.. тите!.. — и наступила тишина.

Остановились и бойцы, в п а д а я из реальности боя.

Шаламов перестал закручивать вокруг себя спирали энергии, на несколько мгновений обрел почти человеческий облик — странная фигура, покрытая кристаллической пылью, с пятью руками, с выпуклостями вместо ног, черная голова с шапкой белых волос, черные глаза, мечущие свирепое пламя.

Дар Железвич тоже замер — не менее странная зыбкая фигура, то и дело распадающаяся на два призрачных силуэта.

— Прекратите! — повторил великан Лондон тем же потрясающим голосом.

Шаламов оскалился, поднимая голову, собираясь то ли ответить на призыв, то ли устранить неожиданную помеху. И в этот миг один из почти невидимых силуэтов-двойников

Дара стрелой метнулся к Шаламову, вонзился в его тело, пропал. А вслед за этим исчез и сам Даниил!

Короткая судорога потрясла пространство поляны, про шумел морозный ветер, из-за резкого похолодания в воздухе замелькали снежинки.

Чудовищный паук, приблизившийся к району боя с намерением помочь своему напарнику-господину, отреагировал на его исчезновение вполне разумно: остановился в раздумье, то уплотняясь до стеклянного блеска, то становясь почти невидимым, и прыгнул в небо, скрывшись за тучами.

Пятиметровое тело Дара скачком обрело прежние габариты, он упал на колени, внезапно ослабев, будто из него вынули сердце и душу.

Железовский бросился к нему, огромными прыжками пересек поляну, подхватил молодого княжича на руки.

— Держись, правнук! Все кончено!

Подбежали остальные. Лондон перестал подпирать макушкой облака, в два приема уменьшился в росте до своих обычных человеческих размеров, подошел к расступившейся группе друзей и дружинников князя. Оглядел бледное до синевы осунувшееся лицо парня с черными кругами под глазами.

— Не ожидал, что ты справишься. Чья идея?

— Клима, — проворчал Железовский, помогая Дару встать.

— В чем дело? — осведомился Джума Хан. — О чем вы? Что за секреты?

— Клим внедрил свою психоматрицу в подсознание Дара. Парень молодец, выдержал.

— Зачем это понадобилось?

— Иначе к Шаламову было не подступить. Дар вызвал его на поединок, чтобы тот потерял бдительность, раскрылся и позволил Климу пробиться в его психику.

— Зачем?

— Он надеется каким-то образом вылечить его.

Джума оглянулся на Ромашина.

— Ты знал?

— Нет.

— Знал только я, — сказал Железовский.

— Я тоже, — добавил князь, поддерживая сына за локоть с другой стороны.

— И что теперь будет? Куда они исчезли? Где их искать?

Вопрос повис в воздухе. Никто не знал, как на него ответить, даже Майкл Лондон, видящий суть вещей.

ГЛАВА 20

ХИРУРГ И ЗВЕРЬ

Ощущение было как после прыжка в море с высокой скалы: недолгий стремительный полет, удар, обжигающе холодная вода, погружение во мрак, возрастающее давление на уши, нехватка кислорода в легких, остановка сердца...

Смена ощущений.

Он мчится по тоннелю с пульсирующими раскаленными стенами, объятый пламенем, как болид, ворвавшийся в атмосферу планеты с космической скоростью. Стены тоннеля сжимаются, грозя раздавить летящего, в них раскрываются более темные ниши и тоннели, всасывающие в себя воздух, как глотки исполинских змей. Тоннель сузился до толщины кишки, стал шершавым и колючим как терка, сдирая с летящего кожу.

Мальгин напрягся, освобождая сознание от колоссального давления чужой воли, пытавшейся остановить его, и «катапульта» собственной воли выбросила его в сумеречный мир психики Шаламова. Все-таки он пробился сквозь деформированное поле ориентаций и ощущений Даниила, сквозь панцирь ложных ценностей и неправильно выбранных целей.

Серая холмистая равнина, близкий горизонт, серо-зеленое слоистое небо, столбики испарений, странные белесые образования, погруженные в почву, похожие на скелеты динозавров.

Холмы представляли собой нейросеть мозга Шаламова, хранящую основные блоки памяти, столбики испарений — дислокации памяти, пытавшейся поддерживать оптимальные процессы, «скелеты динозавров» — те файлы памяти, которые уже почти невозможно было восстановить.

Удар!

Равнина содрогнулась, в небо ударили фонтаны подсвеченного изнутри дыма. Один из ближайших холмов раскрывлся лепестками тюльпана, из него вылез огромный пят-

нистый зверь с почти человеческой головой. На морде зверя лежала печать мрачной угрозы, добавлявшая сходства с лицом Шаламова. Он раскрыл клыкастую пасть, прорычал, глядя на человека сверху вниз:

— Ты перешел границу, Клим! Неужели надеешься справиться со мной в н у т р и меня?! Мне ничего не стоит «переварить» тебя, сделать на всю жизнь зависимой частью себя, дополнительным органом чувств. Уходи, пока я еще себя контролирую!

Мальгин, не торопясь, подогнал свой рост под рост зверя, одновременно изучая обстановку всеми доступными методами. «Равнина» представляла собой переходную зону между сознанием и подсознанием Даниила, и, чтобы пройти дальше — в область этических императивов, управляющих поступками Шаламова, и отключить цепь влияния «черного знания» — наследия маатан, надо было преодолеть большое воображение пациента и его мощную волю.

— Давай поговорим.

— Нам не о чем разговаривать!

— Ошибаешься. Ты все еще больше человек, нежели негуман, хотя и натворил дел.

— Я зверь! Человек Дан Шаламов умер!

— Пока ты способен чувствовать тоску и боль, человек в тебе не умер. Освободись от памяти черных людей, я помогу тебе, вместе мы победим зверя!

— Зачем? Мне хорошо и так.

— Тебе очень плохо! Именно поэтому ты мечешься между «да» и «нет», «хорошо» и «плохо», «люблю» и «ненавижу». Система Блэкхоул, подчинившая тебя, не сомневается в правильности своих действий, для нее не существует помех на пути достижения цели, даже если эта цель противоречит законам жизни. Ты же — сомневаешься, потому и совершаешь ошибки. Похищение моей дочери — абсолютно глупая детская ошибка! Неужели ты этого не понимаешь?

Зверь оскалился, напряг лапы, словно собирался прыгнуть на собеседника.

— Она жива.

— Она носит в себе ребенка! Отпусти их! Будь выше желаний, не возводи свое «хочу» в ранг закона.

— Я покажу ей н а с т о я щ у ю Вселенную, бесконечное Древо Миров, она будет счастлива.

— Без любимого человека она не будет счастлива никогда! Но если уж ты такой хороший воспитатель, учитель и гид, зачем спасаешь нашу Мета вселенную, причем — путем уничтожения Солнца? Ведь подобных Миров много.

— Тебе не понять. Это моя Вселенная!

— И моя тоже. И бесчисленного количества тех, кто ее населяет. Но спасти ее ценой гибели человечества, родившего и воспитавшего тебя, неправильно! Это черная логика! Логика дьявола!

— Вот и отступись, уйти, не мешай мне, я все равно делаю то, что начал!

— Это глупо.

— Ты всегда считал меня глупцом, — хихикнул зверь, на миг обретая человеческие черты. — Так что ничего не изменилось.

— Я не считал тебя глупцом и не считаю. Купава не ушла бы к дураку, а ты до сих пор носишь в себе обиду, что она вернулась ко мне.

— Это ты сделал меня чудовищем в ее глазах!

— Ничего подобного. Каждый человек выбирает свою дорогу в меру ответственности и амбиций. Твой выбор был неверен. Как говорил классик двести лет назад: потеряв цель и надежду, человек с тоски обращается нередко в чудовище.

— Я не потерял цель!

— Ты поставил перед собой ложную цель и возвел ее в ранг абсолюта! Я могу помочь тебе избавиться от этого.

— Благодарю покорно. — Зверь сделал реверанс, снова превращаясь в зыбкую колеблющуюся человеческую фигуру. — Как-нибудь обойдусь. Ты и раньше доставал меня своей правильностью и убежденностью, и сейчас достаешь. Не надоело быть апостолом, корчить из себя ангела?

— Я далеко не ангел, — Мальгин улыбнулся, — и, конечно же, не апостол. Спорить не буду. Хотя могу и поспорить, если ты не против.

— Издеваешься?

— Ничуть.

— Тогда чему улыбаешься?

— Вспомнил шутку: если споришь с идиотом, вероятно, он делает то же самое.

— Кто же из нас идиот?

— А ты как думаешь?

Шаламов изогнул спину, становясь зверем, зашипел, прыгнул к Мальгину, открывая пасть, забыв об осторожности, раскрылся, и Клим поймал его на движении — превратился в летящую стрелу, вонзился в глотку зверя!

Рев!

Взрыв ощущений!

Удар о стену! Грохот разлетающейся кладки! Свет в глаза...

Он оказался на вершине сверкающего бело-голубым блеском айсберга!

Ослепительно синее море, ледяные столбы и горы, ансамбли ажурных снежных конструкций, черно-фиолетовое небо с огромным диском какой-то планеты, летящие по воздуху клочья пены...

Еще одна стена, разрезающая море и небо пополам, тускло блестящая, то ли металлическая, то ли ледяная. Главная стена, отделяющая человеческое в психике Шаламова от нечеловеческого. И ни одной двери! Лишь некие контуры, кольцевые выступы, вдавленные окружности — намеки на проходы, некогда соединявшие две половинки души бывшего спасателя.

Впрочем, одна из окружностей слабо мерцает, и стена внутри нее почти прозрачна. Может быть, эту дверь еще можно открыть?..

Удар! Чудовищный рев!

С неба к стене спикировал огненный дракон, повернулся мордой к айсбергу с человеком на нем.

— Тебе не пройти, Клим! Отступись! Иначе я тебя уничтожу!

Мальгина накрыл язык оранжево-золотого пламени. Боль обожгла все тело, проникла в голову, в сердце, в позвоночник. Кожа начала гореть, съеживаться, трескаться, распадаться на чешуи и хлопья сажу. Не кожа, конечно, кожа и тело остались на Земле как матрица интеллектоносителя, в этом мире Мальгин существовал в виде сгустка вибраций, и энергоудар Шаламова сдул-сжег только первый иерархический слой сгустка — его «кожу».

Айсберг под ногами затрещал, оплыл, начал таять, распадаться на глыбы, бурно клокоча паром и струями воды.

Мальгин метнул в дракона струю воды.

Коснувшись огненных чешуй драконьего тела, вода вскипела фонтаном пара. Дракон от неожиданности отпрянул, хлопнул крыльями, пытаясь выбраться из облака пара. Мальгин снова поймал его на движении и, как снаряд, вонзился в голову дракона, развернул ее «взрывом» изнутри, заставляя противника собирать свои «мозги» — осколки сознания. Метнулся к стене с полупрозрачным окном — входом в самые потаенные зоны психики бывшего спасателя.

Дракон сзади взревел, обнаружив, что противник провел его в очередной раз, кинулся вдогонку, метнул язык огня.

Понимая, что сил может не хватить, Мальгин ударился о преграду всем телом...

и вывалился в слабо освещенный мрачный зал с готическими сводами и колоннадой. Стены, пол и потолок зала были сложены из огромных каменных блоков, а колонны представляли собой черные лоснящиеся бугристые столбы. Чем-то они здорово смахивали на туловища маатан.

Мальгин оглянулся.

В стене позади него медленно затягивалось мутью круглое окно. Исчезло, превращаясь в каменную кладку. Дракон ненависти и злобы Шаламова остался «на той стороне» его внутреннего мира.

Мальгин вздохнул с облегчением: на новую схватку с Даниилом сил уже не осталось, — прошелся по залу, восстанавливая энергетику, с любопытством озираясь.

Зал был пуст, но кто-то смотрел на человека со всех сторон, сверху, снизу, смотрел тяжело и неприветливо, и Мальгин снова напрягся. Он находился не в созданном людьми или другими существами материальном мире, а в н у т р и психосферы Шаламова. «Зал» и вся его атрибутика были созданы воображением гостя под воздействием пси-атмосферы хозяина. Таким сознание Клима видело и ощущало внутренний «бункер» души Даниила, спрятанный на самом «дне» психики.

Что-то мешало ходить по залу свободно.

Мальгин перевел взгляд вниз и увидел... шипасто-перистые мослы и копыта! Озадаченно покачал головой, посмотрел на руки: когтистые, поросшие черной шерстью лапы...

Бог ты мой! Он сам чуть не превратился в зверя, сражаясь с дьявольским внушением Шаламова! А если бы бой

продолжился еще пару минут? Кем бы он стал? Чертом, дьяволом?..

Клим сосредоточился на восстановлении прежнего морально-этического контроля собственного «я», «смысл» с тела налет чужой «пси-грязи». Нижние конечности с копытами превратились в ноги, верхние — в руки. Посмотреть бы на себя со стороны...

Напротив столкнулся из воздуха зеркальный прямоугольник. На Мальгина взглянул он сам в наряде древнерусского витязя, только без шлема. Бледное лицо, горящие глаза... а разрез глаз не его — Даниила. Все-таки на тело «налипло» кое-что из характерных черт бывшего друга, пока Клим продирался сквозь «заросли» его чувств, мыслей и желаний.

Зал искривила тихая судорога.

Одна из колонн оплыла бесформенной глыбой, покрылась шубой фиолетовых искр, превратилась в живого маатанина, каких Клим немало повидал на своем веку. Над куполом псевдоголовы черного человека развернулся алый «плюмаж», распался на бегущие и гаснущие буквы земного языка:

— Зачем ты пришел, Вершитель?

— Я не Вершитель, — ответил Мальгин.

— Ты Вершитель.

— Пусть будет по-твоему.

— Что ты собираешься делать?

— Нейтрализовать «черное знание» моего друга.

— Не понимаю.

— Я хочу вылечить его, вы мешаете ему жить нормальной жизнью.

— Что такое нормальная жизнь?

— Долго объяснять. Да и не поймете вы ничего.

— Разве он болен?

— Он болен вами.

— Я всего лишь память...

— Ты вирус, мешающий ему думать и мыслить самостоятельно.

— Мышление — это высшая форма отражения объективной реальности, состоящая в целенаправленном, опосредствованном и обобщенном познании субъектом связей и отношений предметов и явлений...

— Остановись!

— ...в создании новых идей, в прогнозировании событий и действий, — закончил черный человек.

— Отлично! — похвалил его Мальгин с иронией. — Ты неплохо освоил лексикон хозяина. Только дело в том, что в твоём присутствии он не нуждается. Ты мешаешь ему. Ты и твой клон. — Мальгин кивнул на колоннаду. — Вы хорошо устроились в этом пространстве, даже создали свой «замок», откуда управляете хозяином, когда он пытается быть самостоятельным. Но вы здесь лишние!

— Это решать не тебе.

— Теперь — мне! — Мальгин вытянул вперед ладонь. — Сегодня я хирург, а ты — злокачественная опухоль, которую надо срочно удалить!

— Подожди...

Рука Мальгина превратилась в поток радужных световых лучей, который вонзился в тело маатанина (на самом деле «скальпель» воли Клима отсекал, стирал файл чужой памяти в подсознании Шаламова) и разнес его на тающие черные брызги.

Внутренности замка потрясла вибрация. По стенам пробежала волна искривления.

С отчетливым мокрым всплеском на пол рухнула ближайшая колонна, расплылась лужей, из которой сформировался очередной черный человек — в форме носорога. Зашевелились и другие колонны, почуяв угрозу своему «вирусному» бытию.

Мальгин понял, что времени у него мало, заторопился. Двумя взмахами светового «меча» развалил бросившегося на него «носорога», затем «каракатицу» рядом. Остальные черные люди, преобразившись в разного рода существ, набросились на него со всех сторон, метнув ручки черной субстанции, пытаясь обхватить врага, лишить свободы маневра, задавить, вклеить в черное месиво чужеродной информации.

Взмах «меча» — шипение, клочотание, свист, бурные фонтаны испарений, чьи-то почти неслышимые вопли...

Еще один удар — кипение, взрыв, клочья во все стороны...

На плечи, на руки, на шею упали черные щупальца, тело свело электрическим разрядом.

Мальгин закрутился волчком, отрубая щупальца, достал какого-то зверя, разбрызгал по залу.

Голова закружилась, сознание начало меркнуть.

Понимая, что пора выбираться из бездн души Даниила, Мальгин превратился в световое копьё, пробил стену зала...

Бездонная пропасть! Мрак! Ни одного огонька! Куда теперь?!

Слабый стон коснулся слуха... Нет, не стон — мысленный зов. Так когда-то звала его дочь, совсем крохотная, еще не умеющая говорить...

— Дарья! — прошептал он, не слыша своего голоса. — Купава...

Звездочка просияла в невообразимой дали.

Туда!

Мальгин рванулся изо всех сил...

...и бездыханный вывалился в красно-коричневую пещеру с гладко-бугристыми стенами. Озарение сработало мгновенно: он очутился на борту крейсера мантоптеров, который в настоящий момент висел всего в ста сорока тысячах километров от Солнца, развернувшись носом к черной дыре эйн-софа. Словно собирался нырнуть в него.

Впрочем, понимание ситуации пришло чуть позже. Главным объектом, а также источником нервного напряжения был человекозверь напротив — Даниил Шаламов. Больше человек, чем зверь. Но все же бывшему спасателю не удалось сбросить с себя личину зверя. Хирургическая операция на психоматрице Шаламова не дала положительного результата. Он все еще чувствовал и мыслил как... может быть, и не как зверь, но — как маатанин. Или почти как маатанин, имеющий свою — патологически отрицающую человеческое — систему ценностей.

— Ты обманул меня! — прорычал он.

— Я пытался спасти тебя! — выдохнул Мальгин.

— От чего?

— Не от чего — от кого. От тебя самого. Жаль, что мне это не удалось.

— Ты сделал мне больно!

— Прости, не хотел. Иногда стоит пройти через боль, чтобы понять, поверить, простить и вернуться.

— Куда?

— К друзьям.

— Мои друзья там. — Шаламов отступил в сторону, и Мальгин увидел висящие в воздухе светящиеся прямоуголь-

ники картин. Это были развернутые хроники, хроносрезы. Или, как утверждал Герхард Маттер, открытые входы в черную дыру.

— Там ты перестанешь быть личностью.

— Разве это имеет значение?

— А что для тебя имеет значение?

Шаламов перестал плыть и корчиться, переходить из формы в форму. На короткое время он снова стал человеком. На лице его отразились сомнения, сожаление, тоска и горечь.

— Когда-то имело значение — любят меня или нет.

— Это исправимо.

— Поздно, друг мой, поздно! Я где-то потерял себя и наделал слишком много ошибок. Назад возврата нет.

По телу Даниила прошла волна перестройки, встопоршились и опали черные чешуи. Было видно, что он с трудом удерживает себя на грани безумия.

— Уходи! — Шаламов сделал шаг назад, еще шаг. — И прощай.

— Подожди, — протянул руку Мальгин. — Где моя дочь?

— Там, где царит вечное черное время, — указал на картину с инопланетным пейзажем Шаламов. — Она ждет меня. Одному мне было бы тоскливо... и страшно.

Мальгин потемнел.

— Ты заставил... вопреки ее воле?!

Шаламов оскалился, снова превращаясь в получеловека-полузверя.

— В конце концов, я псинеур, как вы меня называете между собой, и не несу ответственности за свои поступки. Попробуй остановить меня, если сможешь.

Шаламов коснулся рукой среза картины. По ее глади пробежала кольцевая световая волна, картина раскрылась, как настоящее окно.

— Нет! — крикнул Мальгин, бросаясь вперед.

Шаламов рассмеялся и нырнул в это окно, как в воду.

Но картина-хроник не успела закрыться за ним. В последний миг Мальгин прыгнул вперед и пересек границу хроносреза почти одновременно с Шаламовым.

Вход в иную реальность, называемую черной дырой, так и остался открытым...

ВЫБИРАЮ ЖИЗНЬ

Невидимые шупальца сжимали грудь, горло, душили, держали за руки и за ноги, он отбивался, молча и яростно...

продирался сквозь колючие заросли неведомого леса, царапая кожу, невзирая на боль...

дрался с кем-то, кого не видел, но ощущал скользкой черной тварью...

проваливался в трясины, выбирался на твердую почву, снова проваливался, но упорно шел вперед, руководствуясь не разумом, но инстинктом...

преодолевал рвы с ледяной водой, нырял сквозь огненные стены, снова отдирая от себя чьи-то липкие упругие шупальца...

и слышал далекий-далекий голос:

— Да-а-а-р!..

Вскинулся, тараща глаза в темноту:

— Даша!

Его держали за руки мама и громадный человек, в котором он с трудом признал прапрадеда.

— А-а... это вы... — Дар успокоился, расслабился, прилег на кровать. — Где я?

— В палатке, сынок, мы тут рядом. Ты бредил...

— Сил много потерял, — пробасил Железовский. — Ничего, я тебя чуть почистил, скоро войдешь в норму.

Дар вспомнил голос жены, снова подхватился, сел.

— Я слышал голос Даши...

Веселина и Аристарх переглянулись.

— Тебе показалось.

— Нет! Я знаю, где она!

— Ты уверен?

В комнатку заглянули Джума Хан, Ромашин и князь.

— Что тут у вас?

— Существует только одно место, — продолжал Дар, — абсолютно независимое, видимое издалека, известное всем и одновременно скрытое от всех...

— Эйнсоф! — закончил Железовский в наступившей тишине.

— Да, эйнсоф! Шаламов спрятал Дашу там!

— Это всего лишь твое предположение... — начал Джума.

— Я з н а ю! — тихо возразил Дар.

Мужчины обменялись многозначительными взглядами.

— Верьте ему, — проговорила Веселина, сжав руки. — Если он утверждает, что знает, значит, действительно з н а е т!

— Что будем делать? — посмотрел на Железовского Ромашин.

— Проверим, — отозвался человек-гора.

— Как?

— Есть идея, — пробормотал Дар. — У меня сохранился «осиный» нож. Можно добраться до эйнсофа на нем.

— Хорошо, допустим, мы доберемся до эйнсофа. Что дальше?

Дар и Аристарх посмотрели друг на друга.

— Там будет видно, — пробасил Железовский уверенно.

Джума Хан криво улыбнулся.

— План изумляет своей простотой. Что скажешь, Майкл?

В спальню, раздвинув остальных, вошел Майкл Лондон, ошупал лицо княжича прищуренными глазами.

— Пожалуй, я поддержу этот план. Возможно, парень прав. Шаламов не мог убежать далеко с таким грузом, каким стал для него Клим. К тому же я чувствую некие странные колебания...

— Раскрывай нож, — кивнул Дару Железовский. — Помочь?

— Не надо. — Дар встал, поддерживаемый матерью.

— Отдохнули бы немного, воины, — робко предложила Веселина. — Поели бы сначала, я быстро приготовлю...

— Некогда, мама, — твердо сказал Дар. — Вернемся с Дашей и ее отцом, отдохнем.

Все гурьбой вышли из палатки, направились сквозь толпу хуторян и беглецов к опушке леса.

— Я пойду с вами, — сказал присоединившийся к делегации князь. — Не будете возражать?

— И я, — добавил Ромашин.

— А я что — рыжий? — усмехнулся Джума.

— Места хватит всем, — сказал Железовский. — Хотя особого толку ждать от тебя не приходится.

— Спасибо за добрые слова.

— Пожалуйста.

Вышли на край выжженной и перепаханной недавним боем магов поляны.

— Дальше я пойду один, — оглянулся Дар. — Отойдите подальше.

Дружинники князя, хуторяне, пришельцы из двадцать четвертого века — старики, женщины и дети послушно отступили в глубь леса. На опушке остался один Аристарх. Подмигнул молодому человеку.

— Смелее.

Дар выпрямился, глубоко вздохнул, преодолевая слабость, побрел к центру поляны. Нашел почерневший, потрепавшийся валун, положил на него нож.

Некоторое время ничего не происходило.

Лишь вран, пролетавший над поляной, вдруг подался в сторону, словно почувствовал, что сейчас произойдет нечто необычное.

Дар отступил назад и припустил бегом к опушке леса.

Нож засиял, как загоревшаяся ветка дерева, скачком вырос в размерах. Еще и еще раз. Когда княжич добрался до леса, нож окончательно приобрел размеры и форму боевого крейсера галиктов.

— Отлично! — похлопал правнука по плечу Железовский. — С такой машиной можно и в эйнсоф нырнуть.

— Ты... вы шутите?

— Нисколько. Можешь на меня рассчитывать.

Дар в порыве благодарности сжал локоть Аристарха. Лицо его порозовело, в глазах зажглась искра надежды.

— Спасибо, дед!

— Не за что, — усмехнулся Железовский.

Из леса высыпали хуторяне и беглецы, разглядывая дымящуюся гору космического корабля с опаской и восхищением. В борту корабля открылся люк.

— Садимся, — сделал приглашающий жест Аристарх.

Лондон, Джума, Ромашин и князь направились к кораблю.

— Может быть, мы тоже пойдем с вами? — остановили Железовского Забава с ребенком на руках и измученная неизвестностью Купава.

— Нет, — качнул головой Аристарх, — ждите с остальными, всем требуется ваше присутствие. Мы вернемся.

— Будь осторожен. — Забава поцеловала мужа в щеку.

— Насколько это будет возможно, — ответил он, поше-

котал у малыша за ушком. — Не куксись, Вершитель, кончится черное время, и мы с тобой славно заживем. Береги маму.

— Найди Клима, умоляю! — прошептала Купава, зябко вздрагивая от волнения. — И Дашу...

— Найду! — уверенно пообещал Железовский. Помахал рукой остающимся, направился к люку.

Люк закрылся.

Громада «осиного» крейсера шевельнулась, как живая, и с гулом и свистом прыгнула в темнеющее небо.

* * *

Вопреки общим ожиданиям мантиоптерский флот над эйнсофом практически отсутствовал. Точнее, в ста сорока тысячах километров от фотосферы Солнца, напротив эйнсофа, висел всего лишь один «дракон», да и тот выглядел так, будто внутри него произошел мощный взрыв. Крейсера мантиоптеров и без того выглядели устрашающе — как хищные птероящеры, растопырившие крылья, когти, шипы и острые наросты. Этот корабль напоминал надувшегося и едва не лопнувшего морского ежа.

В рубке «осиного» космолета раздался голос Дара:

— Они здесь!

Мужчины, занимавшие ячеи экипажа, промолчали, не спеша возражать молодому княжичу. Все видели одну и ту же картину: багрово-вишневую, с более яркими зернами и темными пятнами стену Солнца и колющий шарик мантиоптерского «дракона». Эйнсоф почему-то виден не был. Вернее, изредка в колоссальной стене ядерного солнечного пламени проглядывала необычной конфигурации кружевная тень. Внутри нее и прятался «бесконечномерный объект», ставший предметом конфликта между системой Блэкхоул и человечеством в лице его защитников-интрасенсов.

— Майкл? — позвал Джума.

— Не знаю, что это такое, — откликнулся Лондон, — однако я чую запах иного мира. Пожалуй, придется проверить, что или кто прячется внутри этого обожравшегося динозавра.

— Я с вами! — вылез из ячеи Дар.

— Мы все пойдем, — сказал Джума.

— Это нецелесообразно, — возразил Лондон. — Кто-то должен остаться на корабле, для подстраховки.

— Идите вдвоем, — пробурчал Железовский. — Мы подождем. Если что — дадите сигнал.

Лондон посмотрел на спутника.

— Ты готов?

— Я пойду первым! — быстро сказал Дар, глянул на выглядывающего из ячеи князя. — Не беспокойся, отец, я не подведу.

Он с головы до ног оделся в световую вуаль и исчез. Вслед за ним, с небольшим опозданием, исчез Майкл Лондон.

— Черт побери! — пробормотал ошеломленный Джума, тоже выглянувший из своей ячеи, встретил взгляд Железовского. — Быстро же прогрессирует твой правнук!

— То ли еще будет, — невозмутимо пообещал Аристарх.

Корректировать перемещение не понадобилось.

Дар оказался в центральном зале мантоптерского корабля, похожем на плохо освещенный бугристый бычий желудок. Здесь находилось нечто вроде капитанского мостика или рубки, откуда хозяева корабля могли управлять им. Никого в рубке не было, зато посреди висели светящиеся картины, которые Дар уже не чаял когда-нибудь увидеть. Хроники. Хроносрезы.

Рядом соткалась из воздуха фигура Лондона.

— Когда ты этому научился? — с удивлением спросил он.

Воздух в рубке крейсера почти не имел кислорода, но звук проводил исправно.

Дар не ответил. Раздувая ноздри, он смотрел на картины — входы в иные миры — и жадно ловил звуки, долетавшие оттуда. Сделал шаг к ним.

Лондон предостерегающе поднял руку:

— Осторожно, хроники активированы.

— Они там! Отец Даши и она сама!

— Меня больше волнует Шаламов. Я чувствую его запах.

— Он тоже там.

— Почему ты так уверен? Ты же утверждал, что Даниил сбежал в эйнсоф.

Дар порозовел.

— Через эйнсоф можно выйти за пределы нашей Вселенной. В нем пересекаются другие пространства...

— Ветви Древа Времен. Интересно, откуда тебе стало известно об этом?

— Мне оставили з н а н и е...

— Ах, да, я забыл, что Клим сидел «в засаде» внутри тебя. Тем не менее мы не можем идти за ним.

— Можем! — возразил Дар, упрямо боднув лбом воздух. — Я з н а ю, как раскрыть хроник изнутри и вернуться.

Лондон пристально посмотрел на княжича, отметив переливающуюся по его жилам с и л у. Парень успел полностью восстановиться, хотя еще четверть часа назад едва мог разговаривать. Хотя чему удивляться? Его звала на подвиги любовь!

— Да, Климу когда-то удалось проделать этот трюк. Он освободил жену с дочкой и вытащил Даниила. Лучше бы не вытаскивал, тогда мы не имели бы проблем с ним сегодня.

Дар сделал два быстрых шага к сияющим картинам хроносрезов, полуобернулся:

— Можете остаться... для подстраховки...

Лондон улыбнулся, легко читая недосказанное: «если боитесь», — но возражать не стал. Он вполне понимал чувства молодого интрасенса, обладающего магическими возможностями, да и вряд ли смог бы его остановить.

— Идем, только сообщим нашим о находке.

В то же мгновение оба уловили мысленный вызов. Железовский, обеспокоенный их молчанием, вышел на связь первым:

«Где вы? Почему молчите?»

«Все в порядке, — ответил Лондон. — Обнаружили активированные хроносрезы. Очевидно, Шаламов и Мальгин вошли туда. Мы идем за ними».

«Не сходите с ума! Вы застрянете!»

«Не застрянем, дед, — вставил мыслеслово Дар. — Хроники активированы не так, как раньше, с поворотом времени. Это действительно входы в тоннели, которые ведут к черной дыре. Мы попытаемся догнать ушедших и вернуться».

«Мне кажется, вы делаете ошибку».

«Сынок, ты уверен, что эта дорога приведет тебя куда надо?» — прилетела мысль князя.

«Да, отец!»

«Дорога... — хмыкнул Железовский. — Русские испокон веков называли дорогой то бездорожье, где собирались про-

ехать. Ну и родственнички мне достались, один рисковее другого!»

«До связи, джентльмены, — попрощался Лондон. — Ждите нашего возвращения и не психуйте».

Они посмотрели друг на друга.

— Я никого там не вижу, какой вход выберем?

— Этот! — без колебаний указал Дар на более яркую картину, в которой жил динозавр.

— Пошли.

Один за другим они нырнули в светящийся прямоугольник, пробили тонкую упругую пленку некоего силового поля, предохраняющего хроносрезы от схлопывания, и оказались в другом мире.

В ноздри ударил незнакомый аромат. Воздух был напоен странными запахами, густой и плотный, но дышать было легко.

Справа за рошей деревьев с перекрученными стволами и шапками белоснежной пены — листвы на ветвях — начинались горы, вершины которых, покрытые льдом, сверкали всеми оттенками голубого цвета.

Впереди начинался спуск в узкую долину, поросшую шаровидным цветущим кустарником темно-сиреневого цвета, по дну которой текла река. Долина уходила к горизонту и вливалась в ущелье, прорезавшее стену гор.

Слева начинался пологий подъем к вершине холма с какими-то живописными развалинами.

Динозавр, закованный в зеркально-ромбовидную броню, сидел за грудой камней, упираясь передними лапами в громадный валун, и внимательно смотрел на пришельцев янтарно-прозрачными узкими глазами с вертикальным зрачком. В глазах его светился ум и неподдельный интерес, и Дар внезапно сообразил, что перед ними разумное существо!

Он оглянулся.

За спиной висел туманно-серый шар: таким из этого мира виделся выход в родную Вселенную.

Лондон понял его взгляд по-своему:

— Не бойся, эта зверюга нам не помешает, уйти мы всегда успеем.

— Я не боюсь, — покраснел молодой человек, — но эта... этот страж понимает нас.

Динозавр открыл пасть, стрельнул раздвоенным языком и закрыл. Судя по всему, этот жест означал улыбку.

В головах людей зашипели-забормотали тихие голоса, слились в один:

«Мы-я приветствовать вы наша граница... мы-я надеяться понимать вы... мы-я удивлять... вас много сразу... такой не быть никогда ране... вы понимать мы-я?»

«Похоже, ты прав, — перешел на мыслесвязь Лондон, — по сути он говорит, что мы не первые. Значит, Дан и Клим где-то здесь».

«Он знает наш язык?»

«Едва ли, он просто читает наши мысли и вытаскивает наиболее подходящие слова».

«Мы понимаем вас, — обратился к разумному динозавру Дар. — Мы ищем своих друзей, двух мужчин и девушку... женщину. Куда они пошли?»

«Мы-я просить прощение... говорить медленно... мы-я плохо понимать быстро... повторить медленно... спасибожалуйста...»

Дар нетерпеливо повторил:

«Мы ищем друзей, таких же, как мы, людей. Их трое: двое мужчин и женщина. Куда они направились?»

«Вы приходите-уходить люди... мы-я не понимать причина... быть один, долго, и уходить, быть два, уходить один, быть еще два... нет выход, быть вы два...»

«Шаламов появлялся здесь не один раз, — перевел речь динозавра Лондон. — Сначала он был с кем-то, очевидно, с дочкой Клима, потом вернулся на Землю, где и сразился с вами. А потом сбежал сюда уже с Климом. Мы догоним их».

«Мы не знаем, где их искать».

«Скорее всего путь у нас один — вперед. По-видимому, этот мир — зона перехода в тоннель, ведущий в черную дыру. Кстати, не мешало бы выяснить, в какую именно. Наверняка зона пространственно ограничена и сама собой переходит в тоннель».

«Жаль, что здесь не стоит указатель: направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — богатым будешь, прямо пойдешь — пропадешь ни за грош».

Лондон засмеялся.

«Камни на распутье бывают только в сказках. Нам они не нужны. Этот зверь не зря сидит у входа, он либо приврат-

ник, либо страж, предназначенный ждать путников и указывать дорогу».

«Или не пускать».

«Посмотри на него: он страдает от одиночества и жаждет побеседовать с любим, кто появится».

«У нас нет времени беседовать с ним».

«Пару вопросов задать можно».

Лондон сделал несколько шагов к гигантскому динозавру, смотревшему на него сверху вниз мерцающими глазами, в которых действительно плавилась необычная печаль.

«Кто ты и зачем здесь сидишь? Кого ждешь?»

«Мы-я последний из Ушедших, — почти без акцента ответил динозавр. — Страж Горловины. Жду Вершителя. Он придет, и я уйду за Ушедшими».

«Здесь недавно были два Вершителя, хотя и совсем разные. Помоги отыскать их, и обрешь желанную свободу».

«Мы-я никогда не быть свободно. Так есть закон: что иметь начало — иметь конец. Мы-я есть конец. Цивилизации исчезнут. Звезды погаснут. Свет сменится тьмой. Что останется? Только память вечности. Мы-я — память».

«Ты философ, однако».

«Я просто жду».

«Что ж, если такова твоя судьба — жди. Нам же надо догонять ушедших вперед. Как сделать это быстро?»

«Все зависит от силы вашего желания. Ваш путь — туда. — Динозавр протянул лапу к ущелью. — Но хочу предостеречь: не переходите границу Черного Предела, иначе не вернетесь».

«Спасибо, дружище, постараемся не перейти».

«Желаю удачи. — Динозавр все увереннее формулировал свои мысли. — Ни пуха ни пера».

«К черту!» — ответили оба.

«Как насчет полета? — поинтересовался Лондон. — Лететь сможешь? Или я понесу тебя?»

Вместо ответа Дар медленно поднялся в воздух, завис над землей.

«Понятно, — хмыкнул бывший комиссар безопасности, — это упрощает задачу. Не отставай».

Лондон тоже взвился в воздух и помчался к горам, держась над серединой долины. Дар последовал за ним.

Динозавр проводил их задумчивым взглядом, уронил тяжелую уродливую голову на лапы, уснул. Но вскоре пошевелился, открыл глаза, поднялся на холм, к развалинам. Долго смотрел на ущелье, где скрылись земляне, затем решительно затопал в ту же сторону.

Долину пересекли быстро, углубились в ущелье с прозрачно-голубыми слоисто-ледяными стенами. Ущелье петляло, суживалось. Его стены постепенно темнели, голубизна и прозрачность льда сменились серой, фиолетовой и бурой плотностью горных пород. Небо над головой тоже потемнело, из сиреневого стало багровым и коричневым. Подул ветер — в спину.

Лондон замедлил полет.

«Ничего не чувствуешь?»

«Ветер...»

«Да, это эффект соединяющихся сосудов с разным давлением газов. Я имел в виду другое».

Дар прислушался к своим ощущениям. Летать свободно ему не приходилось, поэтому на поддержание процесса уходило почти все внимание. Сознание подключило резервы психики, перешло на уровень о з а р е н и я. Показалось, что откуда-то из подземелья доносится тоненький девичий голосок:

— Да-а-а-ар...

«Я слышу!»

«Молодец, поймал ментальное эхо. Мы на верном пути. Они проходили здесь совсем недавно, какие-то минуты, если не секунды назад».

Ущелье внезапно сжалось, нырнуло под землю, превратилось в тоннель с чешуйчато-ребристыми фиолетовыми стенами.

«Держись ближе. Не отставай».

Ветер усилился. В воздухе замелькали серебристые тающие нити, будто в тоннеле началась странная метель.

Снова Дару послышался далекий голос Дарьи. Он резко увеличил скорость полета и едва успел затормозить, вылетев на край пропасти.

Тоннель кончился, выведя путников в гигантскую пещеру с мерцающими необычным красивым узором стенами.

Впрочем, это была не пещера.

Озарение все еще поддерживало молодого человека, и он увидел-ощутил б е з д н у, свернутую впереди в тугой черный с бешено крутящимися паутинками света вихрь. Это, очевидно, и была граница Черного Предела, о которой предупреждал страж Горловины, или г о р и з о н т черной дыры.

Удар в спину!

Взмахнув руками, Дар едва не свалился в пропасть. Но его удержала сильная рука Лондона.

«Не спеши в пекло поперек батьки! Нам туда не надо!»

Удар в спину оказался порывом ветра из тоннеля. Бездна высасывала из него воздух, и в такт пульсациям призрачного вихря «на горизонте» порывы ветра то ослабевали, то усиливались. Но если бы ветра не было, дышать здесь было бы нечем.

Затем Дар ощутил небывалую абсолютную тишину этого мира и в недоумении посмотрел на спутника:

«Я ничего не слышу!»

«Мы находимся в пространстве с другими метрическими и физическими характеристиками. Человеческие чувства здесь почти не работают, переходи на паранормальную энергетику, включай резерв на всю катушку, а то долго не продержишься!»

Дар послушно отдался стихии внутреннего пси-резонанса, и сразу диапазоны его видения расширились. Он ощутил всю глубину kloкочущей бездны, которая представляла собой черную дыру, почуял ее мощь, уловил биение пульса жизни и м ы с л и внутри нее.

«Святые наставники!»

«Н е с м о т р и на нее! Одуреешь! Думай о решении главной задачи!»

Дар очнулся, с трудом привел мысли в порядок, сбрасывая с себя липкий, дурманящий, засасывающий взгляд черной дыры. Попытался не думать о бездне, начал всматриваться в удивительную структуру «пекла» — пограничной зоны черной дыры. Внимание привлекли три постепенно гаснущих луча, похожих на следы метеоров в атмосфере Земли. Они летели один за другим и казались странно живыми, теплыми, волнующе знакомыми, как воспоминание о детстве. Первый след-луч был золотистым, второй багровым, третий голубовато-зеленым.

— Даша! — беззвучно прошептал молодой человек, бросая в черную пропасть мысленный зов.

Ответ пришел спустя мгновение:

«Дар! Любимый мой! Где ты?!»

— Я иду за тобой, родная!

Лондон едва успел схватить парня за руку.

— Стой, торопыга! Оттуда возврата нет!

Дар рванулся.

— Я догоню их! Вон они летят!

— Вижу, не спеши, надо сначала придумать, как вернуться обратно.

«Привет, спасатели! — прилетела из бездны чья-то выразительная мысль. — Чрезвычайно рад вашему появлению!»

«Клим?! — отозвался Лондон. — Мы видим тебя и твоих спутников. Подскажи, как вытащить вас оттуда».

«Мы падаем на эргосферу коллапсара. По-видимому, это балдж — главная черная дыра нашей Галактики, если судить по ее полю тяготения. Прямой путь вам заказан — станете такими же пленниками черной дыры, как и мы. Я смог только приостановить падение, на большее не хватило сил, да и Дан сопротивляется, мешает. Если сможете — протяните мостик, я попытаюсь зацепиться, но будьте осто...» — Мальгин вдруг замолчал, будто выключил передатчик.

«Метеорные следы» — свидетельство падения двух магов и Дарьи в черную дыру — потускнели, стали едва заметными.

— Они сейчас исчезнут! — скрипнул зубами Дар. — Мы должны их спасти!

— Нужен мост.

— Какой мост?!

— Энергетический, силовой. Оставайся здесь. Я организую «струну», будешь удерживать меня.

— Как?

— Представь, что держишь меня за руку, и цепляйся за край обрыва. Сможешь?

— Не знаю... — Дар вдруг испугался, что они опоздают и Дарья навсегда исчезнет в черной пучине. — Смогу!

— Тогда крепись!

Лондон «подал руку» — на мысленно-волевом уровне. Дар «протянул» свою. Произошло нечто вроде короткого замыкания: энергосистемы обоих объединились. Затем Лон-

дон прыгнул с обрыва в бездну и превратился в поток лунного света, унесся к горловине черной дыры, оконтуренной призрачным световым вихрем.

Прошла секунда, другая...

Дар напрягся, «растопырился» в пространстве, цепляясь за ребра и неровности края тоннеля, и вовремя: чудовищный рывок едва не выдернул его из устья тоннеля в пропасть! Сознание померкло. Дар застонал, понимая, что силы на исходе и что сейчас он «выпустит руку» Лондона.

«Майкл!»

«Поднапрягись, парень! — донесся ответ. — Еще чуть-чуть... мне не хватает какого-то сантиметра... я их вижу...»

«Нам нужна помощь... я не могу...»

«Потерпи, дружок, скоро все кончится».

Перед глазами завертелись огненные колеса.

— А-а-а! — беззвучно закричал Дар, чувствуя, как мышцы рук и ног начинают рваться, а сердце вот-вот лопнет от напряжения.

В голову вдруг проникла струйка свежести, неся с собой облегчение и горячий разряд энергии.

«Держись, чистодей! — раздался в голове гулкий мыслесигнал Железовского. — Мы уже на подходе!»

«Дед?!» — изумился Дар.

«И не один!»

Дар почувствовал приближение какого-то массивного живого существа. Пол тоннеля под ногами начал вздрагивать. Затем в зыбком свете стен показалась апокалиптическая фигура гигантского ящера. Это был страж Горловины, с которым несколько минут назад — или часов? суток? — беседовали гости. А верхом на нем восседал Аристарх Железовский собственной персоной. Глаза математика пылали, как два факела, вставшие дыбом волосы образовали корону вокруг головы, лицо светилось изнутри такой незыблемой уверенностью и спокойствием, что Дар невольно расправил плечи.

«Как ты вовремя, дед! Помоги вытащить наших, присоединяйся».

«Это мы мигом!»

Дар почувствовал мгновенное облегчение, будто с плеч сняли тяжелую ношу, но радоваться помощи не было времени. Пока Железовский и Лондон обменивались только им

одним понятными смысловыми «картинками», он нащупал соединявшую всех троих энергосиловую «струну» и шагнул на нее, как на вибрирующий, готовый в любой момент рухнуть в пропасть мост.

Тело свело судорогой.

Он стиснул зубы, чтобы не закричать от боли, сделал шаг, другой, побежал...

«Ты куда?! — спохватился Железовский. — Вернись! Ты не выдержишь перехода!»

Но Дар не отозвался. Он уже набрал скорость и превратился в тающий «метеорный след», устремившийся в самое сердце черного вихря. О себе он в этот момент не думал, думал о той, которая любила и звала его.

Сознание тоже сжалось в линию. Все мысли и чувства отступили за пределы одного-единственного желания — догнать падающих в черную дыру, дотянуться, вцепиться, вытащить из бездны! Душу объела небывалая пустота, и из этой пустоты послышался необычайно мягкий и глубокий голос:

«Ты не боишься?»

«Чего?» — ответил кто-то внутри Дара вопросом на вопрос.

«Смерти, небытия».

«Нет!»

«Но ты можешь погибнуть».

«Я хочу спасти ее! И отца!»

«Даже ценой жизни?»

«Без нее моя жизнь не имеет смысла!»

«Жизнь вообще не имеет смысла. Но ты имеешь право на личную позицию. Желаю удачи».

«Кто ты?!»

Неизвестный собеседник Дара рассмеялся.

«Иногда меня называют Принципом оптимизации реальности, иногда Богом данного мгновения. Как кому нравится».

«Если ты Бог — помоги мне!»

«Зачем? Ты и сам справишься... если захочешь».

«Я хочу!»

«Не сомневаюсь. До встречи, будущий Вершитель».

Пустота перестала смотреть на Дара и оценивать его возможности, голос пропал.

Дар опомнился, усилием воли вернул себе способность ощущать пространство и время.

«Мостик», созданный Майклом Лондоном, закончился. Впереди загорелся тусклый багровый глаз, вокруг которого выросли «ресницы» извилистых молний. Граница Предела, вход в черную дыру. В багровом свете медленно гасли три «соринки» — паутинки света. Они были невероятно далеко... и совсем близко, если верить ощущениям. Их и «пальцы руки» Лондона разделяло расстояние всего в доли миллиметра — по впечатлениям Дара, и в то же время — колоссальная бездна гравитационных сил!

«Хватайся!»

Дар вцепился своей мысленной «рукой» за «руку» Лондона, прыгнул вперед изо всех сил...

Тело пронзил миллион молний!

Боль почти погасила сознание!

Но он все-таки дотянулся до чьей-то «руки» — это была мысленная «рука» Мальгина, — дернул ее на себя...

Последнее, что он услышал, был крик жены:

— Да-а-ар! Милый! Держись!..

ГЛАВА 22

ВЫБОР

На лицо упала капля влаги.

— Дождь... — прошептал он, вспоминая шуршание капель дождя по листьям деревьев.

— Очнулся, чистодей, — проговорил кто-то невидимый.

— Я же говорил — сильный парень, — отозвался второй. — Из него выйдет толк.

— Моя порода, — пробасил третий с усмешкой.

Щеку обожгло чье-то горяче-нежное прикосновение... губы...

Дар разлепил глаза.

Он лежал на овальном возвышении в рубке «осинового» корабля, мчавшегося полным ходом к Земле. Фасетчатые «экраны» рубки показывали огненное горнило Солнца, и рубку заливал плотный, ощутимо — даже не жидкий — твердый свет! Кто-то приказал инку корабля изменить поляризацию видеосистем, сразу стемнело, Солнце исчезло, наступи-

ла темнота, хотя это была всего лишь реакция зрения людей на изменение интенсивности света.

Дарья сидела рядом и держала его за руку. На ее щеках блестели две мокрые дорожки от слез. В глазах девушки стояли страх и надежда. Пунцовые искусанные губы улыбались.

— Живой... — прошептала она, словно не веря себе самой.

Он повернул голову.

Вокруг стояли мужчины, переговариваясь между собой.

Отец, Клим Мальгин, Майкл Лондон, Джума Хан, Ромашин, Аристарх Железовский. Дар шевельнулся, и они замолчали.

— Ну, как ты? — вполголоса спросил князь, улыбнувшись сыну одними глазами.

— Нормально, — проговорил Дар, сделав усилие: губы не слушались, горло сдавил спазм, мышцы болели. — Мы... все-таки... успели...

— В самый последний момент.

Дар посмотрел за спину отца. Там, у стены рубки, висели в воздухе слабо мерцающие картины — хроники.

— Шаламов?..

— Дан стал тем, кем стремился стать, — сказал Мальгин. — Частью черной дыры. Маатанин внутри него оказался сильнее человека.

— Мне... его... жаль...

— Мне тоже, — грустно кивнул отец Дарьи. — Но я не всемогущ. Один я не смог бы вытащить даже Дашку. Если бы не вы...

— Если бы не он, — положил огромную руку на плечо праправнука Железовский. — Это его заслуга, он вас вытащил.

Дар порозовел.

— Я был не один... вы сделали основное...

— Ну, теперь начнутся соревнования в джентльменской вежливости, — засмеялся Джума Хан. — Не надо искать героев. Все сработало великолепно. Хотя кое-кто оказался самым непослушным.

— Он спас меня и папу! — заступилась за Дара Дарья. — И победителей не судят!

Железовский подмигнул Дару. Тот слабо улыбнулся, притянул к себе жену, поцеловал в губы.

Мужчины переглянулись, отошли от целующейся пары.

— Итак, на чем мы остановились? — проговорил сосредоточенный, как всегда, Ромашин.

— Что делать дальше, — пожал плечами Джума. — Выбор у нас небольшой, всего два варианта: либо остаться жить здесь, вместе с родственниками, если, конечно, князь примет нас в общину (Бояр кивнул: приму, мол), либо возвращаться в свое время и продолжать бороться, возрождать Сопротивление. Здесь мы черную силу вроде бы одолели, а там все еще продолжается черное время.

— Ты-то сам к какому варианту склоняешься?

Джума подумал.

— Честно? Я бы остался.

Ромашин посмотрел на Железовского:

— А ты?

— Я бы тоже остался, — мрачно пробасил Аристарх, — но мы не имеем права бросать в беде товарищей. Без нас Сопротивление прекратит существование. А это значит, что интрасенсы будут в конце концов уничтожены существующей властной системой.

— Есть еще один вариант, — рассеянно сказал Лондон.

Аристарх, прищурясь, глянул на Мальгина, как бы приглашая его присоединиться к дискуссии, но тот молчал, искоса поглядывая на молодых.

— Какой?

— Эйнсоф.

— Что ты хочешь сказать? — удивился Джума.

— Вы уже знаете, что эйнсоф является своеобразным перекрестком миров, узлом пересечения сотен или даже тысяч Ветвей Дендроконтинуума. Нырнув в него, мы можем отыскать матричный файл Земли, куда можно будет переселить всех изгнанных из этой Метавселенной.

— То есть ты предлагаешь нам стать Живущими-за-Пределами?

— Почему бы и нет?

Все одновременно посмотрели на продолжавших обниматься Дара и Дарью, вокруг которых вдруг просияла вуаль янтарно-золотистого света.

— Лучистое человечество... — тихо произнес Игнат Ромашин. — Четыреста лет назад о таком мечтал Циолковский...

— Не четыреста, а почти четыре тысячи лет.

— Смотри с чем сравнивать.

— Неважно.

— Пора решать, — напомнил о проблеме прагматичный Лондон.

Мальгин повернулся к ним лицом, по губам его скользнула странная улыбка.

— А вам не кажется, судари мои, что выбор — за ними?

Москва, февраль 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНАЯ СИЛА. Роман

ЧАСТЬ I. ВЧЕРА

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	51
Глава 5	63
Глава 6	78
Глава 7	89
Глава 8	103
Глава 9	115
Глава 10	123

ЧАСТЬ II. СЕГОДНЯ

Глава 1	136
Глава 2	150
Глава 3	161
Глава 4	176
Глава 5	186
Глава 6	196
Глава 7	204
Глава 8	215
Глава 9	225
Глава 10	239

ЧАСТЬ III. ЗАВТРА

Глава 1	249
Глава 2	263
Глава 3	275
Глава 4	287

Глава 5	297
Глава 6	310
Глава 7	324
Глава 8	327
Глава 9	338
Глава 10	344
Глава 11	352
Глава 12	357
Глава 13	369

ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ. Роман

Глава 1. АТАКА	383
Глава 2. ТРИ ТЫСЯЧИ ЛЕТ СПУСТЯ	399
Глава 3. ЗАПАСНАЯ БАЗА	409
Глава 4. «КРОТ»	423
Глава 5. ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА	439
Глава 6. КЛАССИФИКАТОР	455
Глава 7. ПОГРУЖЕНИЕ В СТАКАН	465
Глава 8. ЧЕЛОВЕК — ДА	482
Глава 9. СОБЛАЗН	497
Глава 10. ОСЫ ПРОТИВ БОГОМОЛОВ	509
Глава 11. ИДЕАЛЬНЫЙ ЗАХВАТ	525
Глава 12. ЯРОСТЬ ПСИНЕУРА.	539
Глава 13. ПРЕДЛАГАЮ ОБМЕН	554
Глава 14. КУБОИД	565
Глава 15. Я ВАС НЕНАВИЖУ!	578
Глава 16. ГОРЕМЕ	591
Глава 17. СТРАННЫЙ АТТРАКТОР	603
Глава 18. КОЛЛАПС ШИВ КУМАРА	618
Глава 19. ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...	630
Глава 20. ХИРУРГ И ЗВЕРЬ	641
Глава 21. ВЫБИРАЮ ЖИЗНЬ	650
Глава 22. ВЫБОР	664

Литературно-художественное издание
Головачев Василий Васильевич

ЧЕРНАЯ СИЛА. ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.
- В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
- В Казани:** ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
- В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
- В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
- В Киеве:** ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
- Во Львове:** Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 08.12.2005
Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 35,28.
Тираж 5000 экз. Заказ 3207.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

классик отечественной фантастики

Романы Звягинцева
открыли новую страницу
в жанре альтернативной
фантастики

«Одиссей покидает Итаку»
и «Дырка для ордена» —
суперпопулярные сериалы
писателя

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Дырка для ордена»,
«Билет на ладью Харона»,
«Одиссей покидает Итаку»,
«Разведка боем», «Вихри Валгаллы»,
«Андреевское братство», «Бои местного значения»,
«Время игры».

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов –
знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны
называют Орлова «русским
Эдмондом Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжения
«Штурм базы»
и «Испытание огнем»
написаны в традиционном
для автора жанре –
«фантастический боевик»!

**НОВАЯ
книга!**

Также в серии:
«Тени войны»
«Атака теней»
«Двойник императора»
«Особый курьер»

ISBN 5-699-14833-7

9 785699 148332 >